

**К 90-летию Института географии
Российской Академии Наук**

**ГЕОГРАФИЯ
МИРОВОГО РАЗВИТИЯ**

ВЫПУСК 1

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Под редакцией Л.М. Синцера

**Институт географии РАН
Москва
2009**

УДК 911.3(100)
ББК У04

География мирового развития. Выпуск 1: Сборник научных трудов /
Под ред. Л.М. Синцера. — М.: Институт географии РАН, 2009. —
606 с.

ПЕЧАТАЕТСЯ ПО РЕШЕНИЮ УЧЁНОГО СОВЕТА ИНСТИТУТА
ГЕОГРАФИИ РАН

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского
фонда фундаментальных исследований (проект 07-06-00398)

Рецензенты:

Н.С. МIRONENKO, доктор географических наук, профессор, заведующий
кафедрой географии мирового хозяйства географического факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова;

В.А. ШУНЕР, доктор географических наук, профессор, Институт
географии РАН.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: *Ю.Н. Гладкий, В.П. Дронов,*
В.А. Колосов, Г.Д. Костинский, Г.М. Лаппо, Д.Л. Лопатников,
Т.Г. Нефёдова, Г.В. Сдасюк, Л.М. Синцеров, Н.А. Слука,
В.Н. Стрелецкий, С.А. Тархов, А.И. Трейвиш.

Ответственный редактор сборника:

Л.М. Синцеров, кандидат географических наук, заведующий
лабораторией географии мирового развития Института географии
РАН.

Сборник научных трудов «География мирового развития» является
первым выпуском одноимённой серии, издание которой иницииро-
вано сотрудниками лаборатории географии мирового развития Ин-
ститута географии РАН. Коллективом авторов, включающим геогра-
фов, экономистов и демографов, предложен целый ряд новых подхо-
дов к изучению широкого спектра вопросов развития человечества.

Издание предназначено для научных работников, преподавате-
лей высшей школы, аспирантов и студентов ВУЗов.

ISBN 978-5-94101-209-8

© Авторы статей, 2009

© Институт географии РАН, 2009

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
I. ГЛОБАЛЬНЫЙ МИР	8
География и развитие	
<i>А.И. Трейвиш</i>	8
Глобальные города в современной архитектуре	
мироустройства	
<i>Н.А. Слука</i>	44
Структурирование мирового хозяйства в системе	
континентально-океанической поляризации	
<i>Л.А. Безруков</i>	75
Глобализация и проблемы устойчивого развития	
<i>Л.Г. Руденко, С.А. Лисовский, Е.А. Маруняк</i>	98
Географическое разделение труда	
постиндустриального времени	
<i>Д.Л. Лопатников</i>	118
Глобалистика: множественность образов,	
географическое осмысление	
<i>Ю.Н. Гладкий</i>	130
Кризис геосферы	
<i>А.Д. Арманд</i>	146
II. ГЕОГРАФИЯ НАСЕЛЕНИЯ И ДЕМОГРАФИЯ	179
Мировое развитие, рост численности населения и его	
обеспеченность основными природными ресурсами	
<i>А.В. Акимов</i>	179
Урбанизация в развивающихся странах:	
современный этап	
<i>Е.А. Брагина</i>	202
Инварианты развития урбанизационных процессов	
и иерархия систем расселения	
<i>А.А. Важенин</i>	220
Подъём и упадок эмиграции из Европы	
<i>Л.М. Синцеров</i>	233
III. ОТРАСЛИ МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА	254
Мировая нефтехимическая промышленность	
в начале XXI века	
<i>О.Б. Брагинский</i>	254

Алмазно-бриллиантовый комплекс мира	
<i>Т.И. Потоцкая</i>	273
Территориальная структура мировой нефтедобывающей промышленности и международные отношения	
<i>И.Ю. Егоров-Тисменко</i>	301
Мировой лесопромышленный комплекс на современном этапе	
<i>А.В. Хохлов</i>	325
Энергетическая безопасность как фактор развития мировой энергетики	
<i>Т.И. Горкина</i>	348
Сдвиги в географии мирового сельского хозяйства	
<i>Л.А. Аксёнова</i>	373
География международного туризма	
<i>А.Ю. Александрова</i>	393
Пространственная и временная неравномерность в развитии мобильной связи как одно из противоречий процесса глобализации	
<i>С.А. Тархов</i>	424
IV. РОССИЯ И ЗАРУБЕЖНЫЕ СТРАНЫ	431
Сельское хозяйство России на фоне Европы: изменения 1990–2006 гг.	
<i>Т.Г. Нефёдова</i>	431
Социальное развитие России в глобальном контексте	
<i>Н.Н. Ключев</i>	455
Стратегия и практика районной планировки: вызовы времени	
<i>Е.Н. Перцик</i>	471
Географические аспекты российско-китайских торговых отношений на современном этапе	
<i>А.И. Салицкий</i>	487
Индия: экономический подъём, изменение структуры хозяйства и региональные проблемы развития	
<i>Г.В. Сдасюк</i>	519
Истоки европейской интеграции: Ганза	
<i>С.В. Одессер</i>	542
Италия постиндустриальная	
<i>Т.А. Галкина</i>	565
Влияние внешнеторговых связей Китая и США на отраслевую структуру американской промышленности	
<i>Н.К. Куричев</i>	582

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 2008 г. отмечается 90-летие одного из старейших академических учреждений нашей страны — Института географии Российской академии наук. Этому славному юбилею посвящён первый выпуск сборника научных трудов «География мирового развития», в который вошли работы широкого круга авторов — географов, экономистов, демографов — сотрудников академических институтов, преподавателей высшей школы и специалистов-практиков. Их объединяет профессиональный интерес к различным аспектам развития человечества, так или иначе имеющим пространственную составляющую, входящим в поле тяготения общественной географии и её отраслей — географии мирового хозяйства, исторической географии, географии населения, промышленности, сельского хозяйства и сферы услуг, социально-экономической географии России и зарубежных стран, геоглобалистики и географии мирового развития.

Именно последнее направление, выкристаллизовавшееся в отечественной науке в 90-е годы XX века, является стержневым, системообразующим для авторского коллектива и для самого издания, замысливаемого как периодическая серия. Его ключевое понятие — мировое развитие. Как это ни парадоксально, термин «мировое развитие» не входит в тезаурус энциклопедий и справочной литературы. Приведём определение, сформулированное известным российским географом Ю.Г. Липецом, который стоял у истоков географического изучения феномена мирового развития. «Мировое развитие — это системное единство траекторий движения человечества в географическом, демографическом, экономическом, социальном, культурном и политическом пространствах. На разных этапах истории элементы взаимодействия этих траекторий и доминирование одной из них могут изменяться, непосредственно влияя и на самую направленность мирового развития».

Выход в свет этой книги продиктован давно назревшей необходимостью активизации исследований современного мироустройства, его архитектуры и пространственно-временной динамики, движущих сил и факторов эволюции. Задача расширения и углубления наших знаний о мире выходит далеко за рамки одного отдельно взятого научного направления, она настоятельно требует применения междисциплинарного подхода с привлечением специалистов, представляющих различные научные школы и традиции, вооружённых по-своему уникальным методологическим аппаратом, придерживающихся различных взглядов и воззрений. Это необходимо и для взаимного

обогащения смежных дисциплин, для заимствования новых идей, теорий и методов. В силу специфики географического мышления, географического видения действительности — связанного, комплексного, полимасштабного, привязанного к территории — именно интеграционный потенциал географии, её способность к синтезу современных знаний могут сыграть фундаментальную роль в развитии основ теоретических и эмпирических исследований, нацеленных на выявление базовых характеристик процессов мирового развития.

Среди тем и вопросов, поднимаемых на страницах первого выпуска «Географии мирового развития»: долгосрочные тенденции роста населения Земли, международное разделение труда в постиндустриальную эпоху, континентально-океаническая дихотомия в структуре мирового хозяйства, взаимосвязь географии и развития, процессы урбанизации и мировые города, отрасли мировой экономики (нефтехимия, алмазно-бриллиантовый и лесопромышленный комплексы, энергетика, сельское хозяйство, нефтедобывающая промышленность, туризм, мобильная связь) и их территориально-производственная структура, исторические корни европейской интеграции, современный подъём великих держав Востока, внешнеэкономические связи, сельское хозяйство и социальное развитие России в широком международном контексте, районная планировка, кризисные явления в геосфере, устойчивое развитие и международные миграции населения, глобализация и глобалистика.

Коротко об авторах статей: Акимов Александр Владимирович — доктор экономических наук, заведующий отделом экономических исследований Института Востоковедения РАН, Москва; Арманд Алексей Давидович — доктор географических наук, Институт географии РАН, Москва; Аксёнова Людмила Александровна, кандидат географических наук, Институт географии РАН, Москва; Александрова Анна Юрьевна — доктор географических наук, профессор географического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова; Безруков Леонид Алексеевич — доктор географических наук, заведующий лабораторией георесурсоведения и политической географии Института географии им. В.Б. Совавы Сибирского отделения РАН, Иркутск; Брагина Елена Аркадьевна — доктор экономических наук, Институт мировой экономики и международных отношений РАН, Москва; Брагинский Олег Борисович — доктор экономических наук, заведующий лабораторией стратегии развития отраслевых комплексов Центрального экономико-математического института РАН, Москва; Важенин Андрей Андреевич — кандидат географических наук, заместитель генерального директора ГУП «Свердловскавтодор», Екатеринбург; Галкина Тамара Артаковна — кандидат географических наук, Институт географии РАН, Москва; Гладкий Юрий Никифорович — доктор географических наук, профес-

сор, член-корреспондент РАО, заведующий кафедрой экономической и социальной географии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург; Горкина Татьяна Ивановна, кандидат географических наук, Институт географии РАН, Москва; Егоров-Тисменко Иван Юрьевич — кандидат географических наук, заведующий отделом аналитики агентства RusEnergy; Ключев Николай Николаевич, доктор географических наук, Институт географии РАН, Москва; Куричев Николай Константинович — студент географического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова; Лисовский Сергей Антонович — доктор географических наук, заведующий отделом природопользования и сбалансированного развития Института географии НАН Украины, Киев; Лопатников Дмитрий Леонидович — доктор географических наук, профессор экономического факультета Московского гуманитарного университета, Москва; Маруняк Евгения Александровна — кандидат географических наук, учёный секретарь Института географии НАН Украины, Киев; Нефёдова Татьяна Григорьевна, доктор географических наук, Институт географии РАН, Москва; Одессер Самуэлла Вольфовна — кандидат географических наук, независимый исследователь, Гамбург; Перцик Евгений Наумович — доктор географических наук, профессор географического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, член-корреспондент Российской академии архитектуры и строительных наук; Потоцкая Татьяна Ивановна — доктор географических наук, Смоленский гуманитарный университет, Смоленск; Руденко Леонид Григорьевич — доктор географических наук, член-корреспондент НАН Украины, директор Института географии НАН Украины, Киев; Салицкий Александр Игоревич — доктор экономических наук, Институт мировой экономики и международных отношений РАН, Москва; Сдасюк Галина Васильевна — доктор географических наук, Институт географии РАН, Москва; Синцеров Леонид Михайлович — кандидат географических наук, заведующий лабораторией географии мирового развития Института географии РАН, Москва; Слука Николай Александрович — доктор географических наук, географический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова; Тархов Сергей Анатольевич — доктор географических наук, Институт географии РАН, Москва; Трейвиш Андрей Ильич — доктор географических наук, Институт географии РАН, Москва; Хохлов Антон Владимирович — кандидат географических наук, исполнительный директор консалтинговой компании «ВЛАНТ», Тула.

И. ГЛОБАЛЬНЫЙ МИР

ГЕОГРАФИЯ И РАЗВИТИЕ

А.И. Трейвиш

НАУКИ О РАЗВИТИИ

Развитие — расхожее и коварное слово. Вспомним, что источник развития идеалист видит в мировом разуме, великой личности, а материалист — в самодвижении материи и сознания, прогрессист сводит его к росту, а циклист — к круговороту. Качественные сдвиги в уровне организации отличают развитие от динамики, сближая с эволюцией. Они могут быть восходящими и нисходящими, прогрессивными и регрессивными. Многие языки историческую эволюцию общества называют именно развитием.¹

Этот прихотливый искусственно-естественный процесс, где целенаправленность переплетается со стихийностью, повторяемость — с новообразованиями, изучен хуже, чем простые обратимые процессы. Часто считают, что XXI век станет веком биологии и затем социологии: знание жизни поможет понять ее социальные формы. Правда, *Homo sapiens* за тысячи лет мало менялся как вид, зато менялись его сообщества. Их развитие имело разный темп и направление, баланс обретений и утрат. Потерявши мы плачем, хотя еще Д.И. Менделеев [14] назвал полуребяческим плач даже таких «передовиков», как Ж.-Ж. Руссо и граф Л.Н. Толстой, по первичному патриархальному быту. Для других развитие ценно само по себе, не только из-за результата, но и как процесс. Что знает о нем наука и какая (какие)?

Самое позднее с XVIII в. идея развития овладевала умами и странами, превращаясь порой в идефикс. В системы ценностей и практик ряда наций прочно вошла установка на развитие. Тем, кто боялся пе-

¹ Кстати, смыслы, забытые одним языком, помнят другие. У нас развитие буквально значит развертывание, а *development* по-английски — это и проявка пленки, застройка, новация, освоение. Русская география давно представляет освоение территории как перманентное: за пионерной волной идут другие, именуемые также реконструкцией, модернизацией, т.е. тоже развитием.

ремен, кроме циклических, и жалел об «утраченном рае», этот *девелопментализм* был чужд. Так раньше называли теории прорывного развития отсталых стран (1970-е гг. ООН объявляла десятилетием развития). Прорывы были редкими, а термин выжил. Д. Аптер вписал его в теорию политических инноваций [29]. В словаре Н.Е. Яценко [28] он охватил все концепции прогрессивного развития. В.Л. Цымбурский упоминал глобальную геокультуру *девелопментализма*, включая ее русскую, ленинскую версию [24].

«Науку о развитии», как часть этой культуры, можно назвать *девелопментологией*, или *развитиеведением*. Этот обычный для современного знания конгломерат множества дисциплин актуален и для России. Хотя в годы кризиса она теряла научные кадры, они старели, им было не до теорий, поиск нового места в мире стимулировал поиск законов развития. Все больше трудов о его пространственных аспектах. В.Л. Глазычев во введении к одному из них писал о *пространственном развитии* [26]. Еще раньше А.Б. Савченко выделял его как триаду интернационализации, регионализации и урбанизации [21]. Первый процесс сейчас назвали бы глобализацией, а национализация явно пропущена — возможно, как «неактуальная». Развития нет вне времени и пространства. Так, по К. Марксу, каждая ступень развития производительной силы требует своего пространства. Другие постулаты гуманитарной *девелопментологии* в заимствованных у разных авторов или в собственных формулировках вкратце таковы.

1. Развитие мира людей не сводимо ни к прогрессу экономики, ни к биоэволюции, где царит принцип А. Теннисона: «Как бережет она весь род, так равнодушна к единичной жизни». Социальный прогресс, по идее, повышает цену личности, ее воспроизводства и степень свободы. «Развитие как свобода»: так названа одна из книг нобелевского лауреата А. Сена [19], идеолога Программы развития ООН.
2. Развитие человечества есть, прежде всего, развитие разума. Методологи школы Г.П. Щедровицкого толкуют давний тезис инструментально: и мышление, мировоззрение, и технологии, практики деятельности. Другие авторы считают развитие информационным феноменом [3]. Но тоже близко к мнению булгаковского профессора Преображенского. Если разруха в головах, там же должен гнездиться ее антипод.
3. Развитие неравномерно: неповсеместно и асинхронно. Его порождают различия, а оно усиливает их хотя бы из-за очаговости нововведений. «Кто-то прорывается, — пишет П.Г. Щедровицкий [26]. — Все остальные выстраиваются относительно этих точек прорыва в сложную, асимметричную и эшелонированную систему догоняющего развития». Кроме догоняющего, опережающе-

го и отстающего, есть другие типы развития: креативное, адаптивное и негативное (отторгающее), идущее в режиме преемственности или замещения, атаки или обороны и т. д.

4. Развитие волнообразно, ибо волне подобны жизненные циклы массы явлений. На территории они становятся волнами диффузии расширения, смещения либо вторичного сжатия, которые стирают исходное неравенство, воспроизводят его (если не мигрируют сами очаги импульсов) или усиливают. Отсюда социальная драма: богатые богатеют, а бедные беднеют. Как это влияет на развитие и чем регулируется весь процесс, описывает так называемая коллизия равенства и эффективности.²
5. Развитие, особенно пионерное, рискованно. Без предпринимательского риска и авантюры (*venture*) нет удачи в бизнесе. Нет и гарантий, ведь можно стать «страдательным материалом процесса развития», по П.Г. Щедровицкому. Выигрывают и проигрывают (т.е. делятся на *winners* и *losers*) индивиды, фирмы, нации, цивилизации. Вопрос в том, когда и как рисковать, кто платит за провал и вкушает плоды успеха.
6. Неравномерность экономического развития связана со сменой систем разделения труда и аккумуляции капитала, расслаивающих пространство в поисках прибыльных мест. Новые слои, ложась на старые, создают «текущий рельеф» [38]. Исторические бифуркации обычно усиливают контрастность центров и периферий, закрепляя различия в их девелопментализме. Но если центр не снабжает периферию инновациями, то его роль слабеет. Так можно описать распад малого ареала или целого СССР.
7. Развитие может исходить из внутреннего импульса и отвечать на внешний вызов. Схема «вызов–ответ» — часть исторической теории А. Дж. Тойнби. Вызовы суровых стран, новых земель, исторических ударов, внешнего давления у него носят типологический характер. Дело обществ и элит — найти достойный ответ, с которым Тойнби связывал само рождение цивилизаций.
8. Удачи в развитии, по А.С. Фетисову [4], часто связаны с явлением резонанса, когда попавшие в фазу воздействия на объект, как шаги солдат на мосту, дают кумулятивный или синергетический эффект. Особенно если резонируют разные структуры и факторы, внутренние и внешние. Но их фазы могут не совпадать: история знает случаи взлета отдельных стран на фоне мировых кризисов.

² Описанная 30 лет назад А. Оукеном [39], она включает разные аспекты, включая географический. Кстати, речь идет именно о равенстве, а не о справедливости. Неравенство может быть справедливым (по труду, способностям и т. п.), а равенство — несправедливой уравниловкой.

В этом наборе суждений есть пробелы. Где, когда и как развитие могло (может) пойти иначе? История и география избегают сослагательного наклонения, но без этого нет надежных моделей и прогнозов развития. Еще больше частных проблем. Так, теория диффузии инноваций Т. Хегерстранда, описывая пути нововведений, оставила в тени их рождение, его географические, исторические и прочие предпосылки.

ИСТОРИЯ И ГЕОГРАФИЯ РАЗВИТИЯ, ИЛИ «ВРЕМЯ, МЕСТО И ЗАГАДКА»

Развитием человечества «заведует» прежде всего жрица Хроноса история. Древние звали историка *translator temporis* — передатчиком, переводчиком времени. Время он понимает как череду событий, смену состояний общества. У них два адреса: когда и где, и тут не обойтись без географии. Н.В. Гоголь писал, что она должна разгадать многое, без нее неизъяснимое в истории. Ему вторили корифеи обеих наук: Э. Реклю, считавший историю географией во времени, а географию — историей в пространстве, А.Дж. Тойнби с его «потокм Жизни», который не понять, если не выделять в нем изгибы струй, пороги и тихие заводи, вздыбленные гребни волн и мирную гладь отлива.

Историки и географы ведут похожие споры о масштабах пространства-времени, типичном и уникальном, непрерывном и дискретном. Кроме общенаучных понятий и заимствованных из других сфер, у этих наук есть собственные, притом парные, связанные с некоторым подобием свойств времени и пространства. Такие параллели спорны (табл. 1), но полезны тем, что обнажают бреши и ошибки в терминах.³

Наши органы чувств воспринимают не пространство и время как таковые, а свет, тепло (энергию) и движение. Пространство истари мерили шагами и их скоростью, т. е. отношением ко времени. Даже заядлые хорологи, любители статики пространственных форм, не брезгают динамикой. Все же у каждого атрибута свои секреты. Время считают необратимым, в нем нельзя путешествовать. А земной путник может попасть в прошлое до каменного века, т. е. в места, где люди живут почти так же. «Стрела истории» метит в вечность, а стрелы развития летят вокруг Земли, возвращаются и, вопреки метафоре Гераклита, падают в те же Нил, Хуанхэ, Рейн, Волгу — ну почти те же самые, что раньше. Пока Хронос бежит вперед, Хорос не оставляет на Земле неведомых уголков. Она открыта и измерена, почти вся ее поверхность, к тому пригодная, как-то освоена.

³ Включая время и место, родовое и видовое понятия, в названии этого раздела. Или одно следует заменить моментом, или другое — пространством. Оставлены же они как некая формула (см. ниже).

Таблица 1

Некоторые «симметричные» категории истории и географии

Хронологические (исторические)	Хорологические (географические)
Процедуры и продукты классификации (систематики, таксонирования)	
Датировка	Локализация
Районирование	Периодизация
Стадия	Зона
Общественный уклад, формация	Территориальный комплекс, ландшафт
Эпоха, этап	Страна, макрорайон
Период, отрезок, фаза	Район, регион, ареал
Момент, дата	Место, пункт
Структурные элементы и звенья	
Исторический рубеж, сдвиг, переломное время	Географическая граница, барьер, порог
Ключевое событие, великая эпоха, осевое время	Центр, фокус, ядро, главная полоса
Темное (смутное) время, междоусобица	Окраина, внутренняя периферия
Анахронизм, реликт, исторический тупик	Анахоретизм (?), изолят, анклав
Отношения и системы отношений	
Юность – старость (исторический возраст)	Близость – удаленность (расстояние)
Историческая последовательность	Географическое соседство, смежность
Историческая ситуация	Географическое положение
Процессы	
Эволюция, развитие, исторические сдвиги	Диффузия, распространение, миграции
Рост, прогресс	Расширение, экспансия
Зарождение, инновационное развитие	Пионерное освоение, колонизация
Возрождение, обновление (модернизация)	Вторичное освоение, ландшафтная сукцессия
Дегресс, упадок, вырождение	Сжатие, разрежение, депопуляция

Между тем, «из благородного стремления к познанию и описанию новых земель возникло научное страноведение, достигшее наивысшего расцвета в XX веке и ушедшее вместе с ним» [25]. Правда, в этом веке открыли уже мало новых земель. Или все-таки открыли? Раз они меняются, их в некотором смысле нужно открывать заново. Конец истории (по Ф. Фукуяма) не вяжется с пестротой и метахронным развитием мира — богатством и проблемой страноведения, всей географии, пытающихся изучать свои объекты от геологии до идеологии. Защитники классической идиографии, описания уникальностей, от номотетиков, универсальных объяснителей, считают восхождение к единичному даже более высокой фазой познания, уступающей знанию всеобщего лишь степенью абстрактности [18]. П. Хаггетт эпиграфом к одной из глав

своего «Синтеза» взял строки Т. Элиота: «Я знаю, что время всегда время, а место всегда и только место и что действительность — это действительность только для одного-единственного момента времени и для одного-единственного места» [22].

Зачем объединять знания о комплексах разнородных феноменов — не справочно, а научно? Затем, что когда объяснения ненадежны, какое-то цельное понимание нужно все равно. Поступок соседа мы объясняем ситуацией, законами поведения людей, логикой объясняющего или личностью поступающего. А ландшафты — те же индивиды (по Л.С. Бергу). Мы их, конечно, типизируем, но понимаем неважно. Ясно, что они изменчивы и что нужно знать хотя бы характерное время изменений.

По словам А.С. Фетисова [7], роль географии в раскрытии механизмов развития общества часто кажется подсобной: они лежат вне ее предметного поля, и лишь результаты видны на всех уровнях геопространства. Правда, лет 200 назад климат, местоположение, характер народов считали причинами их разного развития. Потом географический детерминизм отвергли, по сути заменив экономическим, политическим, культурным с их достоинствами и пороками. Страноведение не должно теряться в ходе глобализации, ибо сама ее скорость усиливает различия. Многие сдвиги, приобретая глобальные масштабы исторически мгновенно, не успевают адаптироваться к специфике мест. Коммуникационное сжатие пространства-времени также увеличивает эволюционное многообразие мира. Его части находятся «за поворотами одной дороги», если верить концепциям единого развития, или «в смежных долинах», по гипотезе множественности его путей, затрудняя выработку общих моделей.

География развития, в отличие от традиционной исторической, изучает и прошлое, и настоящее, и будущее. Прикладными задачами служат прогнозы и рецепты хотя бы относительно устойчивого развития: последовательного, не тупикового и адекватного. Чему? Можно повторить за И. Гердером: *месту, времени и национальному характеру — переменным, необходимым и достаточным для понимания любого события*. Правда, их нельзя считать независимыми. Да и Гердер знал, что «время и пространство — близнецы, и одна у них мать — судьба» [5]. Они влияют на характер нации, хотя геодетерминисты ошибались, считая его неизменным: он меняется с ролью стран в мире, укладом их жизни.⁴ И сам влияет на пространство и время, делая привычными «вывихи» развития автохтонных культур или перенося на

⁴ Так, немцев в XVIII в. считали мирными бюргерами, романтиками, философами. Дух буйных конунгов, рыцарей, ганзейцев, активных и жестких рационалистов, дремал, пока его в XIX в. не разбудил Бисмарк, в XX — не мобилизовал Гитлер, а Эрхард не переплавил в экономическую энергию немецкого чуда.

новую почву (в Австралию, Америку, Сибирь) типы устройства общества и ландшафта, отношение к развитию.

Считается, что заданный климатом краткий сезон аграрных работ привил русским склонность к аритмичному труду, авралам и долгим спячкам. А чем тогда обеспечивался промышленный рывок 1930–50-х гг. на базе монотонного фордизма — только сталинской дисциплиной? И почему с трудом дается новая система: к прянику недостает кнута? Эта версия подозрительно проста. Вряд ли загадка по плечу какому-то одному детерминизму. И само слово не случайно. Западные знатоки технополисов (силиконовых ландшафтов) прибегают к формуле *время, место и загадка*. На роль отгадки претендует его величество случай, скажем в образе пассионария, но не всегда и не везде. Нужна синергетика места и времени, особая территориальная организация.

Л. Стэнфорд, одна из акул раннеамериканского капитализма, нажился на постройке железных дорог и вложил толику в университет имени себя в Пало-Альто, выпускники которого позже основали электронную Силиконовую Долину. Время было силиконовым (полупроводниковым), Пентагон — щедрым на заказы. Стэнфордцам помогло и место у старейшего центра тихоокеанских штатов, рост которых ускорила вторая мировая война. Наконец, они создали «сетевой» район малых венчурных фирм нового типа, похожий на раннепромышленные, а не на узлы тяжелой индустрии середины XX века с его заводами-гигантами. Не забудем и старую версию Гердера, ведь Запад США считается хранителем духа героев всяких лихорадок, ковбойского фронта.

Наши экономгеографы в 1970–80-х гг. подошли к пониманию того, что *любой акт размещения и территориального развития есть результат встречи спроса людей, их деятельности, институтов на территорию с предложением со стороны территорий: стран, районов, мест*. Так, А.П. Горкин и Л.В. Смирнягин различали факторы и условия размещения, понимая фактор как спрос «хозяина» (предприятия, отрасли) на ресурс и место, а условия — как их предложение «средой» [6]. Кроме экологической, тут сквозила рыночная логика, видимо, мешавшая советской науке продолжить эти поиски.

Загадок не убывает. Их добавляют ретаксономизации обитаемого пространства. За XX век число государств, субъектов международного права, выросло вчетверо, до пары сотен. Страну порой считают географической формой государства, а его — юридической формой страны. Но чем, если не странами, были государства, лишённые до поры даже условной автономии? И что такое нынче, например, Курдистан? Вопрос о соотношении понятий не закрыт, а тем временем «размножение» стран-государств подрывает их роль субъектов миро-

вой экономики на фоне глобализации и ведет к буму регионов: внутренних разного масштаба и статуса, международных и смешанных, куда страны могут входить частями, например приграничными. Таких единиц де-юре и де-факто вряд ли меньше, чем всяких княжеств и герцогств в удельные века.

Другой пример — мегалополисы, урбанистические таксоны на дагломерационного ранга. После Ж. Готтмана их искали всюду, но нашли немного и не нашли, как считает Г.Д. Костинский, каких-то особых новых функций [27]. Расселение развивалось как иерархическая сеть, а не полосами с заполнением физических разрывов городами. Зато в сети вызрели глобальные города, резиденции ведущих компаний деловых услуг, дирижирующих потоками информации и капитала. Более 50 таких «командных пунктов» выделила в мире к концу XX в. группа западных экспертов [30].

Прогностическая база геосоциального развития слаба, и этого не извиняют ссылки на изобилие объектов. С их разноликими массами работают не одни географы, познание «организует» их при помощи типологии, систематики. Но нужны критерии, а их трудно найти без сравнения образцов (тип и есть итог множественных сравнений) и общих схем. Типологий и схем именно развития, его механизмов, трасс и масштабов мало. Работу тормозят фундаментальные разногласия насчет исторического развития.

УНИВЕРСАЛИЗМ И УНИКАЛИЗМ: ДВА ВЗГЛЯДА НА РАЗВИТИЕ

В долгих спорах сложились две полярных концепции развития. Правда, у них нет общепринятых названий, и предложенные здесь не идеальны. *Универсализм* исходит из эволюционного единства мира, где все проходят одинаковые стадии на общем пути, но в разное время: лидеры показывают аутсайдерам их будущее. Это линия прогрессистов от титанов Просвещения через К. Маркса, К. Бюхера, Н. Кондратьева к И. Валлерстайну, Дж. Фридману, М. Кастельсу. *Уникализм* (теория «локальных цивилизаций») — линия Н. Данилевского, О. Шпенглера, русских евразийцев П. Сорокина, Л. Гумилева. Ее базовый тезис — самобытность «месторазвитий». По Н.Я. Данилевскому, прогресс не в том, чтобы всем идти в одну сторону, а в том, чтобы в разных направлениях исходить все историческое поле человечества. Он и Шпенглер считали культуры автономными, даже взаимно непроницаемыми. У обеих концепций есть сильные и слабые стороны.

Универсализм, сравнивая уровни развития и ранжируя страны, помогает уточнять их позиции и задачи. Иначе теряет смысл догоняющее развитие, хотя даже уникалист Шпенглер считал, что Россия

при Петре I первой в мире сознательно встала на этот путь и догоняла не одну страну, а всю Европу. Догоняющий может внедрять готовый чужой опыт сразу в крупном масштабе. Но не исключено отторжение «имплантантов», особенно инокультурных. Универсализм упрощает картину развития, сводя все особенное к версии глобального. Его рецепты чреваты кризисами, ведь он, как конвейерная медицина, лечит болезнь, а не больного, не зная, почему средство одним помогло, а другим нет, почему «отсталые» бьют «развитых» (варвары — Рим, вьетнамцы — США). Универсализмом часто прикрывают попытки навязать всем одну панацею. Чего стоят датировки общих стадий развития, если они разные? А кого-то не касаются, ибо стадию можно и пропустить.

Уникализм привлекает идеей равенства народов и культур, неповторимых и тем ценных для человечества. Классики уникализма, не будучи последовательными (выделяя великие культуры, они пренебрегали малыми, реликтовыми, дисперсными), прививали социальным наукам вслед за биологическими интерес к разнообразию. На уникализме основаны теории особого третьего пути, часто утопические и сверхконсервативные. Уникалисты-националисты или религиозные фундаменталисты отвергают инновации и отказываются от развития в поступательности. А.Г. Вишневский как-то заметил, что им следует восстать против мировых религий, покончивших с сонмами местных богов, а они этого не делают. Если считать цивилизации автономными и во внешних заимствованиях видеть, подобно Шпенглеру, неорганичные *псевдоморфозы*, то нельзя понять, откуда в мире столько переходных, гибридных культур. Царит разноречивость в вопросе о количестве мертвых и живых цивилизаций: от нескольких до многих десятков. А введение иерархии снова нарушает принцип равенства.

Уникализму приписывают нелинейную логику, универсализму — линейную, более примитивную. Но это не прямолинейность. Обе концепции оперируют циклами, только одна видит их *однолинейными* и *глобальными*, а другая — *обособленными круговоротами* по схеме *подъем — расцвет — упадок*, где смущает отрицание общей линии развития. Одно не исключает другого, и мировую траекторию нетрудно представить рядом с местными, ведя отсчет по уровню или по фазам развития (рис. 1).

Ортодоксальные версии в науке уже редки. Их сочетают вдумчивые уникалисты, отказываясь от тезиса о непроницаемости культур и разрабатывая идею их эстафет (сам Шпенглер отпустил каждой цивилизации по 1000 лет жизни, но выделял суперцикл Греция–Рим–Европа длиной в 3000 лет). Универсалисты, сохраняя общую шкалу уровней развития и качественных различий традиция-модерн, признают,

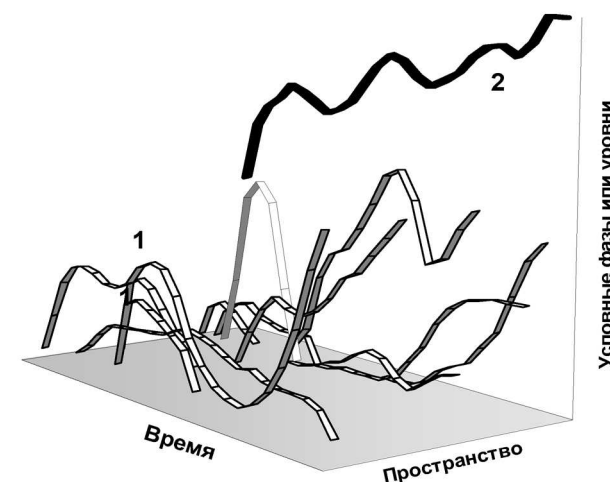

Рис. 1. Условные траектории развития «локальных цивилизаций» (1) и мира (2)

что страны проходят те же стадии по-разному, окрашивая их в свои цвета, иногда возвращаясь к корням и т. п.

Энергия и инерция, ян и инь восточных мудрецов, новаторство и консерватизм, изменчивость и устойчивость в равной мере нужны организму и социуму. Представления биологов о двухтактном двигателе эволюции используют школы И. Пригожина и С.П. Курдюмова, демографы (А.Г. Вишневский), географы (А.Д. Арманд). Борьба двух начал порождает универсальный закон маятника с чередованием хаоса и порядка, новации и традиции.⁵ Но чем дольше система противится назревшим переменам, тем глубже кризис — расплата за путаницу времени на разброс и на сбор камней.

Движения вперед и по кругу совмещает *модель спирали*. Позиция догоняющего на этом «серпантине» подсказывает тактику гонки за лидером. Если он недалеко, проще поднажать, не сходя с наезженной трассы. При сильном отставании есть соблазн срезать путь, проложить новую трассу и перегнать, не догоняя (рис. 2). Однако езда по целине может требовать напряжения, тотальной мобилизации. Риска много, цена успеха велика, а гарантии нет. Дорога лидера тоже не проторена, но к будущему он все-таки ближе.

⁵ Это знали еще авторы середины XIX в. Р.У. Эмерсон заметил, что партии консерватизма и обновления очень стары. То одна, то другая выходит вперед, и борьба возобновляется словно впервые, с участием новых имен и ярких личностей. В России А.С. Хомяков и другие авторы тоже видели, что цари-реформаторы и консерваторы чередуются через одного.

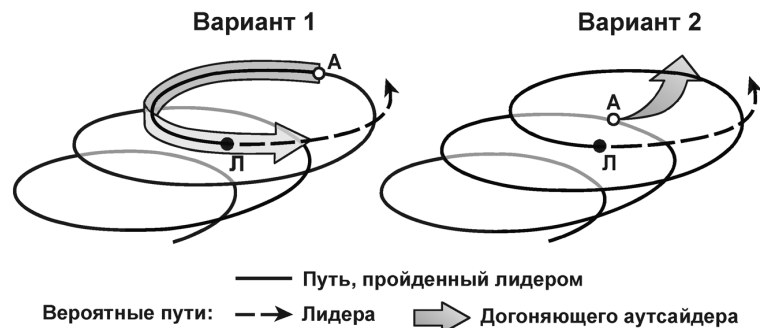

Рис. 2. Варианты гонки аутсайдера (А) за лидером (Л) по спирали развития

Вступать ли в гонку — вопрос не пустой. По Л.В. Смирнягину [20], лишь «золотой миллиард» считает развитие историческим императивом, полупериферийный «серебряный» миллиард способен к нему, но пасует перед трудностями, а 2/3 землян заняты простым воспроизводством своей жизни. Это миры с разным девелопментизмом, взглядами на время и развитие. Первому миру ближе пафос Гераклита Эфесского: все течет и меняется, нельзя войти дважды в ту же реку. Третьему — библейская мудрость Екклесиаста: все реки текут в море, но море не переполняется; откуда реки текут, туда они и возвращаются, чтобы опять течь. Бывает нечто, о чем говорят: смотри, вот это новое, но это было уже в веках, бывших прежде нас.

Коллизию отражает старый анекдот, почти что притча. «Нищий туземец лежит под пальмой, а белый турист предлагает ему вырастить плантацию, продавать орехи, копру, масло. — Зачем? — Разбогатеешь, купишь машину, яхту, виллу. — И что? — Ну, тогда лежи, отдыхай. — Я и так лежу.» Заметим, что эти персонажи разошлись в способе обретения покоя и воли как универсальных бесспорных благ, т. е. не в цели, а в средствах. Но средства влияют на форму спирали. Для культур девелопментализма она вытянута по оси прогресса, для их

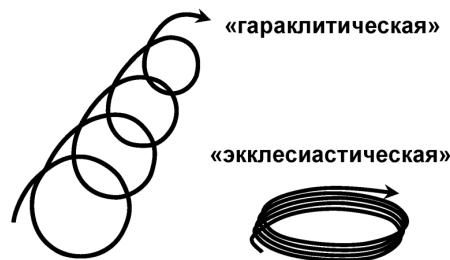

Рис. 3. Спираль развития при разном уровне девелопментализма

антиподов — едва ли не сжата в кольцо (рис. 3). Это похоже на разные траектории развития самих миров.

«Мировое ядро» за век пополнили Япония, большие сырьевые страны с высоким доходом (Канада, Австралия) и малые внутри ядер или в стратегических узлах (Ирландия, Финляндия, Сингапур). Функциональные и пространственные признаки центра совпадают у города, а дифференциация мира диктуется иными причинами [18]. Его ядра — там, где развитие, которое и создает центральность, далеко не геометрическую и противоречивую. Теснее стало на полупериферии. Тут и окраины ядер, и побочные «отпрыски Запада» (ЮАР, Израиль), и те, кто застрял в этой группе, мечтая о большем (Иран, Турция, Россия, Аргентина), и НИСы Азии, Латинской Америки, и мини-государства, владения с оффшорным и курортным бизнесом (Багамы, Канары). Расширение полупериферии смягчает картину поляризации мира, обостряя конкуренцию за капиталы, технологии внутри группы. Позиция России все менее уникальна, что не помогает ей заново «вписаться в мир». Прочие страны периферийны. В некоторых схемах выделяется еще «зона отчуждения»: изгоев, изолятов [15].

Критерии здесь не очень строги. Мы предлагали их сами, но скорее для частей стран [8]. А чем страна, особенно полупериферийная, крупнее, тем неоднороднее (рис. 4-А). Ее метрополисы могут догонять лидеров, истощая свою же периферию. Когда основной неделимой ячейкой считают страну, к таким показателям уровня ее развития, как душевой ВВП, плотность дорог и др., явно или неявно добавляют абсолютные: весь ВВП, длину путей, объем их работы. К полупериферии относят теперь Китай, Индию и другие не очень богатые региональные державы (рис. 4-Б). Они зависят от «мирового ядра», а от них самих — соседи поскромнее.

Вообще-то озабоченность отстающих стран (элит) проблемой отсталости, попытки вырваться из нее не вяжутся с их антидевелопментализмом. Правда, при неудачах там ищут внешних врагов, благо под рукой теории неокolonialного грабежа и неравноценного обмена. Только сыт ими не будешь.⁶

Многомерность развития и сферы применения подходов

Спор универсализма с уникализмом нередко носит оттенок междисциплинарного. Экономические модели непохожи на цивилизационные; идея равенства культур не в ладу с идеей эффективности. Понятие «отсталость», считал В.А. Пуляркин, нельзя без оговорок переносить на внеэкономическую среду. Уникалист может сказать: вот об-

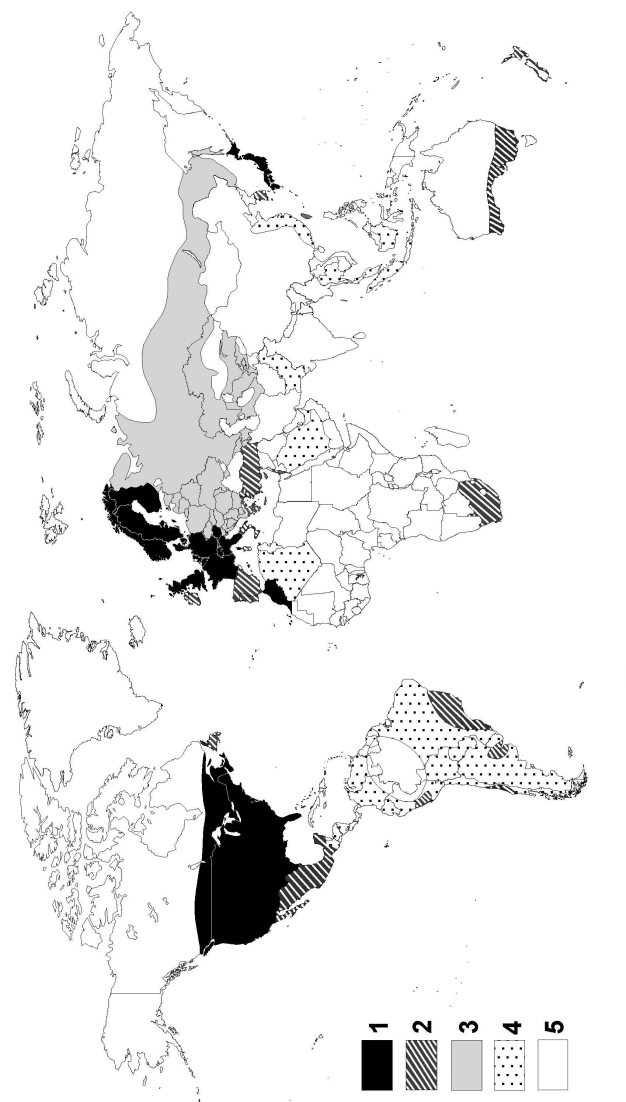

Рис. 4. Представления о глобальной экономической иерархии: обобщение ряда публикаций [16; 34; 37 и др.]

А. В начале 1990-х гг. с учетом внутренних различий в крупных странах

- 1 – центр; 2 – полупериферия, интегрированная с центром;
- 3 – переход к полупериферии; 4 – периферия, включенная в мировое хозяйство;
- 5 – периферия, слабо связанная и не связанная с мировым хозяйством

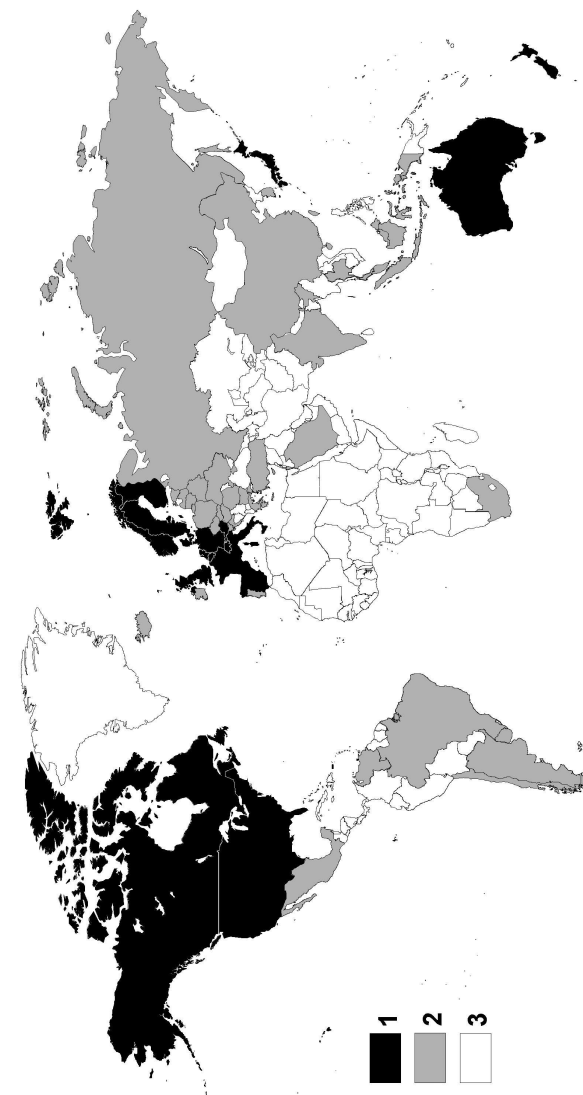

Рис. 4. Представления о глобальной экономической иерархии: обобщение ряда публикаций [16; 34; 37 и др.]

Б. Около 2000 г. для стран целиком

- 1 – ядро;
- 2 – полупериферия;
- 3 – периферия;

щество юное, на подъеме, а вот старое, в закате (пусть оно и достойнее буйного юного).

Чаще всего мы привычно выражаем благополучие материальными благами, не без причин считая, что все остальное с ними коррелирует. Остаются субъективные ценности, покой и воля. «С милым рай в шалаше», а как измерить сладости рая? С шалашами легче, и хозяин самого большого или удобного может решить, что это он сам лучше соседа. С. Хантингтон в «Столкновении цивилизаций» цитирует авторов с Ближнего и Дальнего Востока, превозносящих достоинства своих культур: исламской, конфуцианской. А все же главные аргументы — темпы роста и богатство, даже нажитое на нефти. Культурное утверждение следует за материальным. Хантингтон уверенно шутит: если Индия начнет развиваться быстрее всех, мир должен быть готовым к всесторонним исследованиям, посвященным вопросам превосходства индусской культуры, вкладу кастовой системы в экономическое развитие и т. п. [23].

Правда, звучит мнение, что экономические критерии развития устарели, что грядет постэкономическое общество [10]. Впрочем, происходит то ли вытеснение экономических отношений, то ли наоборот, экономизация, маркетизация и капитализация культурно-экологических активов (не говоря об информационных). Постиндустриальная экономика, во всяком случае, не исключила денежное обращение, конкуренцию и т. д. Рост в ней значимости человека, его свободного времени и самовыражения налицо. Но пока хозяина заботит его бизнес и прибыль, а работника — доход и потребление, слухи о кончине экономического мира звучат преувеличенно.

«Постэкономические» сдвиги виднее в самой науке, включая географию общества, где бум социо-культурно-политических тем за счет старых экономических очень заметен. Вместе с тем налицо активизация стыка, вроде бы занятого экономической географией и региональной экономикой, с появлением глобалистской *геоэкономики*, развиваемой Э. Лютваком, К. Жаком, А. Неклессой, или *новой экономической географии* П. Кругмана. Не вдаваясь в детали, отметим это как признак «вброса» новых реалий или неадекватности им старых дисциплин с их подходами.

Главные варианты соотношений старых и новых подходов и явлений, приведены в таблице 2. Развитию как самой жизни, так и науки вроде бы наилучшим образом отвечают новые подходы к новым яв-

⁶ «При всей внешней солидности тезиса о неравном обмене как способе постоянного трансферта благ из бедных стран в богатые, его ближайшее рассмотрение показывает, что он основан на допущении равноценности часа труда, независимо от обстоятельств, в каких этот труд протекает. Если допущение не принимается, рушится и тезис» [31].

ниям, хотя это сочетание небезопасно. Если все дело в новом подходе, то его применение к старой реальности до неузнаваемости изменит ее картину, что по-своему ценно, но может потребовать тотального пересмотра прежних результатов. Если он невозможен, старая методика лучше. Она, по крайней мере, обеспечит верификацию и сопоставимость результатов.

Таблица 2
Принципиальные сочетания старого и нового в науке и в развитии

Наука: подходы, теории, концепции, методы	Развитие: явления, процессы, связи, структуры	
	Старые	Новые
Старые	Старые подходы к старым явлениям	Старые подходы к новым явлениям
Новые	Новые подходы к старым явлениям	Новые подходы к новым явлениям

Сосуществование разных подходов оправдывает не что иное, как многомерность общества и его развития. У их разных компонент и сфер своя логика и ритмика. Если на спираль развития взглянуть с этой позиции, то ее форма будет зависеть от специфики каждой сферы и изучающей ее дисциплины.

- Прогресс очевиднее и проще всего измерим в технике, технологии (дальше, выше, мощнее, быстрее, точнее). Именно технические новшества мигрируют, заимствуются и прививаются легче других, хотя это зависит от экономических возможностей и местных условий. По крайней мере, процесс опосредуется ими.
- Близкие критерии в *экономике*: рост, отдача, эффект. Ее субъекты — это во многом стандартные предприятия, отрасли. Отсюда общие критерии уровня развития и структуры экономики. Правда, на них влияет присущее культурам отношение к труду и богатству. М. Вебер нашел культурную основу капитализма в протестантизме, и она не единственна.
- Нечто подобное говорят и о *демографическом развитии* — глобальном процессе (переходе), всюду приводящем к смене типа воспроизводства населения. Его стадии в универсальных терминах численности и динамики населения известны более 70 лет. Однако параметры и траекторию перехода опосредуют религиозные, семейные традиции, экономика, расселение и другие факторы.
- Сложнее с *социальной сферой*. Срединное положение социологии в системе наук о человеке диктует сочетание подходов. Уровень жизни оценивают эконометрически и в натуральных показателях. Качество и образ жизни трудно формализовать, а все же они проникают в международные сравнения, уходящие от изме-

рения материальных благ к оценкам возможности вести ту жизнь, какую сами люди считают достойной [19 и др.].

- В *политике* тоже непросто. Вроде бы налицо всеобщее движение к свободе и демократии, копирование процедур, институтов власти, права и т. д. Но именно такая универсальность бывает внешней и мнимой. Немало «демократических республик» и «федераций» являются таковыми лишь по названию. Реальной демократии и федерализма бывает больше в унитарных монархиях.
- В *культуре* в узком смысле (язык, религия, искусство), как уже сказано, ценится уникализм, черпают силы идеи равнозначности африканских примитивов и творений великих европейских мастеров, всей американской нации и индейского племени.⁷

В общем, универсализму проще в технико-экономической сфере, уникализму — в социокультурной. Возникают и всякие гибриды, причем их многообразие огромно, как и самих сообществ. Но для разных ветвей обществоведения главными остаются сквозные, всеобщие исторические типы, эпохи, формации (феодализм, индустриальное общество), или региональные (Западная Европа, арабский мир). Для кого-то и они абстрактны, а конкретны сочетания: арабское средневековье при халифах, европейский промышленный капитализм и отдельно английский, французский, немецкий. Это уже спор о ключевом геоисторическом масштабе анализа.

Настоящее не яснее прошлого. В нем как будто бы доминирует глобализация производства и потребления, демографического поведения, социальных институтов, материальной культуры труда и быта, но им противостоят антиглобализм и национализм. Впрочем, их лидеры уже не воюют, как наивные луддиты, с новой техникой и средствами коммуникации, зная, что они могут нести разное содержание, идеологию.

С. Хантингтон [23], анализируя развитие незападных обществ, различал их *модернизацию*, в основном научно-техническую, но ведущую к индустриализации, урбанизации, росту образования, и культурную, культурно-политическую *вестернизацию*. И выделял три варианта ответов на вызовы Запада: 1) отторжение обеих инноваций, 2) принятие обеих, 3) введение западной техники без вестернизации культуры, названные реформизмом японского типа. Описан и логически неизбежный вариант 4) вестернизация без модернизации (или со слабой модернизацией производства) на примере Египта. Иллюстрацией служат графики (рис. 5).

⁷ Пусть только идеи. То же индейское племя может жить в резервации, но вовсе не в каменном веке, порой за счет темных сторон городской цивилизации: игорных притонов, торговли наркотиками и т. п.

Эти варианты могут быть фазами сложного процесса, который страны проходят с разными комбинациями импульсов, задержками, рывками. Япония долго придерживалась «реформизма», а в последнее время все отмечают — с сожалением или без — ее быструю вестернизацию. Схему волны, когда вестернизация и модернизация сперва синхронны, а потом их успехи (рост экономики, военной мощи) и проблемы (распад традиционных социальных связей) ведут к антизападному «возрождению», набросал сам Хантингтон. И тем ограничился, хотя ясно, что на большом отрезке истории волн может быть много. И это случай России, о которой Хантингтон молчит и которая 300 лет догоняла, копировала Запад, меняя курсы и галсы. Анализ всей этой комбинаторики составляет особую задачу, которая, быть может, приведет к истокам разнообразия траекторий развития.

Масштаб звеньев ряда — тоже сложный вопрос. О регионализации экономики уже говорилось, а в мировой политике тот же Хантингтон ее не видит, не считает регионы политическими и культурными целостностями и даже не верит в международные блоки, оставляя ключевую роль в геополитике «стержневым странам».

Спор универсализма с уникализмом не окончен, но важнее результаты, их полнота и надежность. Универсализм, игнорирующий разнообразие мира, догматичен — обычно на прогрессистский экономический лад. Географии ближе уникализм с его акцентом на мес-

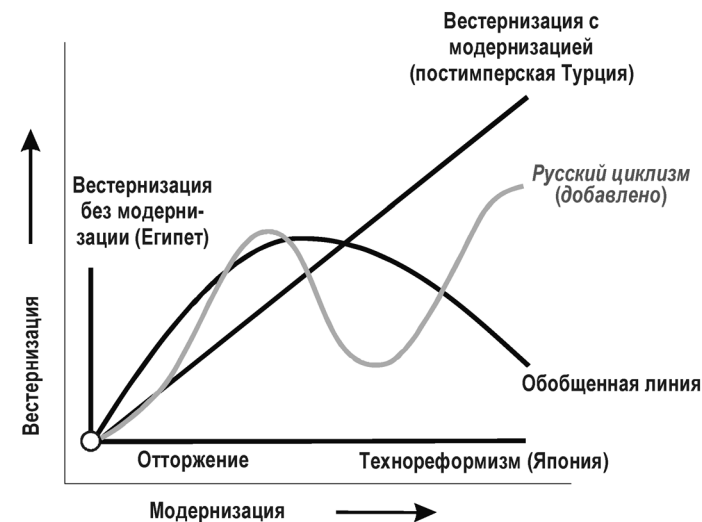

Рис. 5. Альтернативные ответы на влияние Запада по С. Хантингтону

торазвитие, но без общих схем она впадает в свою хорологическую догматику.

Географу широкого профиля трудно избежать дуализма. Для сквозных отраслевых тем ему нужен универсализм, а описывая отдельный регион, он становится уникалистом. Если же что-то защищать, то, на мой взгляд, скорее старый универсализм, от которого уж очень явно отшатнулась отечественная научная мода. Это выбор то ли субъективный, то ли в духе Сталина (на вопрос, какой уклон опаснее, правый или левый, он отвечал: тот, с которым перестали бороться). Для всей России выбор может стоять жестче: как ей быть в зреющем конфликте Юга с Севером, за которым — конфликт идеологий, близких к изложенным. Если избежать его или удержать нейтралитет не выйдет, встанет еще один старосоветский вопрос: с кем вы, мастера культуры?

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ПЕРЕХОДЫ: ПОПЫТКА РАСШИРЕНИЯ СПЕКТРА

Анализ исторического развития обычно требует фиксации событий в стадияльных схемах универсальных *переходов*, своих для каждой сферы жизни и науки. Нам они важны все, но с учетом разных условий конкретных стран и регионов. Ниже следует их беглый обзор с указанием на некоторые пробелы и возможности.

Технико-экономические переходы. В СССР техника была в почете, а вот общих знаний о ее развитии — мало. Мы даже не знали, что еще Н.Д. Кондратьев встроил ее в схему своих экономических циклов.⁸ И они не единственные. Силами многих авторов создана «шкала» технического времени, система периодов-циклов Дж. Китчина (2–4 года), К. Жуглара (8–12 лет), С. Кузнеца (20–25), Н. Кондратьева (40–60), Ф. Броделя (100), Р. Камерона (150–300 лет). На Западе говорят: в «одном Кузнецке два Жуглара»; «в одном Кондратьеве два Кузнецка». Столетия промышленной эпохи разделены технологическими революциями. С одной из них Англия начала век механических станков и паровых машин, другая революция открыла век электро- и автомоторов, а затем «НТР» ознаменовала век электроники и биотехнологий. Эти века не календарные, и все датировки не бесспорны.

Признаком старта считают то кризис, способствующий разработке новой техники, то подъем, обязанный ее внедрению. Другая

⁸ Пригодную и для нерыночных формаций, хотя сам автор в 1925 г. боялся это признать. Ведь техника везде стареет физически и морально, вечно тиражировать ее нельзя. Волна спадает сама, но переход к новой в отсутствии рынка требует команды сверху. Власть должна это осознать, поставить задачу «догнать и перегнать», мобилизовать необходимые ресурсы и верно ими распорядиться.

проблема — в постоянной, колеблющейся или сжатой длине волны (кондратьевская бывала вдвое короче стандартной при рывках СССР и Японии). Даты разнятся географически, если касаются не только лидеров каждой волны, и даже для одной страны: до 20–25 лет «одного Кондратьева», или «целый Кузнец». Это ставит под вопрос реальность циклов, хотя лаг между созданием образцов и их освоением объективен. С текстильными, паровыми машинами в Англии он занял полвека (1730–80-е гг.), но никто не спорит, что переход к ним имел там место в XVIII в.

География переходов выражается в смене творцов, провайдеров новой техники и всего мирового порядка (азиатские адреса инноваций уступили европейским в середине прошлого тысячелетия). Всякий переход — нелегкая перестройка, а большой стране трудно пропустить цикл или пройти его быстрее из-за инерции размера. Разработка, производство и применение технических средств по-разному влияют на развитие, причем следствием смены стадий становится постоянный сдвиг критериев. Таблица 3 показывает это на примере техники связи. Британия, телеграфный лидер начала XX в., вскоре уступила США по телефонизации. Затем США ушли вперед по интернетизации, хотя ее диффузия быстро стирает исходные контрасты. В то же время производители электроники, скажем небогатые азиатские, могут отставать по ее внедрению в собственную жизнь.

Таблица 3.

Обеспеченность 100 жителей избранных стран техникой связи, 1913–2005 гг.

Страны	1913	1950	2005
	Отправление телеграмм	Число телефонов в сети общего пользования	Число пользователей Интернета
Великобритания	182	11,5	63,1
США	119	28,5	68,7
Германия (1950 – ФРГ)	77	5,2	57,0
Франция	111	6,0	42,3
СССР (2005 – РФ)	28	0,8	15,5
Япония	49	2,1	60,9
Китай	...	0,01	7,9

Источники: [17; 35].

За последние 20 лет стадияльный подход к технико-экономическому развитию стал популярен и в российской географии. Однако

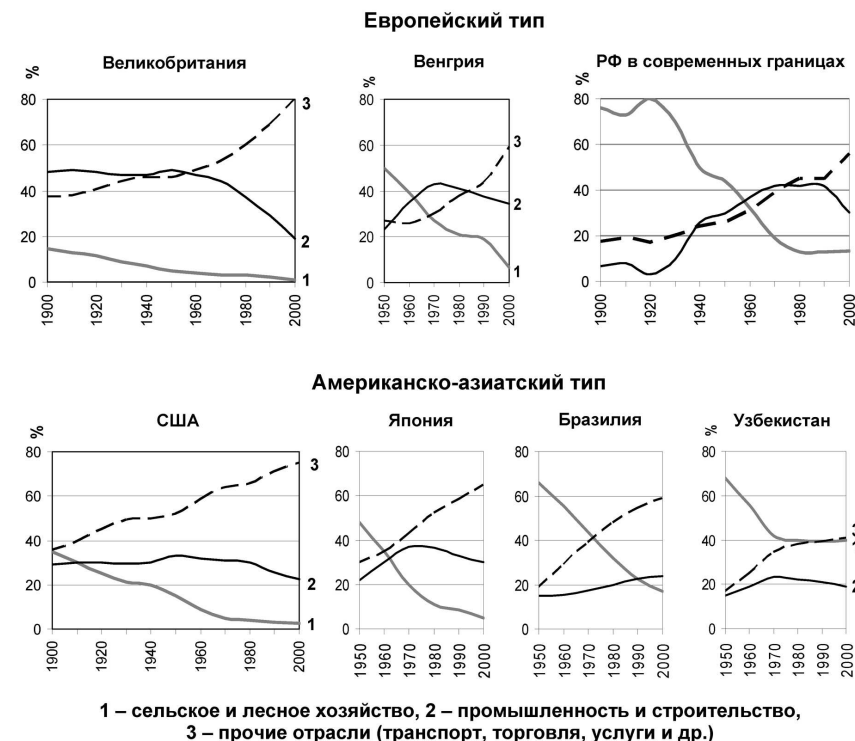
видны слабые места. В нашей литературе до сих пор преобладают общие схемы, но карт исторических миграций техники мало, так как исследованы они фрагментарно.

Структурно-экономические переходы. Периодизации истории общества были чисто политическими, пока не возникли теории производственных отношений, формаций: от первобытно-общинной до коммунизма или от доиндустриальной (присваивающей, аграрной) до постиндустриальной (сервисно-информационной). Эти схемы дополняют друг друга. Капитализм различен в его аграрной, промышленной и сервисной версиях; феодализм обычно ассоциируется с господством сельского хозяйства, но был и другой: ремесленный, торгово-колониальный (Венеция, Генуя, Великий Новгород, немецкая Ганза). Аграрный строй, в свою очередь, бывает крестьянским, помещичьим, колхозным и т. д. Марксовы формации сводят к «сквозным» укладам: командно-принудительным, от рабовладения до тоталитарного социализма, свободным рыночным и смешанным, каких большинство.⁹ Схему с первичным, вторичным и третичным сектором (из которого можно выделять четвертичный информационный) в России ввел еще Д.И. Менделеев [14]. По материалам переписи 1897 г. он делил домохозяев на добывателей, берущих сырой материал в природе; промышленников, перерабатывающих это сырье, и лиц, дающих обществу что-то совершенно иное, чем хлеб насущный.¹⁰ Перед второй мировой войной было замечено, что первичный сектор везде уступает вторичному, а в развитых странах — и третичному: *индустриализацию сменяет терциаризация*.

Последовательность переходов не универсальна. Вторичный сектор лидировал в старопромышленной Европе (охватывая до половины занятых): в Англии 80–100 лет, в Германии — 70–75, во Франции и Швеции — 40–50, а в Испании, Польше, Венгрии, России — 10–20 лет. *Это европейский путь сдвигов* (рис. 6). У США, Канады, позже у Японии и вообще «тигров» и «драконов» Азии вторичный сектор не был лидером даже в разгар промышленного бума. *Американско-азиатский путь* к сервисной структуре из аграрной, минуя гипериндустриальную, теперь доминирует в мире. Вторичный сектор сокращается, не набрав и трети всех занятых. Ему уже не нужны большие армии труда, а в торговле и сфере услуг рабочих мест остается много.

⁹ Под переходной экономикой, явно сужая смысл термина, ныне понимают смену плана рынком (возврат к нему). Как все общественные «макротранзиты», этот бывает весьма болезненным.

¹⁰ В современной статистике их группируют по-разному: добывающие отрасли и энергетику относят то к первичному сектору, то ко вторичному, куда может также попадать строительство, частично транспорт.

1 – сельское и лесное хозяйство, 2 – промышленность и строительство, 3 – прочие отрасли (транспорт, торговля, услуги и др.)

Рис. 6. Два типа сдвигов в макроструктуре занятого населения: динамика доли основных секторов за XX век (полвека при ограниченности данных), в %

Состав производства зачастую иной (индустрия в нефтедобывающих и ряде других стран сверхдоходна), но сдвиги обычно те же. К XXI в. третичный сектор развитых стран давал $\frac{2}{3}$ – $\frac{3}{4}$ ВВП, вторичный — $\frac{1}{5}$ – $\frac{1}{4}$. В отсталых — до $\frac{1}{2}$ обеспечивал первичный, занимая 60–70% населения. Это еще не признак «паразитизма», ведь в агро-секторе бедняк всегда черпал ресурсы для выживания [18]. К тому же сектора внутренне неоднородны. Третичный — может быть наукоемким информационно-техническим или сервисным, рассчитанным на внутренний спрос либо на экспорт, прямой (патенты, видеопродукция) и «невидимый», доступный только на месте (туризм, образование, коммунальные услуги и ряд других). В общем, трассы структурно-экономического перехода не умещаются в одну схему, требуя географически более конкретных типологий.

Демографический переход — самый известный. Законы роста населения волнуют науку со времен Р. Мальтуса. В XX в. Л. Радзино-

вич, У. Томпсон, Ф. Ноутстайн соединили рождаемость и смертность в схему с традиционной, взрывной и современной фазами (их число и названия, впрочем, разные). Она стала важной моделью, в т. ч. для прогнозирования, но прогнозы все же требуют учета других факторов.

Одним из пионеров перехода была Франция, где из-за революций и войн не вполне адекватно экономическому уровню рано возобладала двухдетная семья, а этого мало даже для простого воспроизводства поколений. И эта самая многолюдная страна Западной Европы уступила лидерство, став зато эталоном демоперехода для создателей его модели. Сейчас ее население, несмотря на заверченный переход, снова растет. Постпереходная динамика зависит от притока мигрантов и этнокультурного состава страны. Немалый естественный прирост в США сочетается с их общей «продвинутой». При прочих равных условиях (доходы, медицина и др.), рождаемость выше в местах с прочными религиозными устоями и в ряде заморских владений развитых стран с мягкой природой, здоровым образом жизни и в основном туземным населением.

Асинхронность перехода усилила миграционное давление мирового Юга и Востока на Север и Запад, толкающее «белых» к обособлению в *заворотных сообществах* (gated communities) по сегрегационной американской модели расселения. Ей противостояла советская интернационалистская модель, покончившая с гетто и этническими кварталами вообще в большинстве крупных городов. Европа находилась где-то посередине. Теперь и там растет тяга к обособлению и заодно симпатии к политикам типа Ле Пена, требующим закрыть двери чужакам [36].

Дальнейшую модернизацию условий и образа жизни, типа труда, семьи и т. п. именуют *вторым демографическим переходом*, но, по-моему, не очень точно, ведь речь идет по сути дела о *социальном сдвиге*. В то же время есть очень мощный геосоциальный процесс, связанный с прочими, но имеющий свою логику, отвечающую представлениям о фазовых переходах. Это урбанизация.

Урбанистические переходы. Первая эволюционная схема пришла в урбанистику более 40 лет назад. Дж. Джиббс [33] термина «переход» не употреблял, и его до сих пор толкуют по-разному, например, как выход доли горожан за отметку 50%, который во всем мире произошел совсем недавно. У Джиббса же урбанизация — это закономерная смена стадий, а значит и переходов: 1) города малы и отстают от сел в росте; 2) они выходят вперед с замедлением роста села и 3) его депопуляции из-за миграционного оттока; 4) рост больших городов достигает пика; 5) население снова деконцентрируется и растет в малых поселениях.

Джиббс сам отметил асинхронность процесса на Земле, что потом подтвердилось, хотя стадии урбанизации во многом универсальны, связаны с уровнем экономики и жизни, поиском ее «оптимального» образа. По схеме британского урбаниста Э. Ховарда, город притягивает концентрацией деятельности, возможностями образования, карьеры, развлечений, но он грязен, шумен, тесен и опасен. Традиционное село просторнее, жизнь там монотоннее, но зато тише, чище, здоровее. Золотая середина — пригород. Вот и тянутся миля за милей малоэтажные субурбии Америки, чем-то похожие на наши дачные местности. Ж.А. Зайончковская [9] свела эволюцию расселения к трем стадиям: 1) автономного развития города и села, 2) концентрации и 3) интегрированного расселения вокруг больших городов, в агломерационных зонах, где сочетаются преимущества двух стилей жизни (рис. 7).

ЭВОЛЮЦИОННЫЕ ТИПЫ (СТАДИИ) Ж.А. ЗАЙОНЧКОВСКОЙ

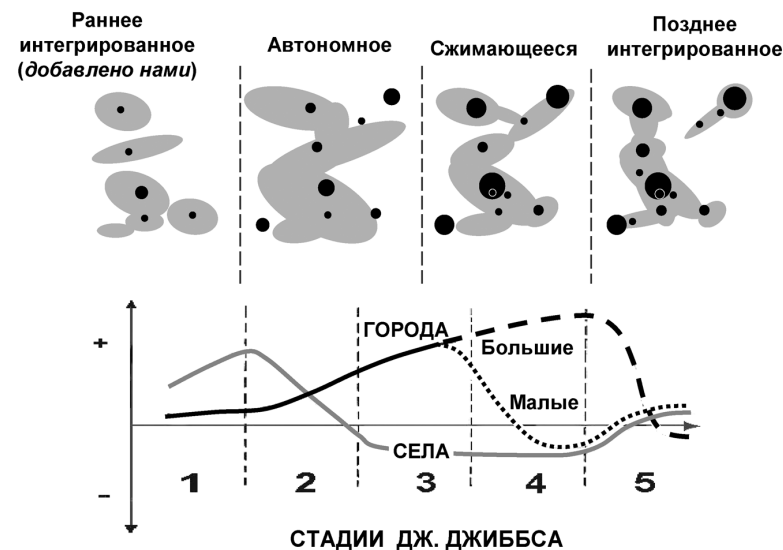

Рис. 7. Эволюционные схемы расселения Дж. Джиббса и Ж. Зайончковской

Схема Джиббса развернулась на Западе в *теорию дифференциальной урбанизации*. Суть ее та же: концентрация и деконцентрация населения, чередуясь, меняют направление и интенсивность миграций, а значит динамику населения в пунктах разного ранга. На «осциллограмме» (рис. 8) эпохи урбанизации (U), поляризационной реверсии, разворота (PR) и контрурбанизации (CU), а также их ранних и зрелых фаз разделены пересечениями кривых трех категорий цент-

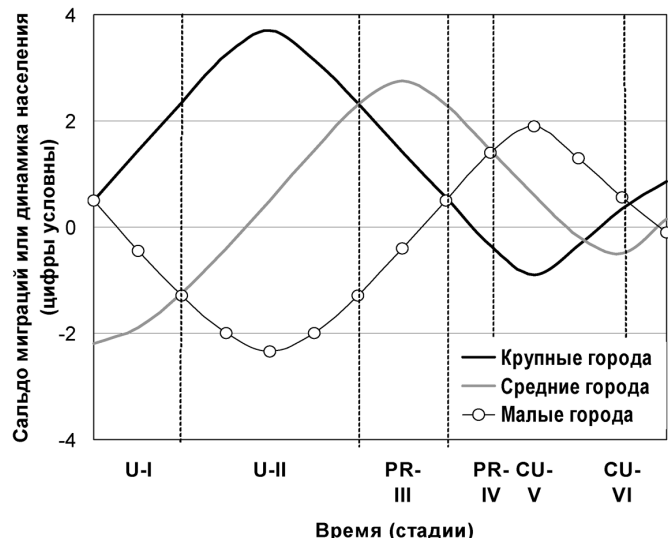

Рис. 8. Основные стадии дифференциальной урбанизации по Т. Контули

ров: главных, средних и малых городов или всех поселений. Критерии их выделения различны. Для Франции средними как-то сочли города с числом жителей 10–100 тыс. человек, а для Индии — 50–400 тыс. [32]. После большого цикла и стадии CU-VI возвращается исходный порядок (реурбанизация), но осцилляторное сжатие графика уменьшает амплитуды: стадии короче, меньше разрывы между классами центров. Поэтому урбанизация не та, что раньше. Подвижность людей частая смена их миграций (движений из центров и обратно) сочетаются со сложившейся иерархией расселения.

Универсальная схема всегда требует осторожности в приложении к конкретным странам с их историей. Так, войны и смуты провоцируют бегство населения из городов — эволюционно аномальную, кризисную контрурбанизацию. Отношение людей к городу зависит от их классовой и этнической принадлежности, от возраста жителей и мигрантов. Приходится адаптировать схему и к доступной информации. Например, вместо балансов миграций берут индексы динамики населения, считая, что разная демография сдвинет все кривые вверх или вниз (население растет или убывает), не меняя их форм и, тем самым, стадии. Но это допущение может обернуться ошибками, если демографическая ситуация сильно варьирует по городам и районам.

Макросоциэкономический переход, в отличие от предыдущих, гипотетичен, и название условно. У Ю.Г. Липеца [12] это переход от системы издержек, цен и доходов низкого уровня к высоким или от

дешевого сырья, труда и, шире, «дешевого человека» к дорогим (рис. 9). Признаками позиции страны на таком переходе служат соотношения доходов и цен, паритета покупательной способности и официального курса валют. Их на бытовом уровне используют туристы, различая страны дешевые (обычно бедные) и дорогие вроде Люксембурга, Швейцарии, Японии. Простейший критерий — «индекс большого мака»: вариация цены стандартной единицы фаст-фуда.

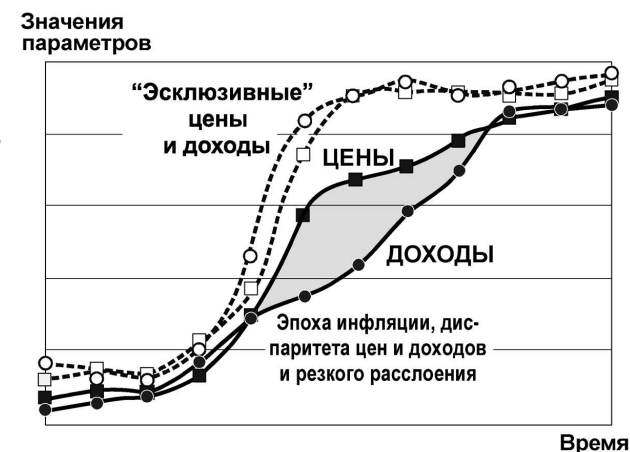

Рис. 9. Общая схема макросоциэкономического перехода по Ю.Г. Липецу (интерпретация автора данной статьи)

Для стран с переходной от плана к рынку экономикой типичны ножницы старых и новых цен, цен для разных потребителей: «своих», вхожих во власть, и «чужих» и т. п. Такие дисбалансы возможны при гармонии цен спроса–предложения в общем уравнении экономического равновесия. Разный платежеспособный спрос, т. е. социальные контрасты, сильно влияет на цены предложения при многоукладной экономике и развивающемся рынке. В итоге такие повсеместные ресурсы, как, например, земельные, могут стоить дешевле в Индии и Китае, чем в Канаде. Чем обширнее страна, тем вероятнее перепады цен внутри нее, а также на ее рубежах. У проблемы перехода к высоким ценам и доходам сложная комплексная природа. Быть может, это сама природа бедности большинства стран, так давно занимающая умы и даже теоретически далекая от решения. Ясно, что «макропереход» сопряжен с бурями в экономике и обществе, с инфляцией и расслоением, что он не бывает быстрым и везде одинаковым.

Стадиальных схем, конечно, больше. Термин «переход» стал частым в политологии, общие схемы движения от авторитаризма к constituzionalной многопартийной системе ненадежны. Их осложняют срывы в

диктатуру, рецидивы старых политических культур, разрыв церемониальной власти с реальной, только имитирующей переход в «однопартийных демократиях». Но сами попытки замаскироваться говорят о том, что какие-то шаги сделаны и они немаловажны для общества.

Кажется, нет универсальных схем социокультурного перехода — видимо, из-за их меньшей применимости в данной сфере. Есть «волны вестернизации» Хантингтона, «второй демографический», а скорее именно социальный переход. Его сложность в том, что он, делая личностно менее зависимой от традиционных ячеек (семья, клан, община), усиливает потребность в гарантиях государства и налогах, которыми оплачиваются пенсии, пособия, социальные программы. Этот переход еще и политический — как движение к социальному государству, требующее перестройки внутренней политики.

Удачи в развитии стран можно связать с согласованием разных переходов и теми резонансами (по А.С. Фетисову), которые упомянуты выше. Свод данных о движении страны по обозначенным типам «маршрутов» вообще кое-что даст для ее понимания. И в то же время не будет ее полноценным портретом, ему не будет индивидуальности. Ведь самый емкий набор универсальных динамик с местной спецификой не эквивалентен картине развития места. Всегда есть что-то еще, почти вечное и почти уникальное, какая-то загадка. Она часто кроется не в типе политического режима, строя страны, а в самой стране, в особом сочетании ее устойчивых свойств и повторяющихся «выбросов».

Тут есть свои закономерности, искомые теорией *path dependency* — зависимости от выбранного и пройденного пути, сложившихся социальных институтов, технических и иных стандартов. У нас ее также называют теорией колеи или инерции. Речь может идти, скажем, о нововведении, «запершем» дальнейшие: устройстве ранних клавиатур, мешавших внедрению более оптимальных (QWERTY-эффект П. Дэвида), или о конке, наличие которой задержало появление в городе трамвая. Но смысл шире и касается всех процессов с долгой памятью и знаний о них, включая закон дополнительности и такие его версии, как законы У. Эшби и Е.А. Седова о пределах разнообразия на разных уровнях иерархии систем.

Наконец, даже зная свою текущую и будущую стадию, нужно уметь поймать волну (как в серфинге и на море вообще), что крайне важно для практики. Капитан, которому море по колено и волна «по барабану», просто угробит корабль и экипаж. Тут нужны наука и опыт, приборы и лоции. Они еще не очень надежны, и работы непочатый край, от вполне конкретной по каждому переходу до общеэволюционной теории, важной для всей деволюментологии. Специалисту все равно ближе своя сфера. Выделение и комплексное изучение терри-

торий, многоэтажная таксономия земного пространства — прерогатива географии. У нее есть свой конек, известный как «игра масштаба-ми». Легкомысленное ли словцо или слабость рефлексии повинны в том, что всерьез об этой игре говорят редко.¹¹ И зря, ибо это кредо и подход, дисциплинарный принцип полимасштабности.

ПОЛИМАСШТАБНОСТЬ ГЕОГРАФИИ И РАЗВИТИЯ

Немецкое слово *масштаб* — буквально линейка меры, мерный инструмент. В ряде других языков это термин из латыни: *scala, escala, scale, echelle*, т.е. еще шкала, лестница, размер. Масштаб по-русски имеет три смысла: 1) отношение размеров объекта на чертеже (карте) к реальному; 2) ранг, типоразмер, этаж или ступень таксономической системы; 3) размер вообще: пространства, времени, производства, цен. Возможно, строго научен лишь первый, у него нет конкурентов-синонимов, но и другие нередки в научной, обыденной речи, а размер одного корня с мерой и у нас.

Принцип полимасштабности предлагает оперировать разными масштабами во всех смыслах, хотя они могут не совпадать. Все государства мира формально одноранговы, а разница размеров США и Гренады огромна. Город-гигант станет пятнышком на карте масштаба 1:5 000 000, а в более мелком — немасштабным пунсоном при любом «масштабе содержания» (термин А.Ф. Асланикашвили).

Отсюда инверсии и конфликты масштабов. По В.Л. Каганскому [11], каждый масштаб — целый мир. Кому-то хватает одного. Экономист может всю жизнь заниматься макро- или микроэкономикой, историк (египтолог) — единственной эпохой и местом. И зачем нам полимасштабное многомирие? Если это не гипербола, то, может быть, просто потому, что географов мало, каждый должен держать широкий «фронт»? Нет, не только поэтому. Полимасштабный подход уместен и при анализе одного объекта. И.М. Маергойз [13] видел прелесть работы географа в том, что, изучая, например, город, он держит в поле зрения страну и весь мир. Однако широту подхода нужно сочетать с глубиной, чтобы не расплыться в беспредметность.

Полимасштабность — географический способ сочетания анализа и синтеза, узкого обзора и детализации с широким обзором и генерализацией. Этот обоюдоострый принцип требует и сложения, синтеза пространств и их аналитического разложения. Он сродни настройке объектива то на обзорную широту и даль, то на «узорную» глубину и близость. Перенастройка может быть плавной, но мы привыкли делать на

¹¹ Одно из ярких исключений — раздел «Лестница без ступеней» в книге В.Л. Каганского [11], хотя и в нем кое-что опущено, вероятно, как самоочевидное.

«лестнице без ступеней» остановки, пусть и условные: *микро, мезо, макро*. А вот системы таксонов — уже лестницы со ступенями, по которой наш подход заставляет идти, *меняя картину мира*: граничная линия вырастет в полосу с укрупнением масштаба и проявлением деталей; при ходе назад они снова сольются. Полимасштабный принцип познания вытекает из разноразмерности и полиморфизма самих миров, но имеет свои условности. Лестница масштабов в их первом значении ведет, по традиции, вверх, а рангов и размеров — вниз. Микрообъекты требуют крупного масштаба рассмотрения, макрообъекты — мелкого.

П. Хаггет [22] предлагал шкалу порядков географических величин, от общеземного до внутригородского (табл. 4). Но не обосновал выделение этих уровней, их число и не настаивал на нем. Зато бесспорен его вывод о масштабном диапазоне географического мира. Это явно *мезомир*, хотя все его модели относятся к уменьшающим истинные размеры для удобства изучения объектов, которые крупнее нас самих. Начиная с уровня нашей микросреды, по Хаггету, просыпается интерес географа, а затухает он в линейном пределе, примерно в 20 млн раз превышающего рост человека (длина экватора).

Таблица 4

Порядки «географических величин» по П. Хаггету

Порядок	Линейный размер, км	Площадь, тыс. км ² (добавлено)	Типичный объект	
			Пример Хаггета	Обобщенный пример
Первый	40 000–12 500	510100–50000	От земного шара до..?	Часть света, материк, океан
Второй	12 500–1250	50000–500	США	Обширная страна
Третий	1250–125	500–5	Штат Нью-Йорк	Небольшая страна, район
Четвертый	125–12,5	5–0,05	Город Нью-Йорк	Крупный (суточный) город
Пятый	12,5–1,25	0,05–0,0005	Сентрал парк	Небольшой город, квартал

Источник: [22].

Ступени иерархии могут задавать масштабы физического пространства и его демо-экономического «содержания». Производство и потребление, внешние связи, менталитет и образ жизни людей в больших и малых странах разные. Контрасты уровней развития по крупным территориальным единицам отличаются от результатов анализа по дробным ячейкам, обычно их нивелируя. Масштаб окружения часто определяет значение человека. Первый парень на деревне ординарен в ряду столичных парней. В географии то же самое. Сочи — скромный уголок глобальных сухих субтропиков и уникальный для России. Кроме масштаба, важны рамки пространства, системы отсчета и сравнения. «Компания» влияет на объективную позицию и субъективное позиционирование ее членов.

Четкие иерархии-матрешки вообще-то присущи схемам, а не жизни. В географии схемы трещат от таксономий, скроенных на разных основаниях и придающих объекту разномасштабность. Москва и Петербург — одновременно города и субъекты РФ, что не уникально: особые столичные единицы, приравненные к провинциям и штатам, есть во многих странах. Не новы и города-государства, а Ватикан, занимая малую часть столицы Италии, официально тоже государство и столица вселенской «католической империи» без четких границ и государственного статуса. Но полимасштабный подход существует не ради курьезов, он вытекает из ключевого для географа вопроса «где?». Названия или координат места мало, важнее, как оно расположено относительно других. По И.М. Маергойзу, «где» раскрывает множеством «как» анализ геоположения, т. е. обсуждаемый принцип близок к *позиционному* (Б.Б. Родомана), объясняющему свойства объектов их положением и выделяющему те же масштабные концентры: микро, мезо и макро.

Географические явления можно делить на условно *мономасштабные*, выраженные на одном уровне (ряде смежных), *полимасштабные*, *омнимасштабные* (всемасштабные) и *внемасштабные*.¹² Последние индифферентны к географическим масштабам или вообще наблюдаются вне геосферы. Выделяются также два макротипа информации: а) несущей что-то важное и новое на каждом масштабном уровне и б) такой, для которой это несущественно. К первому типу относятся все адреса, включая обычный почтовый: лицо, квартира, дом, улица, город, регион, страна (порядок зависит от традиции). Этой схеме следует географическая идентичность людей, разномасштабная даже у одного лица.

Если каждый масштаб — мир, то каждое место — мир масштабов и межмасштабных отношений, делающих ландшафт емким для смысла и деятельности [11]. Но емким не бесконечно, что имеет прямое отношение к развитию. Студентами мы часто слышали, например, от Ю.Г. Саушкина, что лучший выбор страны, района, города для размещения некоего производства лишен смысла, если там нет подходящей ему площади. Социально-экологическую сторону коллизии передает выражение *not in my backyard* (не у меня во дворе: где хотите, но подальше). Локационное решение, оптимальное в одном масштабе, зачастую не годится в другом и порождает межмасштабный конфликт интересов. Для

¹² Например, право долго было прерогативой государств, особенно унитарных, каких в мире большинство (а его макротипы, наследие общей истории стран, выводились из сравнений и типологий). Морфология жилых кварталов, сетей ресторанов и магазинов видна в рамках поселений и их локальных групп (а все сводные показатели для районов, стран и т. п. суть «надстройки» над этим характерным масштабом).

действующих объектов это конфликт между местным ущербом и «глобальным» эффектом или наоборот, когда предприятие, жизненно важное для поселения, не нужно его внешним владельцам, неэффективно для региональной, национальной, мировой экономики.

Принцип полимасштабности облегчает соединение внутренних и внешних моделей развития. Пропорция зависит от ранга и размера объекта. Внешние связи тем важнее для развития страны, чем она меньше во всех смыслах. Город и подавно растет не столько «из себя», сколько из внешних связей разной широты, хотя на них влияет его размер и тип. Развитие района может идти *от города*, города — *от района* (термины отечественных урбанистов, в частности, Г.М. Лаппо). Или от ряда районов, о чем часто говорит само положение центра между ними. Одним городом можно нацелить страну на внешние связи и догоняющее развитие (Санкт-Петербург), оборону и освоение внутренних зон (Анкара, Бразилиа, Додома), на межэтнический мир (Абуджа), сделав его символом и средством внутренней и внешней политики.

Стыкуя внутренний и внешний «миры», полимасштабный подход облегчает поиск стыковых структур, делая возможными географические открытия в давно открытом мире. Оставаясь на одном таксономическом уровне или в рамках строгой иерархии стран, их и только их районов, их и только их городов, трудно обнаружить, например, мегаполисы, прибрежный «голубой банан» или Азиатско-Тихоокеанский регион (сконструированный в сущности недавно, на памяти автора этих строк).

У развития разных явлений есть свое характерное время, длина «шага», сдвиги и подвижки, разнотактные ритмы. У пространства тоже. Некое соответствие масштабов времени, пространства и явления учитывается познанием, но не означает, что в точке на карте, в рутинном событии нельзя разглядеть великий закон (пример — ньютоново яблоко). Не все локальное конъюнктурно, и не все глобальное эпохально. Но законы генерализации основаны на противоположных допущениях. К тому же долгое или краткое время, большое и малое пространство влияют на разрешение нашего объектива. Обычно он позволяет видеть или общие контуры и тренды, или кусты и деревья, но не весь лес.

Месторазвитие русских евразийцев тоже требует уточнения масштаба. Вопросы *где и как* тут перетекают в вопросы *за счет чего и кого*. Если экономист заявит, что мир вступил в новую стадию развития, то географ спросит, обязан спросить: Весь мир? — Ну, некоторые, главные страны. — Целиком? Ну, их ключевые районы — признает экономист. Потом выяснится, что и не районы, а центры или их деловые зоны. Досадит географ и строителю, муниципальному чиновнику, если, участвуя в планировке микрорайона, заведет ту же песню

задом наперед: а какое у него место в городе, агломерации, районе, стране, мире? Так устроен географ, и (никому не в укор) устроен правильно — адекватно натуре своей въедливой дисциплины.

Спутником сдвигов на карте мира, кроме изменения размеров и границ государств, их блоков и сфер влияния, является смена идентичностей и самооценок, зачастую весьма болезненная. При этом возникает эффект разных систем отсчета и сравнения. Например, вышеупомянутые Сочи были не так уникальны в СССР при наличии Крыма, Закавказья, Средней Азии. В масштабе социалистического лагеря роль «глубокого юга», выхода в мир тропиков играли Вьетнам и Куба, а последняя — и роль пионера в Западном полушарии. По развитию это были не «первые парни», каковыми ощущали себя ГДР, Чехословакия, Словения или республики советской Прибалтики. С распадом лагеря они попали в новые депрессивные клиенты Запада. Оправиться от этого чуть ли не труднее всех оказалось восточным немцам-осси, несмотря на вливания из общегерманских и европейских фондов. Смена статуса и системы отсчета, пусть долгожданная, была для них слишком быстрой, не оставила выбора и своего государства, а оно — какой-никакой, но повод к самоуважению и психотропное средство от комплекса второсортности.

Полимасштабный подход обнажает случаи, когда (как часто говорит, например, Л.В. Смирнягин) малая доля и ее падение по привычным признакам сопровождаются удержанием и ростом *роли*, обычно новой. Таковы ситуации, связанные с развитием и сменой его стадий. «Игры масштаба» меняют не только облик мест, но и роли в развитии, скажем, по А.Дж. Тойнби. Технические гонки — это *вызов* для стран, правительств и *шанс* для силиконовых бизнесов и долин. При его удачной реализации в тех или иных местах она становится *ответом* — снова на уровне стран. Затем инновации шествуют по миру, раздвигая исходный масштаб своего очага.

Это разновидность *диффузии* — расширения, сжатия, смещения или замещения, сметания прежних «развитий» (рис. 10). Но если масштаб меняется в ходе развития, т.е. если сам процесс переменномасштабен, то вывод о вступлении мира (страны) в новую стадию так же справедлив, как и стремление к его масштабной конкретизации. Можно прямо говорить о *географическом масштабе развития как масштабе содержания и пространства новой или главной* (для данной его стадии) деятельности, зависящий от спроса на территорию и предложения. Переменны и масштабы функционирования, регулярные ритмы пространственных потоков и связей.

Принцип полимасштабности не уникален. Из него выведен практический лозунг: *мысли глобально, действуй локально*. Многие исследования мира людей бимасштабны и «битаксонны», оперируют миром

Фазы

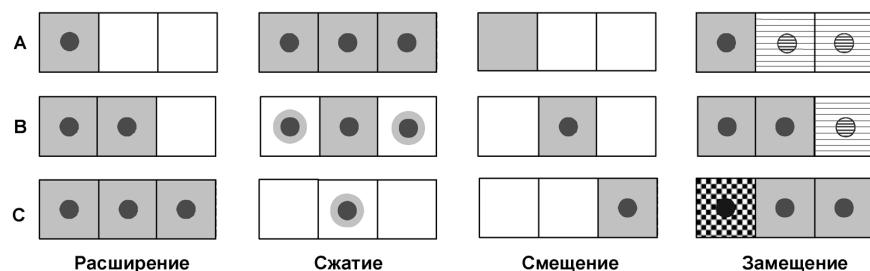

Рис. 10. Условные схемы некоторых типов пространственной диффузии

и странами, страной и ее районами. Привилегия и долг географии, видимо, состоят только в том, чтобы тянуть эту «лестницу» как можно дальше вверх и вниз, до пределов геосферных масштабов.

Основные выводы

Представления социального развития не сводимы к биоэволюционному или к технико-экономическим. Это качественно-количественный естественно-искусственный процесс с разной скоростью (опережающее, догоняющее, отстающее), преемственностью (дополняющее, разрушающее), режимом (поступательное, попятное, колебательное), управляемостью и т. д. Развитие рискованно, не повсеместно и асинхронно, оно рождает волны диффузии, стирающие или воспроизводящие контрасты, и сопряжено со сменой стадий, расслаивающих пространство. Территориальное развитие в терминах экономики есть результат встречи спроса людей и их деятельности на местах с предложением со стороны мест, территорий. Девелопментализмом заражены страны, в ценности и практики которых вошла установка на развитие.

Его исторические концепции исходят из эволюционного единства мира либо из своеобразия каждой цивилизации. Универсализм предлагает оценки уровней развития и всеобщие рецепты, которые подходят не всем. Уникализм привлекает идеей равноправия самобытных культур, в то же время пренебрегая их связями. Обе концепции оперируют циклами, видя их по-разному, и дополняют друг друга. Разные представления о времени и эволюции совместимы в моделях глобальной и локальной цикличности, спирали развития. Для мирового ядра и периферии последняя имеет разную форму. Разным сферам жизни общества и научным задачам соответствуют разные подходы. Для сквозной отраслевой аналитики важнее универсализм, для описаний «геоиндивидов» — уникализм.

Универсальный подход к истории воплощается в схемах стадийных переходов: технико-экономических, задающих мировую хронологию шкалой волн (циклов) разного масштаба; структурно-экономических с опорой на смену секторов и формаций (укладов); макроэкономического: от высоких цен и доходов к низким, а в широком смысле — от богатства к бедности; демографических, урбанистических и др. Все эти схемы требуют географической конкретизации, а места стран и регионов на шкалах переходов вместе позволяют создать набросок эволюционного портрета страны, района или места. Но всегда остается что-то еще, почти вечное, уникальное. События определяют время, место и загадка (национальный характер, случай, пассионарий). Загадки развития страны часто таятся не в типе ее строя, а в самой стране, ее неповторимой «личности».

Полимасштабный принцип (подход) — один из важнейших для географии. Его возможности и требования таковы: он помогает уточнить диапазон географического мира и его многоэтажную иерархию; соподчиняет разномасштабные картины мира, не давая пренебрегать их многомерностью; внутри своего диапазона диктует «вскрытие» смежных объектов и таксонов, облегчая поиск стыковых, трансграничных образований; дополняет аналитическое деление и детализацию пространств обзорным синтезом и генерализацией; требует конкретизации вопроса о том, «где идет развитие», трансформируя его в «как» и «за счет чего»; нацеливает внимание на масштабы самого развития и их изменения.

Литература

1. Алаев Э.Б. Социально-экономическая география. Понятийно-терминологический словарь. — М.: Мысль, 1983.
2. Арманд А.Д. Два в одном: закон дополнительности. — М.: Изд-во ЛКИ, 2008.
3. Бабурин В.Л. Инновационные циклы в российской экономике. — М.: УРСС, 2002.
4. География социально-экономического развития / География, общество, окружающая среда, т. 5. — М.: Городец, 2004.
5. Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. — М.: Наука, 1977.
6. Горкин А.П., Смирнягин Л.В. О факторах и условиях размещения капиталистической промышленности // Известия АН СССР. Сер. геогр., 1973, № 1. С. 40–52.
7. Горкин А.П., Трейвиш А.И., Фетисов А.С. Траектории развития стран мира и эволюционное страноведение // Вестник Моск. ун-та. Сер. 5. Геогр. 2005, № 2. С. 18–28.
8. Грицай О.В., Иоффе Г.В., Трейвиш А.И. Центр и периферия в региональном развитии. — М.: Наука, 1991.

42	География мирового развития
9.	Зайончковская Ж.А. Демографическая ситуация и расселение. — М.: Наука, 1991.
10.	Иноземцев В.Л. За пределами экономического общества. — М.: Academia-Наука, 1998.
11.	Каганский В.Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. — М.: Новое литературное обозрение, 2001.
12.	Липец Ю.Г. Российские регионы в новой ценовой среде // Российские регионы в новых экономических условиях. — М.: РАН, 1996. С. 6–11.
13.	Маергойз И.М. Территориальная структура хозяйства. — Новосибирск: Наука, 1986.
14.	Менделеев Д.И. К познанию России. Изд. 6-е. — СПб.: Изд-во А.С. Суворина, 1907.
15.	Мир на рубеже тысячелетий (прогноз развития мировой экономики до 2015 года). — М.: Новый век, 2001.
16.	Мироненко Н.С. Введение в географию мирового хозяйства: Международное разделение труда. — М.: Аспект Пресс, 2006.
17.	Миронов В.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). ТТ. I, II. — СПб.: «Дмитрий Буланин», 1999.
18.	Пуляркин В.А. Локальные цивилизации во времени и пространстве. — М.: Эслан, 2005.
19.	Сен А. Развитие как свобода. Пер. с англ. — М.: Новое издательство, 2004.
20.	Смирнягин Л.В. Выступление на «круглом столе» по кн. А.Г. Вишневского «Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР» // Третьи сократические чтения по географии. — М.: Компания Спутник+, 2002. С. 191.
21.	Территориальная структура народного хозяйства СССР в период НТР. — М.: Наука, 1989.
22.	Хаггетт П. География: синтез современных знаний. Пер. с англ. — М.: Прогресс, 1979.
23.	Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. Пер. с англ. — М.: АСТ, 2003.
24.	Цымбурский В.Л. Остров России: геополитические и хронополитические работы 1993–2006. — М.: РОССПЭН, 2007.
25.	Шупер В.А. Памяти Валерия Алексеевича Пуляркина // Четвертые сократические чтения по географии. Научные теории и географическая реальность. — М.: Эслан, 2004. С. 5–10.
26.	Щедровицкий П.Г. Формула развития. Сборник статей: 1987–2005. — Архитектура-С, 2005.
27.	Экономическая география мирового развития. XX век. Общ. ред. Ю.Г.Липец, В.А.Пуляркин, С.Б.Шлихтер. — СПб.: Алетея, 2003.
28.	Яценко Н.Е. Толковый словарь обществоведческих терминов. — СПб., 1999.
29.	Apter D. Comparative Politics, Old and New // A New Handbook of Political Science. — N.Y.: Oxford University Press, 1996.

Выпуск I	43
30.	Beaverstock J.V., Smith R.G., Taylor P.J. A Roster of World Cities (http://www.lboro.ac.uk/gawc/rb/rb5.html), 1999.
31.	Chisholm M. Regions in recession and resurgence. — London: Unwin Hyman, 1990.
32.	Geyer H.S., Kontuly T. A theoretical foundation of the concept of differential urbanization // International Regional Science Review, 1993, 15, 3. P. 157–177.
33.	Gibbs J. The evolution of population concentration // Economic Geography, 1963, 39, 2. P. 119–129.
34.	Gwynne R., Klak T., Shaw D. Alternative Capitalisms: Geographies of Emerging Regions. — London — N. Y.: Arnold — Oxford University press, 2003.
35.	Internet World Stats / Usage and Population Statistics (http://www.internetworldstats.com), 2005.
36.	Jaillet M.C., Donzelot J. (dir.). La nouvelle question urbaine. Collection “Recherches”, PUCA, 2001.
37.	Knox P., Agnew J. The Geography of the World Economy. — London: Arnold, 1998.
38.	Massey D. Spatial Divisions of Labour. London: Macmillan, 1984.
39.	Okun A. Equality and Efficiency: The Big Tradeoff. — Washington D.C.: Brookings Institution Press, 1975.

ГЛОБАЛЬНЫЕ ГОРОДА В СОВРЕМЕННОЙ АРХИТЕКТУРЕ МИРОУСТРОЙСТВА

Н.А. Слукa

Современный этап развития мирового сообщества часто называют эпохой «крупных городов», стремительного развития процесса макрополизации. Как свидетельствуют данные ООН, при неуклонном росте абсолютного числа городов в мире все большее количество населения аккумулируют *крупнейшие формы расселения*. В середине прошлого века «городами-миллионерами» располагала только каждая седьмая страна мира, в настоящее время — уже каждая третья. Удельный вес крупных городов в демоурбанистической структуре мира на протяжении последних 50 лет неуклонно увеличивался. По оценкам экспертов, к 2008 г. на планете сформировались 459 агломераций с населением более одного миллиона человек, в которых проживает примерно 2/5 всех горожан и 1/5 всего населения планеты (табл. 1).

Таблица 1

Макрополизация мира, 1950–2005 гг.

Агломерации людностью (млн чел.):	Количество агломераций, ед.			Доля горожан, проживающих в агломерациях, %		
	1950 г.	1975 г.	2005 г.	1950 г.	1975 г.	2005 г.
10 и более	1	3	20	1,6	3,5	9,3
5–10	7	15	30	5,6	7,7	6,5
1–5	75	163	364	18,7	20,9	22,6
Всего	83	181	414	25,9	32,1	38,4

Источник: [45].

Но «крупнейшие» отнюдь не означает в настоящее время «сильнейшие». Народнонаселенческий потенциал уже не может являться ведущим индикатором лидерства и могущества города. По всей видимости, этот критерий остается работоспособным на промышленной стадии общественного развития и с наступлением эпохи постиндустриального общества, провозглашенным социологами и экономистами, уходит в прошлое. Действительно, на этапе индустриализации требуется адекватная концентрация средств производства и рабочей силы. В условиях же формирования постиндустриального общества в мировом масштабе все более ярко проявляется тенденция к углубле-

нию расхождения между демографическим весом отдельных агломераций и их значением не только в национальном, но и в международном разделении труда. Тогда какие же города имеют сейчас преимущественное значение в мировой экономике, правят мирохозяйственными связями?

В последнее время среди всего многообразия типов мегаполисов повышенное внимание международных научных кругов привлекает их особая категория — *глобальные города* (от англ. — global cities). Такое название центров возникло сравнительно недавно, напрямую свидетельствует о близком родстве с процессом глобализации, а, кроме того, обозначает и все большее отдаление от его «пращура» — мирового города (от англ. — world cities).

Термин «мировой город» появился в научном обиходе еще в начале прошлого века. Его использовал британский урбанист П. Геддес в своей работе «Эволюция городов» (1915 г.) для обозначения особой категории городов, играющих роль важнейших центров международной политики и экономики [21]. Согласно одному из наиболее удачных определений, сформулированному еще в 1970-е годы также британцем П. Холлом, мировые города представляют собой сравнительно ограниченный круг «мест, в которых осуществляется весьма непропорциональная часть всемирных наиболее важных дел» [23]. В период с XV по XX вв. такими единоличными мировыми центрами становились Венеция, Антверпен, Генуя, Амстердам, Лондон. Политическое и экономическое возвышение США после Великой депрессии в 30-х годах XX столетия определило Нью-Йорк в качестве нового глобального города-лидера. Впервые за всю историю мировой рыночной экономики ее ядро переместилось за пределы Европы. В третьей четверти XX в. в период консолидации мирового хозяйства и перехода от индустриального капитализма к постиндустриальному обществу складывается так называемая триада центров управления миром — Лондон, Нью-Йорк и Токио.

В начале 1980-х годов важнейшие признаки мировых городов впервые выделил американский исследователь Дж. Фридман. В их число он отнес: наличие относительно большой численности населения; город должен быть местом концентрации штаб-квартир крупнейших ТНК и международных экономических и геополитических организаций; являться мировым финансовым центром, важным в мировом масштабе центром обрабатывающей промышленности, крупным транспортным и коммуникационным узлом международного значения, а также располагать высокоразвитой сферой деловых услуг [19]. Мировые города обладают определенной независимостью от национального политического руководства и постоянно наращивают возможность активно действовать на международной арене.

Термин «глобальный город» впервые появляется в 1990-е годы в работах профессора социологии Чикагского университета С. Сассен [31; 32 и др.]. Предлагая его, она исходила из двух главных соображений. Из необходимости, во-первых, подчеркнуть глобальность наступившего периода общественного развития и специфику развития некоторых городов в нем, во-вторых, найти альтернативный вариант термину «мировой город», термину для типа городов, существовавших на протяжении многих веков. С современных позиций оправдывается формула: далеко не каждый мировой город есть ныне глобальный и, наоборот, далеко не каждый глобальный город «вырос» из мирового. Примерами в первом случае служат в свое время мировые центры, но «волею судеб» утратившие лидерство, включая Антверпен, Венецию или Геную; во втором — большое количество городов (Брюссель, Майами, Сингапур, Сянган и др.), которые приобрели глобальные функции совсем недавно и не могут считаться мировыми городами в старом смысле этого слова.

В фундаментальных трудах С. Сассен с позиций геоэкономики созданы основы теории глобального города. Первоначально в сжатом виде она сформулировала ряд гипотез:

Во-первых, растущее географическое разделение экономической деятельности ведущих корпораций мира является ключевым фактором роста и усиления значения их центральных функций. Чем больше «разбросаны» экономические операции фирмы по различным странам, тем сложнее ее центральные стратегические функции — управление, координация, обслуживание, финансирование всей системы операций компании.

Во-вторых, эти функции становятся настолько сложными, что центры управления огромных глобальных фирм начинают часть из них передавать на аутсорсинг, например, такие функции, как бухгалтерское дело, связи с общественностью, программирование, телекоммуникации и т.п. Сегодня их передают высокоспециализированным сервисным компаниям, работающим по контрактам со штаб-квартирами корпораций. Растущие управленческие структуры огромных фирм все чаще «покупают» готовые услуги, нежели производят их самостоятельно.

В-третьих, специализированные сервисные компании, вовлеченные в наиболее сложные глобализированные рынки, имеют тенденцию к размещению в крупных и крупнейших городских центрах, используя эффекты агломерирования. Сложность услуг, которые требуется произвести, неопределенность рынков, на которых они действуют, возрастающее значение скорости во всех сделках — вот совокупность условий, дающих новый импульс к агломерированию и побуждающих к развитию мегаполисы. Агломерирование компаний, та-

лантов, экспертиз в огромном числе специализированных отраслей приводит к тому, что по набору функций городская среда становится похожей на информационный центр. Пребывание в городе можно сравнить с нахождением в крайне интенсивном и плотном информационном потоке.

В-четвертых, чем больше наиболее сложных, нестандартных функций передается штаб-квартирой на аутсорсинг, тем проще становится выбор места размещения самой штаб-квартиры, поскольку в ее деятельности нет такого сильного стимула к использованию преимуществ агломерирования. Из этого следует, что ключевой сектор, для которого определяющее значение имеют преимущества глобальных городов — это высокоспециализированный и тесно взаимосвязанный сектор услуг. Развивая это предположение, приходится несколько поколебать широко распространенное представление о том, что количество штаб-квартир — это как раз то, что отличает глобальный город.

В-пятых, специализированные сервисные компании должны предлагать глобальное обслуживание, что в свою очередь предполагает наличие у них глобальной сети филиалов. В результате налицо усиление межграницных городских связей и сетей, необходимость создания транснациональных обслуживающих систем.

Иными словами, в новых условиях размещение многих секторов коммерческой деятельности и профессиональных бизнес-услуг становится все более отдаленным от материального производства как такового. За последние десятилетия, отмечает С. Сассен, основной вес в современной постиндустриальной экономике в значительной степени переместился из производственных центров типа Детройта и Манчестера в центры финансов и высокоспециализированных услуг. При этом имеют место противоположные тенденции: в то время как производство рассеивается по всему миру, услуги все в большей степени концентрируются в относительно небольшом количестве городов. Таким образом, в соответствии с выдвинутыми С. Сассен предположениями «делает» глобальный город, в первую очередь, колоссальная концентрация в нем функций и предприятий современных высокоспециализированных услуг [1].

В дальнейшем в развитие выдвинутых первоначальных гипотез в определение глобального города автором вводятся и другие типовые признаки. Глобальный город по С. Сассен — это постиндустриальный центр, максимально интегрированный в мировую экономику и во многом черпающий ресурсы и возможности развития за счет или в результате *взаимодействия в глобальных городских сетях*. Один из важнейших выводов заключается в том, что не существует такой вещи как единичный отдельно взятый глобальный город — и в этом его

принципиальное отличие от мировых городов, например, столиц бывших империй. Кроме того, экономические достижения глобальных центров становятся все более связанными с выгодами позиционирования в общепланетарных городских сетях. Другое важное наблюдение — в основе возникновения и развития глобальной городской сети лежит сложный конгломерат многообразных офисных сетей ТНК и транснациональных банков, то есть ее формирование — скорее результат глобальных корпоративных решений, чем коллективной работы городских властей.

Функционирование корпорационных, читай, городских сетей и слияние их в единую общепланетарную систему, как выяснилось, не может обходиться без наличия особых фокусных узлов, по М. Кастельсу, — «рубильников», которые выступают в качестве немногих центров осуществления властных функций и стратегического руководства в сети [14]. Эта роль отводится городам-концентраторам штаб-квартир крупнейших фирм, руководство которых мыслит и зачастую принимает решения в глобальном масштабе. Такие города во многом отвечают за «структурирование» всей мировой экономики и дальнейшее усиление системности межгородского взаимодействия. Таким образом, важной частью современной пространственной парадигмы развития глобальной экономики становится формирование «нового урбанистического порядка», строящегося на основе сетевых структур, ключевыми узлами которых выступают глобальные города.

Но любая теория требует проверки практикой. Отталкиваясь от наработок С. Сассен и ряда других ученых, эмпирически постижимыми глобальные города как элементы всемирной и взаимосвязанной системы пытается представить «Исследовательская группа глобализации и мировых городов» (Globalization and World Cities Study Group, сокр. — GaWC). Она возникла в конце 1990-х годов на базе британского университета Лафборо (Loughborough) и действует под руководством профессора П. Тейлора. Для достижения поставленной цели группой применяется подход, при котором рассматриваются глобально функционирующие фирмы, занимающиеся предоставлением услуг, и их транснациональные организационные сети. На базе обработки колоссального объема корпорационной информации построены модели внешних связей, позволяющие определить пространственные отношения между любой парой глобальных городов.

При составлении сетевой модели GaWC исходит из следующих положений. Производители наукоемких услуг образуют ядро глобальной сферы услуг, предлагают ТНК по возможности «всемирный» сервис и агрессивно развивают международную сеть представительств, которую вряд ли может заменить обслуживание через Интернет. Только тот, кто способен быстро мобилизовать по всему миру компетент-

ную команду, пользуется спросом как консультант у крупных компаний. Ядрами этой сети выступают глобальные города¹. Такой подход дает возможность формализации концепции в виде трехуровневой сети: уровень мировой экономики, на котором предлагаются услуги; города как узловые пункты, в которых производятся наукоемкие услуги; фирмы как действующие лица [24; 38].

Результаты расчетов и их анализ показывают, во-первых, безоговорочное лидерство Лондона и Нью-Йорка по степени вовлеченности в глобальную сеть городов, а во-вторых, неравномерное распределение ключевых узлов сети. Наиболее интегрированные в сеть города концентрируются в Северной Америке, Западной Европе и Восточной Азии. При этом историческое значение европейских городов как исходных пунктов зарождения феномена «мирового города» отражается в большом числе центров, предоставляющих услуги, но с различной степенью вовлечения во всемирную сеть. Напротив, в Восточной Азии немногие города интегрированы в сеть, но при этом с высокой степенью вовлеченности. Вне трех доминирующих в мировой экономике регионов сильно интегрированных городов практически нет.

Весьма любопытна оценка властных связей в сети мировых городов на основе анализа географии главной и региональных штаб-квартир ТНК. Размещение головных офисов зачастую отражает историю возникновения фирмы, а система региональных представительств может рассматриваться как часть ее штандортной стратегии. В первом случае в число глобальных центров управления попадает лишь 21 город, 20 из которых находится в Западной Европе и Северной Америке (по 10 городов). При этом с большим отрывом лидируют Лондон и Нью-Йорк, далеко опережая следующий за ними Чикаго. Единственным представителем глобальных центров управления в «прочем мире» является Токио. Во втором случае круг региональных центров управления еще более узок (12 городов), а география шире.

¹ Города в этой сетевой системе понимаются как узловые пункты, в которых пересекаются штандортные сети глобальных фирм. Для выявления межгородских взаимосвязей GaWC использованы данные за 2000 г. о размещении офисных центров 100 крупнейших глобальных фирм-производителей услуг шести отраслей, с представительством как минимум в 15 городах и хотя бы одним офисом в пределах каждой из трех «арен глобализации» в Северной Америке, Европе и Восточной Азии. В целом в исследование вовлечены материалы по 23 банкам, 11 страховым компаниям, 18 аудиторским компаниям, 16 фирмам из сферы юриспруденции, 17 консалтинговым фирмам и 15 рекламным агентствам. Сбор данных велся по 315 городам мира с целью охватить все потенциально важные центры услуг. Для приведения собранных сведений в единый формат нашла применение шестиуровневая шкала: от 0 (нет присутствия) до 5 (правление компании). В результате возникла матрица данных для 315 городов и 100 фирм с 31 500 «оценок услуг» [36; 39; 41].

Единоличное первое место держит Лондон с 25 такими офисами. За ним следуют Сянган, Нью-Йорк и Майами. Третий эшелон центров составляют Сингапур, Токио и Сан-Паулу.

Важный вывод заключается в том, что сосредоточение глобальных или региональных штаб-квартир компаний не является единственно важным критерием для определения степени интегрированности города в глобальную сеть. Многие города приобретают особое значение за счет своего положения в сети, в частности, в результате выполнения посреднических функций между глобальными и региональными рынками и потоками информации. Замечено, например, что Сянган не входит в элиту управленческих центров, но имеет наивысшую степень вовлеченности во взаимосвязи между глобальными городами после Лондона и Нью-Йорка. Такие центры получили наименование «городов-ворот». Здесь «власть» реализуется скорее посредством стратегического позиционирования города в сети [10].

Так или иначе, но все основные положения теории уже глобального города выдержали проверку на конкретном, хотя и ограниченном фактическом материале. Остается, конечно, немало открытых вопросов, но это сюжет уже для проведения дальнейших изысканий. Отдельным достижением GaWC следует рассматривать создание своей классификации глобальных городов на основе балльной оценки выполняемых функций в сфере четырех типов высших услуг — бухгалтерский учет и аудит, реклама, финансы и банки, страхование. В зависимости от суммы набранных баллов все мегаполисы разделены на четыре ранга — α , β , γ , δ , и параллельно на 12 категорий (12-я — наивысшая, 1-я — низшая). Исследовательской группой выделено 55 глобальных городов разного ранга и 67 центров, имеющих достаточный потенциал, чтобы в будущем приобрести статус глобальных (табл. 2). Несмотря на важный шаг вперед, по мнению как авторов, так и ряда критиков, классификация не является окончательно устоявшейся, общепринятой и остается спорной.

Итоги проведенной систематизации мегаполисов хорошо коррелируются с градоцентрической моделью пространственной структуры мирового хозяйства². В территориальном плане глобальные города распределяются неравномерно, точно соответствуя географии экономически наиболее развитых и богатых стран мира. Они формируют три главных «куста», или зоны концентрации: Западноевропейскую, Североамериканскую и Азиатско-Тихоокеанскую, каждая из которых имеет свою специфику. Для остальных регионов мира категория глобальных городов представлена лишь единичными центрами: Сан-

² Подробнее см. монографию: Слукa Н.А. Градоцентрическая модель мирового хозяйства. М., 2005. — 168 с.

Таблица 2

Рейтинг глобальных городов по П. Тейлору

Ранги и категории мировых городов		Города
α (Альфа) – Ведущие	12	Лондон, Нью-Йорк, Париж, Токио
	10	Лос-Анджелес, Милан, Сингапур, Сянган, Франкфурт-на-Майне, Чикаго
β (Бета) – Главные	9	Сан-Франциско, Сидней, Торонто, Цюрих
	8	Брюссель, Мадрид, Мехико, Сан-Паулу
	7	Москва, Сеул
γ (Гамма) – Второстепенные	6	Амстердам, Бостон, Вашингтон, Даллас, Джакарта, Дюссельдорф, Женева, Йоханнесбург, Каракас, Мельбурн, Осака, Прага, Сантьяго-де-Чили, Тайбэй, Хьюстон
	5	Бангкок, Варшава, Монреаль, Пекин, Рим, Стокгольм
	4	Атланта, Барселона, Берлин, Будапешт, Буэнос-Айрес, Гамбург, Копенгаген, Куала-Лумпур, Манила, Майами, Миннеаполис, Мюнхен, Стамбул, Шанхай
δ (Дельта) – Формирующиеся	3	Афины, Вена, Дублин, Люксембург, Лион, Мумбай, Нью-Дели, Рио-де-Жанейро, Тель-Авив, Филадельфия, Хельсинки
	2	Абу-Даби, Алматы, Бирмингем, Богота, Братислава, Брисбен, Бухарест, Ванкувер, Гаага, Детройт, Дубай, Каир, Кельн, Киев, Кливленд, Лима, Лиссабон, Манчестер, Монтевидео, Осло, Роттердам, Сиэтл, Хошимин, Штутгарт
	1	Аделаида, Антверпен, Балтимор, Бангалор, Богота, Бразилиа, Генуя, Глазго, Гуанчжоу, Дрезден, Калгари, Канзас, Кейптаун, Колумбус, Лидс, Лилль, Марсель, Ричмонд, Санкт-Петербург, Ташкент, Тегеран, Турин, Утрехт Ханой, Эдинбург

Источник: [38].

Паулу, Рио-де-Жанейро и Буэнос-Айрес — в Южной Америке, Йоханнесбург — в Африке, Сидней — в Австралии и некоторые другие.

Главная особенность *Западноевропейского* «куста» глобальных городов — самая продолжительная история урбанистического развития, на протяжении которой происходит формирование городов-лидеров региональной и глобальной экономики и их постоянная ротация. В свое время первенствовали Антверпен, Венеция, Генуя и ряд других центров. В настоящее время в регионе высока конкуренция за лидерство между столицами Великобритании и Франции. Хотя большинство специалистов отдают предпочтение Лондону, который как мировой центр сформировался еще в XVIII–XIX вв. За длительную историю развития в регионе возникает густая сеть глобальных городов самых различных рангов. В совокупности они образуют своего рода трансевропейский «хребет», протянувшийся от Дублина через Лондон, Париж, города долины Рейна до Милана и Рима, который хорошо читается на карте региона. Более того, как отмечает ряд исследова-

телей, в 1990-е годы начинает формироваться второй — восточный «хребет» городов на территории Центральной Европы, состоящий в основном из центров второго поколения (столиц).

Североамериканский узел глобальных городов гораздо моложе, но является, пожалуй, самым крупным и глубоко втянутым в систему мирового хозяйства. Его основу составляет сложная сеть мегаполисов США. Здесь присутствуют глобальные города всех без исключения рангов. Расположенные по контуру страны, они образуют своего рода кольцо глобальных центров. Ключевые позиции среди них занимают Нью-Йорк, Лос-Анджелес и Чикаго, которые тесно взаимодействуют с глобальными центрами из других стран и регионов мира. Многие североамериканские города имеют огромный потенциал и в будущем претендуют на статус глобальных.

Азиатско-Тихоокеанская подсистема глобальных городов — самая молодая по времени образования — носит «линейный» характер и формируется по оси Токио–Сингапур. Для нее типична, с одной стороны, явно доминирующая роль столицы Японии, а с другой — многочисленность и высокая динамика роста «второстепенных» мировых городов. Это преимущественно крупнейшие центры быстроразвивающихся так называемых новых индустриальных стран — Бангкок, Сингапур, Сянган, Тайбэй, Сеул, Манила и целый ряд других.

По мере развития процесса глобализации, втягивания в международные связи все новых стран и городов и расширения сфер международных контактов становится все более очевидным, что для определения мощи и иерархии глобальных мегаполисов явно недостаточно оценки их позиционирования в рамках только нескольких секторов высокоспециализированных деловых услуг. Такие границы становятся относительно узкими. Города все в большей мере возвышаются, черпая интеграционные ресурсы в самых различных областях. Это отчетливо понимают специалисты GaWC. В своих последних работах они развивают теорию глобального города в прямой увязке с многонаправленностью процесса глобализации. Помимо сферы высокотехнологичных производственных услуг в расчеты попадают политический, социальный и культурный аспекты. Это большой шаг на пути понимания города, с одной стороны, как первичного пункта, точки (*locales*), где глобализация «производится и воспроизводится» [34], а с другой — как центра не только мирового хозяйства, а всей мировой системы.

Апробированная ранее GaWC методика исследования не претерпевает принципиальных изменений. Существенно расширяется лишь его эмпирическая база, включающая уже 15 индикаторов. Почти половина из них ориентирована на оценку участия городов в экономической глобализации. Помимо размещения штаб-квартир крупнейших нефинансовых ТНК, согласно данным Global-500, приводимых журналом

Fortune, позиции мегаполисов отслеживаются в сетевых структурах глобальных фирм следующих сфер деловой активности: «рекламные услуги», «бизнес-консалтинг», «банковские и финансовые услуги», «страхование», «бухгалтерский учет и аудит», «юридические услуги» [18]. Их дополняют индикаторы политической глобализации (размещение «организаций ООН», «национальных дипломатических миссий», «организаций локального уровня»), социальной («международные неправительственные организации», «научное сотрудничество») и культурной («масс-медиа», «архитектурный инжиниринг»). По всем показателям определяется «величина узла» («нодальный размер») и «уровень связности» («сетевая связность»), что служит основанием для «поотраслевого» и комплексного ранжирования городов.

Несмотря на некоторые сомнения в работоспособности отдельных индикаторов, которые разделяет и сам П. Тейлор, их синтез дал окончательный табель о рангах городов (табл. 3). Согласно итоговому расчетам, в иерархию входят 49 мегаполисов, которые по совокупности признаков разводятся на две большие категории — глобальных и мировых городов. Отметим, что наименование второй категории, на наш взгляд, не совсем удачно. Принцип «разведения» категорий здесь исключительно иерархический: если город достиг определенных пороговых значений «величины» и «уровня связности», то он причисляется к категории «глобальных» и наоборот. И такой принцип не согласуется с выше приведенными по поводу введения новых дефиниций соображениями С. Сассен. Возможно, дабы избежать в очередной раз терминологической путаницы логичнее обозначить эту группу городов как-то иначе, например, «международные центры».

Глобальные города подразделяются на комплексные, «полнопрофильные» и на специализированные. Среди первых с большим отрывом лидируют Лондон и Нью-Йорк, которые, как правило, занимают верхние позиции в листингах по подавляющему большинству индикаторов. За ними следуют Лос-Анджелес, Париж и Сан-Франциско — центры с несколько меньшим участием в глобальных процессах, но имеющие, как отмечают авторы классификации, повышенное значение «культурного» фактора. Третий эшелон представлен семью дословно по авторскому определению «формирующимися», а точнее — достраивающими весь спектр глобальных отношений, городами, к числу которых — что симптоматично — отнесена и Москва. Среди «специализированных» центров за счет выдающихся позиций в «экономической глобализации» выделяются три ведущих мегаполиса азиатского региона — Сянган, Сингапур и Токио, а за счет позиционирования в политической и социальной глобализационной сети — Брюссель, Женева и Вашингтон.

Таблица 3

**Рейтинг мировых центров по «участию»
в процессе глобализации по П. Тейлору**

Глобальные города				
Комплексные глобальные города			Специализированные глобальные города	
<i>Сверхкрупные центры глобализации</i>	<i>Крупные центры глобализации</i>	<i>Глобальные города начального уровня</i>	<i>Центры экономической глобализации</i>	<i>Центры политической и социальной глобализации</i>
Лондон, Нью-Йорк	Лос-Анджелес, Париж, Сан-Франциско.	Амстердам, Бостон, Мадрид, Милан, Москва, Торонто, Чикаго	Сингапур, Сянган, Токио	Брюссель, Вашингтон, Женева
Международные (мировые) города				
Международные города – ведущие центры отдельных глобализационных подсетей			Международные города – ведущие «нодальные» центры глобализации	
<i>Центры подсети культурной глобализации</i>	<i>Центры подсети политической глобализации</i>	<i>Центры подсети социальной глобализации</i>	<i>Центры преимущественно экономической глобализации</i>	<i>Центры преимущественно внеэкономической глобализации</i>
Берлин, Копенгаген, Мельбурн, Мюнхен, Осло, Рим, Стокгольм	Бангкок, Вена, Пекин	Манила, Найроби, Оттава	Майами, Мюнхен, Осака, Сидней, Сингапур, Франкфурт-на-Майне, Цюрих	Абиджан, Аддис-Абеба, Атланта, Базель, Барселона, Дели, Денвер, Каир, Лион, Манила, Мехико, Мумбай, Хараре, Шанхай

Источник: [37].

Остальные 34 города, попавшие по итогам анализа в мировую элиту, относятся к категории «международных» (по П. Тейлору — мировых). Из них 13 центров завоевало свое «место под солнцем» в результате узлового положения в отдельных глобализационных подсетях. Классические примеры — Вена, находящаяся в центре подсети ООН-овских структур, или Найроби — подсети «международных неправительственных организаций». Другую группу составляют так называемые «нишевые» мегаполисы, в том числе семь из них отличаются повышенным весом в экономической сфере, а 14 — в иных, внеэкономических сферах глобализации. Типичным примером в первом случае служит Франкфурт-на-Майне, выделяющийся колоссальным сосредото-

ем международных банковских структур и иных учреждений финансовой деятельности, а во втором — Манила с высокой концентрацией штаб-квартир международных неправительственных организаций.

Сравнивая состав городов данной классификации GaWC с более ранним вариантом, построенным на оценке их места только «в мире» высокоспециализированных услуг, очевидно, что в обоих случаях фигурирует около 50 центров, и города-лидеры в целом сохраняют свои позиции. Однако обращает на себя внимание и ряд изменений, в том числе территориального плана. Если абстрагироваться от частичной, возможно, и закономерной ротации в составе мегаполисов Европы (в том числе усиление позиций городов богатейшей Швейцарии), то трансформации, связанные с городами из других регионов, несут немало «неожиданностей». Во-первых, в новом табеле о рангах из пяти мегаполисов стран Латинской Америки остался лишь Мехико. Во-вторых, впечатляет «нашествие» городов африканского континента. Вместо одинокого Йоханнесбурга за счет политико-социальных факторов глобализации появляется «команда» из пяти центров, включая Абиджан, Аддис-Абебу, Каир, Найроби и Хараре. В-третьих, новичками в иерархии ведущих глобальных центров стали азиатские города, например, индийские Мумбай и Нью-Дели, но при этом из мира ведущих исчезли такие экономически мощные и динамично развивающиеся агломерации как Сеул, Тайбэй, Джакарта.

При всем уважении к разработчикам новой системы «взвешивания» городов в глобализирующемся мире не со всеми выводами можно согласиться. Например, спорно устранение из числа ведущих латиноамериканских центров, по крайней мере, Сан-Паулу — одного из региональных лидеров не только по людности, но и по масштабам экономики, концентрации филиалов крупнейших ТНК, штаб-квартир международных неправительственных организаций и т.д. Сомнителен и резкий «прыжок» в рейтинге мировых лидеров мегаполисов стран Африки — этого общепризнанного «отцепившегося вагона уходящего вперед поезда» современного мирового развития.

Но в целом, несмотря на все разнообразие концептуальных подходов, определенный разноречивый в применяемых исследовательских схемах и полученных результатах и т.д. практически все специалисты признают реальное существование глобальных городов и формирование транснациональной урбанистической системы. Такие центры выделяются не по величине людности или статусу столиц наиболее крупных стран, а по диапазону действий, экономической мощи и степени политического и социо-культурного влияния. Они являются местоположением ключевых индивидуумов, учреждений и организаций, которые управляют, манипулируют, диктуют и определяют формирование и воспроизводство капитализма во всем мире [15]. Более того,

результатом объективных процессов стало образование единой сети глобальных городов как главных центров всей мировой системы. Глобальные города — ключевые элементы международной интеграции. С одной стороны, они формируют опорный каркас, который обеспечивает ход процесса глобализации, а с другой — выступают связующими звеньями между глобальным и локальным, являются каналами, которые передают глобальные импульсы внутрь страны. Не отрицают значения особых международных центров даже отдельные критики теории глобальных городов [16; 22; 30 и др.]. Сомнению подвергается в большей степени ее эмпирическое обоснование, мера влияния ограниченного числа городов на мировое развитие. Эти и целый ряд других вопросов свидетельствуют скорее о незавершенности теории и дискурса, нежели о неспособности мегаполисов выполнять глобальные функции.

По основным параметрам «масштабов жизнедеятельности» большинство ведущих глобальных центров вполне сопоставимы, а зачастую и превосходят целые государства. Их сверхкрупность и суперзначимость в самых различных ипостасях развития международного сообщества — один из лейтмотивов при формулировании градоцентрической концепции пространственной организации мировой системы. Последняя, согласно мир-системной теории современного американского мыслителя И. Валлерстайна, включает три взаимосвязанных арены «коллективного действия» — политическую, экономическую и социо-культурную [44]. Количественная оценка и сравнительный анализ «ключевых компетенций» мегаполисов в рамках этих трех арен — важный шаг на пути создания общего представления о феномене глобальных городов и понимания их истинного места в современной архитектуре мироустройства.

Глобальные города в геополитической системе мира. Для реализации своей миссии глобальный город должен обладать широко понимаемой центральностью международного положения. До эпохи глобализации определенными привилегиями для осуществления внешних связей обладали столицы, которые являлись «рупором» национальной политики по международным вопросам. Не случайно в СМИ целые страны идентифицировались с отдельными городами-брендами от политики. Хорошо известны сложившиеся клише типа «рука Москвы», «Белый дом», «по мнению Пекина» или «Парижа». Далеко не все современные глобальные города несут бремя столичности. Согласно расчетам, менее 2/5 глобальных центров, выделяемых GaWC, являются столицами национальных государств. Причем, такая пропорция сохраняется почти по всем категориям мегаполисов, начиная от ведущих («Альфа»-группа) и кончая группой формирующихся, причем в последней даже лишь чуть более трети обладает столичным

статусом. Таким образом, «столичность» не относится к числу ключевых стимулирующих факторов становления глобального города.

Гораздо большее значение имеет вхождение городов в единую систему геополитических центров мира, «уровень доступа» к управлению геополитическими процессами. Это достигается в том числе сосредоточением в городах штаб-квартир и представительств наиболее влиятельных международных организаций и групп, что обеспечивает дополнительные рычаги воздействия при подготовке и принятии различных важных транснациональных решений. Международные организации как понятие и явление общественной жизни появились в XIX в. Они подразделяются на две категории — международные межгосударственные (межправительственные) организации (ММО) и международные неправительственные организации (МНПО, в английской аббревиатуре — NGO)³. В ходе процессов глобализации и интернационализации число международных организаций постоянно увеличивается, и ныне достигло уже нескольких десятков тысяч. Подавляющая часть из них приходится на долю МНПО. ММО гораздо многочисленнее, но имеют существенно большую весомость. Они являются субъектами международного права, и их деятельность полностью регулируется его нормами. В настоящее время таких учреждений насчитывается около 300, а крупнейших и наиболее влиятельных — менее 150.

В самых общих чертах оценить место глобальных городов в системе геополитических центров позволяет анализ размещения штаб-квартир международных организаций и групп. В случае МНПО можно говорить о повышенном уровне территориальной концентрации их руководящих органов. Половина из общего числа официально зарегистрированных МНПО базируется только в 20 городах, причем 13 из них находятся в Европе. В первую десятку центров входят все основные глобальные города, но среди них явно выделяется Брюссель. Здесь расположены штаб-квартиры 1,4 тыс. МНПО, это почти столько же, сколько в Лондоне и Париже вместе взятых. Каждый из этих городов традиционно считается оплотом свободомыслия, является очагом национальных и международных общественно-политических объединений и движений самого разнообразного характера и направления, излюбленным местом проведения целого ряда эпохальных международ-

³ В настоящее время широко используется определение МНПО, данное в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 1296 (XIV) от 23 мая 1968 г., согласно которой такой организацией считается «любая международная организация, не учрежденная на основании межправительственного соглашения». Выделяется три главных признака МНПО: некоммерческая цель деятельности, создание в соответствии с внутренним актом какого-либо государства, осуществление деятельности, по крайней мере, в двух государствах.

ных съездов, конференций и конгрессов⁴. На этом фоне весьма скромными оказываются позиции Нью-Йорка и особенно Токио. Отметим, что во второй десятке геополитических центров в качестве новых точек роста выделяются такие города развивающихся стран как Буэнос-Айрес (110 штаб-квартир МНПО), Найроби (100) и Мехико (87) [11].

В целом типические черты в размещении штаб-квартир ММО и МНПО во многом одинаковы. По предварительным подсчетам, опирающимся на данные из соответствующего раздела географического справочника ЦРУ, на семь ключевых геополитических центров — Нью-Йорк, Париж, Лондон, Брюссель, Женеву, Вашингтон и Вену — приходится более 2/3 всех штаб-квартир ММО, а на Топ-10 глобальных городов, согласно классификации GaWC, — ровно треть. Среди них безоговорочным лидером является Нью-Йорк — место размещения головного офиса ООН и ряда ее крупных структурных подразделений, комиссий, комитетов, миссий и т.д. По масштабам деятельности с ним не сопоставимы остальные центры, включая Лондон и Париж. Нельзя не отметить очень высокий рейтинг Женевы, где находятся руководящие органы Всемирной метеорологической организации, Всемирной организации здравоохранения, Всемирной организации интеллектуальной собственности, Всемирной торговой организации, Международной организации труда и целый ряд других. Не намного уступает ей Брюссель, который, став в 1959 г. центром Европейского Экономического Сообщества (затем Европейского Союза), а в 1967 г. — НАТО, не без оснований претендует на звание европейской столицы. Здесь находятся также штаб-квартиры Международной конфедерации свободных профсоюзов, имеющей 206 филиалов в 141 стране, Всемирной конфедерации труда, Совета по таможенному сотрудничеству, Западноевропейского союза и многие другие.

Таким образом, можно констатировать сохранение основной глобальной геополитической оси «Европа — США», история которой насчитывает более двухсот лет, а центры Азиатско-Тихоокеанского и иных регионов мира пока остаются в тени. Причем, если североамериканский геополитический регион имеет выраженную моноцентрическую структуру, единолично и с большим отрывом возглавляемую Нью-Йорком, то европейский регион отличается полицентризмом. Минимум четыре европейских глобальных центра конкурируют за первенство — это Брюссель, Женева, Лондон и Париж. Причем, первые два из них, не обладая крупным демографическим и экономическим потенциалом, именно за счет геополитического фактора имеют весьма высокий рейтинг в иерархии глобальных городов в целом.

⁴ Например, в Брюсселе в 1874 г. состоялась Конференция по вопросам о законах и обычаях войны, в 1920 г. — Международная финансовая конференция, в 1958 г. — Всемирная выставка и многие другие.

Глобальные города в системе управляющих центров мировой экономики. Геополитика — «родная сестра» геоэкономической мощи. Оценке значимости и влиятельности различных агломераций в мировом хозяйстве посвящено большое число исследований [19; 20; 31, 32 и многие другие]. Немало сломано копий в полемике о методических подходах к подобного рода изысканиям, не утихают дискуссии о наборе и адекватности используемых индикаторов. Очевидно, что наиболее объективную картину дает синтез ряда показателей, а наиболее наглядные результаты — такой действенный инструментарий как рейтингование. Так или иначе, но при анализе современных «кондиций» глобальных городов в мировом хозяйстве невозможно обойтись без двух главных характеристик. Первая из них — «родовой» признак — степень участия центров в руководстве и контроле глобальной экономики, что отражается уровнем концентрации штаб-квартир крупнейших ТНК; вторая — общие масштабы хозяйственной деятельности, которые идентифицируются прежде всего объемами создаваемого ВВП.

Сводные рейтинги самого различного происхождения традиционно возглавляют крупнейшие ТНК стран Мировой Триады. Несмотря на перманентный процесс слияний и поглощений компаний, размещение штаб-квартир лидеров мирового бизнеса в целом можно считать достаточно устойчивым. По уровню их концентрации явно выделяются Токио, Нью-Йорк, Лондон и Париж. В совокупности на них приходится более 1/4 всех штаб-квартир ТНК из числа 500 крупнейших в мире, согласно списку Global-500. Однако «первым среди равных» выступает Токио (табл. 4). Здесь находится 56 штаб-квартир ТНК из числа 500 крупнейших нефинансовых корпораций мира; 9 крупнейших промыш-

Таблица 4
Города-лидеры по числу штаб-квартир ТНК (Global-500), 1995–2005 гг.

1995 г.			2005 г.		
Ранг	Город	Число штаб-квартир	Ранг	Город	Число штаб-квартир
1	Токио	93	1	Токио	56
2	Осака	32	2	Париж	27
3	Париж	27	3	Лондон	23
4	Лондон	26	4	Нью-Йорк	22
5	Нью-Йорк	22	5	Пекин	12
6	Сеул	11	6	Сеул	9
7	Мюнхен	9	7	Осака	9
8	Франкфурт-на-Майне	7	8	Мюнхен	7
9	Атланта	7	9	Торонто	7
10	Цюрих	7	10	Атланта	7

Источник: [4].

ленно-финансовых групп страны. Каждая из них располагает огромными бизнес-активами и возможностями. Не случайно, некоторые исследователи склонны считать, что именно Токио является сейчас ведущим центром по управлению всей промышленностью мира [2].

Вместе с тем знаменательны сдвиги, произошедшие в рейтинге управляющих глобальной экономикой мегаполисов за последнее десятилетие. Во-первых, заметно ослабла гегемония признанных лидеров. Если в 1995 г. первая десятка городов «вбирала» почти половину всех штаб-квартир крупнейших ТНК мира, то в 2005 г. — лишь чуть более трети. Очень заметно «сдали позиции» лидировавшие прежде японские центры — Токио и Осака. Во-вторых, наблюдается активное подключение в сложившуюся иерархию и географию штаб-квартир ведущих ТНК новых центров. Пожалуй, самый наглядный пример — Пекин, который в сжатые сроки буквально ворвался в Топ–10 городов по числу штаб-квартир нефинансовых ТНК и ныне занимает пятую строчку в рейтинге. В-третьих, вместе с национальной экономикой прогрессируют позиции и целого ряда других как «относительно молодых», так и совсем «юных» глобальных мегаполисов — Сингапура, Шанхая, Сянган, Сан-Паулу и т.д. В них наблюдается особенно быстрый рост числа региональных штаб-квартир и представительств ТНК. Например, в Сянгане только за 1991–2003 гг. их количество увеличилось более чем в четыре раза [13].

Глобальные центры — крупнейшие «производящие» города мира. Даже поверхностное знакомство с международной статистикой позволяет признать колоссальный экономический потенциал глобальных мегаполисов. Только их первая десятка в настоящее время дает свыше 1/10 всего ВВП мира. Беспрецедентны показатели Большого Токио и Большого Нью-Йорка, занимающих две первые позиции в рейтинге главных «производящих» городов мира (табл. 5). Параметры остальных, хотя также внушительны, но сильно уступают — в 2–2,5 раза и более — лидерам. Для сравнения укажем, что в 2005 г. ВВП по ППС Москвы, согласно приводимому источнику, оценивался в 181 млрд долл. (25-е место в рейтинге). Уже эти данные наглядно иллюстрируют экономическую сторону градоцентризма современной архитектуры мироустройства и, судя по прогнозам экспертов, ситуация в ближайшем обозримом будущем кардинально не изменится.

Закономерно, что все глобальные города выделяются по усредненной величине ВВП на душу населения. Он, как правило, гораздо выше относительно прочих территорий стран и регионов, что неизбежно накладывает отпечаток на характер многих социально-экономических процессов в системе отношений «центр–периферия». Так, в Большом Париже ВВП на одного жителя составляет около 46,8 тыс. долл., что в полтора раза выше, чем в среднем по Франции. Во Франкфурте-на-Майне, считающемся одним из самых богатых горо-

дов Европы, он в два с половиной раза выше, чем в среднем по Германии. Аналогичные контрасты типичны и для пока экономически гораздо менее развитых государств и значимых глобальных центров. Например, Шанхаю — индустриальной столице КНР — безоговорочно принадлежит первое место по размеру ВВП на человека среди всех административно-территориальных единиц страны [26; 33; 35].

Однако при всей наглядности показатель ВВП — это всего лишь общий ориентир. Совокупный объем ВВП «накачивается» за счет целого ряда специфических функций, выполнение которых и определяет место и роль городов на геоэкономической «площадке» мира. Элита глобальных мегаполисов уже давно ориентируется на тенденции постиндустриализма, развитие так называемой «новой экономики», основанной на «трех китах» — информации, знаниях и инновациях.

Таблица 5

Агломерации-лидеры по объему ВВП по ППС

Ранг по объему ВВП	Агломерации	Объем ВВП по ППС, млрд долл.		ВВП по ППС на душу населения, тыс. долл., 2005 г.
		2005 г.	2020 г. (прогноз)	
1	Токио	1191	1602	33,8
2	Нью-Йорк	1133	1561	60,6
3	Лос-Анджелес	639	886	51,9
4	Чикаго	460	645	52,3
5	Париж	460	611	46,8
6	Лондон	452	706	53,2
7	Осака-Кобе	341	430	30,2
8	Мехико	315	606	16,2
9	Филадельфия	312	440	57,9
10	Вашингтон	299	426	70,6
11	Бостон	290	413	66,5
12	Даллас	268	384	57,4
13	Буэнос-Айрес	245	416	19,5
14	Сянган	244	407	34,7
15	Сан-Франциско	242	346	71,4
16	Атланта	236	347	54,8
17	Хьюстон	235	339	54,3
18	Майами	231	331	42,6
19	Сан-Паулу	225	411	12,3
20	Сеул	218	349	22,6
21	Торонто	209	327	39,4
22	Детройт	203	267	50,4
23	Мадрид	188	299	33,5
24	Сиэтл	186	269	62,3
25	Москва	181	325	17,0

Источник: [43].

Подавляющее большинство городов отказалось от специализации на производстве массовой промышленной продукции. Это по нынешним меркам дорого и малоэффективно. Достаточно сказать, что в Лондоне, Нью-Йорке, Париже, Сан-Франциско и во многих других «зрелых» центрах доля индустрии в структуре как занятого населения, так и стоимости ВВП составляет менее 6–7%, хотя еще несколько десятилетий назад достигала 1/3 и более [3; 17; 26; 29 и др.].

Глобальные города как центры деловых услуг. В современных условиях выполнение международных функций и поддержание в необходимом тоне деловой активности, как главной «области интересов» глобального города, немыслимо без высокоразвитого сектора услуг, особенно производственных⁵. Его подразделения все в большей мере выступают как основные отрасли специализации глобальных городов. Кроме того, развиваясь по принципу сетевых структур, они обеспечивают дополнительную смычку мировых центров. Насыщенность и соответствие данного сектора деятельности самым высоким мировым стандартам непосредственным образом влияют на имидж и международный рейтинг городов, а для «прочих» мегаполисов служат важным мерилом, своего рода пропуском для попадания в глобальную урбанистическую элиту. Центральное место среди огромного спектра современных видов сервиса занимают финансовые, а также профессиональные и консультационные услуги.

Язык и мощнейший инструмент современного бизнеса — свободный капитал. Не случайно практически всеми исследователями глобальный город в первую очередь идентифицируется как мировой финансовый центр, под которым понимается географическое средоточие финансовых операций и осуществляющих их банков, финансовых компаний, фондовых бирж и других институтов [8]. География мировых финансовых центров и глобальных мегаполисов практически совпадает. Финансовый сектор не только играет большую самостоятельную роль как обеспечивающий специализацию города на глобальных рынках, но и во многом определяет развитие ряда других отраслей его экономики. Он оказывает мощное стимулирующее воздействие на развитие как старых, так и новых видов деятельности, включая страхование, охранное дело, компьютерное обслуживание, программное обеспечение, подготовку кадров, консультационные услуги и многие другие.

⁵ Все отрасли сферы услуг, объединяющей чрезвычайно неоднородные виды деятельности, условно можно разделить на четыре большие группы: производственные или деловые (профессиональные, консультационные, финансовые, страховые, риэлторские и т.д.); распределительные (розничная и оптовая торговля, транспорт, связь); личные (гостиничное дело, общественное питание, развлечения и отдых, домашние услуги); социальные (здравоохранение, образование, культура, услуги государственных организаций) [5].

Особое значение специалистами придается наличию в глобальных городах фондовых бирж как мест прямых контактов самого высокого уровня. При этом признается их более важная роль в качестве центров крупномасштабных финансовых механизмов, определяющих функционирование всей глобальной экономики, по сравнению с ролью товарных бирж, которые «управляют» лишь рынками сырьевых ресурсов. Другим ключевым показателем выступают параметры банковской деятельности. В частности, индикаторами глобальности городов служат уровень концентрации в них штаб-квартир крупнейших банков мира, суммарный объем их активов или доходов, масштабы валютных сделок, активность кредитно-депозитной деятельности и т.д. Вместе с тем сквозное ранжирование глобальных городов затрудняет их различная вовлеченность в отдельные виды финансовой деятельности. Например, Нью-Йорк заметно отстает от Лондона по торговле ценными бумагами иностранных эмитентов и по международным активам банков, но зато существенно превосходит по суммарным показателям фондовой биржи.

Число крупнейших финансовых центров мира ограничено. Их иерархию, согласно специальному рейтингу компании Z/Yen Group Limited, регулярно готовящемуся по заказу City of London Corporation на основе расчета индекса GFCI⁶, с большим отрывом возглавляют Лондон и Нью-Йорк (табл. 6). Причем столица Великобритании уже традиционно определяется экспертами как главный финансовый центр мира. До последнего времени третьим крупнейшим финансовым центром специалистами признавалась столица Японии. Вместе с

Таблица 6

Топ–10 ведущих финансовых центров мира, 2007 г.

Ранг	Финансовый центр	Значение индекса GFCI
1	Лондон	765
2	Нью-Йорк	760
3	Сянган	684
4	Сингапур	660
5	Цюрих	656
6	Франкфурт-на-Майне	647
7	Сидней	639
8	Чикаго	636
9	Токио	632
10	Женева	628

Источник: [42].

⁶ Индекс GFCI (Global Financial Centres Index) учитывает ряд показателей, включая объемы финансовых операций, качество рабочей силы, состояние инфраструктуры, деловой климат, общую конкурентоспособность и т.д.

тем, этот финансовый центр по целому ряду причин переживает не лучшие времена и испытывает серьезную конкуренцию со стороны прежде всего Сянган и Сингапура. Более того, за период 2000-х годов последние успешно перехватили часть функций Токио и опередили его в рейтинге [6; 42].

При всей непреходящей значимости финансовой деятельности, можно констатировать, что в последнее время наиболее высокими темпами в глобальных городах развиваются многие иные подразделения сферы деловых услуг. Необходимость обеспечения нормальной работы по управлению глобальной экономикой вызывает к жизни широчайшее разнообразие ее отраслей⁷. Более того, перманентно генерируются все новые направления, виды и формы деятельности, в том числе в области компьютерного обслуживания, программного обеспечения, рекламного дела, инженерных, информационных, консультационных услуг и т.д. В силу синергического эффекта всем этим «размножающимся» видам деятельности присуща сильная тенденция к территориальной концентрации на базе крупнейших мировых центров [32]. Известно, например, что специализированные учреждения по подготовке кадров наивысшей квалификации, в частности топ-менеджеров для ТНК, полностью локализуются в глобальных городах. В настоящее время в Европе имеются только два специализированных центра высшей категории по кадровому обслуживанию — в Лондоне и Франкфурте-на-Майне.

По таким деловым услугам как юриспруденция, реклама, консалтинг, маркетинг, PR-технологии и т.п. ведущие глобальные города возглавляют соответствующие отраслевые рейтинги, отличаясь повышенной концентрацией элитных подразделений этого сегмента бизнеса. В частности, тот факт, что в сфере деловых и профессиональных услуг сформировалось ограниченное число ведущих центров, хорошо фиксируют расчеты группы GaWC, проведенные еще в конце 1990-х годов по специальной методике на базе анализа размещения головных офисов и филиальных сетей крупнейших компаний в сфере юридических, бухгалтерских услуг и рекламного бизнеса (табл. 7). В каждом случае насчитывалось только около десятка ключевых центров,

⁷ Разнообразие и весомость в хозяйственном комплексе глобального города сферы деловых услуг можно проиллюстрировать на примере Франкфурта-на-Майне — одного из крупнейших финансово-промышленных центров мира. На сегодняшний день в неофициальной столице Германии в этой сфере действуют 650 компаний информационной и коммуникационной индустрии, 330 рекламных и PR-агентств, 300 инжиниринговых фирм, 170 страховых компаний, 50 фирм, специализирующихся на маркетинговых исследованиях. Свои услуги в различных областях бизнеса предлагает большое количество специалистов высшей квалификации: 9 тыс. юристов, 2,2 тыс. консультантов по вопросам, связанным со сферой налогообложения и 560 — в сфере менеджмента, 5,3 тыс. специалистов в области биржевой торговли и пр. [47].

среди которых традиционно доминирующее место занимали Нью-Йорк, Лондон, Париж и Токио.

Таблица 7

Крупнейшие глобальные центры профессиональных деловых услуг

Виды услуг	Количество центров			Ведущие глобальные центры
	Крупнейшие	Крупные	Второстепенные	
Бухгалтерские	13	27	38	Нью-Йорк, Лондон, Франкфурт-на-Майне, Атланта, Чикаго, Лос-Анджелес, Милан, Токио
Юридические	11	27	34	Нью-Йорк, Лондон, Сянган, Париж
Рекламное дело	8	28	30	Нью-Йорк, Лондон, Токио, Париж, Чикаго, Осака

Источник: [12].

Глобальные города как ключевые центры коммуникационных услуг. Руководящая и контролирующая роль глобальных городов в мирохозяйственном развитии предполагает их узловое положение в системе международных связей, в системе расширяющегося и усиливающегося глобального обмена энергией, капиталом, информацией, материалами, товарами и людскими ресурсами. Глобальные города априори призваны быть и являются центрами коммуникационных услуг в самом широком понимании, особенно производства и распространения информации, этого ключевого бизнес-актива в условиях «новой экономики». Закономерно, что именно они возглавляют рейтинг центров мирового информационного трафика. Так, по данным компании TeleGeography, учитывающим только международный трафик, который проходит по международным эбкбонам, самый крупный хаб во Всемирной сети — Лондон (1,1 Тбит/с; пиковая нагрузка 439 Гбит/с), а главный маршрут — Лондон–Нью-Йорк; (320 Гбит/с; пиковая нагрузка 153 Гбит/с) [49].

Также вполне закономерно, что глобальные города служат местом размещения штаб-квартир компаний, специализирующихся в области телекоммуникационных услуг, информационных систем и технологий, а также ведущих медиа-концернов. Любопытны данные по обследованию 33 ведущих глобальных фирм медиа-индустрии, включая, например, такие компании-гиганты, как Vivendi Universal (штаб-квартира в Париже, 275 тыс. занятых), AOL Time Warner (Нью-Йорк, 82 тыс.), Walt Disney (Лос-Анджелес, 120 тыс.), VIACOM (Нью-Йорк, 134 тыс.) и другие. Как оказалось, 2/3 их штаб-квартир и 1/3 всех подраз-

делений и представительств сконцентрирована всего в семи городах: Нью-Йорке, Лондоне, Париже, Лос-Анджелесе, Мюнхене, Берлине и Амстердаме [27].

Лидерство в системе глобального обмена, безусловно, немислимо без должного развития самых различных видов транспорта. В обслуживании трансграничных контактов глобальных городов жизненно необходимыми и особенно востребованными на современном этапе являются услуги воздушного транспорта. Все ведущие мировые центры располагают, как правило, несколькими аэропортами и сложились в крупнейшие узлы авиасообщения⁸. По общему объему пассажирских перевозок авиатранспортом Париж уже преодолел планку в 80 млн чел. в год, Токио — 90 млн, Нью-Йорк — 100 млн, а Лондон — 125 млн чел. В 2006 г. на эти четыре агломерации приходилось более 1/10 всех как пассажиро-, так и грузоперевозок в мире воздушным транспортом. Более того, столичные аэропорты Великобритании (Хитроу) и Франции (Шарля де Голля) уверенно возглавляют мировой рейтинг аэропортов и по объему международных пассажирских перевозок (табл. 8). При этом отметим, что наибольшая интенсивность связей отмечается между главным квартетом глобальных городов. Например, почти половина ежегодного объема международных пассажирских авиаперевозок Нью-Йорка, который составляет около 30 млн чел., приходится только на десять центров, а на Лондон, Париж и Токио — более четверти [9].

Глобальные города в рамках социо-культурной «арены коллективного действия». Выполнение глобальными мегаполисами важных международных функций и феномен «новой экономики» обуславливают не только постоянное генерирование новых видов деятельности прежде всего в области делового обслуживания, но и придают дополнительный импульс развитию отраслей их классической специализации. Среди самых последних тенденций эксперты отмечают довольно заметный перенос центра тяжести — с точки зрения интенсивности роста — из сферы бизнес-услуг в пользу целого ряда «культурных» отраслей, в том числе секторов социальных и личных услуг. Часть из них — развитие гостиничного дела, сферы общественного питания, индустрии отдыха и развлечений и т.д. — отчасти может быть отнесена на счет решения «внутренних» задач по повышению комфортности и привлекательности городской среды. Но есть и гораздо более существенные сдвиги, включая рост значимости мегаполисов как особых интеллектуальных центров.

⁸ Например, в Нью-Йорке действуют два аэропорта международного класса (JF Kennedy International, Newark Liberty International), один регионального и два местного значения. В Лондоне функционируют три аэропорта, из которых совершаются международные рейсы, в столицах Японии и Франции — по два.

Таблица 8

Крупнейшие аэропорты мира по объему международных пассажирских перевозок, 2006 г.

Ранг	Город	Страна	Аэропорт	Количество пассажиров, млн чел.	
				международных рейсов	всего
1	Лондон	Великобритания	Аэропорт Хитроу	61,4	67,5
2	Париж	Франция	Аэропорт Шарля де Голля	51,9	56,8
3	Амстердам	Нидерланды	Аэропорт Шипхол	45,9	46,1
4	Франкфурт-на-Майне	Германия	Международный аэропорт Франкфурта	45,7	52,8
5	Сянган	КНР	Международный аэропорт Сянгана	43,3	43,9
6	Токио	Япония	Международный аэропорт Нарита	33,9	35,0
7	Сингапур	Сингапур	Аэропорт Чанги	33,4	35,0
8	Лондон	Великобритания	Аэропорт Гатвик	30,0	34,2
9	Бангкок	Таиланд	Аэропорт Суварнабуми	29,6	42,8
10	Дубай	ОАЭ	Международный аэропорт Дубая	27,9	28,7

Источник: [46].

Наблюдается «ренессанс» образовательной функции глобальных городов. Все они традиционно располагают десятками вузов и замкнуты в единую систему университетских центров, все в большей мере комплектирующих многотысячную студенческую аудиторию из представителей самых разных стран. Хорошо известно, что, например, только в Нью-Йорке находятся такие «жемчужины» высшего образования международного класса как Колумбийский, Нью-Йоркский, Фордемский, Рокфеллеровский университеты и многие другие знаменитые вузы и колледжи. Токио также располагает целым рядом крупнейших частных и государственных университетов — Токийским, Васэда, Кэйо, Хосэй, Хитоцубаси и иных вузов, в которых обучается свыше 400 тыс. студентов. Аналогичные факты можно привести и по другим мировым центрам. Хотя, при этом, надо отметить, что на международном поле высшего образования довольно жесткую конкуренцию глобальным мегаполисам оказывают специализированные университетские города. Так, согласно данным специального рейтинга THES/QS⁹, в

⁹ Рейтинг THES/QS — совместный проект THES (The Times Higher Education Supplement, приложение по высшему образованию к газете Times) и QS (Quacquarelli Symonds, компания, занимающаяся международными проблемами образования) позволяет оценить академический уровень университета. Он строится с учетом ряда показателей качества исследовательской и преподавательской работы, а также международного значения вуза.

2006 г. в мировой Топ–10 лидирующие позиции занимали университеты Гарварда, Кембриджа и Оксфорда (табл. 9).

Таблица 9

Топ–10 академического рейтинга университетов мира, 2006 г.

Ранг	Университет
1	Гарвардский университет
2	Университет Кембриджа
3	Оксфордский университет
4	Массачусетский технологический институт
5	Йельский университет
6	Стэнфордский университет
7	Калифорнийский технологический институт
8	Калифорнийский университет в Беркли
9	Университетский колледж Лондона
10	Принстонский университет

Источник: [6].

Все более четко оформляется и другой важный вектор развития глобальных городов. Стремительно набирает вес сфера фундаментальной науки и особенно НИОКР, увеличивается значимость мировых центров как главных игроков на глобальном рынке новейших технологических достижений. Так, элита глобальных городов занимает видные позиции в рейтинге крупнейших мировых «хабов» технологических инноваций (табл. 10). Отразить эту нарастающую значимость можно и с помощью библиометрических методов. За период 2002–2004 гг. в рейтинге исследовательских центров мира по индексу научного цитирования совершенно очевидно выделяются два лидера — Токио-Иокогама (более 80 тыс. ссылок) и Лондон (более 70 тыс.). Прочие мегаполисы, включая Париж и Нью-Йорк, отстают от них в пол-

Таблица 10

Рейтинг глобальных центров технологических инноваций, 2000 г.

Ранг	Центры	Ранг	Центры
16	Силиконовая долина, США	13	Бангалор, Индия
15	Бостон, США	12	Нью-Йорк, США
15	Стокгольм-Киста, Швеция	12	Альбукерке, США
15	Израиль	12	Монреаль, Канада
14	Роли-Дарем-Чапел Хилл, США	12	Сиэтл, США
14	Лондон, Великобритания	12	Кембридж, Великобритания
14	Хельсинки, Финляндия	12	Дублин, Ирландия
13	Остин, США	11	Лос-Анджелес, США
13	Сан-Франциско, США	11	Мальме, Швеция – Копенгаген, Дания
13	Тайбей, Тайвань	11	Бавария, Германия

Источник: [25].

тора и более раз. Знаменательно, что замыкает первую десятку рейтинга «новобранец» Пекин (более 40 тыс.), а вот Москва в нем присутствует лишь на вторых ролях (рис. 1). Иными словами, несмотря на определенные нюансы, обозначается все более тесное схождение в системе понятий «глобальный город» и «исследовательский центр».

В условиях процесса культурной глобализации выгоды большого бизнеса и повышенная информационно-коммуникативная доступность глобальных городов способствуют их оформлению, с одной стороны, в «узлы производства» глобальной «массовой культуры», а с другой — в качестве международных центров различных направлений искусства, зрелищных и выставочных мероприятий, индустрии развлечений, спортивных состязаний и т.д. Уже достаточно давно сложилась и активно действует система глобальных ярмарочных центров. Например, только во Франкфурте-на-Майне регулярно проводится около 50 международных тематических выставок, 15 из которых — крупнейшие в мире, включая ежегодную ярмарку книг, международный автосалон и т.д. [47]. К глобальным городам оказывается привязанной сетка международных соревнований по многим видам спорта, включая, например, турниры «Большого Шлема» по теннису. В этих же мегаполисах размещаются не только бесценные историко-культур-

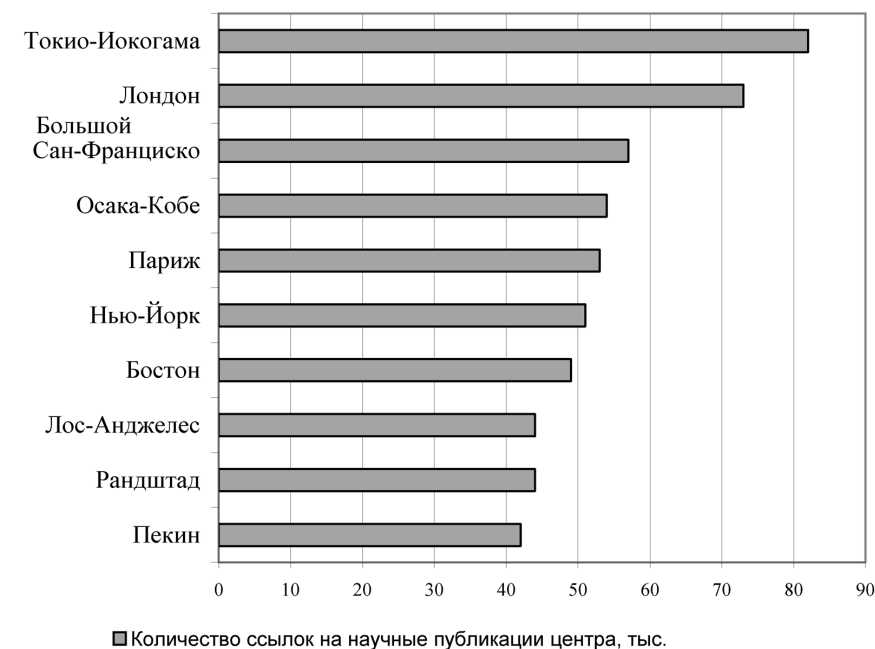

Рис. 1. Крупнейшие исследовательские центры мира, 2002–2004 гг. [28]

ные сокровища человеческой цивилизации, но и головные офисы целого ряда элитных фирм в самых различных сферах культуры и искусства, а сами они традиционно выступают законодателями моды. Подпитанные мировыми финансами и созданные именно здесь бренды шоу-бизнеса, индустрии кино, литературной и иного рода продукции начинают дальнейшее путешествие по всему миру.

Однако, существование глобальных городов далеко не безоблачно. К «старым», исторически накопленным противоречиям и конфликтным ситуациям, добавляется немало новых, порождаемых в том числе глобализацией. Это хорошо фиксируется различными индикаторами социального развития. Концентрация «мирового богатства», размещение руководящих органов крупнейших ТНК, необходимость поддержания высочайших стандартов деловой инфраструктуры и в целом качества городской среды и т.д. обуславливают рост не только имущественного неравенства среди населения, но и общей дороговизны жизни в глобальных городах. Данный факт подтверждают результаты ежегодного рейтинга, который составляет одна из крупнейших мировых финансовых групп — швейцарский банк UBS¹⁰. Топовые строчки во всех компонентах рейтинга уверенно занимают европейские города, во втором десятке появляются глобальные центры Северной Америки и Азиатско-Тихоокеанского региона. Замыкают список в основном города развивающихся стран Азии, Африки и Латинской Америки (Мумбай, Буэнос-Айрес, Куала-Лумпур и т.д.) (табл. 11).

В заключение отметим, что, конечно, охватить и раскрыть в полном объеме место глобальных городов на всех «аренах коллективного действия» не представляется возможным. Это тема большого самостоятельного исследования. Тем не менее, даже краткий обзор, не вызывает сомнений в том, что глобальные города играют роль крупнейших геополитических, геоэкономических и социо-культурных центров планеты. Более того, налицо нарастание системности глобальной городской сети, но при сохранении строгой ее иерархичности. Определенная соподчиненность центров, тесно связанная с исторически накопленной их демографической, экономической, социо-культурной «массой» и весомостью в геополитических структурах, наблюдалась и раньше. Однако в настоящее время за счет эффектов развития в сетевых структурах неравенство среди городов прогрессирует. В частности, богатство выбора мест вложений инвестиций резко обостряет конкурентную борьбу между городами, в которой явное пре-

¹⁰ Рейтинг UBS «Цены и зарплата» основывается на сравнении уровня жизни в крупнейших мировых мегаполисах по 122 позициям, включая среднюю зарплату, плату за жилье, стоимость потребительской корзины, налоги, стоимость городского транспорта и основные услуги, включая коммунальные.

Таблица 11
Топ-30 самых дорогих мегаполисов мира, 2007 г.

Рейтинг городов по размеру заработной платы (до вычета налогов)			Рейтинг городов по уровню цен (исключая аренду)			Рейтинг городов по покупательной способности (включая аренду)*		
Ранг	Город	Нью-Йорк = 100	Ранг	Город	Нью-Йорк = 100	Ранг	Город	Нью-Йорк = 100
1	Копенгаген	140,9	1	Осло	144,2	1	Копенгаген	137,4
2	Осло	139,1	2	Копенгаген	129,8	2	Цюрих	133,1
3	Цюрих	130,0	3	Лондон	125,9	3	Берлин	132,0
4	Женева	125,4	4	Дублин	122,7	4	Женева	130,6
5	Дублин	111,7	5	Цюрих	120,2	5	Франкфурт-на-Майне	127,2
6	Франкфурт-на-Майне	104,8	6	Стокгольм	117,6	6	Брюссель	126,9
7	Брюссель	103,6	7	Хельсинки	116,5	7	Осло	123,8
8	Хельсинки	103,6	8	Женева	115,2	8	Мюнхен	120,2
9	Люксембург	102,7	9	Париж	113,6	9	Люксембург	111,8
10	Лондон	102,2	10	Вена	113,3	10	Хельсинки	111,7
11	Мюнхен	102,0	11	Люксембург	112,0	11	Сидней	109,3
12	Берлин	100,9	12	Токио	108,0	12	Окленд	109,0
13	Нью-Йорк	100	13	Брюссель	105,5	13	Вена	107,4
14	Стокгольм	96,6	14	Мюнхен	105,4	14	Амстердам	107,4
15	Вена	94,8	15	Лион	103,7	15	Чикаго	107,4
16	Амстердам	92,6	16	Амстердам	103,6	16	Лос-Анджелес	106,6
17	Сидней	89,8	17	Франкфурт-на-Майне	103,2	17	Стокгольм	106,3
18	Чикаго	87,8	18	Нью-Йорк	100	18	Дублин	106,1
19	Лос-Анджелес	86,1	19	Торонто	99,7	19	Монреаль	105,2
20	Торонто	84,5	20	Барселона	99,3	20	Торонто	105,1
21	Монреаль	84,1	21	Милан	98,5	21	Лион	103,9
22	Лион	81,6	22	Монреаль	98,3	22	Нью-Йорк	100
23	Париж	81,0	23	Берлин	97,6	23	Майами	92,9
24	Токио	79,7	24	Мадрид	97,5	24	Барселона	87,9
25	Окленд	78,3	25	Рим	96,9	25	Париж	87,3
26	Барселона	70,3	26	Сидней	95,8	26	Лондон	85,0
27	Майами	67,9	27	Стамбул	94,9	27	Токио	84,4
28	Милан	66,4	28	Лос-Анджелес	91,7	28	Никосия	83,8
29	Никосия	66,4	29	Чикаго	91,7	29	Милан	81,8
30	Мадрид	65,9	30	Никосия	89,4	30	Мадрид	81,7

* Учитывая доход до налогообложения.

Источник: [48].

имущество на стороне наиболее «сильных» из них. В результате на одном полюсе концентрируется большая группа центров, которым особо нечего предложить глобальному бизнесу и международному сообществу в целом, а на другом — ряд «избранных» мегаполисов. Такие города выделяются по диапазону действий и степени влияния, аккумулируют все лучшее доступное по сетевым каналам и занимают ключевые позиции в архитектуре мировой системы. В совокупности на основе тесного взаимодействия эти «руководящие» центры образуют своеобразное объединение, самостоятельную «корпорацию», по многим признакам соответствующую системе олигополистического типа.

Приведенная выше система аргументов во многом подтверждает гипотезу о формировании глобальной градоцентрической структуры как одного из инвариантов новой пространственной организации глобальной экономики и мировой системы в целом, первоочередную значимость глобальных городов как объектов экономико-географического анализа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Глобальный город: теория и реальность. Под ред. Н.А. Слуки. М., 2007.
2. Колосов Д.В., Мироненко Н.С. О концепции мировых городов // Пространственные структуры мирового хозяйства. М., 1999.
3. Крупнейшие города капиталистических и развивающихся стран. М., 1987.
4. Лысак О.А. Трансформация геоэкономического пространства в период с 1995 по 2005 гг. // Вестник Московского университета. Сер. География. 2007. № 5.
5. Мировая экономика: глобальные тенденции за 100 лет. М., 2003.
6. Слука Н.А. Глобальный город // Эксперт. 2008. № 15 (604).
7. Слука Н.А. Градоцентрическая модель мирового хозяйства. М., 2005.
8. Фомичев П.Ю. География мировой финансовой системы. М., 2001.
9. Airport Traffic Report. N.Y., 1996–2004.
10. Allen J. Economies of power and space // Geographies of economie. L., 1997.
11. Anheier H., Glasius M., Kaldor M. The State of Global Civil Society: Before and After September 11 // Global Civil Society. N.Y., 2002.
12. Beaverstock J., Smith R., Taylor P. A roster of world cities // GaWC Research Bulletin. 1999. № 5.
13. Breitung W., Gunter M. Local and Social Change in a Global City: The Case of Hong Kong // GaWC Research Bulletin. 2004. № 159.
14. Castells M. The Rise of the Network Society. Oxford, 1996.

15. Clark D. Urban world, global city. L., N.Y., 1996.
16. Douglass M. The rise and fall of world cities in the changing space-economy of globalization: comment on Peter Taylor's «World Cities and Territorial States under Conditions of Contemporary Globalization» // Political Geography. 2000. № 19.
17. Focus on London. L., 2008.
18. Fortune «Global 500». 2001–2008.
19. Friedmann J. The World City Hypothesis // Development and Change. 1986. № 17.
20. Friedmann J., Wolff G. World City formation: an agenda for research and action // International Journal of Urban and Regional Research. 1982. №3.
21. Geddes P. Cities in Evolution. L., 1915.
22. Gerhard U. Global Cities — Anmerkungen zu einem aktuellen Forschungsfeld // Geographische Rundschau. 2004. Heft 4. № 56.
23. Hall P. The Global City // International Social Science Journal. 1996. №147.
24. Hoyler M. Funktionale Verflechtungen zwischen «Weltstädten» — zur Herausbildung eines globalen Stadtesystems // GaWC Research Bulletin. 2004. № 127.
25. Human Development Report 2001. N.Y., 2001.
26. Ile-de-France. Regards sur...l'annee economique et sociale. P., 2006.
27. Kratke S. Global media cities in a worldwide urban network //European Planning Studies. 2003. № 11 (6).
28. Matthiessen C.W., Schwarz A.W., Find S. World cities of knowledge: Research strength, networks and nodality // Journal of Knowledge Management. 2006. № 10 (5).
29. New York State Statistical Yearbook. N.Y., 2007.
30. Robinson J. Global and world cities: a view from off the map // International Journal of Urban and Regional Research. 2002. H. 3. № 26.
31. Sassen S. Cities in a World Economy. L., 1994.
32. Sassen S. The Global City: New York, London, Tokyo. 2001.
33. Shanghai Statistical Yearbook. 2007. Shanghai, 2007.
34. Short J., Kim Y., Kuus M., Wells H. The Dirty Little Secret of World Cities Research: Data Problems in Comparative Analysis // International Journal of Urban and Regional Research. 1996. № 20.
35. Statistisches Jahrbuch Frankfurt am Main, 2007. Frankfurt am Main, 2008.
36. Taylor P., Catalano G., Gane N. A geography of global change: cities and services, 2000-01 // GaWC Research Bulletin. 2002. № 77.
37. Taylor P. Leading World Cities: Empirical Evaluations of Urban Nodes in Multiple Networks // Urban Studies. 2005. № 42 (9).
38. Taylor P. Specification of the world city network // Geographical Analysis. 2001. № 33 (2).
39. Taylor P., Walker D., Catalano G., Hoyler M. Diversity and power in the world city network // Cities. 2002. № 19 (4).

40. *Taylor P.* World cities and territorial states under conditions of contemporary globalisation // *Political Geography*. 2000. № 19.
41. *Taylor P.* World city network: a global urban analysis. L., 2004.
42. The Global Financial Centres Index // *City Research Focus*. 2007. Issue 2.
43. UK Economic Outlook. Pricewaterhouse Coopers. March, 2007.
44. *Wallerstein I.* The Modern World-System. Vol. I–III. Academic Press, 1974–1989.
45. World Urbanization Prospects: The ... Revision. N.Y., 2001–2007.
46. <http://www.airports.org/> — официальный сайт организации Airports Council International.
47. <http://www.frankfurt.de> — официальный сайт Франкфурта-на-Майне.
48. <http://www.rbc.ru/> — официальный сайт РИА «РосБизнесКонсалтинг».
49. <http://www.telegeography.com/> — официальный сайт компании TeleGeography.

СТРУКТУРИРОВАНИЕ МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА В СИСТЕМЕ КОНТИНЕНТАЛЬНО-ОКЕАНИЧЕСКОЙ ПОЛЯРИЗАЦИИ

Л.А. Безруков

Глобальные процессы современности, организуя в планетарном масштабе основные виды экономической деятельности, превращают мировое хозяйство в единый рынок товаров, услуг, капиталов, рабочей силы, информации, технологий и пр. Однако это не означает, что мир становится более однородным и благополучным. Глобализация не только открывает новые возможности ускорения научно-технического, экономического, социального и культурного прогресса, но и создает для многих стран и регионов дополнительные издержки и угрозы. Многие исследователи обоснованно считают, что ускорение глобализации и накопления общей массы производства и услуг обостряет проблему мирового неравенства, сопровождается ростом социально-экономических диспропорций, образованием и консервацией зон отсталости и застоя.

Причины резкой неравномерности развития стран и регионов устанавливаются обычно с помощью различных теоретических конструкций. Наиболее проработанными из них являются концепция (модель) «центр-периферия» и производные от нее теоретические построения — концепция «мировых систем», теория «периферийного зависимого развития», теория «внутреннего колониализма» и др. Согласно модели «центр-периферия», в основе структурирования мира и мирового хозяйства, стран и регионов и их хозяйственных систем лежит постоянное перераспределение производимой массы прибавочного продукта от периферийных и полупериферийных зон к соответствующим «процветающим» центрам [7–9; 16; 17].

Функционирование центрально-периферической системы отношений в самом общем виде объясняется в научной литературе действием нескольких механизмов, имеющих, как правило, сугубо экономический характер. Речь идет прежде всего об «инновационном» механизме, под которым понимается качественная трансформация центра за счет генерирования, внедрения и диффузии нововведений, специализации центра на эффективных секторах экономики, достижения

им наивысшей производительности труда с получением «интеллектуальной» или «технологической» ренты [7–10; 16; 17; 24]. Другим механизмом модели «центр-периферия» служит неэквивалентность международного обмена продукцией с различной степенью обработки: поскольку цены на готовые изделия растут быстрее, чем на сырьевые товары, то по «условиям торговли» (отношение индекса экспортных цен к индексу импортных) в проигрыше оказываются экспортеры сырья и полуфабрикатов [4; 10; 12; 17; 19; 21; 25; 29]. При этом в соответствии с так называемым «законом первой цены» первоначальные (исходные) цены на сырье из колониальных и зависимых стран устанавливались исторически на самом низком уровне, выгодном для покупателей из метрополий и прочих передовых государств [26]. Неравноправные отношения между центром и периферией обусловлены еще и действием механизма (закона) «средней нормы прибыли», когда часть прибавочной стоимости отраслей с низким органическим строением капитала присваивается отраслями с высоким его строением [5]. Дополнительным механизмом мирового неравенства являются также принципиальные различия между развитой системой отношений частной собственности на Западе, позволяющей превращать активы в источник капитала, и отсутствием подобной системы в странах третьего мира и бывшего социалистического лагеря [11; 30].

Кроме того, весьма широко распространены представления не только об определяющем влиянии чисто экономических механизмов на неравномерность мирового развития, но и о неуклонном снижении в современную эпоху значимости в этих процессах государственных, дистанционных и других барьеров, а также географических условий и факторов. Так, по мнению авторитетного российского экономиста О.Т. Богомолова, влияние природных, ресурсных и климатических различий и географического положения стран в международном разделении труда постепенно уменьшается, уступая место научно-технологическому прогрессу, причем в результате беспрецедентных успехов транспорта во второй половине XX в. «глобальное экономическое пространство стало как бы более плотным, более доступным и удобным для освоения и прибыльного использования» [4]. Отмечая определенную независимость уровня современного социально-экономического развития отдельных стран от обладания природными ресурсами, один из ведущих американских футурологов-экономистов Л.К. Туроу пишет, что «наличие естественных ресурсов выпало из уравнения конкуренции...». Объяснение этих изменений Л.К. Туроу видит в резком удешевлении в течение последних десятилетий перевозок грузов и пассажиров: «Нынешние расходы на транспорт создали такой мир, в котором ресурсы можно дешево перемещать туда, где они нужны» [28].

Благодаря прогрессу в транспортно-коммуникационной сфере, все большая часть производимой на Земле продукции вовлекается в оборот международной торговли: темпы роста мирового товарного экспорта во второй половине XX в. опережали темпы роста промышленного производства в среднем в 1,5 раза, ВВП — в 1,9 раза [6]. При этом возникают суждения о том, что роль транспортного фактора едва ли не сошла сейчас на нет. Например, известный российский географ А.Д. Арманд [2] считает, что «принцип платы за расстояние» теряет свое определяющее значение. Ему вторит немецкий исследователь Ф.Й. Радермахер, объясняя, что в связи с революцией в транспортной и информационной технологиях «расстояние больше не играет значительной роли» [22]. Но действуют ли эти тенденции одинаково для всех районов земного шара, в какой мере можно говорить о снижении роли географического и транспортного факторов в формировании современного мирохозяйственного устройства, могут ли указанные факторы вообще использоваться для выяснения причин крайней неоднородности мирового хозяйства?

Ряд исследователей [17; 21; 31], признавая определенную схематичность концепции «центр-периферия» и объясняющих ее экономических механизмов, правомерно указывают на необходимость поиска новых или хотя бы дополняющих методологических подходов и обоснований. Совершенно ясно, что при анализе процессов мирового и регионального развития, сопровождающихся усилением территориальной дифференциации общества, явно недостаточно ограничиваться рамками только экономической теории. Прежде всего необходим всесторонний и глубокий учет влияния базовых географических факторов, лежащих в основе современной неоднородности мира, что требует разработки соответствующих синтезирующих экономико-географических концепций.

Такой концепцией, дополняющей экономический причинно-следственный аппарат возникновения и функционирования центр-периферической модели мирового хозяйства, может служить, по нашему мнению, экономико-географическая концепция «континентально-океанической дихотомии». Под указанной дихотомией понимается последовательное и фундаментальное раздвоение целостного мирового хозяйства на два противоположных и одновременно взаимодополняющих типа экономик — континентальный и океанический (приморский), резко различающихся в зависимости от их макрорасположения относительно моря, организацией и эффективностью хозяйства, спецификой взаимодействия с внешним миром и путями развития.

Предлагаемая экономико-географическая концепция континентально-океанической дихотомии исходит из коренных различий в эффективности сухопутных и морских перевозок — более затратных

первых и экономических вторых, с одной стороны, и особенностей макроположения стран и районов относительно моря, — с другой [3]. Дело в том, что транспортная составляющая конечной цены многих товаров все еще имеет значительные размеры, достигая нескольких десятков процентов для многих видов сырья и полуфабрикатов. Транспортные издержки поэтому по-прежнему сохраняют большое значение в формировании международных и межрегиональных хозяйственных связей и до сих пор остаются едва ли не важнейшим фактором, определяющим процессы хозяйственного обмена, а в итоге — и самого производства.

Количественная оценка первой исходной причины континентально-океанической дихотомии — различий в эффективности сухопутных и морских перевозок — осуществлена путем сравнения средних доходных ставок от перевозки грузов железнодорожным транспортом и средних фрахтовых ставок морского транспорта. Расчеты показали, что фрахтовые ставки морского транспорта на конец XX — начало XXI вв. ниже средних доходных ставок грузового железнодорожного транспорта Западной Европы и Японии в 70–80 раз, Северной Америки — в 20–25 раз, России — в 5–10 раз [3]. Вследствие явного технико-экономического преимущества морского транспорта над более затратным сухопутным континентальные страны и районы в сравнении с приморскими отличаются повышенным уровнем расходов на перевозку единицы идентичной продукции.

Количественная оценка второй причины рассматриваемой дихотомии — макроположения стран относительно моря — произведена по авторской методике на основе определения степени «транспортно-географической континентальности» (ТГК) стран как меры удаленности основной части их демоэкономического потенциала от морских и океанических путей с круглогодичной навигацией [3]. В «приморскую» зону вошла полоса до 200 км от побережья; в «континентальную» — от 200 до 1000 км; в «ультраконтинентальную» — территории, находящиеся от побережий более чем на 1000 км (рис. 1). Показатели степени континентальности стран скорректированы с учетом имеющих у некоторых из них внутренних водных путей, доступных для морских судов.

Исходя из полученных показателей степени ТГК и их заданных градаций, все страны мира в первом приближении разделены на два геоэкономических типа: континентальные и океанические (приморские) [3]. В первый тип входят государства с очень высокой и высокой степенью континентальности (Казахстан, Монголия, Чад, Афганистан, Россия и др.), во второй — государства с очень низкой и низкой ее степенью (Япония, Великобритания, Италия, Австралия, Бразилия, Германия, Турция и др.). Промежуточное положение занимают страны

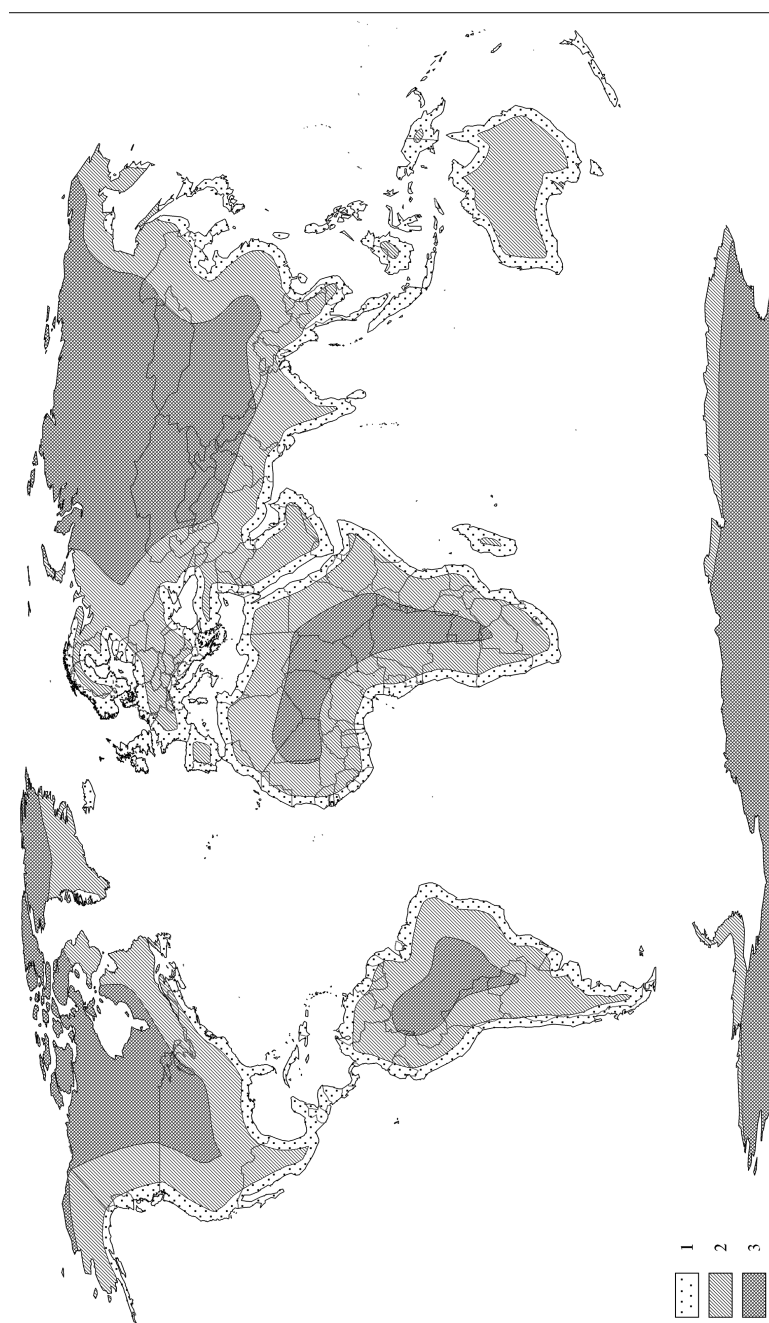

Рис. 1. Транспортно-географическая удаленность территорий континентов и островов Земли от океанов, морей и морских портов с круглогодичной навигацией. Зоны транспортно-географической удаленности (расстояние от океанов, морей и морских портов, км): 1 — приморские (0–200); 2 — континентальные (200–1000); 3 — ультраконтинентальные (свыше 1000).

умеренной и повышенной степени ТГК, тяготеющие, в зависимости от своего экономико- и политико-географического положения, отраслевой структуры транспорта и других факторов, либо к континентальному (Украина, Иран и др.), либо к океаническому (США, Китай, Польша и др.) типу.

Логика экономико-географического подхода позволяет в общих чертах раскрыть механизм перераспределения доходов (массы прибавочного продукта) между континентальными и океаническими странами, возникающий на основе неравенства их транспортных издержек и действующий в процессе международного разделения труда. В соответствии с правилами современной международной коммерческой практики распределение транспортных расходов по доставке товара между продавцом (производителем) и покупателем (потребителем) регулируется так называемыми «базисными условиями поставки», которые, наряду с условиями платежа, являются одним из двух главных (обязательных) условий любого внешнеторгового контракта [20].

Учет стоимости экспорта осуществляется в большинстве случаев на едином базисном условии FOB¹. Продавец-экспортер по этому условию несет все расходы, связанные с транспортировкой товара в экспортный морской порт и погрузкой на судно. В итоге получается, что при доставке продукции на мировой рынок из континентальных стран подавляющая доля совокупных транспортных издержек приходится на их же продавцов (производителей). Именно они обязаны оплачивать самую дорогостоящую часть пути, т.е. расходы по сухопутной перевозке грузов в пределах своей территории до морских портов и границ.

Учет импорта производится обычно на базисном условии CIF². Согласно этому условию, в проигрыше оказываются импортеры (точнее, потребители импортных товаров) опять-таки из континентальных стран. Они вынуждены оплачивать наиболее затратную часть пути, т.е. расходы на сухопутную перевозку грузов от морских портов во внутриматериковые районы своей страны, что существенно повышает конечные цены импортных товаров.

Следовательно, при взаимодействии с мировым рынком внутриконтинентальные производители и экспортеры ввиду необходимости компенсации собственных повышенных транспортных издержек получают намного меньшие доходы по сравнению с приморскими производителями и экспортерами. Однако только в этом случае товары из континентальной страны могут конкурировать в ценовом отноше-

нии с товарами из приморской страны. При импорте же товаров с мирового рынка они обойдутся для внутриконтинентальных потребителей по ценам, существенно превышающим цены потребителей из океанических стран. Таким образом, глубокие различия в степени континентальности определяют принципиально неодинаковые уровни транспортных издержек в континентальных и океанических странах, которые формируют ощутимую разницу в ценах на товары и доходах соответствующих производителей и потребителей, что в свою очередь ведет к постоянному перераспределению массы прибавочного продукта в пользу океанических стран.

Основные экономические следствия международного порядка, вытекающие из действия механизма континентально-океанической дихотомии, выявляются в обобщенном виде путем сравнения ценовой конкурентоспособности на мировом рынке продукции из континентальных (внутриконтинентальные товаропроизводители) и океанических (приморские товаропроизводители) стран. При равной интенсивности труда внутриконтинентального и приморского товаропроизводителя у первого из них величина транспортных издержек и соответственно доля транспортной составляющей в себестоимости продукции будут существенно выше, чем у второго. При условии равенства основных элементов издержек (кроме, естественно, транспортных) себестоимость, а соответственно стоимость и цена идентичной продукции в континентальных странах и регионах вследствие повышенной транспортной составляющей будут заведомо выше, чем в океанических, что означает фактически ценовую неконкурентоспособность продукции внутриконтинентальных производителей на мировом рынке.

При условии же обеспечения одинаковой стоимости и цены идентичной продукции на мировом рынке структура ее себестоимости (или издержек) в континентальных странах должна в той или иной мере трансформироваться. В этом случае относительная ценовая конкурентоспособность продукции внутриконтинентальных производителей может достигаться главным образом за счет как более низких оплаты труда и амортизационных отчислений (и, по возможности, сокращения издержек на энергию, топливо, сырье и т.д.), так и определенного уменьшения прибыли.

Такой деформацией всей системы финансово-экономических показателей работы внутриконтинентальных производителей — уменьшением оплаты труда, амортизационных отчислений, прибыли и пр. — автоматически определяется снижение инвестиционных возможностей, эффективности производства, бюджетных доходов, покупательной способности населения, емкости потребительского рынка и т.д. Итоговыми следствиями этих негативных изменений являются

¹ FOB — Free on Board — свободно на борту).

² CIF — Cost, Insurance, Freight — стоимость, страхование, фрахт).

замедление экономического роста и снижение уровня жизни населения континентальных стран по сравнению с океаническими.

Рассмотренный механизм является, по нашему мнению, одним из ведущих среди всей совокупности механизмов, определяющих дифференциацию мирохозяйственного устройства. «Континентально-океанический» перераспределительный механизм доходов не только оказывает сильное непосредственное и опосредованное влияние на современное международное и региональное развитие, но и служит (или служил в прошлом) исходной причиной появления большинства других механизмов, формирующих мирохозяйственные центр-периферические отношения. Так, в силу своего многовекового превосходства в эффективном морском судоходстве, закрепленного затем исторической инерцией, приморские западноевропейские страны отладили «под себя» всю систему международного разделения труда, монополизировав дальнюю межконтинентальную торговлю и построив ее на неэквивалентном обмене. Во многом благодаря этим преимуществам, передовые океанические державы Запада, ядро которого составили западноевропейские страны и народы, представляют сейчас «процветающий» центр мирового хозяйства («золотой миллиард» планеты), резко отличающийся от менее развитых периферийных и полупериферийных зон. В целом же механизм перераспределения массы прибавочного продукта от континентальных стран к океаническим позволяет выявить наиболее общие первичные черты формирования и структурирования мирового хозяйства независимо от тех или иных его блоковых, формационных, региональных и других группировок и членений, имеющих во многом вторичный характер.

Отсюда понятно, что представления ряда зарубежных и отечественных экономистов и экономико-географов о снижении роли географического и транспортного факторов нуждаются в серьезной корректировке. Значения транспортных издержек очень дифференцированы по районам и странам мира, определяясь прежде всего различиями в эффективности перевозок между доминирующими видами транспорта. Самый экономичный вид транспорта — морской, обеспечивающий беспрецедентную для других видов сообщения дешевизну межконтинентальных перевозок. За прошедшее столетие доля транспортной составляющей в цене продукции у потребителя в среднем по развитым странам уменьшилась с 30–40 до 5–10% [14], что было связано в значительной мере с широкомасштабным использованием экономических преимуществ морских перевозок.

Однако такое резкое сокращение расходов морской транспортировки привело к еще большей транспортно-экономической поляризации районов и стран мира в континентально-океаническом разре-

зе, прежде всего к усилению и без того заметной «ущемленности» внутриматериковых областей по сравнению с приморскими. Так, по сведениям Г. Шеера [31], перевозка сравнимого количества груза железной дорогой в пределах Германии из Пассау (Бавария) в Бремен на 700 км оказывается сейчас дороже, чем перевозка этого же груза морем в Бремен из Австралии на десятки тысяч километров. По данным Л. Анноваци-Джакаб [33], транспортные расходы на перемещение стандартного контейнера из Балтимора (США) морским путем до побережья Африки (Камерун) на расстояние 9 тыс. км составляют примерно 3 тыс. долл., а доставка этого же самого контейнера от побережья в Центральноафриканскую республику железнодорожным и автомобильным транспортом на 950 км обойдется уже в 13 тыс. долл. Авторитетные американские экономисты Дж. Гэллуп, Дж. Сакс и А. Мэллинжер [34] установили устойчивую закономерность увеличения транспортных издержек с продвижением от морских побережий во внутриматериковые районы, обратную связь размеров этих издержек со значениями ВВП на душу населения по странам мира и конкурентоспособностью продукции. Согласно расчетам С. Радлета и Дж. Сакса [35], стоимость перевозки грузов для внутриконтинентальных развивающихся стран мира в среднем на 50% больше, чем для развивающихся стран с выходом к морю.

Для большинства удаленных от моря районов и стран высокие транспортные издержки до сих пор остаются важным препятствием к получению эффективного выхода на мировой рынок и обеспечению равноправной конкуренции с другими районами и странами. Представления о дешевизне транспортных расходов, относятся, следовательно, в основном к приморским областям, обслуживаемым морским транспортом, тогда как в глубине континентов транспортно-экономическая ситуация остается принципиально иной. Получается, что во второй половине XX в. от удешевления перевозок основные конкурентные преимущества получили приморские районы и главным образом ведущие океанические страны, являющиеся создателями современного мирового хозяйства и ключевыми «игроками» на мировом рынке.

Влияние транспортных издержек проявляется очень дифференцированно не только в зависимости от удаленности районов и стран от морских путей, но и по видам и группам продукции (товаров или грузов). Анализ дифференциации транспортных издержек по видам и группам товаров осуществлен на основе их классификации по «относительной транспортабельности». Под последней будем понимать относительные возможности преодоления расстояния тем или иным видом продукции (товара), выраженные через цену (ценность) единицы его массы.

Типичные виды продукции, обращающиеся на мировом рынке, были первоначально объединены в группы. Затем данные группы распределены согласно степени обработки продукции по трем агрегированным классам — «сырье», «полуфабрикаты», «готовые изделия». Относительная транспортабельность большинства товаров получена непосредственно по данным об их мировых ценах, означающих, как правило, стоимость единицы массы того или иного товара.

Рассматриваемые группы видов продукции распределены далее по шести принятым нами категориям относительной транспортабельности, охватывающим весь фактический диапазон этого показателя (табл. 1). Готовые изделия имеют относительную транспортабельность от очень высокой (самые дорогие товары) до средней (менее дорогие, но более тяжелые товары), а полуфабрикаты и сырье — от средней до низкой (вследствие меньшей ценности единицы их массы). Общая закономерность, следовательно, такова: чем выше степень обработки и готовности продукции для конечного потребления, тем лучше экономические возможности ее транспортировки. Если для доставки товаров двух первых категорий относительной транспортабельности могут применяться почти все известные виды транспорта, включая воздушный, то перемещение продукции пониженной и низкой транспортабельности на дальние расстояния возможно главным образом наиболее экономичными видами транспорта — морским, трубопроводным и отчасти железнодорожным. Отсюда понятно, что основные конкурентные преимущества при перевозках массовых сырьевых грузов имеют прежде всего приморские районы.

О масштабах получаемого ими экономического выигрыша по сравнению с внутриконтинентальными районами можно судить, с одной стороны, по роли сырья и полуфабрикатов в международных перевозках, особенно морских; с другой, — по удельному весу транспортных издержек в конечных ценах товаров (т.е. по размерам возможной экономии затрат за счет участия морского транспорта). Именно сырье и полуфабрикаты пониженной и низкой транспортабельности, представляющие собой массовые наливные, насыпные, навалочные и лесные грузы, играют основную роль в международных перевозках, причем в объеме грузоперевозок морского транспорта (по тоннажу) они превышают 75–80% [1;18]. Относительно транспортных издержек отметим, что в России в первой половине 2000-х гг. их доля в конечных ценах полуфабрикатов составляла, по нашей оценке, 10–30%, а в ценах сырьевых видов продукции находилась в диапазоне от 20–40 до 70–80%.

Необходимо также подчеркнуть, что, с одной стороны, сырье и полуфабрикаты являются фундаментом всей технологической и воспроизводственной «пирамиды» мирового хозяйства, а с другой, —

Таблица 1

Относительная транспортабельность отдельных групп продукции (товаров) в зависимости от степени их готовности для непосредственного потребления (от стадии обработки) (оптовые цены единицы массы товаров в основных мировых центрах производства и сбыта в 2000 г., тыс. долл./т)

Очень высокая (свыше 1000)	Высокая (100–1000)	Повышенная (10–100)	Средняя (1–10)	Пониженная (0,1–1)	Низкая (менее 0,1)
А. ГОТОВЫЕ ИЗДЕЛИЯ					
Драгоценные металлы и камни и изделия из них (серебро) Электронная техника (компьютеры, жидкокристаллические) Одежда и обувь (суперкомпьютеры)	Драгоценные металлы и камни и изделия из них (серебро) Электронная техника (компьютеры, жидкокристаллические) Одежда и обувь (суперкомпьютеры)	Медикаменты Автомобили легковые (элитных классов) Транспортные средства (специальные) Электронная техника (компьютеры) Бытовая техника	Автомобили легковые Автомобили грузовые Продукция тяжелого машиностроения (котлы паровые, провода) Лесобумажные изделия (бумага, картон)		
Б. ПОЛУФАБРИКАТЫ					
			Необработанные (первичные) металлы (алюминий, никель, медь, олово, цинк, титан, хром, магний) Полупродукты химии и нефтехимии (химические волокна)	Необработанные (первичные) металлы (свинец) Нефтепродукты (бензин, мазут, дизельное топливо) Полупродукты химии и нефтехимии (бензол, метанол, этилен, поливинилхлорид, полистиролен, карбамид, аммиак) Полупродукты черной металлургии (сталь, чугун) Лесобумажная продукция (целлюлоза, пиломатериалы)	Полупродукты химии и нефтехимии (серная кислота)
В. СЫРЬЕ					
			Продовольствие (пшеница, кофе, чай, говядина, масло сливочное)	Топливо (нефть сырая) Руды и концентраты (бокситы, цинковые) Продовольствие (сахар, пшеница, рис, кукуруза, фрукты) Химическое сырье (пропан, бутан) Сельскохозяйственное и лесное сырье (хлопок, лес круглый) Неметаллические ископаемые (графит, магнезит)	Топливо (уголь) Руды и концентраты (железные) Химическое сырье (сера, фосфаты) Неметаллические ископаемые (соль поваренная, бариты) Минерально-строительные материалы (гравий, щебень, глина, песок, цемент)

сырьевой и полупродуктовый экспорт составляет основу экономики большинства континентальных стран, включая Россию. Учитывая неблагоприятное транспортно-географическое положение данных стран относительно морских и океанических путей, проблемы транспортабельности продукции и транспортных издержек для них по-прежнему чрезвычайно актуальны.

Чтобы вскрыть наиболее общие закономерности территориальной организации мирового хозяйства в системе континентально-океанической поляризации, осуществлена оценка изменения интенсивности (объемов) мировых производства и экспорта продукции различной транспортабельности в зависимости от удаленности производителей и экспортеров от моря. Для анализа выбрано семь хорошо известных видов продукции, представляющих четыре категории относительной транспортабельности — алмазы и золото (очень высокая транспортабельность), алюминий (средняя), нефть и бокситы (пониженная), уголь и железная руда (низкая). Результаты распределения мировых запасов, производства (добычи) и экспорта рассматриваемых видов продукции по зонам различной удаленности от моря (морских путей) — приморским, континентальным, ультраконтинентальным — получены нами на основе систематизации обширных фактических материалов, характеризующих данные показатели по всем странам (при необходимости — по регионам внутри крупных стран) на конец XX — начало XXI вв. (табл. 2). Названные материалы представлены многочисленными справочными, статистическими и литературными трудами и электронными источниками информации. Анализ полученных результатов выявил следующие закономерности и тенденции.

Во-первых, у продукции пониженной и низкой транспортабельности (нефть, бокситы, уголь и железная руда) при переходе от мировых запасов к производству и от него к экспорту доля приморских зон неуклонно возрастает, а доли континентальных и ультраконтинентальных уменьшаются (наиболее резко у последних зон), тогда как у продукции очень высокой транспортабельности (алмазы и золото) подобная тенденция отсутствует (рис. 2). Следовательно, повышенная роль приморских зон в международной торговле сырьем и полуфабрикатами объективно обусловлена удорожающим и ограничивающим действием значительных транспортных издержек, возникающих при сухопутных перевозках многотоннажной продукции пониженной и низкой транспортабельности на дальние расстояния.

Во-вторых, распределение мирового экспорта важнейших видов продукции пониженной и низкой транспортабельности строго упорядочено по зонам удаленности от моря: доли объемов экспорта резко возрастают от ультраконтинентальных зон к приморским. Если для

Таблица 2
Распределение мировых запасов, производства (добычи) и экспорта отдельных важнейших видов продукции с различной относительной транспортабельностью по зонам удаленности от моря (морских путей) в конце XX — начале XXI вв., в %

Вид продукции	Относительная транспортабельность	Показатели	Единица измерения	Мир в целом	Зоны удаленности от моря (км)		
					Приморские (0-200)	Континентальные (200-1000)	Ультраконтинентальные (свыше 1000)
Алмазы (1998)	Очень высокая	Запасы Производство Экспорт	т т т	728 25.9 20.7	5.8 18.3 18.3	40.7 53.6 53.6	53.5 28.1 28.1
Золото (1998)	Очень высокая	Запасы Производство Экспорт	тыс. т т т	51.8 2516 1735	25.0 28.4 29.0	60.9 59.1 57.2	14.1 12.5 13.8
Алюминий (1999)	Средняя	Запасы Производство Экспорт	- тыс. т тыс. т	- 23670 13480	- 65.2 67.1	- 19.5 10.8	- 15.3 22.1
Нефть (1998)	Пониженная	Запасы Производство Экспорт	млрд т млн т млн т	153.0 3535 1870	71.8 72.3 80.6	17.8 17.3 12.5	10.4 10.4 6.9
Бокситы (1998)	Пониженная	Запасы Производство Экспорт	млрд т млн т млн т	23.0 126.3 37.9	75.6 85.3 95.3	18.7 9.4 2.6	5.7 5.3 2.1
Уголь (2000)	Низкая	Запасы Производство Экспорт	млрд т млн т млн т	1028.5 4535.7 599.3	27.5 36.4 69.1	45.3 45.6 20.1	27.2 18.0 10.8
Железная руда (2003)	Низкая	Запасы Производство Экспорт	млрд т млн т млн т	170.1 1200 580	30.9 49.9 59.9	53.4 45.5 38.1	15.7 4.6 2.0

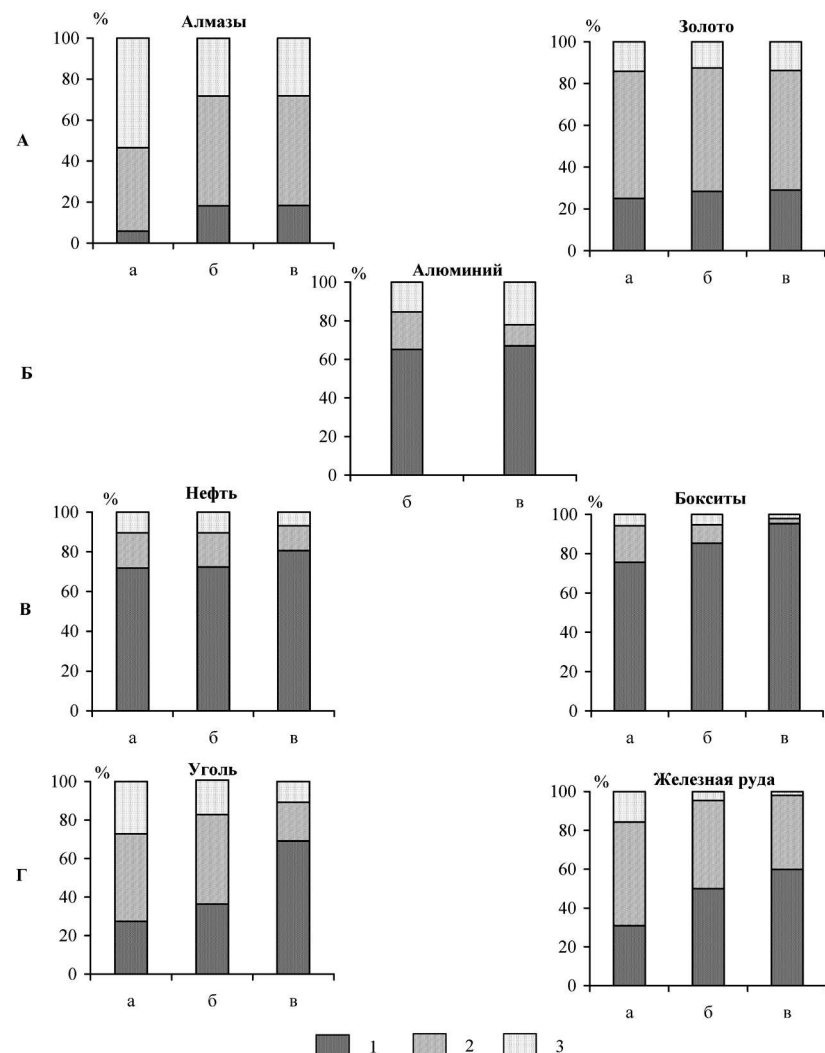

Рис. 2. Соотношение долей зон различной удаленности от моря (морских путей) в мировых запасах, производстве (добыче) и экспорте отдельных важнейших видов продукции в зависимости от их относительной транспортабельности в конце XX — начале XXI вв., в %

Мировые показатели видов продукции: а — запасы, б — производство (добыча), в — экспорт. Зоны удаленности от моря (км): 1 — приморские (0-200), 2 — континентальные (200-1000), 3 — ультраконтинентальные (свыше 1000). Относительная транспортабельность видов продукции: А — очень высокая, Б — средняя, В — пониженная, Г — низкая.

рассматриваемых видов продукции (нефть, бокситы, уголь и железная руда) удельный вес ультраконтинентальных зон в мировом экспорте составляет всего лишь 2–11%, то доля приморских зон достигает 60–95%. Это еще раз говорит о том, что мировой рынок сырья и отчасти полуфабрикатов — это рынок в первую очередь приморских зон и океанических стран, господствующих в международной торговле благодаря широкомасштабному использованию экономических морских перевозок.

Установленные закономерности со всей очевидностью указывают, что наиболее свободными от удорожающих ограничений, связанных с транспортными издержками, являются приморские зоны. Главным средством удешевления международных перевозок сырья выступает морской транспорт: на мировой рынок морским путем вывозится свыше 90% нефти, железной руды, угля и бокситов (табл. 3). Приморские зоны мира связаны между собой экономическими, устойчивыми и мощными «нефтяными», «угольными», «железорудными» и прочими «мостами», которые позволяют с наименьшими затратами преодолевать огромные территориальные разрывы между районами добычи и потребления важнейших видов сырья. Между тем внутриматериковые области земного шара, как следует из полученных соотношений, по-прежнему лишены подобных благоприятных транспортных возможностей и вынуждены оставаться в определенной «экономической изоляции» от мирового рынка по целому ряду видов продукции пониженной и низкой транспортабельности.

В портово-промышленных комплексах развитых стран Западной Европы и Северной Америки и новых индустриальных стран Восточной Азии осуществляется переработка непрерывно поступающих по океаническим «мостам» огромных масс разнообразного сырья пониженной, низкой и частично средней транспортабельности. Во внутри-

Таблица 3

Доля экспорта в мировом производстве (добыче) отдельных важнейших видов продукции пониженной и низкой относительной транспортабельности и доля морских перевозок в этом экспорте в конце XX — начале XXI вв.

Вид продукции (год оценки)	Производство (добыча) млн т	Экспорт		Доля	
		всего	в том числе морским путем	экспорта в про- изводстве	морских перево- зок в экспорте
		млн т	млн т	%	%
Нефть (1998)	3535	1870	1685	52.9	90.1
Бокситы (1998)	126.3	37.9	37.1	30.0	97.9
Уголь (2000)	4535.7	599.3	559.0	13.2	93.3
Железная руда (2003)	1200	580.0	528.0	48.3	91.0

материковые районы этих континентов и стран продвигается уже преимущественно готовая («облагороженная») продукция очень высокой, повышенной и отчасти средней транспортабельности. Такое разделение труда дает развитым океаническим странам огромный экономический эффект, обусловленный снижением транспортных затрат и выражающийся в минимизации общих издержек производства продукции и конечных цен на нее. Иное положение сложилось, например, в России, в которой основные центры производства и экспорта многотоннажных видов сырья и полуфабрикатов сформировались прежде всего в ультраконтинентальной зоне — в Сибири, на Урале и в Поволжье.

Доминирование в мировом хозяйстве океанических стран и приморских зон определяется еще и влиянием торгово-экономических причин и факторов. Сама исторически сложившаяся дифференциация единого мирового рынка товаров на два основных подразделения — рынок сырья и полуфабрикатов и рынок готовых изделий — во многом обусловлена, очевидно, резкими различиями товаров этих подразделений между собой по относительной транспортабельности, т.е. по условиям их доставки в процессе международной торговли и значимости транспортного фактора в целом. Если ведущую роль в конкурентоспособности сырья и полуфабрикатов играют издержки их производства и транспортировки, которые в сильной степени зависят от относительно статичных природно-ресурсных и транспортно-географических факторов, то в основе конкурентоспособности готовых изделий лежат их потребительские свойства, обусловленные динамическими конкурентными преимуществами — научно-техническим прогрессом, инновациями, развитием интеллектуального потенциала и пр. [4; 16].

Первая из торгово-экономических причин, определяющих преимущества приморских районов на мировом рынке сырья и полуфабрикатов, порождена особенностями биржевой торговли — наиболее распространенной формы международной торговли данными товарами. Биржевая торговля представляет собой постоянно действующий рынок массовых, качественно однородных и взаимозаменяемых товаров, контролируемый крупнейшими и, как правило, приморскими торгово-организационными центрами исключительно океанических стран. Так как производители сырьевых товаров поставляют на мировой рынок одну и ту же стандартизированную продукцию, на их рынках складывается монополия крупных покупателей, навязывающих выгодные для себя более низкие цены разрозненным и конкурирующим друг с другом экспортерам [4; 10; 29]. Поскольку контроль над рынками сырья и полуфабрикатов (и ценообразованием на них) принадлежит обычно мощным корпорациям из развитых океанических

стран, то вполне естественно, что интересы производителей и экспортеров удаленных от моря стран и регионов не учитываются. В частности, диктуемые совокупностью покупателей развитых океанических стран мировые цены на сырьевых товарных рынках вовсе не призваны компенсировать повышенные по сравнению со средним международным уровнем транспортные издержки поставщиков сырья из континентальных стран. Применительно к данной ситуации «ущемленности» удаленных от моря стран и районов можно отнести меткое замечание Л.К. Туроу о сердцевине системы капитализма, заключающейся в максимизации прибыли: «Сентиментальная привязанность к какой-нибудь географической части мира не входит в эту систему» [28].

Вторая причина преимуществ приморских экспортеров над внутриконтинентальными обнаруживается в последствиях создания в последние десятилетия XX в. общемировой логистической системы поставок сырья, позволившей осуществлять значительную экономию на транспортных расходах [23; 32]. Снижение транспортных издержек в наибольшей мере сказалось в приморских зонах, где находятся многочисленные склады биржевой продукции, тогда как продавцов и покупателей внутриконтинентальных зон оно почти не затронуло.

Третья причина связана с формированием цен на мировых товарных рынках сырья и полуфабрикатов их ведущими экспортерами. Дело в том, что интернациональная стоимость (и соответственно мировая цена) определенного товара складывается не из средневзвешенных национальных издержек производства, а формируется под определяющим воздействием издержек в странах, являющихся главными поставщиками данного товара на мировой рынок [4; 29]. Поскольку же, как установлено выше, по важнейшим видам сырьевой продукции приморские зоны дают подавляющую часть мирового экспорта, то ключевая роль океанических стран в ценообразовании на мировых товарных рынках сырья и полуфабрикатов будет вполне объяснимой.

Проиллюстрируем сказанное примером с международной торговлей углем. Свыше половины мирового экспорта угля обеспечивают сейчас Австралия, ЮАР и Индонезия, т.е. те океанические страны, в которых его добыча осуществляется почти исключительно в приморских зонах. Нижним пределом колебаний мировых цен на уголь будут, очевидно, средневзвешенные затраты на его производство и транспортировку поставщиками указанных стран как ведущих «игроков» на мировом угольном рынке. Произошедшее в 2005 г. падение мировых цен на уголь сохранило довольно высокую прибыль его экспорта из названных и других океанических стран, в то время как отличающийся повышенными транспортными издержками на железнодоро-

рожные перевозки экспорт угля из континентальной России оказался у порога рентабельности [15; 27].

В отличие от ситуации с сырьем и полуфабрикатами, транспортный фактор в международной торговле готовыми изделиями не играет существенной роли. Однако современный мировой рынок готовых изделий, особенно уникальных, высокотехнологичных и сложных товаров, — это такой рынок, где главными поставщиками и «творцами» продукции и соответственно полноправными хозяевами рынка выступают мощные корпорации развитых и новых индустриальных стран [4; 10; 12; 13], принадлежащих за редким исключением к океаническому типу. Именно они диктуют покупателям всего мира свои ценовые условия, тогда как континентальные страны занимают здесь сугубо подчиненное положение.

В итоге подчеркнем, что вследствие действия рассмотренных факторов и причин мировые рынки и сырьевых товаров, и готовых изделий представляют собой в первую очередь рынки океанических стран и приморских зон. Поставщики и покупатели этих стран и зон оказывают определяющее влияние на ценообразование на мировых товарных рынках. Поэтому мировое хозяйство и мировой рынок неизбежно строятся по образу и подобию развитых приморских стран и в их интересах, т.е. на принципах относительно независимого от расстояний океанического обмена, где мировые цены формируются с учетом собственных минимальных (относительно континентальных стран) затрат на перевозку товаров.

Доминирование в мировом хозяйстве океанических стран и приморских зон — закономерный результат совокупного действия тех предпосылок, условий, факторов, которые основаны главным образом на коренных различиях в эффективности морских и сухопутных перевозок и, соответственно, на различии экономических возможностей приморских и внутриконтинентальных областей. Данная особенность современного мирохозяйственного устройства в контексте континентально-океанической дихотомии подкрепляется еще и единством (континуальностью) Мирового океана, и доминирующей политико-экономической ролью ведущих держав, принадлежащих в той или иной мере к океаническому типу (за исключением России). Относительно низкий уровень транспортоемкости хозяйства океанических стран способствует их изначальной ориентации на интенсивное хозяйственное взаимодействие с внешним миром и выгоды для них в общем случае процессов глобализации, интернационализации и транснационализации экономики, обуславливает слабее выраженную (в сравнении с континентальными странами) потребность в жестком закреплении территориального разделения труда и организации хозяйства на районной основе [3].

В то же время сильная зависимость стран континентального типа от расстояний перевозки и повышенных транспортных издержек требует постоянного сокращения их удорожающего бремени и диктует поэтому существенно иной (адаптивный) стиль хозяйственной деятельности и общения с внешним миром. Для России, как крупнейшей из континентальных стран, важна ориентация на установление в первую очередь близких внутрирайонных и отчасти межрайонных экономических связей при определенном ограничении менее эффективных дальних, поддержание относительно низкого уровня экспортных тарифов и магистрализацию транспорта, обеспечение в общих чертах самодостаточного развития и формирование емкого внутреннего рынка, прочное закрепление территориального разделения труда, организацию хозяйства на районной основе и принципах экономического районирования и т.д. [3].

Таким образом, географический фактор разделения поверхности планеты на сушу и Мировой океан продолжает играть очень значительную роль в экономических процессах. Данный фактор детерминирует фундаментальный дуализм континентальных и океанических стран и определяет в итоге их неодинаковые экономические возможности, различия в территориальной организации общества, стиле хозяйственной жизни и особенностях взаимодействия с внешним миром. Хотя, казалось бы, с переходом к постиндустриальному обществу непосредственная зависимость экономики от географических условий и факторов в целом ослабляется, широкое применение новейших информационных технологий само по себе ни в коей мере не сопровождается сокращением объемов перемещения вещества и энергии. Несмотря на общую тенденцию удешевления перевозок, не наблюдается ни какого-либо заметного снижения роли транспортно-коммуникационного фактора в экономике, ни исчезновения разницы в эффективности морских и сухопутных перевозок, ни утраты морским транспортом своей ведущей роли в обеспечении бесперебойной работы мирового хозяйства.

Процесс глобализации ведет к закреплению политико-экономической конфигурации мира в виде «океанической» модели международного разделения труда, обеспечивающей постоянный доступ к определенным ключевым преимуществам (т.е. к мировому доходу) главным образом наиболее развитым приморским странам. Континентально-океаническая дихотомия — одна из основных линий, по которым складывается геоэкономическая дифференциация планеты, отражающая неравномерность развития государств и регионов в общей системе мирохозяйственных центрально-периферических отношений. Отмечаемую иногда некоторую независимость уровня социально-экономического развития отдельных передовых стран от геогра-

фических условий и факторов не нужно абсолютизировать, поскольку в большинстве случаев подразумевается ослабление роли природных ресурсов, а не фактора экономико-географического положения. Можно достаточно обоснованно предположить, что и в обозримой перспективе разделение мирового хозяйства на два типа экономик — континентальный и океанический — и вытекающие отсюда следствия в основном сохраняют свое значение.

К числу глобальных проблем человечества следует поэтому отнести проблему устранения или ощутимого ослабления влияния континентально-океанической дихотомии на социально-экономическую поляризацию мира. Применяемые в континентальных странах адаптивные к бремени сухопутных расстояний приемы и методы организации хозяйственной деятельности способны решить ее лишь частично. Коренное же ее решение состоит в радикальном переустройстве самих основ функционирования мирового хозяйства посредством установления более справедливых торгово-экономических отношений между континентальными и океаническими странами.

В конкретном плане речь должна идти о реформировании тех действующих в интересах развитых океанических стран международных коммерческих правил и норм, которые определяют «базисные условия поставки» товаров. Л.К. Туроу пришел, например, к обоснованному заключению о том, что «... правила мировой торговли всегда писали те, кто контролирует условия допуска на крупнейший в мире рынок. По этой причине Великобритания писала правила мировой торговли в девятнадцатом веке, а Соединенные Штаты — в двадцатом» [28]. Следует только уточнить, что признанный законодатель в сфере международной торговли — Великобритания — «писала» эти правила в XVIII–XIX вв., опираясь главным образом на обычаи, сложившиеся к тому времени (в XIV–XVII вв. и ранее) в Голландии, итальянских торговых городах-государствах — Генуе и Венеции, городах Ганзейского торгового союза. Вполне естественно, что торгово-экономические отношения с другими странами, в том числе с континентальными, итальянские и ганзейские портовые города, Голландия и Англия строили по собственным моделям. Данные модели не учитывали затрат партнеров на сухопутные перевозки по территориям своих стран — их оплата была делом самих этих партнеров. Заняв доминирующее положение в мировом хозяйстве и на мировом рынке, приморские западноевропейские страны во главе с Великобританией закрепили органично присущую им и выгодную для них логику торговых отношений в международных коммерческих правилах, регламентирующих «базисные условия поставки» товаров.

Радикальное реформирование международных коммерческих правил, определяющих «базисные условия поставки» товаров, — не-

обходимое условие устранения односторонних экономических преимуществ океанических стран в ущерб континентальным посредством более справедливого распределения между ними транспортных издержек при внешнеторговых операциях. Только такое реформирование, которое, естественно, займет длительный период времени, позволит достичь по-настоящему взаимовыгодного разделения труда между странами мира независимо от их макроположения относительно морских путей. Усиление процессов интернационализации и глобализации экономики не будет приносить тогда все больше односторонних выгод океаническим странам в ущерб континентальным. Инициатором предложенной трансформации торгово-экономических отношений должна, безусловно, выступать Россия, которая является на международной арене самой авторитетной из всей совокупности континентальных стран. Реализация данного направления решения проблемы континентально-океанической дихотомии на глобальном уровне целесообразна прежде всего через международные организации — ООН, ВТО и др. Оптимальное решение проблемы континентально-океанической дихотомии на глобальном уровне устранил одну из основных причин поляризации мирового хозяйства на центр и периферию и обеспечит более эффективное сотрудничество всех стран планеты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алхименко А.П. Мировой океан в XX веке: природопользование, географические проблемы // Мировой океан на пороге XXI века. — СПб.: РГО, 1999. — С. 7–39.
2. Арманд А.Д. География информационного века // Изв. РАН. Сер. геогр. — 2002. — № 1. — С. 10–14.
3. Безруков Л.А. Континентально-океаническая дихотомия и экономико-географическое положение // Географические исследования Сибири. Т 5. Общественная география. — Новосибирск: Гео, 2007. — С. 70–90.
4. Богомолов О.Т. Анатомия глобальной экономики. — М.: ИКЦ «Академкнига», 2004. — 216 с.
5. Болотин Б.М., Глазьев С.Ю., Нижегородцев Р.М. Интеграция стран с переходной экономикой в современное мировое хозяйство // Обучение рынку / Под ред. С.Ю. Глазьева. — М.: Экономика, 2004. — С. 480–517.
6. Болотин Б.М. Мировая экономика в цифрах // Мировая экономика: глобальные тенденции за 100 лет / Под ред. И.С. Королева. — М.: Юрист, 2003. — С. 493–603.
7. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. / Т. 3. Время мира. — М.: Прогресс, 1992. — 680 с.

96	География мирового развития
8.	<i>Валлерстайн И.</i> Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. — СПб.: Изд-во «Университ. книга», 2001. — 416 с.
9.	<i>Грицай О.В., Иоффе Г.В., Трейвиш А.И.</i> Центр и периферия в региональном развитии. — М.: Наука, 1991. — 168 с.
10.	<i>Делягин М.Г.</i> Мировой кризис: Общая теория глобализации. — М.: ИНФРА — М., 2003. — 768 с.
11.	<i>Де Сото Э.</i> Загадка капитала. Почему капитализм торжествует на Западе и терпит поражение во всем остальном мире. — М.: ЗАО «Олим-Бизнес», 2001. — 272 с.
12.	<i>Иноземцев В.Л.</i> Расколотая цивилизация. Наличествующие предпосылки и возможные последствия постэкономической революции. — М.: «Academia» — «Наука», 1999. — 724 с.
13.	<i>Кастельс М.</i> Информационная эпоха: экономика, общество, культура. — М.: ГУ ВШЭ, 2000. — 608 с.
14.	<i>Липец Ю.Г., Пуляркин В.А., Шлихтер С.Б.</i> География мирового хозяйства. — М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1999. — 400 с.
15.	<i>Липин А.С.</i> Оценка сбалансированного транспортного тарифа экспорта угля // Регион: экономика и социология. — 2006. — № 2. — С. 93–104.
16.	<i>Мироненко Н.С.</i> Географический подход к центрo-периферическим отношениям в мировом хозяйстве // Вест. МГУ, Сер.5. География. — 2005. — № 1. — С. 25–38.
17.	<i>Мироненко Н.С.</i> Введение в географию мирового хозяйства: Международное разделение труда. — М: Аспект Пресс, 2006. — 239 с.
18.	<i>Могилевкин И.М.</i> Транспорт и коммуникации: прошлое, настоящее, будущее. — М.: Наука, 2005. — 358 с.
19.	<i>Никольский А.Ф.</i> Геоэкономический воспроизводственный процесс: основы теории и принципы управления. — Иркутск: Изд-во ИГ СО РАН, 2004. — 165 с.
20.	<i>Плотников А.Ю.</i> Новый Инкотермс — 2000. Содержание, практика применения, комментарии. — М.: «Изд-во «ПРИОР», 2002. — 48 с.
21.	<i>Пребиш Р.</i> Периферийный капитализм: есть ли ему альтернатива? — М: ИЛА РАН, 1992. — 337с.
22.	<i>Радермахер Ф.Й.</i> Баланс или разрушение. Экосоциальная рыночная экономика как ключ к устойчивому развитию мира. — Новосибирск: Прайс-куррьер, 2006. — 403 с.
23.	<i>Сиваков Д.</i> Пять минут на круглом диване // Эксперт. — 2001. — № 26. — С. 78–80. — (Специальное обозрение «Металлургия»).
24.	<i>Сорос Дж.</i> Открытое общество. Реформируя глобальный капитализм. — М.: Неком. Фонд «Поддержка Культуры, Образования и Новых Информационных Технологий», 2001. — 458 с.
25.	<i>Тодаро М.П.</i> Экономическое развитие. — М.: МГУ-ЮНИТИ, 1997. — 671 с.
26.	<i>Тоффлер Э.</i> Третья волна. — М.: ООО Фирма «Изд-во АСТ», 1999. — 784с.

Выпуск I	97
27.	Транспортная головоломка угольщиков // Эксперт — Сибирь. — 2005. — № 40. — С. 76–77.
28.	<i>Туроу Л.К.</i> Будущее капитализма. Как сегодняшние экономические силы формируют завтрашний мир. — Новосибирск: Сибирский хронограф, 1999. — 432 с.
29.	<i>Фаминский И.П.</i> Особенности ценообразования на мировом рынке // Международные экономические отношения / Под ред. И.П. Фаминского. — М.: Экономика, 2004. — С. 208–230.
30.	<i>Чернышев С.</i> Россия суверенная: как заработать вместе со страной. — М.: Изд-во «Европа», 2007. — 304 с.
31.	<i>Шеер Г.</i> Восход солнца в мировой экономике. Стратегия экологической модернизации. — М.: Тайдекс Ко, 2002. — 320 с.
32.	<i>Эрреера С., Браун С.Л.</i> Торговля фьючерсами и опционами на рынке энергоносителей. — М.: ЗАО «Олимп-Бизнес», 2003. — 304 с.
33.	<i>Annovazzi-Jarab L.</i> Landlocked Countries: Opportunities, Challenges and Recommendations // Trade Facilitation. The Challenges for Growth and Development. — New York and Geneva: United Nations, 2003. — P. 81–136.
34.	<i>Gallup J.L., Sachs J.D., Mellenger A.D.</i> Geography and Economic Development // International Regional Science Review. — 1999. — N22.2. — P. 179–232.
35.	<i>Radelet S., Sachs J.D.</i> Shipping Costs, Manufactured Exports, and Economic Growth. (1998) http://www.earth.columbia.edu/sitefiles/File/about/director/pubs/shipcost.pdf

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Л.Г. Руденко, С.А. Лисовский, Е.А. Маруняк

Одним из важнейших факторов, которые определяют современный этап развития общества и возможности достижения сбалансированного развития, является феномен глобализации. Независимо от сферы применения в массовом сознании глобализация все больше отождествляется с кардинальными переменами, новыми реалиями и, зачастую, новыми рисками и вызовами в развитии человечества.

Говоря об основных признаках современных трансформаций, на сегодняшний день с полной определенностью можно утверждать следующее. Происходит усиление взаимосвязей всех уровней, от глобального до локального, интенсификация взаимодействия в региональных интеграционных объединениях, рост их общего количества на всех континентах, уменьшение тарифов на международные телефонные переговоры, рост пользователей Интернета и компьютерных сетей, туристических потоков и транспортных перевозок, быстрые банковские переводы — новые правила и стандарты взаимодействия. Так, только за последние 10 лет (с 1996 по 2006 гг.) количество телефонных линий выросло в 1,7 раза, абонентов мобильной связи — в 18,5 раза, персональных компьютеров — в 2,9 раза, пользователей Интернет — в 15,3 раза. Высокими являются показатели роста объемов внешней торговли, иностранных инвестиций, миграционных потоков. Имеют место изменения в территориальной и отраслевой структуре производства с усилением влияния технологической и информационной составляющих. Сформированы и разрастаются надгосударственные структуры — международные организации, транснациональные корпорации (ТНК).

Обостряется конкуренция, в том числе на региональном уровне. Регион де-факто трансформируется в самостоятельную единицу международных отношений. Само понятие конкурентоспособности становится более сложным и комплексным, в первую очередь за счет множества качественных характеристик, «образа» и «имиджа» территории, в том числе и экологического. Активно распространяются глобальные ценности и социальные стандарты. Сети гостиниц, ресторанов быстрого питания, супермаркетов, используя достаточно агрес-

сивные стратегии, предоставляют потребителю унифицированный набор товаров и услуг. Мировое пространство «иерархизируется» и «дифференцируется», мы привычно оперируем категорией «центр-периферия», разделяем страны на развитые и развивающиеся, богатые и бедные.

Таким образом, можно говорить о том, что глобализация — это новая стадия общественного развития в планетарном масштабе, новое качество социальных связей и общественных процессов, которые обусловлены развитием науки и техники, появлением новых информационных технологий.

Глобализация охватывает практически все сферы жизнедеятельности человечества, её формами являются экономическая, политическая и социально-культурная. Поэтому и большинство исследований этих процессов носит междисциплинарный характер. Существует значительное количество определений глобализации. Основные акценты — на усилении взаимосвязей и взаимозависимости, интенсификацию потоков капитала, рабочей силы, информации, торговли.

С позиций общественной географии экономическую глобализацию можно трактовать как процесс территориальной и отраслевой перестройки национальных хозяйств, который сопровождается созданием системы разновекторных связей глобального, регионального, локального уровней, качественные и количественные параметры которых обуславливают динамические изменения мировой экономики в направлении формирования целостной модели развития.

Дискуссионными являются оценки последствий глобализации. С одной стороны, это ускоренный обмен информацией, новые возможности и качество взаимодействия, с другой — новые риски и угрозы в глобальном масштабе. Указывая на то, что процессы глобализации объективны по своей природе, не следует забывать, что специфика их развития не лишена субъективного вмешательства и, соответственно, субъективного восприятия.

Что можно сказать о последствиях или, как принято говорить, вызовах глобализации в плоскости сбалансированного (устойчивого) развития? Идеальные представления о глобализации сформированы в русле создания единого сообщества, экономического и социально-культурного развития, распространения высоких стандартов жизни, информации и технологий, что в определенной мере отвечает постулатам сбалансированного развития. Глобальность — один из давних принципов эволюции человечества как биологического вида, в пользу чего свидетельствует ряд понятий — мировые религии, культуры и города, Вселенная, Универсум.

Однако, реальные последствия другие. Происходящие процессы приводят к обострению неравенства в политическом, экономичес-

ком, и, что особенно значимо, экологическом аспектах. Во многих публикациях и исследованиях, в том числе международных организаций, проблема неравномерности мирового развития привычно упоминается, однако реальные меры по её преодолению по-прежнему отсутствуют. В то же время речь идет и об ускоренной «гомогенизации» и унификации подходов к отношениям общества и природы, при которой использование природно-ресурсного потенциала многих регионов мира определяется не потребностями этих регионов в плане перехода к сбалансированному развитию, а их местом в системе международного разделения труда. Для многих стран, в том числе и постсоветских, возникает дилемма — изолированность в мировом хозяйстве, которая приводит к отставанию и стагнации, либо открытость, которая означает ресурсно-сырьевое позиционирование с соответствующими последствиями.

Именно обострение отношений общества и природы, усиление негативных последствий этих взаимоотношений, необходимость прогнозирования и сохранения существующего природного потенциала привело к формированию основных постулатов концепции устойчивого развития. Во второй половине XX столетия человечество пришло к пониманию тесной взаимосвязи экологических, экономических и социальных проблем, и того факта, что они могут быть решены только комплексно, при условии тесного сотрудничества и координации усилий всех членов мирового сообщества. Человечество подошло к признанию неприятия дальнейшего сохранения трех основных практических вариантов использования природно-ресурсного потенциала планеты — западной модели, модели стран с плановой экономикой, модели стран, которые развиваются, поскольку каждая из них соответственно обуславливает: неоправданные с точки зрения природно-ресурсного потенциала планеты масштабы эксплуатации природных ресурсов; неэффективные и несбалансированные по эколого-экономико-социальным параметрам варианты использования ресурсов; неэквивалентный обмен ресурсами, что приводит к обеднению населения крупных регионов мира.

Взаимосвязь процессов глобализации и проблем, возникающих в плоскости сбалансированного развития иллюстрирует схема (рис. 1).

Красной линией во взаимоотношениях общества и природы проходит уровень потребления. И глобализация здесь также расставляет акценты — экспорт западных ценностей в страны с низким уровнем развития приводят к формированию абсолютно нового уровня ожиданий даже в беднейших слоях населения. А это — рост темпов потребления, обострение криминогенной ситуации, нелегальные миграции. По предварительным оценкам Мирового банка [6], в Евросоюзе находится около трех миллионов нелегальных мигрантов, в России

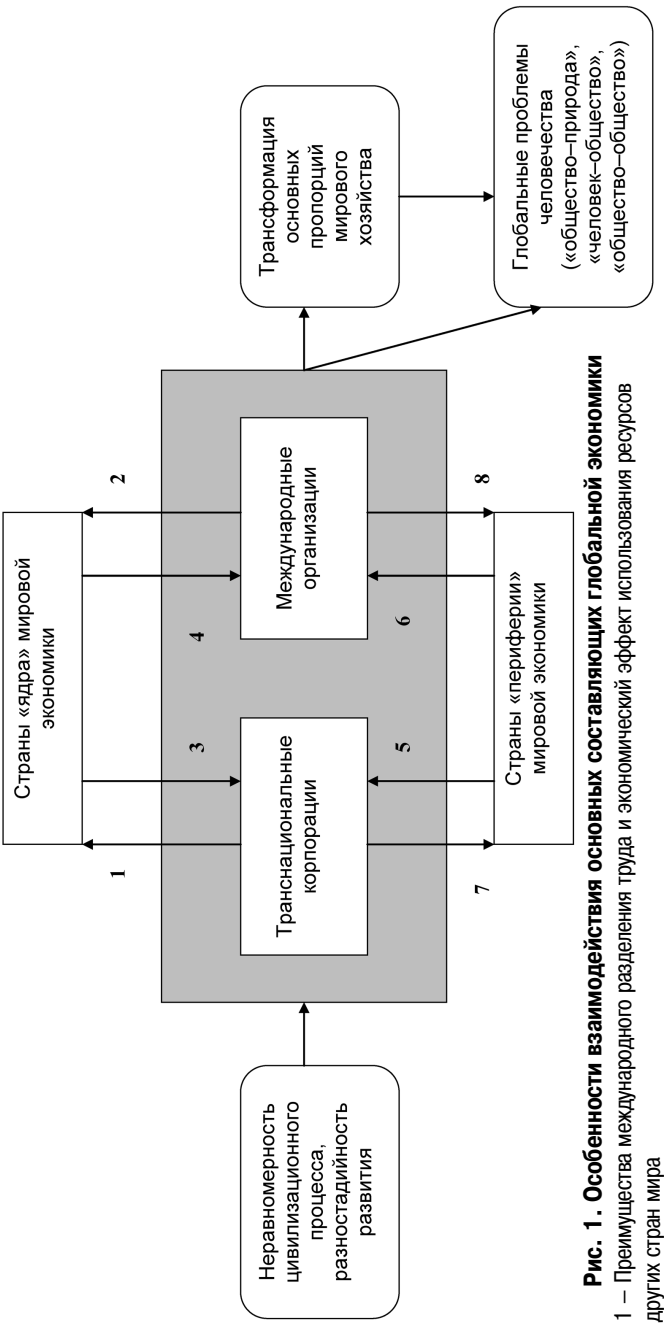

Рис. 1. Особенности взаимодействия основных составляющих глобальной экономики

- 1 — Преимущество международного разделения труда и экономический эффект использования ресурсов других стран мира
- 2 — Достижения и "фiasco" в области стратегического сотрудничества и глобальной безопасности
- 3 — Финансовые ресурсы, рыночная инфраструктура, научный и управленческий потенциал
- 4 — Глобальные политико-экономические решения
- 5 — Ресурсы, средние- и низко- технологичные товары и услуги
- 6 — Участие в работе организаций глобального уровня, создание организаций региональных интересов
- 7 — Инвестиции, технологии, информационное влияние, агрессивный маркетинг
- 8 — Требования к стандартизации законодательства в экономической и политической сферах, кредиты, диктат модели социально-экономического развития

— до 3,5 миллионов. Россия, США, Германия и Украина — страны с наибольшим числом мигрантов в мире. Для развивающихся стран денежные переводы мигрантов — дополнительный источник финансирования, для развитых — блок социально-экономических проблем.

Противоречие между высоким уровнем конечного потребления природных ресурсов, который сложился в наиболее развитых странах мира, и уровнем деградации и разрушения окружающей среды в развивающихся странах, на территории которых осуществляется извлечение и первичная обработка этих ресурсов, постоянно увеличивает. Немаловажной проблемой является и искажение стоимости различных видов ресурсов. Роль знаний и технологий, как главного производственного ресурса в развитии любой страны или региона, очевидна. В развивающихся странах и, к сожалению, в странах СНГ конкурентные преимущества базируются на ресурсоемких производствах и процессы глобализации лишь обостряют проблемы природопользования, ускоряют деградацию отдельных видов природных ресурсов, часто в результате их заниженной стоимости. В то же время «интеллектуальные» ресурсы и технологии в этих странах не могут выйти в ближайшее время на первый план, так как связаны с необходимостью подготовки, финансирования и содержания инфраструктуры и кадров. Потенциал стран с переходной экономикой на пути к его реализации требует реформирования науки, изменения пропорций ее университетской, академической, производственной составляющих и системы связей «разработка-внедрение». Таким образом, нелинейная диалектика процессов глобализации создает и новые возможности, и новые противоречия в подсистемах «природа — общество», «человек — общество», «общество — общество».

Очевидно, при исследованиях глобализации и их проекции на сбалансированное развитие, важно перейти к многоуровневой, комплексной оценке первой и разработке эффективных механизмов управления последним.

Что касается оценки степени «глобализированности» той или иной экономики, в настоящее время используется два индекса. Первый из них (А.Т. Kearney) [7], более распространенный и цитируемый, рассчитан в категориях: экономическая интеграция, технологии, частные контакты и политика (на основе показателей в 14 группах).

Второй индекс глобализации (KOF) [8] подсчитывают на основе взвешенных экономической (34%), социальной (37%) и политической (28%) составляющих, базирующихся на 23 показателях в шести группах. Данные представлены с 1970 по 2007 гг., что позволяет оценить динамику процессов глобализации в мире. За это время произошли ощутимые изменения, переход многих стран от изолированности к взаимодействию. Особенное внимание обращает на себя постсовет-

ское пространство, где на протяжении нескольких десятков лет имели место существенные трансформации, последствия которых до сих пор не осознаны. Еще в середине восьмидесятых годов по уровню производства на душу населения и многим другим показателям оно соответствовало параметрам, приближенным к стандартам развитых стран. Однако, как известно, это развитие достигалось преимущественно за счет экстенсивного использования природных ресурсов. На протяжении 80-х годов темпы ежегодного экономического роста стран с плановой экономикой постоянно снижались, что и поставило в повестку дня вопрос о необходимости изменения принципов, которые определяют функционирование хозяйственного механизма и общую трансформацию их экономики.

В наше время, в зависимости от степени успешности этой трансформации, часть стран из данной группы по своим параметрам и, соответственно, модели использования природных ресурсов приближаются к параметрам стран с развитой рыночной экономикой, остальные — к странам, которые развиваются. Мы можем наблюдать эти процессы и в плоскости международных интеграционных объединений и организаций. Сопоставление показателей по двум индексам представлено в таблице 1.

Схожесть методологий очевидна, однако объективность отдельных показателей и их количество остаются под вопросом. Очень сложно судить и о том, насколько позитивны и продуктивны связи той или иной страны в мировом сообществе, какие отрасли являются объектом инвестирования, есть ли реальные инновации, за счет чего увеличиваются объемы экспорта и т.д. А ведь именно это позволяет говорить о перспективах развития, и развития сбалансированного.

Позиции стран СНГ (страны, представленные в 2-х рейтингах, в 2007 г.): Россия — 31 (KOF), 62 (А.Т. Kearney), и Украина 50 (KOF), 42 (А.Т. Kearney). Видимо, такая ситуация во многом объясняется объемами внутренних рынков сбыта двух стран, а также интенсивными миграционными потоками.

Анализ методологии расчета двух индексов глобализации позволяет сделать выводы о том, что показатели, полученные в результате, могут стать основой для различных классификаций и рейтингов, составляемых с целью выявить общие тенденции мирового развития, определить место отдельной страны в макрорегионе и мире.

Однако упрощенный количественный подход лимитирует возможности реальной оценки последствий процессов глобализации для страны и ее регионов. Фактически не учитываются территориальный и отраслевой аспекты распределения потоков международной торговли и инвестиций, инновационная составляющая. Оценка влияния процессов глобализации на развитие отдельной экономики должна

Таблица 1

Индексы глобализации: методология расчетов

A.T.Kearney	KOF (Swiss Federal Institute of technology)
Экономическая глобализация	
<i>Торговля:</i> Экспорт товаров, импорт товаров, услуги (дебит, кредит), объемы экспорта, объемы импорта, внешнеторговый оборот, % ВВП.	<i>Реальные потоки:</i> (торговля, прямые иностранные инвестиции, портфельные инвестиции, налоги иностранных граждан - % ВВП)
<i>Прямые иностранные инвестиции:</i> В страну, из страны, общий поток, % ВВП	<i>Ограничения</i> (барьеры импорта, средний уровень тарифов, налоги в международной торговле - % от текущего дохода; ограничения по накоплению капитала)
Персональные контакты и технологии	Социальная глобализация
Персональные контакты: <i>телефон</i> (входящие и исходящие международные звонки, общий трафик (мин. и мин./чел.) <i>поездки</i> (въездной и выездной туризм (количество туристов и % населения) <i>переводы и персональные трансферы</i> (компенсации, другие трансферы, общий объем денежных переводов — абсолютное значение и % ВВП)	<i>Персональные контакты</i> (исходящие телефонные звонки, трансферы - % ВВП, международный туризм - % населения; средняя стоимость телефонных звонков в США, «иностранное население»)
Технологии: <i>Интернет-пользователи</i> (количество и % населения), <i>Интернет-хосты</i> (всего и на душу населения) <i>Серверы</i> (всего и на душу населения)	<i>Информационные потоки</i> (количество телефонных линий, кабельное телевидение, ежедневные газеты, радио на 1000 жителей, количество Интернет-хостов на душу населения, количество Интернет-пользователей - % населения) <i>Культурное сближение</i> (количество ресторанов Макдоналдс на 100000 чел.)
Политическая глобализация	
<i>Правительственные трансферы</i> (кредит, сумма дебита и кредита, общий трансфер — %ВВП))	<i>Количество посольств в стране</i>
<i>Участие в международных организациях</i>	<i>Участие в международных организациях</i>
<i>Участие в миссиях ООН</i>	<i>Участие в миссиях ООН</i>
<i>Соглашения</i> (количество ратифицированных соглашений)	

быть многоуровневой, то есть такой, которая бы обеспечивала возможности выявления региональных диспропорций, определения причин и направлений их преодоления в контексте государственного развития, а также учитывать топологические проявления во взаимосвязях страны с миром. Кроме того, говоря об оценке процессов глобализации в контексте обеспечения сбалансированного развития, не-

обходимо учитывать и социальную и экологическую и культурологическую составляющие.

Общая схема исследования процессов глобализации для отдельной страны должна включать три этапа [3]: 1) определение места страны в системе международных экономических и политических отношений, значимости различных межгосударственных связей, анализ их количественного и качественного состояния, динамики, влияния на экономику транснациональных субъектов деятельности; 2) изучение специфических особенностей проявления процессов глобализации в регионах страны (согласно административно-территориальному делению), в том числе с учетом направлений региональной интеграции; 3) подробная характеристика региона исследований.

Интересно проанализировать зависимость, сложившуюся между индексами глобализации и сбалансированности окружающей среды (Центр экологического законодательства и политики Йельского университета США) (рис. 2).

Из топ-10 в рейтингах сбалансированного развития [2] и глобализации [8] совпадают пять позиций для рейтинга (Австрия, Финляндия, Швеция, Швейцария, Канада) и семь — для рейтинга (прибавляются Ирландия и Дания). Вероятно, наиболее развитые страны мира «глобализируются» и находят баланс интересов отдельно от остального мира, и не исключено, за его счет. Это скорее еще одно подтверждение ресурсной эксплуатации стран «периферии», в результате чего развитые страны избавляются от экологических издержек и получают дополнительные возможности технологического совершенствования и сохранения окружающей среды.

Особое значение имеет развитие транснациональных корпораций. С точки зрения общественной географии, ТНК целесообразно определять как пространственно и технологически объединенные производственно-территориальные системы, развивающиеся на основе предприятий, которые функционируют благодаря инновационным подходам и современному менеджменту с использованием денационализированных трудовых, природных и финансовых ресурсов [4].

Темпы роста количества ТНК из года в год увеличиваются. В 1969 г. насчитывалось 7 тыс. «глобальных фирм» со штаб-квартирами в 14 развитых странах мира, в 2000 г. их количество выросло до 40 тыс., с сотнями тысяч филиалов. В 1992 г. у каждой ТНК было в среднем 5-6 — филиалов, в 2002 г. — около 15, в 2004–2005 гг. этот показатель для наибольших корпораций составлял в среднем 40. Следует заметить, что, несмотря на множество минусов деятельности ТНК для принимающих стран, экономическую мощь и темпы распространения, это — не основная угроза сбалансированному развитию. Во-пер-

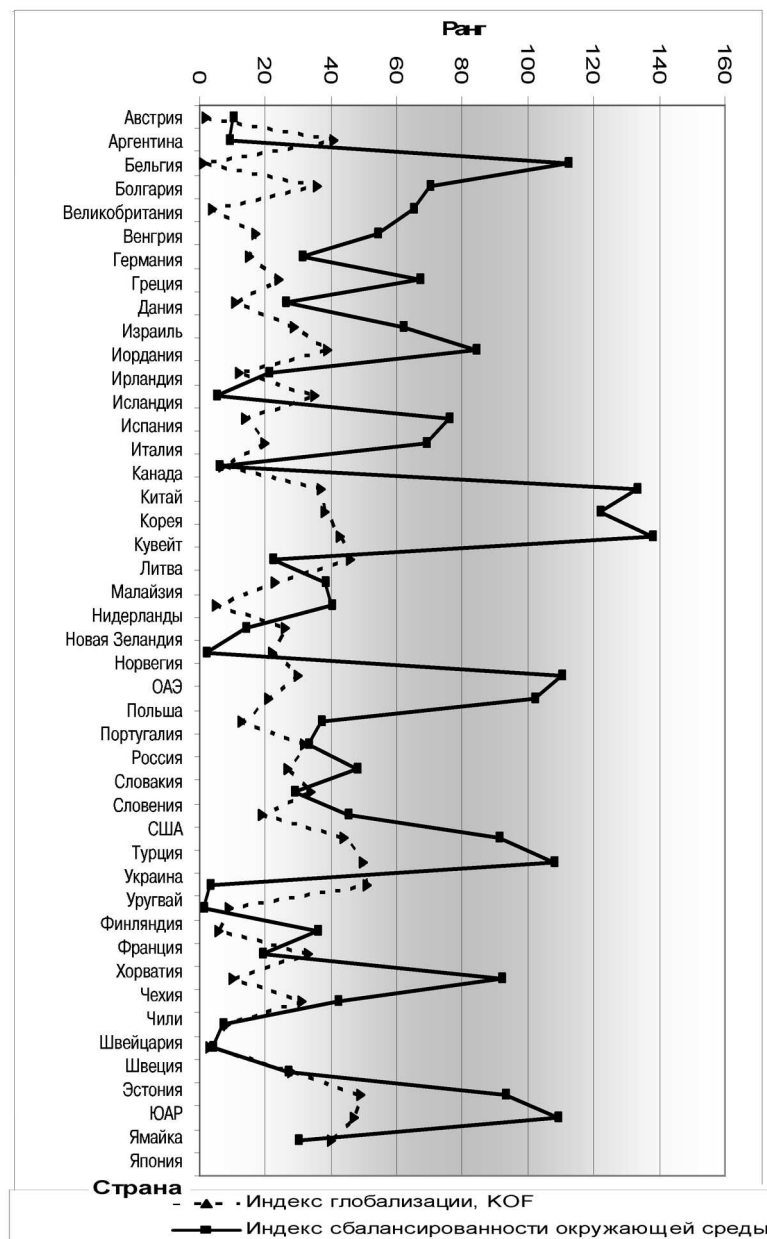

Рис. 2. Индексы глобализации и сбалансированности окружающей среды

вых, ТНК тесно сотрудничают с правительствами стран происхождения, во-вторых, применение ресурсосберегающих технологий в их деятельности — одно из условий экономической эффективности. ТНК не смогут полностью принять на себя функции государства, в связи с существованием специфических затратных функций последнего. Кроме того, не следует забывать — корпорации ориентируются на потребителя. И с того момента, как было осознано негативное общественное восприятие, возникли новые правила и стандарты экологизации и социальной ответственности ТНК. Деятельность ТНК, которая прямо или опосредованно влияет на все показатели (экономические, социальные, экологические) каждой страны, выступает фактором, определяющим предпосылки их сбалансированного развития. Однако положительные и отрицательные последствия этого влияния в каждом конкретном случае различны.

Попробуем в общих чертах рассмотреть основные особенности глобализации в Украине, которые, в той или иной мере характерны для большинства постсоветских стран. По типу участия в глобализационных процессах, Украина остается их объектом. Объяснений этому факту — предостаточно. Слабое позиционирование страны в международных рейтингах. 78–80 места по уровню человеческого развития, 85–122 — по индексу восприятия коррупции — результаты несопоставимые с развитыми европейскими странами. Подобная ситуация наблюдается относительно стратегически важных в условиях глобализации показателей развития инновационной деятельности (52 место среди 82 стран мира за индексом инновационности), информационной составляющей (82 место среди 183 стран мира по индексу потенциала информационно-коммуникационных технологий), инвестиционной деятельности. Объемы ПИИ, которые поступают в Украину, незначительны в мировом масштабе (менее 1%), еще меньше инвестиционные потоки из Украины.

Основные инвесторы — индустриально высокоразвитые страны, вместе с тем, значительным является процент сотрудничества со странами, которые создают условия для оффшорного бизнеса (18–20%) — «теневая глобализация». Свидетельством невысокой конкурентоспособности украинских товаров является ориентация внешней торговли на индустриальные страны среднего уровня развития (41% в экспорте, 49,2% в импорте) за счет стран СНГ. Внешнеэкономическая деятельность Украины не «детерриторизирована» — потоки сосредоточены преимущественно на странах-соседях первого или второго порядка. Экономические связи Украины с Японией и странами Азиатско-Тихоокеанского региона являются достаточно слабыми, что отвечает тенденции меньшей активности интернационализированного сектора японской экономики на глобальном уровне.

В ближайшем будущем основные трансформации в Украине будут происходить под воздействием геоэкономических стратегий развитых стран, России и транснациональных корпораций. Предпосылками для усиленного вмешательства остаются расслоение украинского общества, высокая «тенизация» экономики, диспропорции регионального развития, разные ориентиры регионализации по векторам «Восток — Запад» в сочетании с ёмкостью рынка сбыта, отдельными показателями ресурсной обеспеченности. Особое место занимают проблемы сотрудничества Украины со странами ЕС. Не определены и результаты вступления Украины в ВТО. Однако растущее количество антидемпинговых расследований (объём продукции охваченный ими за несколько последних лет составил 313 млн. дол. США), скрытый и явный протекционизм развитых стран не оставили другого выбора.

Очевидны и существенные недостатки формата СНГ, который используется преимущественно для коммуникации на постсоветском пространстве, с последующей реализацией проектов в виде двусторонних соглашений.

В контексте дифференциации мирового пространства на территории Украины можно выделить несколько «полюсов» глобализации, и в первую очередь г. Киев (свыше 22% внешнеэкономических потоков), но и в этом регионе есть существенные диспропорции товарной и географической структуры экспорта, прямых иностранных инвестиций, во взаимодействии со странами «ядра». Большинство регионов Украины тяготеют к внешнеторговому сотрудничеству в пределах группы индустриальных стран среднего уровня развития. В сфере ПИИ для большинства регионов (как и в Украине в целом) преобладают индустриальные высокоразвитые страны.

Зависимость внешнеэкономической деятельности от стран-соседей является наивысшей для западных областей (трансграничное сотрудничество), в остальных преобладает показатель среднего уровня. Отдельное место занимает вопрос соотношения российского и западного векторов, и в срезе «развитые — трансформационные экономики» и «страны ЕС — страны СНГ». Относительно взаимодействия со странами «ядра», она является менее интенсивной или паритетной в сравнении с Россией. В разрезе направлений региональной интеграции ЕС и СНГ выявлена ориентация восточных и южных областей Украины на страны СНГ, западных и северных — на страны ЕС, в то же время интенсивность региональной интеграции на востоке является ниже. То есть проблемы территориального управления остаются на повестке дня.

По оценкам некоторых изданий, в Украине на сегодня действует несколько десятков крупных по мировым масштабам ТНК. Острая

конкуренция принудила некоторые ТНК к выходу на украинский рынок еще в начале 90-х годов, когда украинская экономика переживала период кризисов и трансформаций. По данным ЮНКТАД, в 1999 г., деятельность здесь осуществляли 67 филиалов ТНК, из них — 36 — в промышленности, 23 — в третичном секторе, 8 — в финансовом секторе. Среди них доминируют транснациональные корпорации, базирующиеся в странах Европы, но наиболее крупные из числа этих ТНК, действительно глобального уровня, базируются в США. Отрасли, которые пользовались наибольшей популярностью, — нефтеперерабатывающая и пищевая промышленность, телекоммуникации.

Подобной является структура прямых иностранных инвестиций (ПИИ), которые поступили в Украину в этот самый период (пищевая промышленность 19,5% к общему объёму ПИИ, оптовая торговля и посредничество в торговле — 14,0%, машиностроение — 8,0%). Среди стран СНГ такая же ситуация в Беларуси, Молдове и России. Эти же страны (а в дальнейшем и Казахстан) представляли наибольший интерес для ТНК на постсоветском пространстве (рис.3).

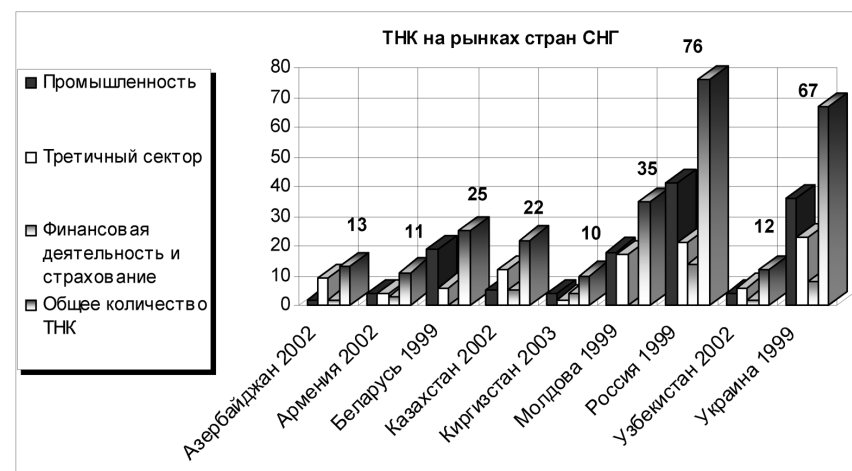

Рис. 3. ТНК на рынках стран СНГ (по данным [9])

Попробуем оценить последствия деятельности ТНК в Украине. Для экономики в целом, можно отметить рост уровня национального производства, вынужденного конкурировать с ТНК, что ощущается и в повседневной жизни. В отдельных отраслях ТНК оказались неспособными вытеснить национального производителя. Это свидетельствует о наличии ниши и возможностей для международного сотрудничества. В то же время, есть отрасли, к тому же прибыльные отрасли, в которых Украина уже утратила перспективы. Большинство ТНК, работа-

ющих в Украине, не открывают здесь исследовательские центры. Можно констатировать и выборочное привлечение отдельных отраслей промышленности Украины к сетям ТНК, и потенциальные угрозы этого процесса в контексте сбалансированного развития. Ухудшение экологической ситуации в Украине сложно связывать именно с появлением на рынке ТНК. Нерациональная структура природопользования сложилась очень давно.

В социальной сфере следствием деятельности ТНК является бесспорное повышение стандартов жизни. Одновременно появились модифицированные продукты, консерванты, привносятся агрессивные маркетинговые стратегии. Присущая ТНК погоня за объемами сбыта формирует в украинском обществе новую систему ценностей. Может ли Украина на государственном уровне противостоять экспансии ТНК? Маловероятно. Среди рычагов управления, которые позволяют скорректировать следствия этого вмешательства, можно выделить следующие:

- активизация тех функций, которые ТНК оставляют государству — регулирование, установление законодательных норм. Существенных отличий относительно поведения ТНК нет — это типичная модель вхождения на рынок принимающей страны, а значит, стратегии восприятия известны и могут быть адаптированы к украинским условиям. Странами СНГ принята конвенция «О транснациональных корпорациях», она может быть доработана и внедрена на национальном уровне.
- стимулирование развития национального производства с целью повышения его статуса при сотрудничестве с ТНК и экспортного потенциала страны в целом. Направления деятельности, избранные ТНК в Украине, — ничто другое, как свидетельство ее настоящего места в международном разделении труда, и позитивные сдвиги не возможны без участия власти регионального и национального уровней.
- усиление внимания к развитию научной и инновационной деятельности, что не только необходимо для оздоровления национальной экономики, но и может вызывать интерес ТНК к основанию исследовательских центров и соответственно переходу к модели поведения, реализуемой на рынках развитых стран.

Безусловно, государство должно способствовать развитию национальных финансово-промышленных групп (ФПГ). Конкурентоспособность национального производителя — один из важнейших аспектов развития, кроме того, приватизация состоялась, и предприятия будут оставаться у владельцев. Некоторые ФПГ похожи на ТНК не только с экономической, но и с политической точки зрения. Должны быть урегулированы вопросы социальной и экологической ответст-

венности, налогообложения, сформирована актуальная для ТНК мотивация — «сильное государство — сильные ТНК».

Рассмотрим основные проблемы, которые определяют возможности перехода Украины к сбалансированному развитию. Территория современной Украины была своеобразной промышленной площадкой, которая до определенной степени обеспечивала потребности в продукции тяжелой промышленности многих стран. Именно гипертрофированное развитие отраслей минерально-ресурсной ориентации стало фактором, который обусловил несбалансированный характер экономического развития, вызвал проблемы социального характера, обострил экологическую ситуацию в стране. К этому прибавилось и чрезмерное сельскохозяйственное освоение территории Украины. По доле пашни в земельном фонде Украина занимает первое место в Европе и второе — в мире.

Среди других факторов, которые обусловили проблемы сбалансированного развития: высокий уровень антропогенной нагрузки на территорию и значительное загрязнение окружающей среды, несовершенная отраслевая структура производства, нерациональное территориальное размещение производств, высокий уровень изношенности основных производственных фондов и технологическое отставание, преимущественно экстенсивный характер общественного производства, нерациональное использование природно-ресурсного потенциала, дефицит отдельных видов ресурсов.

Очевидно, что особенности проявления в Украине процессов глобализации также негативно отражаются на возможностях сбалансированного развития. Общий уровень сбалансированности развития Украины на фоне других стран и регионов мира очень низкий. Составим два индекса, глобализации и сбалансированности развития, рассчитанные для регионов страны по авторским методикам (рис. 4) [1].

Коэффициент корреляции Пирсона свидетельствует о наличии обратной связи среднего уровня (0,6) и означает то, что в мировую экономику интегрируются наиболее проблемные по экологическим параметрам регионы, а речь идет о формировании экономики с ресурсно-сырьевым типом экспорта. Инновационный путь развития до сих пор не найден и это проблема не только Украины. Реализация модели сбалансированного развития предполагает внедрение сложной полиструктурированной системы правовых, экономических и других механизмов. Обобщая на примере Украины, можно выделить следующие их виды.

1. Государственно-регулирующие механизмы для обеспечения сбалансированного развития, которые должны быть реализованы во всех направлениях её государственной политики: налоговом, бюд-

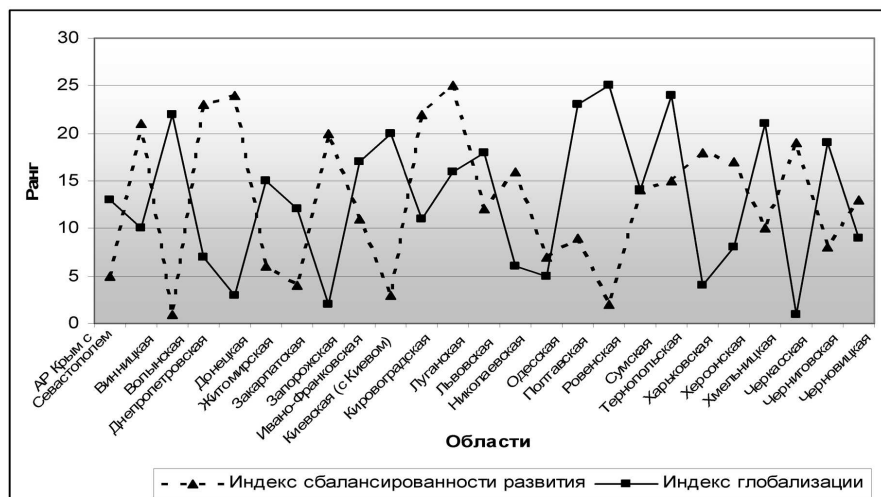

Рис. 4. Глобализация и сбалансированное развитие: регионы Украины

жетном, финансово-кредитном, правовом, инвестиционном, промышленном, социальном, внешнеэкономическом, экологическом и других.

2. Правовые механизмы, которые используются в законодательном обеспечении трансформационных и адаптационных процессов экономического роста страны согласно основам рыночной экономики.

3. Финансовые механизмы государственного регулирования, направленные на: сбалансированность межбюджетных (вертикальных и горизонтальных) и внутрибюджетных (доходно-расходных) отношений; направленность бюджетного обеспечения на поддержку отечественного производителя, реализацию стратегически важных отечественных социальных и экономических программ; ориентированность финансово-кредитной политики на поддержку и активизацию предпринимательской деятельности, аграрного сектора, обеспечения равновесия кредитного спроса и кредитных предложений в стране; повышение её инвестиционной привлекательности.

4. Экономико-производственные механизмы по наращиванию экономического потенциала страны, повышения общественной продуктивности труда, развития инновационного комплекса, обеспечения конкурентоспособности отечественной продукции и услуг, структурно-технологической переориентации хозяйства на основе технико-технологической реконструкции, внедрения современных энерго- и ресурсосберегающих, малоотходных технологий, развития производственной, информационно-коммуникационной, рыночной инфраструктуры.

5. Социально-экономические механизмы, направленные на: повышение занятости населения, в первую очередь за счет создания новых рабочих мест, в частности и в сельской местности; уменьшение социально-финансового расслоения общества за счет утверждения среднего класса и существенного увеличения доли его доходов; обеспечение адекватности объемов оплаты труда и его эффективности; результативная защита доходов населения от инфляции; создание эффективной системы социального страхования, которое бы обеспечивало соответствие всех видов социальных выплат, включая пенсии, трудовому вкладу работника; реальное адресное финансовое обеспечение социальной защиты незащищенных слоев населения.

Именно в социуме предопределяется успешность преодоления многих барьеров. Уровень образования, информированность, социальное восприятие в целом — факторы, действие которых мы в последствии можем наблюдать в развитии малого и среднего бизнеса, деятельности общественных организаций (в том числе и экологических), формировании управленческого потенциала. Баланс интересов, достижение которого лежит в основе устойчивого развития предполагает и то, что эти интересы будут осознаны и согласованы — в развитых и развивающихся странах, различными слоями населения, на всех уровнях власти.

Разработка новых императивов прогресса человечества требует разработки обществом соответствующих мировоззренческих установок, систематизации знаний о себе и природе. Духовные ценности также являются важным фактором, который определяет поступательное движение человечества. На этом пути глобализация может стать фактором, который порождает риски и конфликты либо выполнить объединяющую функцию, благоприятствуя культурно-информационному диалогу между людьми, регионами странами.

6. Социально-мировоззренческие, научные и образовательные механизмы перехода к устойчивому развитию, которые бы обеспечивали: изменение идеологии общественно-природных отношений на основе признания их паритетности; развитие фундаментальных и прикладных исследований по проблемам социально, экономически и экологически сбалансированного развития; подготовку соответствующих специалистов всех отраслей знаний с современным менталитетом, имеющих новейшие научно-технические знания; цивилизованное решение проблем сосуществования в Украине всех конфессий.

Знаковой в этой сфере является ратификация Декларации о географическом образовании для устойчивого развития («Lucerne Declaration on Geographical Education for Sustainable Development»), которая подразумевает и создание отдельного географического курса, и использование информационно-коммуникационных технологий.

7. Экологические механизмы, которые предусматривают экологизацию производства с решением широкого круга проблем, а именно: учет мирового опыта внедрения экологического нормирования и налогообложения, которое должно благоприятствовать развитию экологически безопасных предприятий, обеспечению возобновления природной среды, сохранению ландшафтного и биотического разнообразия, качественного состояния компонентов природы, что способствует воспроизводству населения и улучшению состояния его здоровья; осуществление территориально дифференцированной структурной перестройки хозяйства с повышением роли экологически безопасных производств, третичной и четвертичной сферы, производства товаров широкого потребления; внедрение современных природоохранных и малоотходных технологий, особенно в районах развития тяжелой промышленности; усовершенствование текущего ресурсосбережения путем вовлечения в хозяйственный оборот нетрадиционных видов ресурсов, комплексного использования всех сырьевых ресурсов, которое было бы направлено на более полное освоение всех полезных компонентов, снижение загрязнения окружающей среды и повышение выхода продукции от одной тонны сырья; смягчение негативных последствий хозяйственного природопользования путем возобновления ресурсов, рекультивации земель, использования природно-техногенных ресурсов (отходов производства), борьбы с неблагоприятными природно-техногенными процессами (эрозией, подтоплением, засолением); сохранение биологического разнообразия, возобновление плодородия почв за счет внедрения комплексной мелиорации и современных систем земледелия, использования современной сельскохозяйственной техники; создание экологического каркаса территории, согласованного с территориальной структурой хозяйства, расширение системы природоохранных территорий; создание разветвленной экологической инфраструктуры, размещение очистных сооружений, которые бы максимально соответствовали размещению экологически агрессивных и неблагоприятных производств; обеспечение «экологического» инвестирования, особенно в регионах экологических бедствий, для осуществления всех вышеперечисленных видов экологизации хозяйства.

Еще одной особенностью, сформировавшейся под воздействием процессов глобализации, является выход на первый план исследований регионального уровня. Регион становится самостоятельной единицей международных отношений, что давно осознано и используется в европейских странах. Существует четкое понимание тенденций постиндустриального развития, которое выражается в значимости для регионального развития потенциала, заложенного в человеческом капитале (здоровье, образование, квалификация, гендерные ас-

пекты, самосознание), окружающей среде (структура природопользования, ресурсосбережения, ландшафтное планирование), третичном и четвертичном секторах экономики (информация, технология, кластеры, непроектируемые ресурсы, уникальность и новаторство) и в институциональной составляющей (местное самоуправление, скорость реагирования на изменение конъюнктурных запросов общества, агентства по региональному развитию и привлечению инвестиций, фонды).

В связи с этим целесообразно выделить основные направления регионального развития в условиях глобализации:

- Внедрение высоких стандартов администрирования за счет эффективной кадровой политики, элементов электронной демократии и управления, усиленного участия и контроля общественности, а также глубокого понимания сущности современных геоэкономических и геополитических превращений, в том числе особенностей региональной геополитики;
- Стимулирование инвестиционной деятельности, установление инвестиционных ориентиров относительно самых перспективных для территории видов экономической деятельности, учет тенденций постиндустриализации, значимости человеческого капитала;
- Повышение глобальной конкурентоспособности регионов путем реализации концепций и форм территориального развития, успешно внедренных в других странах мира (кластеров, специальных экономических зон, территорий приоритетного развития), а также создание условий для прозрачного взаимодействия власти и бизнеса;
- Внедрение контроля над деятельностью ТНК и ФПГ, особенно ее экологическими и социальными последствиями, на местном уровне;
- Интенсификация трансграничного сотрудничества, экстраполяция опыта еврорегионов на восточной границе;
- Переход к реальному управлению инновационной деятельностью. Повышение внимания к нетрадиционным источникам энергии, специфическим для каждого региона, что позволило бы постепенно разрешать проблему энергетической зависимости, структуры импортных операций;
- Повышение темпов реформирования образовательной системы. Полноценное включение научных ячеек высших учебных заведений и академической науки в региональные и национальные инновационные системы;
- Соблюдение основных принципов Концепции национальной программы информатизации. Привлечение информационных

ресурсов с целью формирования позитивного имиджа региона, повышения инвестиционной привлекательности, увеличения туристических потоков. Увеличение степени информационно-коммуникационной доступности;

- Развитие информационных технологий в рамках образовательных программ. Контроль над использованием Интернет-ресурсов в образовательных заведениях;
- Стимулирование взаимодействия города и села в соответствии с европейскими принципами. Обмен преимуществами в плоскости урбанизация-рекреация;
- Охрана окружающей естественной среды и сохранение культурного наследия как элементов региональной уникальности и весомых составляющих качества жизни населения;
- Формирование «глокального» мышления, интеграция знаний и научных наработок, в частности географических, в сфере управленческих решений.

Таким образом, глобализация и сбалансированное развитие проецируются и рассматриваются в абсолютно идентичных срезах: экономика, социум, экология и политика (институциональная сфера), которая собственно и определяет состояние дел по каждому блоку. Кроме того, решение основных проблем должно быть реализовано на глобальном, региональном и локальном уровнях. Одним из важнейших моментов является переход от разработки глобальных теоретических моделей к их восприятию и внедрению на национальном уровне. Мы многократно убеждались, что для преодоления общих проблем важны не только согласованные действия, но и набор уникальных, специфических мер, разработанных для каждой из сторон. Именно этого требуют реалии современного развития, влияние глобализационных процессов. Индивидуализация, в её лучшем понимании, обуславливает потребность разработки концепций и стратегий с учетом особенностей социальных, экономических и экологических условий, уровня общественного сознания, научно-образовательного потенциала той или иной страны.

Подводя итоги, определим основные положения в сфере влияния глобализации на возможности достижения сбалансированного развития.

1. Глобализация является фактором, который должен быть учтен при разработке планов перехода к сбалансированному общественному развитию на всех уровнях.

2. Глобализация обуславливает появление на международной арене новых субъектов влияния, оказывающих воздействие не только на развитие мировой экономики, но и на особенности взаимодействия общества и природы.

3. Глобализация влияет на характер использования обществом природно-ресурсного потенциала планеты, в том числе — на его территориальные особенности, на масштабы и направления использования отдельных видов ресурсов.

4. Глобализация влияет на масштабы и территориальные особенности антропогенного воздействия на природную среду.

5. Глобализация влияет на возможности населения отдельных регионов и стран получать доступ к различным видам ресурсов.

6. В условиях глобализации правительствам отдельных стран становится сложнее реализовывать политику по обеспечению сбалансированного развития в пределах собственной территории.

7. Феномен глобализации требует объединения усилий всего человечества для обеспечения координации усилий по реализации перехода к сбалансированному развитию в масштабах планеты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лисовский С.А. Основы устойчивого (сбалансированного) экономического, социального, экологического развития. Житомир: Полесье, 2007. — 108 с. (укр.)
2. Згуровский М.З., Гвишиани А.Д. Глобальное моделирование процессов устойчивого развития — Киев, 2008 — 140 с.
3. Маруняк Е.А. Глобализация и её влияние на развитие регионов Украины. — К.:Реферат, 2007. — 224 с. (укр.)
4. Руденко Л.Г., Маруняк Е.А. Сущность и основные черты транснациональных корпораций и их развитие в Украине // Укр.геогр.журн. — 2007. — №4. — С.39 (укр.)
5. Украина: основные тенденции взаимодействия общества и природы в XX ст. (географический аспект)/под. ред. Л.Г.Руденко. — К.:Академперіодика, 2005. — 320 с. (укр.)
6. <http://business.timesonline.co.uk/tol/business/markets/europe/article1293635.ece>
7. <http://www.atkearney.de>
8. <http://www.globalization.kof.ch>
9. <http://www.unctad.org>

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗДЕЛЕНИЕ ТРУДА ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ВРЕМЕНИ*

Д.Л. Лопатников

Постиндустриализм:

БУДУЩЕЕ В СТАРОЙ «СИСТЕМЕ КООРДИНАТ»

Тематика постиндустриализма в отечественной научной литературе и публицистике занимает двойственное положение. С одной стороны, слова «постиндустриализм», «постиндустриальный» — в моде. С другой, в понимании явления, названного «постиндустриализмом» — глубокий туман. Казалось бы, классические труды американского экономиста и социолога Д. Белла уже несколько десятилетий назад дали исчерпывающий ответ на вопрос о параметрах и, собственно, сути постиндустриального развития [2]. В России главным «постиндустриалистом» стал В.Л. Иноземцев [6], чьи объемистые книги и сборники под его редакцией внесли весомую лепту в привлечение внимания к постиндустриальной тематике в отечественных научных и общественных кругах. Добавьте изданные на русском языке книги и статьи М. Кастельса [7], Р. Инглетарта [5], Т. Сакайя [12] и др. На первый взгляд, этого вполне достаточно. Но не все так просто.

Обзор литературы на русском языке, где фигурирует тематика постиндустриализма показывает, что существует самое разное, зачастую несовместимое друг с другом понимание рассматриваемого явления. Чаще всего видение постиндустриализма детерминировано политическими пристрастиями авторов. Но это — поверхностный пласт. Более глубокий — философский и мировоззренческий. Здесь и проявляются глубокие проблемы. Главная — попытка оценивать постиндустриальные явления и процессы, не меняя базовых устоявшихся представлений об устройстве общественной и хозяйственной жизни, сформированных несколькими поколениями в индустриальное время. При таком подходе неизбежно недопонимание или ошибочное понимание постиндустриализма, недооценка или полное игнорирование значимости постиндустриальных трансформаций в мире. Во

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (№09-02-00619 а/р).

многих рассуждениях маститых ученых, включая географов, посыл следующий: «конечно, мы живем в динамично меняющемся мире, спору нет, и постиндустриализм — это очень интересно, сервисная революция, информационная революция, 2/3 ВВП постиндустриальных стран — услуги, но...». Это «но» кратко можно уложить в два взаимосвязанных пункта и они как камень преткновения лежат на пути осмысления постиндустриализма как явления. Первое: материальное производство было, есть и будет основой хозяйственной жизни. Второе: материальные потребности людей — главные потребности, удовлетворяемые экономикой. Соответственно и объяснение конкретных проявлений постиндустриальных процессов в мире укладывается в рамки, не противоречащие названным тезисам. Например: «Да, в постиндустриальных странах 60–80% ВВП — услуги, но добрая половина из них — производственные, т.е. для увеличения масштабов и улучшения качества материального производства». Так что, по сути — все как было. Промышленность — чем больше, тем лучше. Рабочие места, компьютеры с гордой этикеткой «Made in Russia». Услуги, конечно, тоже нужны самые разные, без них никуда, но... (см. выше).

Несколько десятилетий назад, когда я проводил время за чтением в библиотеке им. В.И. Ленина, мне запомнилась статья в известном журнале «Нива» начала XX века, в которой дискутировалась тема индустриализации России. Примечательно, что общая канва рассуждений была удивительно схожа, только в ракурсе «сельское хозяйство — промышленность» и сводилась примерно к следующему: «Конечно, индустриализация неизбежна, важна, но ... как было испокон веку, так и будет — главной отраслью экономики является и всегда будет оставаться сельское хозяйство, ибо — «хлеб — всему голова!». На промышленность возлагались две главные миссии — механизация сельского хозяйства и производство оружия для обеспечения армии. Сегодня представления аналитиков «Нивы» могут вызвать не более чем улыбку, «Царство им Небесное»... Но думаю, что в наше время оценка места и роли сервиса во многом перекликается с той, какую давали индустрии у нас сто лет назад.

На каких же базовых идеях нужно строить более адекватное восприятие рассматриваемого феномена? Первое и главное (как это ни страшно звучит) — нужно отказаться от постулата приоритета материального производства для хозяйственного развития и для удовлетворения потребностей человечества. Постиндустриализм в широком, философском смысле, собственно и означает отказ от подобного видения общественного развития. Остальные идеи — производные.

Как экономическая категория услуги, в отличие от материализованных товаров, неосвязаемы. Это не хлеб, микроволновая печь и не автомобиль. Но в системе рыночных товарно-денежных отношений

различия между материальными благами и услугами — «второй план». Не будет ошибкой считать услуги нематериальными благами. Часто они так и трактуются (см., например, [13]). Нематериальные блага продаются и покупаются, следовательно — они товары. Сервис — это производство услуг, или нематериальное производство. Это значит, что нужно признать, что хозяйственная жизнь включает не производство товаров и услуги, а производство материальных товаров и услуг (нематериальных товаров). Это не игра слов, а принципиально важный тезис. Такие понятия как «производящая экономика», «реальное производство» по своей экономической сути устарели и непригодны для адекватного анализа современных глубоких постиндустриальных трансформаций в мировом хозяйстве. Но сделать это очень непросто и психологически, и технически. Психологически из-за инерционности мышления, даже научного. Технически — это потребует пересмотра большинства сложившихся схем отраслевой структуры хозяйства, в частности, ее главных блоков (производственные и непроизводственные отрасли), определение места транспорта в новой системе координат, торговли, если признать, что она создает добавленную стоимость.

Необходимы коррективы и в социологическом ракурсе. Новое время качественно меняет систему потребления. Потребление нематериальных благ (услуг) становится не менее значимым, чем потребление материальных товаров. Поэтому, когда сегодня речь идет об «обществе потребления», неверно сводить его сущность к обогащению материальными благами. Таковым оно видится из современной «догоняющей» России, которая находится только в начальной стадии горячки постсоветского материального обогащения. В развитых странах пик ажиотажа материального потребления прошел во второй половине ушедшего столетия. У нас он еще впереди.

В зрелом обществе потребления, витриной которого служат богатые высокоразвитые страны, сформированная потребность во всевозможных услугах не меньшая, чем в качественной еде, мублированном доме и автомобиле. Это вполне соответствует известному закону немецкого экономиста Энгеля второй половины XIX в., согласно которому по мере роста благосостояния людей, в семейном бюджете доля расходов на пропитание сокращается, а доля трат на услуги — возрастает. Спрос рождает предложение. В результате, перестраивается все хозяйство, опережающими темпами растет производство всевозможных услуг. Поэтому, не удивительно, что даже у нас бедный студент тратит в месяц как минимум не меньше денег на оплату разговоров по мобильному телефону, чем на хлеб. Таким образом, постиндустриализм меняет всю систему общественного потребления, что приводит к изменению первооснов традиционного хозяйствования.

ПОСТИНДУСТРИАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ МЕЖДУНАРОДНОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО РАЗДЕЛЕНИЯ ТРУДА

Общественное разделение труда существует, по-видимому, столько же, сколько существует общество. Общественное разделение труда как явление в силу своей природы детерминирует неравенство. Неравенство, в свою очередь, выступает неотъемлемой частью многообразия нашего мира. Хорошо это или плохо — отдельная, как говорят, «вечная» тема.

Географическое разделение труда — одна из древних и неизбежных форм общественного разделения труда. Классик писал: «Под географическим разделением труда мы понимаем пространственную форму общественного разделения труда. Необходимое условие географического разделения труда состоит в том, чтобы разные страны (или районы) работали друг для друга, чтобы результат труда перевозился из одного места в другое, чтобы был, таким образом, разрыв между местом производства и местом потребления» [1]. Вместе с этим, именно географическое разделение труда всегда выступало и будет выступать одной из причин неизбежного общественного географического неравенства. Постиндустриальная модель географического разделения труда — новый этап развития пространственной организации хозяйства и общества на всех уровнях территориальной иерархии. Она также требует новой «системы координат» для оценки уровня развития хозяйства и качества жизни людей.

Главный сдвиг, произошедший на карте мира с приходом постиндустриального времени, состоит в том, что на смену известной типологии стран «развитые (богатые) индустриальные страны — промышленно менее развитые (в худшем варианте — «аграрные») и более бедные развивающиеся страны» приходит новая типология «развитые (богатые) постиндустриальные страны — менее развитые индустриальные (среднего достатка) и аграрные (бедные) страны». Меняется экономико-географическая суть спорного, но широко используемого понятия «придаток». В постиндустриальное время правомерно говорить не только о «сырьевых придатках», но и об «*индустриальных придатках*» постиндустриальных стран. «Сырьевой придаток» — наиболее примитивный вариант «индустриального придатка». Мексиканские макиладорес, где собирают автомобили, китайские фабрики и заводы, где шьют трикотаж, штампуют бытовую технику, «компьютерное железо» и мобильные телефоны для продажи по всему миру по своей экономической роли в мировом хозяйстве принципиально не отличаются от нефтяных вышек Саудовской Аравии и России. И те и другие обслуживают, прежде всего, потребности высокоразвитых стран Центра с наиболее масштабным потребительским рынком.

Проводниками новой модели международного разделения труда выступают ТНК. Среда для их успешной деятельности создается, в частности, нормами ВТО. Именно транснациональным компаниям обязаны своими «чудесами» страны новой индустриализации, например, в Юго-Восточной Азии. ТНК — локомотивы китайского экономического чуда, что наиболее ярко проявились в знаменитых китайских СЭЗах. О мотивах, масштабах, движущих силах транснационализации мирового хозяйства с самыми разными оценками этого процесса написаны сотни книг и статей, в частности, географами. В рамках рассматриваемой темы важно осознание неразрывности процессов либерализации, транснационализации и постиндустриализации вне зависимости от оценки этих процессов.

Формирование постиндустриальной модели международного разделения труда в современном глобальном мире приводит к переоценке того, какие секторы и отрасли хозяйства дают в среднем наибольший экономический и социальный эффект и обеспечивают относительно более высокое качество жизни людей в той или иной стране. Здесь следует обратить внимание, в частности, на два важных диалектически взаимосвязанных процесса и дать им оценку. Это процессы индустриализации и деиндустриализации в постиндустриальное время.

Последние десятилетия показали, что индустриализацию в новое постиндустриальное время нельзя рассматривать как однозначно позитивный процесс, работающий на прогрессивное социально-экономическое развитие страны. И наоборот, деиндустриализация в определенных условиях может носить позитивный характер. Например, свертывание массового производства автомобилей, продукции приборостроения, включая наукоемкую электронику, в США никак нельзя рассматривать как проявление хозяйственного регресса. Скорее, наоборот. Если сегодняшние тенденции продолжатся, то знаменитая американская промышленность к середине нынешнего века трансформируется в сектор, значимость которого, возможно, не будет превышать значимость сельского хозяйства. При этом, как известно, высокое хозяйство США — мощнейший сектор экономики страны, высокотехнологичный, обеспечивающий производство разнообразнейшей продукции растениеводства и животноводства, мировое лидерство по экспорту зерна и т.д. Но доля сельскохозяйственной продукции в ВВП не превышает 2%. Доля промышленного производства в ВВП США сегодня менее $\frac{1}{4}$, это уже в два раза меньше, чем было в середине ушедшего века. Вполне вероятно, она сократится еще в разы, что будет свидетельствовать о том, что США продолжают реальное инновационное развитие постиндустриального типа. Полюсами роста здесь будут служить отнюдь не промышленные центры, а центры генерации идей и творчества: «силиконовые долины», университетские города и т.д.

В процессе постиндустриализации мирового хозяйства эпицентр массового промышленного производства смещается из развитых стран в развивающиеся. Масштабная индустриализация стран третьего мира — один из наиболее значимых сдвигов на экономической карте мира последних десятилетий. Он стал основой догоняющего развития традиционно отстающих стран и в данный период может оцениваться как проявление их прогрессивного социально-экономического развития. Стремительный рост промышленного производства в Китае, Индии, странах Юго-Восточной Азии и Латинской Америки позволил перейти жителям этих стран и регионов на качественно более высокий уровень жизни. Здесь, в целом, решена продовольственная проблема, растут средние реальные доходы населения, стремительно растут масштабы потребительского рынка. Вместе с этим, индустриализация, какой бы она масштабной и успешной ни была, не способна реализовать концепцию догоняющего развития в соревновании с высокоразвитыми постиндустриальными странами. «Развитая индустриальная страна» — понятие XX-го, но никак не XXI века. Если в названных странах промышленный рост продолжит быть «мейн-стримом» развития, то это не приведет к сокращению их относительного отрыва в социально-экономическом развитии от развитых стран Центра мирового хозяйства, а закрепит их позиции как стран Полупериферии.

Конечно, нельзя забывать, что речь идет о превалирующих формах хозяйственной жизни и их результатах. В XIX в., когда Россию называли отсталой аграрной страной, у нас были и заводы, и наука, и образование очень высокой пробы для избранных. Поэтому, когда весь мир сегодня смотрит на Китай — космическую и ядерную державу, страну великой науки, культуры, высокого образовательного ценза полутора-миллиардного населения, создается впечатление, что современная индустриализация страны это именно тот путь, которому надо следовать и дальше, чтобы выйти на уровень авангардных стран. Думаю, это неверно. Если Китай и дальше пойдет по пути догоняющего индустриального роста, он не станет частью Центра мирового хозяйства, а, в лучшем случае, будет лидером мировой Полупериферии, не более того. Все впечатляющие успехи страны в производстве автомобилей, бытовой техники, строительстве небоскребов и организации грандиозных шоу недостаточны для того, чтобы стать авангардной страной. Для этого Китаю придется конкурировать с США, Европой, Японией и другими высокоразвитыми постиндустриальными странами в сфере фундаментальной и прикладной науки, образования, туризма, телекоммуникаций и Интернета, шоу-бизнеса, на мировых финансовых рынках. Здесь большие амбиции и уже есть впечатляющие достижения (одно проведение

Олимпиады чего стоит!), но пока их недостаточно, чтобы стать в обозримой перспективе страной Центра мирового хозяйства.

То, что постиндустриальная экономика — это «экономика знаний», стало калькой. Интеллектуальный потенциал на карте мира в постиндустриальное время концентрируется в странах Центра. «Утечка мозгов» из постсоветской России — только одна из составляющих этого явления. Это общая проблема стран Полупериферии. Индийский Бангалор, научно-исследовательские центры Пекина и Шанхая, как и наши «наукограды» общей картины не меняют. Наращивание экономического значимого интеллектуального потенциала и сохранение мирового лидерства в сфере «генерации идей», лидерство в фундаментальной науке, творчестве, производство наиболее интеллектоемкой материализованной и нематериализованной продукции (в частности, патентов) и ее коммерциализация — одна из важнейших составных частей стратегии развития стран Центра на ближайшие десятилетия.

ПОСТИНДУСТРИАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ВНУТРИСТРАНОВОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО РАЗДЕЛЕНИЯ ТРУДА

«Иногда под географическим разделением труда понимают только международное разделение труда, но такое сужение этого понятия неправильно. Всякое международное разделение труда есть в то же время географическое разделение труда, но не наоборот» — писал Н.Н. Баранский [1]. Постиндустриализм приводит к глубоким трансформациям как модели международного разделения труда, так и географического разделения труда в границах национальных хозяйств. Традиционные формы хозяйствования трансформируются в постиндустриальные. Например, в большом числе городов, особенно столичных, минимизируются промышленные функции. Промышленные предприятия становятся изгоями. И не только «грязные» под давлением экологов. Даже относительно экологически безвредные заводы превращаются в торговые центры и выставочные залы. И это нормально.

В рамках углубления полиспециализации современных городов постиндустриального типа приоритетное развитие получает нематериальное производство. Классический пример — некогда «промышленное сердце» Германии Рейнско-Рурская агломерация, которую уже никак нельзя называть ни промышленной, ни старопромышленной. Она — студенческая. А эксплуатация угольных шахт здесь продолжается — ежегодно их посещают тысячи туристов.

Особую роль в постиндустриальных странах играют административно-финансовые центры. В условиях глобализации наиболее круп-

ные из них становятся наднациональными узлами главных мирохозяйственных связей. Через мировые города осуществляются связи стран Центра как между собой, так и между Центром и Полупериферией мирового хозяйства [14]. Современные Лондон или Париж уже давно не ассоциируются с заводами, фабриками или верфями, в них идет ежедневная напряженная транснациональная хозяйственная жизнь, через них проходят финансовые и торговые потоки на многие триллионы долларов ежегодно, где миллионы менеджеров всех мастей в поте лица зарабатывают свой хлеб за дисплеями компьютеров. И это не «раковые опухоли» на теле мирового хозяйства, как они рассматриваются часто традиционалистами, а эпицентры хозяйственной жизни постиндустриальных стран и всего мирового хозяйства в целом. И доходы менеджеров и иже с ними здесь — трудовые.

Постиндустриальная деревня получает новую жизнь благодаря развитию рекреации и туризма, в частности, экологического. В Европе масса сельских населенных пунктов, где крестьяне в меньшинстве. Теперь здесь живут те же студенты и их преподаватели, люди творческих профессий (дизайнеры, певцы и музыканты и т.д.), продавцы магазинов и официанты многочисленных деревенских баров. Сами сельскохозяйственные угодья зачастую дают прибыль не только и не столько за счет производства сельскохозяйственной продукции, сколько за счет хороших экологических характеристик, эстетической и историко-культурной привлекательности.

Наименее освоенные периферийные в индустриальный период территории становятся особо ценным рекреационным ресурсом. Живописные долины испанских или французских Пиренеев, северная Шотландия и приполярная Норвегия, Хоккайдо в Японии приобретают весомую экономическую значимость. Крупнейшая в мире сеть национальных парков США как составная часть экономики страны для нее не менее важна, чем знаменитые американские металлургия или автомобилестроение.

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОЙ МОДЕЛИ РАЗДЕЛЕНИЯ ТРУДА

Говоря о рыночной экономике, нельзя забывать, что если прямой результат успешной хозяйственной деятельности в рыночной среде — это прибыль, то побочный — рост среднего уровня благосостояния людей. Но именно этот, побочный эффект — наиболее ценен для общественного развития и представляет собой по существу главную социальную функцию экономики.

С одной стороны, по мере эволюции хозяйства, общие показатели благосостояния людей на Земле растут. Даже при том, что до по-

следнего времени шел головокружительный рост численности населения [12]. Но все модели хозяйствования, известные в истории человечества, не обеспечивали равенства людей по уровню доступности и потреблению благ, производимых в результате хозяйственной деятельности. Попытка реализации идеи построения коммунизма с равным доступом людей к производимым благам, оказалась неудачной. Новая постиндустриальная модель организации хозяйства в смысле социальных результатов не революционна — как и в прошлом, она не ликвидирует, а модифицирует неравенство.

Главное изменение — формирование новой модели неравенства, где, наряду с имущественным цензом, все большее значение в определении социального статуса начинает играть интеллектуальный ценз. В странах со зрелой постиндустриальной средой уровень образования и интеллектуального развития приобретает не меньшее значение как статусобразующий фактор, чем уровень достатка [6]. Это важно, потому что обывательско-мещанские представления о том, что в условиях капитализма главное мерило всех людей — «толщина кошелька» — примитивны. Это давно не так. Высшим сословием в развитых постиндустриальных странах становится не финансовая, а именно интеллектуальная элита. Яркий тому пример — США.

Второй важный аспект заключается в том, что переход на массовое высшее образование в постиндустриальных странах с их «экономикой знаний» не выступает фактором повышения социального статуса людей. В рамках постиндустриальной социальной иерархии многомиллионные армии менеджеров и т.д. с высшим образованием, т.н. средний класс, занимают позиции не выше, чем фабричный пролетариат в индустриальное время. Конечно, имущественный уровень среднего класса в развитых странах сегодня несопоставимо выше, чем у рабочего класса полвека назад. Но связано это с тем, что в процессе социально-экономического развития меняются абсолютные параметры благосостояния людей. Относительные параметры намного более консервативны [4].

Переход на массовое высшее образование ставит проблему его качества. Это совсем не то высшее образование, которое получали в германских или российских вузах в начале XX в. По уровню оно может быть сравнимо, в лучшем случае, с массовым профтехобразованием индустриального времени. По-настоящему высшее образование, как и прежде, получает не более пяти, максимум 10% молодежи постиндустриальных стран. Речь идет о выпускниках наиболее престижных университетов уровня Массачусетского технологического института или Сорбонны. Именно элитарные вузы мира дают тот узкий слой интеллектуально развитых и образованных людей, формирующих верхние «страты» общества постиндустриальных стран.

Россия в постиндустриальной системе координат

Как уже говорилось, отношение к феномену постиндустриализма во многом детерминировано политическими пристрастиями. Это в полной мере проявляется и в России. Кто-то считает постиндустриализм химерой. Кто-то, считает, что постиндустриальный рост — это хорошо, но нам до него как до Луны. Называть Россию постиндустриальной страной пока не рискует никто. Среди отечественных сторонников постиндустриализма отношение к этому феномену напоминает отношение к т.н. инновационному развитию. Слово «инновации» в большей моде. Есть жгучее желание идти по инновационному пути, но как...

Тенденции в социальном и экономическом развитии России в последние десятилетия и, в частности, трансформации в территориальной и отраслевой структурах хозяйства страны свидетельствуют о том, что постиндустриальные процессы приобрели глобальный характер. Хотя Россию нельзя отнести к постиндустриальным странам, но ряд важных процессов имеет выраженную постиндустриальную направленность. Среди общих тенденций следует отметить опережающее развитие в постсоветский период нематериальной сферы, прежде всего, торговли, финансовых рынков, телекоммуникаций, Интернета, внутреннего туризма и даже бум отечественного шоу-бизнеса. Радетели «реального производства» видят в этом не более, чем проявление извращенного постсоветского социально-экономического тренда страны, с которым нужно бороться. Москва стала бельмом в глазу и символом паразитизма на теле «трудящейся страны». Столица воспринимается не иначе, как место, где деньги делаются из ничего, т.е. за счет торговли (у нас до сих пор в общественном сознании это синоним спекуляции), регулирования главных финансовых потоков (то есть изъятия незаработанных средств) и т.п. Но опыт высокоразвитых стран говорит о том, что иметь столицу с подобными функциями — естественно и нормально (если, конечно, все это не принимает криминальные формы). К тому же, у Москвы есть претензии войти в разряд мировых городов. А они, как уже отмечалось, города постиндустриального типа.

Тем не менее, пока российское хозяйство остается по преимуществу индустриальным с доминированием базовых сырьевых отраслей. Нефтегазовая тема уже набила оскомину. А нужно прибавить еще и черную и цветную металлургию, лесную промышленность. Думаю, нет нужды приводить статистику доли этих отраслей в ВВП страны, давать диаграммы структуры российского экспорта и импорта. Они общеизвестны. И печальны. Возрождение наукоемкого ВПК и масштабный рост производства и экспорта вооружений не меняет общую

картину: внутри страны наше хозяйство продолжает быть «утяжеленным» (хотя есть определенные позитивные сдвиги по его диверсификации), а на мировом рынке — мы образцовый сырьевой придаток. Это не изменится, пока сохранится существующая разница между нормами прибыли в природоэксплуатирующих отраслях и большинстве других. Тактически это может быть и неплохо. Без подобного качества роста мы вряд ли бы имели 7-8% прироста ВВП в год в 2000-х гг. Но, позиционируя себя как энергетическая держава и т.п., мы сами делаем из себя крупнейший в мире сырьевой придаток. В целом, это соответствует как внутреннему самовосприятию (Россия богатая страна не потому, что в ней люди богато живут, а потому что много природных богатств, и, в частности, энергоресурсов), так и тому, что нужно от России странам Центра и индустриальной Полупериферии.

Мы «пригрелись» у нефтегазовой трубы и это создает иллюзию, что все идет хорошо. Ведь действительно, жизнь изменилась. Изменился облик городов, вместо очередей за продуктами — автомобильные пробки на дорогах. Устойчивый профицит бюджета. Но если «голландская болезнь» станет хронической, она приведет к системной деградации хозяйства и общественному вырождению. Она еще сильнее закрепит устойчивые представления о том, что благосостояние каждого у нас в большей степени зависит от цен на нефть и газ, чем от количества и качества собственного труда. Это будет работать не на инновационное развитие России, а на закрепление в ней модели государственно-монополистического капитализма с тяжелыми экономическими и политическими последствиями в долгосрочной перспективе. Один из симптомов того, что мы уже выкручиваем на этот путь — массовый наплыв в последние годы абитуриентов на факультеты «Государственного и муниципального управления». Факультет государственного управления теперь есть даже в МГУ...

Еще одна стратегическая угроза будущему России в постиндустриальном мире — упадок и профанация образования, о чем тоже в последние годы «только ленивый не пишет». Как уже отмечалось, падение качества высшего образования по мере того, как оно становится всеобщим — не только российская проблема. Но масштабы, темпы и глубина деградации образования в России, в частности, высшего, продолжающаяся «утечка мозгов» ставят под большое сомнение не только ее «инновационное» будущее, но и само существование нашего государства в постиндустриальном мире. Перманентное реформирование образования в России говорит о видении проблемы и одновременно — о беспомощности в ее решении.

Желанный инновационный путь развития России ориентирован на догоняющее развитие. Мы хотим, как минимум, догнать высоко-развитые страны по ключевым экономическим параметрам, и, самое

главное — по качеству жизни. Это возможно только при условии ясного осознания постиндустриальных реалий в современной экономической и общественной жизни догоняемых стран и связанной с ними новой пространственной организации мирового хозяйства в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранский Н.Н. Избранные труды. Становление советской экономической географии. М.: Мысль, 1980.
2. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования. Пер. с англ. — М.: Академия, 1999.
3. Горкин А.П. Уровень постиндустриальности стран мира (концепции и оценки). — Известия РАН. Серия географическая — 2007, №2 — С. 9–18.
4. Зубаревич Н.В. Социальное развитие регионов России: проблемы и тенденции переходного периода. — М: Эдиториал УРСС, 2003.
5. Инглегарт Р. Культурный сдвиг в зрелом индустриальном обществе / Новая постиндустриальная волна на Западе. Под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Академия, 1999 — С. 245–260.
6. Иноземцев В.Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. М., 2000.
7. Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. Пер. с англ. — М.: ГУ ВШЭ, 2000.
8. Мильнер Б. Управление интеллектуальными ресурсами // Вопросы экономики. — 2008, № 7. — С. 129–141.
9. Мироненко Н.С. Введение в географию мирового хозяйства. Международное разделение труда. — М.: Аспект Пресс, 2006.
10. Постиндустриальный мир и Россия. М.: Эдиториал УРСС, 2001.
11. Саймон Дж. Неисчерпаемый ресурс. Пер. с англ. — Челябинск: Социум, 2005.
12. Сакайя Т. Стоимость, создаваемая знанием, или история будущего /Новая постиндустриальная волна на Западе. Под ред. В.Л. Иноземцева. — М.: Академия, 1999 — С. 337–371.
13. Словарь современной экономической теории Макмиллена. — М.: ИНФРА-М, 1997.
14. Слука Н.А. Градоцентрическая модель мирового хозяйства. — М.: Пресс-Соло, 2005.

ГЛОБАЛИСТИКА: МНОЖЕСТВЕННОСТЬ ОБРАЗОВ, ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ

Ю.Н. Гладкий

Резко возросший интерес научной мысли к проблемам мироцелостности и футуристики в последней трети XX столетия положил начало формированию той отрасли знания, которую сегодня многие именуют «глобалистикой». С основанием можно утверждать, что первая серьезная попытка определить в общих чертах ее предмет была предпринята в работах Римского клуба, в которых на базе идей взаимозависимости (interdependence) и взаимосвязанности (interconnectedness) мира с учетом глобальных цивилизационных и экологических трендов было выработано мнение о том, что суть исследований глобалистики — Судьба Человечества в процессе эволюции Вселенной [7]. С формальной точки зрения подобное многомерное видение глобалистики вряд ли может вызвать у кого-то возражение, однако практическая полезность подобного определения для научного анализа, разумеется, минимальна.

Обилие ныне существующих мнений, оценок, подходов еще не гарантирует основательной проработки глобалистской проблематики. Для выработки обобщенного представления о новой отрасли научного знания необходима широкая интердисциплинарная коммуникация, с тем, чтобы представители отдельных дисциплин, занимающиеся более или менее схожей проблематикой (разными сторонами одной «мегатемы»), стали, наконец, замечать друг друга, поскольку в условиях отсутствия межпредметных связей упраздняется сам вопрос о вкладе отдельных наук в общую «копилку» знаний и концептуальных идей [1;2].

Между тем, уже сегодня, с учетом «накопленного», появляется реальный шанс для выработки обобщенного, наддисциплинарного образа глобализации. «Для этого есть и достаточно прочные основания: идеи и концепции самоорганизующейся эволюции (от Эриха Янча до Никиты Моисеева), классические историко-цивилизационные построения (Карл Ясперс, Арнольд Тойнби) и, конечно, инструментарий различных направлений общенаучного знания (систематика, синергетика, диатропика). Эти основания и предпосылки, взятые в их совокупности, сами по себе еще не создают наддисциплинарного об-

раза глобализации. Для его конструирования требуются мыслительные усилия и — вспомним призыв Чарлза Райта Миллса — сила социологического воображения» — размышляет Марат Чешков, изложивший, как нам представляется, наиболее глубокий и оригинальный (хотя и не бесспорный из-за завышения роли именно фактора «социологического воображения»!) взгляд в отечественной литературе на сущность глобалистики и глобализации, на нынешнюю фазу и перспективы последней, на глобалистскую мифологию и т.д. [7].

ФЕНОМЕН ГЛОБАЛИЗАЦИИ И «ИЗДЕРЖКИ» СОЦИОЦЕНТРИЧЕСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ

Истекший XX век справедливо сравнивается с «антропогенным переворотом» в жизни человечества. За это время население Земли выросло втрое, а объем хозяйственной деятельности в 20 раз. Был поставлен рекорд по сжиганию ископаемого топлива — оно увеличилось в десятки раз. В атмосферу ежегодно выбрасывается более 200 миллионов тонн окислов серы и азота, а доля углекислого газа в ней выросла на 25% (отсюда не надуманные дискуссии об угрозе изменения климата планеты «парникового эффекта»). Опаснейшее нарушение естественного круговорота веществ и энергетических потоков в биосфере, а также повреждение ее регенерационных механизмов поставили человечество фактически на грань выживания.

За пару десятилетий мировое сообщество, как довольно «хаотичный» набор глобальных связей, норм, установок, ценностей, моделей поведения, режимов, систем, институтов — начало приобретать вполне реальные очертания. Своеобразной «скрепой» современного мира стала «всемирная паутина» — Интернет, объединивший в своих рядах сотни миллионов людей. Это не может не изменить наших представлений о фундаментальных понятиях, на которых строится жизнь общества.

Еще Пьером Т. де Шарденом был удачно «схвачен» геометрический образ грядущей глобализации в выражениях типа «l'enroulement» (скручивание) и «replouement sur lui-meme» (свертывание на себя). Задолго до прихода информационной революции, он, во многом интуитивно, видимо, одним из первых не только почувствовал, но и отразил на бумаге «уплотнение» пространства общественного бытия, «сжатие» времени и расстояний, подрыв самих основ многовекового «островного сознания». Упоминание об этой детали уместно еще и потому, что одни авторы, с учетом размаха мировой торговли, вывоза капитала и т.д., датируют приход эры глобализации серединой XIX — началом XX века; другие — вообще относят «протоглобализацию» к эпохам неолитической революции и «Осевого времени» [5].

Несмотря на быстро усиливающийся поток публикаций на эту тему, они далеко не всегда добавляют ясности в вопросе о предмете и содержании, как глобализации, так и глобалистики. Традиционный «редукционистский» подход авторов закономерно привел к появлению в литературе «мириада» частнонаучных образов глобализации, из которых составить общее представление об этом феномене не всегда представляется возможным.

Чаще всего глобализация (равно как и глобалистика) ассоциируется с процессами резкого усиления и либерализации трансграничных потоков товаров, услуг, капитала, технологий, информации, а также людей. Конечно, процесс глобализации экономики (производства, обмена и потребления) действительно резко ускорился в последние десятилетия под воздействием деятельности ТНК и транснациональных банков, которые весьма активно и изобретательно используют глобальное пространство. На наших глазах происходит стремительный рост взаимозависимости, взаимодействия и взаимопроникновения национальных экономик. А поскольку подобная зависимость носит асимметричный характер («богатые» — богатеют, а «бедные» — часто беднеют), глобализация экономики находит своих яростных противников («антиглобалистов») в различных странах мира.

На наш взгляд, это слишком узкая и «чисто» гуманитарная трактовка термина, игнорирующая его естественнонаучный смысл, ибо возникают многочисленные вопросы типа: а имеют ли отношение к процессам глобализации, например, «кислотные дожди», все чаще выпадающие далеко за пределами спровоцировавшего их государства; усыхание Арала; потепление климата и «парниковый эффект»; африканский песок Сахары и Сахеля, переносимый через Атлантику воздушными потоками не без участия человека и «хрустящий на зубах» латиноамериканцев; углеводородные пятна в Мировом океане, преодолевающие с помощью морских течений многие тысячи километров; наконец, сам биогеохимический круговорот веществ на планете, испытывающий все более явное воздействие человека? Если глобализация — это, в частности, трансграничные потоки товаров, то почему она не может отождествляться с трансграничным переносом вируса СПИДа или тех же загрязнений, являющихся результатом неразумной человеческой деятельности? И можно ли, кстати, решить все эти проблемы с помощью одной лишь «силы социологического воображения» Чарлза Райта Миллса?

Внятный ответ на эти, намеренно сформулированные на уровне бытового сознания, вопросы фактически означает ущербность доминирующей сегодня «чисто» гуманитарной интерпретации феномена глобализации с опорой лишь на культурологическую методологию. Неадекватно слабое участие представителей естественных наук (не

только отечественных, но и зарубежных!) в обсуждении и прикладном моделировании острейших глобальных проблем таит в себе опасность «растворить их в тине» бесплодных словесных рассуждений.

Фундаментальные сдвиги, происшедшие в мире в последние десятилетия, в зависимости от того, представителями какой отрасли знания они комментируются, оцениваются по-разному. В экономической науке, чаще других претендующей на выработку не узкодисциплинарных, а общих «образов» глобализации, последняя связывается с идеями постиндустриализма и информационной экономики. «При этом представление об информационной экономике, становление которой как бы венчает процесс глобализации, — констатирует Марат Чешков, — остается крайне неопределенным. Этот тип экономической организации предстает своего рода дематериализованной, или виртуальной, экономикой, воплощающей отрыв финансовой сферы от реального производства, притом в различных трактовках: либо как преодоление стоимостных отношений..., либо как их модификация, порожденная сочетанием экономических и неэкономических отношений. В обоих случаях упущена из виду связь подобной модели экономических отношений с мировым разделением труда и мировым рынком» [7].

В культурологи глобализация ассоциируется с «грандиозной эпопеей» становления единого взаимосвязанного, взаимозависимого и взаимопроникающего мира, цементируемого либо единой мировой культурой-цивилизацией, либо общим сознанием граждан. Нечто подобное наблюдается в теории международных отношений, где развиваются представления о глобальном социуме (гражданском обществе), и в социологических дисциплинах, «озабоченных» установлением связей между ходом глобализации и «эрозией» социокультурных стереотипов.

Конечно, имеются попытки и симбиоза частнонаучных представлений с целью выработки обобщенного видения глобализации, когда стараются соединить социологическое, экономическое и экологическое знания (в работах Игнация Сакса), экономическую науку и культурологию (в концепции культур-экономики А.Аппадурай с ее различными «потоками»), географию и экономику в различных версиях геоэкономики (А. Неклесса) [7]. Однако эффективность подобных усилий чересчур мала из-за неравномерности динамики научного знания о глобализации по дисциплинам, а также из-за засилья таких стереотипов социального познания, как «социоцентризм и абсолютизация системного подхода» (там же).

Примечательно последнее признание, поскольку оно соответствует нашим собственным выводам. И хотя социоцентризм сегодня, действительно, поколеблен экзистенциальной парадигмой (постановкой проблемы выживания), а системоцентризм испытывает мощ-

ный пресс, по мере того как в синергетике, диатропике и связанных с ними областях математики предметом исследования все больше становятся объекты несистемного ряда (мозаичные образования, неопределенные множества), устаревшие стереотипы социального познания подчас торжествуют.

Некоторые авторы, исходя из факта «асимметричной взаимозависимости» и «элитарного» характера глобализации (главным «дирижером» процесса глобализации выступает, как известно, Запад), демонстрируют образцы слишком идеологизированного подхода к уяснению сущности глобализации, в соответствии с которым «глобализация», по их мнению, есть «идеологема глобального империализма, которая несет в себе один смысл — неоекономическую колонизацию стран мира, контроль мировой капиталократии над всеми ресурсами мира, в том числе и ресурсами России. ... Сама идеология глобального империализма — пост-модерн, философия свободного рынка и открытого общества, призванные уничтожить разнообразие культур, цивилизаций, этносов, превратить людей в «неокочевников» мирового «строга Денег» (по Ж. Аттали) — есть утопия, противоречит закону разнообразия как закону прогрессивной эволюции в мире природы и в социальном мире человечества» [6]. Подобные эскапады объективно «работают» на идеологию времен холодной войны и нового «ледникового периода». В любом случае, подобная оценка феномена глобализации касается скорее лишь парциальных деталей, связанных с гипотетическими целями последней.

Детальное развитие данного сюжета, к сожалению, ограничено рамками статьи. В данном случае принципиально важной для нас является мысль о том, что понятия «глобальный», «глобализация», «глобализм» «глобалистика» не ограничиваются экономикой, политологией, социологией, культурологией, а охватывают практически все сферы природы, науки, человеческого бытия. Они не только отражают процессы растущей взаимосвязанности стран и народов, но и имеют прямое отношение к кажущимся независимым от человека, «вековым» природным явлениям, вовлеченным в «трансакционный круговорот» — глобальной циркуляции атмосферы, глобальному потеплению климата, глобальному биогеохимическому круговороту веществ и энергии и т. п. — т.е. к тому, что традиционно изучается географическими науками.

ГЛОБАЛИСТИКА И «ГЛОБАЛЬНАЯ ГЕОГРАФИЯ»

Внесем ясность в соотношение понятий «глобализация» и «глобалистика». Совершенно очевидно, что оно обусловлено как лексико-семантическими нюансами, характеризующими оба термина, так и

сложившейся практикой их употребления. Если глобализация — процесс, то глобалистика — по идее, сфера научного знания, отображающая данный процесс, но только ли этот процесс?

Полной «соподчиненности» понятий не наблюдается по причине того, что глобализация ассоциируется лишь с одним классом пространственно-структурных процессов: интеграцией, концентрацией, агломерацией, стягиванием и т.д. и отражает лишь взаимосвязанность и взаимоотношенность структурных фрагментов. В то же время в сфере интересов глобалистики находятся и такие и пространственно-структурные процессы, которые, в общем, не относятся к числу важнейших детерминант глобализации — диверсификация, дифференциация, деконцентрация, поляризация, наконец — хаос. Отчасти поэтому отдельные элементы эволюции человечества вполне допустимо рассматривать в контексте глобалистики (например, антропологическую и этническую «палитру» мира), хотя к процессам глобализации прямого отношения они могут и не иметь.

Устанавливать функциональную роль многих естественно-географических объектов, например, климата в плане «интегрирующая» она или «дезинтегрирующая», разумеется, нелепо, но ясно одно: в ряде случаев они могут быть и являются косвенными детерминантами процесса глобализации. Здесь в том числе и пролегает стена недопонимания между авторами, исповедующими культурологическую методологию и «общенаучную».

Чтобы показать опасную степень расхождения между ними в оценке научного направления, приведем мысль недавно ушедшего из жизни самобытного философа, эколога и географа В. Кобылянско-го: «глобалистика — это комплекс качественно различных неэкологических и экологических наук, объект исследования которых имеет общепланетарный масштаб. В этот комплекс входит, прежде всего, физическая география (или общее землеведение) как наука о физико-географической оболочке, биосферология (наука о биосфере), различные науки о человечестве в целом и т.п. Наиболее развитой наукой указанной комплекс является, видимо, география. Накопленный ею опыт, с соответствующими коррективами, может быть вполне использован остальными неэкологическими и экологическими науками» [4]. Это комплиментарное для географов, небесспорное для неангажированного исследователя и «вызывающее» для «за-цикленных» гуманитариев мнение — лишнее свидетельство большой разновекторности мнений «ученой братии», несомненно, затрудняющее поиск истины.

Рискуя заслужить у негеографов упрек в профессиональной амбициозности, заметим, что географическое направление в глобалистике не менее перспективно, чем экономическое или социологичес-

кое, поскольку речь идет об овладении знаниями на рубеже науки о природе и обществе, к чему политологи, социологи, культурологи и даже экономисты готовы далеко не всегда. Эта тривиальная истина — существенное (но абстрактное) преимущество географов. Природная и регионально-пространственная составляющие вполне отчетливо просматриваются при анализе и моделировании энергетической, сырьевой, продовольственной, экологической ситуаций, проблем Мирового океана, стихийных природных бедствий и многих других. Конечно, речь ни в коем случае не идет о претензии географии на «руководящую и направляющую роль», тем более что метод простого добавления к одному виду знания другого в принципе не может дать совокупный образ глобализации.

Геосферно-биосферные разработки, интенсивно ведущиеся на протяжении последних десятилетий в США, Японии, Франции, России, являются ничем иным, как передовым краем глобальных географических исследований, равно как и модели развития климата, выполненные еще в 60–70 гг. прошлого века советскими географами М.И. Будыко, К.Я. Кондратьевым и др. К этому типу географических моделей можно отнести также выполненные примерно в то же время сценарии так называемой «ядерной зимы», фиксирующие последствия возможной ядерной войны (без особых реминисценций о так называемой «силе социологического воображения»!).

Справедливости ради, М. Чешков отдает должное роли географических дисциплин в развитии теории, методологии и практики глобалистики, особенно когда речь идет о пространственно-временных аспектах глобализации. Он уместно напоминает о том, что, например, «во франкоязычной литературе «мондиализацию» (эквивалент «глобализации») понимают как трансакционный процесс, порождаемый всевозможными обменами между разными частями земного шара, или как своего рода всеобщий обмен в масштабах человечества. Этот процесс, берущий начало с XV столетия, обретает современные формы к концу XIX века, создавая метапространство — одновременно и особую систему и среду для различных географических пространств» [7]. Обратим внимание: использование О. Дольфусом [8] при характеристике мондиализации выражения «всевозможные обмены между разными частями земного шара» воспринимается как гораздо более корректный признак, нежели предлагаемый экономистами «трансграничный обмен товарами и капиталами», культурологами — «создание некой единой мировой культуры/цивилизации», социологами — «многосторонний процесс взаимосвязывания структур, культур и субъектов в мировом масштабе» и т.д. Оно позволяет отнести к числу индикаторов процесса глобализации обмен «выхлопами» углекислого газа, фенолами, вирусами и т.д. и выйти за пределы «узкой» культуро-

логической методологии, широко привлекая к исследованию глобальных проблем и научное сообщество естественников.

Что касается географической глобалистики (семантически не вполне адекватный, но укоренившийся синоним — «глобальной географии»), то она имеет своей целью изучение пространственного проявления глобальных процессов и явлений (или имеющих тенденцию к глобализации). Ее главное отличие от смежных областей географического знания состоит в том, что в ее основе лежат «предельные» объекты исследования — геосфера, биосфера, социосфера и другие макросферы, в совокупности отражающие единство и взаимосвязанность абиотических, биотических и антропогенных элементов мира.

При этом вряд ли правомерно ставить знак равенства между «глобальной географией» и «географией проявления глобальных проблем» («географической глобалистикой»), поскольку предмет первой существенно шире. Речь идет не об «игре слов», а о желании выяснить истину, уяснить, что эти понятия близки по смыслу, но не тождественны. В центре внимания глобальной географии могут оказаться географические объекты и системы, не только не представляющие никакой опасности для человечества, но и очень слабо ассоциирующиеся с глобальными проблемами. Так, описание этнической, лингвистической, конфессиональной, культурной, политической структуры мира без установления проблемных и конфликтных ситуаций вполне корректно проводить в рамках глобальной географии.

Мир объектов глобальной географии бесконечен. Если вспомнить о том, что среди ее естественнонаучных основ — глобальный круговорот веществ и энергии, то каждый химический элемент планеты (или их совокупность), любой энергоноситель в сущности может считаться объектом интереса глобальной географии, равно как и многочисленные элементы экономики, социума и т. д. Однако, с одним неперемennым условием — чтобы все эти объекты рассматривались в глобальном контексте. (Иначе говоря, содержание железа в воде безымянного ручья может представлять ценность для глобальной географии лишь с точки зрения глобального круговорота железа, а численность населения африканского племени — с позиции оценки динамики мирового населения).

Глобальная география — всего лишь одна грань глобалистики, и на практике бывает трудно «развести» географические, экономические, социологические, экологические, технические и иные сюжеты. Своеобразным «мерилом» географичности любого материала являются пространственные категории, используемые в процессе анализа глобальных проблем. С другой стороны, бояться смешения этих сюжетов не следует, ибо, как заметил классик, «разделение науки на

отдельные области обусловлено не столько природой вещей, сколько ограниченностью способности человеческого познания».

Добавим: глобальная география — широко признанная в мире учебная дисциплина — школьная и университетская, изучающая пространственные проявления процессов и событий, имеющих огромное значение для судеб всего человечества, и потому глобальных. В российских школах в качестве элективного курса она изучается уже около 15 лет — не без усилий автора статьи.

ИДЕНТИФИКАЦИЯ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

Ранее автором неоднократно отмечалась необходимость использования более «строгой» методологии идентификации глобальных проблем, поскольку от этого зависят, в частности, контуры самой глобалистики [1; 2; 3]. Кочующее до сих пор из издания в издание и ставшее уже стандартным следующее определение: «глобальные проблемы — проблемы, возникающие в результате объективного развития общества, создающие угрозу всему человечеству и требующие для своего решения объединенных усилий всего мирового сообщества» — слишком мало проливает света на истинное положение дел и является сугубо «культурологической формулой». Землетрясения вовсе не являются результатом объективного развития общества, проблема освоения космоса не таит прямой угрозы человечеству, а чтобы собрать «обломки» ракет носителей на околоземной орбите — для этого вовсе не нужна консолидация «всего мирового сообщества». В этой связи предлагается более внятное, хотя и лишнее «эконометрических параметров» определение: к глобальным логично относить природные, природно-антропогенные, антропогенные, психологические и аутоэкологические (т.е. охватывающие биологическую суть человека), проблемы современности, которые либо создают угрозу существования человечества, либо служат лимитирующими факторами его нынешнего экономического, социального или духовного развития.

Автором обрисованы общие подходы к систематизации многочисленных глобальных проблем, которая представляется нам отнюдь не бесполезной, поскольку позволяет составить более наглядное представление об анализируемых проблемах, четче зафиксировать существующие связи между различными их группами [3].

Приведем конкретные примеры «диагностики» отдельных глобальных проблем. Так, суть приобретшей особую остроту сегодня глобальной энергетической проблемы сводится к следующим основным моментам: обеднению и скорому исчерпанию месторождений основных видов углеводородного сырья; несовершенству технологии

энергетики, основанной на использовании угля, нефти, природного газа, сланцев, торфа, в результате чего происходит интенсивное загрязнение окружающей среды; опасности перегрева планеты, создание условий для прогнозируемого многими учеными парникового эффекта и подъему уровня Мирового океана; необходимости установления пределов роста мировой энергетики в целях предотвращения глобальной катастрофы и в перспективе — определения своеобразных ограничений производства энергии для различных стран мира; росту конфликтных ситуаций в мире из-за конкурентной борьбы в сфере энергетики.

Смысл глобальной сырьевой проблемы сводится главным образом к: постоянно растущему спросу на сырье, как в количественном, так и в ассортиментном отношении; истощению технически доступной и экономически эффективной (по горно-геологическим условиям залегания и качеству) части многих важных видов полезных ископаемых; отставании технологии переработки сырья и утилизации всевозможных отходов производственной деятельности людей; сведению на обширных территориях планеты лесосырьевых ресурсов; ужесточению конкурентной борьбы между экспортерами и импортерами сырья и созданию в этой связи конфликтных ситуаций в мире.

Содержание глобальной демографической проблемы заключается в практически неконтролируемом росте населения мира, вследствие чего: постепенно уменьшаются размеры обрабатываемых сельскохозяйственный угодий и объем заготавливаемых морепродуктов на душу населения, обостряется продовольственная проблема; происходит деградация окружающей среды из-за «скупенности» населения; постепенно ухудшаются системы жизнеобеспечения в слаборазвитых странах (падают нормы потребления энергии, производства товаров широкого потребления и т.д.); наблюдается старение наций в преуспевающих странах; усиливается конфликтность в мире.

Значение глобальной продовольственной проблемы кроется в опережающем росте численности человечества по сравнению с ростом производства продуктов питания, что обуславливает: увеличение численности голодающих и недоедающих в мире, а также ухудшение психофизического состояния населения; рост антропогенной нагрузки на сельскохозяйственные ландшафты и постепенное истощение традиционных резервов аграрного сектора; оскудение океанических рыбных запасов; неудовлетворительное качество пищевого рациона в подавляющем большинстве государств; развертывание усилий человечества в области генной инженерии для решения продовольственной проблемы; наращивание конфликтного потенциала в мире.

Основная суть глобальной проблемы Мирового океана можно сформулировать следующим образом: растет мало контролируемое

загрязнение акваторий, ведущее к оскудению биологических ресурсов, деградации курортно-рекреационных зон и созданию помех для судоходства; имеет место опасное превышение допустимых объемов промысла отдельных видов ихтиофауны; назревает, необходимость более интенсивного вовлечения в хозяйственный оборот минеральных и энергетических ресурсов океана (прежде всего, континентального шельфа); существует потребность в более глубоком уяснении роли Мирового океана в глобальном биогеохимическом круговороте веществ (энергии) и развитии биосферы в целом; происходит эскалация международных конфликтов из-за разногласий в сфере «акваториального» размежевания и дележа богатств континентального шельфа.

Глобальная проблема региональных конфликтов — проблема локальных или малых войн. В «жерновах» таких конфликтов ежегодно гибнут десятки и сотни тысяч людей, кроме того — калечатся судьбы миллионов людей и расходуются колоссальные средства. При этом в первую очередь страдают мирные граждане, часто не являющиеся прямыми участниками событий. В региональные конфликты зачастую вовлекаются не только различные общественно-политические силы конкретного государства, но и соседние страны, а также отдаленные «центры силы», претендуя на роль миротворцев и часто преследуя свои корыстные интересы. В этих случаях малые войны приобретают мировой резонанс, вследствие чего создается угроза безопасности нередко всему миру.

Глобальная проблема преступности связана с массовым нарушением в мире законности и правопорядка. Естественно, форм таких нарушений может быть очень много. По уголовному праву многих государств наиболее тяжкие преступления — это преступления государственные (измена родине, шпионаж, политический террор, диверсия). Весьма опасны преступления против личности (убийство, телесные повреждения, изнасилование и др.), преступления против личной собственности граждан (грабеж, разбой, кража, мошенничество, вымогательство), преступления должностные, хозяйственные и т. п. Сам терроризм иногда трактуют очень широко, с выделением следующих его условных видов: мировой терроризм, духовный, государственный, политический, экономический, социальный. В любом случае «разгул» насилия, преступности и терроризма в мире приводит к массовой гибели и инвалидности людей, к подавлению их психологического состояния, к утрате культурных и материальных ценностей.

Стихийные бедствия, как глобальная проблема, являются следствием стихийных природных явлений (СПЯ) — землетрясений, извержений вулканов, цунами, тропических штормов, наводнений, ла-

вин, селей и других, сопровождающих всю историю развития Земли. Во все века люди были свидетелями страшных трагедий, вызванных слепыми силами природы, уносивших многие тысячи жизней и уничтожавших за несколько минут вековые творения человеческих рук. Стихийные бедствия, ведущие к гибели людей и утрате материальных и культурных ценностей, часто называют природными катастрофами (хотя четких «параметров» катастроф не существует). Суть глобальной проблемы стихийных природных бедствий можно сформулировать следующим образом. Во-первых, СПЯ являются причиной гибели миллионов людей и животных, не говоря уже о колоссальном материальном и психологическом ущербе человечеству. Во-вторых, вмешательство человека в природные процессы нарушает их естественный ход и часто ослабляет «защитные» функции природы. В-третьих, человечество обязано научиться предвидеть, а иногда и предупреждать природные катастрофы, чтобы бесконечно не устранять лишь последствия их. В-четвертых, мировое сообщество обязано не только создать эффективные механизмы прогноза и «диагностики» СПЯ, но и соответствующие международные спасательные службы.

Суть глобальной проблемы антропогенных (производственных, техногенных) катастроф вкратце можно свести к следующему: массовой гибели людей и животных в результате а) экологических нарушений, вызванных человеком (деградация почв, истощение водных ресурсов и т. д.); б) крупных производственных аварий (крушение самолетов, поездов и пароходов, взрывы на предприятиях химической индустрии, атомной энергетики и т. д.); в) испытаний ядерного оружия и т. д. На повестке дня стоит создание эффективных механизмов по предотвращению антропогенных катастроф, консолидация усилий мирового сообщества в целях предупреждения техногенных катастроф и устранения их последствий.

Глобальная проблема урбанизации ассоциируется с историческим процессом повышения роли городов и городского образа жизни в развитии человечества, связанным с территориальной концентрацией его деятельности в сравнительно немногих местах планеты. При этом урбанизация — процесс глобальный, то есть охватывающий весь земной шар, им в той или иной мере затронуты все континенты и страны современного мира. Продолжающаяся урбанизация (называемая иногда «тихой революцией») мира привносит колоссальные изменения в образ жизни людей, преобразует природные ландшафты, нередко приводя к негативным экологическим последствиям. Она «провоцирует» существенные социально-экономические изменения в связи с развитием индустрии, транспорта, жилищного строительства, массовых коммуникаций, сферы услуг; распространяет городской образ жизни, городскую иерархию ценностей, формы общения в са-

мые отдаленные и «глухие» сельские регионы. Поэтому научно обоснованное регулирование процесса урбанизации во всемирном масштабе представляет собой, безусловно, серьезную проблему глобального масштаба

Глобальная проблема кризиса духовных ценностей еще называется проблемой «экологии души» и связывается с кризисом культуры и нравственности. Нередко существование этой глобальной проблемы отрицается под тем предлогом, что опасения по поводу утраты духовных ценностей существовали во все эпохи, но они, дескать, «ни разу не оправдались». Однако наличие проблемы периодически возникающих кризисов культуры и нравственности в мировом масштабе подтверждается хотя бы мировыми войнами и их тяжкими последствиями. Когда мы говорим о глобальной проблеме кризиса духовных ценностей, то имеем в виду, прежде всего, факты массовой бездуховности и «антикультуры», периодически возникающие то в одних, то в других странах мира в результате войн, революций и иных социальных потрясений.

Своеобразный фокус глобальных проблем — экологическая проблема, отражающая сложную диалектику взаимоотношений подавляющего числа глобальных проблем человечества и ассоциирующаяся, прежде всего, с биосферой как планетарной организацией жизни, техногенезом и его глобальными и региональными проявлениями, экологией атмосферы, гидросферы, социальной экологией и т.д.

О СООТНОШЕНИИ ПРОЦЕССОВ РЕГИОНАЛИЗАЦИИ И ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Процессы глобализации подразумевают целостность, взаимосвязанность и взаимообусловленность мира, в то время как процессы регионализации — его разобщенность, «дробление», т.е. увеличение количества государств, возведение барьеров между странами и народами и т.д. Речь идет, в сущности, о соотношении процессов интеграции и дезинтеграции, концентрации и поляризации и т.д.

Здесь многое зависит от того, о какой конкретной сфере глобалистики идет речь. Можно согласиться с тем, что процессы глобализации преимущественно развиваются сегодня в экономической и информационно-культурной областях, чего нельзя сказать, например, о глобализации в ее политическом срезе. Современный мир не отличается единой политической организацией. Он состоит из нескольких видов макротерриторий, объединенных в единую квазисистему: суверенных государств, формально не подчиненных никакой внешней власти; зависимых территорий, находящихся под той, или иной формой опеки других суверенных государств; Антарктиды, обладаю-

щей особым международно-правовым статусом; а также неорганизованных пространств — открытых акваторий, где власть суверенных государств распространяется лишь на различные формы их собственности (корабли, самолеты, кабели и т.д.). Он лишен механизма глобального управления, несмотря на существование многих элементов такого управления: международного права, определяющего правила поведения государств и других участников международной системы; межправительственных организаций, созданных и действующих на основе делегированных им суверенными государствами полномочий и т.д.

Реальная жизнь свидетельствует о том, что эти механизмы и институты пока не в состоянии обеспечить стабильный мир на Земле. Действия ООН и ее многочисленных секторальных организаций разрознены и часто малоэффективны или даже контрпродуктивны. В этой связи все чаще высказывается мнение, что существующая система межправительственных и международных организаций изжила себя и нуждается в реформировании. Предлагается либо «мировое правительство» (Андрей Сахаров, 1974), либо новый «кодекс поведения» стран и народов, по крайней мере, на XXI век.

С другой стороны, интеллектуальные дебаты о необходимости ослабления функций государства нередко маскируют утилитарную цель — разрушение одних государств для усиления других. Некоторые известные исследователи утверждают, что «пришло время сделать фундаментальный исторический вывод из последних событий: человечество не придумало пока ничего лучшего для обеспечения общественного порядка и социального преуспевания людей, чем государства».

Если обратиться, например, к происходящим сдвигам в политической организации мира, то нельзя избавиться от мнения, что процессы регионализации на современном витке истории явно доминируют. Есть много оснований считать, что существующая международная система, основанная на изменчивом соотношении сил государств, вообще переживает серьезный кризис. Как известно, к началу XX в. международный порядок олицетворяли 6-7 великих держав — с их колониальными империями, сферами влияния и политическими союзами. Первая мировая война сильно поколебала этот порядок, но не устранила его. Версальская система оказалась несправедливой, а созданная державами победительницами Лига наций — недолговечной. Определенные надежды на установление миропорядка были связаны с учреждением после второй мировой войны ООН, однако возникновение НАТО и Организации Варшавского договора сильно поколебали эти надежды. После окончания периода «холодной войны» и распада СССР международная политическая система не стала

более стабильной (подтверждением чему стали события в Ираке, на Балканах, в Грузии и т.д.).

Наивно думать, что любая идентифицированная глобальная проблема проявляется одинаково (или даже вообще проявляется) в любой точке земного шара, которой коснется указка на глобусе. Проблема голода практически неизвестна в странах «золотого миллиарда», но это вовсе не значит, что она может игнорироваться гражданами этих государств, поскольку, создавая поля социальной напряженности, очаги болезней и эпидемий, проблема голода затрагивает коренные интересы каждого жителя планеты (уже не говоря о нравственной составляющей). При этом практически каждая из глобальных проблем оценивается по-разному, в зависимости от того, о каком культурно-историческом регионе мира идет речь. Там, где эндемична массовая безработица, свирепствуют болезни и нужда, а высокая рождаемость «рвет общество по швам», на охрану природной среды, например, будут еще долго смотреть, как на роскошь, которую позволяют себе те, которые стоят на верхних ступенях лестницы прогресса. Та же демографическая проблема очень остра и в Индии, и в России, но ее суть и методы решения — совершенно различны.

Многие глобальные процессы и явления, как и должно быть, первоначально проявляются на более низких географических уровнях — континентальном, региональном, местном и т. д. В одной из прежних работ автора рождение глобальной проблемы было сравнено с «раковой опухолью», возникающей на «ограниченном» участке человеческого тела, в результате чего последнее становится ее «заложником». Этот зловещий образ в какой-то мере помогает составить представление о пространственном развитии глобальных процессов.

Как бы ни были многообразны представления о глобализации, сложившиеся в экономике, культурологии, философии, теории международных отношений, географии и т.д., ограниченность «цеховых» средств познания обязывает авторов спланировать свои ряды во имя выживания человечества. От этого «никуда не деться» еще и потому, что все глобальные проблемы (универсальные политического характера, экономические, социальные, природно-ресурсные, экологические и др.) теснейшим образом взаимосвязаны. При этом главную роль в решении (смягчении) глобальных проблем человечества призваны сыграть социальные преобразования во всех странах мира, переоценка ранее устоявшихся экономических, политических, культурных и идеологических ценностей и не в последнюю очередь — в странах «золотого миллиарда».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гладкий Ю.Н.* Глобалистика: сущность и географическая интерпретация // Известия Русского географического общества. Т. 125. Вып. 2. 1993. С. 43–53.
2. *Гладкий Ю.Н.* Глобалистика: трудный путь становления // Мировая экономика и международные отношения. 1994. № 10. С. 107–117.
3. *Гладкий Ю.Н.* Глобальная география. Учебное пособие (10–11 классы). — М. 2007. 320 с.
4. *Кобылянский В.А.* Философия экологии, М., ФАИР-ПРЕСС 2003. 188 с.
5. *Кувалдин В.Б.* Глобализация — светлое будущее человечества? // Независимая газета, 12.02.2000.
6. *Субетто А.И.* Открытое письмо ко всем ученым-экономистам России «Быть России в XXI веке или не быть?» СПб, 2006. 48 с.
7. *Чешков М.* Глобализация: сущность, нынешняя фаза, перспективы // Pro et Contra. Московский Центр Карнеги. 1999, № 4. С. 3–11.
8. *Dolfus O.* La mondialisation. P., 1997.

КРИЗИС ГЕОСФЕРЫ

А.Д. Арманд

Объект этой статьи — Геосфера, географическая оболочка Земли в целом с ее наиболее активным элементом — человеческим обществом, с ее биологическими и абиотическими компонентами, лишенными человеческого сознания, но тоже активными. При всей необозримой сложности этого объекта он, тем не менее, должен подчиняться общим закономерностям эволюционирующих систем. Если так, то мы можем надеяться узнать что-то полезное о современном кризисе, взглянув на него из глубины прошедших эпох. Мы стали современниками и соавторами глобального кризиса и сейчас судьба каждого жителя планеты зависит от того, чем закончится нынешний переходный период в жизни Земли.

Трудность, однако, заключается в том, что кризис, который мы пытаемся изучать, еще не прошел даже своей кульминационной точки. Близкое прошлое не осознано большинством людей как преддверие всеобщих радикальных перемен, не осмыслено историками и не вошло в энциклопедии. Для получения обобщений приходится использовать «горячий» материал, поступающий не столько из справочников, сколько из газет и сообщений радио, искать объяснения в аналогиях исторического прошлого и в общих закономерностях эволюционного процесса. Очевидно, анализ еще не совершившегося кризиса не может быть исчерпывающим, непротиворечивым, отвечающим критериям совершенной научной строгости. Тем не менее, актуальность темы заставляет обращаться к ней в поисках ответа на основной вопрос наших современников: как жить дальше?

ДАЛЬШЕ ТАК НЕЛЬЗЯ

Крупнейшей проблемой нашей эпохи надо считать приближение глобального экологического кризиса. Есть мнение, достаточно обоснованное, что кризис уже наступил. Нагрузка на природу превысила уровень, при котором экосистемы еще сохраняют способность к самовосстановлению [4]. Произошли необратимые изменения. Процесс обмена веществ в Геосфере все больше становится некомпенсированным, незамкнутым.

Но на пороге непредсказуемых перемен находится не только природная среда, но и сама наша цивилизация. На каждой стене огненными буквами горят слова: дальше так нельзя!

Согласно представлениям крупнейшего социолога нашего времени Питирима Сорокина [22], человеческая культура складывается из ряда относительно автономных подсистем. Он относит к ним религию, философию, искусство управления государством, экономику, бизнес, язык (литературу), науку, изящные искусства, этику, право и экологию. К этому перечню можно добавить технологические знания, материализованные в машинах и технических сооружениях, экологию, эволюцию городов, физическое и психическое здоровье населения, а также индустрию отдыха и развлечений. Часть из них возникла, по-видимому, вместе с человеком (религия), другие подразделения, такие, как литература, экономика, бизнес, а особенно экология, возникли позднее.

В наши дни, похоже, критическая фаза наступает по многим, почти по всем направлениям человеческой культуры одновременно, концентрированным ударом.

Судите сами.

Демография. Одного взгляда на кривую роста численности населения Земли, имеющую форму гиперболы (Рис. 1) достаточно для того, чтобы увидеть, что больше этот рост продолжаться не может. Простая математическая экстраполяция утверждает: при сохранении нынешней тенденции примерно к 2025 году численность людей на Земле станет равной бесконечности. По оценкам экологов [4;5], количество землян уже сейчас превысило допустимый (не разрушающий природную среду) уровень в 3–5 раз.

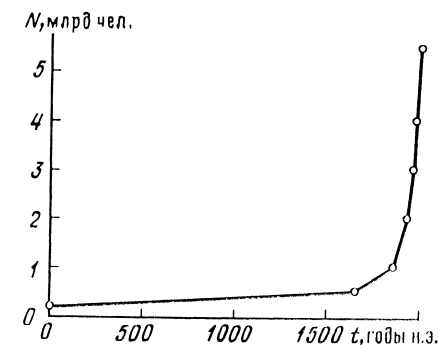

Рис. 1. Демографическая кривая.
N — численность населения мира, млрд чел. t — время, годы н.э.

Показатели здоровья людей угрожающе падают. Наиболее тревожно положение с генетическими заболеваниями. Десять процентов населения России страдают от врожденных отклонений от нормы

[18]. При современных темпах роста эта доля скоро достигнет критического уровня, за которым станет неотвратимым вырождение человеческой популяции. К этому добавляется соревнование за первое место по заболеваниям и смертности между сердечно-сосудистыми заболеваниями, алкоголизмом и наркоманией, раком, СПИДом, психическими заболеваниями.

Беспрецедентный рост техники и развитие технологических знаний в век научно-технической революции могут считаться основными виновниками деградации природной среды, массовых убийств в военных и мирных условиях, подготовленных людьми катастроф и многих других проблем. По данным Всемирной организации здравоохранения, технический прогресс обходится нам в 4 жертвы техногенных катастроф ежегодно на каждые 10 000 жителей. Несмертельных травм фиксируется на порядок больше, а косвенный ущерб просто не поддается учету [1]. Технологические достижения привели, в конечном счете, к росту населения, к росту болезней, к гонке вооружений, безудержному росту городов, к усилению контрастов между бедными и богатыми странами, бедными и богатыми слоями населения. Современной технике мы обязаны тем, что войны стали мировыми и угрожают существованию человечества и всего живого на земле.

Вспышка межнациональной и религиозной вражды усиливает социальную и политическую нестабильность в большинстве регионов мира. Начались массовые миграции людей, что ведет к дальнейшему усилению напряженности, к развязыванию новых войн.

Экономика. Чем больше мы снимаем продукции с гектара земли, тем дороже эта продукция. На некотором уровне затраты становятся равными прибыли и дальнейшая интенсификация сельскохозяйственного производства становится нерентабельной. В условиях роста населения Земли и практического исчерпания резервов земли, пригодной для пашни, эта закономерность ставит естественный предел производству природных продуктов питания. Выход из тупика сформулирован жестко: покончить с размножением человечества и покончить с беспредельным ростом его потребительских амбиций.

Аналогичный узелок завязан на эффективности промышленности. Полная очистка заводских выбросов, также как и полное восстановление нарушенных горными выработками земель невозможны из-за бесконечно высокой стоимости такой очистки и рекультивации. Промышленность всегда будет продолжать разрушать природную среду в той степени, которая определена необходимостью получения хотя бы минимальной прибыли. В настоящее время еще сохранился резерв увеличения безвредного для человечества промышленного производства, но индустрия в считанные десятилетия пройдет этот путь. Примерно в таком же положении находится энергетика: в целом

более безопасные для природы и здоровья людей источники энергии оказываются и более дорогостоящими.

Сказанное показывает, что решение экологических проблем на пути наращивания индустрии не имеет перспектив, хотя обратное мнение все еще пользуется популярностью [12].

Проблема социального неравенства между богатыми и бедными слоями населения, богатыми и бедными странами тесно связана с бурным ростом экономики. Закон развития диссипативных структур диктует владельцам собственности, в том числе земельной, поведение, исключающее достижение равенства ненасильственными средствами. Нарастание напряженности на границах между современными цивилизациями и на границах социальных угрожает военными и революционными взрывами.

Политика. Нестабильность современной политической обстановки в мире очевидна. Одновременно в десятке районов идут или недавно шли локальные войны, все материки, кроме Австралии и Антарктиды, несут на себе очаги напряженного противостояния (Балканы, Ближний Восток, Корея, Южная Африка, Кавказ и Закавказье) или «мерцающих» военных или гражданских столкновений (Индия-Пакистан, Афганистан, Средняя Азия, Канада, США, Центральная Америка, Ольстер и др.). Согласно П.Сорокину [26], повышение нестабильности наблюдается на переломе эпох, предвещая смену общественных ценностей.

Философия и религия. Кризис в идеологической сфере отчетливо обнаружился в момент крушения философии мирового пролетариата. Прагматика рынка победила в противостоянии идеологий, но не вследствие своей логической стройности, широты, соответствия истине, а благодаря соответствию сиюминутным требованиям жизни. С обрушением свода, державшегося на двух мировоззренческих столбах: социализм-капитализм, выплыли на поверхность сотни идеологических и религиозных течений, каждое из которых в борьбе за утверждение своей самостоятельности уничтожает все другие, следуя убеждению: не может быть двух носителей абсолютной истины. Деляческий ветер критического реализма, начиная с Реформации, подтачивает основы христианской философии, как, впрочем, и других мировых религий. Борются между собой, с наукой, с религиозным фундаментализмом бесчисленные секты и учения новоиспеченных «пророков». Современная наука тоже не чувствует себя уверенно в лоне диалектического материализма. Она ищет опору то в логическом позитивизме, то в витализме, порой просто в мистике. Это можно было бы считать нормальным процессом поиска истины. Но то и дело мировоззренческие концепции становятся орудием политики и финансовых магнатов, что наглядно продемонстрировали нам Сёку

Асахара и Мун. Очевидно, победившая идеология капитала ничего, кроме философии «свободы», то есть развязанных рук, предложить не может. Дальнейшее движение в этом направлении не обещает стабилизации мирового сообщества. Идеологический вакуум в России, бессистемно заполняющийся чем придется, свидетельствует, по-видимому, о бесплодии материалистического фундамента.

Право. В последние десятилетия юриспруденция в мировом масштабе столкнулась с серией трудных проблем. По большей части они не представляются неразрешимыми, но, чтобы решения не выглядели произвольными, требуют серьезного пересмотра научной и религиозно-идеологической базы. Так, мир расколот на две части, одна из которых считает применение смертной казни совместимым с общечеловеческой моралью, другая — нет. В развитых странах идут ожесточенные споры, подогреваемые различными религиозными установками, о допустимости планирования семьи и досрочного прерывания беременности, допустимости эвтаназии (врачебного прерывания жизни). Блюстители законности постоянно становятся в тупик при определении момента юридической смерти, после которой человека (труп) можно использовать как бесплатного донора по пересадке органов. Неясны отношения собственности и родительских прав в случае искусственного осеменения и имплантации зародышей в женский организм, в случае клонирования человека. Неясен состав и мера преступления в явлениях психологического подчинения людей чужой воле, психотеррора, зомбирования, смерти человека в результате внушения и др.

Искусство. Современные изящные искусства, так же, как литература, отличаются полифоничностью, разнообразием, отсутствием единого настроя или целенаправленности. В этом еще нет ничего плохого. Но плохо, что главным ориентиром, по которому выбирают курс художники, писатели, музыканты и т. д., служит, общественный и коммерческий успех, завоевание публики. Искусство потеряло свою гордую самостоятельность, идею служения Красоте и Божественному началу и попало под власть толпы, в массе не отличающейся высоким вкусом. Средства массовой информации сделали искусство ширпотребом, вроде обеденных салфеток. Можно наблюдать отчаянную борьбу классической музыки Баха и Моцарта против оглуляющего тяжелого рока, в живописи — реализма и импрессионизма против модернизма, в драматургии — заветов Шекспира и Мольера против театра абсурда, в кинематографе — традиций Чаплина и Эйзенштейна против боевиков и порнофильмов и т. д.

Искусство стоит на распутье перед выработкой критериев, новых формул ответственности. Неустойчивость, переходный характер современного искусства следует уже из того, что оно с одинаковой

легкостью обслуживает как самые возвышенные идеалы общества, так и наиболее низменные инстинкты, постоянно возбуждая и усиливая их. Кино, театр, эстрада, литература, живопись, музыка все слабее выполняют смягчающую, сдерживающую, объединяющую и облагораживающую функцию в отношениях между членами общества. Наоборот, задачей служителей искусства, писателей как-будто становится пробуждение низких животных инстинктов — агрессии, сексуальности, сознания эгоистической вседозволенности. Результат такого воспитания немедленно выплескивается в жизнь в многочисленных формах насилия на бытовом, групповом, государственном, международном уровнях.

Хаотическое состояние этой сферы человеческой деятельности наиболее ярко отражает кризисное, переломное состояние нашей духовной культуры. Не здесь ли следует искать корни кризиса всей человеческой цивилизации? Деграция духовной культуры имеет следствием потерю людьми способности к нормальному взаимодействию, к сотрудничеству. Страдают этика, нормы социального поведения людей, нормы нравственности. Наблюдатели в целом едины в своих оценках: уровень нравственности на протяжении последних десятилетий скорее снижается, чем повышается. Стало общим местом, что ценность человеческой жизни даже в мирное время упала как никогда низко. Если же начинаются военные действия, то в атмосфере массового помешательства человек рассматривается просто как одно из средств, практически бесплатных, достижения перевеса над армией противника. В последнем, впрочем, наше время не отличается от всей предшествующей истории. Терроризм, массовые убийства случайных ни в чём не повинных людей стал нашей повседневностью. Такие эксцессы, как национальный террор в благопристойной Германии или побоища футбольных болельщиков в чопорной Британии, свидетельствуют о нравственном нездоровье в самом сердце старушки-Европы.

Уже этого неполного перечня общечеловеческих проблем достаточно для того, чтобы с уверенностью утверждать: дальше так развиваться нельзя. Земное сообщество вступило в период тотального кризиса цивилизации. Одна из ветвей культуры потеряла равновесие и вовлекла за собой в падение другие стороны общественной жизни.

Комплекс проблем, вставших перед человечеством почти одновременно в наши дни, вовсе не означает, что на Земле нет ничего хорошего. Среди направлений общественной деятельности немало таких, которые заслуживают восхищения, поощрения и сохранения накопленного опыта в веках. Технический прогресс, например, дал невиданные возможности для развития научных исследований на Земле и в космосе, позволил сделать массовым народное образование, резко продлил средний срок жизни людей, усилил с помощью ком-

пьютеров мыслительные возможности человеческого мозга. Появились новые виды искусства, такие, как кино, цветомузыка, компьютерная живопись; огромные возможности получила строительная индустрия. Электроника объединила землян в единый информационный узелок. Все это, несомненно, непреходящие ценности, однако их использование не во вред, а во благо людей само по себе составляет крупнейшую проблему современности.

Мы стоим перед неизбежностью радикальной смены курса, смены ориентиров. Человечество многократно переживало периоды коренной перестройки культуры, подчас кончавшиеся распадом этносов. Переход между XX и XXI веками отличается от этих событий не только совмещением во времени целого букета критических фаз, переживаемых отдельными подсистемами культуры, но еще и глобальным характером кризиса.

Земное человечество на наших глазах превратилось в единую мировую систему. Крупные экономические и военно-политические потрясения в наши дни так или иначе затрагивают большинство живущих на Земле народов. Достаточно вспомнить две прошедшие мировые войны и угрозу третьей с ее «ядерной зимой». Иначе и не могло быть, если принять во внимание, какими энергетическими возможностями и технологическими знаниями вдруг овладели люди к концу второго тысячелетия нашей эры. Неслыханно расширились возможности обмена продукцией, возможности географического разделения труда, перемещения огромных объемов сырья и товаров по всей Земле. Потребности экономики обслуживались параллельным развитием техники транспорта и связи — по морю, по воздуху, по суше, с помощью трубопроводов, кабелей, радио, через спутники. Современные коммуникации позволяют организовать оперативный обмен коммерческой, образовательной, военной и шпионской информацией, управлять движением массы товаров, устраивать научные совещания, участвовать в массовых шоу и конкурсах, не выходя из своего дома или кабинета. При этих условиях цивилизация западного типа смогла распространить свое влияние практически на всю пригодную для жизни сушу.

Что еще важнее, техника бесконечно «удлинила руки» всем, кому дано управлять поведением людских масс, например, военачальникам. За считанные часы перебрасываются в любой конец света крупные воинские формирования, а для нанесения ракетного удара достаточно всего нескольких минут. Очевидно, избыток таких возможностей не мог не привести к бурному формированию межконтинентальных военно-политических союзов и транснациональных компаний. Суверенитет государств в политической и экономической области все больше ограничивается в пользу наднациональных образований. Естественной реакцией на это служат вспышки национализма и сепар-

ратизма, но тенденция к объединению все-таки преобладает. Вероятно, впервые в истории возникают союзы и организации, в рамках которых государства, пройдя долгий путь соперничества и войн, добровольно отдают часть своих функций органам более высокого уровня. На региональном уровне примером такого объединения служит Европейское экономическое сообщество, на мировом — Организация объединенных наций и Совет безопасности. Взаимозависимость частей возрастает, Земной шар как бы уменьшается.

С другой стороны, рост технических средств коммуникации шел параллельно с увеличением плотности населения. После колонизации Нового Света, Австралии, Сибири земной круг замкнулся. Для расселения людей остались лишь непомерно дорогие варианты освоения морских шельфов, побережий Северного Ледовитого океана, пустынь и ближнего Космоса. В итоге закрылась возможность разрешения локальных кризисов — экологических, политических, межнациональных — традиционным экстенсивным методом, путем «исхода». Не имея географических «отдушин», государства вынуждены все более согласовывать свои действия с интересами соседей. Или конфликтовать с ними, все более резко.

Даже простое повышение мощности антропогенных воздействий на природу усиливает взаимосвязи в мировом сообществе. Природные каналы связи — реки, Мировой океан, тропосфера, озоносфера, электромагнитное поле Земли все больше разносят по всему миру сигналы о неблагополучии в отдельных районах. За несколько суток обожали Земной шар радиоактивные дожди после испытаний китайской атомной бомбы в Тибете. Сернокислые атмосферные осадки, разливы нефти в океане не останавливаются перед государственными границами. Напряжение общеземных механизмов, таких, как регуляторы глобального круговорота углерода и азота, теплообмена Земли с Космосом, рука об руку с другими факторами вносят свой вклад в увеличение жесткости внутренних связей в системе «Геосфера».

Сказанное поясняет, почему в современных условиях кризис не может замкнуться в отдельном регионе, охватив лишь часть стран и народов и не затрагивая других. Ни политическая изоляция типа советского «железного занавеса», ни экономическое процветание сверхдержав не избавляют народы от общих бед. В этих условиях неизбежно должно было возникнуть понятие «глобальные проблемы», куда относят отравление атмосферы, вод и суши промышленными загрязнениями, перенаселенность Земли, недостаток продуктов питания, истощение невозобновимых ресурсов и подрыв воспроизводства возобновимых, обезлесение и опустынивание материков, угроза истребительных войн, углубление противоречий Севера и Юга — богатых и бедных стран, и ряд других.

Усиление связей горизонтальных, географических, подкрепляется усилением «вертикальных» связей. Под этим мы понимаем взаимодействие между различными направлениями человеческой деятельности: между отраслями промышленного и сельскохозяйственного производства, между материальной и духовной сферами жизни, а также между обществом и природной средой. В последнем случае, казалось бы, взаимоотношения развиваются в двух противоположных направлениях. С одной стороны, прогресс науки и техники снижает зависимость каждого отдельного человека от капризов климата, плодородия почвы, природных опасностей. Однако, этот процесс сопровождается обратными смещениями. Усиливается зависимость человека от бесчисленных технических «подпорок» — средств транспорта, строительной индустрии, агротехники, энергетики, производства предметов быта и т. п. Биологическая жизнь индивида вопреки идеалу «свободы личности» становится все более зависимой от общества в целом. А общество, в свою очередь, нуждается все в больших количествах забираемой у природы энергии, сырья для пищевой и других отраслей легкой промышленности, для тяжелой индустрии, для войн, наконец. Таким образом, на уровне отраслей промышленности, фирм, государств зависимость человечества от содержания «кладовых» и «мастерских» природы не только не уменьшается, но растет быстрыми темпами.

Усиление жесткости вертикальных связей в канале «общество-природа» приводит к смене ролей в системе. Человечество из относительно безвредного потребителя природных богатств все больше превращается в силу, способную направлять ход развития всего живого и неживого вещества Геосферы [3]. От живых организмов к обществу переходит функция управляющего центра. Краткосрочные и долгосрочные, направленные и циклические изменения ландшафтов все меньше направляются генетическими программами, запечатанными в хромосомах растений, все больше программами, возникшими в человеческом мозгу. В свою очередь Природа из поставщика бесплатных благ становится все более активным регулятором общего развития, партнером в совместной судьбе, в борьбе за выживание. Возникают многочисленные петли обратной связи, осуществляющие саморегулирование единой природно-социальной системы.

Таким образом, крупнейшие преобразования в геосферной системе, прежде всего усиление горизонтальных и вертикальных связей, перераспределение функций, превращение ее из «рыхлой» в «жесткую» систему — предшественники и спутники наблюдаемых нами кризисных явлений. Туча нависла не над отдельным районом, племенем, народом — над человеком как биологическим видом.

ПОТЕРЯННОЕ РАВНОВЕСИЕ

В поисках причин общего кризиса системы мы должны обратить внимание на неравномерность развития отдельных ее частей. Взрывной процесс развития науки и техники в период научно-технической революции (в последние три сотни лет) оказался не обеспеченным соответствующим ускорением в других сферах жизни. Среди отставших оказались внешняя природа, превратившаяся в сырьевой блок системы, и внутренняя природа, биологическая основа человеческого организма. Они не смогли двигаться таким темпом, чтобы сохранить гармоничное взаимодействие частей. Система оказалась подобной профессиональному спортсмену, у которого блестяще развит опорно-двигательный аппарат, но хромает образование, запущено домашнее хозяйство, семья, огород.

Скорость биологической эволюции на 3–5 порядков ниже скорости эволюции общества [2]. Добавим еще несколько фактов. Развитие промышленности можно оценить по количеству новых химических веществ, ежегодно пускаемых в рыночный оборот — около 1500 [25], по количеству новых технологий переработки природного сырья, новых типов транспортных, лесозаготовительных, землеройных, сельскохозяйственных механизмов (десятки, сотни в год). О скорости биологической эволюции может дать некоторое представление такой ряд величин. По данным палеонтологии образование новых видов животных составляет в норме 1 вид за 100 лет, растений — 1 вид за 1000 лет. В экстремальных условиях достигается наивысшая скорость, когда вид (насекомого) отделяется от материнского за 7–19 поколений [9]. Если принять эту скорость — весьма условно — за общебиологический предел, то обнаружится, что бактерии в течение года способны образовывать несколько новых форм из одной исходной, насекомым потребуются на образование вида несколько лет, крупным млекопитающим — сотня лет, человеку — несколько сотен лет. После кризиса Биосферы в меловом периоде, известном под названием эпохи вымирания динозавров, восстановление равновесия заняло 7 миллионов лет [21]. Очевидно, что в соревновании с техническим прогрессом возможности живой природы несравненно меньше (кроме видов простейших). Свойства домашних животных и культурных растений меняются при целенаправленной селекции быстрее, чем в дикой природе. Тем не менее для получения новых пород кроликов, собак, лошадей, новых сортов пшеницы или тюльпанов требуется работа в течение ряда лет.

Существуют другие, не эволюционные механизмы изменчивости организмов, такие, как индивидуальная регуляция физиологических процессов, не связанная с наследственностью. Но, в отличие от эволюционных изменений, эти способы приспособления имеют ограничен-

ный диапазон возможностей. Как только изменения превосходят порог возможностей организма, эти механизмы оказываются бесполезными, растение или животное гибнет.

Последнее замечание полностью относится и к биологической природе людей. Она бессильна перед чрезмерными нагрузками технического века. Люди не в состоянии долго выдерживать навязанный машинами скачущий ритм жизни, типичный для крупных городов, постоянные шоковые инциденты, поджидающие пассажиров общественного транспорта, работников крупных производственных предприятий, участников митингов и т.п. Человек в принципе никогда не приспособится к потоку ядовитых и просто балластных веществ, все больше наполняющих питьевую воду, пищу и воздух, которым мы дышим. А что говорить о бесчисленных механических, мутагенных, канцерогенных, шумовых воздействиях, о массированных атаках болезнетворных организмов! Очевидными свидетельствами того, что человеческая природа проигрывает в соревновании с техникой, могут служить накопление генетического груза (рост наследственных заболеваний), увеличение стрессовых отклонений от нормы, числа психических и психосоматических заболеваний, прогрессирующая наркомания, преступность, самоубийства. Повышение смертности от рака и сердечно-сосудистых болезней также обычно связывают с техническим прогрессом.

Может показаться парадоксальным, но рост технической оснащенности человечества сопровождается повышением уязвимости людей к катастрофическим явлениям. Ущерб от одних только стихийных бедствий — наводнений, землетрясений, ураганов — утроился, по данным страховых компаний, за двадцатилетие 1969–1980 гг. За это время погибло 3 млн. человек и пострадало в той или иной степени 2 миллиарда, около $\frac{2}{5}$ всего населения Земли. Это прямой результат скученности населения, главным образом развивающихся стран, на берегах морей, в долинах крупнейших рек, при экономической и социальной неустроенности. Больших «успехов» добилось общество и в организации катастроф, подготовленных и осуществленных с помощью современной индустрии: взрывов на заводах, газопроводах и хранилищах боеприпасов, аварийных выбросов радиоактивных и химических отравляющих веществ, в транспортных происшествиях [1]. Юридически (и нравственно) допустимая норма риска в таких явлениях, принятая в США, составляет 1 жертву на миллион жителей. На деле эта норма не выполняется, прежде всего в развивающихся странах. В принципе, существуют технические средства, правила поведения и нормы сооружения промышленных и военных объектов, позволяющие значительно снизить потери от рукотворных катастроф. Но природа человека, по-видимому, не готова к тому, чтобы

в условиях экономической и военной конкуренции, пронизывающей нашу жизнь, отдать предпочтение мерам безопасности.

Таким образом, идея «устойчивого развития», ставшая по предложению фру Брундтланд лозунгом конгресса в Рио-де-Жанейро в 1992 году, оказывается несостоятельной из-за рассогласования частей системы. Ограниченные возможности биологических механизмов адаптации природы и человека к противоестественной гонке уже истощены, регулирующие экологические и физиологические системы одна за другой выходят из строя.

Наибольший вклад в нарушение равновесия сделан, однако, отставанием не природных компонентов культуры, а ее духовной сферы. Как ни странно, идеальная сторона жизни людей, не связанная с инерцией, свойственной грубой материи, проявила в эволюции наиболее консервативные свойства.

По определению Н.К. Рериха, понятие культуры совмещает в себе этику, науку и искусство, олицетворяющие идеалы истины, красоты и творческого взаимодействия людей [24]. В нашу эпоху наука, повенчанная с материальным производством, оказалась на коне и расцвела пышным цветом. Лет двадцать назад рост числа людей, занятых в науке (не только ученых), шел так бурно, что при сохранении этой тенденции к началу нынешнего столетия все население Земли должно было бы заниматься только разработкой и обслуживанием научных проектов. Контингент так называемой «творческой» интеллигенции (искусство, литература) также возрос. За соблюдение норм нравственности издревле несла ответственность религия и религиозно-этические учения. При сопоставлении канонов даосизма, конфуцианства, буддизма, иудаизма, зороастризма, учения Йогов, христианства, магометанства, теософии и других можно обнаружить поразительное совпадение нравственных императивов, изложенных в заветах Великих Учителей и пророков. Иногда даже словесные формулы таких заповедей, как «не убий», «не укради», «не лжесвидетельствуй», «возлюби ближнего своего как самого себя» близки по форме. Все учения настаивают на необходимости работать над совершенствованием своей природы, причем идеалом совершенства является отказ от эгоизма, добрые дела в отношении окружающих, особенно слабых и просящих.

Даже ориентированное на классовую ненависть общество марксистского атеизма осознало, пусть с большим запозданием, что без нравственных регуляторов не обойтись и в муках родило «Моральный кодекс строителя социализма». По формальным подсчетам, около 90% жителей Земли находится под идеологическим контролем тех или иных религий. Дело, однако, не в статистике, а в том, что с прогрессом научно-технического мышления духовные направления культуры стали все хуже выполнять функции регуляторов отношений между людьми. В

борьбе с рациональной скептической наукой религии основательно порастеряли свою власть над умами. Под давлением расхожих представлений христианские пастыри — православные, католические, а особенно протестантские, вынуждены все в большей степени благословлять деловую активность, то есть конкурентную борьбу в экономической и политической сферах, накопление богатства.

Еще резче бросается в глаза отступление от высоких идеалов современной литературы и искусства. Значительная часть, хотя, конечно, не все, служителей муз уступила требованиям закона конкуренции и пошла на поводу у массового потребителя. В интересах выживания и больших заработков масса «жрецов красоты» продала свои таланты на обслуживание рекламы и встала впереди толпы, увлекая ее в болото животных страстей.

Отставание, расслабление нравственного блока социальной системы привело к тому, что человечество, овладев колоссальными энергиями и совершенными технологиями, стало похоже на ребенка, которому дали поиграть с боевым оружием. При этом никто не позаботился внушить ему правила обращения с опасными игрушками. Он старательно вытаскивает чеку из гранаты и на замечание: «зачем, она взорвется» отвечает: «ничего, у меня еще одна есть». В результате каждая новая война становится все более разрушительной и уносит все больше жизней. Для грабежа, шантажа, насилия, преступного бизнеса применяются все более совершенные технические средства, включая электронику, тонкие химические технологии. Футурологи предсказывают, что в ближайшие годы в руках мафиозных групп окажется ядерная энергия, что в огромной степени расширит их возможности вымогательства и запугивания населения. Не секрет, что все новейшие достижения науки и технические изобретения наиболее внимательно рассматриваются военно-промышленным комплексом и секретными органами госбезопасности. Если намечается что-то, сулящее особенно эффективный метод уничтожения людей и техники, шпионажа, диверсий, лишения людей собственной воли к действию или способности двигаться, то эти ведомства оказываются наиболее щедрыми покупателями разработок, технологий вместе с их творцами. Все это делается, естественно, «в интересах безопасности» мирных граждан.

Едва ли случайно ослабление нравственных механизмов совпало в исторической перспективе с периодом торжества индустрии. Здесь непросто проследить конкретные цепочки причинных связей от одного к другому, но зато очевидна заинтересованность делового мира в максимальном расчищении поля деятельности. Капиталистическая форма ведения хозяйства по своей природе антигуманна. Как правильно указывал К.Маркс, капиталист вынужден эксплуатировать наемных рабочих не потому, что у него скверный характер, а в силу за-

конов рыночной конкуренции. В мире бизнеса сердобольные дельцы типа Саввы Морозова обречены на разорение. При этом деловые люди кровно заинтересованы не только в том, чтобы себе шить нравственную одежду попросторнее, но и у своих потребителей, сколько можно, вытеснить предрассудки, касающиеся порядочности, благопристойности, чести, стремлению к духовному развитию. Их заменяют более доходными для бизнеса мыслями о материальных удовольствиях, о красивой жизни «не хуже других». Масса свободных от внутренних ограничений, раскованных, умеренно образованных, но не слишком культурных потребителей материальных благ составляет идеальную среду для производителей материального и духовного ширпотреба. Среди скрытых педалей, на которые нажимает бизнес в целях замены духовной культуры низкопробными заменителями, — поток пропаганды западного образа жизни через средства массовой информации. Быстрое ослабление тормозов — особенность эволюции этого евро-американского стандарта.

Проблема перенаселения Геосферы также тесно связана с отставанием реальности от идеального устройства общества. Демографический взрыв в эпоху научно-технической революции объясняют обычно достижениями медицинской науки, фармакологии, медицинской техники, позволившими в короткий срок снизить смертность в человеческой популяции. Эти достижения оказались несогласованными с динамикой рождаемости. Последняя регулируется до сих пор народными традициями развивающихся стран, где большое количество детей в семье рассматривается как одна из основополагающих ценностей, как вопрос престижа и своеобразный страховой полис для родителей в старости. В том же направлении действуют предписания практически всех мировых религий, прямо или косвенно поощряющих многосемейность и осуждающих меры регулирования семьи. Даже наиболее нейтральная в этом отношении буддистская религия косвенно, исповедуя закон кармы и переселения душ, высказывает свое негативное отношение к сокращению рождаемости, особенно путем искусственного прерывания беременности. Впрочем, и государственные власти в большинстве случаев высказывают заинтересованность в увеличении числа своих подданных. Это и понятно, так как число жителей — важнейший признак мощи государства. Не менее трети государств мира включили в свое законодательство поощрительные меры для увеличения рождаемости. Здесь местнические — на уровне правительства отдельной страны — интересы превалируют над интересами общечеловеческими.

Нарушение сбалансированного развития системы воспринимается людьми как увеличение дискомфорта, незащищенности жизни в широком понимании и в смысле личного благополучия. Ощущается

нестабильность, хаотичность бытия, бессилие перед наступлением непредсказуемых перемен. Обнаруживают себя явления, близкие к кризисным, не только в материальной, но и в духовной сфере развития. Постепенно нараставший духовный вакуум вдруг резко всплыл на поверхность, особенно в странах, исповедовавших атеистическую идеологию. Пустота привела к судорожным хаотическим поискам опоры в религиозно-философских учениях, мистических культах, парапсихологии, магии. Возрождаются старые и создаются новые верования, в которых трудно разобраться рядовому обывателю. Реакция на духовный сумбур проявляется, с одной стороны, в фанатизме, доходящем до массовых самоубийств, с другой стороны — в открытом отбрасывании всяких нравственно-религиозных норм и ограничений. В нарушениях равновесия, согласованности между частями природно-общественной системы, по-видимому, и заключается существо современного социально-экологического кризиса Геосферы.

РИТМ И ФАЗА

Рассогласованность между материальным и духовным крыльями человеческой культуры едва ли следует считать отличительным признаком исключительно нашей эпохи. Согласно представлениям Л.Н.Гумилева [7], нормальный цикл развития этноса включает в себя фазы преобладания идеальных стимулов поведения людей — во время пассионарного подъема — и стимулов материального, накопительского характера — на этапе надлома и инерции.

Признаком умирания этноса служит преобладание субпассионариев, в программе которых записано: «мой дом — моя крепость» и «моя хата с краю». Это программа спокойной растительной жизни без высоких идеалов, без полета. В период расцвета этноса происходит «перегрев», пассионарии начинают взаимно уничтожать друг друга и на авансцену выходят гармоничные личности с программами творческого поиска в области строительства, изобретательства, искусства и рациональной организации общества. Эти три типа программ четко соотносятся с тремя состояниями человеческой психики по древнеиндийскому делению: раджас — возбуждение, тамас — подавленность и саттва — равновесие. Просматривается также соответствие двум мировым началам — Ян и Инь, на утверждении которых построено мировоззрение в традициях китайской философии.

Исторические хроники подтверждают вывод о том, что материальные и духовные стимулы находятся в отношениях дополнительности друг к другу, плохо совмещаясь в сознании людей. Во времени происходит смена одних другими и лишь в переходные периоды ненадолго достигается равновесие, гармония. В периоды господства идеаль-

ных или материальных стимулов равновесие нарушается. Очевидно, «маятник», колебание между двумя крайними состояниями можно считать явлением, нормальным для процесса развития общества.

Данные П.Сорокина также позволяют сравнивать периоды по ориентации общества преимущественно на духовные или на материальные ценности (рис. 2-а,б).

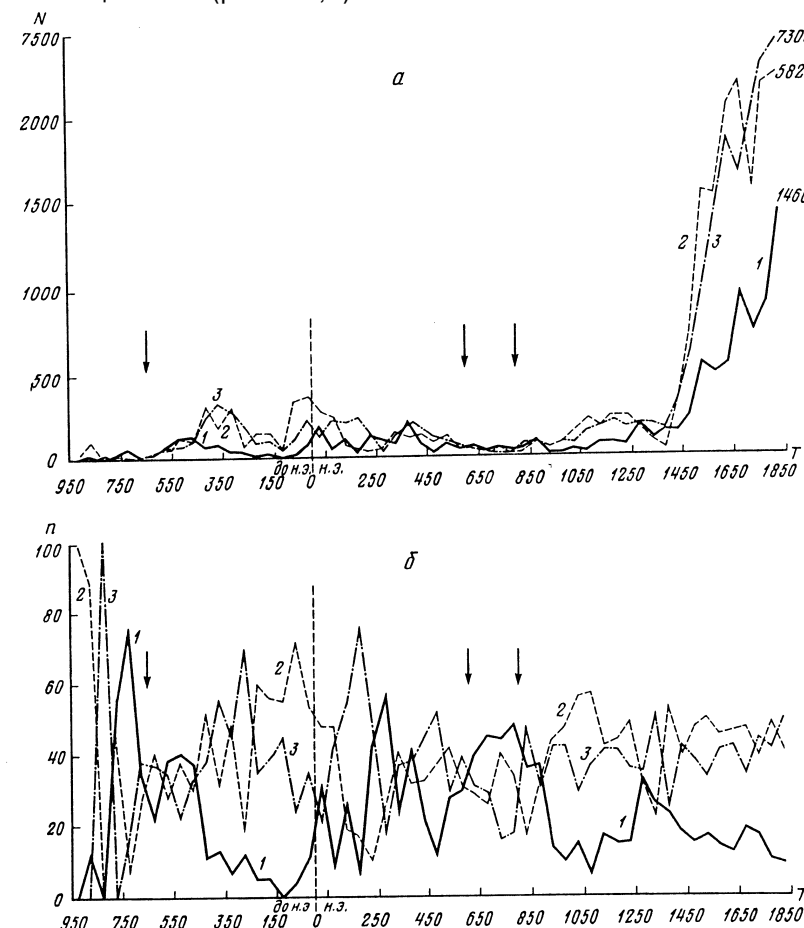

Рис. 2. Распределение трех типов исторических деятелей в абсолютных (а) и относительных (б) величинах на протяжении истории Древнего Египта, античных государств Средиземноморья и Европы (по [26])

N, n — абсолютное (чел.) и относительное (%) число деятелей, проявивших себя за очередное 50-летие. T — время (лет до и после РХ). 1 — идеациональный, мыслительный тип, 2 — рациональный тип, 3 — гармоничный тип. Стрелки — границы циклов.

Ритмы истории, пережитые западноевропейской культурой, представляют для нас интерес в том отношении, что позволяют наметить, в какой фазе этногенеза находится сейчас ведущая культура мира. Если отложить от момента пассионарного толчка, ответственного за последующий взлет Европы, отведенные ей Л.Н. Гумилевым 1200 лет до погружения во мрак обскуративной фазы, то мы можем обнаружить, что старушка-Европа стоит на пороге дряхлости. В наступающем XXI веке воля Западноевропейского этноса к самосохранению рискует упасть до опасно низкого предела.

Набор симптомов, характерных для фазы перехода от рационалистической эпохи к идеалистической, по мнению Сорокина [22] близко совпадает с признаками болезни современной Европейской цивилизации. В эти периоды односторонний гипертрофированный интерес людей к материальным ценностям делает общество пустым, фальшивым, невежественным, беспорядочным и беспомощным перед лицом серьезных проблем. Происходит распад основных человеческих ценностей. Смещается граница между правдой и ложью, между красотой и безобразием, возникают и распространяются псевдонауки. В идеологии равновесие смещается в сторону засилья материализма, в политике — тирании. Происходит распад семьи, деградация наук и искусств, социальная гармония все больше уступает место «всеобщему базару», хаосу. Соответственно становятся повседневностью войны, внутренние политические неурядицы, революции. Повышается роль сверхчувственных религий, а вместе с ними — интерес — к мистицизму, фидеизму, религиозному рационализму. Экономические успехи цивилизации сбавляют темпы. Это может проявиться, например, в учащении экономических кризисов, в дефиците различных видов сырья и др. В жизни современной Западной Европы некоторые из предвестников кризиса еще не очевидны, но должны в скором времени обнаружить себя. С наступлением кризиса П. Сорокин прогнозирует уменьшение значения материальных ценностей в общественной жизни, замедление роста числа научных открытий и изобретений, уменьшение роли визуальных, чувственных, эротических направлений в искусстве.

Питирима Сорокина дополняет известный биолог Конрад Лоренц [17], предъявляя восемь тяжелых обвинений современной цивилизации. Вот они: увеличение агрессивности, опустошение естественного жизненного пространства, губительное развитие техники, делающее людей слепыми к подлинным ценностям, изнеженность — результат чрезмерного комфорта и достижений фармакологии, генетическая деградация человеческой популяции, отсутствие понимания между родителями и детьми, разрушительная для личности обработка общественного мнения путем опросов, рекламы, моды и, наконец,

использование ядерного оружия, пусть не в военных действиях, но в политике.

Конечно, Западная Европа — не весь мир и у кого-то может возникнуть надежда, что ее кризис обойдет другие страны и континенты стороной. По мнению виднейшего современного политолога С.Хантингтона [23], современное человечество сконцентрировалось в семь или восемь цивилизаций, или, по принятой нами терминологии, суперэтносов. Кроме Западной цивилизации, куда автор включает развитые страны Европы и Северной Америки, названы конфуцианская (Китай, Корея и Юго-Восточная Азия), японская, исламская, индуистская, славяно-православная, латиноамериканская и, возможно, африканская. У каждой свой путь развития, своя стадия этногенеза. Надежда «отсидеться» за рубежами Европы, однако, тает с каждым сообщением мировых телеграфных агентств. И современное крушение биржевых индексов подтверждает, что кризис Европейско-американского сообщества отзывается болезненно во всех частях мира независимо от того, в какой фазе этнического цикла они сейчас находятся. Другое дело, что «молодые» цивилизации, такие, как южноамериканская и североамериканская, вероятно, найдут в себе силы для быстрого восстановления порядка. Несколько труднее пройдет этот процесс у славян, а вот арабо-исламская цивилизация, на 1–1,5 столетия опережающая Западную Европу, как и сама Европа, возможно, выйдут из кризиса не скоро и уже сильно изменят облик своих суперэтносов.

Таким образом, этапы рассогласования закономерны, они повторяются. Но нынешний этап наложил на головокружительный взлет технической мощи человечества и это делает кризис разрушительным как никогда и как никогда всеобщим. Среди многих нарушений гармонии главное — отставание духовной ветви культуры от ветви материальной. Чем вызвано это отставание?

П.А. Сорокин [22] обнаружил такую закономерность. Как только носители рационалистического или, наоборот, идеалистического мышления начинают увеличивать свое общественное веса, — они тут же бросаются вытеснять со сцены деятелей противоположного типа. Идут в дело не только публичные дискуссии, проповеди, но и суды, кресты, оружие, костры. Другими словами, каждое идеологическое направление культуры активно поддерживает и сохраняет себя, а для этого подавляет конкурирующее направление. На языке системологии подобное явление может быть описано как конкурентная саморегулируемая система, направляемая обратными связями типа минус-минус (– –), или триггерная система. Каждая из конкурирующих подсистем в этом переключателе программируется серией положительных обратных связей плюс-плюс (++), что придает

им способность самоусиливаться [11; 20]. Агрессивный характер таких «диссипативных» структур тем резче проявляется, чем обильнее, доступнее источники питающей их энергии. Энергетическое обжорство — специфика эпохи научно-технической революции. Выполняется и второе необходимое условие — нелинейность, повышенная чувствительность социальной среды. В нашем случае она проявляется в чрезвычайных психических напряжениях, незаметно накопившихся в предшествующие периоды развития. Напряжение растет.

Неустойчивость совмещается со способностью человеческой психики входить в резонанс с состоянием психики других людей: сочувствовать несчастным, заражаться возбуждением, ненавистью или настроением религиозного благочестия. Достаточно, чтобы число увлеченных некоторой идеей достигло критического порога, и под их знамена встает практически вся нация, если напряжение достаточно велико. И лишь дойдя до предела, испытав на себе всю абсурдность одностороннего развития, общество накапливает сознание ошибочности избранного пути и бросается в противоположную крайность.

Смена одной крайности на другую и есть кризис, близко знакомый нам по Российской действительности. В промежутке наступает короткое господство «гармонично мыслящих» личностей, но оно по определению неустойчиво и недолговечно. В силу своей уравновешенности эти люди не способны фанатически следовать одной идее, убежденность в правоте которой «на собственном опыте» только и способна увлечь за собой лишнее своего мнения большинство населения.

В последней четверти западноевропейского этнического цикла деятели рационального склада все еще прочно удерживали первенство в обществе. В это время научная и изобретательская мысль европейцев, пройдя извилистый путь скрытого развития, подкинула истории паровой двигатель, затем использование ископаемого топлива, электроэнергию, расщепление атома. Движение пошло в «режиме с обострением», по круто взлетающей траектории [11].

Действие энергетической инъекции оказалось усиленным некоторыми предшествовавшими этому событиями. Великие географические открытия замкнули известный Западу мир и чрезвычайно расширили возможности торговли и грабежа других народов. Совершилась реформация и раскол христианской церкви, развязавшая руки для бизнеса и накопления богатства низшими сословиями. В науке решительно одержала верх рациональная парадигма Галилея-Декарта-Ньютона, освободившая ее от пут мистики и религиозных запретов. От Европы отпочковался молодой Североамериканский этнос, помогая отодвинуть срок дряхлости своему родителю — Европе. Все это позволило освободить диссипативную структуру европейской цивилизации от сдерживавших ее лимитов, — сырьевых и идеологических.

Таким образом, беспрецедентный перекося общества в сторону прагматизма и бездуховности был подготовлен всей логикой развития Европейского суперэтноса.

Вопреки мнению Л.Н. Гумилева [6], историю социальных перемен нельзя вырывать из контекста истории социально-экономических формаций Западной Европы (согласно учению К. Маркса). Лишь рационалистический и индивидуалистический настрой инерционного периода этногенеза позволил произойти буржуазным революциям, подстегнул мещанское сословие к захвату власти и расчистке простора для рождающейся рыночной экономики. Класс капиталистов пережил свою частную вспышку пассионарности. На идеологическом фронте его победа была отмечена сотворением рыночного кумира. Законом общества был объявлен дарвиновский закон борьбы за существование и выживания сильнейшего. Произошел возврат к биологической системе ценностей. На щит было поднято все то, что дает физическое превосходство над соплеменниками: сила, власть, хитрость, приспособляемость, чувственные удовольствия, спокойная и сытая жизнь, материальная обеспеченность, здоровье. Требованиям выжить в конкуренции оказались сметены или отставлены на второй план ценности, накопленные многовековым развитием человеческих культур. В этом списке — понятия чести, совести, верности долгу и идеалам, сознание ответственности перед людьми, образованность, религиозность, культурный уровень, терпимость, альтруизм, способность к творчеству (кроме технического), способность понимать красоту и воспринимать искусство.

Генеральное направление эволюции человечества лежит, при всей извилистости реальной траектории, на пути перехода от первой, биологической, группы общественных ценностей ко второй, социальной. Но положение дел в наши дни дало повод Конраду Лоренцу [16] заметить, что мы поспешили назвать себя человеком разумным. По его мнению, современный Номо представляет собой скорее переходную форму между животными и настоящим человеком.

Подводя итог сказанному, мы можем констатировать следующее. Структура связей между подсистемами современного развитого общества содержит в себе механизмы типа триггера (переключателя) и серию механизмов самоусиления, диссипативных структур. Их действие в достаточной степени объясняет тенденцию удаления современного социума Западной Европы от состояния равновесия. Так же закономерно односторонняя ориентация на группу материальных ценностей накопила противоречия в обществе, стимулировала ускорение промышленного производства и в результате сделала неизбежным болезненный переход на новую траекторию развития. Переход мы воспринимаем как современный кризис западной цивилиза-

ции. Глубина кризиса определяется, с одной стороны, необычайными успехами науки и техники, и, с другой стороны, подавлением нравственных, этических регуляторов человеческих взаимоотношений, возвратом к психологии открытой конкуренции между людьми.

Из сформулированных таким образом закономерностей можно сделать некоторые заключения о том, чего следует ожидать западно-европейскому социуму, а с ним и остальному человечеству, в ближайшие десятилетия. Но предварительно — несколько слов о кризисе в России.

ПАДЕНИЕ РОССИИ

Кризис, в одночасье поразивший последнюю из великих империй конца тысячелетия, был для большинства наблюдателей полной неожиданностью. Разорению подверглись все важные для жизни государства системы: экономика, армия, государственные учреждения власти, культура, идеология, национальное устройство, охрана природы. Это крушение мировой державы звучит как голос гонга, оповещающий о наступлении событий еще более крупного масштаба. Возможно, Россия всего лет на 20–40 опередила в своем падении остальные развитые страны. Хотя развитие Российского суперэтнуса проходит по своему расписанию, все же такое близкое совпадение сроков едва ли случайно. Собственная линия жизни нашего государства отражает на себе и влияние соседей, подстраивается к ним.

Перелом в сознании восточных славян, когда представление о родном племени было вытеснено представлением о принадлежности к русской нации, падает, по мнению Л.Н. Гумилева [7], на XIII век. Возможно, годом рождения российского этноса следует считать Куликовскую битву (1380 г.). Для пассионарного толчка сформировался горячий материал. С одной стороны, произошла генетическая и культурная гибридизация славян с финно-угорскими племенами Восточной Европы и с тюрками Золотой Орды. С другой стороны, постоянный пресс монгольских оккупантов вызывал уже не чувство страха и унижения, как вначале, а возмущение и готовность пойти на жертвы ради освобождения, в том числе поступиться феодальными привилегиями «великих мужей» в пользу сильной власти [10]. Дальше Россия развивалась по сценарию, о котором ни в России, ни за ее пределами никто не имел представления. Пассионарный подъем и фаза перегрева превратили Московию из окраинного удельного княжества в мировую державу, до середины столетия, теперь уже прошлого, продолжавшую расширять свою территорию. Так называемый «надлом» усыпал небо России звездами первой величины — в области литературы, музыки, живописи, театра, науки, военного искусства, философии —

из числа личностей, сумевших совместить в себе устремленность к высочайшим идеалам с терпимым отношением к прозе будней. Это наши «гармоничники» XVIII–XIX и начала XX столетий.

Но исторический сценарий требует смены декораций, в дверь стучатся реалисты, люди дела, купцы и промышленники. Они уже устали тащить на ногах груз идеалистических реликвий, традиций русского православия, русского самодержавия, народной соборности, им нужна свобода движений по западноевропейскому образцу. С совсем небольшой поправкой. Если французская революция ниспровергла паутину феодальных условностей ради «свободы, равенства и братства», то русское, все еще сильно идеалистическое мышление, восстало против «несправедливости» абсолютизма, бюрократии, сословных привилегий. Эта навязчивая идея определила судьбу России в переломные 1905–1917 годы. Решающее слово сказала Западная Европа, старшая соседка, уже успевшая разглядеть, чем оплачивается рыночная «свобода». Соседка подкинула нам в решающий момент проект царства справедливости, марксову идею коммунизма. И в революционной неразберихе, в точке бифуркации, выбор, вопреки мнению кибернетиков, сделал не Случай, не малая флуктуация, а совершенно неслучайно получили перевес носители парадигмы справедливо устроенного общества, марксисты. Парадигма полностью устраивала рационалистов, так как в проекте содержались обещания всестороннего развития личности, демократии, «земли — крестьянам, заводов — рабочим, власти — советам».

История народов обладает свойством фрактальности. Это означает, что на коротких отрезках этнического цикла в миниатюре повторяются все те же стадии: пассионарный подъем, перегрев, спад, инерция. Так случилось с Советской Россией. Ко времени Горбачевской реформы советский колосс достиг стадии обскурации на втором, нижнем уровне ритмов. Воля народа к сохранению намявшей шею «социалистической» конструкции иссякла, недовольство все тех же прагматиков, что и в начале века, подготовило новое горячее для взрыва. К концу малого цикла обнаружилось, что главную свою задачу, назначенную нам на XX век, Россия не выполнила: рационалисты так и не получили свободу действий, даже совсем наоборот. Очевидно, груз детской веры в доброго царя так прочно утвердился в российских мозгах, что мы легко приняли нового тирана вместо старого. Соседство развитого Запада помогло нам в этом. Образец «индустриального рая» в течение всего времени давил на ментальность россиян, заставляя мириться с материальной и духовной нищетой ради блестящей цели «догнать и перегнать». С другой стороны, образ потенциального военного врага был всерьез воспринят по обе стороны железного занавеса (вероятно, не впустую) и тоже способствовал со-

хранению изжившей себя российской политической структуры до самого предела устойчивости и еще немножко дальше.

Таким образом, кризис России конца XX века выглядит вполне закономерно, как результат общего развития суперэтноса, как результат завершения малого 72-летнего цикла и как результат интерференции между событиями европейской и российской истории. Впрочем, нити взаимодействия гораздо длиннее. Пример русского социализма стал образцом для подражания во многих странах, оказавшихся готовыми к пассивному толчку, пусть на разных этапах этногенеза: в Китае, Вьетнаме, Египте, Алжире, Анголе, Сомали, Кубе, Северной Корее, Индонезии, Чили, Монголии и даже в Индии Джавахарлала Неру и Индиры Ганди. Там, где коммунистические идеи не умерли раньше, крушение лидера, СССР, вызвало цепную реакцию реформ, направленных на реставрацию рыночной системы мышления. Возможно, пример России стал детонатором для множества локальных взрывов межнациональной вражды, в том числе в таких «благополучных» государствах, как Канада, Нидерланды, Перу. Это наш вклад в мировой кризис культуры, в синхронизацию локальных кризисов.

При всем том Россия в XX веке выполнила чрезвычайно важную задачу исторического значения. На собственном печальном опыте она с предельной ясностью показала: невозможно реализовать некий вариант давней мечты человечества о «царстве Божием на Земле», о «Сатиа Юге», «Золотом Веке», Ноосфере — веке разума, до тех пор, пока не готов к этому сам житель общества. Не экономика, обеспечивающая изобилие, а соответствующий уровень сознания способен привести к успеху. Не «бытие определяет сознание», а как раз наоборот. Другими словами, требуется замена системы ценностей биологического уровня ценностями человека разумного.

Что касается российского кризиса, то его содержание отличается от содержания кризиса европейского. В нашей стране тоже обозначилось отставание начала духовного от начала материального. Но гораздо резче сказалось несоответствие политического, социального, национального и идеологического устройства Советской России запасу творческой энергии армии «реалистов», приходящих на смену «идеалистам» и «гармоничникам». В этом отношении все идет «по плану», если не считать множества ненужных потерь в области культуры. Но за это мы должны пенять только на собственное невежество.

Три выхода

Ритмы истории привели сообщество обитателей Геосферы к переломному моменту. Ведущая цивилизация планеты — Западная Европа — встала перед пучком проблем, которые могут быть разреше-

ны лишь путем радикальной перестройки всего общества. Как теория, так и опыт истории подсказывают, что в такие моменты, в точках бифуркации, ослабляется унаследованность событий, снижается устойчивость человеческих и природных систем, происходит выбор нового пути. Вслед за кризисом системы с расшатанной структурой и нарушенными программами получают новую возможность адаптироваться к условиям, возникшим в мировом сообществе. Из хаоса выходит семейство наций, лучше подогнанных друг к другу, с меньшими напряжениями на границах. В дальнейшем достигнутый порядок закрепляется множеством политических, юридических, культурологических, экономических конструкций, но в момент выбора существует, по мнению системологов, принципиальная неопределенность, делающая всякий прогноз невозможным.

Похоже, однако, что история подобна науке об атмосфере: ученые с вероятностью до 80% предсказывают погоду на следующий день и почти с такой же уверенностью говорят о наступлении следующей фазы ледникового периода, а вот среднесрочные прогнозы, на ближайшие месяцы и годы, даются им из рук вон плохо. Для социологии таким темным пятном, по-видимому, является отрезок будущего между 10 и 50 годами, когда краткосрочная инерция человеческих поступков уже не может помочь в деле прогноза, а для проявления устойчивых длительных тенденций этот срок еще слишком мал. Этот срок отдан на произвол людской массы, бросающейся то за одним, то за другим громкоговорителем лидером. Попробуем в настоящем разделе подойти к прогнозу, главным образом, с позиций общих долговременных закономерностей развития общества.

Если российский кризис действительно — первая ласточка кризиса европейского, а за ним — мирового, то по ходу маховика истории можно предвидеть переход западной цивилизации (точнее, ее лидера Европы), в стадию обскурации. Ей грозит потеря жизненной энергии, неспособность поддерживать дальше сложившийся порядок. В связи с большим напряжением, накопившимся на контактах общества и природы, между развитыми и развивающимися странами, между высокими оборотами, набранными промышленным производством и слабыми этическими регуляторами поведения, едва ли этот переход пройдет безболезненно. Возможны нашествия современных «варваров», перекраивание политической карты, очень вероятно экономическая экспансия со стороны более молодых этносов. Могут оказаться поучительными простые аналогии.

Биологам-системникам хорошо известны варианты развития популяций живых организмов в условиях, когда они живут «не по средствам» и затем вынуждены восстанавливать нарушенное таким образом равновесие. Так, дрожжевой грибок в тесте после вспышки

активности отравляет среду жизни собственными выделениями и в следующей фазе переходит в дремлющее анабиотическое состояние (рис. 3-а). Не по средствам, как отмечено ранее, живет и большинство человечества.

В более трагическом варианте группа клеток, выскользнувшая из-под пресса иммунной системы организма, развивается в раковую опухоль, губит хозяина и погибает с ним сама (рис. 3-б). Наконец, если сообществу мышей предоставляется возможность размножаться в ограниченном пространстве садка, то вступают в дело механизмы самоторможения, вследствие чего плодовитость их снижается и кривая численности успокаивается на максимально допустимом уровне (рис. 3-в).

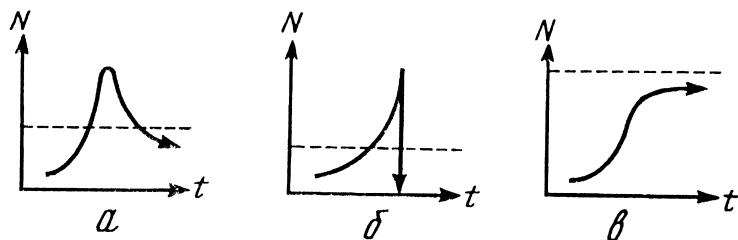

Рис. 3. Три возможных сценария развития биологических популяций, между которыми должно выбрать свой путь человечество

N – количественный показатель развития системы (популяции), t – время. а – кризис самоотравления, б – кризис самоуничтожения, в – кризис перехода на самолимитирование.

Пунктир – предельная ёмкость среды.

Каждый из этих сценариев имеет шансы реализоваться в ходе кризиса человеческой культуры. Если не осуществится второй вариант (ядерная война, самоуничтожение), то человечеству предстоит развиваться дальше. От нашей мудрости зависит, какую из оставшихся двух траекторий будет напоминать наш дальнейший путь. Возможность следовать по пути третьему, наиболее благоприятному (Рис. 3-в), мы уже упустили, превысив по количеству населения предельную емкость среды, но в наших интересах как можно меньше уклониться от равновесной траектории и с наименьшими потерями.

Суперэтнос, который придет на смену современному Европейскому, должен дать простор сначала личностям гармоничным, а далее — идеалистам-пассионариям. На разгорание пассионарного пламени Л.Н. Гумилев отводит не менее 150 лет, если эта фаза не будет нарушена вмешательством извне.

Анализ соотношения технических и гуманитарных тенденций развития в современном обществе заставляет считать, что в следующей фазе существующий сейчас перекося будет скомпенсирован

сдвигом в противоположном направлении. В соответствии с циклами П. Сорокина [22] европейское сообщество подошло к концу фазы увлечения материальными ценностями, ему предстоит нелегкий переход к фазе духовного развития. С подобными периодами смен Сорокин связывает повышенную вероятность войн, революций и других социальных катаклизмов. Аналогия графиков биологического и социального развития (рис. 3-а и 3-б) позволяет думать, что грядущий кризис не будет просто рядовым переходом от одного этапа этногенеза к другому.

Предвестником человеческого этапа эволюции было появление некоторых свойств высших животных, полностью раскрывшихся лишь после изменения генеральной программы. Здесь можно вспомнить зачатки абстрактного мышления у высших животных [14], эмоциональное восприятие ими окружающей действительности [15], передачу информации по негенетическим каналам, посредством обучения, примитивную социальную организацию у стайных и стадных хищных, приматов [8] и другие признаки.

В тот момент социальной эволюции, который мы переживаем, предвестники смены еще более очевидны. Это уже упоминавшееся отделение от общего ствола эволюции веточки эволюции духовной. По своей значимости она становится сравнимой с основным стволом, материальной культурой. Но в общественном сознании, в системе наших ценностей последняя еще безраздельно господствует, что отражено, например, в бюджете Российской Федерации за последние годы. Можно, однако, предполагать, что основные соки дерева пойдут в дальнейшем именно в эту ветвь, этого с очевидностью требует задача восстановления потерянного равновесия. Ствол материальной культуры, хотя и не отомрет, но среди человеческих приоритетов займет второе место. Цель эволюции сместится с максимального развития обстановки, окружающей человека, на развитие самого человека.

Эти выводы во многом совпадают с эзотерическим знанием, хранимым мудрецами Востока [13; 19]. История человечества, согласно учению Махатм, разбивается на ряд вложенных друг в друга циклов. Наша цивилизация, «Западная подраза 5-й Коренной Расы 4-го Круга», завершает цикл Кали Юги, или Железного века. Следующая эпоха будет отличаться значительно более высоким уровнем сознания, в связи с чем название ее будет Сатия Юга, Эпоха Истины. Однако, это сознание не возникнет само собой. Учение не исключает возможности гибели цивилизации от своих собственных рук. Также и выйти из кризисного состояния общество может лишь своими силами, не ожидая вмешательства случая или потусторонних сил.

Таким образом, становится кардинальным вопрос о возможностях управления общественным развитием.

Технический блок социальной системы создается трудом людей, отчего возникает впечатление, что мы полностью контролируем эволюцию индустрии, направляя ее на обслуживание человеческих нужд. Но при ближайшем рассмотрении оказывается, что человек — создатель технических шедевров, не свободен в управлении миром машин. Приобретают смысл идеи писателей-фантастов о порабощении человечества созданными им самим роботами. Действительно, если рабочие, производящие заводскую, транспортную, военную технику, возмечтаются остановить или замедлить процесс производства — это немедленно переведет их в категорию безработных, а их место займут люди, не обремененные идеями о вредности или аморальности производства данной продукции. Владельцы предприятий, директора, деловые люди также не имеют власти произвольно остановить конвейер, так как давление конкуренции других фирм сделает их банкротами. Рычаги управления экономикой имеет в своем распоряжении правительство, но попытки нажать на тормоза будут сразу же пресечены отказом такому правительству в доверии. Произойдет смена правительства демократическим или, если оно окажет сопротивление, — насильственным путем. Еще в меньшей степени обладают властью над производством профсоюзы и отдельные политические партии, включая партии «зеленых»: непопулярные действия грозят им потерей их основного капитала — авторитета среди массы обывателей. Таким образом, синергетическая структура экономики в своем движении к тотальной технизации жизни также оказывается неуправляемой.

Безнадежно?

Не совсем. Вывод о неуправляемости остается верным до тех пор, пока выполняются начальные условия существования диссипативных структур: изобилие материальных и энергетических ресурсов и саморегулирование по схеме положительной обратной связи. У природы есть средство остановить гонку индустриализации. — Путем лишения людей важнейших ресурсов. Но в интересах человечества включить механизмы торможения еще до того, как ресурсы будут истрачены и воспроизводство их окажется подорванным, так как это будет означать катастрофу по типу рис.3-а. Значит, где-то следует разорвать роковую обратную связь.

Три ступени мудрости

Мы постарались обосновать тезис о том, что близорукость в выборе хозяйственной политики — это верный путь к кризису. Следуя своим ближайшим целям получения как можно больше дохода и материальных благ, общество уклоняется от равновесной траектории

развития и тем подготавливает конфликт с природой, не выдерживающей перегрузки. Этой «короткой» мудрости общества можно противопоставить стратегию «средней» мудрости. Она состоит в том, что использованные людьми природные ресурсы компенсируются вложением соответствующих средств в повторное окультуривание нарушенных земель, восстановление плодородия почвы, использование вторичного сырья и т.п. Такая политика позволяет сохранять баланс природных ресурсов на удовлетворительном уровне в течение длительного времени. Однако, продолжающийся рост потребления ресурсов с неизбежностью повышает их цену, снижает эффективность добычи сырья и продуктов питания и в конце концов делает потребление убыточным. Подобный ход событий тоже грозит кризисом, не столь близким, но сокрушительным по своим последствиям.

Единственная возможность ослабить действие разрушительных положительных обратных связей — превратить их в отрицательные. В отличие от природных саморегулируемых систем, контуры обратных связей в обществе замыкаются через активность людей, опирающуюся на их заинтересованность в результатах труда. Заинтересованность же регулируется через посредство системы ценностей. Нет сомнения, что элементарные биологические потребности людей еще долго будут принимать участие в регулировании нашей деятельности, они должны быть отнесены к слабо управляемым и полностью не устранимым факторам эволюции. Но возможности производства промышленных товаров, особенно в развитых странах, намного превысили минимально необходимый для обеспечения жизни предел и в этой области необходимо применить имеющиеся в нашем распоряжении средства управления. Из предыдущего следует, что «дальняя мудрость» способна переломить ситуацию посредством переориентации людей на иную систему ценностей, способную обеспечить устойчивость социальной системы. Это поздние ценности, основанные на гуманизме, терпимости, ответственности перед обществом, уважении к личности человека.

Мы знаем, что воспитание, а тем более перевоспитание значительного процента членов общества — процесс чрезвычайно трудоемкий и длительный. Усилия мировых религий по созданию идеального человека за многие века дали довольно скромный результат. Опыт Советского Союза по выращиванию новой идеологии достиг успеха лишь в одном: создали популяцию людей, лишенных чувства ответственности за свои поступки. Для этого потребовалась смена трех поколений и сильнейший пресс насквозь идеологизированной деспотии. Трудно представить себе, что с таким же напором начнет внедряться ценностная ориентация, отвечающая «долгосрочной мудрости». Сложность в том, что новый уровень сознания может оказаться

прочным лишь при условии, если процесс пройдет добровольно, без применения силового, политического и экономического давления, без физической выбраковки инакомыслящих. Спасительная мысль состоит в том, что в экстремальных ситуациях сознание людей становится более пластичным, развитие ускоряется. Убедительным примером тому служат годы второй мировой и даже афганской войны. Поэтому наиболее мудрая стратегия может состоять в деликатном направлении общественного сознания по пути гуманитарных ценностей с использованием всех сил самоорганизации.

Исходя из сказанного вероятным, хотя и не единственно возможным, сценарием будущего развития человечества представляется следующий. В ближайшие десятилетия сознание неизбежности смены индустриального курса развития на гуманитарный все больше будет овладевать людьми. Но предотвратить бедствия кризиса эти сдвиги уже не смогут. Движение пойдет быстрыми шагами только тогда, когда политические, экономические, экологические, социальные конфликты сделают предельно ясной альтернативу: изменить сознание, чтобы выжить, или перестать существовать. Для того, чтобы выиграть время у предвидимой в близком будущем катастрофы, человечеству придется прибегнуть к жестким мерам социального и экологического контроля, принуждения, к строгим экономическим санкциям, делающим нерентабельными некоторые направления производства. К пропаганде более «человеческого» образа жизни будут подключены все средства массовой пропаганды, педагогика, государственное и частное финансирование, искусство, мода и др.

Предсказывать конкретные формы политического, экономического, идеологического устройства общества в период перестройки сознания едва ли имеет смысл. Ясно, что будут промахи, частные катастрофы, отступления, но общее направление движения к гуманитарной системе сознания не вызывает сомнений, так как ничем не может быть заменено.

Мысль человеческая не может не стремиться проникнуть в будущее. Модели будущего всегда расходятся с наступающей реальностью, но мобилизующая сила прогнозов от этого не снижается. Можно поэтому сделать предположения и об основных характерных чертах послекризисной цивилизации. По закону маятника, который сразу не может прекратить свое действие, можно ожидать перекосов в направлениях, противоположных современным. Место господствующих сейчас в Европе и США деятелей рационалистического склада займут персоны, работающие на отдаленные цели, утопические идеалы, «идеалисты». Интерес к технике сменится преимущественным интересом к развитию способностей и сверхспособностей человека. От материалистической науки общественное сознание повернется к ми-

стицизму и религии, от старых законсервировавшихся в системе догм верований — к разработке новых религиозно-философских систем. Духовные интересы получат перевес над материальными — в той степени, в которой разрешит удовлетворение первичных жизненных потребностей. Современной воинственности и агрессивности будут противопоставлены терпимость и пацифизм. Развитие личности постепенно освободится от уродующего давления со стороны конкуренции, человек сможет полнее развивать свои природные возможности. Руководящая роль мужчин в обществе сменится перевесом женщин, на смену господствующему рационализму в науке и в жизни придет приоритет эмоционального и интуитивного начала.

Все эти новые веяния не будут означать полного отбрасывания наработанных человечеством достижений в области технологий производства материалов, создания совершенных средств транспорта, вычислительной техники, хотя нездоровые явления уничтожения достижений культуры отнюдь не исключены. Путь эволюции никогда не был прямым. Следующий этап будет поступательным шагом развития общества, но далеко еще не будет образцом совершенства. Возникшие перекосы вновь придется исправлять. Безусловно, не один цикл и не один кризис должен миновать, прежде чем противоборствующие начала — раджа и тамас, Ян и Инь в самых разнообразных областях человеческой культуры достигнут состояния саттва — равновесия, гармонии. Идеальное равновесие, по представлениям системологии, должно быть очень неустойчивым, маловероятным. Вся космическая, биологическая и социальная эволюция демонстрирует попеременное движение то к хаосу (кризисы), то ко все большему порядку. При этом тенденция постепенного возрастания гармонии вопреки вероятности все-таки берет верх.

Итог

1. Ряд непосредственно наблюдаемых признаков свидетельствует о начавшемся кризисе современной европейской культуры, а вслед за ней — общеземной человеческой цивилизации. Это заключение подтверждается анализом циклов примерно 1200-летней длительности, отвечающих представлениям Л.Н. Гумилева о циклах этногенеза и данным П.А. Сорокина о сменах ментальных типов населения Европейско-Средиземноморского региона. По этим данным, в XX веке заканчивается очередной цикл европейского суперэтнуса. Переход к следующему периоду истории цивилизации связан с глубокой перестройкой форм общественной жизни, т.е. должен иметь характер критического перехода.

2. Кризис современной цивилизации имеет свои специфические особенности. Среди них наиболее существенными представляются

следующие: а) близкое совпадение по срокам окончания циклов естественного развития Западноевропейского христианства и Арабско-мусульманского суперэтнотосов с завершением 6000-летнего круга цивилизации по эзотерическому учению, с малым пассионарным циклом России и рядом других малых циклов; б) совпадение (не случайное) кризисов в ряде областей человеческой культуры: в политике, в области права, в науке, искусстве, литературе, религиозной и гражданской этике, экологии, демографии, генетике человека и др.; в) глобальный характер современного кризиса, обусловленный необычайным развитием науки и технологии, в особенности в области транспорта и связи; г) наложение точки перехода от одной фазы циклического развития этносов к другой на взрывной характер демографических процессов и научно-технических достижений (научно-техническую революцию).

Указанные черты современного кризиса обещают сделать предстоящую перестройку общества особенно глубокой, а кризис — необычайно разрушительным.

3. Существо современного кризиса скрывается, по-видимому, в рассогласовании таких основ человеческой жизни, как развитие экономики и, с другой стороны, возможностей развития природных систем, тотальной технизации общества и биологической природы человека, демографического взрыва и возможностей сельского хозяйства. Под этими нарушениями равновесия лежит еще более глубокий пласт несоответствий: сильное отставание духовной ветви человеческой культуры от ветви материальной, нравственных регуляторов социальных отношений от физических возможностей общества

Ряд признаков позволяет считать, что начавшийся кризис земной цивилизации по своей значимости может быть сравним с кризисом на заре возникновения человеческой культуры. По-видимому, происходит зарождение новой ветви эволюции, ветви духовной культуры.

4. Кризис Российской империи, так же, как и кризис Европейского суперэтнотоса, носит комплексный, не только политический или экономический характер. Для российской истории кризис отвечает закономерному переходу от господства идеалистического типа мышления к рационалистическому в средней части этнического цикла, а также окончанию 72-летнего малого цикла, повторяющего в миниатюре фазы развития суперэтнотоса.

Здание общечеловеческой культуры складывается из кирпичей опыта отдельных этносов. Крупнейшим вкладом России XX века можно считать отрицательный, но предельно убедительный опыт, свидетельствующий о невозможности построения общества на принципах справедливости, если предварительно не подготовлена система нравственных ценностей членов общества.

5. Исследование характерных черт кризиса современной цивилизации позволяет сделать осторожный прогноз будущего развития событий. По-видимому, в XXI веке произойдет глубокое преобразование политической и экономической организации мирового сообщества в соответствии с меняющейся системой общественных ценностей. Наиболее глубокие изменения должны произойти в суперэтнотосах, израсходовавших свои ресурсы пассионарной энергии: в Европейско-христианском обществе и в Арабско-мусульманском. В кризис будут вовлечены все страны мира, но в итоге меньше пострадают только еще складывающиеся и «молодые» цивилизации: Африканская, Японская, Южноамериканская. Славянско-православный и Североамериканский суперэтнотосы, прочно связанные с Европой и Ближним Востоком, понесут серьезные потери, но их потенциал для восстановления национальных культур еще достаточно велик. Древнейшие цивилизации планеты, Китайско-конфуцианская и Индуистско-буддийская, в ходе кризиса скорее получают толчок для новой пассионарной вспышки, которая откроет следующий цикл их развития.

6. Кризис может занять срок, равный времени жизни нескольких поколений людей, столько, сколько понадобится для смены системы ценностей. Дальше можно ожидать, в соответствии с законом маятника, перемещение центра тяжести человеческой культуры в гуманитарную сферу, в область развития человеческой личности, поисков в идеологии, философии, искусстве.

Существует потенциальная возможность пройти кризисную траекторию развития по катастрофическому, по мало благоприятному или более благоприятному для человечества пути. Выбор пути зависит от того, какую из трех стратегий: «близкой», «средней» или «дальней мудрости» изберет человечество.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арманд А.Д. Рукотворные катастрофы // Изв. РАН. Сер. геогр. — 1993. № 5. С. 32–39.
2. Арманд А.Д. Жизнь на Земле и человеческая культура. Гл. VI. / Анатомия кризисов. М.: Наука, 1999. С. 83–106.
3. Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1991. 272 с.
4. Горшков В.Г. Энергетика биосферы и устойчивость состояния окружающей среды // Итоги науки и техники. Сер. Теоретические и общие вопросы географии. Т. 7. М.: ВИНТИ, 1990. 239 с.
5. Горшков С.П. Географическая организация биосферы и проблемы управления природными системами // Природа и ресурсы. Т. XXV. 1989. № 1-4. С. 9–25.

6. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л.: Гидрометеиздат, 1990. 526 с.
7. Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации. М.: Экопрос, 1993. 576 с.
8. Гуральник П.И. Социальная структура у животных и ее эволюция // Тр. II Моск. гос. мед. ин-та им.Н.И.Пирогова. Сер. биол. Т. 7. М., 1973. Вып. 2. С. 72–90.
9. Жерихин В.В. Биоценотическая регуляция эволюции // Палеонтол. журнал, 1987. № 1. С. 3–12.
10. Ключевский В.О. Русская история. Учебное пособие. М.: Независимая газета, 1992. 192 с.
11. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Синергетика как новое мировидение: диалог с Пригожиным // Вопр. философии, 1992. № 12. С. 3–20.
12. Кондратьев К.Я. Экология и политика. Сообщение I // Изв. РГО. Т. 125. 1993. Вып. 3. С. 3–11.
13. Космические легенды Востока // Собрал С.А. Стульгинскис. М.: Сфера, 1991. 208 с.
14. Крушинский Л.В. Биологические основы рассудочной деятельности // Экология и физиолого-генетические аспекты поведения. — М.: Изд. МГУ, 1977. — 127 с.
15. Лавик-Гудол Дж. ван. В тени человека. М.: Мир, 1974. 807 с.
16. Лоренц К. Агрессия (так называемое зло) // Вопросы философии. 1992. № 3. С. 5–38.
17. Лоренц К. Восемь смертных грехов цивилизованного человечества // Вопросы философии. 1992. № 3. С. 39–53.
18. Население России. Ежегодный демографический доклад // Евразия, 4(12). М.: Центр демографии и экологии человека, 1993. 87 с.
19. Письма Елены Рерих. Т. 1. Новосибирск, Вико, 1992. 512 с.
20. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М.: Прогресс, 1986. 432 с.
21. Расницын А.П. Проблема глобального кризиса наземных биоценозов в середине мелового периода // Меловой биоценотический кризис и эволюция насекомых. М.: Наука, 1988. — С. 191–207.
22. Сорокин П. Человек, цивилизация, общество. М.: Изд. политической литературы, 1992. 544 с.
23. Хантингтон С. Грядущее столкновение цивилизаций, или запад против остального мира // За рубежом, 1993. № 30. С. 11.
24. Хеллен Т. Голос эпохи // Держава Рериха. М.: Междунар. Центр Рерихов, 1993. С. 42–54.
25. Яблоков А.В. Развитие экологических исследований в СССР // Вестн. АН СССР, 1989. № 9. С. 38–45.
26. Sorokin P.A. Social and Cultural Dynamics. Vol. 1–4. — N Y: American Book Co., 1939–1941.

II. ГЕОГРАФИЯ НАСЕЛЕНИЯ И ДЕМОГРАФИЯ

МИРОВОЕ РАЗВИТИЕ, РОСТ ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ И ЕГО ОБЕСПЕЧЕННОСТЬ ОСНОВНЫМИ ПРИРОДНЫМИ РЕСУРСАМИ*

А.В. АКИМОВ

Мировое развитие как распространение все более совершенных форм производства, увеличение потребления и улучшение качества жизни своей составной частью имеет демографический переход, то есть такое изменение воспроизводства населения, при котором сокращается смертность, а затем и рождаемость, и устанавливается режим воспроизводства, когда люди живут долго, а рождаемость остается низкой, поскольку на первый план выходят качественные характеристики населения. В немалой степени завершенность демографического перехода является критерием развития.

Ниже рассматриваются перспективы демографического перехода в XXI веке по основным регионам мира. Для этого используются расчеты автора по методике смены режимов демографического развития¹. Методика предполагает, что демографический переход является результатом социально-экономического развития, то есть только при определенном уровне экономики и развитии общества возможно снижение смертности и рождаемости. Относительно малый успех Индии, проводящей демографическую политику по ускорению демографического перехода с начала 1950-х годов, и успех демографической политики Китая, совпадающий с периодом бурного экономического роста, являются яркими примерами связи демографических и социально-экономических процессов.

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 07-06-00398).

¹ Методика описана в книге А.В. Акимова «Мировое население: взгляд в будущее», М., 1992.

В рамках методики эмпирически установлена зависимость между общими коэффициентами рождаемости и смертности, определяющими динамику численности населения, и уровнем социально-экономического развития стран. Выявлены страны-эталонные, то есть страны, наиболее типичные для определенной стадии демографического перехода. Например, Швеция является эталоном для страны, завершившей демографический переход.

Для оценки ресурсов, необходимых для обеспечения уровня социально-экономического развития, соответствующего определенной стадии демографического перехода, применен нормативный подход, позволяющий оценить потребности населения и экономики и возможности их покрытия имеющимися природными ресурсами, что позволяет оценить степень устойчивости современной модели развития и ее основные ограничения.

Прогноз численности населения

Численность населения рассчитывается по методике смены режимов демографического развития (операциональное описание демографического перехода). Эта методика основана на выделении нескольких путей демографического перехода, то есть развития от высоких рождаемости и смертности к низким. После завершения демографического перехода смертность начинает превышать рождаемость в силу старения населения, то есть увеличения доли лиц пожилого возраста в населении при росте средней продолжительности жизни и сохранении низкой рождаемости.

Одной из наиболее принципиальных проблем долгосрочного прогноза численности населения мира является ответ на вопрос, будет ли население мира стабильно после завершения демографического перехода или же оно будет убывать. В этой работе расчет сделан из предположения естественной убыли населения в условиях старения населения. Такая гипотеза предполагает высокий уровень жизни, хорошее здравоохранение при сохранении малодетности семей. Примеры этой модели — современные страны Европы и Япония.

Рассмотрим прогноз численности населения до 2100 г., что позволяет оценить основные тенденции развития мировой системы на достаточно продолжительное время и определить те проблемы, которые предстоит решать в ближайшие десятилетия. Такой взгляд из будущего в настоящее позволяет более обоснованно определить значимость целого ряда складывающихся в настоящее время тенденций. Расчеты выполнены по 45 странам и регионам. Они приведены в таблице 14 в конце статьи. Некоторые страны, например, европейские, объединены в регион, поскольку миграции затрудняют прогноз по ним

в отдельности. Африканские страны также объединены в регион, но потому, что для задачи долгосрочного анализа глобальных трендов детализация на массиве относительно однородных по своим проблемам стран не является необходимой. В то же время крупные страны выделены индивидуально. Кроме того, отдельно представлены и небольшие по населению страны, например, Монголия и Израиль, поскольку их нецелесообразно объединять в регион с соседними странами из-за того, что их специфика будет утеряна.

Прогнозные расчеты выполнены по четырем сценариям. Максимальный, минимальный и средний варианты, это соответственно самый медленный, самый быстрый и средний варианты смены режимов и сроков действия каждого режима. Максимальный вариант демонстрирует, что могло бы быть, если ничем не управлять, а пустить социально-экономическое и демографическое развитие стран Азии и Африки на самотек. Потенциал роста населения еще велик как в силу молодой структуры населения этих стран, так и потому, что традиции многодетности еще устойчивы во многих из них.

Что касается минимального варианта, это уровень, которого можно добиться, но только при очень больших усилиях по развитию тех стран, которые еще не завершили демографический переход. Минимальный вариант показывает как могла бы сократиться смертность и рождаемость в странах Тропической Африки, Бангладеш, Пакистане, Индии, если бы они в ближайшие 45–50 лет развивались как Сингапур или же успешно проводили такую же демографическую политику как Китай.

Средний сценарий формально описывает вариант, который представляет собой средний путь демографического перехода между максимальным и минимальным вариантами. Его можно признать соответствующим реально достижимому, но инерционному типу развития стран, еще не завершивших демографический переход.

Реальный сценарий предусматривает более быстрое сокращение прироста населения в странах Южной Азии. Это связано с тем, что при расчете по среднему сценарию, который предусматривает инерционное развитие демографического перехода в этом регионе, плотность населения достигает значений, которые представляются слишком высокими для этих территорий при опять же инерционном сценарии социально-экономического развития. При инерционном среднем сценарии к 2050 г. плотность населения Индии составила бы более 700 человек на кв. км, в Бангладеш почти 2500, а в Пакистане почти 500. Представляется, что такая нагрузка на территорию при инерционном сценарии социально-экономического развития невозможна. Таким образом, первый вывод из проведенных прогнозных расчетов состоит в том, что в ближайшие десятилетия наиболее уязвимым регионом с

точки зрения демографического перехода становится Южная Азия. Если этот регион, особенно Бангладеш, не будет развиваться быстрыми темпами, то велика вероятность демографической катастрофы, которая может вызвать кризис и в соседних странах.

Что касается стран развитых, то в схеме режимов демографического развития последним является режим естественной убыли населения, поэтому динамика населения всех стран имеет сходный характер изменений: рост, достижение максимума, затем убыль.

Если рассматривать реальный сценарий, то население Земли за ближайшие 100 лет может почти удвоиться по сравнению с современностью (табл. 1).

Таблица 1

Прогноз численности населения мира по четырем сценариям
(в млрд чел.)

Сценарии	2005 г.	2050 г.	2100 г.
Максимальный	6,5	12,0	20,1
Минимальный	6,5	8,8	7,8
Средний	6,5	10,7	13,3
<i>Реальный</i>	<i>6,5</i>	<i>10,1</i>	<i>11,4</i>

Очевидно (табл. 2), что Азия и Африка являются теми регионами, где произойдет основной рост численности населения. Даже Латинская Америка при всей масштабности демографических процессов в этом регионе дает значительно меньшую прибавку к мировому росту.

Таблица 2

Доли регионов в суммарной численности населения по реальному сценарию

	2005 г.		2050 г.		2100 г.	
	млн. чел.	%	млн. чел.	%	млн. чел.	%
Европа	728,4	11,3	738,2	7,3	651,3	5,7
Азия	3905,2	60,4	5867,4	57,9	5831,0	51,3
Африка	905,6	14,0	2246,8	22,2	3501,7	30,8
Америка Северная	330,5	5,1	408,5	4,0	418,8	3,7
Латинская Америка	561,1	8,7	824,9	8,1	908,7	8,0
Австралия и Океания	33,1	0,5	46,2	0,5	51,7	0,5
<i>Мир в целом</i>	<i>6463,9</i>	<i>100,0</i>	<i>10132,1</i>	<i>100,0</i>	<i>11363,2</i>	<i>100,0</i>

В таблице 2 приведена динамика доли крупных регионов в суммарной численности населения Земли. Сейчас доля Европы, Северной Америки и Океании в мировом населении — примерно 17%, а Азии и Африки 74% (соотношение 1:4,3). По реальному сценарию, исходное соотношение между ныне развитыми в экономическом отношении регионами, завершившими демографический переход, и Азией и Африкой в 17% и 74% к 2050 г. станет 12% и 80%, а в 2100 г. — 10% и 82%, то есть разрыв увеличится в 8 раз.

В странах Азии и Африки демографическое развитие не будет равномерным (табл. 3). Наиболее населенными являются Восточная Азия, где численность населения определяется Китаем, Южная Азия, которая включает Индию и такие крупные по численности населения страны, как Пакистан и Бангладеш, а также Иран, и Африка к югу от Сахары, где самой населенной страной является Нигерия. В настоящее время на них в совокупности приходится 59% мирового населения, причем доли Восточной и Южной Азии примерно равны, а доля Африки вдвое ниже, чем каждого из этих двух азиатских регионов.

Таблица 3

Доли дезагрегированных регионов в суммарной численности населения по реальному варианту прогноза

	2005 г.		2050 г.		2100 г.	
	млн. чел.	%	млн. чел.	%	млн. чел.	%
СНГ	277,6	4,3	278,9	2,8	263,8	2,3
Европа	524,7	8,1	558,5	5,5	492,7	4,3
Восточная Азия	1524,3	23,6	1842,4	18,2	1698,8	15,0
Юго-Восточная Азия	555,8	8,6	846,3	8,4	940,2	8,3
Южная Азия	1552,8	24,0	2700,3	26,7	2603,6	22,9
Западная Азия	198,4	3,1	379,2	3,7	483,2	4,3
Северная Африка	190,9	3,0	317,7	3,1	383,0	3,4
Африка к югу от Сахары	714,7	11,1	1929,1	19,0	3118,7	27,4
Северная Америка	330,5	5,1	408,5	4,0	418,8	3,7
Латинская Америка	561,1	8,7	824,9	8,1	908,7	8,0
Австралия и Океания	33,1	0,5	46,2	0,5	51,7	0,5
<i>Мир в целом</i>	<i>6463,9</i>	<i>100,0</i>	<i>10132,1</i>	<i>100,0</i>	<i>11363,2</i>	<i>100,0</i>

Даже по реальному сценарию, который предусматривает ускоренный демографический переход в Южной Азии уже к 2050 г., этот регион становится бесспорным лидером (26,7% мирового населения), а

Африка к югу от Сахары обгоняет Восточную Азию (19,0% против 18,2%). Успех демографической политики Китая делает этот прогноз весьма вероятным. Китай становится развитой в демографическом отношении страной, а демографические проблемы избыточного населения сосредотачиваются в двух регионах: Южной Азии и Африке к югу от Сахары. Конечно, в других регионах, например, Западной Азии и Северной Африке, демографические проблемы перенаселенности весьма остры из-за того, что природная среда этих регионов — пустыня, но масштабы проблемы здесь меньше в силу меньшей численности населения. На Западную Азию и Северную Африку в настоящее время приходится по 3% мирового населения.

Экологические проблемы Южной Азии (малая территория Бангладеш, преобладание пустынь в Пакистане) делают проблематичным длительный рост населения в этих странах без угрозы экологической катастрофы. В то же время экономические успехи Индии в последние годы, а также убедительная победа государственной политики по сокращению рождаемости в Иране², где ислам вовсе не стал препятствием на пути модернизации в этой сфере, дают основания полагать, что демографический переход в данном регионе произойдет быстрее.

Это отражает реальный сценарий, по которому к 2100 г. Африка к югу от Сахары устойчиво опережает Южную Азию (27,4% против 23%). Возможность быстрого роста населения Африки ставит под вопрос такой фактор, как эпидемия СПИДа в этом регионе. В то же время этот факт может оказаться предпосылкой для демографического роста впоследствии, так как сейчас демографическое развитие региона практически отброшено назад, и улучшение ситуации со смертностью от СПИДа может стать началом компенсационного подъема роста населения, которому позднее придет на смену демографический переход.

При любом сценарии Южная Азия и Африка к югу от Сахары оказываются регионами, где острота демографических проблем и их социально-экономических последствий в ближайшие десятилетия будет очень значительна. Вероятно, потребуются усилия мирового сообщества для помощи в решении этих проблем. Помощь может понадобиться для предотвращения гуманитарных катастроф в случае голода, но содействие экономическому и социальному развитию проблемных регионов или части стран этих регионов, наиболее нуждающихся в помощи, может оказаться более действенной мерой.

Хотя демографический рост арабских стран не оказывает такого сильного влияния на мировое развитие как увеличение численности

² Проведенное по международным стандартам выборочное обследование 90000 иранских женщин в 2000 г. показало, что суммарная фертильность в стране составляет 2,0 ребенка на женщину.

населения в Южной Азии и Африке к югу от Сахары, необходимо указать, что локальные последствия такого роста могут быть значительными. Если в 2005 г. население Европы составляло 8,1% от мирового, а суммарное население Западной Азии и Северной Африки 6,1%, то уже в 2050 г. по реальному варианту прогноза эти значения изменятся до 5,5% и 6,8%, Иными словами, население всей Европы от Испании до Эстонии будет меньше суммарного населения арабских стран и Турции. Это создает гигантский потенциал эмиграции в Европу из этих стран.

ОЦЕНКА ПОТРЕБНОСТЕЙ НАСЕЛЕНИЯ В РЕСУРСАХ

Прогноз численности населения, с одной стороны, нуждается в проверке на реализуемость, поскольку существуют экологические, экономические и социальные ограничители роста населения, а, с другой стороны, он дает возможность прогнозировать переменные, не относящиеся к числу демографических, но связанные с ростом населения.

Среди таких переменных, которые могут ограничивать демографическое развитие, сдерживая рост экономики, и сами могут быть рассчитаны на перспективу с использованием данных о населении — потребности в топливно-энергетических ресурсах (ТЭР), обеспечивающих индустриальное развитие, и в природных ресурсах для производства продовольствия.

Анализ всех проблем в нашем долгосрочном расчете в первую очередь нацелен на более полное и точное описание особенностей и перспектив демографического развития. Все прочие проблемы анализируются в связи с демографическими, для чего применяются упрощенные методы, достаточные лишь для того, чтобы определить условия, в которых будет протекать рост населения.

Наиболее удобным инструментом для этого становится нормативный метод. Поскольку режимы демографического развития имеют в своей основе зависимость демографических показателей от уровня социально-экономического развития, можно определить примерные значения числовых переменных, характеризующих энергетическую и продовольственную проблемы, соответствующие определенному уровню социально-экономического развития, а стало быть, и режимам демографического роста.

Тогда, имея прогноз численности населения, выполненный с использованием типовых режимов демографического развития, можно соотнести режимы и выработанные в ретроспективе нормативы, получив, таким образом, потребности в тех или иных ресурсах для обеспечения населения. Конечно, можно предположить, что нормативы

сильно изменятся, но это лишь повод для еще одного или нескольких расчетов, а не для отказа от них.

Если в конце 1960-х — начале 1970-х гг. ставился вопрос о том, что лимитирующими для мирового развития могут оказаться многие минералы, включая руды некоторых цветных металлов, то впоследствии изменения в технологиях, большее внимание к экономии металлов, повторное их использование, а также изменение характера экономического роста в развитых странах в сторону уменьшения интенсивности развития металлоемких производств привело к тому, что проблема сырья для промышленного развития была снята в качестве глобальной, и основное внимание было сосредоточено на энергетической проблеме.

Поскольку образование полезных ископаемых находится вне контроля человечества, то представляется достаточно очевидным, что их запасы конечны. В отличие от металлов уголь, нефть и природный газ могут быть использованы только однократно. Именно невозобновимость минерального топлива, составляющего в настоящее время основу мирового топливно-энергетического баланса, делает энергетическую проблему особо важной.

Современная индустриальная цивилизация в значительной степени базируется на потреблении больших количеств энергии. Может повышаться эффективность использования энергии, меняться структура производства в пользу менее энергоемких товаров, но энергетическое хозяйство останется одной из основ современной системы производительных сил.

При сокращении энергоемкости экономического роста в развитых странах происходит стремительный рост потребления ТЭР в развивающихся и переходных экономиках, переживающих период индустриализации. Неравномерность распределения ресурсов топлива по странам вызывает необходимость международной торговли углем, нефтью и природным газом в больших объемах. Совокупность этих условий делает энергетическую проблему глобальной. Суть ее — не окажется ли дефицит энергетических ресурсов условием, лимитирующим развитие человечества.

Для того, чтобы рост населения, предусмотренный демографическим прогнозом, осуществился, необходимо обеспечить адекватное этому росту производство продовольствия. Рост сельского хозяйства в мире в последние десятилетия существенно снизил остроту проблемы голода, но для развивающихся стран большое значение в ближайшие десятилетия будет иметь задача обеспечения баланса продовольствия и растущего населения.

Глобальная продовольственная проблема локализуется не только в беднейших странах, в частности, африканских, расположенных

южнее Сахары, где проблема голода налицо³, но и в Китае, Индии и других обеспечивающих себя в настоящее время продовольствием крупных развивающихся странах. В них продовольственная проблема проявляется не в виде открытых форм нехватки пищевых продуктов, а в напряжении усилий по продовольственному обеспечению в условиях далеко зашедшего истощения окружающей природной среды, в том числе и сельскохозяйственных ресурсов, в ограниченности экономических возможностей этих государств. Все это лимитирует там инвестиции на повышение эффективности сельскохозяйственного производства, а также создает социальные ограничения, связанные с необходимостью поддерживать высокую занятость в аграрной сфере часто в ущерб продуктивности.

При росте населения сельское хозяйство должно, с одной стороны, обеспечить повышение душевого потребления, а, с другой, расширяться так, чтобы накормить увеличившееся количество людей. Таким образом, продовольственная проблема может существенно обостриться с ростом численности населения. Очевиден вопрос, можно ли будет при существующих и даже новых технологиях прокормить увеличивающееся население развивающихся стран при очень ограниченных ресурсах сельскохозяйственных земель и намечающемся недостатке пресной воды в этих странах.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ДУШЕВОЙ ПОТРЕБНОСТИ В ТОПЛИВНО-ЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ РЕСУРСАХ НА ПЕРСПЕКТИВУ

Самым общим показателем, показывающим уровень потребления и потребностей, является потребление топливно-энергетических ресурсов (ТЭР) на душу населения. Этот показатель зависит от структуры промышленности, климата, размеров конкретной страны, так как ТЭР в больших количествах расходуются на преодоление расстояния транспортными средствами. Тем не менее, в среднем он отражает общий уровень потребностей, которые связаны с технологическим и экономическим развитием. Иными словами, без обеспечения некоторого уровня потребления ТЭР невозможно достижение развития производительных сил и достижение экономического благосостояния.

³ Система зависимости социально-демографического развития и даже политической стабильности от продовольственного обеспечения в количественной форме для условий Африки к югу от Сахары оценена в монографии А.В. Коротаева, А.С. Малкова, Д.А. Халтуриной «Законы истории. Математическое моделирование исторических макропроцессов. Демография, экономика, войны». — М., 2005. — С. 277–298.

Проблема сводится к определению таких уровней или макроэкономических нормативов, которые отражали бы, с одной стороны, групповые или индивидуальные различия стран с точки зрения климата, территории и т.д., а с другой стороны, характеризовали бы уровни потребления, которые необходимо достичь для создания современного технологического уровня производства и современного образа жизни.

В современной экономике существуют два полюса экстремально высоких уровней потребления первичной энергии на душу населения. Первый — Северная Америка (США и Канада), второй — арабские страны-экспортеры нефти, расположенные в районе Персидского залива. Ежегодное потребление на душу населения в США составляет около 11 тонн условного топлива в угольном эквиваленте, в Катаре — 40–50 т, Кувейте — 15–18 т, ОАЭ — 19–21 т.

В Северной Америке высокое потребление ТЭР связано не только с уровнем развития хозяйства, но и с его структурой, размерами территории, требующими затрат энергии на преодоление расстояния, климатическими условиями, требующими отопления в одних регионах и кондиционирования воздуха в других. В странах-экспортерах нефти высокие уровни потребления ТЭР связаны с энергоемкостью нефтедобычи, отчасти климатическими особенностями, требующими кондиционирования воздуха и опреснения воды. Очевидно, что такие высокие уровни потребления не могут быть нормой для других стран.

Рассмотрим уровни потребления на душу населения в основных регионах развитой части современного мира (Северной Америке, Европе, Японии) в динамике. Для этого используем данные за 1973 г., 1982 г. и вторую половину 1990-х годов. Первый год — время максимального потребления в условиях низких цен при повсеместной ориентации промышленности на энергоемкие отрасли. К 1982 г. прошли два нефтяных шока (резкие повышения цен на нефть), развитые в промышленном отношении страны провели меры по перестройке промышленности на энергосбережение, повсеместно стали применяться меры по экономии энергии. Вторая половина 1990-х годов — период, когда мировая экономика нашла пути развития без упора на энергоемкие отрасли, развитые в промышленном отношении страны и их фирмы доминировали на мировом нефтяном рынке, ОПЕК потеряла былое влияние, а цены на первичные ТЭР упали. Динамика потребления первичных ТЭР в ряде наиболее развитых в экономическом отношении стран представлена в таблице 4.

Тенденция к сокращению потребления ТЭР на душу населения в развитых странах, существовавшая в 1980-е годы, оказалась неустойчивой. США и европейские страны практически вернулись к докризисному уровню душевого потребления, а Япония его существенно превысила. Это несколько неожиданный результат, так как рост по-

Таблица 4

**Динамика душевого потребления первичных ТЭР
в некоторых наиболее экономически развитых странах мира**
(в кг условного топлива на душу населения в год)

Страна	1973 г.	1982 г.	1995 г.	1996 г.	1997 г.	1998 г.
США	11742	9431	10930	11059	10988	10900
Япония	3936	3503	5089	5210	5218	5224
ФРГ	5885	5510	5639	5864	5696	5626
Великобритания	5563	4538	5413	5703	5567	5664

Источник: составлено по Yearbook of World Energy Statistics 1981, UN. N.Y., 1983; Statistical Yearbook 1982, UN. N.Y., 1985; 1998 Energy Statistics Yearbook, UN. N.Y., 2001.

ребления в последние годы происходил в условиях новой модели экономического роста, в которой доля энергоемких отраслей промышленности стала ниже, чем раньше, а доля сферы услуг в структуре экономики выше, что должно бы понизить потребность в ТЭР. Оказалось, что в условиях низких цен на ТЭР экономика энергоресурсов на макроуровне не становится устойчивой тенденцией.

Поскольку основой расчетов является демографический прогноз, а основным его показателем — численность населения, то первым действием для прогноза в энергетике становится определение душевого потребления ТЭР. Для расчета глобального баланса потребность рассчитывалась по крупным регионам (табл. 5). На потребление ТЭР существенно влияет уровень экономического развития, но размеры стран, а также особенности хозяйства, связанные с большей или меньшей его энергоемкостью, требуют некоторой индивидуализации нормативов для стран, находящихся на равном уровне развития экономики. Поскольку в настоящее время основными потребителями топлива являются развитые страны, для них установлены разные нормативы.

Таблица 5

**Потребности в ТЭР на душу населения по крупным регионам,
кг условного топлива (угольный эквивалент) на человека в год**

	2005 г.	2050 г.	2100 г.
Европа	5000	5000	5000
Азия	1100	1500	2000
Африка	450	900	2000
Северная Америка	11000	10000	10000
Латинская Америка	1300	2000	5000
Австралия и Океания	6000	6000	6000

Для стран Европы установлен единый норматив в 5 тонн на человека в год. В северных странах, включая Россию, он выше, в южных ниже. В Австралии и Северной Америке душевое потребление стабильно выше этого уровня: около 6 т на человека в год в Австралии и 11 т — в Северной Америке. Для Австралии потребление в 6 т установлено на весь период расчета, а для Северной Америки предусмотрено понижение в результате более рационального использования до 10 т к 2050 г. и сохранение этого уровня в дальнейшем.

Для других регионов установлен единый норматив — 5 т на человека в год. Опыт Японии — страны весьма передовой и по уровню производства, и по уровню потребления — показывает, что и при более теплом, чем в Европе, климате потребление ТЭР на душу населения составляет около 5 т (табл. 4). Такое совпадение связано, видимо, с тем, что промышленное, включая электроэнергетику, транспортное, бытовое и коммунальное потребление топлива в странах одинакового уровня развития обеспечивается схожими технологиями. Что касается различий климата, то в странах с холодным климатом топливо и энергия потребляются для повышения температуры бытовых и производственных помещений, а там, где климат жаркий, необходимо кондиционирование воздуха, требующее больших затрат электроэнергии.

Рассчитанные указанным образом нормативы душевого потребления скорее несколько завышают потребности, чем занижают их. Это не является недостатком для целей нашего расчета, поскольку нас интересуют ТЭР как ограничители развития мировой экономики, порождающие препятствия для социального развития, необходимого для завершения демографического перехода в мире.

Следующей задачей расчета для Азии, Африки и Латинской Америки было установление сроков достижения нормативных величин потребления. В нашем прогнозе эти сроки увязаны с демографическим развитием. Как отмечалось выше, демографический переход связан с социально-экономическим развитием, и режимам демографического развития соответствуют страны-эталон. Такое соответствие предполагает, что страны, достигшие определенного уровня демографического развития, должны иметь адекватный социально-экономический уровень. Одним из важнейших индикаторов такого уровня является потребление ТЭР на душу населения. Опыт Китая в последние годы показывает, что эффективное догоняющее развитие требует быстрого наращивания потребления ТЭР⁴.

⁴ В.А. Мельянцева указывает, что «Экономический рывок азиатских быстрорастущих стран в немалой мере обусловлен, помимо других причин, сравнительно высокой динамикой энергопотребления. В 1980-х — начале 2000 гг. средние темпы прироста этого показателя в расчете на душу населения в крупнейших странах Востока — КНР и Индии — достигали 1,8–1,9%. Т.е. они были в пол-

Для анализа использованы данные реального варианта демографического прогноза. Хотя расчет, особенно по Азии, велся по большому числу стран и регионов, можно определить преобладающие режимы демографического развития в регионе, особенно в крупных странах, определяющих усредненные показатели по региону. Кроме того, другим ориентиром является среднемировой уровень потребления на душу населения, определенный для настоящего времени. Он равен примерно 2 т на душу населения.

В странах Латинской Америки к 2050 г. будут преобладать режимы демографического развития, которые характерны для развитых экономик в период индустриального развития, а к 2100 г. в этом регионе будут распространены демографические режимы, которые характерны для стран Европы в настоящее время. Усредненный показатель по региону на 2050 г. устанавливается на уровне современного среднемирового, а на 2100 г. на уровне современной Европы и Японии⁵.

Для Азии и Африки характер демографической эволюции схож. Эти регионы повторяют путь Латинской Америки, но с запаздыванием в 50 лет. К 2100 г. они достигнут современный среднемировой уровень. Уровни 2050 г. определены интерполяцией уровней 2005 г. и 2100 г. С учетом сильного отставания Африки в настоящее время рассматриваемый вариант изменения нормативов потребления предусматривает быстрое догоняющее развитие Африки.

Возможно проведение более точных расчетов с интерполяцией и экстраполяцией временных рядов потребления ТЭР, но, на наш взгляд, необходима комбинация расчетов и простой логики установления показателей с тем, чтобы был ясен качественный смысл установленных уровней нормативов для прогнозного расчета. Уточнения можно сделать позднее, если в этом возникнет необходимость. В целом, сделанные допущения обеспечивают соответствие демографического и экономического развития в прогнозный пери-

тора раза выше, чем в среднем по всем другим развивающимся государствам (1,1–1,3% в год, в т.ч. в странах Латинской Америки 0,3–0,4%, в Тропической Африке — 0,3–0,4% и почти в 2,5 раза выше, чем в развитых странах (0,7–0,8% в год)). В.А. Мельянцева. «Азиатский экономический рывок: масштабы, эффективность, последствия». В сб. «Глерию Широкову: я хотел бы с тобой поговорить». М., 2006. Сс. 157–158.

⁵ Потребности в ТЭР, рассчитанные на душу населения, могут скрывать различия в путях развития хозяйства, которые реально существуют в разных регионах. Насколько они сильны между Латинской Америкой и Восточной Азией наглядно демонстрируют С.В. Жуков и А.Я. Эльянов в статье «Развивающиеся страны: асимметрия глобализации», «Восток (Orientis)», 2006, № 6, С. 64–82. Тем не менее, современные экономически развитые страны также имеют разную структуру хозяйства, но схожие уровни потребления ТЭР, так что для прогноза потребностей особенности промышленного развития часто оказываются не особенно значимыми.

од в рамках современной технической и социально-экономической модели общества.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПРОГНОЗНЫХ ОБЪЕМОВ ПОТРЕБНОСТИ В ТОПЛИВНО-ЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ РЕСУРСАХ

Следующим шагом является расчет потребностей для населения в целом, который представляет собой перемножение душевого норматива на численность населения (табл. 6).

Таблица 6

**Прогноз потребления ТЭР по реальному сценарию
демографического прогноза по крупным регионам до 2100 г., млн. т у.т.**

	2005 г.	2050 г.	2100 г.
Европа	3642,0	3691,0	3256,3
Азия	4295,7	8801,2	11662,1
Африка	407,5	2022,1	7003,4
Америка Северная	3635,5	4084,9	4187,8
Латинская Америка	729,4	1649,8	4543,3
Австралия и Океания	198,6	277,5	310,4
Мир в целом	12908,8	20526,6	30963,3

По расчетам суммарные потребности в ТЭР увеличатся со среднегодовым темпом в 1–1,1%, что не представляется невероятным, несмотря на очень большой рост объемов потребления ТЭР. Наиболее существенный рост приходится на страны Азии и Африки, которым в рамках логики нашего прогноза это необходимо для развития экономики, обеспечивающего условия демографического перехода. То есть ускоренное развитие и экономический рост этих регионов необходимы не только с позиций борьбы с бедностью и неравенством в рамках мирового хозяйства, но и для сокращения темпов роста мирового населения, что, в конечном счете снизит давление на ограниченные ресурсы планеты.

Использование нормативного метода в анализе потребностей в ТЭР позволяет оценить объем необходимого количества ресурсов, а следующим шагом является анализ возможностей эти ресурсы найти и произвести необходимое количество энергии и покрыть потребности. Таким образом, встает вопрос, имеются ли необходимые ресурсы для покрытия выявленной потребности. Для ответа на него необходимо определить накопленные суммарные потребности в ТЭР за период расчета и сравнить их с имеющимися ресурсами.

Накопленные суммарные потребности определены следующим путем. Основа расчета — данные за 2005 г., 2050 г. и 2100 г. Выдвигается гипотеза, что рост потребностей между этими годами имеет линейный характер. Тогда суммарное потребление за 50-летний период можно рассчитать как площадь трапеции. Ее основаниями являются уровни потребления в соседние годы из семи указанных выше, а одной из боковых сторон временной интервал (45 и 50 лет). Тогда накопленная за период потребность составит произведение полусуммы потребления за два соседних года на число лет периода:

$$S = 1/2 (a + b) t, \text{ где}$$

S — потребность за 45 или 50 лет,

a и b — потребности в течение двух соседних лет,

t — период, равный 45 или 50 годам.

Результаты расчета представлены в таблице 7.

Таблица 7

**Накопленные потребности в ТЭР до 2100 г. по реальному
сценарию демографического прогноза, млрд. т у.т.**

	2005–2050 гг.	2005–2100 гг.
Реальный сценарий	752	2040

РАСЧЕТ ВОЗМОЖНОСТИ ПОКРЫТИЯ ПОТРЕБНОСТЕЙ В ТЭР

Рассчитанная потребность может быть покрыта как сжиганием ископаемого топлива, так и из других источников. К ним относятся гидро- и ядерная энергетика, а также возобновляемые источники энергии (солнечная, ветровая, геотермальная, биомасса и др.). Соотношение разных источников энергии, сложившееся в мире, представлено в таблице 8.

Главным источником энергии остаются ископаемые виды топлива, на которые приходится 4/5 производства ТЭР, хотя с 1971 г. по 2000 г. их доля уменьшилась на 6,5 процентных пункта. За те же три десятилетия доля атомной энергии выросла в 13 раз, но доля ее не достигает и 7%. Почти стабильны доли гидроэнергии и возобновляемых источников энергии (ВИЭ).

Перспективы роста альтернативных ископаемому топливу видов энергии довольно противоречивы. Строительство ГЭС ограничено природными условиями, так как строительство плотин рационально в ограниченном числе мест. Равнинные ГЭС требуют затопления значительных территорий, а ГЭС в горах угрожают разрушительными наводнениями, если горы расположены в районах, где есть угроза землетрясений. Таких сейсмоопасных районов много. После чернобыль-

Таблица 8

Структура производства первичной энергии в мире, %.

	1971 г.	1986 г.	1990 г.	1995 г.	1999 г.	2000 г.
Уголь	25,37	25,76	25,16	24,35	23,15	22,65
Нефть и газовый конденсат	44,85	37,21	36,38	36,00	35,91	36,29
Природный газ	15,96	18,30	19,32	19,63	20,52	20,76
Ископаемое топливо, всего	86,18	81,27	80,86	79,98	79,57	79,69
Атомная энергия	0,51	5,22	5,96	6,53	6,72	6,71
Гидроэнергия	1,83	2,18	2,12	2,30	2,27	2,24
ВИЭ, всего	11,48	11,32	11,06	11,18	11,44	11,36
Всего	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00

Источник: Безруких П.П. Состояние и перспективы развития возобновляемой энергетики. «Вестник нефтегазового комплекса», №4, 2006 и №1, 2007. Специальный выпуск.

ской катастрофы темпы строительства АЭС сильно упали, но в настоящее время атомная энергетика снова начинает расширяться, однако политические, технологические и экономические препятствия в виде общественных протестов защитников окружающей среды, сложности производства оборудования и конкуренции более дешевых тепловых электростанций сдерживают развитие атомной энергетики.

Основой ВИЭ являются дрова и другая биомасса, включая зерновые культуры, идущие на производство этанола. За стабильным уровнем их доли в мировом энергобалансе стоят два процесса. Это уменьшение рубки леса на дрова и появление новых технологий производства энергии, основанных на современных достижениях науки. Эти технологии — ветровая генерация электроэнергии, солнечные батареи и некоторые другие — недешевы, требуют определенной технической культуры при установке и эксплуатации и более распространены в индустриально развитых странах как дополнение к имеющимся мощностям. В странах Азии и Африки сведение лесов является фактором, понижающим долю дров в энергобалансе сельских местностей.

По перечисленным причинам для расчета на перспективу прием суммарную долю источников энергии, альтернативных ископаемому топливу, в 20% и оставим ее неизменной на весь период прогнозного расчета. Очевидно, что такое предположение весьма консервативно и не учитывает возможностей радикального изменения баланса ТЭР в результате научно-технического прогресса. Тем не менее, представляется необходимым в качестве исходного варианта

расчета установить возможность практически экстраполяции на будущее того, что имеется сейчас, тех технологий, которые реально существуют в промышленных масштабах, тех соотношений отраслей топливно-энергетического комплекса, которые сложились в мире. Экстраполяционный подход позволит проверить устойчивость сложившейся ныне системы энергетического хозяйства в условиях роста населения и увеличения его потребностей.

Потребности в ископаемом топливе, составляющие 80% от тех, что приведены в таблице 7, представлены в таблице 9.

Таблица 9

Накопленные потребности в угле, нефти и газе по реальному сценарию демографического прогноза, млрд. т у.т.

	2005–2050 гг.	2005–2100 гг.
Реальный сценарий	602	1632

Объемы имеющихся ресурсов угля, нефти и газа рассчитаны на основе информации из базы данных фирмы British Petroleum⁶ из разделов Oil — Proved Reserves, Gas — Proved Reserves, Coal — Reserves. Из этих таблиц взяты суммы по миру в целом. Переводные коэффициенты для расчета количества условного топлива, уравнивающего разную теплотворную способность видов топлива, взяты из раздела Approximate conversion factors этой же базы данных. Результаты расчета представлены в таблице 10.

Таблица 10

Расчет суммарных запасов угля, нефти и газа в мире по состоянию на конец 2006 г.

	Единица измерения	Исходные объемы	Коэффициенты для перевода в т у.т.	млн. т у.т.
Каменный уголь	млн т	478771	1	478771
Бурый уголь	млн т	430293	0,5	215147
Нефть с нефтяными сланцами	млн т	191000	1,5	286500
Газ	млрд куб. м	181460	1,35	244971
Сумма				1225389

Источник: База данных по мировой энергетике BP
<http://www.bp.com/statisticalreview>

⁶ BP Statistical Review of World Energy June 2007. <http://www.bp.com/statisticalreview>

Итоговая величина — 1225 млрд. т у.т. При рассчитанной выше потребности (табл. 9) эти запасы исчерпаются через 75–80 лет.

Проведенный анализ показывает, что нехватка ТЭР может оказаться серьезным препятствием на пути развития человечества и затормозит рост населения из-за нехватки ресурсов для развития индустриальной экономики.⁷ Потребуется немалые усилия для того, чтобы ресурсы стали коммерческим продуктом, предоставляемым по разумной цене. Тем не менее, многое свидетельствует в пользу того, что необходимые технические средства и экономические механизмы для обеспечения растущих потребностей человечества выработаны. При возникновении проблем в обеспечении топливом и энергией большим резервом может стать экономия топлива, включая, в крайнем случае, отказ от энергоемких видов потребления типа легковых автомобилей; такая экономия может обеспечить баланс производства и потребления. Технически большим резервом может стать перевод транспортной энергетики с сжигания жидкого топлива на альтернативные виды топлива и энергии, в меньшей мере зависящие от геологических запасов топлива и в большей степени определяемые научно-техническим прогрессом.

РАСЧЕТ ПОТРЕБНОСТЕЙ В ЗЕМЛЕ И ВОДЕ для нужд сельского хозяйства

Земля и вода являются наиболее важными ресурсами для производства сельскохозяйственной продукции, составляющей основу питания человечества. При постоянном совершенствовании производительных сил в сельском хозяйстве эти два фактора остаются важнейшими, по крайней мере, в экономическом плане. При любой системе сельского хозяйства урожайность, то есть выход продукции с единицы площади, является очень значимым критерием эффективности. И земля, и вода используются для хозяйственных нужд помимо сельского хозяйства. Их обилие или дефицит важны для экономики в целом.

Для общей оценки имеющихся земельных ресурсов для сельского хозяйства воспользуемся данными Мирового банка — 2006 World Development Indicators, сайт <http://devdata.worldbank.org>. Согласно таблице 3.1. Rural population and land use, общая площадь суши составляет 129,663 млн кв. км. Доля пахотных земель устойчиво держится на отметке 10,8%. Она находилась на этом уровне и в 1990, и в 2003 г.

⁷ На опасность потери устойчивости мировой системой при прохождении развивающимися странами демографического перехода указывает С.П. Капица. См. Капица С.П. «Сколько людей жило, живет и будет жить на Земле. Очерк теории роста человечества». М., 1999.

На основе демографического прогноза и указанных выше площади суши и постоянной доли пашни произведен расчет площади пашни на человека на перспективу до 2100 г. по реальному сценарию (табл. 11).

Таблица 11

Прогноз обеспеченности мирового населения пахотной землей, га на человека

	2005 г	2050 г	2100 г
Реальный сценарий	0,22	0,14	0,12

Тенденция такова, что за XXI век без расширения площади пашни среднее обеспечение земель на душу населения в мире уменьшится в два раза до 11–12 соток. В течение ближайших десятилетий проблема будет обостряться во всем мире. Конечно, возможно расширение пахотных земель и повышение урожайности, но эти возможности необходимо исследовать, так как, если они не будут использованы, человечество может столкнуться с дефицитом продовольствия из-за нехватки сельскохозяйственных земель.

Для повышения продуктивности сельскохозяйственных земель большое значение имеет возможность их орошения, так как оно радикально поднимает урожай, но орошение требует большого количества пресной воды. Понятия «много» и «мало» в водообеспечении формализованы в виде категорий водообеспечения (табл. 12).

Таблица 12

Категории водообеспечения, куб. м на чел. в год

Категория	куб. м на чел. в год
Чрезвычайно низкое	Менее 1000
Очень низкое	1000–2000
Низкое	2000–5000
Среднее	5000–10000
Выше среднего	10000–20000
Высокое	20000–50000
Очень высокое	Свыше 50000

Источник: *Water stress in Europe — can the challenge be met?*
European Environmental Agency and UN Environmental Program. 1999
(<http://reports.eea.europa.eu>)

Согласно 2006 World Development Indicators, мировые возобновляемые ресурсы пресной воды составляют 43507000 млн. куб. м в год (Table 3.5. Freshwater на сайте <http://devdata.worldbank.org>). Далее, на основе данных демографического прогноза произведен расчет душевого обеспечения пресной водой в среднем в мире (табл. 13).

Таблица 13

Среднемировая потребность в пресной воде по реальному варианту демографического прогноза, куб. м на чел. в год

	2005 г	2050 г	2100 г
Реальный сценарий	6730,8	4294,0	3828,8

Уже в ближайшие десятилетия человечество оказывается в ситуации глобального дефицита пресной воды, так как обеспеченность ниже 5000 куб. м на человека в год подпадает под определение «низкое». Поскольку в воде нуждаются многие потребители, включая коммунальное хозяйство, промышленность и сельское хозяйство (являющееся ныне самым крупным потребителем воды), последнее оказывается в сложном положении. Неизбежно географическое перераспределение сельского хозяйства в те районы, которые не испытывают дефицита воды. Конечно, безграничные возможности открывает опреснение морской воды, но оно энергоемко, а, как было показано выше, энергетические ресурсы в тот период, когда будет дефицит пресной воды, будут тоже дефицитны или дороги.

Таким образом, несмотря на большие технологические, агрономические и экономические успехи, обеспечившие современное социально-экономическое развитие большинства стран мира, угроза столкнуться с планетарными ограничителями роста в виде дефицита топлива и энергии и продовольствия не ликвидирована окончательно. Если развитие будет продолжаться по сложившейся технологической и экономической модели, и связь между экономическим и демографическим развитием сохранится в сложившемся в XX веке виде, то через несколько десятилетий проблема пределов роста населения и экономики может стать не только реальной, но и острой.

Приведенные выше количественные оценки показывают, что ближайший век может оказаться весьма напряженным для ресурсной системы Земли, исчерпаемых и возобновляемых природных ресурсов, экологической системы. Даже не очень высокие темпы роста населения означают большие приросты его численности, а социально-экономическое развитие потребует ускоренного роста потребления природных ресурсов. В условиях глобализации экономики конкуренция за дефицитные ресурсы может привести к острым конфликтам, губительным для единства мировой экономики и процесса глобализации. Глобальными могут стать не достижения, а конфликты. Потребуется энергичные и согласованные усилия мирового сообщества для сбалансированного обеспечения растущего населения необходимыми ресурсами.

Определенные проблемы связаны со сложившейся моделью глобализации. Значительные положительные изменения в мировой эконо-

мике в условиях глобализации связаны с возможностями беспрепятственного движения ресурсов и благ в мировом хозяйстве, что позволяет максимально эффективно использовать имеющиеся технологические, финансовые и трудовые ресурсы за счет их перемещения и создания оптимальных условий в рамках существующей технологической и экономической модели. Одним из компонентов современной экономической модели является рост потребления. Эффективно работающие в условиях глобализации современные экономическая и технологическая модели являются ресурсорасточительными, что в перспективе создает существенные проблемы выживания глобальной системы в рамках современной модели развития.

Вместе с тем, если усилиями мирового сообщества в ближайшие сто лет будет достигнут прогресс в развитии ныне отстающих стран, и их демографическое и социально-экономическое состояние станет вполне устойчивым, то в перспективе постепенное снижение численности мирового населения будет смягчать остроту глобальных проблем жизнеобеспечения.

Таблица 14

Численность населения по реальному сценарию до 2100 г. по 45 странам и группам стран, млн. чел.

	2005 г.	2050 г.	2100 г.
СНГ			
Россия	143,2	126,3	111,5
Белоруссия	9,8	8,6	7,6
Украина	46,5	41,0	36,2
Молдова	4,2	3,7	3,3
Закавказье ¹⁾	15,9	15,9	12,4
Казахстан	14,8	14,8	13,9
Узбекистан	26,6	42,7	49,5
Туркменистан	4,8	6,7	7,2
Таджикистан	6,5	10,8	13,0
Кыргызстан	5,3	8,3	9,3
Европа ²⁾	524,7	558,5	492,7
Азия			
Восточная Азия			
Китай	1323,3	1635,6	1536,2
Япония	128,1	128,1	97,2
КНДР	22,5	23,9	19,6
Южная Корея	47,8	50,9	41,6
Монголия	2,6	3,9	4,2

200	География мирового развития		
Юго-Восточная Азия			
Индонезия	222,8	331,8	357,6
Филиппины	83,1	138,3	166,7
Вьетнам	84,2	130,1	145,6
Таиланд	64,2	83,4	81,3
Малайзия и Сингапур	29,6	47,5	55,1
Прочие страны ЮВА ³⁾	71,9	115,3	133,9
Южная Азия			
Индия	1103,4	1858,2	1745,3
Бангладеш	141,8	270,2	273,6
Пакистан	157,9	316,0	320,0
Афганистан	29,9	68,5	73,8
Иран	69,5	103,5	111,5
Шри Ланка и Мальдивы	21	29,4	31,3
Непал и Бутан	29,3	54,5	48,1
Западная Азия			
Турция	73,2	109,0	117,5
Израиль	6,7	9,4	10,0
Арабские страны Азии ⁴⁾	117,7	260,0	355,0
Кипр	0,8	0,9	0,8
Африка			
Северная Африка ⁵⁾	190,9	317,7	383,0
Нигерия	131,5	399,2	664,6
Прочие страны Африки ⁶⁾	583,2	1529,9	2454,0
Америка Северная			
США и Канада	330,5	408,5	418,8
Латинская Америка			
Мексика	107	159,3	178,2
Островные гос-ва Центр. Америки ⁷⁾	39,1	49,5	48,3
Центральная Америка ⁸⁾	40	75,3	96,6
Бразилия	186,4	260,9	277,7
Аргентина, Уругвай, Чили	58,5	78,9	82,9
Прочая Южная Америка ⁹⁾	130,1	201,0	224,9
Австралия и Океания			
Австралия и Новая Зеландия	24,2	31,4	33,9
Океания ¹⁰⁾	8,9	14,8	17,9
Мир в целом	6463,9	10132,1	11363,2

1) Закавказье: Азербайджан, Армения, Грузия.

2) Европа: все государства Европы за исключением России, Белоруссии, Украины и Молдовы.

Выпуск I	201

- 3) Прочие страны ЮВА: Бруней, Камбоджа, Лаос, Мьянма, Таиланд, Тимор.
- 4) Арабские страны Азии: Бахрейн, Ирак, Иордания, Йемен, Катар, Кувейт, Ливан, ОАЭ, оккупированные Палестинские территории, Оман, Саудовская Аравия, Сирия.
- 5) Северная Африка: Алжир, Египет, Западная Сахара, Ливия, Марокко, Судан, Тунис.
- 6) Прочие страны Африки: страны Восточной, Западной, Центральной и Южной Африки за исключением Нигерии.
- 7) Островные государства Центральной Америки: островные государства преимущественно в бассейне Карибского моря, называемые в региональной классификации ООН Caribbean.
- 8) Центральная Америка: Белиз, Гватемала, Гондурас, Коста-Рика, Никарагуа, Панама, Сальвадор.
- 9) Прочая Южная Америка: Боливия, Венесуэла, Гайана, Колумбия, Парагвай, Перу, Суринам, Французская Гвиана, Эквадор.
- 10) Океания: островные государства Меланезии, Микронезии и Полинезии.

УРБАНИЗАЦИЯ В РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАНАХ: СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП

Е.А. Брагина

Рост городского населения стал неотъемлемой и одной из наиболее характерных черт в истории цивилизации. На ранних этапах становления городов определяющими для их возникновения были природные условия, возможность выжить, защититься от врагов. На протяжении веков экономические, политические, социальные причины сделали процесс урбанизации не только постоянным, но и нарастающим с точки зрения количественных показателей, концентрации его участников на ограниченных территориях. Со времени первых поселений, еще не претендовавших на звание городов, но притягивающих людей, такими центрами становились прежде всего прибрежные районы рек, морей, океанов.

На первоначальных этапах цивилизации протогорода развивались как места обмена товарами, в основном сельскохозяйственными продуктами, а также охотничьей добычей. Главное отличие жителей городов было в неземледельческом характере труда большинства — ремесленном, кустарном, а также умении и желании торговать. В городах уже на ранних этапах их становления возникает необходимость в развитии услуг, что находит отражение в формировании слоев населения, занятых их оказанием. С городами связана окончательная победа оседлого образа жизни над кочевым.

Многие города возникали первоначально как культовые, религиозные центры и лишь впоследствии некоторые из них обретали политические и государственные функции (например, города — полисы в античной Греции). Постепенно росло административное влияние городов, что действовало двояким образом — количественное и качественное расширение численности их населения, соответственно, рос спрос и его дифференциация. Структура городского населения теряла однообразие, четче обозначалось многоступенчатое имущественное расслоение, различия социальных групп.

Параллельно с этими процессами возрастало притяжение городов, в которых было больше возможностей найти работу, начать новую жизнь, затеряться в случае преследования. Города как люди. Они росли, набирали силу, старели и уходили в небытие (вспомним кип-

линговский город в джунглях, покинутый людьми, в котором живут одни обезьяны и гигантский питон Каа — аллегория, но какая яркая!). Города разоряли кочевые племена, их сжигали победители, их казнили, наконец, как был казнен римлянами Карфаген.

Но преодолевая все, город становится символом цивилизации, одновременно притягательным и пугающим. По данным А. Мэддисона, с 1500 г. по 1800 г. население Парижа выросло почти в 6 раз, Вены — в 10, Амстердама — в 15 раз. В 31 европейском городе, по которым существует статистика за этот период, имел место рост населения [13]. Но эти показатели были существенно превзойдены во второй половины XX века в группе развивающихся стран, осуществлявших, если не догоняющее, то во всяком случае имитационное развитие. Их города, как это было и в ходе формирования современной экономики Запада, становятся центрами хозяйственного и политического влияния, сгустками энергетики и креативности.

МНОЖЕСТВО ДЕРЕВЕНЬ В ПОИСКАХ ГОРОДА

Урбанизация в новейшее время обрела масштабы и содержание, заметно изменившие суть городов, их новую роль не только в национальных государствах, но и в мировой экономике в целом. Этому в первую очередь содействовала политическая независимость большой группы государств на Азиатском и Африканском континентах. Не менее важным стало бурное развитие средств связи, расширение экономической инфраструктуры, активность ТНК в мировом хозяйстве. Эта позиция была четко сформулирована известным философом и социологом XX века Хосе Ортега-и-Гасетом, считавшим, что потребительская культура и транснациональный бизнес сломали географические рамки вкупе с информационными технологиями и транспортными связями. Особенности урбанизации в странах Юга глубоко исследованы в работах советских и российских ученых — З.Галич, А.Петрова, Т.Покатаевой, Н.Симони, В.Сумского и многих других, показавших субъектность городов, возросшее политическое и экономическое влияние в этой группе стран на современном этапе их развития.

И в XX веке города переживали трагедии, когда в ходе войн гибли миллионы людей, материальные и культурные ценности. Наиболее страшные примеры — блокада Ленинграда, бомбежки Лондона и Дрездена, многих других городов. Жертвой первой атомной бомбы тоже стал город — Хиросима. В последней трети XX века мир явился свидетелем того, как для представителей ряда экстремистских и радикальных идеологических течений и режимов в развивающихся странах города стали злом, олицетворением враждебного для них Запада. Это произошло в годы культурной революции в Китае, при режиме Пол По-

та в Камбодже, в Афганистане при талибах. Города подлежали разорению, их жители — высылке в отдаленные сельские районы и уничтожению. Трагический пример этих и некоторых других стран, особенно на Африканском континенте, показал, что бесконечная череда этнических, конфессиональных и политических конфликтов привела к ослаблению роли городов, разорению национальной экономики. Неизбежным следствием было падение темпов роста национального хозяйства, его периферизация, резкое снижение возможностей развития и без того ограниченного технологического и инновационного потенциала, маргинальное положение в мировом хозяйстве.

Противоречивая по своей сути урбанизация в развивающихся странах нарастает. Одна из ее особенностей состоит в преимущественном росте крупных и крупнейших городов, что неизбежно ведет к существенным изменениям в размещении производительных сил страны. В 1950 г. в этой группе государств не было ни одного города с десятиллионным населением, в 2000 г. их стало 15, по оценке, к 2050 г. будет 54 (соответствующие показатели в развитых странах в эти же годы — 1, 4, 5 городов).

К 70-м годам XX века самым урбанизированным районом Юга стала Латинская Америка, 57% ее жителей проживали в городах [4]. Для сравнения — крупнейшая экономическая держава Африки, ЮАР, достигла аналогичного показателя к 2000 г. Как считают эксперты Всемирного банка, в середине XXI века в городах будет проживать треть бедного населения Азии и Африки [17]. Страны Латинской Америки с 1950–1955 гг. по 2005–2010 гг. снизили темпы прироста городского населения с 4,44 % в год до 1,71% и, по оценкам, к 2050 г. этот показатель не превысит 0,41% [18].

Потенциал урбанизации в странах Юга огромен в силу объективных причин. Прежде всего, это рост населения, обозначившийся с 60-х годов XX века, прямой результат интернационализации производства и тесного взаимодействия разных групп стран в мировом хозяйстве при активной роли международных организаций во главе с ООН. Сокращение смертности, увеличение продолжительности жизни и сохранение на первых порах традиционных форм семейных отношений (большая семья) создали кумулятивный эффект — демографический взрыв. По расчетам Б. Болотина, население в развивающихся странах выросло за вторую половину XX в. с 1650 млн. человек до 4750 млн. в 2000 г. (общая численность населения Земли 6 млрд. человек), намного опередив аналогичные показатели развитых государств. Рост населения в самом отсталом регионе мира — Африке южнее Сахары, оказался еще выше, 155 млн. человек и 650 млн., соответственно. По оценке, к 2030 г. 87% прироста населения в Африке придется на долю городских ареалов и более половины населения континента станет

городским [14]. Высокие темпы роста населения реально экстраполируются на средне- и долгосрочный периоды, в первую очередь, в странах Африки. Это связано с тем, что в структуре населения высока доля когорты до 15 лет — в начале XXI века она составляла в Того 44%, в Уганде — 50%, Камеруне — 49%, Кении — 43%, Нигерии — 47%, Индии 32% и в Южной Азии в целом 34% [11].

Политическая независимость в развивающихся странах способствовала проведению аграрных реформ, как важнейшей составляющей экономических преобразований, которые в силу своих особенностей ускорили разорение части крестьян, их превращение в сельских рабочих. В том же направлении в 70-х годах действовала «зеленая революция», в основе которой было освоение новой сельскохозяйственной техники, современных форм ведения хозяйства, что было под силу крупным фермерам, но ослабляло позиции мелкого сельского производителя.

Параллельно с ростом населения и обезземеливанием крестьянства набирал силу процесс деградации земельных угодий, становящихся непригодными к дальнейшей обработке. В начале XXI века на таких землях проживало в развивающихся странах 1,3 млрд человек. В странах Азии 65% сельского населения проживают в районах с деградированными земельными ресурсами, в Тропической и Северной Африке — 70–75% [17]. Изменение климата Сахеля существенно снизило возможности местного населения заниматься сельским хозяйством. В Субсахарском регионе имеет место падение выработки на работника в аграрном секторе по сравнению с Азией и Латинской Америкой, где наметился рост этого показателя.

Всё это — основные причины сдвига в мировом хозяйстве, обозначенного известным экономистом И. Валлерстайном, как «дерурализация», т.е. абсолютное сокращение земель, пригодных для ведения сельского хозяйства и превращение вчерашних крестьян в безземельных наемных работников. Процесс, начавшийся, по его мнению, 500 лет назад, резко ускорился с середины XX века. В отличие от огораживания, хорошо известного из истории Англии, основы ее индустриализации, обеспечившего дешевой рабочей силой бурное развитие национального мануфактурного производства, в развивающихся странах обезземеливание отличают огромные масштабы, скорость процессов и одновременно медленный рост промышленного сектора на фоне совпадения во времени этих разнонаправленных тенденций. В совокупности это привело к многократному возрастанию давления на города и национальные рынки труда в странах Незапада. Если в 1800 г. в городах проживало 3% населения Земли, то в к началу XXI в. почти 50%.¹

¹ The Economist. L. May 5, 2007, P. 3.

Отмеченные выше факторы носят долгосрочный характер. К 2020 г. 95% общемирового прироста рабочей силы будет иметь место в развивающихся странах. Лидерами по численности рабочей силы в возрасте 20–24 лет будут Индия — 116 млн человек и Китай — 94 млн человек. В большинстве развивающихся стран мира, особенно в Африке, сохраняются темпы роста населения, заметно превышающие соответствующий показатель по промышленно развитым странам, что дало основание У. Ростоу характеризовать последние как экономики «стагнирующего населения» [12]. По оценкам Всемирного банка, такое различие экстраполируется и на ближайшие десятилетия. В 2005–2020 гг. темпы роста населения в развитых экономиках будут ниже 1%, а в Индонезии — 1,1%, Малайзии — 1,4, Филиппинах — 1,5, в Индии — 1,1, в остальных странах Южной Азии — 1,7, в Мексике — 1,4, Аргентине и Бразилии — 1, в остальных странах Латинской Америки — 1,3, в Африке южнее Сахары — 1,9% [10].

Возрастная структура населения в странах Юга коренным образом отличается от ее аналога в странах Запада существенным преобладанием населения в трудоспособном возрасте и незначительной долей старших возрастов. Это не только люди в диапазоне 15–64 года, но и явный численный перевес группы до 25–30 лет, что особенно четко проявляется в странах Африки. Ежегодно на их рынки труда выходят сотни тысяч молодых людей, не находящих себе применения. Безработица в возрастной группе 15–25 лет в странах Ближнего и Среднего Востока достигла 25%. Чтобы удержать показатель хотя бы на этом уровне, в ближайшее десятилетие в регионе нужно создать 54 млн. рабочих мест, что не представляется реальным.²

Основной прирост населения имеет место в сельских районах, безработица в которых носит скрытый и хронический характер. Ее точные масштабы неизвестны, частично она камуфлируется временной, непостоянной занятостью, например, во время уборки урожая, а также поддержкой общины, большой семьи. Можно согласиться с определением аграрного сектора в странах Юга как «парковки для бедных». В начале XXI в. доля сельского населения, живущего ниже черты бедности, в среднем составляет по сравнению с городским, соответственно в Алжире 16% и 7%, в Анголе — 94% и 57%, в Бенине — 52% и 20%, в Чаде — 67% и 63%, в Эфиопии — 45% и 57%, в Уганде — 37% и 96 % и в Замбии — 78 % и 53% [9].

В фундаментальной работе «Границы развития», подводившей итоги экономическим теориям по проблемам стран Юга за вторую половину XX века, американские экономисты Ш. Юсуф и Д. Стиглиц кон-

² The Wall Street Journal 11.12.2007.

статировали: «По мере истощения земель и возможностей найти работу в сельских районах, все больше деревенской бедноты в Бразилии, Китае, Индии и многих африканских странах перемещается в городские ареалы» [12]. Как точно определил кардинальное изменение в мировой экономике и политике в связи с урбанизацией лондонский журнал «Экономист»: «Человек разумный становится человеком городским».³

На этом фоне внутренние миграции, приток сельского населения в города стали основной формой механической динамики роста их жителей. Если в развитых экономиках этот ресурс пополнения городского населения за счет коренных сельских жителей практически себя исчерпал к началу XXI века, то в развивающихся странах он набирает темпы. Как считает Г.Д.Костинский, «в большинстве развивающихся стран миграции обеспечивают от 40 до 60% такого прироста. В ближайшие десятилетия в странах и регионах с большим сельским населением — Азии и Африке — миграции останутся мощным ресурсом пополнения городов» [8].

Между уровнем экономического развития страны и урбанизацией существует прямая связь. Низкому первому показателю соответствует, как правило, невысокая доля населения в городах, что подтверждает пример африканских государств (табл. 1). С другой стороны, потенциал урбанизации в отстающих странах особенно велик.

Таблица 1

Доход на душу населения и доля населения страны, проживающего в городах, 2007 г.

Страна	Доход на душу населения, долл. США	Доля городского населения, %
Ливия	8362	86
ЮАР	3657	58
Алжир	2154	61
Мали	1501	41
Ангола	1246	38
Египет	841	43
Кения	456	42
Замбия	385	38
Буркина Фасо	268	18

Источник: [9].

Заслуживает внимания прямая связь современной урбанизации и «демонстрационного эффекта», неотъемлемой части процесса глобализации, который не ощущался или был существенно слабее в пе-

³ The Economist. L. May 5, 2007, P. 5.

риод индустриализации стран Запада. Он проявляется не только в разных вариантах, затрагивающих все сферы общественной и частной жизни, но стал нагляден, очевиден благодаря развитию средств связи. Информация, в первую очередь телевидение, создавая эффект присутствия, причастности, существенно меняет стереотипы мышления, особенно в сфере потребления. Высокий уровень жизни в развитых странах, иные стандарты образования, медицинского и социального обслуживания стали известны массам населения в странах Юга (показательна «закрытость» тоталитарных и близких к ним режимов, стремящихся отгородить свое население от внешних воздействий).

Как бы ни был низок уровень жизни, особенно в сельских районах развивающихся стран, но и туда проникают вездесущие сериалы с их «мыльными» и такими понятными героями. Свою лепту вносит кинематограф с его умелым «product placement». Хотя бы один телевизор, а теперь и компьютер, в большинстве азиатских деревень есть, расширяется сеть мобильной телефонии. Однако в распространении фиксированной и мобильной связи между городами и сельскими районами наблюдается резкое различие. В Индии более 50% городских домохозяйств пользовались в 2007 г. тем или иным типом телефонной связи по сравнению с менее 10% в деревнях.⁴

Современные средства массовой информации подают населению не сухие статистические сводки, в которых трудно разобраться, а яркие, приукрашенные, легко доступные пониманию картинки — своего рода «витринную культуру», резко контрастирующую с унылой действительностью. Этот зрелый китч, потребительские идеалы, возвращенные на качественно другой экономической почве, стали мощным эмоциональным фактором влияния на миллионы людей в странах Юга, рождая стремление изменить жизнь, начать все с нуля на новом месте. Города в этих условиях становятся реальным олицетворением иной судьбы.

«Демонстрационный эффект» превратился в одну из доминант политической и экономической среды развивающихся странах, придав урбанизации динамизм и огромные масштабы. Его нельзя рассматривать в качестве исключительно позитивного или, наоборот, негативного явления, в нем соединились обе ипостаси. Характерна оценка Всемирным банком процесса урбанизации в странах Юга: «Огни городов — маяки надежды и сигналы опасности».

В нарастании миграционных потоков в города наблюдается своеобразное переплетение традиционных и современных факторов. Решение об уходе в город, как правило, принимает большая семья, надеясь таким образом получать помощь от городского родственни-

⁴ The Economist. L. February 9, 2008, p.69.

ка. В первую очередь, в город отправляются молодые мужчины с начальным или средним школьным образованием. Отличительной чертой последних десятилетий XX века стало увеличение доли одиноких женщин в миграционных потоках, надеющихся в городе найти работу. Некоторые социологи объясняют это тем, что дочерей считают более преданными интересам семьи, и шансы получить от них поддержку оставшимся в деревне домочадцам всегда выше.

Вместе с тем спрос на женский труд растет в городской сфере домашних услуг. С ним не в последнюю очередь связано заметное увеличение доли этого сектора в ВВП развивающихся стран, почти сравнявшейся с аналогичным показателем в развитых экономиках. Перелив рабочей силы, отмеченный в кривой С.Кузнецца, отличается в странах Юга преимущественным ростом сервисной сферы, а не промышленности. Но это происходит в первую очередь за счет расширения доли традиционных услуг — уличной торговли, использования неквалифицированной рабочей силы в уборке городов, существовании мельчайших мастерских, а не современных финансовых и коммуникационных предприятий. Характерны слова респондентки во время обследования окраин Карачи, которая, как и ее дочери, работает уборщицей: «Я уехала из деревни, чтобы спастись от нужды. Жизнь здесь имеет свои достоинства. Мы по крайней мере можем себя прокормить, у нас есть одежда и обувь».⁵ Выходец из Бихара, самого бедного штата Индии, работает как классический рикша в Калькутте, пробега с седоком по узким улочкам, где даже моторикша едва ли развернется. Он надеется, что в городе, в отличие от деревни, он сможет дать образование своим шестерым детям.

По мнению известного американского экономиста М. Тодаро, миграция в города носит в развивающихся странах самовоспроизводящийся характер. В предложенной М.Тодаро модели, носящей его имя, мотивацией «мигранта служат не только различия в уровне существующих заработков в деревне и городе, сколько ожидаемый доход на новом месте» [6]. На практике это означает, что каждый мигрант, известивший своих близких в деревне о своем устройстве в городе хотя бы на какую-то работу, а тем более прославивший даже очень небольшие деньги, побуждает к уходу в город двух-трех человек. Одним из прямых следствий становится перерастание скрытой хронической сельской безработицы в городскую, открытую, поскольку поиски работы мигрантами занимают много времени, растягиваясь не только на месяцы, но и годы.

По сути, речь идет о перераспределении рабочей силы на внутреннем рынке труда между городом и деревней, в котором, с точки зрения сельского жителя, все преимущества на стороне города. За-

⁵ The New York Times. 04. 04. 2005.

кономерно, что уровень урбанизации в развивающихся странах неуклонно растет — 28% городского населения в его общей численности в 1975 г., 39,9% — в 2000 г. (в странах Азии находятся самые многонаселенные города мира: Мумбай — 19 млн. чел., Дели — 16 млн. чел., Калькутта — 14,8 млн. чел., Дакка — 12,5 млн. чел.), однако качественное отставание от современного уровня урбанизации в странах Запада сохраняется. В этой группе соответствующие показатели составляют 70% и 76% за те же годы [18].

Миграционные потоки в крупнейшие города будут нарастать в связи с намерением правительств ряда развивающихся стран инвестировать средства в экономическую инфраструктуру, отставание которой тормозит дальнейшее развитие. Согласно прогнозу, в 2008 — 2017 гг. Китай вложит в эту отрасль 9,3 трлн. долл., Индия — 2,8 трлн., остальные развивающиеся страны Азии — 2,4 трлн., Бразилия — 1,1 трлн. долл. Общая сумма инвестиций в эту сферу в странах Юга, предположительно достигнет 21,7 трлн. долл.⁶ По оценке Мирового банка, 1% увеличения инвестиций в инфраструктуру дает 1% роста ВВП. Расширение коммуникаций, особенно транспортных сетей, будет способствовать дальнейшему притоку сельского населения в города.

В свою очередь урбанизация влияет на резкий рост потребления электроэнергии. Рост городского населения на 1% требует увеличения энергетических мощностей на 1,8%, 1% роста дохода на душу населения повышает спрос на электроэнергию на 0,5%. В Индии потребление энергии вырастет в полтора раза по сравнению с 2005 г, в Китае за указанные выше годы — вдвое. По признанию экспертов, общественный транспорт в крупных по численности населения городах Юга представляет, как отмечается в многочисленных исследованиях, ужасающую картину. Эта отрасль давно стала сферой повышенной опасности и гибели пассажиров из-за плохого качества дорог и изношенности машинного парка. Попытки наладить городское транспортное хозяйство пока не дали заметных результатов по причине нехватки финансовых средств и некомпетентности муниципальных служб. В Маниле современный рельсовый транспорт обеспечивает не более 8% городского трафика, в Бангкоке — 3%, в Калькутте — и того меньше.

Основу внутренней миграции в города составляет неквалифицированная и низкоквалифицированная рабочая сила с навыками крестьянского труда. Городская промышленность и услуги не в состоянии абсорбировать приток новых рабочих рук, обеспечить их занятость. Во времени и пространстве в развивающихся странах совпали две противоположные тенденции — предложение неподготовленной рабочей силы и рост современного сектора в производстве и услугах, предпри-

⁶ The Economist. L. June 7, 2008, P.80.

ятий на базе техно- и капиталоемкого оборудования, требующего квалифицированных работников и научно-технического персонала.

Г. Широков в своих исследованиях особенностей экономического развития стран Востока, отмечая резкое ускорение урбанизации за счет оттока населения из деревень, подчеркивал, что это происходит на фоне относительного сокращения «трудоабсорбирующих» возможностей современного производства [7]. Постоянное превышение предложения неквалифицированной рабочей силы над спросом на национальных рынках труда объективно обусловило в развивающихся странах низкую среднюю почасовую оплату труда (в долл. США): Мадагаскар — 0,33, Маврикий — 1,25, Бангладеш — 0,39, Шри — Ланка — 0,48, ЮАР — 1,39, Индия — 0,38, КНР — от 0,68 до 0,88 долл. Как видно, средняя зарплата выше в странах с относительно развитой промышленностью (ЮАР), но не в КНР и Индии, где давление огромной массы трудовых ресурсов ощущается особенно сильно.

Таблица 2

Почасовая оплата неквалифицированного труда в текстильной промышленности стран мира, долл. США

Германия	25.00
Турция	2. 00
КНР	0.55
Индия	0.65
Малави	0.52
ЮАР	2.35
Замбия	0.95

Источник: [Knowledge, Technology and Cluster-based Growth in Africa. Wash., 2008].

Текстильная отрасль, наряду с пищевой, самая распространенная в развивающихся странах, с отсталым оборудованием, использует дешевую рабочую силу как важнейший компонент в конкурентной борьбе (табл. 2).

Нехватка рабочих мест и проблемы с трудоустройством стали одной из главных причин так называемой «ложной» урбанизации и «трущобной» урбанизации. Эти категории не имели места в истории урбанизации стран Запада, хотя некоторые общие черты этих процессов есть в обеих группах стран. В развивающихся странах имеет место особый тип урбанизации, для которой характерна неадекватная производственная база, оставляющая основную массу мигрантов за пределами типичного для города образа жизни и работы.

Города в развивающихся странах концентрируют массу вчерашних выходцев из деревень, не приобщая большинство из них к город-

ской культуре, современным мотивациям труда и быта. Они попадают в новую среду, законы и основы поведения в которой им либо не знакомы, либо воспринимаются как враждебные. «Плотность общества» (термин норвежского криминолога Нильса Кристи), характерная для замкнутого мирка деревни, общины, семьи, в которых все основано на традиционно принятых нормах, их обязательности для всех членов этих микрокосмов и повторяемости, сменяется в городах для мигрантов, особенно первого и второго поколения, разобщенностью, изоляцией и, как следствие, потерей прежних принципов и ориентиров. Из мигрантов, в первую очередь, формируется «одинокая толпа», типичная для городов, в которых множество людей сосуществует, не вступая в контакты, разделенные между собой социальными, экономическими, конфессиональными, этническими барьерами. В силу неприспособленности, отчуждения мигранты пытаются повторить в новом окружении привычные им формы жизни и мотивации, становясь своего рода «городскими хуторянами» [2].

Архаичность сознания изживается медленно. На современном этапе урбанизации город не в состоянии преобразовать сельскую периферию, скорее она активно влияет на городскую среду. Этому в известной мере способствует сохранение отходничества, временный уход из деревни на заработки, оставление там семьи и возвращение в случае полной неудачи попыток найти в городе работу. Такое поведение становится массовым в периоды кризисных явлений в экономике и при других форс-мажорных обстоятельствах. Но и найдя занятость, многие мигранты часть года стремятся провести в деревнях, помогая семье во время сельскохозяйственных работ, торжественных событий, свадьбы домочадцев, рождений детей и т.п. Так, выходец из индийского штата Уттар Прадеш, уже 20 лет живущий и работающий таксистом в Мумбаи, четыре месяца каждый год проводит в родной деревне. Такие «челночные» перемещения, их еще называют «маятниковыми», в первую очередь характерны для мужчин, особенно в африканских странах, что часто связано с отрицательным мнением о городских женщинах, противопоставление им в общественном мнении «своих» деревенских, из которых надо выбрать хорошую жену.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННОЙ УРБАНИЗАЦИИ

Прибывающие в города мигранты в поисках работы вынуждены ориентироваться преимущественно на теневую экономику (неформальный сектор), перебиваться случайными, непостоянными заработками, но уделом подавляющего большинства становится безработица.

На начальных этапах индустриализации развивающихся стран городская безработица оценивалась в 15–20% трудоспособного населения. Следует оговориться, что точные сведения о ее масштабах отсутствуют. Даже в Индии, где намного лучше, чем в большинстве развивающихся стран организована статистическая служба, учёт безработицы ведется только в крупных городах. В основном же данные по уровню безработицы базируются на полевых исследованиях.

Мигранты в городах пополняют армию нищих, нередко это занятие становится наследственным. Они образуют городское дно, создавая особый стиль жизни, свою социальную среду, своеобразную субкультуру. Характерно признание типичного нищего, живущего в Мумбаи с 16 лет, куда в начале 60-х годов прошлого века он переселился из деревни. «Здесь не надо особенно трудиться, чтобы прожить. Можно покопаться в мусоре, можно попросить людей дать поесть и где-нибудь переночевать».⁷ Но такое «мирное» отношение к бедности не становится всеобщим. В исследованиях городской среды в развивающихся странах социологи отмечают: «молодежь меняет сельскую нищету на городскую, оседает в трущобах, принося с собой гнев и мачете».⁸ Речь идет о миллионах людей, особенно в таких аграрных странах как Эфиопия, Малави, Уганда, в которых свыше 90% городского населения, вчерашние крестьяне, проживает в трущобах.

Отсутствие постоянной оплачиваемой работы приводит к тому, что основная часть мигрантов находится за чертой бедности. По данным Азиатского банка развития, они составляют в общей численности горожан в Дакке — 50%, в Джакарте — 34%, в Бангкоке и Маниле — 15%, в Калькутте — 33%, в Карачи — 30%. По индикатору Энгеля, расходы на продовольствие составляли в доходах этой группы более 60%. Эти массы обездоленных людей концентрируются на окраинах, проживая в условиях антисанитарии, лишённые элементарных коммунальных удобств. Эпидемии, высокая детская смертность типичны для городской нищеты. Обзор стран Африки, подготовленный экспертами ОЭСР, констатирует: «...беднота фактически находится вне возможностей городов» [9]. Лишь в немногих городах Индии есть системы очистки сточных вод. Треть городского населения не имеет доступа к системам канализации и один туалет здесь приходится на 800 жителей. Дели снабжается водой из реки Ямуна, в которую поступают отходы промышленных предприятий. В Мумбаи с населением от 14 до 16 млн человек 93% канализационных стоков сбрасывают в море без очистки. Три пятых жителей Шанхая живут в домах с канализацией, в Джакарте только 3%. В КНР расположены 16 из 20 самых загряз-

⁷ The Economist. L. May 5, 2007, P. 6.

⁸ The Economist. L. February 2. 2008, P. 6.

ненных городов мира и страна начала осуществлять, особенно в связи с Олимпиадой 2008 г., так называемые «зеленые инвестиции» с целью улучшения городской среды обитания. Эксперты отмечают, что управление густонаселенными городами в странах Юга крайне сложно из-за нехватки средств и недостаточной компетенции. Только Дели из всех крупных городов Индии имеет перспективный план развития. Попытки координации городского строительства предприняты в Бразилиа, Мехико, Абудже.

Таблица 3

Доля городского населения, проживающего в трущобах, 2005 г.

Регион	Доля населения в трущобах, %	Ежегодный рост трущоб, %
Латинская Америка и Карибы	30	1.28
Южная Азия	57	2.20
Восточная Азия	33	2.28
Юго-Восточная Азия	27	–0.33
Субсахарская Африка	71	4.43
Северная Африка	23	–0.15

Источник: [The Economist. May 5, 2007].

Районы трущоб в первую очередь страдают от природных катаклизмов, ливней и наводнений. Вода часто заливает фавелы Сан-Паулу, добрая половина которых расположена вдоль реки. Города КНР и Индии страдают от постоянной нехватки питьевой воды, причем жителям бедных кварталов приходится платить за нее дороже, чем состоятельным гражданам.

Следует отметить, что, несмотря на бурный экономический рост городов в странах Незапада, ни один из них не представлен в числе 15 ведущих торговых центров, если не считать Сингапура, но этот город-государство являет собой исключение.⁹ Примерно такая же ситуация имеет место и во всемирном обзоре конкурентоспособности 500 городов 2008 г., в котором их сравнивали по девяти основным показателям, в том числе по доходам, темпам экономического роста, инновационному потенциалу, занятости населения и присутствию ТНК. Из городов стран Юга в первой десятке нет ни одного. Относительно высокие места заняли Буэнос-Айрес (24-е) и Гонконг (26-е). С большим отрывом следуют Дубай (39-е место), Шанхай (41-е) и Пекин (66-е). В качестве положительных сдвигов отмечается, что азиатские города упростили регистрацию патентов и существенно улучшили условия привлечения ТНК.¹⁰

⁹ The Economist. L. June 14, 2008, P. 98.

¹⁰ The Economist. L., August 16, 2008, P. 82.

Специалисты по геоурбанистике считают, что в развитии мегаполисов существуют определённые закономерности, в частности, «эффект маятника», суть которого в чередовании периодов «перегрузки» городов, резкого увеличения численности их населения, территории и периодов «разгрузки». С середины прошлого века развивающиеся страны проходят стадию бурного неконтролируемого роста городских агломераций, формирования мегаполисов, их расползания вширь, прежде всего, за счет поглощения близлежащих территорий, втягивания населения, которое по роду своих занятий и психологии всё еще сельское, не городское.

Этот процесс стал одной из основных причин того, что структура городов в развивающихся странах отличается образованием в короткие сроки так называемых городов-приматов (Primate City), которые по численности населения и роли в национальной экономике резко преобладают над остальными. Можно назвать такие города как Мумбаи (дает 40% налоговых поступлений в бюджет Индии), Бангалор, Найроби, Дакар (три четверти промышленного производства Сенегала), Мехико и Манила. Выразительная характеристика Манилы дана В. Сумским: «Манильский метрополис был воистину столицей всего и вся — столицей наивысших достижений Филиппин и столицей того, чем гордиться невозможно» [5].

Чаще всего столица совмещает свои функции с функциями города-примата, но в последние десятилетия обозначились исключения — города связанные с новым строительством, исследовательские и университетские центры [1]. Такие города в первую очередь привлекают мигрантов, воздействуют на периферию как мощный насос, вытягивающий наиболее трудоспособное население. В них в первую очередь притекает крупный национальный и иностранный капиталы, усиливая их импульсы развития. Они реорганизуют размещение производства, модернизируя тем самым хозяйственное пространство оставших стран Юга.

Вокруг таких городов в короткие сроки возникают пригороды, как жилые, так и производственные, формируя обширные метрополитенские ареалы. Нарождающийся средний класс вносит свою лепту в расширение городских границ. Об этом свидетельствует опыт строительства в Индии, где вокруг Дели, Хайдарабада и Ченнаи (бывш. Мадрас) быстро растут пригороды, близкие по духу западным аналогам, заселяемые представителями среднего класса — программистами, менеджерами среднего звена, начинающими бизнесменами. Эта тенденция сосуществует с массовым «трущобным» заселением. К 2020 г. число мегаполисов с населением свыше 20 млн. человек пополнится прежде всего за счет городов, расположенных в развивающихся странах. Это — Дели, Дакка, Лагос, Мехико, Мумбаи, Сан-Пау-

лу. Плотность населения в этих городах в десятки раз превышает аналогичные показатели для городов развитых странах. Так, например, средняя плотность населения в Нью-Йорке составляет 40 чел. на гектар, а в Шанхае — 286 чел.

Как правило, исторические центры в крупных городах Юга занимают сравнительно небольшие площади. Основную часть мегаполисов составляют окраинные районы. Это — бидонвили, бараки, самострой из подручных материалов с хроническим отсутствием современной экономической и социальной инфраструктуры. Рост трущоб — одна из типичных особенностей современной урбанизации в странах Незапада. Вторая особенность заключается в высокой концентрации экономической активности, предпринимательства, богатства в относительно небольшом числе городов. Количество богатей в Индии и Китае увеличивается примерно на 20% в год, и, прежде всего, в городах. В 1976 г. в Шанхае было 15 небоскребов, сегодня их 300. В городах формируются так называемые «золотые мили» — жилые районы со всеми признаками современного комфорта, предназначенные для проживания зажиточных горожан, по всем параметрам отличающихся и не соприкасающихся с жизнью бедноты. Мегаполисы концентрируют спрос на современные товары, в том числе категории люкс, они же представляют рынки труда с предложением и спросом на рабочую силу разных уровней профессионализма и квалификации.

Города в развивающихся странах не стали и не могли стать «плавильным котлом» для их стремительно растущего населения. Глубочайшая сегрегация большинства их населения в первую очередь мигрантов остается типичной чертой городского социально-экономического пейзажа. Примерами могут служить Кибера в столице Кении Найроби и Дхарави в Мумбаи. В Дхарави ныне проживают 600 тысяч человек на 210 гектарах, это самая большая трущоба в Азии. Здесь ежедневно производят продукцию на 500 млн. долл., причем перечень товаров поражает своим разнообразием, начиная от кондитерских изделий и кончая медицинским оборудованием. Это концентрация мелких и мельчайших предприятий, среди которых преобладают семейный бизнес, широко используется так называемый «невидимый труд», женский и детский. Городские власти характеризуют Дхарави как «нерегулируемое производство и мини-фабрики», но не вмешиваются из-за опасений конфликтов, как это имело место в Дели, когда правительство И. Ганди попыталось бороться с трущобами в столице.

Такого рода кластеры представляют прежде всего теневую экономику, производство контрафактной продукции и в то же время сферу массовой занятости. В них сосуществуют все три сегмента теневой

экономики — неофициальная, криминальная и фиктивная [3]. Экономические и социальные условия в крупных городах объективно предполагают дальнейший рост теневой экономики в разных формах. Подтверждением этой тенденции может служить обследование 110 стран, показавшее, что в начале XXI века неформальный сектор в экономике развивающихся стран достигал в среднем 41% валового национального дохода (GNI) по сравнению с 18% в развитых экономиках. Этот же показатель составлял в среднем по 26 странам Азии 26%, достигая в Непале — 38%, на Филиппинах — 40%, в Шри-Ланке — 44%. В 23 африканских странах средняя доля неформального сектора составляла 42% (при этом в Бенине — 45%, в Гане — 38, в Нигерии — 57%, в Зимбабве — 59%) в Латинской Америке — в среднем 23% [15]. При всей неполноте информации о масштабах неформального сектора, очевидно, что его размеры увеличиваются, прежде всего, в городских ареалах, в том числе за счет массы мигрантов, готовых на любую работу.

Это не меняет того, что именно крупные города, несмотря на всю сложность и противоречивость их роста, стали центрами экономической мощи, повышения производительности труда, освоения научно-технических новаций, заимствуемых из опыта западных государств. Более того, как ранее отмечалось, городское население имеет более высокие доходы по сравнению с сельским. Несмотря на их мизерность, этот фактор в сочетании с увеличением численности городского населения существенно повлиял на увеличение совокупного спроса, ставшего в развивающихся странах одним из стимуляторов экономического роста.

В последние годы городская беднота развивающихся стран в силу своей массовости стала целевой группой в маркетинговой политике крупнейших ТНК. Города развивающихся стран к началу XXI века превратились в центры масштабного потребительского спроса, существенно дифференцированного по слоям населения. Немаловажную роль в его формировании играет нарастание показного, престижного потребления.

Любопытны выводы, сделанные сотрудниками компании Proctor & Gamble, одного из крупнейших производителей санитарно-гигиенических товаров, по результатам комплексного обследования городских окраин Мехико. За основу были приняты мелкие торговые точки, лавки, киоски, объединенные понятием «магазины частой посещаемости». Средняя сумма покупки здесь не превышала 2,14 долл., но годовые продажи этой торговой сети достигали 80% всех продаж потребительских товаров повседневного спроса и исчислялись многими миллиардами долларов. P&G на результатах исследования поставила задачу увеличивать в ближайшие три года продажи

собственной продукции на 5–7% ежегодно за счет привлечения новых покупателей, стремясь довести их число в развивающихся странах до одного миллиарда.¹¹

* * *

Можно прогнозировать, что в случае сохранения высоких темпов экономического роста в крупнейших странах Юга города сохранят здесь свой динамизм и влияние в политической и хозяйственной жизни. Речь идет о городах в первую очередь таких стран, как Китай, Индия, Бразилия и ЮАР, которые были обозначены, как «южные локомотивы экономического роста» на фоне спада в развитых странах Запада [16].

Урбанизация в развивающихся странах соединила в своей сути крайние противоречия, намного более сложные, глубокие, чем те, что имели место в ходе индустриализации Запада. В них сосуществуют черты нескольких эпох — от традиционной до постиндустриальной. Вызывающая роскошь центральных районов, лихорадочное возведение небоскребов и огромные трущобы, доиндустриальные производства, подсечное земледелие и ультрасовременные офисы транснациональных корпораций и банков стали отражением внутренней разобщенности городских структур, воплощенные в глубоком экономическом и социальном неравенстве горожан. В условиях глобализирующегося мира урбанизация в развивающихся странах не могла быть иной. Но главная особенность этого процесса в том, что города неизменно остаются символами прогресса и обновления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брагина Е.А. Развивающиеся страны: государственная политика и промышленность. М.: Наука, 1977.
2. Город в формационном развитии Востока. М.: Наука, 1990.
3. Мировая экономика и международные экономические отношения / Под ред. Булатова А.С. и Ливенцева Н.Н. М., 2008.
4. Покатаева Т.С. Развивающиеся страны: проблемы урбанизации. М.: Наука, 1977.
5. Сумский В.В. Фиеста Филиппина. Т. 1. М.: Наука, 2003.
6. Тодаро М. Экономическое развитие. Пер. с англ. М., 1997.
7. Широков Г.К. Восток: панорама новейшего времени. Избранные научные труды. М., ИВРАН, 2003.

¹¹ The Wall Street Journal. July 17, 2007.

8. Экономическая география мирового развития. XX век / Общая редакция: Липец Ю.Г., Пуляркин В.А., Шлихтер С.Б. СПб.: Алетейя, 2003.
9. African Economic Outlook 2007/2008. OECD, Paris, 2008.
10. Dancing with Giants. China, India and the Global Economy. World Bank. Wash. 2007.
11. Human Development Report 2005. New York, 2005.
12. Frontiers of Development Economies. Wash., 2001.
13. Maddison A. The World Economy. A Millenial Perspective. Paris, 2001.
14. OECD. Business for Development. Paris, 2007.
15. Schneider A. The Size and Measure of Informal Economy. Canberra, 2002.
16. WIDER Angle. Helsinki, # 1, 2008.
17. World Bank. World Development Report 2003. Wash., 2003.
18. World Urbanization Prospects: the 2005 Revision. New York, 2006 — <http://esa.un.org/unup>

ИНВАРИАНТЫ РАЗВИТИЯ УРБАНИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ И ИЕРАРХИЯ СИСТЕМ НАСЕЛЕНИЯ

А.А. Важенин

На рубеже XX и XXI веков, почти незамечено со стороны исследователей и широкой общественности, в расселении людей на планете Земля произошло довольно значимое событие: численность городского населения превысила численность сельского населения. Конечно, в отличие от общей численности населения, изменения которой демографы отслеживают с высокой точностью, в определении численности городского населения присутствует известная доля произвола: в разных странах различны критерии отнесения населенных пунктов к городским, сам образ жизни многих городских населенных пунктов почти неотличим от образа жизни сельских и, напротив, многие сельские населенные пункты выполняют функции городов. Тем не менее, учет доли горожан является весьма важным показателем, характеризующим общественные отношения, структуру и уровень экономического развития страны или региона.

Изучение проблем расселения, распределения людей по земной поверхности относится к числу актуальных задач социально-экономической географии. Следует отметить, что наряду с ускоренным ростом числа городских жителей (только на протяжении одного двадцатого столетия число горожан выросло с 0,25 млрд. до свыше 3,0 млрд. человек), происходит изменение самого облика городов. Если на протяжении нескольких тысячелетий, о чем свидетельствуют данные истории и археологии, города представляли собой компактные структуры с высокой плотностью населения, резко выделяющиеся на общем фоне расселения, как своей застройкой, так и, в первую очередь, выполняемыми функциями, то в настоящее время, вследствие неуклонного роста городской территории, далеко перешагнувшей административные границы, формируются обширные урбанизированные ареалы и районы, вплоть до мегалополисов. Агломерационные процессы охватывают все более удаленные от центральных городов местности, меняя внешний облик и функциональную специализацию маленьких деревень и поселков, жизненный ритм их обитателей. Прогресс транспорта и, свойственное современному информационному обществу развитие инфраструктуры, делают грань между городской и сельской местностью почти

незаметной. Привлекательность экологически чистой среды обитания при возможности пользования всеми благами городской цивилизации создают импульс, который способен кардинально изменить всю структуру расселения, складывавшуюся в течение многих столетий.

Современные научные представления об основных элементах этой структуры были выработаны на протяжении XIX–XX веков. Основные теоретические посылки, объясняющие формирование иерархических структур в объектах социально-экономической географии находим в работах Тюнена и Лаланна, Риттера и Ауэрбаха, Кристаллера и Лёша. Существенен вклад и российских географов, большое внимание городам и их иерархиям уделено в работах К.И. Арсеньева, В.П. Семенова-Тян-Шанского, Л.Е. Иофа, И.М. Маергойза и др.

Одной из фундаментальных закономерностей используемой для понимания происходящих в расселении процессов явилась, впервые установленная и опубликованная в 1913 году немецким географом Феликсом Ауэрбахом [9], зависимость между величиной города и его рангом (порядковым номером) в системе расселения. Согласно с этой закономерностью, известной, как распределение «ранг-размер» или «правило Зипфа», по имени переоткрывшего этот закон Дж.К. Зипфа [11], численность населения каждого города в системе расселения обратно пропорциональна его порядковому номеру в этой системе. То есть, размер второго города должен быть вдвое меньше первого, третьего — составлять одну треть от первого, десятого — одну десятую и так далее. Подтверждение существования такой зависимости было получено многими авторами на примерах систем расселения самых различных стран и регионов. Обширные исследования в этой области были выполнены Ю.В. Медведковым, Стюартом, Берри и другими. При этом было отмечено, что с течением времени в системе расселения, распределение «ранг-размер» сперва улучшает соответствие предсказаниям теории, а затем начинает его ухудшать.

Ответ на вопрос, вследствие чего меняются соотношения размеров городов в системах расселения, можно получить, связав изменения в распределении «ранг-размер» с ростом уровня урбанизации. Исследования показывают, что с течением времени, по мере роста доли городского населения в системах расселения, соответствие «правилу Зипфа» модифицируется определенным образом, достигая наилучших значений при доле городского населения близкой к 50% [1]. Когда доля городского населения существенно ниже образуется «приматное» в логарифмическом масштабе распределение, а при увеличении численности горожан значительно выше 50% — кривая принимает вид «полииерархичной» (двоичной, троичной и т.д.). При повышении уровня урбанизации, для крупнейших в системах расселения городов, кривые распределений все более и более уполажива-

ются по сравнению с идеальным распределением «ранг-размер», что, безусловно, оказывает влияние на отклонение распределения «ранг-размер» от идеальных пропорций, выраженных в логарифмическом масштабе прямой с наклоном 45° к осям координат.

Подобные значения оказываются действительны, прежде всего, для систем расселения отвечающих по размерам системам центральных мест. Теория центральных мест была разработана немецким географом Вальтером Кристаллером в первой трети прошлого столетия [10]. В 1930–40-е годы другим немецким ученым Августом Лёшем [6], основоположником теории экономического пространства, также большое внимание было уделено концепции размещения центров в системах расселения, что явилось дальнейшим вкладом в классическую теорию центральных мест. Данная теория, получившая широкую известность уже после Второй мировой войны, предполагает существование в системах расселения строгой иерархической подчиненности всех центральных мест (прежде всего городов). В приложении к реальным системам расселения, различными исследователями удавалось выявить до 7 уровней иерархии для различных случаев оптимизации отвечающих $K=3$, $K=4$ и $K=7$. Характерные для систем центральных мест размеры: территории — 10^4 – 10^5 квадратных километров и численности населения — 10^6 – 10^7 человек были определены В.А. Шупером, сформулировавшим положения релятивистской теории центральных мест [8]. Также была показана возможность совмещения положений теории центральных мест и распределения «ранг-размер», при этом было отмечено наличие эволюции систем центральных мест в направлении от модификации $K=1$ (случай с единственным центральным местом в системе расселения) к модификации $K=7$ по мере роста уровня урбанизации [1; 3].

При рассмотрении распределений «ранг-размер» для различных стран, в приближении к 50% городского населения, в ряде случаев мы получим почти идеальные распределения (США, Канада, Финляндия), в других же обнаруживаются отклонения от «правила Зипфа» (Чехословакия, СССР, Франция). Однако по мере роста уровня урбанизации уже для всех рассматриваемых систем расселения наблюдается несовпадение размеров крупнейших городов с идеальным, ранжированным по правилу «ранг-размер», рядом. В то же время для большинства прочих городов входящих в распределение сохраняется близость к теоретическим значениям, заданным некой гипотетической величиной первого города. Аналогичный показатель S при построении распределений городов в системах расселения использовал Ю.В. Медведков [7]. Однако, в отличие от S , гипотетическая величина главного города в нашем случае задается из условия постоянства α (угла наклона прямой распределения, $\tan 45^\circ = 1$). В результате такой

теоретической посылки нам удастся увидеть, как в распределениях городов для разных стран с ростом уровня урбанизации, отклонения от «правила Зипфа» повсеместно оказываются вызванными лишь только снижением относительной величины крупнейших городов в генеральной совокупности (рисунки 1, 2).

Необходимо учитывать, что, когда мы рассматриваем большие страны, в которых могут существовать несколько самостоятельных систем центральных мест, распределение «ранг-размер» имеет вид

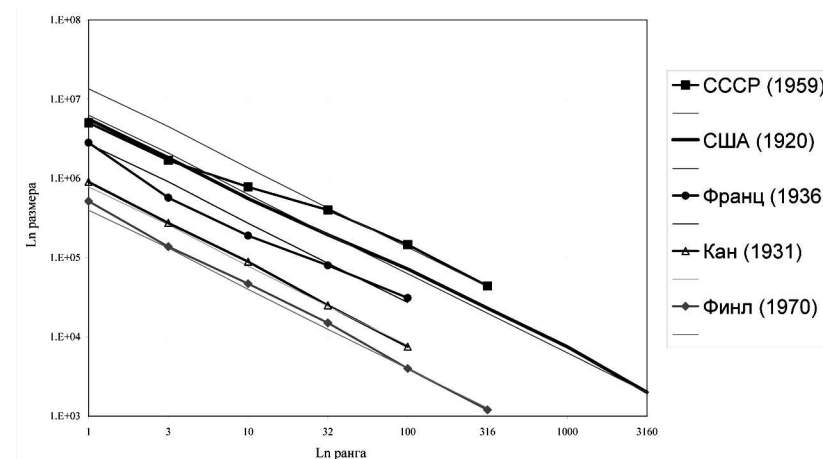

Рис. 1. Распределение «ранг-размер» при долях городского населения близких к 50%

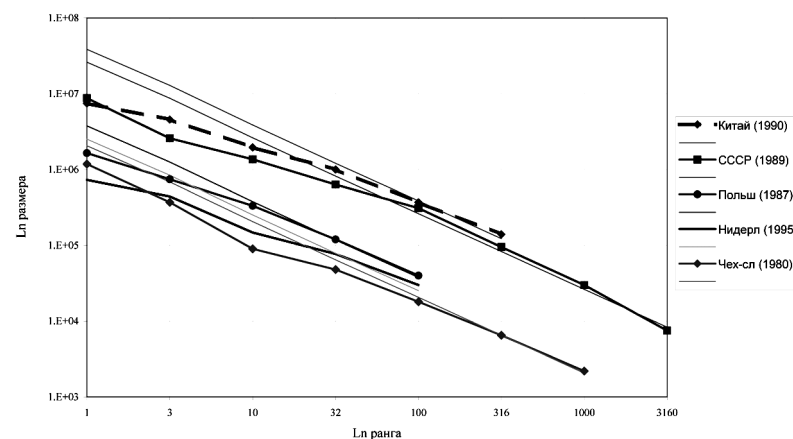

Рис. 2. Распределение «ранг-размер» для ряда стран в конце XX века

полииерархичного уже и при невысоких долях городского населения, за исключением некоторых случаев, когда мы имеем дело с системами, в которые входят мировые города. Но там мы имеем дело со случаем, когда размер города определяется не размером той или иной страны, а обширного региона или мира в целом, что и ведет к искажению распределения «ранг-размер».

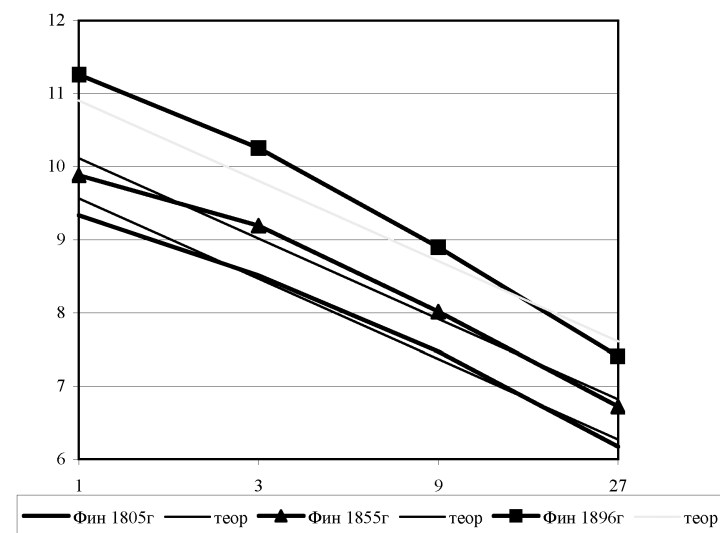
На рисунке 3 приведены диаграммы для ряда стран, для которых, в силу их достаточно большой величины, в XIX веке должно было формироваться по несколько самостоятельных систем центральных мест и которые впоследствии по мере развития транспорта могли объединяться в более крупные системы. Пока, наконец, не происходило формирование единой системы центральных мест в масштабах всей системы расселения страны.

На графиках в логарифмическом масштабе для Финляндии, Румынии, Германии наглядно видно, что на начальной стадии кривая для крупнейших городов находится значительно ниже теоретических значений. Затем, по мере развития систем расселения, укрупнения систем центральных мест, фактическая линия достигает, а после и перешагивает теоретическую для распределения «ранг-размер». Такие же результаты получены и в случаях других систем расселения: Испании, Франции, Турции и др. Если в XIX веке почти все они располагались существенно ниже идеального положения (для крупных центров, большинство прочих — лежат на этой линии), то с течением времени, с ростом доли городского населения, развитием транспорта, мы наблюдаем, как линии на графиках начинают приближаться к нормальному распределению «ранг-размер».

Для контраста, приведен пример Нидерландов — небольшой страны, которая еще в XIX веке вполне отвечала критериям единой систем центральных мест и, действительно, уже в тот период кривая фактического распределения «ранг-размер» почти идеально отвечала теоретическому проложению. Только самые главные центры оказывались несколько меньше предсказываемых теорией размеров. В середине XX века кривая приобрела такой вид, когда все города выстроились на идеальной линии, лишь Амстердам и Роттердам несколько не дотягивали до своего положения (при доле городского населения 65%). Наконец, в конце XX века, при доле городского населения 90%, кривая практически полностью «завалилась» и, лишь города с рангом ниже 25–27-го начинают совпадать с теоретической линией «ранг-размер».

Однозначное изменение кривых «ранг-размер» во всех исследованных системах расселения дополняется еще одним обобщающим показателем. А именно, если мы вычислим отношение L_n гипотетической величины главного города к L_n численности городского населения в данной системе расселения, то мы во всех случаях получим ве-

Динамика распределения «ранг-размер» для системы расселения Финляндии

Динамика распределения «ранг-размер» для системы расселения Румынии

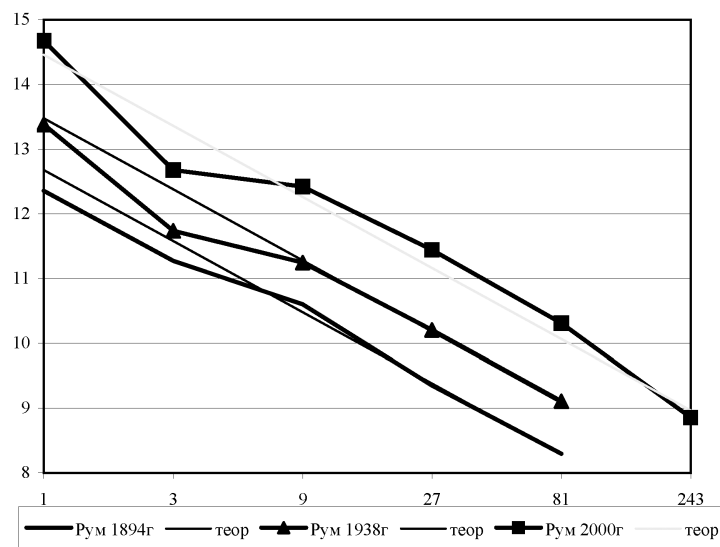
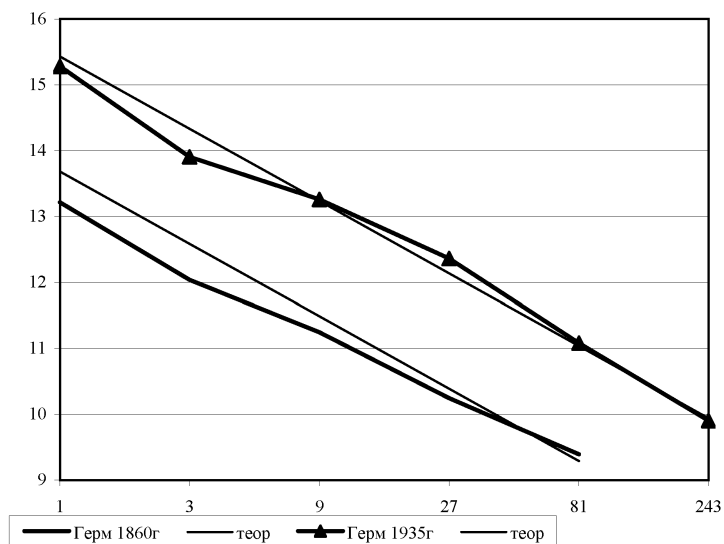
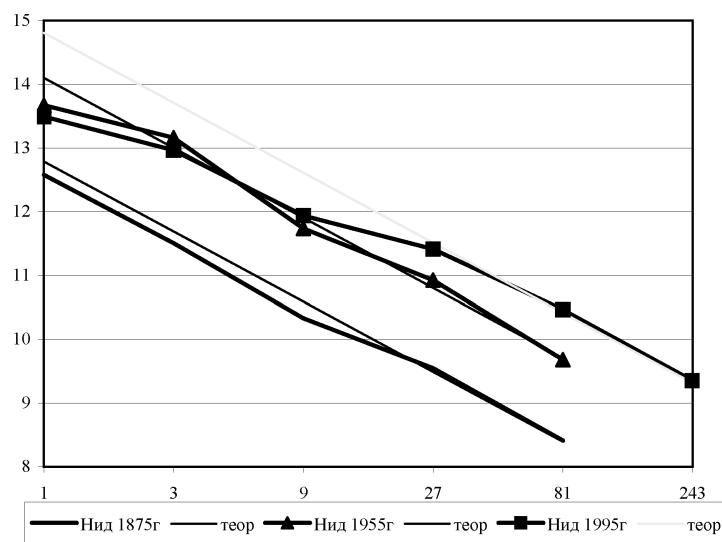

Рис. 3. Характеристики динамики распределения «ранг-размер» некоторых стран в XIX–XX веках

Динамика распределения "ранг-размер" для системы расселения Германии

Динамика распределения "ранг-размер" для системы расселения Нидерландов

Продолжение рис. 3. Характеристики динамики распределения «ранг-размер» некоторых стран в XIX–XX веках

личину, которую можно обозначить как c_0 , близкую к 0,9. Показатели по ряду стран приведены в таблице 1.

Построение для систем расселения идеальных распределений «ранг-размер», показывает, что в интервале $c_0 = 0,87–0,90$, распределение населенных пунктов сопоставимо с числами, предусматриваемыми теорией центральных мест [2, с. 57]. А вот при снижении c_0 до 0,85, пришлось бы, к примеру, для размещения 10 миллионов городских жителей учесть в идеальном распределении «ранг-размер» 90 000 населенных пунктов, включая такие, которые насчитывают всего 10 жителей, что противоречит статусу и смыслу городского поселения. Установив же $c_0 = 0,92$, мы впадаем в другую крайность, когда все население концентрируется только в 16 городах с числом жителей от 187 тысяч человек и более. В реальных системах расселения, полученные значения c_0 действительно находятся в диапазоне

Таблица 1

Характеристики систем расселения ряда стран

страна	год	доля городского населения %	c_0	численность населения крупнейшего города (тыс.чел)	гипотетическая величина главного города (тыс.чел)
США	1990	76	0.890	7323	22924
(агломерация)	1990		0.899	19342	28945
	1920	51	0.879	5620	6286
СССР	1989	66	0.896	8769	26246
	1959	48	0.892	5046	13577
Китай	1990	34	0.884	7497	38775
	1954	13	0.890	6204	10652
Франция	1992	80	0.898	2144	7539
(агломерация)	1992		0.898	9317	7571
	1936	48	0.881	2830	2725
Польша	1987	62	0.893	1651	3776
	1935	30	0.871	1221	1219
Канада	1971	76	0.887	1214	2525
(агломерация)	1971		0.891	2743	2667
	1931	53	0.874	903	783
Нидерланды	1995	92	0.896	732	2525
	1955	65	0.891	866	1274
Чехословакия	1980	73	0.896	1182	2062
	1950	48	0.888	922	1034
Финляндия	1995	76	0.885	509	699
	1970	56	0.875	518	398
	1955	36	0.881	404	277

0,87–0,90, то есть предполагают учет числа населенных пунктов, характерного для систем центральных мест.

Таким образом, распределения «ранг-размер» различных стран, несмотря на весьма значительный рост городского населения, на протяжении длительного периода времени демонстрируют неизменную близость к определенным показателям, дающим возможность сопоставлять их с системами центральных мест. Это позволяет также говорить о наличии инварианта, задающего размер городских поселений в системах расселения и определяемого только численностью городского населения.

Для крупнейших стран, таких как СССР или Китай, распределение «ранг-размер» не достигает идеальных соотношений в силу того, что их системы расселения складываются из целого ряда региональных систем. Это приводит к образованию «площадок» в верхней части кривой даже при небольших значениях уровня урбанизации, поскольку совокупное распределение задается гипотетической величиной главного города, определяемой инвариантом общей численности городского населения и достичь которой не может ни одна из региональных столиц. В том числе и национальная, поскольку ее величина задается, как общим размером страны, так и окружающим регионом. В порядке исключения необходимо делать поправку для «мировых городов», чьи притягательность и влияние выходят далеко за рамки государственных границ. В силу этого, распределение «ранг-размер» для США достигало идеальных показателей, так как размер Нью-Йорка, принявшего в XIX–XX веке миллионы иммигрантов из различных стран, уже не определялся численностью населения самих США.

Полученные выводы о соотношениях размеров городов в странах с большой численностью населения и территорией дают повод обратиться к распределению городского населения всего мира. На существование такого распределения отвечающего «правилу ранг-размер» указывает С.П. Капица, отмечая, что «...для самых больших городов наблюдается систематическое отступление от степенного распределения» [5, с. 60].

Действительно, характер кривых распределения «ранг-размер» для городского населения мира на протяжении XIX–XX веков практически не изменился (рис. 4). Несмотря на рост городского населения за указанный период с 45 миллионов до 3,0 миллиардов человек (с 5% до почти 50% от всего народонаселения мира), во всех случаях города с рангом ниже 100 укладываются на идеальную линию заданную гипотетической величиной главного города. Первые сто городов мира столь же неизменно демонстрируют постепенно увеличивающееся отклонение от идеального проложения. Весьма существенным оказывается то, что показатель s_0 — отношение $\ln$ гипотетической величи-

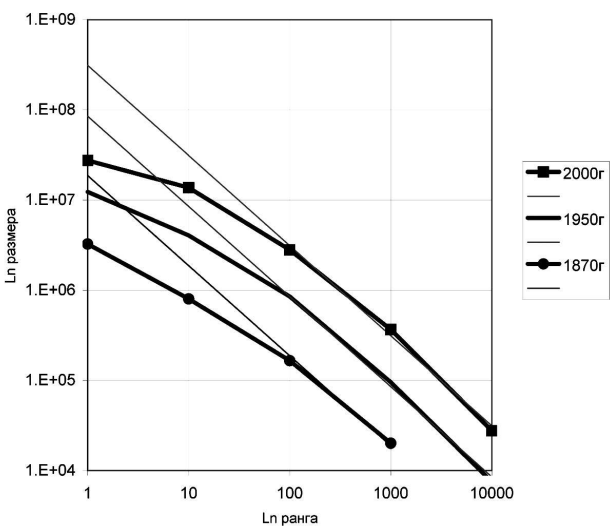

Рис. 4. Распределение «ранг-размер» для городов мира

ны первого города к $\ln$ общей численности городского населения мира — за 200 лет не претерпел серьезных изменений, что видно из таблицы 2.

Таблица 2
Изменение показателей, характеризующих городское население мира

Год	1800	1870	1920	1950	1980	2000
Численность городского населения, млн.чел	45	120	350	730	1820	3000
Доля от всего населения мира, %	5.0	8.9	19.3	28.9	41.0	49.3
s_0	0.889	0.900	0.899	0.895	0.900	0.900

Это указывает на наличие системной связи между городскими поселениями мира. Сам же показатель $s_0=0,9$, оказывается абсолютно адекватным аналогичному для систем расселения отдельных стран. Необходимо указать, что при получении вышеприведенных показателей, после 1950 года данные о численности населения крупнейших городов мира учитывались не по номинальным значениям в административных границах, а по городским агломерациям.

Учет городских агломераций в распределении «ранг-размер» для систем расселения отдельных стран на современном этапе оказывается чрезвычайно важен и приводит к значительным исправле-

ниям кривых распределения. Такой результат можно увидеть на примерах США, Канады и Франции. На уровне городов, распределения для данных стран уже далеко ушли от идеальных соотношений предписываемых «правилом Зипфа». С учетом же, выделяемых официальной статистикой, МСА и городских агломераций, кривые распределений «ранг-размер» вновь обретают вид, близкий к уровню двадцатых-тридцатых годов, когда доля городского населения в указанных странах составляла около 50% (рис. 5). Это лишний раз свидетельствует о естественности перехода городского расселения от концентрации в городах-центрах к городским агломерациям.

Таким образом, ясно, что сегодня мы являемся свидетелями качественных изменений в структуре расселения. Современному информационному обществу, по-видимому, оказываются свойственны именно такие крупномасштабные формы расселения. Важно, что, изменение масштабов не меняет общих закономерностей в характеристике размещения населения по территории. Так, кривые плотности городского населения в пределах одного населенного пункта, кривые распределения «ранг-размер» для городов и аналогичные кривые для городских агломераций весьма близки по конфигурации.

Существенным обстоятельством является также то, что с ростом уровня урбанизации величина c_0 для отдельных систем расселения постепенно повышается в интервале от 0,87 до 0,90. Можно предвидеть дальнейший рост показателя c_0 выше значений 0,90, что свидетельствует о неизбежности концентрации основной массы населения в немногих агломерациях¹, хотя теоретически можно обосновать, что даже при достижении в отдельных системах значений 0,92, в масштабах всего мира — отклонение от величины $c_0 = 0,90$ будет крайне незначительным. По крайней мере, до тех пор, пока прогресс средств передвижения не приведет к реальному слиянию складывающихся сейчас мегалополисов в единые организмы (то есть состоянию, когда для людей живущих в Бостоне будет нормальным работать в Вашингтоне, делать ежедневные покупки в Филадельфии и т.п.). В этом свете дальнейшая поляризация населения, депопуляция поселений, не попавших в сферу влияния урбанизированных зон и ареалов, представляется закономерным явлением.

Следует отметить, что изучению исследователей систем центральных мест в XX веке подверглись системы расселения, сложившиеся под влиянием скоростей железнодорожного и автомобильного транспорта. Причем, строительство скоростных железных дорог и ав-

¹ С ростом урбанизации до высоких значений, такого рода явления мы начинаем наблюдать в действительности, прежде всего, в отношении небольших густозаселенных систем расселения, можно привести в этом плане пример Пуэрто-Рико [4, с. 10].

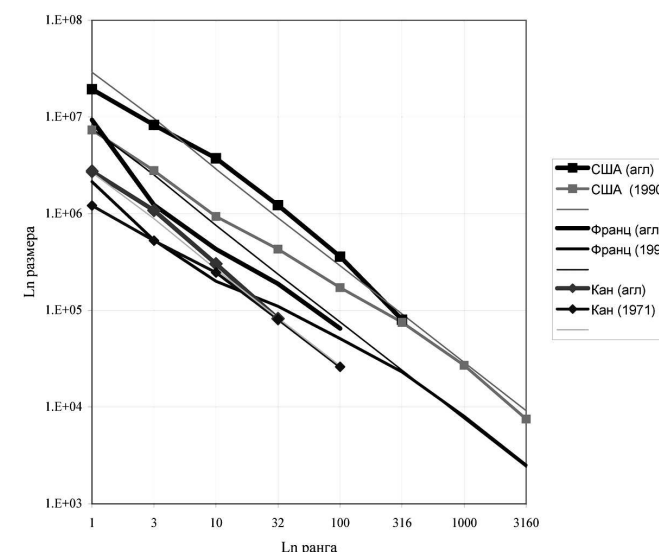

Рис. 5. Распределение «ранг-размер» для городов и агломераций ряда стран

тобанов, как и влияние авиации, только начинают сказываться на конфигурации систем расселения современного постиндустриального общества. Тем не менее, действие фундаментальных закономерностей, влияющих на динамику расселенческих процессов, позволяет считать, что центральные места будут продолжать играть ключевую роль в рисунке расселения человека в масштабах всей планеты и в дальнейшем, хотя их конфигурация не может не претерпеть заметных изменений.

Также, полученные результаты свидетельствует о том, что системы расселения достаточно инерционны и на изменения, которые в них происходят, важнейшее влияние оказывают процессы, связанные с движением социума — демографические показатели, экономическое развитие, миграция и др. В то же время, зная основные параметры системы расселения: её размеры, конфигурацию, развитие транспорта, долю городского населения (и некоторые другие), с учетом инварианта, задающего размер городских поселений, можно прогнозировать, как поведет себя система в течение времени. Саморегулирующая и самоорганизующая роль в системах расселения влияет на то, что рост населенных пунктов находится в прямой зависимости от местоположения и (или) иерархического положения которое они имеют

в сложившейся системе расселения. Учет данных обстоятельств может позволить прогнозировать динамику траекторий развития — роста различных центров.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Важенин А.А.* Эволюционные процессы в системах расселения. — Екатеринбург: УрО РАН, 1997. 61 с.
2. *Важенин А.А.* Устойчивость распределения городских поселений в системах расселения // Известия РАН. Серия географическая. 1999, № 1, с. 55–59.
3. *Важенин А.А.* Иерархии центральных мест и закономерности в развитии систем расселения // Известия РАН. Серия географическая. 2002, № 5, с. 64–71.
4. *Важенин А.А.* Применимость теории центральных мест к изучению систем расселения на островах // Известия РАН. Серия географическая. 2008, № 2, с. 7–12.
5. *Капица С.П.* Теория роста населения Земли. М. МФТИ, 1997. 82 с.
6. *Лёш А.* Географическое размещение хозяйства. — М.: Изд. иностр. лит., 1959. 455 с.
7. *Медведков Ю.В.* О размерах городов объединенных в систему // Количественные методы исследования в экономической географии. М., 1964. с. 90–121.
8. *Шупер В.А.* Самоорганизация городского расселения. — М.: РОУ, 1995. 166 с.
9. *Auerbach F.* Das Gesetz der Bevolkerungskonzentrationen. Peterman's Mittlungen, 1913. V. 59. P. 74–76.
10. *Christaller W.* Central places in Southern Germany. Englewood Cliffs. N.J., 1966.
11. *Zipf G.K.* National unity and disunity. The nation as a bio-social organism. Bloomington. Ind., 1941.

Подъем и упадок эмиграции из Европы*

Л.М. Синцеров

«Европеизация» мира посредством распространения европейской духовной и материальной культуры, науки, обычаев и образа жизни по Земному шару, их переноса на другие материки относится к числу важнейших событий, определивших глобальную логику истории. Начавшийся на заре Нового времени с установления взаимных связей между частями света, этот процесс обрёл небывалый размах в результате промышленного переворота и демографической революции, возвестив о зарождении всемирной эпохи в развитии цивилизации.

«Путь человечества и развитие цивилизации можно сравнить с целым рядом спиральных линий, чередований эпох прогресса, постоянных колебаний, как бы своего рода приливов и отливов» [9]. «Я верю в такие приливные движения, определяющие ритм материальной и экономической истории мира, даже если остаются покрыты тайной те благоприятные или неблагоприятные пороги, которые их порождают...» [2]. К числу таких «приливов» относится и вселенский подъём переселенческих движений, сменившийся по прошествии 60–70 лет их не менее бурным «отливом».

В эпоху Великих географических открытий, когда «океанический» период в истории человечества пришёл на смену «средиземноморскому», начинается неспешное заселение европейцами Нового Света. Оно обретает массовый характер лишь в середине XIX века, когда революция на транспорте сообщила мощный импульс эмиграции из Европы в США, Канаду, Австралию, Новую Зеландию, страны Латинской Америки. «Пароходы и железные дороги избородили весь земной шар и связали различные страны и народы, впрочем, этот прогресс происходит усиленным темпом лишь с середины XIX столетия. Это сделало возможным великое переселение народов... способствовало эмиграции на новые материки» [6]. С ростом уровня жизни в ходе индустриализации к середине XIX века, а тем более к 1870 г., были в основном сняты и финансовые ограничения, тормозившие прежде развитие миграционных процессов.

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 07-06-00398).

Ещё в 20–40-е годы XIX столетия эмиграция из Европы в «заморские» страны составляла в среднем 100 тыс. человек в год. В следующие 30 лет, начиная с 1846 г., она поднимается примерно до 300 тыс. в год, эта цифра увеличивается более чем вдвое в следующие за тем два десятилетия. Наконец, после 1900 г. размеры ежегодной эмиграции превысили один миллион человек, достигнув в 1909–1914 гг. рекордных 1,5 млн. переселенцев в год. В пропорции к численности населения Европы, взятой в среднем за каждый отрезок времени, эмиграция за океан возросла с 0,1% за десятилетие в 1801–1820 гг. и 0,4% в 1821–1850 гг. до 1% в 1851–1880 гг. и 2,2% за десятилетие в период 1881–1910 гг.

В основе беспримерного подъёма переселенческих движений лежал демографический «взрыв» в Европе, вызванный резким снижением смертности при инерции высокой рождаемости, который явился откликом на промышленную революцию. Он-то и породил критическую массу «избыточного» населения. Если в доиндустриальную эпоху наиболее высокие темпы роста населения не превышали 0,4–0,6% в год, то со времён промышленной революции, открывшей эру современного экономического роста, период самого быстрого роста населения в Европе пришёлся на последнюю четверть XIX и начало XX вв. [17].

На протяжении всего XIX века рождаемость в Европе держалась примерно на одном уровне, но благодаря неуклонному снижению смертности (в связи с повышением уровня жизни, развитием общественной гигиены, здравоохранения и медицины), естественный прирост населения вырос с 6,9–7,3 человек в расчёте на 1000 жителей в год в 1840–1860 гг. до 8,9–9,3 — в 1861–1880 гг. и 10–11 человек в расчёте на 1000 жителей в год в 1881–1900 гг. Несмотря на начавшееся на рубеже веков падение рождаемости, благодаря опережающему снижению смертности удалось в целом сохранить естественный прирост на уже достигнутом уровне вплоть до начала первой мировой войны. Таким образом, в период 1870–1913 гг. население зарубежной Европы возрастало примерно на 1% в год. Тенденция к падению естественного прироста населения приобретёт в зарубежной Европе всеобщий характер только после первой мировой войны [13].

Многое в истории указывает на несомненный параллелизм демографических и социально-экономических процессов [3]. Именно этим, по нашему мнению, и можно объяснить удивительное совпадение во времени демографического «взрыва» в Европе и революции на транспорте, завершившей промышленный переворот. Тесная взаимосвязь двух столь разнородных явлений вызвала небывалый подъём межконтинентальных миграций, позволивших расширить границы ойкумены и осуществить форсированную «европеизацию» мира, плоды которой человечество пожинает и поныне.

О тесной взаимосвязи демографических и социально-экономических процессов свидетельствует, в частности, тот факт, что с середины XIX века и до начала первой мировой войны отток переселенцев и вывоз капитала из Европы развивались сопряжённо, взаимно усиливая друг друга, и были тесно синхронизированы во времени, образуя четыре волны: 1845–54, 1863–73, 1880–91 и 1903–1913 гг. В основе волнообразного роста эмиграции лежали циклы естественного воспроизводства населения Европы, подъёмы которых пришлись на 1820-е, 1840–1845, 1860–1865 и 1885–1890 гг. и с интервалом примерно в 25 лет неизбежно порождали избыток рабочей силы [19; 26]. Первая в этой серии эмиграционная волна, возросшая под влиянием экономического кризиса и голода 1847 г., а также революции 1848–1849 гг., была поднята золотой лихорадкой до небывалой высоты (в Калифорнии золотые россыпи были открыты в 1848 г., в Австралии — в 1851 г.).

Следует отметить, что благодаря конкуренции судоходных компаний и техническому прогрессу стоимость билета третьего–четвёртого класса из Ливерпуля до Нью-Йорка в период с 1816 г. по 1846 г. понизилась в четыре раза. Аналогичным образом изменились цены на рейсы через Атлантику во всех портах Северо-Западной Европы. Таким образом, к середине XIX века транспортные издержки эмиграции сократились настолько, что стали по карману даже бедным ирландским крестьянам, которые в массовом количестве спасались бегством от голода.

На протяжении целой исторической эпохи сопряжённое движение рабочей силы и капитала через Атлантику играло решающую роль в согласовании ритма экономической жизни в Европе и Новом Свете. Вот что писал об этом феномене Ч.К. Гобсон: «Так как спрос на капитал и спрос на труд имеют тенденцию двигаться параллельно, то в общем активность заграничного инвестирования совпадает по времени с усилением эмиграции... Статистические данные ничего не говорят о том, в какой мере заграничное инвестирование является причиной эмиграции или наоборот. Каждое из этих двух движений несомненно является и причиной и следствием другого, и каждое так или иначе существовало бы и без другого» [4].

«Паровая» революция в морских пассажирских перевозках заметно опередила аналогичные сдвиги в доставке грузов и произошла в сжатые сроки. Пассажиры, почта, а также дорогостоящие товары стали первыми «грузами», перевозимыми по океанским просторам на пароходах. Если ещё в 1856 г. примерно 95% миграций из Европы в Северную Америку совершалось на парусных судах, то уже в 1873 г. на их долю приходилось только 3,2% перевозок переселенцев через Северную Атлантику [25].

В заселении Нового Света наступил новый этап, связанный с развитием парового флота. По данным на 1867 г., путешествие на паруснике из Европы в США занимало в среднем 44 дня, тогда как на пароходе — 14 дней. Ещё через 20–25 лет время в пути у ряда пароходных компаний сократилось до 7–8 дней. Паровые суда не только «приблизили» Европу к берегам Нового Света, радикально сократив время плавания, но и повысили его безопасность, комфорт, обеспечили регулярный характер сообщения, устраняли психологические барьеры, тормозившие развитие миграционного процесса. К 70-м годам XIX века Атлантический океан можно было пересечь относительно безопасно, по разумной цене, невзирая на погоду и в соответствии с описанием.

Рост пассажиропотока породил эффект экономии на масштабах перевозок, который привёл к ещё большему уменьшению их стоимости. Несмотря на снижение покупательной способности валюты и повышение качества услуг цена билета третьего–четвёртого класса через Северную Атлантику в 1870–1913 гг. оставалась равной примерно 4–6 фунтам стерлингов. Впрочем, фактические издержки эмиграции в связи с ростом уровня жизни заметно сократились, т.к. величина ВВП в расчёте на душу населения (в постоянных ценах) за этот период увеличилась в Великобритании, России, Нидерландах и Бельгии на 45–55%; в Италии, Норвегии, Чехии, Словакии и Венгрии — на 65–80%; в Германии, Австрии, Швеции, Дании и Финляндии — на 85–100% и т.д. Неудивительно, что стоимость проезда в Северную Америку для жителя, скажем, Ирландии с 1850 г. по 1913 г. в пропорции к реальной заработной плате понизилась более чем вдвое. Особенно важным стимулирующим фактором снижение «стоимости» эмиграции было для потенциальных переселенцев из беднейших стран.

Переселенческий процесс, охвативший первоначально страны Северо-Западной Европы — Великобританию, Ирландию, Германию, Бельгию, Швейцарию, Нидерланды, Швецию, Норвегию, Данию и отчасти Францию (так называемая «старая» эмиграция), к концу XIX в. распространился на восточную и южную окраины континента — Италию, Испанию, Португалию, Грецию, Болгарию, Сербию, Черногорию, Российскую империю, Румынию, Грецию, европейскую часть Турции и Австро-Венгрию («новая» эмиграция). В империи Габсбургов, население которой выросло примерно с 40 млн. чел. в 1890 г. до 50 млн. чел. к началу первой мировой войны, ежегодное превышение рождаемости над смертностью достигало полумиллиона человек, при этом ежегодная эмиграция составляла четверть миллиона человек. Доля «новой» эмиграции в потоке переселенцев из Европы постепенно нарастала: с 3% в середине XIX столетия до 10% в 60-е годы, 20% — в 70-е годы, 35–40% — в 80-е годы, $\frac{2}{3}$ — в 90-е годы XIX в. и до 75% в начале XX века. Таким образом, достигнутый

к началу XX века беспрецедентный в истории подъём европейской эмиграции был связан, главным образом, с оттоком населения из отсталых, аграрных стран Восточной и Южной Европы.

Прошло немало времени, прежде чем переселенческие процессы охватили периферию Европы, где слабо развитая промышленностью была неспособна обеспечить занятостью «излишки» сельского населения. Когда же, с развитием сети железных дорог и снятием формальных ограничений (так, в Италии ограничения на эмиграцию были законодательно отменены в 1888 г.), условия для массовой эмиграции здесь окончательно созрели, решающую роль сыграли «преимущества» экономической отсталости. По сравнению с Великобританией или Германией уровень и качество жизни на юге и востоке Европы были несравнимо ниже, поэтому и открывавшиеся в Новом Свете «неограниченные возможности» привлекали уроженцев этих стран безусловно сильнее, чем немцев или британцев.

Особенно драматичный по своим последствиям характер смена переселенческой парадигмы имела для США, где она первоначально привела к бурному росту, а затем — к катастрофическому упадку иммиграционного процесса. Из общей численности прибывших в 1841–1890 гг. в страну иммигрантов только 8% были выходцами из Южной и Восточной Европы, включая Россию, тогда как в 1891–1914 гг. их доля составила 67%. Непосредственно перед началом первой мировой войны, с 1908 по 1914 г., 22% иммигрантов приехали в США из Австро-Венгрии, 21% — из Италии и 20% — из Российской империи¹, тогда как Великобритания и Ирландия дали только 9% переселенцев, Германия — 3% [23].

Следует отметить, что изменение роли Великобритании, прежде основного «поставщика» переселенцев в США, было связано, среди прочего, с переориентацией британского миграционного потока на другие «заморские» страны. В абсолютных цифрах количество эмигрантов, покинувших Великобританию, в начале XX века достигло рекордного уровня (284 тыс. в год в 1901–1910 гг. и 464 тыс. в год в 1911–1913 гг.). Однако если в 60-е годы XIX века 72% британских переселенцев направлялись в США, то к 1911–1913 гг. их доля сократилась до 27%, при этом доля британских переселенцев, направлявшихся в страны, входившие в состав Британской империи, наоборот выросла с 26% до 65%.

¹ «Русская» диаспора в США почти целиком формировалась из представителей национальных меньшинств. Из всей массы переселенцев, прибывших в США из Российской империи в первое десятилетие XX века, на долю евреев приходилось 43,8%, поляков — 27%, литовцев — 9,6%, финнов — 8,5%, немцев — 5,8% и только 4,4% — на долю русских.

Сдвиги в географии переселенческого процесса не обошёл вниманием В.И. Ленин. Вот что он писал в статье «Капитализм и иммиграция рабочих» о наплыве «новой» иммиграции в Соединённые Штаты Америки: «Таким образом, самые отсталые страны старого света, сохранившие всего более остатков крепостничества во всём строе жизни, подвергаются, так сказать, насильственной выучке цивилизации. Американский капитализм вырывает миллионы рабочих... из их полусредневековой обстановки и ставит их в ряды передовой, международной армии пролетариата» [8].

Пафос ортодоксального марксиста не разделяло американское общественное мнение. Многим казалось, что волна «новой» иммиграции разрушает ядро американской нации, исторически сложившийся образ истинного янки — англосакса и протестанта. Ему на смену приходят малограмотные инородцы (доля неграмотных среди «новых» иммигрантов составляла 36% по сравнению с 3% среди представителей «старой» иммиграции), варвары, чуждые «протестантской этике и духу капитализма», часто временщики, безынициативные и некавалифицированные (доля профессионально подготовленных переселенцев среди «новых» иммигрантов была вдвое ниже), с иным менталитетом, не разделяющие привычных ценностей англосаксонской морали, закона и порядка, которые плохо адаптируются к реалиям американской жизни и не склонны к ассимиляции. Настроения ксенофобии и конкуренция на рынке труда — всё это в конечном итоге привело к резкому ужесточению иммиграционной политики в США. Но случится это позднее — уже после окончания первой мировой войны, вызвавшей небывалый всплеск патриотизма и национализма.

На ранних этапах география заморской эмиграции из Европы отличалась крайне высокой концентрацией потоков на США и будущих британских доминионах (Канаде, Австралии и Новой Зеландии). В дальнейшем доля стран этой группы снизилась с 93,2% переселенцев в 1821–1850 гг. и 84,5% в 1851–1880 гг. до 74,8% в 1881–1914 гг. Канада и Австралия были вытеснены со второго–третьего места по приёму иммигрантов «иноязычными» Аргентиной и Бразилией, увеличившими свою долю более чем вдвое по сравнению с предыдущим периодом и принявшими в 1881–1914 гг. почти $\frac{1}{5}$ всех переселенцев.

Взаимосвязь между сдвигами в географии эмиграции из Европы и иммиграции в Новый Свет очевидна. Эмиграция из Великобритании и Ирландии почти целиком шла в англоязычные страны (в США и доминионы), а значительная часть «романской» эмиграции была направлена в Латинскую Америку. В целом за период 1870–1914 гг. 79,2% британских и ирландских переселенцев направлялись в США и Канаду, 16,5% — в Австралию и Новую Зеландию и практически все остальные — в Южную Африку, тогда как из общего числа итальянских

переселенцев, выехавших за этот период в Новый Свет, 56% держали путь в Северную и 44% — в Южную Америку. Страны, близкие этнографически и по языку, имеют особую притягательную силу для переселенцев.

Эмиграция создавала мощный поток обратных связей, внося коррективы в международное разделение труда, движение капиталов и т.п. Денежные переводы итальянских эмигрантов на родину позволили Италии после 1900 г. с избытком компенсировать прибыль, заработанную иностранным капиталом в этой стране, и сделали положительным её платёжный баланс. С ростом в США итальянской диаспоры связывают и значительное расширение торговли между Соединёнными Штатами и Италией в конце XIX — начале XX вв. Перед первой мировой войной Италия занимала ведущее место среди стран Европы по доле США во внешней торговле. Итальянская община создала обширный рынок для товаров с исторической родины, там же завязывали коммерческие связи и американские предприниматели итальянского происхождения [18].

Известное правило гласит: эмиграция порождает эмиграцию. Важным побудительным мотивом эмиграции в США было наличие там родственников и знакомых. Множество писем из-за океана, к которым зачастую был приложен оплаченный билет в Новый Свет, способствовали усилению переселенческих настроений. Пароходные и железнодорожные компании, иные силы, заинтересованные в притоке рабочей силы, налогоплательщиков и электората, рекрутировали переселенцев прежних лет, предлагая им бесплатные поездки в родные места, при условии, что они привлекут в Америку новых эмигрантов. Новоиспечённым немецким, итальянским, шведским «янки», хорошо осведомлённым о положении дел на новой родине, было сравнительно легко склонить к эмиграции своих соотечественников.

Значительные суммы денежных переводов из-за океана в европейские страны и широкое использование переселенцами предварительно оплаченных билетов через Атлантику свидетельствуют о том, что эмигранты прошлых лет непосредственно финансировали последующие волны эмиграции. Половина шведских эмигрантов (в 1880-е годы), 40% эмигрантов из Норвегии (в 1870-е годы), 30% эмигрантов из Финляндии (в 1891–1914 гг.) и 25% эмигрантов из Дании (в 1881–1895 гг.) отправлялись в путь по предварительно оплаченным билетам. К концу XIX века проездные расходы 79% британцев и более чем половины евреев из Восточной Европы, эмигрировавших в США, были оплачены их друзьями и родственниками, ранее обосновавшимися в Соединённых Штатах Америки.

Переселенческий процесс носил во многом инерционный характер. Чем многочисленнее становилась диаспора, тем больше росли

совокупные размеры поступающих на родину денежных переводов, тем шире становился круг потенциальных переселенцев нового поколения. Лавинообразно нарастал и поток информации о жизни в зарубежных странах. Кумулятивный эффект от прежних миграций («эффект друзей и родственников») имеет статистическое выражение, полученное на материале британской, итальянской и норвежской эмиграции: на каждую тысячу переселенцев прежних лет, проживавших за рубежом, ежегодно приходилось 80–90 новых эмигрантов (для шведской эмиграции соответствующий показатель составлял 108, а для датской — 130 человек).

Эмиграция порождает и реэмиграцию — обратное переселение эмигрантов на родину. Долгое время из-за высоких транспортных расходов её масштабы были невелики, и разница между общими размерами эмиграции и «чистой» эмиграцией (т.е. между эмиграцией «брутто» и эмиграцией «нетто») оставалась, в общем, незначительной: в 1800–1820 гг. она не зарегистрирована вовсе, в 1821–1850 гг. реэмиграция составляла 8%, а в 1851–1880 гг. — 18% оттока переселенцев из Европы. Однако с падением стоимости реэмиграции, её масштабы возросли до 30–31% оттока переселенцев из Европы за 1881–1910 гг. О реальной возможности возвращения на родину свидетельствуют данные за 1880 г., когда стоимость проезда от Нью-Йорка до Неаполя третьим–четвёртым классом составляла 15 долларов, в то время как средняя заработная плата неквалифицированного рабочего в США за один день равнялась 1,23 доллара.

Реэмиграция европейцев из США в 1908–1910 гг. достигала 32% притока в Соединённые Штаты иммигрантов из Европы, варьируя в широком диапазоне от 7–8% — для ирландцев и евреев, 11–14% — для скандинавов, англичан и голландцев, 17–21% — для немцев и финнов, 31% — для поляков до рекордных 51% — для испанцев, 56% — для итальянцев из Южной Италии, 57% — для хорватов и словенцев, 59% — для словаков, 63% — для уроженцев Северной Италии и 65% для венгров. Как видно, разница максимальных и минимальных показателей реэмиграции достигала девятикратной величины: одни приезжали в США на время, другие — навсегда. Именно тогда и сформировался достаточно устойчивый «коэффициент реэмиграции»: на протяжении всего XX столетия реэмиграция из США составляла примерно $\frac{1}{3}$ от общего притока в страну переселенцев.

«Новая» иммиграция представляла собой совершенно иной тип миграции населения, нежели «старая». Если для «старой» иммиграции из стран Северо-Западной Европы показатель реэмиграции в 1908–1910 гг. составлял 16%, то для «новой» иммиграции в те же самые годы он был более чем вдвое выше и достигал 38%. Многие выходцы из бедных стран Южной и Восточной Европы сознательно при-

езжали в США не на постоянное жительство, а на заработки, с тем чтобы, скопив некоторую сумму денег, вернуться затем на родину. Об этом косвенно свидетельствует тот факт, что доля мужчин превышала 75% общего числа итальянских и испанских мигрантов. Те же итальянцы составляли практически треть реэмигрантов, что в 1,5 раза превышало их долю среди всех прибывающих в США мигрантов. С другой стороны, доля британцев и ирландцев среди реэмигрантов была вдвое меньше, чем среди приезжающих в Соединённые Штаты переселенцев.

«Перелётные птицы» — так в начале XX века называли временных переселенцев (известно, что более $\frac{4}{5}$ реэмигрантов пробыли в США менее пяти лет). Приток дополнительной рабочей силы, особенно из Средиземноморья, в периоды высокой конъюнктуры ограничивал рост заработной платы, а её массовая репатриация в условиях спада позволяла «экспортировать» проблему безработицы (как это делали, скажем, в 1970-е годы страны Западной Европы), поддерживая тем самым равновесие на американском рынке труда.

Значительно более высоким, чем США уровнем реэмиграции отличалась Аргентина, где он составлял примерно $\frac{1}{2}$ притока в страну переселенцев. Это была во многом временная, часто сезонная, миграция рабочей силы. На исходе XIX столетия морской транспорт заметно подешевел, так что многие батраки и малоземельные крестьяне из Италии и Испании, закончив летние полевые работы у себя на родине, отправлялись на уборку урожая в Аргентину с тем, чтобы к следующему сельскохозяйственному сезону снова вернуться домой. В период с конца 1880-х годов и вплоть до начала первой мировой войны до 200 тысяч итальянцев [21] ежегодно приезжали в Аргентину на сезонные работы, а затем, словно перелётные птицы, возвращались обратно в Европу. В современном «глобализированном» мире эпохи Интернета едва ли можно встретить подобного рода межконтинентальные миграции рабочей силы.

Устойчивое экономическое развитие в конце XIX — начале XX вв. как в Старом, так и в Новом Свете было неразрывно связано с бесперебойными движениями трудовых ресурсов через Атлантику. Господствовавшей в то время в мире финансовой системе «золотого стандарта» был присущ дефляционный механизм, который оказывал депрессирующее воздействие на занятость населения. При этом эмиграция играла амортизирующую роль на рынке труда, она была своего рода «отдушиной», препятствовавшей развитию массовой безработицы в европейских странах.

Эмиграция 1870–1910 гг. привела к сокращению численности рабочей силы в Ирландии — на 45%, в Швеции — на 20%, в Норвегии — на 24%, в Дании — на 14%, в Великобритании — на 11%, в Испании

и Португалии — на 5–6%. С другой стороны, в результате глобально-го перераспределения трудовых ресурсов малозаселённые, но богатые природными ресурсами страны Нового Света за тот же период времени получили существенную прибавку в численности рабочей силы: Аргентина — на 86%, Канада — на 44%, Австралия — на 42%, Соединённые Штаты — на 24%.

Высокий уровень жизни в Новом Свете и «избыток» рабочей силы в Европе служили мощной движущей силой миграционного процесса. В 1850 г. реальная заработная плата в США в среднем была в 4,3 раза выше, чем в Швеции, а в Австралии — в 3,2 раза выше, чем в Ирландии. В 1870 г. реальная заработная плата в Австралии была почти вдвое выше, чем в Великобритании; в Аргентине — в 2,3 раза выше, чем в Италии; в Канаде — в 1,5 раза выше, чем в Великобритании и вдвое выше, чем в Ирландии.

Британские переселенцы, направлявшиеся в Австралию были движимы примерно такой же разницей в оплате труда, как итальянцы или испанцы, переезжавшие на жительство в Аргентину. В 70-е годы XIX века реальная заработная плата в Италии и Испании составляла всего 22–23% от соответствующего показателя в США, а в отдельно взятой Испании она не превышала 52% от уровня оплаты труда в Аргентине. Перед началом первой мировой войны заработная плата в Италии составляла соответственно 28% и 48% от размера заработной платы в США и Аргентине, а для Испании соответствующие показатели составляли соответственно 18% и 32% (примерно такой же была ситуация и в Португалии) [24].

В чём-то был прав утопист Криге, увидевший в переселении из Европы в Новый Свет едва ли не единственное средство решения социальных проблем на глобальном уровне. Массовая миграция явилась действенным фактором общественного и экономического развития в чём-то аналогичным процессу индустриализации. С оттоком «излишков» рабочей силы за океан, её предложение на рынке труда в европейских странах сокращалось, а стоимость росла. Тем самым переселенцы не просто повышали собственный уровень жизни, но активно способствовали также решению проблемы бедности у себя на родине. Об этом убедительно свидетельствуют данные по динамике реальной и гипотетически возможной (в случае отсутствия миграционного процесса) заработной платы, полученные Т. Хаттоном и Дж. Вильямсоном [20].

Уникальный пример решения социальных проблем «на глобальном уровне» даёт Ирландия. Катастрофический голод конца 40-х годов XIX века послужил толчком для массового переселения ирландцев за океан. Прибывая во все американские порты, от Бостона до Нового Орлеана, они подняли уровень иммиграции из Европы на не-

бывалую прежде высоту. Только за первые 25 лет с начала исхода из страны выехало более трети её населения, а всего за 60 лет родину покинули более 4,5 млн. ирландцев (за 1851–1911 гг. население Ирландии сократилось с 6,5 до 4,4 млн. чел.). «...В Соединённых Штатах теперь больше ирландцев, чем в Ирландии!» — констатировал В.И. Ленин. Уровень эмиграции из Ирландии в расчёте на одну тысячу жителей более чем вдвое превышал уровень эмиграции из любой другой европейской страны, и есть основания полагать, что этот рекордный показатель и поныне не имеет аналогов в истории. Интересно, что индекс реальной заработной платы в Ирландии за указанный период увеличился примерно вдвое — половина этого прироста была вызвана массовым оттоком из страны населения.

Вслед за Ирландией наиболее высокие относительные показатели («брутто») эмиграции за океан на протяжении всего периода с середины XIX века и до 1914 г. демонстрировали Великобритания и Норвегия. Каждые десять лет из этих стран эмигрировало по 5–6% населения. В Италии, Испании и Португалии переселенческий процесс достиг подобной интенсивности лишь на рубеже XX века, сохранив её вплоть до первой мировой войны. Каждый двадцатый житель Австро-Венгрии и Финляндии эмигрировал за океан в 1900–1910 гг. Отток населения из Швеции, высоко поднявшийся в 80-е годы XIX в., привёл к тому, что перед началом первой мировой войны примерно каждый пятый швед проживал в США, учитывая первое поколение эмигрантов и их детей.

Это была эпоха великого переселения народов. За период 1851–1914 гг. Европу покинули 40 млн. человек («брутто»), что примерно равно численности населения Великобритании или Франции на начало XX в. Общее количество переселенцев распределялось примерно следующим образом: $\frac{1}{3}$ дали Великобритания и Ирландия, Италия — 20%, Германия и Австро-Венгрия — по 10–11% и примерно столько же пришлось в сумме на Испанию с Португалией. Очевидно также, что в числе лидеров была и Российская империя. Крупнейший отечественный демограф Б.Ц. Урланис, основываясь на данных 1841–1900 гг., ставит Россию на третье место среди европейских стран, поставивших эмигрантов в Новый Свет [13]. Расчёты, проведённые на основании приводимых С. Кузнецом данных [22], показывают, что «чистый» отток населения из Европы за 1851–1914 гг. составил 29 млн. человек.

Отток населения за океан отчасти восполнялся реэмиграцией, а отчасти — притоком иностранной рабочей силы в передовые европейские государства, пожинавшие плоды бурной индустриализации, из соседних стран. Значительно позднее, уже в 1950-е годы, когда мир в основном оправился от разрушительных последствий второй

мировой войны, поборники европейской интеграции поднимут вопрос о восстановлении «общего рынка» рабочей силы, существовавшего в Европе до первой мировой войны. Действительно, вплоть до 1914 г. миграционные процессы на европейском континенте носили нерегулируемый характер, а рынок рабочей силы был сравнительно мало разделён политическими границами. Для зарубежных поездок не было нужды в заграничных паспортах и визах, а при найме иностранцев на работу не требовались специальные разрешения на трудоустройство.

В конце XIX — начале XX вв. происходил отток рабочей силы из Восточной и Южной Европы в промышленно развитые страны Северо-Западной Европы, где уровень реальной заработной платы был в среднем в 1,5–2 раза выше. Географическая близость, развитая сеть железных дорог и низкие транспортные расходы — всё это облегчало поиски работы в соседних странах, а в случае неудачи можно было с лёгкостью вернуться домой. Риск подобного рода предприятий был заведомо ниже, чем при переселении за океан. Перемещения рабочей силы из одной европейской страны в другую на этом этапе характеризуются как «очень важные», хотя они и не поддаются столь точной оценке, как масштабы переселения в заморские страны. Временная миграция и трансграничные перемещения рабочей силы играли при этом значительно более важную роль, чем переезд на постоянное жительство. Ежегодно европейские границы пересекало от 1 до 2 млн. только временных мигрантов. В основном это были выходцы из Польши, Австро-Венгрии, Испании и Италии (из общего числа итальянцев, покинувших родину в 1871–1914 гг., более 40% выехали в другие страны Европы), которые направлялись главным образом во Францию, Германию, Бельгию, а также в Швейцарию [19].

Европейцы были главными, но не единственными участниками межконтинентальных движений населения. Отчасти это обстоятельство, особенности учёта, а также тот факт, что часть переселенцев, прибывавших в Канаду, направлялась транзитом в США — всё это наложило отпечаток на результаты иммиграционной статистики, согласно которым масштабы межконтинентальной иммиграции в 1851–1914 гг. достигали примерно 46 млн. человек («брутто»). Из их числа 64% въехали в США, по 7% — в Канаду, Бразилию и Австралию с Новой Зеландией, 10% — в Аргентину и т.д.

В Соединённые Штаты Америки за этот исторический период прибыло 29,5 млн. иммигрантов, при этом «чистый» приток переселенцев составил 21,5 млн. человек. А ведь ещё в 1850 г. здесь проживали всего 23 млн. человек, и по численности населения США занимали восьмое место среди стран мира, уступая не только Китаю, Индии и России, но также Франции, Японии, Великобритании и Италии. Мас-

совый приток переселенцев способствовал превращению США в великую державу: к 1911 г. население страны выросло в четыре раза.

К концу эпохи «великого переселения народов» доля иммигрантов в населении стран Нового Света достигла предельно высокой величины. Согласно переписи, проведённой летом 1914 г., примерно 30% населения Аргентины родились за границей. Среди мужчин старше 20 лет этот показатель составлял 52%, а в столице страны Буэнос-Айресе, через которую проходил основной поток переселенцев, на каждого коренного аргентинца в этой возрастной группе приходилось почти три человека того же возраста родившихся за рубежом.

Незадолго до начала первой мировой войны 22% жителей Канады, примерно $\frac{1}{6}$ — Австралии и более 26% жителей Новой Зеландии были иммигрантами первого поколения, т.е. родились за рубежом. В Соединённых Штатах Америки 15% населения составляли иммигранты первого поколения, ещё у 20% американцев оба или один из родителей были иммигрантами первого поколения. Доля переселенцев среди работающих американцев была заметно выше, чем в общей массе населения страны, особенно в отдельных отраслях американской экономики. Так, в 1914 г. рабочие иностранного происхождения занимали в чёрной металлургии 58% всех рабочих мест, в угледобывающей промышленности — 62%, в нефтеперерабатывающей — 67%. Среди постоянно проживавших в США на тот момент уроженцев зарубежных стран выходцы из Австро-Венгрии составляли 10%, из Италии — примерно 10%, из России и Финляндии — также примерно 10%, из Великобритании и Ирландии — почти 20%, из Германии — 16–17%.

Именно тогда, на пике заморских миграций, когда в США ежегодно прибывало более одного миллиона переселенцев, и появилось понятие «плавильный котёл», ставшее одной из основных парадигм этнического развития США в XX веке. Этот термин связан с названием пьесы известного британского журналиста и драматурга И. Зангвилла «Плавильный котёл» (1908 г.). Главный герой пьесы, молодой иммигрант Горас Элдджер, глядя с корабля, прибывшего в Нью-Йорк, восклицает: «Америка — это созданный богом огромный плавильный котёл, в котором переплавляются и преобразуются все народы Европы... Немцы и французы, ирландцы и англичане, евреи и русские — все в этот тигель. Так господь создаёт нацию американцев».

Эпоха «открытых дверей» завершилась с принятием американским Конгрессом в 1917 и, особенно, в 1921 и 1924 гг. жёстких иммиграционных законов. Для переселенцев был введён паспортный контроль, а общий лимит ежегодно допускаемых в страну иммигрантов был зафиксирован на уровне 358 тыс. человек, а затем снижен примерно до 150–160 тыс. человек. Конгресс установил квоты на иммиг-

рацию: теперь количество переселенцев из каждой страны, которые ежегодно допускались в Соединённые Штаты Америки, было определено в размере 2% от числа выходцев из этой страны, проживавших в США в 1890 г.

Введённое в действие законодательство имело две главные особенности: 1) оно фактически в шесть-семь раз по сравнению с довоенным уровнем сокращало допуск в страну переселенцев; 2) ограничительные меры носили явно дискриминационный характер и были направлены в первую очередь против потока «новой» иммиграции, которая рассматривалась в качестве чуждого элемента в американском обществе. Согласно закону 1924 г., из каждых пятнадцати переселенцев, получающих право на жительство в Соединённых Штатах, двенадцать должны быть выходцами из Великобритании, Ирландии, Германии, Нидерландов и Скандинавских стран. Таким образом, в США теперь ежегодно допускались 127 тыс. иммигрантов из Северо-Западной Европы («старая» иммиграция), квота же для иммигрантов из Восточной и Южной Европы («новая» иммиграция) составляла всего 24 тыс. человек, для переселенцев из других частей света общая квота не превышала трёх тысяч человек. В связи с принудительным свёртыванием иммиграционного процесса в полную мощь заработали механизмы внутренней консолидации американского общества, и, как показало время, в период 20–60-х годов XX столетия тенденция ассимиляции и интеграции стала господствующей в США [14].

Предпосылки к ужесточению иммиграционного законодательства зрели давно — движение по противодействию иммиграции в американском обществе набирало силу с конца XIX века. И первые шаги в этом направлении не заставили себя ждать: в 1904 г. в США был принят закон, запретивший иммиграцию в страну китайцев, а в 1908 г. с Японией было заключено «джентльменское» соглашение, обязывавшее страну Восходящего солнца практически полностью прекратить эмиграцию в США лиц, занятых физическим трудом.

С прибытием в США огромных людских масс из Южной и Восточной Европы (миллионов итальянцев, славян, евреев и др.) недовольство среди местного населения стало нарастать. Под давлением общественного мнения американский Конгресс учредил специальную комиссию, задачей которой было изучение сдвигов в характере иммиграции за последние 25 лет. По итогам её работы в 1911 г. был опубликован обширный доклад, который констатировал резкое снижение «качества» иммиграции, связанное с наплывом переселенцев из отсталых стран Европы, которые плохо поддаются американизации, служат источником преступности, социальных конфликтов и т.п. Как отмечалось в докладе, приток избыточного количества дешёвой рабочей силы создавал угрозу благополучию простых американцев,

усиливая раскол в обществе. Вердикт комиссии Конгресса гласил: иммиграцию в США следует ограничить [14; 20].

Последовавший позднее, уже десятилетие спустя, коренной перелом в иммиграционной политике оказался тесно увязан с циклическим ритмом, существующим во внешней политике США. В американской политической истории выявлены чётко сменяющие друг друга «интровертные» и «экстравертные» циклы, продолжительностью примерно 20 лет, которые носят в значительной мере самогенерирующий характер. Для «экстравертного» цикла характерно активное участие страны в международных делах, для «интровертного» — сосредоточенность на проблемах внутренней жизни [15]. С началом очередной «интровертной» фазы американского внешнеполитического цикла, отмеченной изоляционизмом и охватывающей период 1918–1940 гг., произошла «смена вех» и в иммиграционной политике. Как только «отложенный» войной переселенческий процесс возобновился с прежней силой, выводы специальной комиссии Конгресса США были незамедлительно воплощены в жизнь.

Глобализация рынка рабочей силы, ставшая свершившимся фактом в конце XIX — начале XX вв., породила собственную противоположность — деглобализацию, толчком к развитию которой послужил небывалый всплеск национализма и изоляционизма, вызванный первой мировой войной. Появление квот и иных ограничений в иммиграционной политике приняло в послевоенные годы в Новом Свете повсеместный характер и было вызвано, главным образом, внутренними причинами. Массовый наплыв переселенцев привёл к перенасыщению рынка рабочей силы, падению цен на неё и снижению уровня жизни. В частности, в США иммиграция 1870–1910 гг. привела к сокращению реального уровня заработной платы в стране на 8–15% [24]. Выросла разница в доходах между средним классом и трудящимися низкой квалификации. Это, в конечном итоге, и привело к ужесточению иммиграционной политики и, как следствие, к распаду мирового рынка рабочей силы, его дезинтеграции.

Первая мировая война уничтожила многие ценности западной цивилизации и, среди них, свободу передвижения — до неё можно было ездить по миру без паспортов и виз. С введением паспортно-визового режима пересечения границ был фактически установлен государственный контроль за перемещениями людей, явившийся необходимым условием для централизованного регулирования миграционных процессов. Обычная поездка за рубеж, равно как и переезд на постоянное жительство в другую страну, выезд за границу на работу — более не являлись личным делом гражданина, а требовали санкции властей.

Уже в начале 1920-х годов стало очевидно, что в миграционной политике произошёл коренной перелом и в противоположность прежней эпохе «всеобщего поощрения международного обмена людьми», иммиграция стала осуществляться на основе более или менее строго проводимого принципа «закрытых дверей», особенно в Америке и в Австралии. Эти мероприятия возникли на основе желания «защитить национальный труд», которому, по мнению профсоюзов, угрожала иностранная иммиграция [7].

Исторический разворот в миграционной политике явился частью глобальных трансформаций, изменивших облик мирового хозяйства в результате первой мировой войны [10; 11]. Империалистическая война 1914–1918 гг., оставившая в наследство «взаимное отгораживание друг от друга разодранного на части человечества», явилась «вулканической катастрофой» в истории мирового хозяйства. «Человечество ныне свернуло с пути, обозначающего расширение мирового хозяйства, т.е. хозяйственного (а не только торгового) общения между народами, и поворот этот совершился благодаря повсеместному проявлению тенденций к хозяйственному и политическому самоизоляции, к самозамыканию национальных хозяйств, устранению иностранной конкуренции...» [16].

Резкое сокращение эмиграции из Европы — одно из важнейших событий в мировом хозяйстве в период между двумя мировыми войнами, наложившее отпечаток на развитие многих экономических и общественно-политических процессов. В целом в 1920-е годы ежегодная эмиграция из Европы по сравнению с 1900-ми годами в абсолютных цифрах понизилась вдвое за счёт фактического сокращения приёма иммигрантов в США — в 2,1 раза, в Австралии и Новой Зеландии — в 2,4 раза, в Канаде — на 13%, в странах Латинской Америки — на 10% и в остальных странах — в 1,7 раза.

Закрылась важная «отдушина», через которую происходил отток из Европы значительной части «избыточной» рабочей силы, и уже в 20-е годы безработица стала серьёзной социальной проблемой во многих европейских странах — её уровень вырос «в разы» по сравнению с довоенным периодом. Так, среди промышленных рабочих Великобритании уровень безработицы увеличился с 3,3% в 1900–1913 гг. до 11,1% в 1920–1929 гг., в Германии — с 3,5% до 8,7%, в Дании — с 8,8% до 16%, в Норвегии — с 2% до 15,4%, в Швеции — с 5,1% до 13,4%, в Нидерландах — с 3% до 8% и т.д. [17].

Принудительное свёртывание миграционного процесса привело к глубоким изменениям в функционировании всей международной экономики, явилось крайне важным фактором её дестабилизации в долгосрочной перспективе. Главное, это дало мощный стимул росту протекционизма в европейских странах, направленного на обеспече-

ние занятости «избытков» собственного населения, на создание рабочих мест в промышленности и сельском хозяйстве. Так, по мнению Б. Томаса, если бы эмиграционный процесс продолжился в прежних масштабах, то не было бы особой нужды в «искусственном» расширении сельскохозяйственного производства в Европе в период между двумя мировыми войнами [26].

Переход к политике «закрытых дверей» крайне негативно сказался на динамике морских пассажирских перевозок. Если в 1913 г. движение пассажиров через северную часть Атлантики (как в преобладающем западном, так и в восточном направлении) составило 2,5 млн. человек, то в 1923 г. — 777 тыс., в 1926 г. — 940 тыс. человек [1].

Охватившая мир в начале 30-х годов Великая депрессия, носившая в США куда более тяжёлый и болезненный характер, чем в целом по Европе (да и по всему капиталистическому миру), практически полностью перекрыла миграционные потоки через Северную Атлантику. В нижней точке кризиса уровень безработицы среди промышленных рабочих в США достигал 37,6% от их общего числа по сравнению с 21–23% — в Великобритании, Швейцарии и Швеции, 15,4% — во Франции, 17–19% — в Польше, Бельгии и Чехословакии, 26–28% — в Канаде и Австралии, 30–33% — в Дании, Нидерландах, Норвегии. Только в Германии, где уровень безработицы среди промышленных рабочих поднимался до 43,8% от их общего числа, экономическое положение было ещё более тяжёлым. В разгар Великой депрессии, в 1932 г., иммиграция в США понизилась до самого низкого уровня за предыдущие сто лет и составила всего 35,6 тыс. человек. И в 1933 г., и в 1934 г., и в 1935 г. число иммигрантов было ещё меньше, чем в 1932 г. [5].

Очертив замысловатую кривую, переселенческий подъём сменился глубоким спадом, и роль иммиграции в воспроизводстве населения США вернулась к уровню первой половины XIX века. В целом за период 1914–1940 гг. «чистый» («нетто») приток переселенцев в Соединённые Штаты Америки в процентах от численности населения страны упал до показателей 1801–1820 гг., а роль «чистой» иммиграции в приросте населения опустилась до уровня 1821–1850 гг.

Глубочайший со времён промышленной революции экономический кризис 1929–1933 гг. нанёс сокрушительный удар по мирохозяйственным связям — мир «ощетинился границами». Поток эмигрантов из Европы, составлявший 1,5 млн. человек в год в период 1909–1914 гг., сократился примерно до 700 тыс. в год в 1920-е, т.е. до уровня 80-х годов XIX века, и до 130 тыс. человек в год в 1930-е годы, т.е. до уровня вековой давности. Что касается «чистого» оттока населения из Европы в процентах к численности её населения, а также к приросту населения, то в 1914–1940 гг. он опустился ниже уровня 50–70-х годов

XIX века. Близилась к завершению история массовых межконтинентальных миграций, более 95% которых обеспечивала Европа [22].

Решающую роль в определении исторической динамики миграционного процесса играют США — главный «плавильный котёл» мира. Иммиграционные ограничения, введённые здесь в начале 1920-х годов, были закреплены в 1952 г. законом Маккарэна-Уолтера. «Золотая дверь» захлопнулась: если приток иммигрантов в США («брутто») в 1851–60 гг. составил 2,5 млн. человек, в 1861–70 гг. — 2,1 млн., в 1871–80 гг. — 2,4 млн., в 1881–90 гг. — 4,8 млн., в 1891–1900 гг. — 3,7 млн., в 1901–1910 гг. — 8,6 млн., в 1911–20 гг. — 4,7 млн., то в 1921–30 гг. — 2,7 млн., в 1931–40 гг. — 0,4 млн., в 1941–50 гг. — 0,8 млн. и в 1951–60 гг. — 1,6 млн. человек. Даже в абсолютных цифрах количество прибывших в США в 1950-е годы переселенцев, более высокое, чем в 1930-е или 1940-е годы, было меньше, чем в любое другое десятилетие за предыдущие 100 лет, то есть с середины XIX века. Только с 1 декабря 1965 г. в США вступит в действие новый иммиграционный закон, который ослабит квотные ограничения на иммиграцию.

Со времён первой мировой войны доля иммигрантов в численности населения стран «переселенческого капитализма» начала стремительно сокращаться. Если в США удельный вес иммигрантов первого поколения составлял в 1900 г. 13,6% населения страны и в 1910 г. — 14,7%, то в 1930 г. — 11,6%, в 1940 г. — 8,8%, в 1950 г. — 6,9%, в 1955 г. — 6,1% и к 1960 г. этот процент превратился в ничтожно малую величину. В частности, среди американцев итальянского происхождения, включая родившихся в смешанных браках, доля родившихся за границей сократилась с 64–65% в 1900–1910 гг. до 31% в 1950 г. Среди американцев польского происхождения, также с учётом родившихся в смешанных браках, доля уроженцев зарубежных стран сократилась с 56% в 1910 г. до 31% в 1950 г.

В Аргентине, где до первой мировой войны «чистый» приток переселенцев превышал естественный прирост населения, доля иммигрантов в общей численности населения сократилась более чем вдвое: если в 1914 г. почти каждый третий житель Аргентины был иммигрантом, т.е. родился за границей, то в 1940 г. — каждый пятый, а в 1958 г. — лишь каждый седьмой.

Несмотря на оживление переселенческих движений после окончания второй мировой войны, они значительно уступали по своему размаху миграционным процессам конца XIX — начала XX вв. Приток «заморских» переселенцев («брутто») в страны Нового Света — США, Канаду, Аргентину, Бразилию, Австралию и Новую Зеландию — в 1951–1960 гг. составил 5,6 млн. человек по сравнению с 12,8 млн. человек в 1901–1910 гг. По отношению к общей численности населения этих стран, достигавшей 120,9 млн. в 1905 г. и 272,1 млн. в 1955 г.,

приток переселенцев за первое десятилетие XX века составил 10,6%, а за 1950-е годы — всего 2% (рассчитано по [27]).

Каково было положение дел в области межконтинентальной иммиграции на начальном этапе её бурного подъёма? Приток «заморских» переселенцев («брутто») в перечисленные выше страны Нового Света — США, Канаду, Аргентину, Бразилию, Австралию и Новую Зеландию — в 1861–1870 гг. составил почти 3 млн. человек (рассчитано по [27]). По отношению к общей численности населения этих стран, достигавшей 51,6 млн. человек в 1865 г., приток переселенцев за 60-е годы XIX в. составил 5,8%. Таким образом, за исторический период продолжительностью в 90 лет указанный показатель совершил сложную эволюцию, увеличив своё значение с 5,8% в 1860-е годы до 10,6% в 1900-е годы и опустившись затем до 2% в 1950-е годы.

Ярко выраженная «рельефность» описываемых процессов может быть адекватно отражена средствами классической геоморфологии. Межконтинентальные миграции населения, испытывавшие крутой подъём во второй половине XIX и начале XX вв., завершившийся в 1914 г., представляли собой «восходящий тип развития рельефа» в терминологии немецкого геоморфолога В. Пенка. В последующие 40–50 лет этот «рельеф» был разрушен. Исторический цикл пришёл к логическому завершению, и общая тенденция изменений в размещении населения на земном шаре, связанная с межконтинентальными миграциями, опустилась ниже уровня середины XIX столетия.

* * *

Рубеж 50–60-х годов XX века явился временем «великого перелома», поворотной точкой в географии межконтинентальных миграционных процессов. Если Северная Америка (США и Канада) и Австралия (включая Новую Зеландию) сохранили своё место на миграционной карте мира и прежнюю «специализацию», то роль Европы, Латинской Америки и Африки стала диаметрально противоположной. Европа, вплоть до исхода 1950-х годов остававшаяся главным «экспортёром» эмигрантов в мире, теперь, наоборот, приобрела активный миграционный баланс и в 1960–1962 гг. стала регионом нетто-иммиграции, «импортёром» рабочей силы. С другой стороны, Латинская Америка и Африка, имевшие положительный баланс миграций за прошедшее столетие, теперь в связи с бурным ростом населения и увеличивающейся безработицей, а также с распадом колониальной системы превратились в «поставщиков» эмигрантов [12].

С этого момента в рамках новой глобальной тенденции начинается отток населения из переживающих демографический «взрыв»

развивающихся стран в промышленно развитые страны Старого и Нового Света, который становится главным экономически значимым направлением мировых миграционных процессов в последние десятилетия XX и в начале XXI вв., их важнейшей движущей силой на современном этапе исторического развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бернштейн-Коган С.В. Очерки географии транспорта. М., 1930. 348 с.
2. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVI вв. / т. 3. Время мира. М.: Прогресс, 1992. 679 с.
3. Вишневский А.Г. Демографическая революция. М., 1976. 240 с.
4. Гобсон Ч.К. Экспорт капитала. Пер. с англ. М., 1928. 262 с.
5. Лан В. США. М., 1939. 187 с.
6. Лангенбек В. История мировой торговли. Пер. с нем. М., 1927. 157 с.
7. Леви Г. Основы мирового хозяйства. Пер. с нем. М., 1924. 216 с.
8. Ленин В.И. Капитализм и иммиграция рабочих // В.И. Ленин. Полное собрание сочинений. Издание пятое. М., 1961. Том 24. С. 89–92
9. Реклю Э. Предисловие / Мечников Л. Цивилизация и великие исторические реки. М., 1995. С. 219–231.
10. Синцеров Л.М. Длинные волны глобальной интеграции // Мировая экономика и международные отношения. №5, 2000. С. 56–64.
11. Синцеров Л.М. Эпоха ранней глобализации в истории мирового хозяйства // Вестник исторической географии. Вып. 3. Отв. ред. В.Н. Стрелецкий. М.: Институт географии РАН, 2005. С. 58–79.
12. Слука А.Е. Основные особенности современных международных миграций населения капиталистического мира // Вестник МГУ. Серия V. География. №6, 1966. С. 3–10.
13. Урланис Б.Ц. Рост населения в Европе (опыт исчисления). М., 1941. 436 с.
14. Чертина З.С. Плавильный котёл? Парадигмы этнического развития США. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2000. 163 с.
15. Шлезингер А.М. Циклы американской истории. Пер. с англ. М., 1992. 687 с.
16. Шульце Э. Развал мирового хозяйства. Пер. с нем. М., 1923. 359 с.
17. Bairoch P. Economics and World History. Chicago, 1993. 185 pp.
18. Bairoch P. Geographical Structure and Trade Balance of European Foreign Trade from 1800 to 1970 // The Journal of European Economic History, Vol.3, No.3, Winter 1974. Pp. 557–608.
19. Economics of International Migration. Proceedings of a Conference held by the International Economic Association / Ed. by B. Thomas. London, 1958. 502 pp.

20. Hatton T.J., Williamson J.G. The Age of Mass Migration: Causes and Economic Impact. New York, Oxford, 1998. 301 pp.
21. Johns M. Industrial Capital and Economic Development in Turn of the Century Argentina // Economic Geography, Vol. 68, No.2, April 1992. Pp. 188–204.
22. Kuznets S. Modern Economic Growth: Rate, Structure and Spread. London, 1966. 529 pp.
23. Kuznets S., Rubin E. Immigration and the Foreign Born // National Bureau of Economic Research, Occasional Paper 46 (1954). 107 pp.
24. O'Rourke K.H., Williamson J.G. Globalization and History. The Evolution of a Nineteenth-Century Atlantic Economy. London, 2000. 343 pp.
25. Piore M.J. Birds of Passage: Migrant Labor and Industrial Societies. Cambridge, 1979. 229 pp.
26. Thomas B. Migration and Economic Growth: A Study of Great Britain and the Atlantic Economy. Cambridge, 1973. 498 pp.
27. Woodruff W. Impact of Western Man: A Study of Europe's Role in the World Economy, 1750–1960. New York, 1967. 375 pp.

III. ОТРАСЛИ МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА

МИРОВАЯ НЕФТЕХИМИЧЕСКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

О.Б. Брагинский

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И ОСОБЕННОСТИ МИРОВОЙ НЕФТЕГАЗОХИМИИ

Нефтехимическая промышленность — часть химического комплекса, основанная на продуктах переработки нефти, газового конденсата, попутного нефтяного и природного газа. За относительно короткий исторический период нефтехимическая промышленность завоевала прочные позиции практически на всех континентах, в экономике многих стран её удельный вес составляет 5–10%. Нефтехимическая промышленность в большинстве стран мира — весьма выгодный бизнес, что обуславливает высокие темпы роста этой отрасли. Это, как правило, рентабельная отрасль, уступающая по уровню показателя рентабельности немногим наиболее рентабельным отраслям современного бизнеса.

Условно нефтехимическую промышленность и её сырьевую базу можно разбить на четыре группы: углеводородное сырьё, базовые полупродукты, нефтехимикаты, конечные нефтехимические продукты. Если брать только крупнотоннажные (т.е. измеряемые миллионами тонн) виды сырья, полупродуктов, нефтехимикатов и конечных нефтехимических продуктов, то можно отметить следующую закономерность. Основных видов сырья — 2 (нефть и природный газ), базовых полупродуктов (этилен, пропилен, бензол, метанол и др.) — 10, нефтехимикатов (спирты, оксиды, гликоли, ангидриды, кислоты и др.) — 100, конечных нефтехимических продуктов (пластмассы и смолы, синтетические волокна, синтетические каучуки, синтетические моющие средства, лаки и др., включая основные виды и марки) — 1000.

Иначе говоря, при переходе от группы к группе число продуктов увеличивается примерно на порядок.

Нефтехимическая промышленность является связующим звеном между отраслями нефтегазового комплекса и перерабатывающими отраслями (машиностроение, авиакосмическая, телекоммуникационная и др.). Нефтехимическая промышленность является частью химического комплекса и, следовательно, может быть отнесена к обрабатывающим отраслям. Но она является также частью нефтегазового комплекса, входя составным элементом в структуру крупнейших нефтегазовых компаний мира.

Нефтехимические сектора (иногда их называют «нефтехимическими крыльями» нефтегазовых компаний) играют существенную роль в функционировании этих компаний. По показателям развития нефтехимических секторов можно судить о степени диверсифицированности компаний, их устойчивости. Углубление переработки нефти и газа за счет включения в состав нефтегазовых компаний нефтехимических производств увеличивает степень комплексности использования углеводородного сырья и приводит к росту рентабельности. Учитывая то обстоятельство, что цены на нефтехимикаты хотя и связаны с ценами на нефть, но эта зависимость не является прямо пропорциональной, нефтегазовые компании, терпящие большие убытки в периоды падения цен на нефть, частично компенсируют эти потери за счет увеличения выпуска нефтепродуктов и нефтехимической продукции.

Мировая газохимическая промышленность является частью нефтехимической промышленности. Исторически нефтехимическая промышленность сложилась как подотрасль химической промышленности, базирующаяся на использовании продуктов переработки нефти. Позднее с целью расширения сырьевой базы стали использовать в качестве сырья непосредственно природный газ, а также продукты переработки природного и попутного нефтяного газа (этан, пропан, бутаны, фракции газового конденсата). Так возникла газохимическая промышленность.

В настоящее время в мире действует свыше 200 нефтегазохимических комплексов, из них более 70 можно отнести к газохимическим, т.е. к таким, на которых в качестве сырья используются продукты переработки природного (богатого этаном) и попутного нефтяного газа. Кроме этого, в мире имеется около 100 метанольных заводов, на которых кроме метанола производится разнообразная нефтехимическая продукция.

Многолетний опыт США, имеющих аналогичные по масштабам с Россией мощности газодобывающих предприятий, показал высокую технологичность и экономичность базирования химической промышленности на легких промысловых углеводородах (этано, пропано, бу-

тане). В 50–80-е годы в США господствовала «эра этана», когда большинство этиленовых установок перерабатывали этан и пропан, извлекаемые из природного газа. Практически все крупные нефтегазовые компании США и Канады осуществили вертикальную интеграцию, т.е. применили последовательную цепочку технологий переработки природного газа, извлечения этана и пропана, пиролиза легких углеводородов, производства химических продуктов и синтетических полимеров на базе газового сырья.

В настоящее время такой путь повторяют некоторые развивающиеся страны Юго-Восточной Азии, Ближнего и Среднего Востока, Северной Африки, отдельные страны Латинской Америки. Газохимические сектора уже давно сформировались в структуре крупнейших нефтегазовых компаний мира, которые кроме развития собственных газохимических производств, совместно с правительствами и национальными компаниями развивающихся стран вкладывают средства в сооружение там газохимических комплексов. Перспективность газохимического направления подтверждается многочисленными новыми проектами, особенно крупными в странах Ближнего Востока (Саудовская Аравия, Иран, Кувейт, Оман), Латинской Америки (Венесуэла, Мексика), а также в Китае и Индии. Таким образом, речь пойдет о нефтегазохимии, хотя на практике чаще упоминается просто нефтехимия.

Основными особенностями мировой нефтехимической промышленности являются: глобализация отрасли; консолидация усилий нефтегазовых и специализированных химических компаний при развитии ведущих нефтехимических производств; техническая зрелость отрасли; сильное влияние фактора охраны окружающей среды; зависимость от уровня мировых цен на нефть и региональных цен на природный газ; высокие темпы роста производства, опережающие темпы роста экономики в целом; цикличность развития; заметные структурные и региональные сдвиги.

Глобализация проявляется во все более широком распространении нефтехимических производств по территории земного шара, расширении международной торговли продукцией, технологиями, лицензиями, ноу-хау. Частью глобализации является мобилизация капитала при возникновении новых производителей и при появлении новых конкурентов на региональных рынках. Существенным фактором глобализации является развитие информационных технологий. Глобализация создала принципиально новую рыночную систему международного экономического взаимодействия, опирающуюся на сложное сочетание механизмов конкуренции, кооперации и партнерства на макро- и микроуровне.

Консолидация проявляется в виде прямой и обратной вертикальной интеграции, горизонтальной, а также вертикально-горизон-

тальной интеграции действующих предприятий, компаний и фирм нефтехимической, химической, нефтегазовой, нефтегазоперерабатывающих и других смежных отраслей, а также в образовании разного рода альянсов, консорциумов и других форм партнерства при реализации крупных проектов. В последнее время в сфере нефтегазового и нефтегазохимического бизнеса активно совершаются сделки по слиянию и поглощению. Существует множество факторов повышения эффективности консолидации, но главным является получение выгоды от масштабов производства и сфер деятельности, разнообразия продукции и рынков сбыта, а в конечном итоге достижение синергического эффекта.

Наиболее характерной особенностью мировой нефтехимии является цикличность развития отрасли. Цикличность является особенностью, внутренне присущей нефтехимической промышленности и во многом определяющей тенденции ее развития. Подъемы в развитии отрасли чередуются со спадами и характерны как для мировой нефтехимии в целом, так и для отрасли в отдельных регионах и странах. Природа цикличности (кроме общеэкономических и социально-политических факторов) обусловлена тем, что современные нефтехимические установки, как правило, крупные, вводятся дискретно и в момент ввода дают значительный прирост производства. В то же время спрос растет относительно плавно, поэтому возникает дисбаланс (превышение предложения над спросом), что может вызвать снижение цен и спад в развитии отрасли. По мере выравнивания спроса и предложения и последующего роста спроса наступает фаза подъема: растут цены на нефтехимикаты, компании получают большие прибыли, увеличивают инвестиции в новое строительство, расширяют действующие и вводят новые установки. Мощности снова начинают превышать спрос, снижаются цены, начинается фаза спада. Изучение закономерностей циклического развития нефтехимической промышленности дает ключ к принятию стратегических решений в отрасли.

Эксперты отмечают, что с середины 1999 г. мировая нефтехимическая промышленность находилась на ранней стадии подъема, начавшегося после серьезного спада, обусловленного финансовым кризисом в Юго-Восточной Азии. Стадия подъема продолжалась до 2001 г. В этот период начался активный ввод новых мощностей, вызвавший их переизбыток и начало спада деловой активности в отрасли в 2001–2003 гг. В период 2004–2006 г. снова началась фаза роста, увеличились темпы роста отрасли в США, стабилизировалась ситуация в Японии, рост имел место и в западноевропейских странах. Особенно заметным был рост производства нефтехимической продукции в странах Юго-Восточной Азии и Ближнего Востока. В 2006 г. началась фаза спада из-за резкого роста цен на нефть в мире и на природный

газ в США. Однако спад проявился в слабой форме, поскольку экономики промышленно развитых стран научились выживать в условиях высоких цен на нефть, чему немало способствовало ослабление доллара по отношению к другим твердым валютам. В этот период продолжался активный рост спроса в Китае. В 2007 г. нефтехимическую промышленность ожидали трудности из-за кризиса на рынке недвижимости в США, перерастающего в общефинансовый кризис, однако ожидаемого спада не произошло. В период 2008-2009 гг. ожидается ввод новых нефтехимических производств, хотя по ряду крупных проектов было объявлено об их задержке. Особенностью нынешних фаз подъема и спада стало то, что отрасль научилась адаптироваться к влиянию неблагоприятных факторов и то, что в развивающихся странах имел место постоянный рост производства и спроса. В этой связи фазы спада стали короче, а фазы подъема, наоборот, удается пролонгировать.

Темпы роста нефтехимической промышленности выше темпов роста ВВП. Эта особенность наблюдается на почти пятидесятилетнем отрезке времени и является еще одним фирменным знаком отрасли (табл. 1).

Таблица 1

Темпы роста мировой нефтехимии, %

Показатели	1990-1996 гг.	1997-2004 гг.	2005-2007 гг.
Мировой ВВП	2,9	3,1	3,1
Нефтехимия	3,8	4,6	4,7

Прогнозами темпов роста нефтехимической промышленности занимается ряд солидных организаций: Американский химический совет (American Chemistry Council), Американская ассоциация по изучению химических рынков (CMAI), консалтинговые компании — SRI Consulting, Nexant (США), Oxford Economic Forecasting (Великобритания), Union des Industries Chimique (Франция), Dresdner Kleinwort Wasserstein (Германия), CEFIC (Европейский Союз). По мнению экспертов Nexant, темпы роста потребления нефтехимической продукции в мире в период 2007–2010 гг. составят 3,5%. Эксперты журнала Chemical Week определили для мировой нефтехимии «точные» прогнозы роста: 2008 г. — 4,3%, 2009 г. — 4,2%.

Техническая зрелость нефтегазохимии, трактуемая многими исследователями как замедление темпов роста, застой в развитии, автором понимается как достижение высоких выходов целевой продукции при переработке углеводородного сырья, постоянное совершенствование технологии, улучшение качественных свойств продукции и

расширение ее ассортимента, использование в отрасли новейших информационных технологий.

В развитии нефтегазохимии большое значение имеет влияние требований по охране окружающей среды. При строительстве объектов нефтегазохимии, как минимум, 5–10% инвестиций расходуются на реализацию мероприятий по охране окружающей среды. Экологический подход при обосновании проектов нефтегазохимических производств стал не данью моды, не досадной необходимостью, а образом мыслей топ-менеджеров отрасли.

Цены на нефть и газ оказывают серьезное воздействие на цены нефтегазохимической продукции и на выбор стратегических решений при обосновании эффективности тех или иных нефтегазохимических производств. Эмпирические исследования позволили установить, что на цены продукции нефтегазохимии влияют два основных фактора: цены на нефть, газ и соотношение спроса и предложения. Зависимость в наиболее упрощенном виде описывается формулой $y = ax_1 + vx_2 + c$, где y — цена нефтегазохимической продукции; x_1 — цена нефти или газа; x_2 — соотношение спроса и предложения; a, v, c — константы.

Инвестиции в химический комплекс мира являются третьими по величине из всех отраслей мировой экономики. В свою очередь половина инвестиций в химическом комплексе — это инвестиции в нефтехимическую промышленность. Экспертами American Chemistry Council определено, что инвестиции в мировой химический комплекс составили в 2006 г. 25,7 млрд долл., в 2007 г. — 27,3 млрд долл., в 2008 г. составят 29,2 млрд долл., а в 2009 г. — 30,8 млрд долл. В структуре мирового химического комплекса нефтехимическая продукция занимает 40%, в т.ч. в промышленно развитых странах — 35%, ближневосточных странах — 80%, России — 28,5%.

Мировая нефтегазохимия является крупным потребителем нефти. В мире в целом на нужды нефтегазохимии потреблялось 6,5% нефти, в т.ч. в индустриально развитых странах 8–10%, в развивающихся странах 2,5–5,0%, а также 5–7% природного газа. Суммарная выручка от продажи нефтехимической продукции в мире составила в 2004 г. порядка 1,7 трлн долл., в 2007 г. — 2,85 трлн долл. (считая всю продукцию химического и нефтегазохимического комплекса). Чистая прибыль мирового химического комплекса составила в 2007 г. 95 млрд долл. Наиболее интенсивно потребляют нефтехимическую продукцию США (1300 долл. на душу населения в 2000 г. и 2500 долл. — в 2007 г.). В странах ЕС душевое потребление составляло примерно 1000 долл. в 2000 г., а в 2007 г. 1800 долл., в странах Восточной Европы и бывшего СССР в 2000 г. — 160 долл., в 2007 г. — около 200 долл.

На производство 1 т нефтегазохимической продукции расходуется от 1,5 до 4,0 т сырья и 1,5–2,0 т условного топлива. Отрасль является энергоемкой и одним из направлений ее развития является проведение технической политики энерго(нефте)-сбережения. В нефтехимической промышленности мира насчитывается свыше 100 основных технологических процессов.

ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ НЕФТЕГАЗОХИМИЧЕСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ МИРА

До 1920-х годов продукцию органической химии получали из природного сырья (главным образом, сырья сельскохозяйственного происхождения) и из продуктов коксового производства. Первым нефтегазохимическим синтезом можно считать получение в 1919 г. изопропилового спирта из отходящих газов нефтеперерабатывающего завода в США. Основное развитие нефтегазохимия получила после второй мировой войны (табл. 2).

Таблица 2

Этапы развития нефтехимической промышленности мира

50-е годы	60-е годы	70-е годы	80-90-е годы	2000-2007 гг.
Развитие нефте-химической промышленности в США, начало строительства нефте-химических предприятий в СССР	Интенсивное развитие отрасли в СССР, начало развития нефте-химической промышленности в западноевропейских странах и Японии	Интенсивное развитие нефте-химической промышленности в развитых странах	Начало и последующее широкое развитие нефтехимической промышленности в развивающихся странах	Интенсивное развитие нефтегазохимии в мире

Первый этап развития мировой нефтехимии пришелся на 50-е годы XX века. Наибольшее развитие нефтегазохимия получила в США, где в штатах Техас и Луизиана на базе сырья нефтеперерабатывающих (НПЗ) и газоперерабатывающих (ГПЗ) заводов стали появляться нефтегазохимические предприятия. В начале 50-х годов в СССР были построены заводы по получению синтетического этилового спирта на базе отходящих продуктов НПЗ и ГПЗ. Впоследствии эти заводы стали нефтехимическими предприятиями широкого профиля. Второй этап развития нефтегазохимии пришелся на 60–70-е годы, когда наряду с дальнейшим развитием отрасли в США и СССР (здесь большую роль сыграл Пленум ЦК КПСС, названный «пленумом по химии») началось становление нефтегазохимической промышленности в Японии и западноевропейских странах.

Третий этап (80-е годы) характеризуется дальнейшим широким развитием нефтегазохимической промышленности в США, западноевропейских странах, Японии, Канаде, СССР, а также началом функционирования отрасли в развивающихся странах.

Четвертый этап (90-е годы) ознаменовался некоторым замедлением развития нефтегазохимии в развитых странах, заметным спадом в республиках бывшего СССР и в странах Восточной Европы, но одновременно мощным рывком нефтегазохимии в развивающихся странах, особенно в Саудовской Аравии, Южной Корее, на о. Тайвань, в Сингапуре, Малайзии, Таиланде, Мексике, Бразилии, Аргентине, а также в Китае и Индии.

Пятый этап (с 2000 г. и до настоящего времени) в значительной мере повторяет тенденции предыдущего этапа, но на более высоком техническом уровне. Стабилизировалась и стала расти нефтегазохимия в странах бывшего СССР и в Восточной Европе, структурная перестройка продолжилась в развитых странах, мощными центрами нефтегазохимии стали государства Азиатско-Тихоокеанского региона и Ближнего Востока, особенно, Саудовская Аравия, имеющая огромную базу дешевого углеводородного сырья.

В мировой нефтегазохимической промышленности произошли заметные региональные и структурные сдвиги. В настоящее время в объеме общемировой нефтехимической продукции доля США достигла 26%, западноевропейских стран — 30%, Японии — 10%, развивающихся стран Азиатско-Тихоокеанского региона — 17%, ближневосточных стран — 4%, прочих стран — 13%. Еще полтора—два десятилетия назад доля развитых индустриальных стран была выше, а развивающихся стран составляла незначительный удельный вес. Роль регионов АТР, Южной Америки и, особенно, Ближнего Востока в суммарном производстве нефтегазохимической продукции возросла благодаря, прежде всего, наличию значительных ресурсов сырья и недорогой рабочей силы.

В индустриально развитых странах, испытывающих трудности из-за высоких цен на нефтегазохимическое сырье, было уделено внимание глубокой переструктуризации производств на выпуск относительно малотоннажной высокотехнологичной продукции, коренной перестройке технологических процессов на основе оптимизации всей технологической цепочки производств, внедрению энерго— и трудосберегающих технологий, сотрудничеству компаний для решения производственных и научно-технических проблем в более короткие сроки и с меньшими затратами.

В свою очередь, в развивающихся странах большое внимание было уделено производству базовых полупродуктов и крупнотоннажных нефтехимикатов, поскольку благодаря наличию дешевых сырья и

рабочей силы, относительно менее жестких экологических требований в этих странах удалось реализовать конкурентные преимущества в производстве этих видов продукции.

Эксперты считают, что мировая нефтехимия находится в середине восходящего цикла практически во всех сегментах рынка нефтехимической продукции.

В сырьевой базе нефтегазохимической промышленности сложились заметные различия в структуре использования сырья. В США, Канаде, Мексике, Саудовской Аравии, ряде азиатских стран, Бразилии, Венесуэле основными видами сырья являются продукты газоперерабатывающих заводов (этан, пропан, норм. бутан). В европейских странах, России, Китае, Индии, Японии, Р. Корея в качестве сырья используются в основном фракции переработки нефти (бензины прямой перегонки нефти, или как их называют на западе «нафта»), а также газойлевые фракции. Структура сырьевой базы нефтегазохимии приведена в табл. 3.

Таблица 3

Сырьевая база нефтегазохимии, %

Виды сырья	Мир в целом	США*	Западная Европа*	Япония*		Россия
	2005 г.	2001 г.	2000 г.	2000 г.	1990 г.	2005 г.
Этан	26	42	7	—	3	4
Сжиженные газы (пропан, бутан)	11	29	10	17	24	31
Прямогонные бензиновые фракции	55	25	78	81	72	65
Газойль и пр.	8	4	5	2	1	—
Итого	100	100	100	100	100	100

* сырьевая база производства этилена

Макроэкономический анализ ретроспективы и современного состояния развития нефтехимической промышленности и ее основных характеристик позволяют сделать ряд выводов и обобщений, касающихся наиболее заметных и значимых изменений в ее развитии: 1) снизились темпы роста производства нефтехимикатов в промышленно развитых странах при одновременном интенсивном развитии нефтехимических производств в ряде развивающихся стран; 2) усилилась роль науки, научно-исследовательских работ и опытно-конструкторских разработок в обеспечении потребителей высококачественной нефтехимической продукцией; 3) произошли заметные технологические, структурные и региональные сдвиги в нефтехимической промышленности: в промышленно развитых странах — в направлении преимущественного развития наукоемких производств, в развивающихся странах, обладающих нефтегазовыми ресурсами — в на-

правлении крупномасштабного производства базовых полупродуктов и нефтехимикатов невысокой степени переработки; в развивающихся странах, не обладающих нефтегазовыми ресурсами — в направлении развития крупнотоннажного производства отдельных видов нефтехимикатов и конечных нефтехимических продуктов, например, полиэфирных волокон и сырья для них; 4) усилилась концентрация производства на основе разнообразных слияний, поглощений, кооперации, скупки акций и т.п., иначе говоря, усилилась консолидация производства; 5) набрала силу тенденция вывоза предпринимательского капитала, создания совместных предприятий, особенно усилился поток инвестиций в страны с богатыми сырьевыми ресурсами, относительно недорогой рабочей силой и не слишком жесткими экологическими требованиями; 6) возросла конкуренция, «уплотнилась» конкурентная среда, требующая новых технологических, производственно-технических, финансовых, экологических и управленческих решений; 7) нефтехимическая промышленность научилась выживать в условиях роста цен на углеводородное сырье (нефть и газ).

Современная структура мировой нефтехимической промышленности основана на высокой доле крупнейших компаний, число которых составляет 1–2% общего количества компаний, а объем выпускаемой продукции крупными компаниями достигает 60–70% от всего выпуска продукции отрасли. Крупные компании являются своеобразным «каркасом» отрасли, придают ей целостность, устойчивость. В свою очередь малые и средние компании в отрасли обеспечивают оперативность и гибкость. Крупные компании ведут обширные исследования и разработки, затрачивая на них 3–5% выручки. Относительно небольшие компании специализируются на выпуске продукции, в производстве которой они достигли наивысшей конкурентоспособности и завоевывают свои ниши на собственных и внешних рынках.

РОЛЬ НЕФТЕГАЗОВЫХ КОМПАНИЙ В РАЗВИТИИ МИРОВОЙ НЕФТЕГАЗОХИМИИ

В производстве основных нефтехимических продуктов в мире высока доля нефтегазовых компаний, имеющих в своем составе нефтехимические сектора, или, как их часто называют, «нефтехимические крылья». Доля нефтегазовых компаний в производстве базовых нефтехимических полупродуктов составляет 60–90%, промежуточных продуктов — 40–60%, конечных — 30–40% в суммарном производстве нефтехимикатов. Данные о доле нефтегазовых компаний в суммарных мощностях по производству крупнотоннажных нефтехимических продуктов приведены в табл. 4.

Таблица 4

Доля нефтяных компаний в мощностях по производству крупнотоннажных нефтехимикатов в мире

Виды продукции	Доля компаний, %	
	Нефтяные	Химические и прочие
Этилен	48,0	52,0
Пропилен	65,0*	35,0*
Бензол	76,5	23,5
Ксилолы суммарные	94,5	5,5
Параксилон	95,8*	4,2*
Бутадиен	41,2	58,8
Метанол	34,2	65,8
Изопропиловый спирт	67,0	33,0
Стирол	47,0	53,0
Полистирол	29,0	71,0
Нитрил акриловой кислоты	24,4	75,6
Полипропилен	20,0	80,0
Уксусная кислота	20,0	80,0
Фталевый ангидрид	14,0	86,0
Капролактамы	7,0	93,0

* по США

Крупнейшие мировые нефтегазовые компании имеют в своем составе нефтехимические сектора. В частности, самая крупная в мире нефтегазовая компания Exxon Mobil Corp. (США) имеет в своем составе нефтехимическое подразделение, включающее предприятия широкого профиля в США, Великобритании, Франции, Германии, Бельгии, Италии, Австралии, Канаде, Саудовской Аравии, Японии, Китае, в странах АТР и Латинской Америке. Англо-голландский концерн Royal Dutch Shell также располагает высокоразвитым нефтехимическим сектором, в состав которого входят предприятия, расположенные не только в Великобритании и Нидерландах, но и еще в десятке стран. Доля нефтехимических производств в структуре ведущих нефтегазовых компаний мира, таких как Exxon Mobil Corp. и Royal Dutch Shell, приведена в табл. 5.

Сравнительно до недавнего времени британская компания British Petroleum имела мощный нефтехимический сектор. В 2006 г. значительную часть нефтехимического сектора (кроме производства ароматических соединений) компания вывела из своего состава и, как говорится, «пустила в самостоятельное плавание» под названием Invenne, которая затем вошла в состав INEOS. Имеют нефтехимические сектора такие крупные компании, как Total, ENI, Repsol-YPF, Petroleos de Venezuela, Petroleos Mexicanos, Saudi Aramco и др., многопрофильные компании Mitsui, Mitsubishi, Sumitomo (Япония),

Таблица 5

Доля нефтегазохимических производств в структуре ведущих нефтегазовых компаний мира

Показатели	Ед.изм.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.
Exxon Mobil Corp.							
Суммарный объем продаж	млрд долл.	200,7	291,3	299,0	370,7	377,6	3403
Объем продаж продукции нефтегазохимии	млрд долл.	14,5	25,0	35,1	43,1	48,9	46,0
Доля сектора нефтегазохимии	%	7,2	8,6	11,7	11,6	12,9	12,0
Чистая прибыль компании	млрд долл.	21,5	25,1	25,3	36,6	39,5	40,6
Чистая прибыль сектора нефтегазохимии	млрд долл.	1,2	2,1	3,4	2,7	4,4	4,6
Доля сектора нефтегазохимии	%	5,6	8,3	13,6	10,6	11,1	11,2
Royal Dutch Shell Group							
Суммарный объем продаж	млрд долл.	218,3	263,9	337,5	306,7	318,8	355,8
Объем продаж продукции нефтегазохимии	млрд долл.	19,2	20,8	29,5			39,1
Доля сектора нефтегазохимии	%	7,0	7,9	8,7			11,5
Чистая прибыль компании	млрд долл.	14,4	19,7	24,7	26,3	26,3	31,9
Чистая прибыль сектора нефтегазохимии	млрд долл.	0,6	(0,2)	0,9			1,9
Доля сектора нефтегазохимии	%	4,2	—	3,8			6,0

Samsung LG, Hyundai (Р. Корея). Нефтегазохимическую продукцию выпускают крупнейшие специализированные химические компании, такие как BASF, Bayer (Германия), Du Pont, Lyondell Chemical, Dow Chemical (США), Sinopec (Китай), DSM, Akzo Nobel (Нидерланды), Polimeri Europa (Италия) и ряд других.

Процесс интеграции нефтегазопереработки и нефтегазохимии в рамках крупных нефтегазовых компаний позволяет получать синергетический эффект за счет совместного использования инженерной инфраструктуры, действия «эффекта масштаба», оптимизации потоков сырья, полупродуктов и конечных нефтехимикатов, снижения транзакционных издержек, регулирования и стабилизации циклов бизнеса. В свою очередь специализированные химические компании проводят интеграцию с сырьевыми компаниями для надежного обеспечения сырьем.

В нефтегазохимической промышленности, как и во многих других отраслях, интенсивно осуществляются сделки по слиянию и поглощению, масштабы которых измеряются десятками миллиардов долларов в год. В период 1997–2007 гг. в химической и нефтехимической промышленности мира было зарегистрировано 322 крупных (каждая не менее 500 млн долл.) сделки по слиянию и поглощению (или как их называют сделки M&A) на общую сумму 183 млрд долл. Из наиболее крупных сделок можно выделить приобретение компаний

Basell (совместная от BASF и Shell), являющейся мировым лидером в производстве полипропилена, американской компании Huntsman за 5,6 млрд долл., а с учетом долгов за 9,8 млрд долл. Позднее Basell приобрела 8% акций другой американской компании Lyondell. Нефтехимическое крыло нефтяной компании Saudi Aramco из Саудовской Аравии (SABIC) приобрело отделение по производству пластмасс всемирно известного электротехнического гиганта General Electric (GE Plastics). В стадии завершения находится сделка по приобретению голландской компанией Akzo-Nobel нефтехимического подразделения британской королевской химической компании Imperial Chemical Industry (ICI).

ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА РАЗВИТИЕ МИРОВОЙ НЕФТЕГАЗОХИМИИ

На перспективы развития мировой нефтехимической промышленности будут влиять следующие наиболее значимые факторы: рост спроса на нефтехимическую продукцию в развивающихся странах, прежде всего, в Китае, Индии и Бразилии; темпы ввода новых мощностей по производству нефтехимической продукции в странах Ближнего Востока; длительность времени получения высоких доходов в период восходящего цикла развития мировой нефтехимии; сохраняющиеся условия для углубления интеграции и глобализации всех звеньев производственной цепочки выпуска и доставки потребителю нефтехимической продукции.

По мере исчерпания возможностей повышения эффективности путем увеличения единичных мощностей агрегатов и технологических линий, оптимизации производственного процесса за счет использования автоматизированных систем управления, контроля и проектирования, а также в условиях высоких цен на сырье, меняются приоритеты научно-технического развития мировой нефтехимической промышленности. На первое место выходят разработки и внедрение так называемых системных технологий, позволяющих производить как существующую, так и новую продукцию на основе инновационных технологий прямого превращения природного газа в нефтехимические продукты — химия C_1 , биотехнологических процессов, компьютерного моделирования как альтернативы приборным экспериментам, получению материалов с заранее заданными свойствами, особо чистых веществ и т.д.

Как и раньше, к ведущим направлениям научно-технического прогресса в нефтехимической промышленности относится совершенствование катализаторов и каталитических систем. Развитие всех перечисленных инновационных направлений тесно связано с нанохи-

мией — новой технологией, интегрирующей достижения физики, химии, биологии и позволяющей осуществить прорывы в нанокатализе, производстве наноматериалов для информационных технологий, средств для борьбы со злокачественными опухолями (наномодуляторов) и средств для очистки окружающей среды от вредных выбросов и стоков.

Резюмируя сложившуюся ситуацию в мировой нефтехимической промышленности и учитывая вышеперечисленные факторы ее перспективного развития, отметим ряд задач на будущее: закрытие неконкурентных производств; развитие производства новых видов продукции более высоких переделов; совершенствование технологии выпуска известных продуктов; совершенствование производства и бизнеса; фокусирование усилий на вопросах стоимости и логистики; вовлечение в переработку новых видов сырья; осуществление тонкой настройки балансов спроса и предложения.

РОЛЬ И МЕСТО ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НЕФТЕГАЗОХИМИИ В МИРОВОЙ НЕФТЕГАЗОХИМИИ

Развитие российской нефтехимической промышленности выпадает из общемировых тенденций. В период 1990–1998 гг. нефтехимическая промышленность России находилась в состоянии серьезного спада. Объемы производства основных крупнотоннажных нефтехимических продуктов снизились в 2 и более раз. В частности, производство этилена в 1998 г. составило 50% от уровня 1990 г., метанола — 47%, пластмасс и синтетических смол — 49%, минеральных удобрений — 59%, пропилена — 52%, ксилолов — 49%, синтетического каучука — 29%, бензола — 34%, бутадиена и изопрена — 24–25%, химических волокон — всего 17%. Ряд химических производств, таких, как производство киноплёнки, красителей и ряд других практически прекратили существование.

После дефолта 1998 г. в связи с девальвацией рубля и удорожанием импорта удалось частично восстановить импортозамещающие производства, задействовать неиспользованные мощности, воспользоваться ростом спроса на продукцию отечественной нефтехимии в связи с улучшением общей экономической конъюнктуры. Однако в 2002–2003 гг. влияние этих благоприятных факторов иссякло и темпы роста нефтехимической промышленности упали и стали ниже темпов роста ВВП. В период 2004–2007 гг. продолжился рост нефтегазохимии.

В 2007 г. по сравнению с 1998 г. производство пластмасс и синтетических смол возросло в 2,9 раза, синтетических каучуков — в 1,9 раза, минеральных удобрений — в 1,9 раза, метанола — в 3 раза, эти-

лена — в 1,9 раза. Уровень 1990 г. превысили производства пластмасс и синтетических смол, метанола, минеральных удобрений и еще несколько видов производств, но большинство так и не достигли советского уровня, а некоторые как встали на колени в 90-е годы, так и не могут с них подняться до сих пор.

Нефтехимические производства слабо представлены в составе российских нефтегазовых компаний. Из российских компаний только ОАО Газпром в лице своей нефтехимической дочки СИБУР, ЛУКОЙЛ в лице своего подразделения ЛУКОЙЛ-Нефтехим, а также региональные компании Татнефть и Башнефтехим имеют нефтехимические сектора в своем составе.

Немаловажной причиной спада в нефтехимической промышленности явились ошибки, допущенные в стратегии и тактике ускоренной приватизации отрасли. Значительному разрушению подвергся ее научно-технический потенциал: многие научно-исследовательские и проектно-конструкторские организации отрасли практически «приказали долго жить».

Однако надежды на возрождение российской нефтехимии имеются. Они базируются на наличии значительных ресурсов углеводородного сырья, немалой, хотя и устаревшей производственной базы, квалифицированных кадров. Важнейшей перспективной задачей российской нефтехимии является выбор правильных приоритетов развития. Среди них следует назвать: развитие производства крупнотоннажных пластмасс, имеющих широкое применение во всех сферах экономики; модернизация производства синтетических каучуков с целью обеспечения потребности при выпуске шин и резинотехнических изделий и выпуска каучуков, не производимых за рубежом, с целью их экспорта; развитие производства базовых нефтепродуктов, необходимых для получения указанной выше продукции; производство специальных видов продукции для обеспечения оборонной и экологической безопасности и для развития наукоемких отраслей.

Отечественная фундаментальная наука разработала немало принципиально новых технологий (избирательное окисление, активизация алканов, избирательный синтез, новые методы полимеризации, использование альтернативных и возобновляемых видов сырья, биотехнологические процессы), однако из-за плохо налаженной системы трансферта этих технологий в практику эти наработки часто остаются нереализованными.

Большие надежды в деле возрождения российской нефтехимии связаны с развитием нефтехимических секторов нефтегазовых компаний. Благоприятная конъюнктура мировых цен на нефть и газ и возросшие в связи с этим доходы компаний могли бы послужить делу ре-

ализации намеченных инвестиционных проектов расширения действующих и создания новых нефтехимических производств в составе нефтегазовых компаний.

В силу исторических обстоятельств основу сырьевой базы российской нефтехимической промышленности составляет сырье от нефтеперерабатывающей промышленности (не менее 75% от общего потребления сырья). Доля сырья от газовой промышленности, а именно сжиженных углеводородных газов, этана, широкой фракции легких углеводородов не превышает 25%. Между тем в России имеются значительные ресурсы попутного нефтяного газа (значительная часть которого сжигается на факелах) и ценных углеводородов природного (богатого этаном) газа для развития газохимии, для создания газохимических комплексов.

Создание газохимических комплексов обусловлено тем, что по уровню цен химические продукты, получаемые из природного газа, намного превосходят цену природного газа. В частности, если цену природного газа принять за единицу, то цены получаемых из него таких продуктов, как поливинилацетат, полиацетали, полиметилметакрилат, формальдегидные смолы превосходят природный газ по цене более чем на порядок. Наиболее крупные газохимические комплексы существуют в США и Канаде. Газоперерабатывающая промышленность этих стран традиционно связана с производством нефтехимических продуктов. Газоперерабатывающие заводы США и Канады поставляют более 70% всего сырья для нефтегазохимических комплексов этих стран. По пути США и Канады пошли некоторые латиноамериканские страны, а также страны Персидского залива и Северной Африки, в которых производство химической продукции было организовано на базе газового сырья.

Как таковых газохимических комплексов в России по сути дела нет, если не считать Казанский завод «Оргсинтез» и Новокуйбышевский нефтехимический комбинат, на которых используются этан и пропан, получаемые на газоперерабатывающих заводах, а также «Салаватнефтеоргсинтез», «СИБУР-Химпром», Омский завод синтеткаучука, «Уфаоргсинтез» и «Нитрон», где наряду с нефтяным сырьем используется незначительное количество сжиженных газов и широкой фракции легких углеводородов (ШФЛУ). В стадии строительства находится Новоуренгойский газохимический комплекс. Замышлялось создание газохимических комплексов на базе Сосногорского, Оренбургского и Астраханского ГПЗ, однако эти планы пока не воплощены в жизнь. Газохимические комплексы имеются в Казахстане и Узбекистане. Строится газохимический комплекс в Туркменистане.

Схема использования попутного нефтяного газа для нужд газохимии проста. Попутный нефтяной газ после сбора и сепарации на промыслах собирается в центральный сборный пункт, где подвергается разделению (газофракционированию), с выделением этана и, особенно, пропана и бутанов, которые являются сырьем для газохимии. Отбензиненный газ (метан) поступает в магистральный газопровод, а выделившиеся жидкие продукты направляются для использования на нефтеперерабатывающих заводах. Перспективными российскими газохимическими комплексами на основе попутного нефтяного газа следует считать комплекс в г. Сургуте (компания Сургутнефтегаз), г. Нягань (компания Обьполимер) и ряд других.

Схема использования природного (богатого этаном) природного газа еще проще. Природный (богатый этаном) газ поступает на газоразделение, где с использованием низкотемпературных процессов конденсации и ректификации из него извлекаются этан, пропан и бутаны. Сухой газ (в основном метан) отправляется в магистральный газопровод, а жидкие фракции C_{5+} — на нефтеперерабатывающие заводы.

Россия располагает колоссальными ресурсами этаносодержащего природного газа. Валанжинские горизонты месторождений северных районов Тюменской области обеспечивают добычу порядка 30 млрд m^3 этаносодержащего природного газа. При интенсификации добычи газа в Надым-Пур-Тазовском регионе и подсоединении месторождений полуострова Ямал ресурсы этаносодержащего природного газа могут быть увеличены еще как минимум на 30 млрд m^3 . Значительные объемы добычи проектируются в будущем на Ковыктинском газоконденсатном месторождении в Иркутской области. Имеется еще ряд месторождений природного газа с высоким содержанием этана, пропана, бутанов и др. углеводородов, в частности, в российском секторе Каспия. Отметим, что содержание этана в газе указанных месторождений составляет 4,5–5,0%. В мировой практике газопереработки считается выгодным извлекать этан из газа, если его содержание в газе составляет не ниже 3%. Естественно, что при извлечении этана другие углеводороды (пропан, бутаны, углеводороды C_5 и выше) выделяются из газа полностью.

В настоящее время природный газ, добываемый из валанжинских горизонтов и содержащий ценные углеводороды, смешивается с газом сеноманских горизонтов, состоящим практически полностью из метана, и по системам газотранспорта поступает отечественным потребителям, а также идет на экспорт. Будучи использован как энергоноситель, такой газ сгорает в топках электростанций или в горелках наших квартир. Поступая на экспорт, газ приходит к заграничному потребителю, который, как например, Германия, извле-

кает из него ценные углеводороды, перерабатывает их в нефтехимические продукты и экспортирует в Россию. Но ведь российские производители, используя у себя ценные углеводороды, могли бы сами производить нефтехимикаты для внутреннего рынка и для нужд экспорта.

Основными предпосылками реализации проекта создания газохимического комплекса на базе этаносодержащего газа являются: необходимость утилизации безвозвратно теряемых ценных компонентов природного газа; значительная внутренняя потребность в пластмассах, нефтехимических продуктах и сжиженных газах, возможности экспорта продукции; эффективность комплексного использования ценных компонентов природного (богатого этаном) газа. При этом можно говорить о нескольких видах эффективности — ресурсная, энергетическая, валютная эффективность.

На базе ресурсов ценных углеводородов месторождений северных районов Тюменской области может быть создано несколько газохимических комплексов (ГХК) по трассе газотранспортной системы Уренгой — Надым — Пунга — Ухта — Грязовец — Выборг (Сосногорский, Череповецкий и др. ГХК). На базе ресурсов Ковыктинского газоконденсатного месторождения может быть создан газохимический комплекс, который обеспечит сырьем крупные нефтехимические и химические предприятия в Ангарске и Саянске. В Астраханской области или в Калмыкии может быть создан газохимический комплекс на базе месторождений Северного Каспия. Расчеты показали, что будущие комплексы являются экономически эффективными, обеспечивая рентабельность проекта порядка 15–20%.

Отметим также, что реализация проектов сооружения газохимических комплексов позволит решить ряд важных социальных задач: создать новые рабочие места в пунктах их размещения (эксплуатационники, строители), а также в небольших соседних городах, испытывающих трудности с занятостью, за счет строительства там небольших предприятий по переработке в изделия полимеров, получаемых на ГХК; использовать сжиженный газ, получаемый на ГХК, в качестве коммунально-бытового топлива; улучшить экологическую ситуацию в регионе, переведя часть автопарка с бензина на экологически более приемлемый сжиженный газ.

В заключение хотелось бы отметить следующее. Многие специалисты, включая и отечественных, считают, что продукция российской нефтехимической промышленности не может составить конкуренцию дешевым нефтехимикатам из стран Ближнего Востока и ряда стран Азиатско-Тихоокеанского региона, которые, как считают эти специалисты, «завалят» рынок своей продукцией, получаемой из дешевого сырья при относительно небольших затратах на оплату труда и при

использовании современных крупномасштабных установок. Спорить с тем, что центры мировой нефтехимии смещаются в регионы и страны со значительными ресурсами сырья, недорогой рабочей силой и расположенные довольно удобно по отношению к наиболее емким рынкам, не стоит, тем более, что эта тенденция проявляется со все большей силой.

Однако автор совершенно уверен, что Россия с ее гигантскими запасами углеводородов, квалифицированными кадрами, научно-исследовательской базой со временем сама превратится в один из таких центров. Для этого следует организовать выделение ценных углеводородов из попутного нефтяного и природного (богатого этаном) газа, строить газохимические комплексы, желательно на площадках уже действующих предприятий с целью использования объектов социальной и инженерной инфраструктуры, оптимальным образом выбирая мощности установок и маршруты следования готовой продукции. Главными рынками для российской нефтегазохимической промышленности должны стать: в первую очередь, внутренний рынок, с которого должны быть вытеснены импортные нефтехимикаты, а также внешние рынки, прежде всего те, где уже имеется российское присутствие, а также новые рынки, на которых конкурентоспособная продукция российской нефтегазохимии вытеснит нефтехимикаты, получаемые из дорогого нефтяного сырья.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брагинский О.Б. Мировая нефтехимическая промышленность. М.: Наука, 2003.
2. Васильев М.Г., Денисов О.К., Тумин В.Н. Химическая и нефтехимическая промышленность США. М. ОАО НИИТЭХИМ, 2007.
3. Бюллетень иностранной коммерческой информации (БИКИ).
4. Журналы: Oil and Gas Journal, Chemical Week, Нефтегазовые технологии, Вестник химической промышленности, The Chemical Journal, Химия и бизнес.

АЛМАЗНО-БРИЛЛИАНТОВЫЙ КОМПЛЕКС МИРА: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

Т.И. Потоцкая

ОТРАСЛЕВАЯ СТРУКТУРА АЛМАЗНО-БРИЛЛИАНТОВОГО КОМПЛЕКСА

Термин «алмазно-бриллиантовый комплекс» (АБК) широко используется в исследовательских работах по алмазной, гранильной и ювелирной отраслям. Как правило, под АБК понимается совокупность предприятий различных отраслей (алмазной, гранильной, ювелирной), объединенных выпуском определенной конечной продукции — ювелирных изделий с бриллиантами (ЮБИ). В близком значении используется термин «алмазобриллиантовый рынок». Однако, на наш взгляд, понятие «рынок» уже понятия «комплекс», так как оно предполагает акцент на торговые и потребительские функции исследуемых отраслей. В то время как термин «комплекс» ориентирован на изучение всех функций изучаемых отраслей — производственных, торговых и потребительских.

Исходя из общепринятых методик определения отраслевой структуры экономики, можно сказать, что АБК формируется двумя группами отраслей. Это отрасли производственной сферы: добыча алмазов, производство бриллиантов, изготовление ЮБИ. С другой стороны, это и отрасли непроизводственной сферы: оптовая торговля алмазами и бриллиантами, оптовая и розничная торговля ювелирными изделиями с бриллиантами, реклама бриллиантов и ЮБИ. Если перечисленные отрасли расположить в порядке прохождения через них произведённого товара от добычи сырья до получения конечной продукции, мы получим схему, которую в отраслевой литературе принято называть «алмазным трубопроводом» (рис. 1).

В условиях относительной информационной закрытости АБК, самостоятельные расчёты ключевых количественных характеристик в рамках «алмазного трубопровода» крайне затруднены. Поэтому приходится использовать уже готовую информацию, систематизация которой осуществляется зачастую на основе экспертных оценок.

В частности, в отраслевой специальной и научной литературе чаще всего встречаются две точки зрения на развитие мирового АБК: 1) Chaim Even-Zohar представляет свою аналитику в Diamond

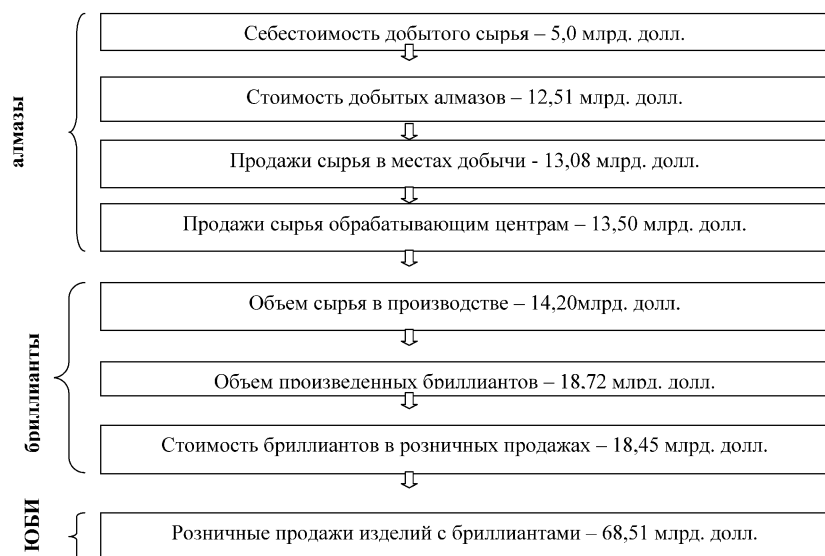

Рис. 1. «Алмазный трубопровод», 2006 г.

Составлено по: [10]

Intelligence Briefs; 2) Neil Buxton публикует аналитические материалы на сайте PolishedPrices.com. За основу расчетов, представленных в данной работе, взяты статистические данные, содержащиеся в «алмазном трубопроводе» Chaim Even-Zohar, так как этот исследователь публикует материалы на протяжении длительного периода времени, что позволяет отслеживать динамику и выявлять тенденции в деятельности каждой из отраслей АБК.

АЛМАЗНАЯ ОТРАСЛЬ

В связи с традиционным превышением на мировом рынке спроса на алмазы над их предложением, проблема сырьевого обеспечения АБК является одной из основных в его функционировании. Ее решение реализуется не только за счет изыскательской деятельности, но и за счет реконструкции старых алмазных рудников и перехода части действующих на закрытый способ добычи, что приводит к постоянному увеличению затрат на добычу. Так, за последние шесть лет прямая стоимость добычи увеличилась в пять раз — с 1 млрд. долл. в 2000 г. до 5 млрд. долл. в 2006 г. При этом увеличение расходов на добычу алмазов сопровождается и увеличением объемов их добычи, правда не столь высокими темпами. За рассматриваемый период они выросли более чем в 1,5 раза — с 7,5 млрд. долл. в 2000 г. до 12,5

млрд. долл. в 2006 г. По всей видимости, такой рост объемов добычи определяется не столько реальным ее увеличением, вызванным введением в эксплуатацию новых и реконструированных старых месторождений, сколько существенным ростом цен на алмазное сырье (за эти годы цены на алмазное сырье увеличились также в 1,5 раза) [17].

В 2006 г. объем добычи алмазов составил 176 млн. карат (кар.) или 12,51 млрд. долл. Добыча осуществлялась на территории 22 стран. Из них только 8 стран формировали 93–94% мировой добычи и в весовом, и в стоимостном выражении: Ботсвана (27%), Россия (19%), Канада (11%), ЮАР (10%), Ангола (12%), Демократическая Республика Конго (4%), Намибия (6%), Австралия (4%) (табл. 1).

Необходимо отметить, что данные «алмазного трубопровода» несколько отличаются от данных по алмазодобыче, представленных Кимберлийским процессом [15; 22]. Небольшие расхождения касаются двух аспектов — количества выделенных лидеров и объемов их добычи. Так, Chaim Even-Zohar не отметил появление в 2006 г. нового субъекта — Индонезии, в то время как Кимберлийский процесс фиксирует объемы добычи алмазов в этой стране, сопоставимые с объемами добычи таких мировых лидеров, как Австралия и ДР Конго (бывш. Заир). Вместе с тем, небольшие отличия в объемах производства других стран, содержащиеся в данных источниках, влияют на определение их доли в мировом производстве. Наиболее важно это для России и Анголы, так как амплитуда их доли составляет 3%. Расхождения, содержащиеся в используемых нами базах данных, связаны с различной методикой сбора информации. Проведенный анализ позволяет предположить, что основой «алмазного трубопровода» является суммарная статистика по компаниям, а основой Кимберлийского процесса выступает таможенная статистика по странам.

Средняя стоимость алмазов, добываемых в мире, составляет 70 долл./кар. Самые дорогие алмазы традиционно добываются в Лесото (средняя стоимость 759 долл./кар.), Намибии (375 долл./кар., в том числе при континентальной добыче — 380 долл./кар., при морской добыче — 365 долл./кар.), Сьерра-Леоне (224), Анголе (124), Канаде (106 долл./кар.: «Дайавик» — 121 долл./кар., «Экати» — 100 долл./кар.), Ботсване (94 долл./кар., в том числе «Летлхакане» — 244 долл./кар., «Джваненг» — 133. долл./кар.), ЮАР (91 долл./кар., в том числе прииск «Тири-сано» — 440 долл./кар., прииск «Луарика» — 300 долл./кар., «Коффифонтейн» — 259 долл./кар., «Намакваленд» — 143 долл./кар., «Оакс» — 143 долл./кар.), в 2006 г. этот список пополнила Индонезия (215 долл./кар.). Алмазы средней стоимостью ниже среднемирового уровня добываются в России (67 долл./кар.), Австралии (19 долл./кар.), ДР Конго (15 долл./кар.). Столь разительные отличия определяются преобладанием в структуре добычи либо ювелирных, либо технических алмазов.

Таблица 1

Мировая добыча алмазов (млрд. долл.)

	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.
Ботсвана	2,2	2,08	2,48	2,24	2,32	3,29	3,36
Россия	1,6	1,6	1,47	1,61	1,98	2,26	2,33
ЮАР	0,9	1,2	0,9	0,9	1,05	1,5	1,31
Канада	0,4	0,54	0,43	1,47	1,4	1,44	1,36
Ангола	0,7	0,7	0,76	0,9	0,9	1,03	1,45
ДР Конго	–	0,5	0,5	0,9	0,9	1,02	0,54
Намибия	0,5	0,5	0,42	0,44	0,7	0,72	0,75
Австралия	0,3	0,4	0,46	0,46	0,31	0,57	0,48
остальные страны	0,9	0,41	0,41	0,35	0,5	0,84	0,92
Всего	7,5	7,9	7,83	8,9	9,56	12,67	12,51

Составлено по: [6-10;14].

Стремление к увеличению объемов производства в отрасли приводит к росту числа компаний, работающих в ней. Наиболее активные участники этого процесса — De Beers (ЮАР), АЛРОСА (Россия), Leviev Group (Израиль), BHP Billiton (Австралия, Великобритания), Rio-Tinto (Великобритания), Trans Hex International (ЮАР), Dia Met (Канада), Dia Bras Exploration (Канада), Astro Mining NL (Австралия), Diamonds Works LTD (Канада), Southern Era Resources LTD (ЮАР) и др. (табл.2).

Самое большое количество компаний приходится на «страны переселенческого капитализма», где сильны традиции горнодобывающей индустрии — Канаду, ЮАР, Австралию. Несмотря на значительное число компаний, действующих в отрасли, около 170, только небольшая их часть определяет ситуацию в мировой добыче алмазов. К таковым относятся De Beers (3365 млн. долл.) — 27% мировой добычи, АЛРОСА (2300 млн. долл.) — 18%, Rio-Tinto (830 млн. долл.) — 7%, Aber Resources (332 млн. долл.) — 3%, BHP (200 млн. долл.) — 2%, Trans Hex (104 млн. долл.) — 1,1%. На эти компании в сумме приходится 57% годового объема добычи природных алмазов.

На сегодняшний день не существует единых мировых стандартов классификаций алмазного сырья, поскольку большинство критериев (цвет камня, чистота, форма), лежащих в основе формирования цены, невозможно измерить инструментальным способом. Только весовые характеристики алмаза измеряются абсолютно, остальные параметры определяются визуально путем сравнения с образцом. Учитывая субъективную природу ценообразующих факторов, разница в оценке стоимости алмазного сырья разными экспертами может до-

Таблица 2

Области деятельности крупных ТНК в геологоразведке и алмазодобыче

ТНК	ЮАР	Намибия	Канада	Россия	Ботсвана	Гренландия	Австралия	Мавритания	Ангола	Индонезия	Бразилия	Гвинея	ДР Конго	Лесото	Зимбабве	Гвинея	Китай	Индия	С-Леононе	США
De Beers	+			+	+										+					+
Rio-Tinto			+																	
BHP Billiton			+						+				+							
АЛРОСА			+	+					+											
Leviev Group																				
Trans Hex											+									
Dia Bras Exploration											+									
Astro Mining NL											+									
Dia Met			+																	
Diamonds Works LTD																				
Southern Era Resources LTD																				

Составлено по: [1;2;19;23].

стигать 100%, поэтому процесс продажи алмазов зачастую носит спекулятивный характер. Это одна из основных особенностей алмазного бизнеса, построенного на разветвлённой системе посредников. В результате алмазодобыча формирует два рынка: первичный — продажа алмазного сырья его непосредственными производителями; вторичный — продажа алмазного сырья торговыми компаниями или компаниями, производящими бриллианты. Если объём первичного рынка соответствует объёму алмазов, проданных в местах добычи (в 2006 г. его величина составила 13,08 млрд. долл.), то объём вторичного рынка соответствует объёму мирового реэкспорта алмазов. Эта величина в 2006 г. достигла 20,6 млрд. долл. (сумма реэкспортных операций основных субъектов рынка — Бельгии, Великобритании, Израиля, ОАЭ, Индии, США) (табл. 3). Таким образом, ёмкость мирового алмазного рынка составляет около 33 млрд. долл. (2006 г.), на 40% она формируется первичным рынком и на 60% — вторичным.

Территориально разделить оба рынка очень сложно, так как страны, выступающие основными потребителями на первичном рынке (Бельгия — 29% мирового импорта алмазов, Индия — 28%, Великобритания — 20%, Израиль — 15%, ОАЭ — 5%, США — 3%), играют роль основных продавцов на вторичном рынке (Бельгия — 44% мирового реэкспорта алмазов, Великобритания — 30%, Израиль — 13%, ОАЭ — 11%, Индия — 2%).

Приведенная торговая статистика, как и в случае с добычей алмазов, отличается от аналогичной статистики Кимберлийского процесса. При этом расхождения значительны. По мировому импорту/экспорту алмазов они достигают 5 млрд. (33 млрд. долл. против 38 млрд. долл.). Это связано с недооценкой отраслевой аналитикой (Rapaport Diamond Report, IDEX Magazine, Diamond Intelligence Briefs и др.) роли некоторых игроков на мировом алмазном рынке. В первую очередь Швейцарии, Китая, ЮАР, Таиланда, Шри-Ланки, Израиля. Информация об их торговой деятельности или отсутствует в открытом доступе (Швейцария, Китай, Шри-Ланка) или подается в «усеченном» виде (ЮАР, Таиланд, Израиль). При этом наиболее важны показатели Швейцарии (объём ее импорта составляет 1,5 млрд. долл., а экспорта — 2,6 млрд. долл. — это уровень такого общепризнанного посредника в торговых операциях с алмазами, как ОАЭ) и Китая (объём его импорта составляет 1,7 млрд. долл.).

Традиционные экспортеры алмазов — это, в первую очередь, их главные продуценты: Австралия, Ботсвана, ДР Конго, ЮАР, Ангола, Канада, Намибия, Россия, на долю которых в сумме приходится около 90% мирового «первичного» экспорта. Но поскольку в торговле алмазами большое значение имеют и реэкспортные операции (вторичный рынок, более 50% которого контролирует корпорация De Beers,

Таблица 3
Динамика внешнеторговых операций с алмазами основных субъектов мирового рынка (млн. долл.)

	Индия	Бельгия	США	Израиль	ОАЭ	Великобритания	Всего
1998	импорт	3107	4593	588	2722	-	11010
	Экспорт*	80	4345	164	638	3345	8572
1999	импорт	4128	6194	734	3869	-	14925
	Экспорт*	134	6033	187	1092	5240	12686
2000	импорт	4630	7436	741	4160	4600	21567
	Экспорт*	157	6990	213	1902	5670	14932
2001	импорт	4032	6183	550	3382	4700	18847
	Экспорт*	142	5724	170	1063	4454	11553
2002	импорт	5564	7205	567	4395	4510	22241
	Экспорт*	240	7013	213	1634	5154	14254
2003	импорт	6561	7205	705	3892	4196	23130
	Экспорт*	534	7013	193	2228	5518	16618
2004	импорт	7300	7205	754	5200	5100	26430
	Экспорт*	234	7013	268	2900	5695	17778
2005	импорт	9065	7205	871	5297	6780	30702
	Экспорт*	545	7013	200	3500	6539	20045
2006	импорт	8407	9000	924	4637	6000	30528
	Экспорт*	425	9000	-	2700	6150	20645

* — рассматривается только вторичный экспорт алмазов
Составлено по: [18; 25].

используя систему контрактных поставок от производителей — Ботсваны, России, ЮАР, Намибии, Танзании, Канады и др.), то второй категорией стран, специализирующихся на экспорте алмазов, являются страны-посредники в торговых операциях с алмазами — Бельгия, Израиль и США. Сразу оговоримся, что посреднические функции этих государств связаны с их изначальной специализацией на гранильном производстве, которое, не выдерживая конкуренции, постепенно мигрирует в страны с низкой стоимостью рабочей силы. Однако вслед за производством не всегда происходит миграция обслуживающей его инфраструктуры. В итоге «старые» центры огранки продолжают выполнять свои торговые функции, обеспечивая «новые» центры алмазным сырьем. Основным местом, концентрирующим мировой вторичный экспорт, безусловно, является Великобритания, где расположено торговое подразделение De Beers — DTC.

В силу того, что в законодательстве большинства развитых стран мира есть акты, направленные на борьбу с монополиями, на рубеже XX–XXI вв., мировой алмазный монополист De Beers попыталась провести свою реструктуризацию, отказавшись от контроля над ценами на алмазы (снизив стоки с 3,1 млрд. долл. до 0,12 млрд. долл.). Но поскольку это могло разбалансировать алмазный рынок и снизить спрос на алмазы, De Beers разработала программу «Поставщик выбора». Она обеспечила гарантированные поставки алмазов первоначально 82 ведущим гранильным компаниям мира (сайтхолдерам, с 2005 г. их численность увеличилось до 93) и снабдила их собственными маркетинговыми мероприятиями, направленными на увеличения спроса на ЮБИ [12; 13]. Для фирм, которые не попали в список сайтхолдеров*, была создана специальная компания Diamdel, через которую стали реализовываться меньшие партии алмазов. На первый взгляд, мировой алмазный рынок должен был стать более свободным. Однако в действительности этого не произошло, да и не могло произойти, т.к. компания, производящая более 25% продукции, продаваемой на рынке, априори является монополистом.

Другое дело, что алмазный рынок в связи с выходом на него новых «игроков» становится все более олигополистическим (АЛРОСА после вмешательства Еврокомиссии в соглашение между ней и De Beers формирует собственную сбытовую сеть), что с течением времени, безусловно, предаст ему определенную свободу. Более того, приобретённая «свобода», крайне негативно сказалась на ценовой политике мирового алмазно-бриллиантового рынка, поставив многие гранильные компании на грань банкротства.

* Сайтхолдер — компания, являющаяся постоянным клиентом De Beers и имеющая право гарантированного обеспечения алмазным сырьем от нее.

Главные импортеры алмазов — это страны, специализирующиеся на производстве бриллиантов, и в целом страны, в которых осуществляются международные оптовые торговые операции с алмазами и переработка их в бриллианты: Бельгия, Израиль, Индия, а также Великобритания (в расположенную в Лондоне компанию DTC стекаются алмазы от всех поставщиков De Beers). На их долю приходится 90% объема мирового импорта алмазов [18].

Вторая категория импортеров — новые посреднические центры в торговле алмазами (ОАЭ, Бахрейн, Катар). Из-за отсутствия в этих государствах многоотраслевого хозяйственного комплекса здесь отсутствуют и элементы политики протекционизма в целом, что стимулирует формирование открытой экономики и как следствие — специализацию на посреднических функциях. При этом причины, заставляющие заниматься посреднической деятельностью, разные. Это и особенности экономико-географического положения (Бахрейн, Катар), и стремление диверсифицировать свою экономику (ОАЭ).

Одной из главных тенденций развития алмазной отрасли являются сдвиги в географии добычи алмазов. За последние семь лет в структуре мировой добычи алмазов наиболее значительно увеличилась доля Канады (на 6%) и Анголы (на 3%), уменьшились доли Ботсваны (на 3%), России (на 3%), ЮАР (на 2%) и Австралии (на 2%). При этом доля Намибии остается относительно стабильной, а доля ДР Конго постоянно изменяется по причине нестабильности национальной экономики и связанными с ней проблемами сбора информации.

Происходит и постепенное изменение региональной структуры продажи алмазов гранильным центрам за счет уменьшения доли Израиля (на 15% за последние семь лет) и увеличения доли Индии (на 11%), а также Таиланда, Китая и других стран Восточной и Юго-Восточной Азии (на 6%), что отражает общемировую тенденцию переноса трудоёмких производств из стран с высокой стоимостью рабочей силы в страны с её низкой стоимостью. При этом доля Бельгии, США, ЮАР, России остается относительно стабильной и незначительной.

Очень важно отметить и существенное уменьшение доли мирового алмазного рынка, контролируемого De Beers. В 2007 г. она достигла своего минимального значения в 43–45%, что отражает тенденцию превращения алмазного рынка из монополистического в олигополистический. Усугубляет эту ситуацию и тот факт, что многие традиционные партнеры этой компании стремятся к самостоятельному ведению бизнеса. Так, представители шести крупнейших африканских алмазодобывающих стран (Ботсвана, Ангола, Зимбабве, ДР Конго, Намибия, ЮАР), пытаясь увеличить свое влияние на рынок, создали Африканскую ассоциацию производителей алмазов (ADPA). Предполагается, что она будет заниматься разработкой единой сбытовой политики.

Вместе с тем, это и механизм давления на иностранные алмазодобывающие компании, работающие на их территории, с целью увеличения доходов за счет формирования собственной гранильной отрасли.

С данным обстоятельством трудно не считаться. Под давлением национальных правительств De Beers заявила о переносе в Ботсвану части своих Лондонских сайтов* и готовности оставлять в Намибии 16% добываемых алмазов. С этого года De Beers проводит сайты в ЮАР. Однако трудно представить, что полная демонополизация мирового алмазного рынка произойдет в ближайшем будущем. Более того, страхуя себя от нарастающей конкуренции, De Beers увеличивает свои алмазные стоки (основной инструмент ценообразования): в 2006 г. их объем достиг 1,8 млрд. долл. [11]. Увеличился и объем мировых алмазных стоков. И если раньше наличие стоков у основных «игроков» на рынке определялось стремлением регулировать цены, то сегодня это обстоятельство отражает превышение предложения алмазов определенных весовых и качественных характеристик над их спросом.

Гранильная отрасль

В 2006 г. мировой объём производства бриллиантов достиг 18,72 млрд. долл., из них 58% продукции было изготовлено в Индии, 14% — в Израиле, 14% — в Таиланде, Китае и других странах Восточной и Юго-Восточной Азии, 6% — в России, 4% — в ЮАР, 2% — в США, 2% — в Бельгии (табл. 4).

Таблица 4

Динамика производства бриллиантов (млн. долл.)

	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.
Индия	6800	5500	7100	7035	9300	10620	10840
Израиль	3200	2700	2800	2900	2770	2810	2580
Таиланд, Китай, Гонконг и др.	700	1000	1500	2500	2500	2500	2600
СНГ	800	700	600	700	800	1200	1200
ЮАР	400	600	500	500	600	850	800
США	500	400	400	400	400	780	300
Бельгия	400	400	400	780	370	500	400
Остальные страны	—	100	400	5	—	—	—
Всего	12800	11400	13700	14820	16740	19260	18720

Составлено по: [6-10;14].

Кроме вышеназванных показателей, характеризующих состояние производственной части мирового рынка бриллиантов, «алмаз-

* Сайты — торговые встречи продавцов и покупателей алмазов.

ный трубопровод» даёт информацию, позволяющую судить о товарной структуре производимых бриллиантов. При этом выделение товарных групп, на наш взгляд, должно строиться, в первую очередь, на качестве огранки бриллиантов, т.к. в отличие от остальных характеристик камня, влияющих на его цену (цвет, чистота), данная характеристика напрямую определяется огранщиком и не зависит от других факторов. По этому критерию все предлагаемые на рынке бриллианты условно можно разделить на три группы: 1)бриллианты идеальной огранки — Well Cut; 2) бриллианты коммерческой огранки — Fair; 3) бриллианты индийской огранки — Poor.

Различия в уровне рентабельности гранильного бизнеса по странам не позволяют им специализироваться на всех видах огранки одновременно. Так, гранильные компании Бельгии, США, России специализируются на производстве бриллиантов Well Cut; компании Израиля, стран ЮВА, Китая, ЮАР специализируются на производстве бриллиантов Fair; компании Индии — на производстве бриллиантов Poor. Суммируя показатели по перечисленным странам, можно получить товарную структуру мирового производства бриллиантов и проследить её динамику (табл. 5).

Таблица 5

Динамика товарной структуры производственной части мирового рынка бриллиантов

			Идеальная огранка	Коммерческая огранка	Индийская огранка	Всего
2002	объем пр-ва	Млн. долл.	1050	5150	7100	13700
	Доля	%	7,6	37,6	51,8	100
	Темпы	% к 2001 г.	2,9	7,7	29	20,2
2003	объем пр-ва	Млн. долл.	1450	6330	7035	14820
	Доля	%	9,8	42,7	47,5	100
	Темпы	% к 2002 г.	38	22,9	-1	8,1
2004	объем пр-ва	Млн. долл.	1060	6380	9300	16740
	Доля	%	6,3	38,1	55,5	100
	Темпы	% к 2003 г.	-26,9	0,7	32,1	13
2005	объем пр-ва	Млн. долл.	1591	7060	10620	19260
	Доля	%	8,3	36,7	55,1	100
	Темпы	% к 2004 г.	50	10,6	14,2	15
2006	объем пр-ва	Млн. долл.	1022	6880	10840	18742
	Доля	%	5,5	36,7	57,8	100
	Темпы	% к 2005 г.	-35,8	-2,6	2,07	-2,7

Рассчитано по: [6-10;14].

Таким образом, с определенной долей условности можно утверждать, что 5,5% предлагаемых бриллиантов на мировом первичном рынке относится к категории идеальной огранки, 36,7% — к категории коммерческой огранки и 57,8% — к категории индийской огранки. Однако существует ряд ограничений, не позволяющих абсолютизировать данный вывод и объективно судить о тенденциях изменения товарной структуры. К таким ограничениям стоит отнести неясность в методике подсчета базовых статистических показателей, собранных в рамках «алмазного трубопровода», и высокие темпы экономического развития стран Юго-Восточной Азии, Китая и Индии, которые существенно меняют условия ведения гранильного бизнеса, влияя на его специализацию.

Важными статистическими показателями, характеризующими состояние мировой гранильной отрасли, являются величина её задолженности и стоки* бриллиантов. В 2006 г. оба показателя были достаточно высоки, что свидетельствует о наличии проблем в развитии отрасли. Так, задолженность, по оценкам Chaim Even-Zohar, составляла 12 млрд. долл., т.е. была равна 64% объема мирового производства бриллиантов. Наибольшая ее величина традиционно приходится на Индию, Бельгию, США, Израиль. При этом темпы роста задолженности постепенно замедляются — 22% в 2003 г., 17% в 2004 г., 14% в 2005 г., 11% в 2006 г. Очевидно, что на величину отраслевой задолженности влияет не только спрос на производимую продукцию, но и многие другие факторы, например, маркетинговые затраты. В 2006 г. они уменьшились более чем на 40%. Это связано с уходом маркетинговых программ De Beers с рынков Таиланда, Испании, Германии, Великобритании, Канады.

Величина задолженности часто является следствием наличия стоков бриллиантов. В силу продолжающейся тенденции превышения объемов производства бриллиантов над объемами их реализации в 2006 г. (рис. 1), данный показатель составил 330 млн. долл. Chaim Even-Zohar считает величину стоков до 1 млрд. долл. допустимой и не рассматривает ее как критическую. С этой точкой зрения можно было бы согласиться, если бы данная тенденция была характерна для небольшого временного периода. Однако на мировом рынке бриллиантов она существует уже в течение трех лет.

Рынок бриллиантов, как и рынок алмазов, априори является промышленным (b2b), поскольку гранильные компании не производят конечной продукции. Однако в силу того, что бриллианты могут потребляться в том числе в качестве тезаврационного товара, хотя и в

* Стоки (запасы) — объем алмазов или бриллиантов, не проданный в течение года; о стоках обычно говорят, если годовой объем продаж меньше годового объема производства.

незначительных объемах, есть смысл выделить и потребительский сегмент (b2c) изучаемого рынка. Обозначенные рынки отличаются не только ёмкостью, но и товарной структурой, ценообразованием. Для промышленного сегмента свойственны большие объёмы продаж и реализация продукции «массового спроса», если такое понятие вообще применимо к такому товару, как бриллиант. В то же время для потребительского рынка характерна малая ёмкость и эксклюзивность продаваемого товара. Поскольку основой мирового рынка бриллиантов является все же промышленный рынок, остановимся на его изучении более подробно.

В силу специфичности производимого товара (каждый бриллиант индивидуален по набору свойств — по весу, цвету, чистоте, форме и качеству огранки), гранильные компании не могут продавать свою продукцию непосредственно ювелиру, т.е. конечному потребителю. Ювелиру, как правило, нужны камни со схожими характеристиками и в достаточном количестве. Эти условия трудно выполнить производителю, так как ассортимент его продукции определяется, прежде всего, свойствами алмазного сырья которое он обрабатывает, а не желанием потребителя. Поэтому возникает необходимость в услугах посредников между огранщиками и ювелирами, занимающихся комплектацией бриллиантов для будущих ювелирных изделий. Отсюда и длинная торговая цепочка посредников в продвижении бриллиантов. Вначале — это крупные оптовики, хорошо знающие конъюнктуру мирового ювелирного рынка, его товарные и региональные предпочтения и умело комплекующие лоты* бриллиантов для дальнейшей продажи. Затем — это средние и мелкие оптовики, работающие на конкретные ювелирные компании под определенные заказы. Завершают цепочку собственно ювелирные компании.

Поскольку на мировом рынке бриллиантов услуги посредников объективно необходимы, он так же как и рынок алмазов подразделяется на первичный и вторичный. Более того, соотношение между ними примерно такое же, как и на мировом алмазном рынке: от 45% до 50% — первичный, от 50% до 55% — вторичный.

Ведущими импортерами бриллиантов выступают страны, имеющие, как правило, развитые традиции ювелирного производства, ёмкий внутренний рынок и/или невысокие затраты на производство, льготное законодательство, стимулирующее торговлю бриллиантами и т.д. Так, на долю США приходится 37% мирового импорта бриллиантов, Бельгии — 19%, Гонконга — 17%, Израиля — 9%, ОАЭ — 8%, Индии — 8%, Японии — 2%. Суммарный импорт бриллиантов перечисленными странами составляет 44,7 млрд. долл. Он формирует текущую

* Лоты — партии бриллиантов.

Таблица 6
Динамика внешнеторговых операций с бриллиантами основными субъектами мирового рынка (млн. долл.)

	США	Гонконг	Япония	Израиль	Бельгия	Индия	ОАЭ	Всего
1998	Импорт	7902	1205	1056	1047	3598	124	14 932
	Экспорт	2515	90		3635	5034	4783	16 057
1999	Импорт	8787	1728	1328	1374	3728	243	17 188
	Экспорт	2814	103		4429	5020	6500	18 866
2000	Импорт	11235	2035	1212	2083	5109	448	22 122
	Экспорт	3845	146		5243	6105	6825	22 164
2001	Импорт	10035	1790	986	1792	5135	432	20 170
	Экспорт	3896	115		4514	5798	5687	20 010
2002	Импорт	11500	2087	936	2385	6000	465	23 373
	Экспорт	4400	118		5339	6423	6909	23 189
2003	Импорт	12160	2479	973	3405	6400	632	26 645
	Экспорт	5008	64		5508	7095	8021	26 046
2004	Импорт	13900	3190	1130	3600	7600	2000	32 278
	Экспорт	6600	95		6300	8100	10000	31 486
2005	Импорт	15375	7200	1150	3800	8434	3637	43 339
	Экспорт	8089	3630		6636	9430	12334	43 237
2006	Импорт	16451	7400	1007	4024	8494	3624	41 000
	Экспорт	9097	4090	–	6575	9441	10839	40 042

Составлено по: [16; 18; 25].

ёмкость мирового рынка бриллиантов (табл. 6). Ёмкость первичного рынка («стоимость бриллиантового содержания в розничных продажах») составляет 18,45 млрд. долл. Ведущие экспортеры бриллиантов — государства, занимающиеся их производством и/или обладающие льготным законодательством, стимулирующим торговлю данным видом товара. Это — Индия (25% мирового экспорта бриллиантов), Бельгия (21%), США (21%), Израиль (15%), ОАЭ (9%), Гонконг (9%).

Требования к товару у потребителей бриллиантов определяются их местом в цепочке «производитель бриллиантов — ювелир». Оптовиков интересуют, прежде всего, объем, цена и ассортимент товара. Хотя даже среди оптовиков существуют различия в подходе к приобретению бриллиантов. Для крупных оптовиков наиболее важным является постоянство в торговых связях, которое способно обеспечить гарантированный большой объем закупок и максимально разнообразный ассортимент товара. В то же время для средних и мелких оптовиков наибольшей ценностью является специальный ассортимент товара, за который они готовы платить повышенную цену. Ювелирам интересен специальный ассортимент товара, возможность его комплектации, наличие брэнда у приобретаемого товара для его дальнейшего продвижения.

На основе различий потребительского поведения на изучаемом рынке можно выделить всего три основных товарных сегмента. Они базируются на разных формах организации покупок: крупный опт, средний и мелкий опт, розница. Каждый из перечисленных товарных сегментов коррелируется с географическими сегментами: опт (компании стран-посредников), розница (компании стран-потребителей). Данное обстоятельство свидетельствует об относительной однородности бриллиантового рынка.

Именно поэтому стратегия позиционирования большинства гранильных компаний на мировом рынке основана не на различиях потребительского поведения, а на различных свойствах производимого товара. В этой связи в данной работе акцент сделан не столько на сегментации спроса, сколько на дифференциации рынка, связанной с разнообразием предложения. В качестве критериев товарной дифференциации мы выбрали четыре показателя, традиционно используемых при позиционировании бриллиантов на мировом рынке: 1) форма огранки (круглая, традиционная фантазия, специальная фантазия, брэндовая огранка); 2) качество огранки (индийская, коммерческая, идеальная); 3) цвет (бесцветные бриллианты, цветные бриллианты); 4) вес (мелкие, средние, крупные бриллианты, бриллианты уникальных размеров) [3].

Форму бриллианта определяет его огранка. Традиционная форма огранки — круглая. Как правило, бриллианты именно с такой формой огранки наиболее востребованы на мировом рынке. Наряду с ней принято выделять так называемые «фантазийные формы». По самым скромным подсчетам, в мире насчитывается более 100 фантазийных форм огранок. Обычно их делят на классические и специальные. К классическим фантазийным формам огранки можно отнести «маркиз», «принцесса», «овал», «груша», «изумруд», «сердце». Значительным спросом на мировом рынке в последние годы пользуются прямоугольные фантазии. Производство бриллиантов специальной или «брендовой» огранки встречается намного реже.

Стоимость бриллианта существенным образом зависит от качества огранки. Как отмечалось выше, как правило, выделяют три типа огранки. Многие производители выделяют также «китайскую» и «русскую» огранки, предполагая, что они относятся к категории Well Cut. Более того, компании при позиционировании себя в определенном товарном рыночном сегменте используют разную терминологию (например, для обозначения производства качественной огранки большинство компаний используют термин Fine Make, мы для себя определяли его как синоним Well Cut). Учитывая все вышесказанное, можно отметить, что около 41% гранильных фирм позиционируют себя в сегменте Well Cut, в то время как позиционирование в сегментах коммерческой или индийской огранок непривлекательно (3% компаний). Насколько объективно отражают данные результаты реальную рыночную конъюнктуру? Как стремление большинства компаний к получению максимальной прибыли (а это возможно только в сегменте «идеальной огранки») — безусловно. Как реальную структуру мирового производства бриллиантов — нет.

Из четырех основных параметров бриллианта (вес, цвет, чистота, огранка), вес — наиболее объективный. Крупные алмазы в природе встречаются гораздо реже, чем мелкие, именно этот факт определяет структуру формирования цен на бриллианты. Особенно резкий скачок в цене отмечается на рубеже в 1 карат, когда цена одинаковых по характеристикам камней массой 0,99 кар. и 1,00 кар. различается примерно в 1,3 раза. Более того, в отличие от других критериев, позиционирование себя в той или иной весовой категории не свидетельствует о качестве производимого товара, его уникальности, амбициях компании. Бриллианты по весу подразделяются на три группы: мелкие (до 0,29 кар.), средние (от 0,30 до 0,99 кар.) и крупные (от 1,00 кар. и более). Мы добавили еще группу «бриллианты специальных размеров» (по аналогии с алмазами специальных размеров, вес которых превышает 10 кар.), так как большие по массе камни служат уже

не только и не столько ювелирным украшением, сколько средством вложения капитала.

Чрезвычайно редко встречаются в природе интенсивно окрашенные алмазы, поэтому и цветные бриллианты — это всегда событие в международной торговле. Открытие новых месторождений алмазов и постоянно совершенствующиеся методы добычи хотя и сделали цветные алмазы, а соответственно и бриллианты, более доступными для покупателей, однако не смогли превратить их в заурядное явление. Если говорить о конкретных фантазийных цветах бриллиантов, вовлеченных в международную торговлю, то надо отметить, что камни красного, зеленого, голубого и розового цвета крайне редки и очень дороги. Их цены превышают в 2–6 раз цены аналогичных абсолютно бесцветных камней. Желтые, коричневые и черные бриллианты менее редки и стоят дешевле бесцветных.

В силу того, что для современного мирового спроса характерно увлечение цветными бриллиантами, стоит особо выделять группу так называемых «облагороженных» бриллиантов с улучшенными различными методами цветом. Цена облагороженных камней в несколько раз меньше камней с натуральным фантазийным цветом. Этот аспект позволяет рассматривать облагороженные цветные бриллианты как отдельный товарный сегмент. Большинство компаний, стремясь извлечь максимальную прибыль из моды на цветные драгоценные камни, не заявляют об использовании различных методик улучшения цвета.

К вопросам позиционирования на мировом рынке наиболее продуманно подходят гранильные компании Бельгии, используя для этого такие характеристики товара, как форма и качество огранки, вес, цвет. При этом бельгийские бриллианты выделяются именно качеством огранки, в значительной мере речь идет об «идеальной огранке». Кроме того, бельгийские компании позиционируют себя как производителей крупных камней и уделяют большое внимание обработке цветных алмазов.

Гранильные компании Израиля и Индии, несмотря на разные роли, которые они играют на алмазно-бриллиантовом рынке, используют одинаковые критерии в позиционировании товара (из четырех, только три — форма огранки, вес, цвет). Они лидируют в позиционировании специальных и брендовых фантазийных огранок. Очевидно, что данная особенность определяется у Израиля стремлением снизить себестоимость производства бриллиантов, а у Индии — отсутствием технических возможностей производить классический круглый товар высокого качества. Если говорить о весовых характеристиках камней, производимых в данных странах, то бросается в глаза, что они занимают диаметрально противоположные позиции. Индия вы-

деляется преимущественным позиционированием в сегменте мелких камней, в то время как Израиль уделяет большее внимание работе с крупными бриллиантами.

Меньше всех остальных лидеров мирового бриллиантового рынка вопросам позиционирования уделяют внимание США. Из изученных характеристик бриллианта наиболее активно американские компании используют только два — форму огранки и цвет. Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что американские компании наиболее активно работают в сегменте цветных бриллиантов.

Стоит отдельно остановиться на особенностях позиционирования российских гранильных компаний на мировом рынке. Во-первых, в силу невысокой покупательской способности населения, большая часть производимых в стране бриллиантов экспортируется. В капитале крупных гранильных компаний, работающих в России, участвуют иностранные совладельцы, которые и определяют маркетинговую стратегию на мировом рынке. Наиболее значимые из них — LLD Diamonds LTD (Израиль) и Rosy Blue (Бельгия). Во-вторых, ведущей отечественной гранильной компанией является расположенный в Смоленске ОАО «ПО «Кристалл», находящееся в собственности государства. Это — единственный в России сайтхолдер De Beers. «Кристалл» осуществляет самостоятельную маркетинговую стратегию на мировом рынке, на его долю приходится 26% производства бриллиантов в стране и 2% в мире. Не случайно деятельность именно этой компании легла в основу определения места нашей страны на мировом рынке бриллиантов. В-третьих, из-за высокой себестоимости производства (высокий уровень механизации, высококвалифицированная рабочая сила), отечественной продукции сложно конкурировать с бриллиантами из Индии или Китая. Отсюда и специализация гранильных компаний страны на производстве бриллиантов идеальной огранки (30% данного сегмента мирового рынка бриллиантов приходится на ОАО «ПО «Кристалл»).

Несмотря на негативные для гранильной отрасли явления в сфере ценообразования в мировом алмазно-бриллиантовом комплексе, бриллиантовый рынок продолжает расти, хотя и невысокими темпами. Объем потребления бриллиантов достиг в 2006 г. 18,45 млрд. долл. При этом основным потребительским рынком продолжает оставаться Америка — 45 %, страны Ближнего Востока — 14%, Европы — 11% , Азиатско-Тихоокеанского региона — 10% и Япония — 10%. Рост и так называемое «бриллиантовое содержание» — уловный показатель, обозначающий долю бриллиантов в розничных продажах ЮБИ (табл.7). Наибольшей величины этот показатель достигает в развивающихся странах Азии, где имеются давние традиции использования

Таблица 7

**Динамика изменения «бриллиантового содержания»
в розничных продажах ювелирных изделий с бриллиантами (%)**

	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.
Америка	25,2	24,3	24,0	26,2	25,5	27,2	24,3
Европа и ЮАР	20,7	19,5	21,5	22,9	19,2	20,5	23,9
Япония	17,9	19,6	14,5	15,4	20,0	19,6	18,2
АТР	46,7	40,0	47,2	57,4	50,0	30,7	42,4
Ближний Восток			50,9	50,1	46,9	46,0	36,4
Остальные страны	22,2	22,6	25,0	27,9	35,0	29,9	25,9
Всего	23,8	25,0	25,4	27,7	27,6	28,4	26,9

Рассчитано по: [6–10; 14].

ювелирных изделий с бриллиантами. В мире в целом величина «бриллиантового содержания» выросла с 23,8 % в 2000 г. до 26,9% в 2006 г.

Рынок розничной торговли бриллиантами (b2c) достаточно узок, так как на нем обращаются только те бриллианты, которые обладают тезаврационными свойствами, а значит относятся к довольно редкой размерно-весовой категории «1 карат и выше». В силу относительной информационной закрытости алмазно-бриллиантового комплекса, получить систематизированную информацию об особенностях продаж таких камней практически невозможно. Поэтому мы попытаемся осветить особенности функционирования этого сектора бриллиантового рынка, используя анализ деятельности аукционных домов, так как бриллианты, продаваемые через них, в полной мере обладают тезаврационными свойствами.

К числу наиболее известных аукционных домов, имеющих давние традиции, относятся Сотбис (США), Кристи (Швейцария), Филлипс — Симон де Пюри и Люксембург (Великобритания), Тзофис (Израиль), Доротеум (Австрия). Из перечисленных аукционов безусловными лидерами продаж являются Сотбис и Кристи, которые контролируют около 90% мирового рынка предметов искусства. На анализе их деятельности по продвижению бриллиантов на мировом рынке мы остановимся более подробно. Хотя следует отметить, что доля аукционов в мировой торговле бриллиантами крайне незначительна — около 1%, да и доля бриллиантов в общем объеме продаж аукционов невелика — всего 2,5%.

Ежегодный торговый оборот аукционного дома Сотбис превышает 2,5 млрд. долл., из которых 50 млн. долл. (2005 г.) приходится на продажу бриллиантов. Ежегодный торговый оборот аукционного дома Кристи превышает 2 млрд. долл., из которых 80 млн. долл. приходится на торговлю бриллиантами (2005 г.). Представительства аукци-

онов расположены на территории 33 государств, однако торговля бриллиантами осуществляется только в США, Швейцарии и Гонконге.

Ёмкость рынка, на котором непосредственно реализуются бриллианты и ЮБИ через аукционы намного меньше, чем ёмкость рынка, на котором в целом работают аукционы. Однако при этом не надо забывать, что в косвенную аукционную торговлю бриллиантами включено гораздо большее количество государств. Гонконг и Швейцария стимулируют аукционную торговлю, так как обладают рядом законодательных и финансовых инструментов, способствующих данному процессу. Более того, Гонконг — это выход на китайский рынок, а Швейцария — выход на европейский рынок. Самостоятельное значение для аукционной торговли бриллиантами имеет только рынок США.

Аукционные дома различаются по лидерским позициям в продвижении бриллиантов на потребительском рынке. Так, Сотбис был длительный период времени традиционным лидером продаж бриллиантов по всем стоимостным характеристикам (общая стоимость, средняя стоимость бриллианта, средняя стоимость 1 карата), а Кристи — традиционным лидером продаж бриллиантов по всем весовым и натуральным характеристикам (общий вес, средний вес, количество бриллиантов). Более того, между ними даже существовали различия в товарных приоритетах: Кристи специализировался на реализации бесцветных бриллиантов, а Сотбис играл главную роль в продвижении цветных бриллиантов. Однако в 2005–2006 гг. ситуация коренным образом изменилась: Кристи обошёл Сотбис практически по всем показателям. Единственный товарный сегмент, в котором Сотбис пытается отстаивать свои интересы, — это цветные бриллианты. По-прежнему их доля наиболее высока у Сотбис (41% по стоимости и 39% по весу, против 28% и 36% у Кристи), по средней стоимости продаваемых цветных бриллиантов Сотбис пока тоже лидирует.

Ежегодно через эти аукционные дома реализуется около 400 бриллиантов, общей стоимостью 100–130 млн. долл. и общим весом примерно 3 000 карат. При этом средняя стоимость одного бриллианта составляет 260 тыс. долл., а средняя стоимость 1 карата — 35 тыс. долл. Через аукционы продаются, как правило, не только самые дорогие камни, но и самые крупные, их средний вес варьирует в пределах 7–8 карата (табл. 8).

Несмотря на постоянный рост объемов продаж бриллиантов, на мировом рынке их предложение превышает спрос. Это утверждение базируется на выявленном несоответствии темпов изменения объемов производства бриллиантов и динамике их потребления, а также превышении объемов производства над объемами продаж. Данное обстоятельство приводит к формированию значительных стоков бриллиантов и увеличению банковской задолженности, вызывая кри-

Таблица 8

Динамика продаж бриллиантов через ведущие аукционы мира

	Сотбис			Кристи			Все		
	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2006 г.
Вес (кар.)	518	916	821	600	701	1 222	1 521	1 374	1 974
Стоимость (млн. долл.)	16	33	26	20	22	47	48	55	75
Количество (шт.)	78	122	115	103	74	134	173	200	303
Средний вес (кар.)	6,6	8,0	7,1	5,8	9,5	9,0	8,8	6,9	6,5
Ср. стоимость (тыс. долл.)	211	272	227	194	300	350	276	276	248
Ср. стоимость 1 кар. (долл./кар.)	31 765	36 289	31 850	33 292	31 760	38 420	31 422	40 915	38 155
Ценообразование (% от Rapaport)	-1,4	-0,4	-13,6	-2	8,7	1,4	-0,04	2	-
Вес (кар.)	291	486	613	385	298	363	653	770	1 155
Стоимость (млн. долл.)	13	25	23	14	5	16	31	22	35
Количество (шт.)	53	71	72	44	46	61	65	78	122
Средний вес (кар.)	5,5	6,8	8,5	8,7	6,5	5,9	10,0	9,9	9,5
Ср. стоимость (тыс. долл.)	242	355	317	312	109	262	474	278	290
Ср. стоимость 1 кар. (долл./кар.)	44 102	51 967	37 376	35 715	16 876	44 214	47 254	28 219	30 716
Вес (кар.)	804	1 402	1 433	985	999	1 520	2 174	2 144	3 129
Стоимость (млн. долл.)	30	59	49	34	27	55	79	77	111
Количество (шт.)	131	193	187	147	120	196	238	278	425
Средний вес (кар.)	6,1	7,3	7,7	6,7	8,3	7,8	9,1	7,7	7,4
Ср. стоимость (тыс. долл.)	231	305	262	229	227	279	330	277	260
Ср. стоимость 1 кар. (долл./кар.)	37 691	42 020	34 212	34 238	27 315	36 050	36 177	35 947	35 409

Рассчитано по: [5; 21; 24].

зисные явления. Уменьшение объемов производства в 2006 г. произошло во всех гранильных центрах, расположенных на территории экономически развитых стран: США (–62%), Бельгия (–20%), Израиль (–8%), ЮАР (–6%). Относительно стабильно производство развивалось только в Китае и странах ЮВА (+4%), Индии (+2%) и России (0%).

Подобного рода тенденции влияют на структуру производства бриллиантов по регионам. Так, за последние семь лет доля стран Восточной и Юго-Восточной Азии (Таиланд, Китай, Гонконг и др.) увеличилась на 9%, а доля Израиля уменьшилась на 11%. Постепенно растет удельный вес Индии (на 4% за семь лет). Всё это отражает общемировую тенденцию миграции обрабатывающей промышленности в страны с низкими производственными издержками.

Стремительно разрушается традиционное представление о необходимости территориального разрыва между добычей алмазов и их обработкой. Многие алмазодобывающие страны Африки (Намибия, Ботсвана, Ангола) пытаются развивать собственную гранильную отрасль за счет иностранных инвестиций. Тем самым иностранные производители бриллиантов получают доступ к качественному алмазному сырью, а алмазодобывающие страны — капитал, технологию, рабочие места.

ЮВЕЛИРНАЯ ОТРАСЛЬ

Ювелирная отрасль, создающая и реализующая украшения с драгоценными камнями или без них, присутствует на территории практически всех стран мира и отражает национальные традиции. Однако ювелирные изделия более высоких ценовых категорий, изготовленные на основе драгоценных металлов, производятся в небольшом количестве государств. По данным Всемирного совета по золоту [27], в первую «десятку» крупнейших производителей золотых ювелирных изделий входят: Индия — 23% мирового производства, США — 17%, Китай — 12%, Турция — 10%, Саудовская Аравия — 7%, ОАЭ — 5%, Индонезия и Египет — по 4%, Италия и Великобритания — по 3% (данные на 2005 г.). При этом, за последнее десятилетие значительно увеличилась доля Индии (на 9%) и Турции (на 5%), а доля Италии уменьшилась (на 4%). Данный перечень государств учитывает только производителей, использующих первичное золото.

Вместе с тем стоит отметить, что объемы мирового производства золотых ювелирных изделий постепенно снижаются, пережив свой взлет в сравнительно недавнем прошлом. Время начала понижательной тенденции у регионов разное: Восточная Азия и Австралия — с 1994 г., Ближний Восток и Африка — с 1998 г., Европа — с 1999 г., Северная и Латинская Америка — с 2001 г. Поскольку большая часть ювелирных украшений в мире изготавливается, прежде всего, из зо-

лота (вне зависимости от моды), данная тенденция свидетельствует о снижении мирового спроса на ювелирную продукцию в целом.

Именно в ювелирной отрасли, производящей изделия с бриллиантами, образуется наибольшая добавленная стоимость в рамках алмазно-бриллиантового комплекса. Формируя конечный спрос на продукцию, производимую во всем АБК, она во многом определяет и конъюнктуру мирового алмазно-бриллиантового рынка.

Современное производство ювелирных изделий с бриллиантами подвержено действию ряда негативных факторов. В первую очередь, это постоянный рост цен на драгоценные металлы. Если за точку отсчета взять декабрь 2002 г. (год начала активного роста цен на все драгоценные металлы), то за период до января 2007 г. цены на платину и золото выросли практически в 2 раза, на серебро — 3 раза, на палладий — более чем в 1,5 раза (табл. 9). В то же время в рассматриваемый период цены на бриллианты развивались неравномерно: снизились на 5% к концу 2003 г., затем начали расти с января 2004 г., набрав 25% к 2006 г. (речь идет о бриллиантах весовой категории 1 кар. и менее).

Таблица 9

**Динамика цен на драгоценные металлы
(Лондонский фиксинг, тр.унция/долл.)**

	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006
Золото	270	277	350	410	440	500	650
Платина	610	480	600	820	850	1000	1170
Палладий	950	440	230	200	190	270	330
Серебро	4,5	4,5	4,6	5,9	6,8	9	13,3

Составлено по: [20].

Примечание: данные на декабрь каждого года.

Подобное движение цен на ювелирное сырье привело к сокращению закупок бриллиантов ювелирами, что создало их большие стоки. Этот аспект не мог не отразиться на объемах производства ЮБИ. Логично предположить, что они значительно уменьшились. Однако в силу информационной закрытости АБК, найти соответствующие статистические данные затруднительно. Хотя еще в 2003 г. информация о стагнации производственной части ювелирного рынка появлялась в зарубежной отраслевой печати. Так, по некоторым данным, в 2003 г. производство снизилось на 7%. Но большинство аналитических отраслевых изданий предпочитает или не показывать общемировую статистику по данному вопросу, акцентируя свое внимание на отдельных успешно развивающихся региональных ювелирных рынках, или показывает незначительную, но все же положительную динамику, как мы можем видеть в предлагаемой таблице.

Таблица 10

Производство и продажи ювелирных изделий с бриллиантами

	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006
Объем производ-ства ЮБИ (млрд. долл.)	22,2	24,9	26,1	26,3	27,4	29,1	31,7	33,7	-
Объем продаж ЮБИ (млрд. долл.)	51,1	54,9	57,5	54,1	56,9	56,95	60,58	62,45	68,51
Объем мирового ВП (млрд. долл.)	29528	30638	31455	31195	32410	36327	40671	42338	43946
Доля продаж ЮБИ в мировом ВП (%)	0,173	0,179	0,177	0,172	0,169	0,166	0,161	0,147	0,152
Темпы изменения доли продаж ЮБИ в мировом ВП (% к предыдущему году)	-1,2	3,6	-1,2	-3	-1,8	-1,8	-3,2	-2	3,4

Рассчитано по: [4;6-10;14;26].

Однако даже постоянный рост продаж ЮБИ в абсолютном исчислении не говорит о хорошем положении дел в этой отрасли, так как на мировом рынке велика конкуренция со стороны других предметов роскоши, а также новых технологичных товаров и услуг. Данную позицию хорошо иллюстрирует показатель доли продаж ЮБИ в мировом валовом продукте, который неуклонно снижается (табл. 10).

Исходя из показателя розничных продаж ювелирных изделий с бриллиантами (в 2006 г. они составили 68,51 млрд. долл.), текущую емкость ювелирного рынка с бриллиантами можно оценить в 69 млрд. долл. (это 50% всего мирового ювелирного рынка и 2% мирового рынка предметов роскоши). Основными потребителями ювелирных украшений с бриллиантами выступают следующие регионы: Америка — 50% (увеличение доли за последние семь лет на 4%), Япония — 15% (уменьшение доли за рассматриваемый период на 3%), страны Европы — 12% (–2%), АТР и страны Ближнего Востока — по 6% (доля регионов стабильна) (табл. 11).

Рассматривая тенденции развития отрасли, стоит подчеркнуть несколько особенностей. Во-первых, продажа ЮБИ — единственный товарный сегмент «алмазного трубопровода», который показывает традиционно самые большие темпы изменения объемов по сравнению с предыдущим годом (в 2006 г. +9,7%). Более того, эти темпы в 2006 г. оказались выше прошлогодних более чем в 3 раза. Однако данное обстоятельство в большей мере отражает темпы роста цен на ювелирное сырье в течение года — золото, платину, бриллианты (рост в 2006 г. на 30%, 17%, 1–2%, соответственно), нежели реальное увеличение спроса.

Таблица 11

Динамика продаж ювелирных изделий с бриллиантами (млрд. долл.)

	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.
Америка	25,8	23,9	28,7	28,7	31,09	31,5	34,0
Япония	10,6	9,2	8,5	8,5	8,75	9,76	10,1
Европа и ЮАР	8,2	7,7	7,9	7,9	8,05	8,05	8,3
Ближний Восток			3,4	3,65	3,71	4,15	4,5
АТР	3	8	3,6	3,4	3,86	4,01	4,4
остальные страны	9,9	5,3	4,8	4,8	5,12	4,98	7,3
всего	57,5	54,1	56,9	56,95	60,58	62,45	68,5

Составлено по: [6-10; 14].

Во-вторых, существуют заметные территориальные различия в потреблении ЮБИ. Так, наиболее значительный рост объемов потребления в 2006 г. был характерен для стран Азиатско-Тихоокеанского региона (+8,7%), Ближнего Востока (+7,2%), что может быть связано с традиционно высокой требовательностью населения этих регионов к характеристикам бриллиантов, именно здесь продаются самые дорогие ЮБИ (их средняя стоимость находится на уровне 1300–1500 долл.). В 2006 г. цены на крупные качественные камни росли максимальными темпами (3 кар. +6%, 5 кар. +10%). В странах Америки темпы увеличения объемов потребления были также высоки (+7,9%). Учитывая отрицательную динамику потребления бриллиантов в данном регионе, можно предположить, что ювелирных изделий в нем стали продавать больше, но с бриллиантами худшего качества. Незначительные темпы увеличения продаж были зафиксированы в Японии (+3,9%) и в странах Европы (+2,5%), что скорее отражает инфляционные процессы, нежели увеличение спроса.

В-третьих, отмечается усиление внимания со стороны ведущих ювелирных домов к производству и продвижению на рынке изделий с бриллиантами. Самыми узнаваемыми брэндами в данном товарном сегменте мирового ювелирного рынка в 2006 г. стали Tiffany, Cartier, De Beers, Gucci, Bulgari, Van Cleef & Arpels, Harry Winston, Chanel, Dior, Mikimoto. Активизируется их деятельность на развивающихся рынках, особенно в Китае и Гонконге.

В-четвертых, имеет место сокращение расходов на маркетинг. Столь негативная тенденция, возникшая впервые за последние пять лет, вступает в противоречие с усилиями De Beers. Стремясь через своих сайтхолдеров с помощью программ «Принципы наилучшей практики» и «Услуги добавленной стоимости» увеличить спрос на ювелирные изделия, потянув за собой бриллианты (самое уязвимое

звено в АБК), а затем и алмазы и, отказываясь при этом от ценового регулирования алмазно-бриллиантового рынка, De Beers «загнала» в угол своих клиентов высокими требованиями и высокими ценами. В итоге это привело к отказу многих из них от некоторых сайтов. Поэтому стратегическая цель De Beers — увеличить спрос на ювелирные украшения с бриллиантами на 50% за 10 лет — в 2006 г. оказалась под угрозой. Более того, De Beers заявила об уходе своих маркетинговых программ («Forever mark», «Forever do», «Trilogy», «Soliter», «Кольцо для правой руки») с рынков Великобритании, Испании, Канады, Таиланда, ФРГ.

В-пятых, борьба с синтетическими и облагороженными алмазами перешла в более организованную фазу. С 2006 г. она осуществляется уже не через стандарты корпоративной ответственности, разработанные Всемирной ювелирной конфедерацией, а через официальную сертификацию таких камней. Этим стали заниматься ведущие геммологические лаборатории мира. Более того, создана Организация производителей искусственных алмазов, которая призвана, в первую очередь, обеспечивать сертификационный сервис по оценке и классификации синтетических алмазов в соответствии с международными стандартами и принятой номенклатурой.

В-шестых, для ювелирных рынков европейских стран, входящих в зону «евро», по-прежнему характерна стагнация. В этой связи несколько проблематичным выглядит стремление Бельгии превратиться в один из ведущих ювелирных центров мира, став провайдером ювелирных украшений с бриллиантами (в условиях миграции гранильного производства в страны с низкой себестоимостью огранки). На этом фоне активный выход российских ювелиров на мировой рынок через систему международных ювелирных выставок выглядит обнадеживающе для отечественной ювелирной отрасли.

По этому пути идут как часовые компании, использующие в производстве ювелирное сырье (Rekord Watch-Making Company Ltd, Watch Plant Marktime, Record watch — marking Company Limited), так и ювелирные (Almaz Holding, Rifesta ACB Jewelry Company Ltd, Jewellery Theatre, Guriaty, Orchidea Design LTD, Alfa Jewelry Factory, Trust Capital, LTD, Disten Ltd, Sibirilite Ltd. (Inagly) и др.

Проведенное исследование показало, что перспективы развития алмазно-бриллиантового комплекса определяются конъюнктурой мирового рынка алмазов, бриллиантов, ювелирных изделий с бриллиантами и, в целом, предметов роскоши. И связаны они с дальнейшим увеличением территориального разрыва между местом производства и местом потребления продукции АБК. Однако необходимо учитывать и диаметрально противоположные тенденции, которые могут возникнуть в результате проведения алмазодобывающими стра-

нами Африки (ЮАР, Ботсваной, Намибией, Анголой) экономической политики, направленной на создание национальных гранильной и ювелирной отраслей на базе собственного сырья. Это сулит заметные сдвиги в географии АБК мира.

Однако есть ряд аспектов, которые не позволяют сделать вывод о неизбежности такого сценария. В первую очередь, это высокая себестоимость производства бриллиантов в данных странах при невысоком качестве труда. Это обстоятельство не дает им конкурентных преимуществ ни по сравнению со странами с дешевой рабочей силой — Китаем, Индией, странами Юго-Восточной Азии (где сейчас сосредоточено 78% мирового производства бриллиантов), ни по сравнению со странами с дорогой, но высококвалифицированной рабочей силой — Бельгия, Россия, Израиль (22% производства бриллиантов). Единственно, что можно в этой связи ожидать с определенной степенью уверенности, так это — смещение торговых функций в алмазной отрасли из традиционных старых центров в новые — в данном случае в африканские страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Минеральные ресурсы мира. Конъюнктура мировых рынков сырья: статистический справочник. — М., 2003.
2. Минеральные ресурсы мира на 1.01.2002 года: статистический справочник. — М., 2003.
3. *Потоцкая Т.И.* Сегментация мирового рынка бриллиантов: проблемы и реалии // Дайджест-Маркетинг. — 2006. — №1 (15). — С. 4–12.
4. *Amber, Michelle.* Anniversary Opportunities // Rapaport Diamond Report. — 2005. — №2.
5. Auction results // Rapaport Diamond Report. — 2003–2007.
6. *Chaim, Even-Zohar.* The 2002 Diamond Pipeline // Diamond Intelligence Briefs. — 2003. — №381. P. 2654–2656.
7. *Chaim, Even-Zohar.* The 2003 Diamond Pipeline // Diamond Intelligence Briefs. — 2004. — №409. — P. 3053–3057.
8. *Chaim, Even-Zohar.* The 2004 Diamond Pipeline // Diamond Intelligence Briefs. — 2005. — №435. — P. 3472–3475.
9. *Chaim, Even-Zohar.* The 2005 Diamond Pipeline // Diamond Intelligence Briefs. — 2006. — №461. — P. 3889–3893.
10. *Chaim, Even-Zohar.* 2006 — A Soft Year: Diamond Output // Diamond Intelligence Briefs. — 2007. — №487. P. 4308–4310.
11. De Beers Results // Diamond Intelligence Briefs. — 2003–2007.
12. Directory of Diamond Trading Company Sightholders. 2004–2005. — England, 2004. — 120 p.
13. Directory of Diamond Trading Company Sightholders. 2005–2007. — England, 2006. — 240 p.

14. Diamond Pipeline 2001 // MAZAL UBRACHA. — 2002. — №146. — P. 22–24.
15. Kimberley Process Statistical Data // Diamond Intelligence Briefs. — 2007. №489. — P. 4349–4352.
16. Net Retained For Local Sales, Net Import Break Records // Jewellery News Asia. — 2005. — May.
17. *Rapaport, Martin*. Rough Price Hike // Rapaport Diamond Report. — 2004. — №9. — P. 1–27.
18. Rough imports / Polished imports / Polished exports // Rapaport Diamond Report. — 2003–2007. — №1–12.
19. ИЦ Минерал [Электронный ресурс]. — Электрон. ст. — Режим доступа к ст.: <http://www.mineral.ru>
20. Русская ювелирная сеть [Электронный ресурс]. — Электрон. ст. — Режим доступа к ст.: <http://www.jnet.ru/info/news>
21. Christie [Электронный ресурс]. — Электрон. ст. — Режим доступа к ст.: <http://www.christies.com>
22. Kimberley Process [Электронный ресурс]. — Электрон. ст. — Режим доступа к ст.: <http://www.kimberleyprocess.com>
23. MBendi [Электронный ресурс]. — Электрон. ст. — Режим доступа к ст.: <http://www.mbendi.com>
24. Sotheby [Электронный ресурс]. — Электрон. ст. — Режим доступа к ст.: <http://www.sothebys.com>
25. The Gem & Jewellery Export Promotion Council [Электронный ресурс]. — Электрон. ст. — Режим доступа к ст.: <http://www.gjpec.org>
26. World Bank [Электронный ресурс]. — Электрон. ст. — Режим доступа к ст.: <http://www.worldbank.org>
27. World Gold Council [Электронный ресурс]. — Электрон. ст. — Режим доступа к ст.: <http://www.gold.org>

МИРОВАЯ НЕФТЯНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

И.Ю. Егоров-Тисменко

Уже более 100 лет нефтяной фактор играет существенную роль в формировании стратегии государств и расстановке геополитических сил. Острейшая конкурентная борьба за доступ к источникам нефти и рынкам ее сбыта по-прежнему определяет внешнеполитическую деятельность, несмотря на то, что выработаны более цивилизованные формы доступа к нефтяным ресурсам и механизмы их распределения. Велико и обратное влияние системы международных отношений и геополитических факторов на развитие и размещение мировой нефтяной промышленности, которые могут быть более значимыми по сравнению с экономико-географическими. В настоящее время существенно их воздействие на конъюнктуру мирового нефтяного рынка, что усложняет долгосрочное прогнозирование его состояния. На решение этой проблемы направлено исследование взаимного влияния мировой нефтяной промышленности, прежде всего ее территориальной структуры как главного критерия геополитической значимости нефти, и международных отношений.

МЕХАНИЗМЫ ВЛИЯНИЯ НЕФТЯНОГО ФАКТОРА НА МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Основной механизм влияния нефтяного фактора на международные отношения — зависимость геополитического положения и внешнеполитической стратегии стран от уровня обеспеченности нефтью. Страны с низкой обеспеченностью нефтью при прочих равных условиях менее конкурентоспособны в геополитической сфере. И, наоборот, крупные поставщики нефти на мировой рынок, как правило, имеют большие возможности для усиления своего геополитического влияния.

Некоторые исследователи считают, что одной из причин стремительного геополитического роста США в первой половине XX в. явилось лидерство этой страны в мировой добыче нефти и её экспорте. Значительное геополитическое влияние СССР и относительно продолжительное существование блока социалистических стран также в

значительной мере основывалось на использовании нефтяного фактора. Экспорт нефти остается важнейшим фактором влияния России на мировой арене. В отдельные периоды рост геополитической самостоятельности Ирака, Ирана, Саудовской Аравии, Венесуэлы и их превращение в региональных лидеров происходило в связи с увеличением нефтяных доходов [4].

Сильная зависимость от внешних источников поставок нефти, напротив, негативно сказалась на положении европейских стран — Великобритании, Франции и Германии, а вне Европы — Японии. Попытки установить однополярный мировой порядок во главе с США во многом определяются их способностью контролировать большинство нефтяных источников. Дальнейший рост геоэкономического и геополитического влияния Китая и Индии также в немалой степени зависит от решения проблемы надежности их снабжения нефтью.

Одним из важных элементов воздействия пространственной структуры мировой нефтяной промышленности на систему международных отношений является трансформация геополитической ситуации в ведущих нефтедобывающих регионах, где возникновение конфликтов, спровоцированных нефтяным фактором, наиболее вероятно. Анализ подобных конфликтов позволяет сделать вывод, что войны за нефть возникали не из-за ее тотального дефицита, а, наоборот, были связаны с борьбой за получение значительных геополитических и экономических преимуществ, в первую очередь в районах, характеризующихся ее избытком. Так, высокая обеспеченность нефтью во многом предопределяет особое геополитическое положение зоны Персидского залива, повышая вероятность возникновения здесь политических кризисов и региональных конфликтов.

Влияние нефтяного фактора на внешнюю политику стран выражается в двух основных процессах: с одной стороны, в существовании соперничества за доступ к добыче и транспортировке нефти, с другой — в использовании нефтяного фактора в политических целях. При этом оба процесса претерпевают серьезные изменения.

В борьбе за источники нефти на первый план выходит не политический, а экономический контроль над нефтяными регионами, который заключается в воздействии на нефтедобывающие страны с помощью инвестиционной политики в ходе финансирования нефтяной промышленности ТНК. Тем не менее, события последних лет показывают, что стремление к обретению непосредственного политического контроля над нефтеносными регионами еще продолжительное время будет прослеживаться в геополитической стратегии ведущих держав. При этом на современном этапе предпочтение отдается получению доступа не столько к добыче нефти, сколько к ее транспортировке. Концепция контроля над нефтедобывающими регионами сменяется

концепцией контроля над коммуникациями, который часто становится значимым фактором геополитического влияния государств, делая экономически и политически зависимыми не только потребителей нефти, но и ее экспортеров.

Современная пространственная структура транспортировки нефти сконцентрирована в нескольких мировых ареалах и точках, где сосредоточена большая часть основных потоков. Так, контроль над Ормузским проливом фактически эквивалентен контролю над нефтедобывающими странами всего Ближневосточного региона, поскольку через него осуществляется около 85% экспортных поставок нефти из Персидского залива. К подобным «критическим точкам» относятся Баб-эль-Мандебский и Малаккский проливы, Босфор и Дарданеллы, Панамский и Суэцкий каналы, а также крупнейшие экспортные и портовые терминалы [10]. Еще большее геополитическое значение имеют линейные элементы — нефтепроводы, так как контроль над ними (территориальный или экономический) является более достижимым по сравнению с морской транспортировкой нефти и предполагает зависимость от страны-владельца трубопровода не только импортеров и экспортеров нефти, но и всех транзитных стран. В настоящее время трубопроводы в геополитическом отношении играют не меньшую роль, чем железные дороги на рубеже XIX и XX веков.

По-разному осуществляется и использование нефти в политических целях. Первый вариант предполагает сокращение поставок нефти для оказания давления на страны-импортеры с целью решения политических проблем. При этом сокращение поставок может иметь как форму прямого эмбарго, например, введенного арабскими странами в 1973 г., так и форму «скрытого эмбарго», в ходе которого наблюдается сокращение поставок нефти в политически недружественные страны с помощью переориентации экспорта на другие направления, а также ограничение участия компаний из таких стран в проектах по добыче. Второй вариант предполагает использование поставок нефти по ценам ниже мировых для достижения лояльности стран-потребителей и в качестве основы для создания геополитических блоков. Третий вариант связан с использованием нефтяного фактора в качестве геоэкономического оружия, направленного против стран-производителей, и заключается в резком увеличении экспорта нефти с целью последующего обрушения цен на неё на мировом рынке.

НЕФТЯНОЙ ФАКТОР ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ

Воздействие нефтяного фактора на внешнюю политику страны зависит от её принадлежности к определённому классу, выделенному в соответствии с уровнем её обеспеченности нефтью и геополитиче-

ского влияния (в том числе и на региональном уровне). На основании данных критериев выделяются четыре класса стран, в значительных объемах экспортирующих или импортирующих нефть, по особенностям геополитической стратегии в нефтяной сфере (табл. 1) [3].

Первый класс образуют страны — крупные потребители нефти, обладающие незначительным уровнем геополитического влияния, что приводит к возникновению «замкнутого круга»: по политическим причинам такое государство не может достичь необходимого уровня обеспеченности нефтью. Это усиливает его геополитическую уязвимость и, как следствие, вынуждает развивать неэнергоемкие сферы хозяйства при перенесении энергоемких за рубеж, поддерживать программы энергоэффективности и диверсификации энергетики. Внешнеполитический курс государств данного типа направлен на избежание конфронтации с нефтедобывающими странами: отдается предпочтение дипломатическим и экономическим методам достижения своих целей в районах нефтедобычи.

Ко второму классу государств относятся крупные импортеры нефти, являющиеся при этом геополитическими центрами. Их стратегия в нефтяной сфере основана на получении прямого доступа к нефтедобывающим регионам, путям транспортировки нефти и базируется главным образом не на экономических, а на политических методах. В частности, в США такая стратегия рассматривается не только как способ уменьшения собственной энергетической зависимости, но и как средство контроля экономики других потребителей энергоресурсов — своих главных геополитических и геоэкономических конкурентов — Японии, ЕС и Китая, и рычаг воздействия на систему международных и региональных отношений. В перспективе станет возможным отнесение к данной группе государств КНР и, возможно, Индии. Проблема обеспечения их потребностей в бесперебойных поставках нефти и газа станет одной из ключевых геополитических и геоэкономических проблем XXI века.

К третьему классу стран относятся экспортеры нефти, имеющие геополитический вес на глобальном или региональном уровне. Страны данного типа стремятся использовать нефтяной фактор как средство распространения собственного геополитического влияния, в частности на нефтеимпортирующие страны. Четвертый класс включает большинство стран-экспортеров нефти, стратегия развития нефтяного сектора которых заключается в борьбе за рынки сбыта, достижении наибольшей экономической эффективности экспорта нефти и в наименьшей степени подвержена влиянию политических факторов.

На разных исторических этапах существуют различные комбинации стран 4-х классов, что непосредственно отражается на степени влияния нефтяного фактора на международные отношения. Наибо-

Таблица 1

Типология государств по особенностям геополитической стратегии в нефтяной сфере

Годы	Импортеры нефти с незначительным уровнем геополитического влияния	Импортеры нефти, являющиеся геополитическими центрами	Экспортеры, использующие нефть в политических целях	Остальные экспортеры нефти	Международные конфликты и противоречия, связанные с нефтью фактором
1920–1930-е		Великобритания, Франция, США*	США*	Венесуэла, СССР, Мексика, Иран, Румыния	Противоречия между США, Великобританией и Францией на Ближнем Востоке
Конец 1930-х, начало 1940-х		Великобритания, Германия, Япония, США, Франция	← **США	Венесуэла, Мексика, Иран, Румыния	Соперничество крупнейших держав на Бли. Востоке и Мексике, II мировая война
Конец 1940-х		США, Великобритания, СССР, Франция		Венесуэла, Мексика, Иран, арабские нефтедобывающие страны	Советская экспансия в Иране
1950-е	Япония, Италия, Германия	США, Великобритания, Франция	СССР	Венесуэла, Иран, арабские нефтедобывающие страны, Индонезия	Суэцкий кризис
1960–1970-е	Япония, западно-европейские страны, Бразилия, ЮАР, Индия, Австралия	США	СССР, арабские страны, входящие в ОПЕК, Иран	Остальные страны, входящие в ОПЕК	Арабо-израильские конфликты 1967 и 1973 гг.
1980-е	Япония, западно-европейские страны, Бразилия, ЮАР, Индия, Республика Корея	США	СССР, Ирак, Иран, Саудовская Аравия	Остальные страны ОПЕК, Мексика, Великобритания, Норвегия, западноафриканские нефтедобывающие страны	Ирано-иракская война
1990-е – по наст. время	Япония, Западно-европейские страны, Бразилия, ЮАР, Индия, НИС Юго-Восточной Азии	США, Китай	Ирак, Россия →	Остальные экспортеры нефти	Война в Персидском заливе 1990-91 гг., современные военно-политические акции США на Бли. Востоке
Прогноз на 15 лет	Япония, ЕС, Индия →	США, Китай, Индия, ЕС	Иран, Россия, Венесуэла	Остальные экспортеры нефти	Противоречия между США и Ираном, США и Китаем, США и ЕС

* США отнесены одновременно к разным типам стран в силу уникальности внешнеполитической стратегии в нефтяной сфере. Как крупнейший экспортер страна использовала нефтяной фактор в политических целях. В то же время, периодически сталкиваясь с нехваткой нефти, уже в 1920-е гг. страна наряду с другими державами вступила в борьбу за нефтеносные регионы.

** Стрелки (←, →) означают трансформацию стратегии государства в сторону другого типа стран.

более благоприятным для устойчивости и развития мирового нефтяного хозяйства является сочетание стран, отнесенных к первому и четвертому классам. В этом случае нефть практически не выступает в качестве геополитического фактора. И, наоборот, пока в мире будут страны, отнесенные ко второму и третьему классу, стремящиеся к установлению контроля над запасами жесткими методами или использованию их в политических целях, нефть будет оставаться геополитическим фактором независимо от изменения мирового порядка.

ОСНОВНЫЕ КРИТЕРИИ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ ЗНАЧИМОСТИ НЕФТИ

Геополитическая значимость нефтяного фактора, т.е. степень влияния нефти на систему международных отношений непостоянна и определяется состоянием территориальной структуры мировой нефтяной промышленности, а также соотношением спроса и предложения, уровнем цен и рядом факторов геополитического характера.

Главный критерий геополитической значимости нефти — территориальная структура мировой нефтяной промышленности. Существуют две основные модели ее состояния. Первая предполагает однополярную географическую структуру, при которой большая часть запасов, добычи и экспорта нефти сосредоточена в одном регионе, а также монопольное состояние мирового нефтяного рынка. Такая модель имела место в 1920–40-е годы, когда центр нефтяной промышленности находился в США, а также в 1970-е годы, когда регион Персидского залива имел наибольшую долю в мировом нефтяном хозяйстве. Согласно большинству прогнозов, ситуация повторится и в будущем, после 2020 г., когда страны Ближнего Востока вновь обретут монопольное положение на мировом нефтяном рынке.

Подобная структура нефтяного рынка приводит к увеличению геополитической значимости нефтяного фактора в силу того, что любой кризис в поставках из ведущего нефтедобывающего региона не может быть полностью преодолен за счет других источников. Критическим уровнем, после превышения которого вероятность кризисных явлений возрастает, является доля ведущего региона свыше 35% в структуре мировой добычи нефти, и выше 55% в структуре поставок нефти. Кроме того, высокая степень территориальной концентрации нефтяной промышленности (как на глобальном, так и на региональном уровне) увеличивает вероятность масштабных сбоев поставок по политическим, военным, природным и прочим причинам.

Многополярная, географически диверсифицированная структура мировой нефтяной промышленности, напротив, предполагает конкурентное состояние нефтяного рынка и затрудняет использование нефтяного фактора в политических целях. В 1950–60-е годы, а также

в 1980–90-е годы, любое прекращение поставок с целью политического давления не приносило желаемых результатов, так как недостаток нефти мог быть ликвидирован другими экспортерами.

Не меньшее влияние территориальная структура мировой нефтяной промышленности оказывает на географическую структуру транспортировки нефти и конъюнктуру мирового нефтяного рынка, которые, в свою очередь, сами являются важными факторами геополитической значимости нефти. Так, по мере роста доли ведущего мирового региона в структуре добычи и экспорта нефти, увеличивается территориальный разрыв между добычей нефти и ее потреблением, а также территориальная концентрация транспортировки в нескольких «критических точках». Это создает потенциальные возможности перебоев в поставках, возникновения кризисов и увеличивает влияние нефти на международные отношения. Снижение рыночной доли ведущего региона, напротив, способствует географическому рассредоточению потоков транспортировки нефти. В целом степень децентрализации мировой нефтяной промышленности обратно пропорциональна геополитической значимости нефтяного фактора и интенсивности влияния нефти на международные отношения.

От состояния территориальной структуры нефтяной промышленности косвенно зависит и соотношение спроса и предложения на мировом нефтяном рынке. В период ее однополярного состояния возрастает способность экспортеров нефти из лидирующего по добыче региона воздействовать на конъюнктуру нефтяного рынка, в частности на уровень цен, с помощью регулирования объема предложения. По мере того, как он перестает удовлетворять спрос, возрастает значение бесперебойных поставок нефти. В этой ситуации любая угроза их прекращения имеет значительный политический эффект и может использоваться как средство давления на импортеров. В такие периоды происходит рост влияния кризисов в поставках (обусловленных как политическими, так и природными причинами), а также спекулятивного капитала на уровень цен. Подобная ситуация наблюдалась в период 1970-х годов и возобновилась с 2004 г. Избыток нефти, который наблюдался на мировом рынке в 50–60-е, а также в 80–90-е годы XX в., наоборот, снижает ее геополитическую значимость.

Одновременно и причиной, и следствием изменения степени влияния нефти на международные отношения является уровень цен. В периоды высоких котировок многие экспортеры по причине роста доходов устанавливают и усиливают государственный контроль над нефтяной отраслью, поскольку в условиях благоприятной конъюнктуры они могут позволить себе проводить независимую от иностранных государств и ТНК политику, пусть и в ущерб ее инвестиционной привлекательности. Рост государственного контроля приводит к

меньшей эффективности ее развития, так как многие решения начинают приниматься исходя из политических, а не экономических критериев. В результате этого процесса, в западных источниках получившего названия «нефтяной национализм» и «скрытое эмбарго», нефть начинает использоваться в политических целях. Добыча при отсутствии иностранных инвестиций снижается или замедляет свой рост, что приводит к еще большему дефициту предложения на рынке. Этот процесс был характерен для кризисного периода 1970-х гг., ситуация повторяется и на современном этапе, после резкого повышения цен в 2004 г. В периоды низких цен, наоборот, преобладает тенденция к либерализации отрасли, привлечению иностранных инвесторов и сокращению роли политических факторов в ее развитии. Это наблюдалось в период 1950–60-х гг., когда в условиях сверхнизких цен большая часть добычи нефти принадлежала западным ТНК, и в меньшей степени в 1990-е гг., когда ряд стран-экспортеров нефти, в том числе и России, были вынуждены привлекать западные компании к разработке более «сложных» и дорогих в освоении нефтяных месторождений [5].

Как следствие, геополитическая значимость нефти во многом зависит от доли национальных госкомпаний и стран с преимущественно государственным нефтяным сектором в структуре мировой добычи. В том случае, если она высока, вероятность использования нефти в политических целях и зависимость развития и размещения нефтяной промышленности от политических факторов возрастает. Важным фундаментальным, но не решающим фактором геополитической значимости нефти является ее доля в структуре потребления первичных энергоресурсов (ПЭР).

Степень влияния нефти на систему международных отношений определяется и несколькими политическими факторами:

- Геополитической ситуацией в районах добычи и транспортировки нефти. Как известно, при их дестабилизации, значимость нефти возрастает на глобальном уровне. Особенно сильно это проявляется, когда нестабильные регионы занимают значительную долю в структуре мировой добычи.
- Состоянием мировой геополитической структуры, которая, как и в случае с территориальной структурой мировой нефтяной промышленности, во многом определяет характер борьбы за нефть. Многополярная модель геополитической системы предполагает обострение конкурентной борьбы за источники нефти, что может привести, как показывает период 1930-40-х годов, к возникновению конфликтов. Подобные факторы определяют борьбу за источники нефти и при существовании биполярной геополитической системы. При однополярной геополитической системе про-

цесс борьбы за контроль над источниками и путями транспортировки нефти сводится к действиям одного государства — геополитического центра, в том случае, если оно является крупным импортером.

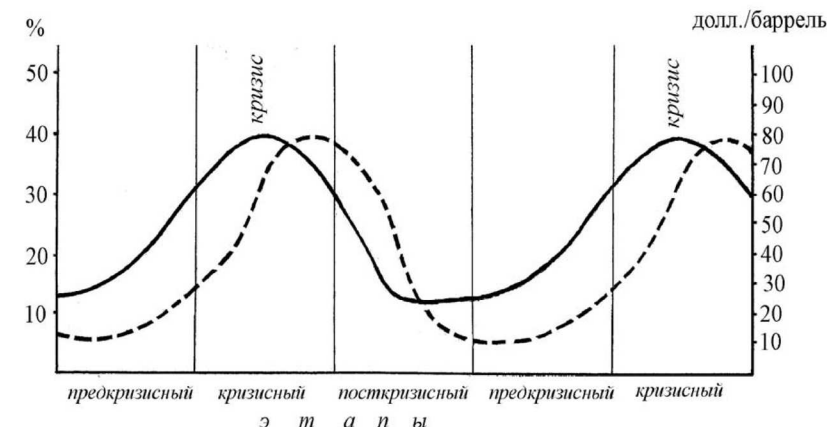
- Наконец, как уже отмечалось, на разных исторических этапах существуют различные комбинации стран, имеющих разную геополитическую стратегию в нефтяной сфере, что отражается на степени влияния нефтяного фактора на международные отношения.

Цикличность развития мировой нефтяной промышленности и влияния нефтяного фактора на международные отношения

Развитие мировой нефтяной промышленности, изменение ее территориальной структуры, а также геополитическая значимость нефтяного фактора, начиная с середины XX в., имеют циклический характер. Происходит чередование периодов географически диверсифицированной и сконцентрированной в одном регионе территориальной структуры нефтяной промышленности, избыточного предложения нефти и ее дефицита и, соответственно, высокого и низкого уровня цен. Непостоянно значение и других факторов, определяющих влияние нефти на международные отношения: геополитической ситуации в нефтедобывающих регионах, степени либерализации или национализации отрасли, состояние мировой геополитической структуры. Неравномерное значение этих факторов предполагает чередование периодов роста уровня геополитической значимости нефтяного фактора, или наоборот — его снижения.

На первом, предкризисном, этапе (рис. 1) увеличивается доля ведущего региона (начиная с 1950-х гг., Ближнего Востока) в структуре мировой добычи и поставок нефти по причине значительных и доступных в разработке запасов. Постепенно возрастает его влияние на рынок и ценообразование, уменьшается уровень конкуренции, появляются признаки дефицита нефти из-за регулирования добычи. Зависимость потребителей нефти от одного региона повышает вероятность сбоя поставок и увеличивает значимость нефти для мировой политики.

На втором этапе, в период наибольшей доли региона-монополиста на мировом рынке, возникает кризис поставок по причине военного конфликта или политики экспортеров, который сопровождается резким ростом цен и увеличением геополитической значимости нефти вследствие национализации нефтяной промышленности в основных странах-экспортерах. Эти факторы делают прибыльной разра-

— доля лидирующего региона в структуре мировой добычи, %
 ---- цены на нефть, долл. за барр. в пересчете на современный курс долл.

Рис. 1. Цикличность развития мировой нефтяной промышленности

ботку ранее нерентабельных нефтеносных провинций, внедрение новых технологий, и одновременно снижают спрос на нефть.

На третьем, посткризисном этапе, по мере появления новых альтернативных источников нефти, происходит снижение зависимости импортеров от ведущего региона, который сокращает добычу с целью поддержания высоких цен, теряя рыночную долю. Это сопровождается уменьшением его влияния на цены и, соответственно, их падением. На рынке устанавливается конкурентное состояние, при котором основные регионы имеют примерно равную долю в структуре добычи. Создаются условия для ценовых войн экспортеров нефти, а ее геополитическая значимость уменьшается.

В этих условиях разработка новых нефтедобывающих провинций вновь становится нерентабельной, в то время как мировое потребление нефти возобновляет быстрый рост. Ведущий регион снова увеличивает свою долю на нефтяном рынке, по причине низкой себестоимости добычи, а также исчерпания запасов в конкурирующих центрах. По мере возвращения регулирования нефтяного рынка и появления дефицита нефти создаются условия для нового кризиса и роста значимости нефтяного фактора в системе международных отношений. Основываясь на предыдущих этапах развития мировой нефтяной промышленности, можно предположить, что протяженность каждого цикла составляет около 40 лет.

Предложенная модель не является абсолютно строгой, так как подвержена краткосрочным колебаниям, в том числе и связанным с

политическими причинами. Например, в настоящее время страны Ближнего Востока и в целом ОПЕК придерживаются стратегии поддержания высоких цен, что замедляет увеличение их доли в структуре мировой добычи. Резкий скачок цен на нефть до 146 долл. за баррель к середине 2008 г. также является краткосрочным явлением, обусловленным притоком на нефтяной рынок спекулятивного капитала. Однако подобные факторы лишь замедляют наступление очередного кризисного периода, связанного с возвращением монопольного положения ближневосточных стран на мировом нефтяном рынке, но не отменяют его.

На основе анализа эволюции мировой нефтяной промышленности можно выделить шесть этапов ее развития в зависимости от состояния ее территориальной структуры и степени влияния нефтяного фактора на систему международных отношений (табл.2).

1. Начальный этап развития мировой нефтяной промышленности (до 1950 г.) характеризуется сильной концентрацией нефтяной промышленности в США, где было сосредоточено 50–60% добычи и 40–50% потребления нефти. Однополярная структура мировой нефтяной промышленности и незначительное число и доля в структуре мировой добычи альтернативных США поставщиков привела к существенному повышению значимости нефти в международных отношениях и обострению конкурентной борьбы за ее источники, что особенно было характерно для периода начала 1920-х, а также конца 1930-х — начала 1940-х годов. Это позволило США улучшить свое геополитическое положение и периодически оказывать давление на конкурентов с помощью нефтяного фактора.

Росту значимости нефти способствовала и многополярная геополитическая структура. Существование одновременно нескольких геополитических центров, которые являлись крупными потребителями нефти, предопределило возникновение острой конкурентной борьбы за доступ к ее источникам вплоть до 1950-х годов.

При этом на протяжении всего начального этапа развития мировой нефтяной промышленности чередовались периоды избыточного предложения нефти (например, в 1925–1935 гг.), когда роль нефтяного фактора уменьшалась, с периодами ее относительного дефицита, которые соответствовали по времени мировым войнам. С другой стороны, доля нефти в мировом энергопотреблении была низкой: несмотря на быстрый рост, к 1950 г. она составила лишь 26,5%. Таким образом, становление нефти как геополитического фактора в первой половине XX в. было связано в большей степени с военно-стратегическими причинами [4].

Таблица 2

Этапы развития мировой нефтяной промышленности

Периоды	Конкурентный, 1950-60 гг.	Кризисный, 1970-1981 г.	Конкурентный, 1982-1991 г.	Переходный, 1992-2003 г.	Современный, с 2004 г.
Геополитическая значимость нефтяного фактора	Низкая	высокая	низкая	Средняя	высокая
Баланс спроса и предложения нефти	избыточное предложение	дефицит	избыточное предложение		
Доля Ближнего Востока в структуре добычи нефти*	Рост с 18 до 29%	Рост с 30 до 38%	Падение до 18,5%	28-31%	Рост до 40% к 2025 г.
Доля Ближнего Востока в структуре экспорта нефти*	Рост с 46 до 55%	Рост с 55% до 63%	Падение до 34%	40-45%	Рост до 60% к 2025 г.
Цены на нефть*, в пересчете на современный курс долл.	10-14 долл. за баррель	Рост до 90 долл. за баррель	Падение с 90 до 25-30 долл. за баррель	15-25 долл. за баррель	Рост до 146 долл. за баррель в 2008 г.
Территориальная структура мировой нефтяной промышленности	деконцентрированная	Сконцентрированная в одном регионе	деконцентрированная	переходная от децентрализованной к сконцентрированной в одном регионе	сконцентрированная в одном регионе
Геополитическая структура	биполярная			Однополярная	переходная от однополярной к многополярной

*Рассчитано по: [8;10].

2. Этап децентрализованной территориальной структуры мировой нефтяной промышленности (1950–60-е годы). После открытия крупных месторождений в зоне Персидского залива, резкого роста добычи в СССР и африканских странах, ее стабилизации в США, к 1960-м годам мировой нефтяной рынок пришел к конкурентному состоянию, а географическая структура мировой нефтяной добычи стала относительно децентрализованной. Несмотря на то, что Североамериканский центр по-прежнему занимал лидирующие позиции, в структуре экспорта нефти на первое место вышел Ближневосточный регион.

Характерной чертой этого периода был бурный рост объемов мирового потребления нефти, однако возможности роста добычи были еще больше, что приводило к значительному превышению предложения нефти над спросом и, следовательно, низкому уровню цен. Кроме того, за исключением СССР, Ирана и Мексики, практически на всем протяжении данного этапа контроль над добычей и экспортом ведущих производителей нефти осуществляли ТНК. Наконец, доля нефти в мировом энергопотреблении еще не достигла максимума и составляла в среднем 29% в 1950-е и 38% в 1960-е годы. Все эти факторы сильно ослабили геополитическую значимость нефти в этот период. Именно по этой причине ни одна из попыток арабских стран в 1960-е годы использовать нефть в политических целях не принесла успеха. Свою роль сыграла и изменившаяся геополитическая система, при которой только один центр глобального уровня (США) испытывал нехватку нефти, что положило конец напряженной борьбе за доступ к ее источникам.

3. Кризисный этап географически сконцентрированной мировой нефтяной промышленности (1970–1981 годы) характеризуется превышением спроса на нефть над предложением и сосредоточением добычи и экспорта в Ближневосточном регионе. Нефть в структуре мирового энергопотребления заняла максимальную долю, превышающую 45% на протяжении 1970-х годов. Доля стран Персидского залива в мировой добыче в этот период достигала 38%, в структуре экспортных поставок нефти — 63%. Развитые страны оказались в сильной зависимости от запасов одного региона — монополиста на мировом нефтяном рынке. Организация стран-экспортёров нефти (ОПЕК) заняла внеконкурентные позиции на мировом рынке.

В таких условиях даже незначительное снижение добычи на Ближнем Востоке могло привести к нефтяному кризису глобального масштаба. Именно это и произошло сначала в 1973 г. после установления нефтяного эмбарго арабскими странами, а позже в 1979–80 годах во время революции в Иране и начала ирано-иракской войны. Вслед за ростом роли Ближнего Востока в структуре мировой добычи

увеличилась доля политически нестабильных стран (до 45%). Резкий рост цен на нефть, которые в пересчете на курс 2007 г. повысились с 10 долл. за баррель в 1970 г. до 49 долл. в 1974 г. и 93 долл. в 1980 г., стал одновременно и причиной, и следствием национализации нефтяной промышленности в ряде стран. Доля таких государств в суммарном объеме мировой добычи возросла с 37% в 1970 г. до 70,5% в 1979 г. В результате нефть приобрела особую значимость в международных отношениях, поскольку проблемы «вокруг» нефти стали использоваться многими экспортерами в политических целях.

4. Посткризисный этап децентрализованной территориальной структуры мировой нефтяной промышленности (1982–1991-е годы) отличается возвращением мирового нефтяного рынка к конкурентному состоянию. В результате реализации странами-потребителями нефти стратегии снижения зависимости как от нефти в целом, так и от поставок из Ближнего Востока, наблюдалась тенденция к падению мировой нефтедобычи, снижению доли нефти в суммарном потреблении топливно-энергетических ресурсов и, особенно, доли стран Персидского залива. Объем добычи в странах ОПЕК, в частности на Ближнем Востоке, снизился вдвое за 8 лет. Доля региона в структуре мировой нефтедобычи упала до 18,5%, а в структуре мирового экспорта нефти до 34% (1985 г.). Отчасти это было связано со стремлением арабских стран удерживать цены на высоком уровне с помощью уменьшения добычи. На короткий период Северная Америка вновь вернула себе лидирующие позиции, в середине 1980-х годов на нее приходилось 26% мировой добычи нефти. Значительно сократилась доля стран с государственной нефтяной промышленностью, а также политически нестабильных регионов.

Однако самым главным фактором, снизившим геополитическую значимость нефти в данный период, стало преобладание предложения нефти над спросом. В результате обострение геополитической ситуации на Ближнем Востоке, например, из-за войны между Ираном и Ираком или после захвата Израилем Ливана, не имело влияния на нефтяные котировки. Избыточное предложение нефти и низкий уровень территориальной концентрации добычи был характерен, хотя и в меньшей степени, для начала 1990-х годов. Срыв поставок нефти из Ирака и Кувейта во время первой войны в Персидском заливе вызвал незначительное в годовом масштабе повышение цен, что не привело к очередному кризису [4].

5. Переходный этап развития мировой нефтяной промышленности (1992–2003 гг.) характеризуется тенденцией к укреплению утраченных в 1980-е годы позиций на мировом нефтяном рынке стран Ближнего Востока и ОПЕК. На протяжении всего этапа доля Ближнего Востока колебалась в пределах 29–31% в структуре мировой добычи

и 40–45% в поставках нефти. Мировой нефтяной рынок имел более конкурентное состояние, чем в кризисные 1970-е годы, а территориальная структура нефтяной промышленности была менее концентрированной. Рост добычи и экспорта нефти в новых регионах способствовал тому, что предложение нефти по-прежнему опережало спрос. Цены на нефть практически весь период были в реальном выражении наиболее низкими с 1973 г. Это привело к тому, что некоторые страны-экспортеры, в том числе и Россия, вынуждены были начать поиск иностранных инвесторов и осуществить либерализацию национальной нефтяной промышленности. Это сократило долю стран с государственной нефтедобывающей промышленностью, создав предпосылки для уменьшения политического значения нефтяного фактора.

С другой стороны, изменившаяся геополитическая структура привела к увеличению значимости нефти в международных отношениях в 1990-е годы. Единственный геополитический центр глобального масштаба (США) был способен получить беспрепятственный доступ в большинство нефтяных регионов мира, что привело к возникновению множества региональных противоречий и повысило роль политических факторов в размещении объектов нефтяной инфраструктуры на их территории. Снова возросла (до 36–38%) и доля политически нестабильных регионов в суммарной добыче нефти.

6. Современный этап развития мировой нефтяной промышленности (с 2004 г.) характеризуется тенденцией усиления ее территориальной концентрации, дефицитом нефти на мировом рынке и резким ростом цен. С 2004 г. страны ОПЕК вновь начали постепенно увеличивать долю в структуре добычи (до 43 % в 2007 г.). На регион Ближнего Востока в 2007 г. пришлось 31% мировой добычи нефти и 43% её мирового экспорта, к 2025 г. прогнозируется увеличение данных показателей до 40% и 60%. Причины данной тенденции связаны с замедлением роста добычи нефти в большинстве остальных нефтедобывающих стран, а в некоторых — и с ее падением. За 2002–2007 гг. добыча снизилась на 35 млн т в США, на 39 млн т — в Великобритании, на 38 млн т — в Норвегии, на 8 млн т в Австралии, на 9 млн т в Омане [8].

Происходит исчезновение некоторых стран как традиционных экспортеров нефти. В 2004 г. нетто-импортером нефти стала Индонезия, поставлен вопрос о целесообразности ее дальнейшего пребывания в рядах ОПЕК. В 2006 г. объем потребления нефти превысил объем добычи в Великобритании, которая еще в 2002 году занимала 9-е место в мире по объемам экспорта нефти. На сегодняшний день, в отличие от 1980-х гг., у стран-потребителей нет подготовленных к добыче крупных нефтяных провинций, какими были в тот период Аляска, Мексика и Северное море, а разработка запасов нетрадиционной нефти в Канаде — дело более отдаленного будущего.

Второй процесс касается потребления нефти. С 2004 г. высокие показатели глобального экономического роста вылились в неожиданно резкий рост потребления нефти во всем мире. В первую очередь, увеличение спроса на нефть связано с ростом потребления в Китае (на 121 млн т по сравнению с 2002 г.), его доля в общем росте спроса превысила 32%. [5]

Как результат, третьей, наиболее важной тенденцией на нефтяном рынке стало возникновение самого большого дефицита предложения за последние 30 лет (если не считать первых двух месяцев после вторжения Ирака в Кувейт в 1990 г.). До 2004 г. рост потребления нефти компенсировался использованием свободных мощностей и, соответственно, ростом добычи в большинстве стран ОПЕК. С 2004 г. возможности ОПЕК по значительному приросту добычи были практически исчерпаны. Сложилась уникальная для последних посткризисных десятилетий ситуация, когда картель оказался не способен справиться с высокими ценами. Стопроцентное использование в большинстве стран ОПЕК добывающих мощностей еще больше усилило эффект дефицита предложения. В нынешних условиях, в ситуации, когда необходимо привести рынок в равновесие, подняв уровень добычи нефти, они, не имея возможности это сделать, не заинтересованы в увеличении экспортных квот другими странами. По этой причине Иран, Венесуэла, Нигерия и некоторые другие члены ОПЕК противятся решению Саудовской Аравии увеличить добычу.

Одной из фундаментальных причин возникновения дефицита нефти и нехватки добывающих мощностей является крайне низкая инвестиционная активность в области разработки новых месторождений в период 1980–90-х гг. В условиях низких цен вкладывать значительные суммы в освоение новых месторождений было невыгодно, однако и после начала роста спроса на нефть в начале этого десятилетия компании несколько лет еще не решались быстро наращивать инвестиции.

Превышение спроса над предложением привело к тому, что любые политические события в нефтедобывающих странах стали оказывать чрезмерное влияние на уровень цен, поскольку кризисы в поставках не могут быть компенсированы в полной мере. По оценкам, обострение политической ситуации на Ближнем Востоке, в том числе террористическая активность, приводят к повышению цен на 20 долл. за баррель [10]. Беспрецедентного уровня достигло влияние на нефтяной рынок стихийных бедствий и даже сезонных температурных колебаний в Северном полушарии.

В свою очередь, следствием роста цен стала еще одна важная тенденция современного этапа развития мирового нефтяного рынка. В условиях резко возросших экспортных поступлений снизилась за-

висимость крупных экспортеров от иностранных инвестиций, что привело к возвращению и усилению государственного контроля над нефтяной промышленностью. В разной степени это коснулось таких стран, как Иран, Нигерия, Россия, Кувейт, Саудовская Аравия и Венесуэла. Усиление госконтроля, ведущее к снижению эффективности развития отрасли, приводит к еще большему дефициту предложения нефти, поскольку из-за ограничения доступа западных компаний и недоинвестирования возникает дефицит добывающих мощностей. В результате «упущенная добыча» нефти в этих странах составила, по оценке CERA, около 6 млн барр. в день (почти 300 млн т в год), что способствует дальнейшему росту цен.

В целом повторяется ситуация 1970-х годов, когда увеличивается степень влияния нефтяного фактора на систему международных отношений. Рост геополитической самостоятельности России, Ирана, Венесуэлы во многом связан с ростом доходов от экспорта нефти. Еще в большей степени влияние нефти на международные отношения может возрасти в среднесрочной перспективе, к 2020 г., что будет связано и с изменением мировой геополитической системы. Появление у США конкурентов (Китая, отчасти Индии), обладающих определенным геополитическим весом на глобальном уровне и испытывающих нехватку нефти, вновь может положить начало напряженной борьбе за ее источники.

На более далекую перспективу, за пределами 2030 г., можно предположить повторное снижение мирового спроса на нефть и возвращение мирового нефтяного рынка в конкурентное, географически деконцентрированное состояние. Тогда предложение будет превышать спрос, например, в результате развития водородной энергетики, которая существенно снизит потребности в нефтепродуктах на автомобильном транспорте, в результате освоения месторождений глубокого и арктического шельфа, а также роста добычи «нетрадиционной» нефти [6].

Исследователи МЭА и ОЭСР придерживаются подобных выводов. По их мнению, в долгосрочной перспективе геополитическая значимость энергоресурсов может существенно уменьшиться из-за качественных изменений в энергетическом спросе и предложении. В структуре торговли энергией в будущем произойдет сдвиг от «первичной» энергии к «вторичной». Страны-экспортеры будут иметь стимул увеличить свои доходы с помощью трансформации первичных источников энергии в экспорт с добавленной стоимостью. По мере того как «вторичное» топливо сможет производиться из нескольких разных «первичных» источников, возрастет гибкость торговли, уменьшая сильную концентрацию запасов и путей транспортировки энергоресурсов и, соответственно, их геополитическую значимость [9].

ОБРАТНОЕ ВЛИЯНИЕ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ НА РАЗВИТИЕ И РАЗМЕЩЕНИЕ МИРОВОЙ НЕФТЯНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Параллельно прослеживается обратное влияние системы международных отношений на развитие и размещение мировой нефтяной промышленности и конкурентоспособность стран на нефтяном рынке, связанное с несколькими процессами. Первый элемент такого воздействия заключается в том, что трансформация территориальной структуры нефтяной промышленности нередко происходит не под влиянием экономико-географических факторов, а в результате геополитической стратегии отдельных стран, направленной на диверсификацию источников поставок и рынков сбыта нефти, которая выражается в стремлении увеличить число стран-поставщиков или потребителей нефти и разнообразить маршруты ее транспортировки.

В том случае, если страна-экспортер поставяет нефть на несколько рынков сбыта, она в меньшей степени подвержена негативному влиянию процессов, происходящих на этих рынках. Дело в том, что в случае ухудшения ценовой или политической конъюнктуры на одном из рынков можно перенаправить значительную часть экспортируемой нефти на другой. К странам с высокой диверсификацией рынков сбыта относится большинство ближневосточных экспортеров нефти, в несколько меньшей степени — африканские экспортеры. И напротив, ряд крупных производителей нефти из-за «замкнутости» своего экспорта на один из крупных региональных рынков оказывается в экономической, а иногда и политической зависимости от стран-импортеров нефти, относящихся к данному региону. В разной степени с такой проблемой сталкиваются Мексика, Россия, Канада, Венесуэла и ряд более мелких экспортеров.

Еще сильнее уровень диверсификации, но уже источников поставок нефти, влияет на безопасность стран-импортеров. В случае возникновения какого-либо кризиса в нефтедобывающих регионах страны с высоким уровнем зависимости от них не смогут в кратчайшие сроки найти альтернативный источник поставок. Среди стран-импортеров нефти в лучшем положении находятся США, которым удалось в наибольшей степени диверсифицировать источники нефти. Меньшим уровнем географической диверсификации обладают западноевропейские страны и Китай. Наихудшее положение занимают Япония, большинство НИС Юго-Восточной Азии, Индия, более 80% поставок которым осуществляется за счет ближневосточной нефти, а также страны Восточной Европы, более чем на 90% зависящие от импорта российской нефти [8; 10].

Не менее остро стоит проблема диверсификации нефтетранспортных путей. По данному критерию среди производителей нефти в зоне риска находятся все страны Персидского залива (кроме Ирака), экспортирующие 85% нефти через Ормузский пролив. В то же время Россия, Казахстан, Азербайджан, обладая разветвленной системой экспортных нефтепроводов, находятся в гораздо более выигрышном положении. В наиболее выгодной ситуации находятся страны, ведущие добычу на шельфе и экспортирующие нефть в обход узких каналов, проливов и транзитных государств.

Среди стран-импортеров США в силу своего выгодного географического положения — на равном удалении и в окружении экспортеров нефти — обладают наименьшим уровнем зависимости от какого-либо одного маршрута транспортировки. Достаточного уровня диверсификации добились и западноевропейские страны, еще в 1960–1970 гг. сумевшие снизить зависимость от очень рискованного транзита через Суэцкий канал. Азиатские импортеры нефти, такие как Китай, Япония, Корея, Тайвань имеют критический уровень зависимости (80%) от транзита нефти через Малаккский пролив, который характеризуется высоким уровнем пиратства, а также транзита через Ормузский пролив [8; 10].

Взятый многими странами курс на диверсификацию ставит на первое место соображения безопасности поставок, а это нередко идет в ущерб экономической эффективности развития нефтяного сектора. В результате размещение и развитие нефтяной промышленности начинает происходить не столько под воздействием экономико-географических факторов, сколько с учетом геополитических интересов отдельных потребителей нефти. Как следствие, конкурентоспособность одних стран на мировом нефтяном рынке снижается, а других — увеличивается. Наиболее известным примером этого процесса стала политика развитых стран после кризисов 1970-х годов, направленная на преодоление зависимости от импорта нефти из Ближневосточного региона. В результате сильно сократилась в мировой нефтедобыче доля стран Персидского залива, а такие нефтедобывающие ареалы и страны, как Аляска, Канада, Северное море, Мексика получили ускоренное развитие; без поддержки ряда политических факторов они не заняли бы столь значимые позиции на нефтяном рынке.

Концепция диверсификации рынков сбыта, источников и путей транспортировки нефти и в настоящее время является важнейшим фактором безопасности стран на мировом нефтяном рынке. Об этом свидетельствует стратегия многих государств, реализуемая в последние годы в области торговли нефтью, трансформация географической структуры которой связана во многом с геополитическими факторами. Ускоренное строительство многих трубопроводов в по-

следнее десятилетие, особенно в России и Каспийском регионе — яркие примеры их воздействия. Решение о реализации подобных проектов принималось, исходя не из экономической эффективности, а на основании геополитических приоритетов.

Одним из последних примеров трансформации территориальной структуры нефтяной промышленности под влиянием стратегии страны-экспортера нефти является политика России по перераспределению значительной части нефтяного экспорта с европейского на азиатский рынки, что изменяет состояние европейского и азиатского нефтяных рынков. Это положительно скажется на уровне безопасности нашей страны в будущем, поскольку превратит ее из экспортера нефти регионального значения в глобального поставщика, не подверженного влиянию конъюнктуры на европейском рынке нефти. Однако рентабельность проектов глобализации российского нефтяного экспорта вызывает большие сомнения [7]. Подобного принципа, хотя и в меньшем масштабе, придерживается Казахстан, создавая избыточную и разнонаправленную экспортную инфраструктуру, в которой ключевое геополитическое значение имеет строительство нефтепровода в Китай. Стратегию диверсификации и переориентации экспорта нефти с рынка США на рынок АТР также реализует Венесуэла.

США дольше всех придерживаются стратегии диверсификации, в настоящее время по нормативным актам американского Министерства энергетики доля каждого из поставщиков нефти не должна превышать 10% от общего объема импорта. Страны АТР прилагают дорогостоящие усилия по снижению доли ближневосточных экспортеров в структуре своего импорта в пользу главным образом России, а Китай — еще и в пользу Венесуэлы. Европейские страны, ранее сумевшие снизить рыночную долю стран Персидского залива, в настоящее время ведут поиск альтернативных России источников нефти, рассматривая в качестве них в первую очередь Казахстан и Азербайджан, поддерживая любые, в том числе и экономически необоснованные варианты транспортировки каспийской нефти в обход России. Украина и Польша с целью снижения зависимости от российских поставок реализуют проекты транспортной инфраструктуры, направленной на прием каспийской нефти, рассматриваются варианты импорта нефти из стран Ближнего Востока.

Второй элемент воздействия системы международных отношений на развитие и размещение нефтяной промышленности связан с тем, что конкурентоспособность страны на мировом нефтяном рынке зависит от уровня ее геополитического влияния. Невысокий уровень безопасности в области поставок характерен для стран-импортеров, неспособных проводить активную внешнеполитическую стратегию в нефтяной сфере. С другой стороны, влиятельное государство в состоянии оказывать непосредственное воздействие на размещение

мировой нефтяной промышленности, что повышает надежность его снабжения нефтью, в том случае если страна импортирует нефть, и надежность ее сбыта, если страна нефть экспортирует.

В связи с этим такие страны, как США и Китай занимают намного более выгодные позиции в области безопасности нефтяного снабжения по сравнению с европейскими и остальными азиатскими импортерами. США, в отличие от своих конкурентов, имеют не только стремление, но и возможность контролировать нефтяные регионы планеты. Решая эту проблему, США одновременно повышают уровень своей безопасности в нефтяной сфере и увеличивают свое геополитическое превосходство в стратегически важных регионах, что, в свою очередь, благоприятно отражается на устойчивости поставок нефти. Вероятно, этот же механизм в будущем положительно скажется и на улучшении обеспеченности нефтью Китая, который уже в настоящее время проводит активную политику по получению доступа к нефтяным источникам, успешность которой во многом зависит от роста геополитического влияния этой державы. Однако этот рост как раз и зависит от решения энергетических проблем, в первую очередь связанных с поставками нефти.

Россия по мере восстановления своего геополитического влияния с 2003 г. начала реализацию независимой от западных стран стратегии в нефтяной сфере. Несмотря на противодействие ряда оппонентов, страна повышает уровень своей конкурентоспособности и безопасности с помощью, как уже отмечалось, переориентации своего экспорта и контроля над нефтяным экспортом каспийских стран. С другой стороны, еще 15 лет назад именно по причине снижения политического влияния (особенно в Каспийском регионе) произошло существенное снижение конкурентоспособности нашей страны на мировом нефтяном рынке после потери значительной части запасов и путей транспортировки нефти [1].

Также преимущество на нефтяном рынке, особенно в процессе противостояния с независимыми экспортерами, имели страны группировки ОПЕК, которая в отдельные периоды обладала реальной геополитической силой, что позволяло диктовать свои условия и оказывать существенное влияние на развитие всего мирового нефтяного хозяйства. Так, нередко оказывается давление на независимых экспортеров нефти для принятия выгодной ОПЕК ценовой стратегии.

Обратная картина наблюдается в случае с европейскими и азиатскими странами-импортерами. Они не способны реализовывать активную внешнеполитическую стратегию, в том числе и в нефтяной сфере, что не лучшим образом влияет на их нефтяную безопасность. С другой стороны, низкая степень обеспеченности нефтью и безопасности снабжения приводит к снижению конкурентоспособ-

ности стран в геополитической сфере. Показательным примером является Франция, которая, по сравнению с другими крупными европейскими импортерами нефти и Японией, находится в лучшем положении, прежде всего, благодаря развитию атомной энергетики. Несколько меньшая зависимость этой страны от нефти по сравнению с другими членами этой группы позволила ей иметь наиболее антиамериканскую позицию по иракскому вопросу в 2003 г. Вместе с тем как раз из-за недостатка по сравнению с США политического влияния Франция так и не смогла отстоять свои нефтяные интересы в Ираке. Преодолеть «замкнутый круг» и повысить геополитическую самостоятельность с помощью улучшения условий снабжения нефтью стремится и Япония. Страна пытается получить доступ к запасам Восточной Сибири и Сахалина и тем самым избавиться от зависимости от контролируемых США поставок нефти из Ближнего Востока [3].

Третьим элементом воздействия системы международных отношений на развитие нефтяной промышленности и конкурентоспособность экспортеров является степень «надежности» страны как поставщика нефти. Она оценивается с позиций геополитической стабильности экспортера и места страны в стратегии крупных держав, его зависимости от деятельности третьих стран, в том числе политики ОПЕК, уровня инвестиционной привлекательности нефтяной промышленности, обусловленной ролью государства в нефтяном секторе и степенью его открытости иностранным компаниям. В этой связи страны, отнесенные импортерами к «надежным» поставщикам нефти, имеют большую конкурентоспособность на мировом нефтяном рынке, несмотря на неблагоприятные условия добычи и транспортировки нефти, приводящие к значительным издержкам.

По данному показателю лидирующие позиции занимают экспортеры нефти, входящие в ОЭСР (например, Великобритания, Норвегия, Канада, и отчасти Мексика), которые остаются более конкурентоспособными по политическим причинам. С другой стороны, нестабильная геополитическая ситуация на Ближнем Востоке существенно замедляет темпы развития нефтяной промышленности в странах Персидского залива, в отдельные периоды уменьшая их долю на нефтяном рынке из-за более динамичного развития других регионов.

Важным критерием «надежности» поставщиков является геополитическая ситуация в районах добычи и транспортировки нефти, которая определяет развитие нефтяной промышленности соответствующих стран. Например, благодаря важному политико-географическому положению прикаспийские страны заняли значимое место в

стратегии США, ЕС и Китая, что повлекло за собой увеличение объема кредитов, приход инвесторов и в конечном итоге рост конкурентоспособности на мировом нефтяном рынке (особенно это относится к Казахстану).

Наконец, некоторые экспортеры могут рассматриваться странами-центрами потребления нефти в качестве поставщиков, альтернативных основному источнику нефти, которые помогут преодолеть зависимость от него. Если страна становится объектом повышенного спроса со стороны нескольких центров потребления нефти, это нередко улучшает ее позиции на мировом рынке. По этой причине возрос уровень конкурентоспособности в нефтяной сфере России, которая вышла на первый план в китайской и японской стратегии, каспийских экспортеров — в силу их востребованности со стороны европейских государств, Венесуэлы — после прихода китайских инвесторов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Участие мировой нефтяной промышленности в трансформации системы международных отношений и обратное влияние геополитических факторов на развитие и размещение объектов нефтяной индустрии, а также конкурентоспособность стран на мировом нефтяном рынке неразрывно связаны и взаимно обусловлены. Циклический характер изменения основных параметров нефтяной промышленности — ее территориальной структуры, соотношения спроса и предложения, уровня цен — предопределяет цикличность степени влияния нефти на систему международных отношений, ее геополитической значимости. В свою очередь, увеличение этой значимости, нефтяной рынок, конкурентоспособность стран на нем, объекты нефтяной промышленности начинают все в большей степени изменяться под воздействием не рыночных, экономических и географических критериев, а на основе приоритетов национальной безопасности и геополитических стратегий.

В течение последних пяти лет мировая нефтяная промышленность вступила в новый, во многом кризисный период, характеризующийся резким ростом цен, усилением территориальной концентрации, дефицитом нефти и ростом геополитической значимости нефтяного фактора. В таких условиях экономико-географический анализ развития и размещения нефтяной индустрии, как на мировом, так и на страновом уровне, должен учитывать роль политической составляющей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Безопасность России. Правовые, социально-экономические и научно-технические аспекты. Энергетическая безопасность (Нефтяной комплекс России). М.: МГФ «Знание», 2000. 432 с.
2. Егоров-Тисменко И. Нефтяной фактор в трансформации мировой геополитической системы // Вестник Московского Университета, сер. География. №5, 2003.
3. Егоров-Тисменко И. Роль нефтяного фактора в возникновении и развитии региональных и глобальных конфликтов // Проблемы геоконфликтологии. Под ред. Н.С.Мироненко. Т. 1. М.: «Пресс-Соло», 2004.
4. Ергин Д. Добыча. Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть / Пер. с англ., М.: «ДеНово», 1999. 968 с.
5. Ергин Д. Гарантировать энергетическую безопасность // Россия в глобальной политике. 2006, № 1.
6. Рифкин Д. Если нефти больше нет... Кто возглавит мировую энергетическую революцию? / Пер. с англ. М.: «Секрет фирмы», 2006. 416 с.
7. Энергетическая стратегия России на период до 2020 г. М., 2003.
8. BP Amoco Statistical Review of World Energy, 2000–2008 // www.bp.com.
9. Energy in the next 50 years // OECD, 2002, www.oecd.org.
10. U.S. Energy Information Administration // www.eia.doe.gov.

МИРОВОЙ ЛЕСОПРОМЫШЛЕННЫЙ КОМПЛЕКС НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

А.В. Хохлов

Лесопромышленный комплекс (ЛПК) представляет собой совокупность взаимосвязанных и взаимообусловленных отраслей производства, занимающихся хозяйственным использованием лесных ресурсов. В рамках классического отраслевого подхода в ЛПК выделяются три главные составные части: лесозаготовка, деревообработка (механическая переработка древесины) и целлюлозно-бумажная промышленность (химическая переработка), как обособленное производство рассматривается лесохимия. Однако на современном этапе развития ЛПК связи между отдельными его отраслями и применяемые в них технологии делают более обоснованным другое разделение: лесозаготовительная промышленность, группа деревообрабатывающих производств, древесно-плитная промышленность, целлюлозное производство, производство бумаги, картона и изделий из них.

Лесозаготовительная промышленность — основа всего лесопромышленного комплекса, несмотря на то, что в общей структуре производства она занимает далеко не первое место. Относясь к числу отраслей-поставщиков первичного сырья, она жестко привязана к сырьевой базе — лесам естественного или искусственного происхождения. Одна из основных специфических черт лесозаготовки — высокодисперсный, практически ареальный характер распространения.

Деревообрабатывающая промышленность — группа отраслей ЛПК, осуществляющих механическую переработку древесины. Самым важным и масштабным из деревообрабатывающих производств является лесопиление, следующим по значимости является фанерная промышленность. Помимо этих двух крупных производств сюда также входят отрасли, осуществляющие выпуск различных изделий из дерева — тары, строительных конструкций, различных покрытий и т.п.

Древесно-плитная промышленность — одна из самых молодых отраслей мирового ЛПК, сформировавшаяся как таковая лишь в середине XX в. Это объясняется тесной связью этой отрасли с химической индустрией, выступающей поставщиком различных связующих

веществ — важнейших компонентов древесных плит, во многом определяющих их потребительские свойства. В отличие от фанерной промышленности, где основной технологический процесс состоит в нарезании тонких листов дерева и их последующем склеивании, при производстве плит древесина подвергается не только механической, но и термической и химической обработке. Древесные плиты подразделяются на два основных типа — древесно-волоконистые и древесно-стружечные. Древесно-волоконистые плиты (ДВП) представляют собой листовой древесный материал, получаемый из древесной массы путем отлива на сетке. Сырьем для получения ДВП служит древесина разных пород, а также отходы целлюлозно-бумажного производства (сучковая масса) и макулатура, кроме того, могут использоваться растительные материалы, например, тростник, солома, отходы волоконистых сельскохозяйственных культур и т.п. Древесно-стружечные плиты (ДСП) — листовой древесный материал, получаемый горячим прессованием древесных частиц (стружки) со связующим веществом. Стружечные плиты обычно вырабатываются из маломерной древесины различных пород или отходов лесозаготовок и деревообработки, к которым может добавляться недревесное растительное сырье [4].

Несмотря на то что варка целлюлозы и выработка бумаги и картона часто объединяются в одну отрасль — целлюлозно-бумажную промышленность, эти производства не имеют столь тесной связи. Суть целлюлозного производства заключается в химико-термической переработке древесного (реже — другого растительного) сырья с целью получения целлюлозного волокна, оно размещается в районах, богатых лесом, т.е. имеет ориентацию на сырье. Во многих лесозаготовочных районах традиционно ведется товарное производство целлюлозы, когда продукт выпускается для продажи внутри страны или за рубежом. Сущность бумажного производства — это химико-механическая переработка растительной ткани, приводящая к получению нового материала — бумаги, исходным сырьем для него служат древесина, травянистые растения, макулатура и тряпье. Выработка бумаги и картона зачастую осуществляется в районах, практически лишенных лесных ресурсов, и может вестись без использования целлюлозы. В целом для данного производства характерно тяготение к районам потребления¹.

¹ Интересно отметить, что производство бумаги зародилось гораздо раньше целлюлозного: если бумагу начали изготавливать, самое позднее, в начале нашей эры, то выпуск целлюлозы осуществляется лишь с середины XIX в., и именно с этого момента производство бумаги и картона стало составной частью ЛПК, образовав одну из вершин технологической цепочки переработки древесины.

Мебельная промышленность, долгое время рассматривавшаяся как составная часть ЛПК, на современном этапе представляет собой самостоятельное межотраслевое производство, которое нельзя отнести к какому-либо комплексу, ведь в нем в одинаково большой степени используются принципиально разные полуфабрикаты: деревянные детали, металлические конструкции, пластики и текстильные материалы. Аналогичная ситуация и с полиграфической промышленностью.

ЛПК продолжает оставаться одной из крупнейших производящих отраслей мирового хозяйства: в середине 2000-х годов на него приходится, по оценке, 6–7% мирового промышленного производства (без учета добывающей промышленности), что сопоставимо с такими отраслями, как легкая промышленность и металлургия. При этом в развитых странах ЛПК имеет более существенный вес в промышленном производстве, чем в развивающихся. Во многих промышленно развитых стран ЛПК относится к числу ведущих отраслей, по своей роли значительно уступая только машиностроению. Так, в Финляндии на ЛПК приходится примерно 1/4 промышленного производства, в Новой Зеландии и Швеции — около 20%, в Австралии, Австрии, Дании, Норвегии и Канаде — по 12–15%. Из крупных развивающихся государств наиболее высокой долей ЛПК в промышленном производстве характеризуются Индонезия, Чили и ЮАР, где она находится в пределах 10–12% [5].

В ЛПК практически нет таких компаний-гигантов, которые характерны для многих других отраслей. Это во многом связано с тем, что деятельность крупных компаний является эффективной только в некоторых секторах ЛПК (в отраслях, осуществляющих глубокую переработку древесины), а также с тем, что основа конкурентоспособности продукции ЛПК — ее дешевизна. Ведущая лесопромышленная компания мира, американская «Интернешнл Пейпер», в списке 500 крупнейших частных компаний мира по выручке «Форчун Глобал 500» в 2007 г. заняла только 282-е место (24 млрд долл.), и в последние годы никогда не поднималась во вторую сотню. Помимо нее, в 2005–2007 гг. в этом списке присутствовали только две компании: американская «Вейерхаузер» (319-я в 2007 г.) и финская «Стора Энсо» (393-я). В 2008 г. ввиду меньшего по сравнению с другими сырьевыми отраслями роста цен на продукцию ЛПК позиции указанных компаний заметно ухудшились. Так, «Интернешнл Пейпер» переместилась на 382-е место, «Стора Энсо» — на 407-е, «Вейерхаузер» — на 496-е [13].

Лесопромышленный комплекс и лесное хозяйство — сфера приложения труда миллионов людей, и по общему числу занятых ЛПК входит в группу крупнейших отраслей. Этому способствует простота

многих технологических процессов при производстве отдельных видов лесопромышленной продукции (в наибольшей степени это относится к деревообработке, а также к изготовлению различных изделий), благодаря чему ее выпуск может осуществляться кустарным способом. Наиболее развито кустарное производство товаров из древесины (прежде всего, пиломатериалов и различных деревянных изделий) в развивающихся государствах, особенно в Африке, Южной и Юго-Восточной Азии. Абсолютными масштабами кустарного производства в ЛПК выделяются Индия и КНР. Во многих промышленно развитых странах весьма существенный вес в ЛПК имеют малые предприятия (с числом занятых менее 20 человек) — например, в Европе на них приходится порядка 40% выпуска продукции деревообработки при доле в числе занятых более 50% [8].

Продукция ЛПК имеет большое значение как для мирового хозяйства, так и непосредственно для жителей планеты. Сохранение роли древесины связано с ее высокими качественными показателями при относительной дешевизне, разнообразии и многогранности свойств. Одной из главных сфер применения древесины является строительство. Вытеснение древесины из этой области другими материалами (сталью, пластиками, алюминием), к концу XX в. практически прекратилось, и в настоящее время здесь в большей степени имеет место конкуренция между отдельными видами продукции из дерева, нежели между деревом и иными материалами. Особенно важна древесина при малоэтажном строительстве, на которое в большинстве развитых стран приходится основная часть вводимого в строй жилья. Продукция отраслей ЛПК широко используется в сфере тары и упаковки — это и деревянные поддоны, и фанерные ящики, и картонные коробки, и оберточная бумага, которые сильно отличаются друг от друга потребительскими свойствами и предназначением. Различные изделия из древесины являются неотъемлемой частью нашего быта, причем если до недавнего времени общей была тенденция вытеснения дерева из этой сферы, то теперь она сменилась на противоположную — выступая натуральным, экологичным материалом, дерево стало престижным и популярным. Из дерева изготавливаются кухонные принадлежности, декоративные элементы и украшения, игрушки и другие изделия. Одним из важнейших потребителей продукции ЛПК остается мебельная промышленность.

Исключительно большое значение для общества имеет такой продукт ЛПК как бумага. Многие ученые считают, и с этим трудно не согласиться, что изобретение бумаги стало одним из ключевых событий в истории человечества, во многом определившим его дальнейшее развитие. Социокультурное значение бумаги в жизни общества действительно очень велико, на протяжении многих столетий она вы-

ступает важнейшим информационным носителем, и даже сейчас, несмотря на широкое распространение электронных средств передачи информации, сохраняет свое значение. При этом частью ЛПК бумажное производство стало лишь в середине XIX в., когда были открыты способы варки древесины с целью получения целлюлозы, из которой, в свою очередь, стали изготавливать бумагу — до того главным источником получения бумаги была дефицитная тряпичная масса. Возможность использования древесного сырья для производства бумаги дала толчок к ее широкому распространению. Использование бумаги лежит в основе такой важной отрасли промышленности как полиграфическая.

На протяжении большей части истории общества древесина была главным видом топлива и источником энергии, и лишь к концу XIX столетия в структуре мирового топливно-энергетического баланса древесина уступила первенство углю. После этого ее доля стала быстро сокращаться, в настоящее время она равна примерно 3%. Однако, принимая во внимание тот факт, что часть нефти, газа и угля используется не как топливо, а в качестве сырья, то значение древесины в удовлетворении потребностей человечества в энергии несколько выше — по оценкам ФАО, например, она составляет около 7% [11]. При этом во многих странах дрова по-прежнему занимают лидирующие позиции в топливно-энергетическом балансе, в наибольшей степени это относится к африканским государствам. По оценкам, в мире от 1,5 до 2 млрд человек используют дрова для отопления и приготовления пищи, и около половины мировых лесозаготовок составляет топливная древесина.

Древесина является важным видом топлива локального значения. Традиционно значительная часть потребностей предприятий ЛПК в энергии удовлетворяется путем сжигания нетоварной древесины и древесных отходов, причем наиболее широко эта практика распространена в промышленно развитых странах — США, Канаде, европейских государствах. Например, в Финляндии за счет древесины покрывается более 70% потребностей предприятий ЛПК в топливе, а в 16 странах-членах Европейской Конфедерации производителей бумаги² в 2006 г. на древесину и ее отходы пришлось 52% потребления первичных энергоносителей в ЛПК [7]. Энергетическое использование древесных отходов способствует повышению экономической эффективности предприятий ЛПК и уменьшению воздействия на их деятельность колебаний цен на топливо.

² Австрия, Бельгия, Великобритания, Германия, Испания, Италия, Нидерланды, Норвегия, Польша, Португалия, Словакия, Финляндия, Франция, Чехия, Швейцария, Швеция.

В последней четверти XX века в мире стали распространяться технологии гранулирования древесных отходов, благодаря которым существенно повысились эффективность и возможности использования их в качестве топлива. Древесные гранулы, или пеллеты, представляют собой прессованные изделия из высушенных древесных отходов — опилок, стружки, веток, коры и пр. Древесные гранулы имеют достаточно высокий объемный вес и удельную теплотворную способность, что делает эффективным их использование и на значительном удалении от мест производства. Если необработанные древесные отходы экономически выгодно перевозить на расстояния не более 30–40 км, то плечо поставок древесных гранул достигает 1000 км. Это делает возможным использование древесного топлива не только предприятиями ЛПК, но и широким кругом потребителей. Начиная с 1990-х гг. древесные гранулы набирают популярность как домашнее топливо и топливо для небольших энергетических установок локального значения, а также все более активно используются на малых и средних теплоэлектростанциях в качестве дополнительного или даже основного топлива. По теплотворной способности (15–20 МДж/кг, или 0,5–0,7 т.у.т.) древесные гранулы превосходят бурый уголь и соответствуют низшим сортам каменного угля, однако в отличие от него практически не содержат серы и имеют очень низкую зольность, кроме того, они признаны CO₂-нейтральным топливом, что немаловажно в свете реализации положений Киотского протокола [2].

ЛПК тесно связан с химической промышленностью: химическая переработка древесины — основа целлюлозной промышленности, производимые химической индустрией связующие вещества являются неотъемлемым компонентом древесных плит, фанеры, клееных деревянных изделий. В свою очередь, на использовании древесного сырья основан ряд химических производств — производство спирта методом гидролиза, канифольно-скипидарное производство и комплекс лесохимических производств, в результате которых получают уксусную кислоту, метиловый спирт, древесный уголь, кормовые дрожжи, различные смолы и другие ценные продукты [3]. Производимая предприятиями ЛПК растворимая (вискозная) целлюлоза во второй трети XX в. была одним из основных исходных продуктов для получения химических волокон. Значение древесины как химического сырья сокращается, в большинстве случаев её замещает углеводородное сырьё, однако ограниченность ресурсов последнего переводит эту проблему в экономическую плоскость, в рамках которой ключевым становится себестоимость продукта при том или ином способе производства. Высокий уровень мировых цен на нефть, газ и во-

зобновляемость лесных ресурсов создают предпосылки для развития химических производств на базе древесного сырья.

Продукция ЛПК непосредственно потребляется в таких отраслях, как машиностроение, горнодобывающая промышленность, железнодорожный транспорт. Рудничная стойка, используемая с конца XVIII в. для закрепления горных выработок, в настоящее время производится преимущественно из стали и бетона, однако во многих странах ее по-прежнему изготавливают из древесины. В машиностроении древесина в виде фанеры, плит, пиломатериалов наиболее активно используется в производстве крупногабаритных транспортных средств. Несмотря на конкуренцию со стороны бетона, древесина весьма широко используется для производства железнодорожных шпал, причем как в развивающихся государствах, так и в промышленно развитых.

По мере развития общества направления использования древесины расширялись, и происходило это благодаря увеличению глубины ее переработки. К механической обработке древесины, распространенной с древнейших времен, в середине XIX в. добавилась химическая переработка. В структуре спроса на продукцию ЛПК товары с низкой степенью переработки постепенно уступают место продукции с высокой добавленной стоимостью. В начале 2000-х годов наиболее динамично развиваются такие отрасли ЛПК, как производство древесных плит и производство готовых деревянных изделий. При этом выпуск продукции с наиболее высокой степенью переработки древесного сырья — бумаги и картона — развивается теми же темпами, что и механическая обработка древесины — лесопиление, хотя до этого он демонстрировал опережающий рост. Это связано с тем, что в настоящее время бумага и картон вступают в активную конкуренцию в сферах потребления с товарами-заменителями, тогда как продукция лесопиления через эту фазу развития товарного рынка прошла.

Площадь лесов в мире неуклонно сокращается — по оценкам, за последнюю треть XX в. площадь лесов сократилась на 350–400 млн га, что превышает лесные площади Канады или США. В начале 2000-х гг. леса в мире занимают площадь около 3,9 млрд га, при этом первичные леса, т.е. естественные леса, где не наблюдаются следы человеческой деятельности, а экологические процессы не нарушены, составляют примерно 35% всех лесов. Ежегодно площадь лесов уменьшается примерно на 7,5 млн га (на 0,2%), в том числе первичных лесов — на 6 млн га [10]. Вместе с тем, в промышленно развитых странах, обладающих мощным ЛПК, сокращения лесов не происходит. Положительная динамика лесных площадей наблюдается в Центральной и Южной Европе, США, КНР, в целом стабильны леса России, Канады, Скандинавии. Интенсивное сведение лесов про-

должается в Африке, Южной и Центральной Америке, Юго-Восточной Азии — в некоторых странах этих регионов, например, в Бурунди, Руанде, Нигере, Никарагуа, Сальвадоре, Того, площадь лесов ежегодно уменьшается на 3% и даже более. Основной причиной исчезновения лесов в тропиках является не заготовка леса на дрова или промышленную переработку, а очистка земель для сельскохозяйственного использования (реже — для нужд промышленности, транспорта и т.д.). По оценкам, в последние десятилетия доля леса, вырубаемого под сельскохозяйственные нужды, составляет 75% общей рубки в Африке, 50% в Азии и 35% в Латинской Америке.

Одна из важнейших специфических черт сырьевой базы ЛПК — ее возобновляемость. Более того, возможно искусственное создание сырьевой базы для лесоперерабатывающего предприятия, причем с заданными характеристиками, которые будут в наибольшей степени отвечать требованиям той или иной отрасли ЛПК. Этот процесс достаточно длителен и занимает, по меньшей мере, 15–20 лет (в благоприятных природных условиях), однако позволяет существенно снижать себестоимость сырья и легко поддерживать необходимый уровень его качественных параметров, что при пользовании естественными лесами требует существенных затрат.

Самыми продуктивными искусственными лесами являются посадки дугласовой пихты, используемой в лесопилении, и эвкалипта, древесина которого идет на выработку целлюлозы. Весьма эффективно создание плантаций скороспелых субтропических сосен³, древесина которых может использоваться не только для производства целлюлозы, бумаги и картона, но и для получения пиломатериалов неотвеченного назначения.

Впервые масштабная программа создания лесов промышленного назначения была осуществлена в США в 1950–60-е гг. (лесопосадки в послевоенной Европе носили преимущественно восстановительный характер и, хотя в их составе преобладали наиболее ценные для промышленности хвойные породы, возможность получения из этих лесов товарного древесного сырья была вторична). Примерно за 15 лет на юго-востоке страны было заложено 50 млн га лесов из быстрорастущих сосен Эллиота и ладанной. Климатические условия в этом регионе позволяют получать спелую древесину в весьма короткие сроки (25–30 лет для балансовой древесины, предназначенной для выработки целлюлозы, и 40 лет для пиловочного сырья), а слабо пересеченный рельеф обеспечивает высокий уровень механизации заготовок и низкий уровень затрат на нее. Близость к основным национальным районам потребления стала еще одним фактором, обеспе-

³ Главные виды сосен данной группы: веймутова, гималайская, ладанная, лучистая (в обиходе сосна-«радиата»), приморская, Эллиота.

чивающим высокую конкурентоспособность целлюлозно-бумажной промышленности юго-восточных штатов. Благодаря этому в 1980-е гг. Юго-Восток США стал крупнейшим в мире районом производства целлюлозно-бумажных товаров, издержки по выпуску которых были минимальными среди всех крупных продуцентов, и с середины указанного десятилетия стали быстро увеличиваться объемы поставок целлюлозы, бумаги и картона из этого района на внешние рынки. Лишь в середине 1990х гг. местная продукция стала проигрывать в конкурентоспособности на мировом рынке товару некоторых развивающихся государств (Индонезии, Бразилии, Чили), что привело к стабилизации экспорта [1; 6].

В конце XX в. на передовые позиции в создании искусственных лесов промышленного назначения выдвинулась Бразилия. В 1970–80-е гг. она создала масштабные лесные плантации, которые в настоящее время обеспечивают значительную часть заготовок деловой древесины, прежде всего балансовой. В начале 2000-х гг. площадь искусственных лесов Бразилии равнялась примерно 6 млн га, из которых около 60% занимали посадки эвкалипта, более 35% — субтропических сосен и араукарии, 4% — ценных лиственных пород. Прирост запасов древесины на бразильских плантациях достигает 40 м³/га в год, по этому показателю страна является мировым лидером. На современном этапе искусственные леса страны могут стабильно обеспечивать заготовку более чем 100 млн м³ древесины в год. Для сравнения, расчетная лесосека для 25 млн га естественных лесов Швеции равняется только 90 млн м³ [10; 12].

Программы по формированию искусственных лесов для нужд целлюлозного, реже целлюлозно-бумажного и/или лесопильного, производства, с учетом предъявляемых этими отраслями требований к древесному сырью, реализованы и реализуются в Бразилии, Индонезии, Чили, КНР, Аргентине, Уругвае, ЮАР и некоторых других странах. Благодаря им произошли заметные сдвиги в географии мирового производства целлюлозы, а на мировом рынке появились новые крупные игроки. Несколько подобных проектов реализовано и в промышленно развитых странах, например, в Португалии и Новой Зеландии.

Самые первые программы создания лесов промышленного назначения реализовывались для удовлетворения национальных потребностей в лесобумажных товарах, однако в дальнейшем все большая их часть стала выполняться как проекты экспортоориентированных производств, в которых активное участие принимают ведущие отраслевые ТНК. Благодаря реализации этих проектов на мировом рынке целлюлозы появляются новые участники, которые образуют группу «новых», или нетрадиционных экспортеров. В настоящее время в нее

входят Бразилия, Индонезия, Испания, Новая Зеландия, Португалия, Чили и ЮАР. Доля этих стран в мировом производстве древесной целлюлозы выросла с 6,3% в 1980 г. и 7,7% в 1990 г. до 12,2% в 2000 г. и 15,8% в 2006 г., а в мировом экспорте химической целлюлозы с 11,8% в 1980 г. и 17,5% в 1990 г. до 25,5% в 2000 г. и 33,7% в 2005 г. При этом в списке крупнейших экспортеров химической целлюлозы в 2005 г. Бразилия заняла второе место, Чили — 5-е, Индонезия — 6-е, Португалия — 9-е, Испания — 10-е. В 2008 г. список «новых» экспортеров целлюлозы пополнил Уругвай, в ближайшем будущем к нему могут добавиться некоторые страны Юго-Восточной Азии (прежде всего, Вьетнам) и Африки, где заявлено к реализации несколько аналогичных проектов [6; 8; 9].

Создание искусственных лесов промышленного назначения позволяет снизить хозяйственную нагрузку на естественные леса, убереечь часть из них от сведения, однако этот процесс несет определенные экологические риски, а потому требует тщательной проработки не только экономических параметров, но и возможного воздействия на окружающую среду. В частности, поскольку лес выступает крупным потребителем воды, лесные плантации могут создаваться только в водообеспеченных районах, в противном случае интенсивный водозабор из верхних горизонтов приведет к изменениям в существующих поблизости экосистемах. Острая экологическая ситуация сложилась, например, в Свазиленде, где лесопосадки были созданы в середине XX в. без учета последствий для природы [14].

Появление лесных плантаций для получения товарной древесины различного назначения стало одним из наиболее интересных и важных процессов в отрасли в последние десятилетия. Накопленный опыт и технологии в настоящее время позволяют организовывать исключительно высокопроизводительный выпуск лесобумажных товаров на базе специально создаваемых лесов, что ведет к снижению стоимости продукции и уменьшению нагрузки на естественные леса. Несмотря на наличие определенных лимитирующих факторов, лесные плантации могут быть созданы во многих странах в разных климатических поясах.

В географии мирового ЛПК и его отдельных отраслей с конца 1980-х гг. происходят существенные изменения, по динамике заметно превосходящие те, что имели место в 1950–80-е гг. Главной их причиной можно назвать ускорение глобализационных процессов и повышение открытости мировой экономики в целом, чему во многом способствовало окончание «холодной войны».

Одним из важнейших сдвигов в территориальной структуре мирового ЛПК является быстрый рост удельного веса развивающихся государств в производстве различных видов лесопроизводства, несмот-

ря на то, что в развитых странах ее выпуск также увеличивается (в отличие от ряда других традиционных отраслей). С одной стороны, это связано с более быстрым экономическим развитием ведущих стран этой группы — Мексики, Бразилии, Индии, стран Юго-Восточной Азии и, особенно, КНР, сейчас входящей в пятерку крупнейших производителей всех основных видов продукции ЛПК. В то же время в ряде развивающихся государств происходит целенаправленное создание экспортноориентированного производства лесобумажных товаров. Так, масштабные посадки в Чили скороспелых сосен в 1960–1970-е гг. позволили стране впоследствии выйти на мировой рынок в качестве крупного поставщика круглого леса, целлюлозы и пиломатериалов. В 1980-е гг. сначала в Индонезии, а затем в Малайзии было создано крупное производство фанеры, ориентированное на потребности японского и, в меньшей степени, европейского рынков.

Большое влияние на территориальную организацию мирового ЛПК оказал распад социалистической системы. В 1980-е гг. СССР занимал второе место в мире по объему лесозаготовок, вместе с США лидировал в лесопилении, входил в шестерку крупнейших производителей древесных плит, целлюлозы, бумаги и картона. В настоящее время образовавшиеся на его месте государства в сумме выпускают в несколько раз меньше продукции ЛПК, а поскольку мировое производство значительно выросло за последние 15 лет, удельный вес стран СНГ в мировой лесной промышленности сократился еще сильнее. С другой стороны, позиции региона в мировом экспорте продукции ЛПК значительно укрепились, прежде всего, благодаря резкому росту поставок из России, ставшей в 1990-е гг. одним из крупнейших мировых лесозаготовителей. При этом и некоторые другие бывшие союзные республики — Латвия, Литва, Эстония, Белоруссия, ранее зависевшие от ввоза лесобумажных товаров из России, стали экспортерами продукции ЛПК. Масштабное увеличение экспорта сырья и полуфабрикатов ЛПК с постсоветского пространства позволило ряду стран развивать свои перерабатывающие подотрасли, а расширение присутствия на рынках готовых лесобумажных товаров усилило конкуренцию на них — все это отразилось в географической структуре производства соответствующих отраслей.

Переход стран Восточной Европы от социалистической экономики к рыночной выявил низкую конкурентоспособность многих отраслей ЛПК, которая ранее нивелировалась определенной закрытостью региона от стран Запада и тесными связями с Советским Союзом, выступавшим, с одной стороны, поставщиком дешевой древесины и полуфабрикатов, а с другой, емким рынком сбыта готовой продукции. Это вызвало значительное падение объемов производства в первой половине 1990-х гг., в результате чего вес региона в мировом

ЛПК заметно снизился. В то же время некоторые производства (например, древесно-плитное и бумажное в Польше, лесопильное в Румынии) в новых условиях оказались конкурентоспособными, поэтому с конца 1990-х гг., после преодоления странами региона общезкономических трудностей, они весьма динамично развиваются.

Лесозаготовительная промышленность обладает наибольшей из всех отраслей ЛПК инерционностью и наименее выраженными сдвигами в географической структуре производства. Это во многом связано с тем, что изменения в производственной структуре ЛПК, происходящие на национальном или региональном уровнях, не оказывают заметного влияния на объемы заготовки древесного сырья, которые определяются преимущественно возможностями ресурсной базы (причем не только физическим наличием лесов, но и их экономической доступностью и пригодностью для вовлечения в переработку) и общей динамикой развития ЛПК, во многом связанной с макроэкономической ситуацией в стране или регионе. Например, экономические спады в промышленно развитых странах, связанные с мировыми энергетическими кризисами 1973 и 1980–81 гг., вызывали значительное снижение объемов спроса на лесобумажные товары в них и, соответственно, уменьшение их выпуска, а следовательно, и сокращение уровня лесозаготовок. Это приводило к кратковременному снижению, не очень значительному, долей Европы и Северной Америки в мировых заготовках древесины в пользу развивающихся государств и СССР, однако затем географическая структура лесозаготовок принимала прежний вид.

За последние 20 лет событием, наиболее сильно повлиявшим на географическую структуру заготовок древесины в мире, стал распад СССР и переход образовавшихся на его месте государств к рыночной экономике, сопровождавшийся большими трудностями. Многократное уменьшение внутреннего спроса на весь спектр продукции ЛПК на постсоветском пространстве, произошедшее в первой половине 1990-х гг., вызвало соответствующее снижение в лесозаготовках. Кроме того, по объективным причинам, главной из которых было разрушение прежней системы осуществления внешнеэкономической деятельности, в этот период сократились и экспортные поставки лесобумажных товаров, что также оказало понижающее воздействие на величину заготовок древесины. Особенно остро эти проблемы проявились в России, традиционно обеспечивающей подавляющую часть региональных лесозаготовок, что предопределило их резко отрицательную динамику — к середине 1990-х гг. заготовка древесины в целом по СНГ по сравнению с концом 1980-х гг. снизилась в 2,7 раза, а в России падение было трехкратным. Соответственно, доля СНГ в мировых лесозаготовках существенно уменьшилась в пользу других

регионов. Если во второй половине 1980-х гг. страны СНГ стабильно обеспечивали 12% мировых заготовок древесины, то в середине следующего десятилетия их доля составляла только около 4,5%. Доли всех остальных регионов за рассматриваемый период увеличились, даже несмотря на то, что в некоторых из них рубка леса осталась на прежнем уровне, как, например, в Европе и Азии. Наиболее существенно выросла доля Африки, где лесозаготовки стабильно растут с середины XX в. Это связано с тем, что свыше 85% заготавливаемой на этом континенте древесины — дровяная, и объемы ее заготовок растут по мере увеличения численности населения, в большинстве своем не имеющего альтернативы дровам в качестве топлива. В то же время сокращение площади лесов и деградация лесных ресурсов во многих африканских странах вследствие неконтролируемой рубки стали мощным фактором, ограничивающим темпы роста лесозаготовок. В результате в начале XXI в. доля Африки в мировых лесозаготовках перестала увеличиваться.

С середины 1990-х гг. изменения в географической структуре заготовок древесины протекают более плавно, что связано с действием факторов, носящих эволюционный, а не революционный, как в случае с распадом СССР, характер. В Азии, остающейся главным регионом мира по заготовкам древесины, большинство ведущих стран-производителей (Индия, КНР, государства Юго-Восточной Азии) столкнулось с невозможностью увеличения заготовок древесины ввиду значительного истощения лесных ресурсов, а в некоторых из них по этой причине лесозаготовки существенно снизились. В результате нынешний объем заготовок древесины в Азии меньше, чем в предыдущем десятилетии, а доля региона в мировых лесозаготовках сокращается: 33% в 1995 г., менее 30% в 2006 г.

В странах Европы ситуация во многом противоположная. Проведение широкого комплекса мер по улучшению качества и эффективности использования местных лесных ресурсов, масштабное инвестирование в лесохозяйственную деятельность, внедрение в эту сферу достижений науки и техники — все это позволило существенно повысить продуктивность лесов и возможности безущербного лесопользования. Кроме того, лесопосадки, осуществленные на значительных площадях в 1950–70-е гг., достигли промышленной спелости, что значительно расширило пригодную для освоения ресурсную базу местного ЛПК. Поэтому, если в 1970-е гг. объем лесозаготовок в Европе во многом лимитировался недостаточной ресурсной обеспеченностью, то в 1990–2000-е гг. главным определяющим фактором стала конкурентоспособность продукции, производимой из местной древесины, на внутреннем и внешних рынках. Во второй половине 1990-х гг., когда европейский рынок лесобумажных товаров дина-

мично рос, местные продуценты активно наращивали производство и во всевозрастающих количествах потребляли древесину, что стимулировало развитие лесозаготовок. В начале 2000-х гг. европейский рынок лесобумажных товаров в целом вступил в период стагнации (развивались лишь отдельные товарные или географические сегменты), а значительно увеличившиеся цены на энергоносители и повысившийся курс евро по отношению к доллару и другим валютам понизили конкурентоспособность европейской продукции на мировом рынке, что привело к стабилизации объема лесозаготовок и незначительному снижению доли региона в мире (до 13% в 2006 г.).

Лесозаготовки, осуществляемые в Северной Америке, на 80% предназначены для удовлетворения потребностей США в продукции ЛПК, что обуславливает высокую зависимость объемов заготовки древесины в регионе от состояния и динамики американского рынка лесобумажных товаров. В начале 2000-х гг. для него были характерны стагнационные явления, и достигнутые высокие уровни удельного потребления лесопромышленной продукции не способствуют его дальнейшему росту, а по ряду товаров происходит даже снижение емкости рынка. Это во многом обусловило стабилизацию уровня лесозаготовок в Северной Америке и, как следствие, уменьшение доли региона в глобальном масштабе с 25,5% в 1995 г. до менее чем 24% в 2006 г.

Понижающее влияние на объемы лесозаготовок в Европе и Северной Америке также оказывает совершенствование технологий переработки древесины и широкое распространение комплексной утилизации древесного сырья в результате чего снижается удельный расход древесины на выработку требуемого количества лесопромышленной продукции. Несмотря на то, что уровень внедрения этих технологий в настоящее время достаточно высок, промышленно развитые страны инвестируют значительные средства в дальнейшие исследования в этой области, что приносит свои плоды в виде появления и внедрения новых технологических разработок, логистических решений и т.д. Развивающиеся государства имеют гораздо более существенный потенциал по снижению сырьемкости отраслей ЛПК, однако пока он реализуется слабо и в основном очень локально (например, на подконтрольных иностранным компаниям предприятиях).

Стабильно увеличивается доля в мировых лесозаготовках наиболее обеспеченного лесными ресурсами региона — Южной Америки, где динамично развиваются разные отрасли ЛПК, ориентированные как на удовлетворение местного спроса, так и на экспорт. В середине 2000-х гг. доля Южной Америки в мировых заготовках древесины достигла 11,5%.

В 2000-е гг. относительно быстро повышается удельный вес стран СНГ в мировых лесозаготовках, что связано с более активной реализацией ими своих конкурентных преимуществ в поставках лесобумажных товаров на мировой рынок (в наибольшей степени это относится к России), а также с начавшимся экономическим ростом, способствующим восстановлению емкости внутреннего рынка. В середине 2000-х гг. доля стран СНГ почти достигла 6%, однако это в 2 раза ниже, чем в 1980-е гг.

Таблица 1
Географическая структура производства основных видов продукции ЛПК в 2006 г.

	Древесина	в т.ч. деловая	Пиломатериалы	ЛДМ	Целлюлоза	Бумага и картон
	в млн м ³				в млн т	
СНГ	186,0	145,3	27,6	11,3	7,1	8,7
Европа	421,8	357,6	119,0	66,8	43,8	105,9
Азия	963,5	243,1	81,6	99,7	28,3	137,4
Африка	465,0	62,2	8,3	2,5	2,8	4,2
Северная Америка	773,0	642,1	156,4	63,0	79,6	107,6
Южная Америка	373,8	179,8	38,7	13,8	16,1	13,4
Австралия и Океания	63,5	50,7	9,3	4,3	2,7	4,8
Мир	3 246,7	1 680,9	440,8	261,4	180,4	382,1
	в % к итогу					
СНГ	5,7	8,6	6,3	4,3	4,0	2,3
Европа	13,0	21,3	27,0	25,6	24,3	27,7
Азия	29,7	14,5	18,5	38,1	15,7	36,0
Африка	14,3	3,7	1,9	1,0	1,5	1,1
Северная Америка	23,8	38,2	35,5	24,1	44,1	28,2
Южная Америка	11,5	10,7	8,8	5,3	8,9	3,5
Австралия и Океания	2,0	3,0	2,1	1,7	1,5	1,3

Источники: расчеты и оценки автора на базе данных ФАО и национальных статистических служб.

Вся заготавливаемая в мире древесина подразделяется на две большие группы (табл. 1), различающиеся своим предназначением: деловую, являющуюся сырьем для отраслей ЛПК или, в небольших количествах, используемую в других областях хозяйства, и дровя-

ную, служащую топливом населению или, редко, применяющуюся в этом качестве в промышленности (в основном это характерно для промышленно развитых стран, где дрова выступают важным энергоносителем для предприятий ЛПК). Однако, важно отметить, что в отдельных странах статистическое разделение заготавливаемой древесины на деловую и дровяную может отражать ее товарные характеристики, а не направление непосредственного использования, и часть дровяной древесины может успешно применяться в нетребовательных к качеству сырья производствах, например, при изготовлении древесных плит или целлюлозы, что практикуется, например, в некоторых промышленно развитых странах. В этой связи интересно проследить сдвиги в товарной структуре лесозаготовок по регионам, а также изменения в географической структуре заготовок деловой древесины, являющейся непосредственной сырьевой базой для перерабатывающих отраслей ЛПК.

Начиная с последней трети XX в. объемы заготовки деловой и дровяной древесины достаточно близки, однако перевес обычно на стороне первой. Доля деловой древесины в мировых лесозаготовках составляет 50–52%, и лишь в середине 1990-х гг. этот показатель был меньше 50%. Деловая древесина доминирует в структуре лесозаготовок развитых регионов — Европы, Северной Америки, СНГ, Австралии и Океании, — где ее доля составляет 75–85%, в то время как в Азии и Африке лес рубится в основном на дрова. Обособленно смотрится Южная Америка, где благодаря целенаправленному развитию перерабатывающих отраслей ЛПК в Бразилии и Чили доля деловой древесины в региональных лесозаготовках выросла с 25% в середине 1970-х гг. до 48% в 2006 г.

В заготовках деловой древесины лидерство среди регионов прочно удерживает Северная Америка, на долю которой приходится около 40% мировых заготовок. С большим отставанием от нее идет Европа, обеспечивающая более 20% мировых заготовок, за которой следуют Азия (14,5%), Южная Америка (11%) и СНГ (8,5%). При этом в Южной Америке и СНГ объемы заготовки деловой древесины в 2000-е гг. быстро растут, что способствует повышению их доли в мировом производстве; в ближайшей перспективе эта тенденция, по всей видимости, сохранится.

Лесопильное производство традиционно сосредоточено преимущественно в странах северного лесного пояса, поскольку подавляющая часть пиломатериалов вырабатывается из хвойных пород, древесина которых в наибольшей степени отвечает требованиям главной сферы потребления пиломатериалов — строительства. За пределами северного пояса имеется лишь несколько стран, обладающих масштабным лесопилением, — Бразилия, Индия, Чили, где для

выработки пиломатериалов тоже в значительной степени используют хвойную древесину (естественных или искусственных насаждений).

В 1970–80-е гг. география мирового лесопиления характеризовалась значительным и примерно равным весом четырех регионов — Северной Америки, СССР, Европы и Азии, каждый из которых обеспечивал 20–30% глобального производства пиломатериалов. В 1990-е гг. в географии отрасли произошли значительные изменения. К концу указанного десятилетия в региональной структуре производства пиломатериалов оформилось лидерство Северной Америки — крупнейшего региона-потребителя данной продукции. Производство в этом регионе опирается на мощную сырьевую базу, а рост спроса был связан, прежде всего, с увеличением масштабов загородного жилищного строительства. Несмотря на то, что в первой половине 1990-х гг. выработка пиломатериалов в Северной Америке была стабильной, доля региона в мировом производстве увеличивалась, поскольку глобальный выпуск этой продукции снижался. За вторую половину 1990-х гг. выработка пиломатериалов в мире практически не изменилась, а в Северной Америке выросла почти на 10%. В результате доля региона, которая в конце 1980-х гг. равнялась 28%, в середине 1990-х гг. достигла 34%, а к 2000 г. — 37,5%. В 2000-е гг. лесопиление в Северной Америке развивается более низкими по сравнению с другими регионами темпами, из-за чего доля региона постепенно уменьшается.

Европа в 1980-е гг. номинально была четвертым по величине регионом-производителем пиломатериалов с долей менее 20%. В первой половине 1990-х гг. рост выпуска пиломатериалов в западноевропейских государствах был нивелирован падением производства в Восточной Европе, однако из-за сокращения мирового производства доля региона превысила 22%. К середине указанного десятилетия в восточноевропейских государствах сокращение выработки пиломатериалов прекратилось, а в некоторых начался рост, что вкупе с продолжавшимся ростом производства в Западной Европе привело к повышению доли Европы в мировом производстве до 27% в начале 2000-х гг.

Страны Азии на рубеже 1980-х и 90-х гг. обеспечивали около 1/4 мирового производства пиломатериалов, однако затем из-за истощения ресурсов пиловочного сырья в Индии, КНР, странах Юго-Восточной Азии, а также по причине растущей конкуренции товаров-заменителей, выпуск этой продукции в регионе резко сократился, вследствие чего доля региона к 2000 г. снизилась до 17,5%. Переход к активному использованию импортной древесины в лесопилении позволил некоторым государствам, прежде всего Китаю, нарастить производство, благодаря чему увеличился и совокупный региональ-

ный выпуск, однако доля региона в глобальной выработке пиломатериалов мало изменилась.

В странах СНГ лесопиление оказалось наиболее пострадавшей от распада Союза и рыночных преобразований в образовавшихся на его месте государствах отраслью ЛПК. Производство пиломатериалов в регионе за 1991–95 гг. сократилось более чем в 3 раза, и, уменьшаясь далее меньшими темпами, достигло минимума в конце 1990-х гг. Если в конце 1980-х гг. будущие страны СНГ выпускали более 100 млн м³ пиломатериалов в год (22% мирового производства), то спустя 10 лет — менее 25 млн м³ (6%). Причиной столь резкому падению производства послужило, прежде всего, значительное сокращение объемов строительства всех видов (жилищного, промышленного, социально-культурного), а также массовое появление на рынке товаров-заменителей (пластмасс, фанеры, древесных плит), ранее бывших недоступными широкому кругу потребителей, что привело к сужению емкости рынка пиломатериалов. Кроме того, широко распространилось кустарное производство пиломатериалов, которое практически не учитывается статистикой, но в то же время удовлетворяет определенную часть спроса со стороны населения. В 2000-е гг. производство пиломатериалов в странах СНГ растет, однако этот рост связан с расширением экспортных поставок, тогда как внутреннее потребление продолжает сокращаться, что не позволяет региону повысить свой вес в мировом производстве.

За последние 15 лет заметно выросла доля Южной Америки в мировом производстве пиломатериалов: если в конце 1980-х гг. она равнялась 5,5%, то в середине 2000-х гг. достигла 9%. Наблюдаемый в этом регионе практически непрерывный рост производства опирается на стабильное повышение спроса и реализацию экспортоориентированных проектов в лесопилении ряда стран, например, в Чили. Медленно повышается вклад африканских государств в глобальное производство пиломатериалов, развитие отрасли в большинстве из них тормозится социокультурными особенностями и крайне низким уровнем доходов населения. Доля Австралии и Океании в мировом производстве пиломатериалов по сравнению с концом 1980-х гг. выросла почти в 2 раза, во многом благодаря существенному расширению экспортоориентированных мощностей в Новой Зеландии.

Все более важной отраслью ЛПК становится древесно-плитная, обеспечивающая более глубокую переработку древесины по сравнению с фанерной промышленностью, а оттого отчасти дополняющая ее, отчасти конкурирующая с ней. В связи с тем, что ДВП, ДСП и фанера выступают во многом взаимозаменяемыми товарами, и соотно-

шение объемов их производства в каждой стране определяется, прежде всего, характеристиками сырьевой базы, представляется интересным анализ географии производства листовых древесных материалов всех типов в сумме (далее — ЛДМ). Помимо вышеперечисленных продуктов, к ЛДМ также относится товарный шпон — однослойная фанера, не идущая на производство клееной фанеры, а реализуемая как самостоятельный продукт.

Малые сроки реализации проектов по производству листовых древесных материалов и сравнительно небольшие объемы требуемых для этого инвестиций создают возможность для резкого увеличения выпуска данной продукции в той или иной стране при действии благоприятных факторов. На протяжении последних трех десятилетий это происходит довольно часто и приводит к появлению в списке ведущих продуцентов ЛДМ все новых и новых стран, в то время как старые производители постоянно меняются местами, значительные изменения происходят и на региональном уровне.

Ведущим регионом-производителем ЛДМ на протяжении большей части XX в. выступала Северная Америка, которая лишь в отдельные кризисные для американской экономики годы (например, 1980, 1982) уступала лидерство Европе, отставание которой с 1980-х гг. было сравнительно небольшим. В 1990-е гг. начался бурный рост производства ЛДМ в Азии, во многом связанный с созданием масштабной фанерной, а позднее и древесно-плитной промышленности в КНР. В результате к середине 1990-х гг. по объемам производства ЛДМ Азия сравнялась с Северной Америкой и Европой. В этот же период в промышленно развитых странах начался бум в древесно-плитной промышленности, связанный с появлением новых прогрессивных видов плит, обладавших существенно более высокими потребительскими свойствами. В результате производство ЛДМ в Северной Америке и Европе стало расти опережающими темпами, что способствовало увеличению веса этих регионов в мировом производстве. В то же время азиатские государства серьезно пострадали от волны кризисов, прокатившейся по региону в 1997–98 гг., из-за чего средние темпы роста производства ЛДМ в 1996–2000 гг. были невысокими.

В начале 2000-х гг. темпы роста производства ЛДМ в Европе и, особенно, Северной Америке значительно снизились, тогда как в Азии, напротив, резко возросли, что было связано с преодолением азиатскими государствами последствий кризисов 1997–98 гг., освоением новых видов ЛДМ, распространившихся в развитых странах в 1990-е гг. и масштабным переносом в регион производства ЛДМ из стран Запада. Это позволило Азии выйти на лидирующие позиции среди регионов-продуцентов ЛДМ, причем ее доля быстро увеличи-

вается, приближаясь к 40%. Европа с долей около 26% в настоящее время занимает второе место, несколько опережая Северную Америку (24%); в дальнейшем разрыв между ними будет увеличиваться в связи с возрастающей ориентацией США на импорт фанеры и, в меньшей степени, древесных плит из Азии. Стабильно увеличивается доля Южной Америки в мировом производстве ЛДМ, в середине 2000-х гг. она составляла более 5% против 3% в конце 1980-х гг. В странах СНГ выпуск ЛДМ в 2000-е гг. стал динамично расти, благодаря чему доля региона увеличивается.

Производство фанеры традиционно характеризуется высокой концентрацией. Долгое время мировым лидером в этой отрасли выступала Северная Америка, однако в 1990-е гг. ее опередила Азия, благодаря росту производства в КНР и Юго-Восточной Азии. В середине 2000-х гг. Азия обеспечивала 60% мирового выпуска фанеры, Северная Америка — 22%, все остальные регионы в сумме — 18% (в т.ч. Южная Америка — 7%, Европа — 6%, СНГ — 4%).

Ведущим регионом-производителем ДСП исторически является Европа, которая дала миру первые промышленные технологии их получения. В то же время ее доля сокращается: если в конце 1980-х гг. европейские страны обеспечивали более половины суммарной выработки ДСП в мире, то в 2006 г., несмотря на стабильный рост производства, их доля составила только 40%. Второе место традиционно занимает Северная Америка, где в 1990-е гг. рассматриваемая отрасль пережила настоящий бум, в результате которого доля региона в мировом производстве выросла почти в 2 раза. В 2000-е гг. темпы роста выпуска ДСП в Северной Америке значительно снизились, из-за чего доля региона стала сокращаться и в 2006 г. составила 33%. Доля Азии в мировом производстве ДСП в 2006 г. составила 16%, стран СНГ — 6%, Южной Америки — 3,5%.

Промышленное производство ДВП впервые было организовано в Северной Америке, а несколько позднее — в Европе. На протяжении многих лет два этих региона обеспечивали подавляющую часть мирового выпуска, и еще в конце 1980-х гг. их доля превышала 60%. В 2000-е гг. глобальное лидерство в отрасли захватила Азия, доля которой приближается к 50%. Удельный вес Европы в мировом производстве ДВП в 2006 г. составил 26%, Северной Америки — 15%, Южной Америки — 6%, остальных регионов в сумме — 5%.

Производство целлюлозы исторически характеризуется высокой долей двух регионов — Северной Америки и Европы, выступающих основными производителями и потребителями бумаги и картона, для выпуска которых используется целлюлоза. Оба региона в достаточной степени обеспечены сырьем для выпуска целлюлозы, которым служит древесина с самыми разными качественными характери-

ками, в т.ч. непригодная в других отраслях ЛПК, и древесные отходы. В 1970–80-е гг. они обеспечивали более $\frac{3}{4}$ мирового выпуска целлюлозы, и только в результате значительного замедления темпов роста производства бумаги и картона, и соответственно потребностей в целлюлозе, удельный вес Северной Америки и Европы в глобальном производстве целлюлозы стал сокращаться. Кроме того, в этих регионах все более широко используется макулатура, являющаяся заменителем целлюлозы при выпуске многих видов бумаги и картона. Немаловажным фактором, оказывающим воздействие на динамику выработки целлюлозы в промышленно развитых странах, является уровень цен на топливо, поскольку целлюлозное производство является энергоемким процессом. В наибольшей степени ослабляющее воздействие этих факторов проявилось в Северной Америке, доля которой в мировом производстве снизилась с 54% в 1995 г. до 44% в 2006 г. Удельный вес Европы остается достаточно стабильным — в пределах 23–26%, что стало следствием появившейся возможности использовать в производственном процессе дешевое древесное сырье из стран СНГ и Балтии, чем в наибольшей степени воспользовались Финляндия и Швеция, а также последовательного развития целлюлозного производства на базе лесных плантаций в Португалии и Испании.

Наиболее динамично растет целлюлозная промышленность в Азии и Южной Америке, причем в обоих регионах это в первую очередь связано с развитием отрасли в странах, относящихся к группе «новых продуцентов»: в Азии это Индонезия и Таиланд, в Южной Америке — Бразилия, Чили и Аргентина. В Азии также весьма быстро увеличивается производство целлюлозы в Китае и Индии, где оно осуществляется из местной древесины и, отчасти, из импортируемого сырья. При этом в КНР созданы и создаются лесные плантации, которые уже в ближайшие годы станут играть главную роль в снабжении сырьем целлюлозных заводов. Доля Азии в мировом производстве целлюлозы в 2006 г. достигла 15,5%, Южной Америки — 9%.

Доля стран СНГ, где производство целлюлозы практически полностью сосредоточено в России, за первую половину 1990-х гг. снизилась в 2 раза, после чего стала постепенно расти и в 2006 г. достигла 4%. В настоящее время развитие отрасли в регионе ограничивается отсутствием свободных мощностей, на которых можно производить отвечающий современным требованиям продукт.

Большие изменения за последние 15 лет произошли в географии производства бумаги и картона. Долгое время ведущим регионом-продуцентом выступала Северная Америка, со значительным отставанием от которой шла Европа, а за ней, также с большим отрывом, — Азия. В конце 1980-х гг. на Северную Америку приходилось

40% мирового производства бумаги и картона, на Европу — около 30%, на Азию — немногим больше 20%. Последовавший динамичный рост бумажной промышленности Азии сделал этот регион крупнейшим производителем рассматриваемой продукции, обеспечивающим более 35% мирового производства. Во многом это было связано с колоссальным увеличением выпуска этой продукции в Китае, где за рассматриваемый период оно выросло более чем в 5 раз, обеспечив 70% регионального прироста.

Ввиду достижения американским рынком насыщения, ориентированная на него бумажная промышленность США и Канады столкнулась с серьезными трудностями, приведшими к снижению объемов производства. Падение местного спроса пока невозможно компенсировать расширением экспортных поставок, т.к. на других региональных рынках американская и канадская продукция в большинстве случаев оказывается менее конкурентоспособной, чем у конкурентов, во многом по причине большей удаленности и связанных с этим высоких транспортных расходов, которые перекрывают преимущества, получаемые за счет сравнительно невысокой себестоимости производства бумаги и картона в США и Канаде. К 2006 г. доля Северной Америки в мировом выпуске бумаги снизилась до 28%, и по этому показателю она практически сравнялась с Европой, доля которой на протяжении уже более чем двух десятилетий достаточно стабильна.

Остальные регионы (СНГ, Африка, Южная Америка, Австралия и Океания) в сумме обеспечивают менее 10% мирового производства рассматриваемой продукции (это минимальный показатель из всех отраслей ЛПК), и, несмотря на то что удельный вес почти всех этих регионов (кроме Австралии и Океании) с середины 1990-х гг. постепенно увеличивается, предпосылок для заметных изменений сложившейся ситуации нет.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волков В.О. Лесная промышленность зарубежных стран. — М.: Лесная промышленность, 1987. — 200 с.
2. Древесные топливные гранулы в России и СНГ: Справочник. — СПб, 2005. — 124+10 с., ил.
3. Плоткин М.Р. Основы промышленного производства. — М.: Высшая школа, 1977. — 304 с.
4. Политехнический словарь / Гл. ред. И. И. Артоболевский. — М.: Сов. энциклопедия, 1977. — 608 с., ил.
5. Россия и страны мира 2006: Стат. сб. — М., 2006. — 366 с.
6. Хохлов А.В. География мирового лесопромышленного комплекса. — Тула: Гриф и К, 2007. — 300 с.

7. CEPI Key Statistics 2007. — Brussels: CEPI, 2008. — 28 p.
8. Eurostat: [Electronic resource]. — 2008 // Mode of access: <http://epp.eurostat.ec.europa.eu>.
9. EUWID Pulp and Paper. — 2006–2007.
10. FAO Forestry: [Electronic resource]. — 2006 // Mode of access: <http://www.fao.org/forestry/en>.
11. Forest Products Annual Market Review. 2005–2006. — New York and Geneva: United Nations, 2006. — 18+142 p.
12. Forest Products Country Reports from Attaches. FAS online: [Electronic resource]. — 2008 // Mode of access: <http://fas.usda.gov/ffpd/attache-reports.htm>.
13. Fortune Rankings: [Electronic resource]. — 2008 // Mode of access: <http://money.cnn.com/magazines/fortune/rankings>.
14. Menne W. Timber Plantations in Swaziland. — Timberwatch Coalition, 2004. — 44 p.

ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ МИРОВОЙ ЭНЕРГЕТИКИ¹

Т.И. Горкина

После топливно-энергетического кризиса 70-х годов XX века энергетика во многих странах мира стала развиваться в соответствии со специальными программами, которые имеют комплексный характер. Современные энергетические программы представляют собой модель, основными компонентами которой являются экономика, политика, научно-технический прогресс, социальные и экологические проблемы. В них учитываются все экономически значимые ресурсы и факторы, включая и такие, как экономия энергии.

Современное общество весьма зависимо от энергетического фактора, а государства — уязвимы как при сбоях в поставках топливно-энергетических ресурсов, так и при их удорожании. Экономика не способна своевременно адаптироваться к быстрым изменениям цен. Во-первых, невозможно существенно сократить в короткие сроки объёмы энергопотребления при сохранении прежних масштабов производства. Во-вторых, поддержание достигнутого уровня экономического благосостояния и обеспечивающего его энергопотребления требует огромных финансовых средств: рост цен на топливно-энергетические ресурсы приводит к перемещению денежной массы из энергопотребляющих районов в энергодобывающие, а также из энергоемких отраслей в энергопроизводящие.

Особое место в энергетических программах отводится предотвращению нарушений поставок при сбоях в работе энергообеспечивающей инфраструктуры. Такие нарушения оказывают пагубное влияние на состояние экономики и на обстановку в обществе. Рост цен на нефть в последние годы является скорее глобальной политической проблемой, чем проблемой энергетической безопасности, на которую в большей степени влияют региональные кризисы и нестабильность, из-за которых снижаются инвестиции в развитие энергетики в таких районах.

Энергообеспечение стало важнейшим фактором экономического роста и природопользования, особенно в той части, которая связа-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 07 — 06 — 00398).

на с хозяйственным освоением невозобновляемых ресурсов и состоянием среды обитания. Безопасность поставок — один из факторов развития мировой энергетики. На энергетическую безопасность влияют: нарушения в функционировании топливно-энергетического рынка; рост зависимости от импорта; рост издержек и цен на энергию; экологические проблемы; увеличение дальности поставок, ведущее к усилению территориального разрыва между зонами производства и зонами потребления энергии; террористические угрозы; стихийные бедствия; социальные, военные и этнические конфликты в странах-производителях; внешнеполитическая деятельность, нацеленная на поддержание безопасных и устойчивых связей в энергетическом секторе. Особое место занимают проблемы безопасности в нефтяной промышленности, составляющей основу мировой энергетики. Нефтяной фактор участвует в трансформации мировой геополитической системы, что особенно видно на действиях США в Ираке.

Геополитический фактор непосредственно влияет на энергетическую безопасность, так как на мировом энергетическом рынке увеличивается число участников из развивающихся стран с нестабильной политической и/или этнической обстановкой. С появлением новых участников повышается значение международных связей и растут трансграничные потоки энергии. Для обеспечения безопасности энергопотоков, как внутренних, так и международных, должны иметься основные и запасные маршруты транзита, чтобы исключить временное прекращение поставок из-за столкновения коммерческих интересов, политического вмешательства, террористической угрозы и т.п.

В XXI веке всё явственнее проявляется международное географическое разделение труда в энергетической сфере: деление стран и регионов мира на 1) энергопроизводящие и 2) энергопотребляющие при росте числа 3) «транзитных» государств, через территорию которых осуществляются поставки. Несмотря на то, что большинство стран мира в той или иной степени обладают традиционными энергоресурсами, все же основные их запасы сосредоточены в ограниченном числе государств. Так, на долю 10 ведущих стран по запасам нефти, природного газа и угля приходится соответственно 83%, 76% и 91% мировых запасов (рассчитано по [7]).

Среди этих стран можно выделить три основные группы. К первой относятся Россия и США, имеющие все виды энергоресурсов, запасов которых при современном уровне добычи должно хватить соответственно на 600 и 280 лет. Такие длительные временные рамки объясняются наличием огромных запасов углей. Вторую группу образуют страны, входящие в Организацию стран-экспортеров нефти (ОПЕК), в которых сосредоточено около 80% её мировых запасов (при совре-

менных темпах добычи нефтяные ресурсы стран ОПЕК будут разрабатываться 80–90 лет). Третья группа представлена странами, имеющими в основном значительные запасы угля, которые могут разрабатываться примерно 300 лет: Индия, Австралия, Германия, ЮАР, Казахстан, Украина и Польша. Впрочем, высокая обеспеченность углем сегодня не является гарантом энергетической безопасности. Подобное размещение топливно-энергетических ресурсов (ТЭР) предопределило и соответствующую им территориально-производственную структуру топливно-добывающей промышленности, на долю которой приходится 87% производимой в мире энергии. Вследствие этого, увеличивается число стран, экономическое развитие которых не обеспечивается собственными ТЭР. Если в 1990 г. они производили 87% мирового ВВП, то в 2005 г. их доля увеличилась до 90% за счет роста экономик Китая, Индии и других развивающихся стран (рассчитано по [6]).

Понятие энергетической безопасности трактуется по-разному, но, главное, что в основе ее лежит принцип многовекторности. Обобщенно можно сказать, что для энергопроизводящих стран она состоит в диверсификации сбыта, для энергопотребляющих — в диверсификации поставок. Особую роль здесь играют страны-транзитеры, которые по разным причинам могут нарушить связку производитель — транзитер — потребитель. Международное энергетическое агентство (МЭА) определяет энергобезопасность как «комплекс мер, направленных на защиту потребителей энергии от перебоев в поставках, вызванных чрезвычайными обстоятельствами, терроризмом, недоинвестированием в инфраструктуру, плохой организацией рынков» (Цит. по [2]). Страны-поставщики представляют энергобезопасность как свободный доступ энергии на мировой рынок по долгосрочным контрактам, учитывающим, в частности, интересы транзитных стран и экологические факторы.

Для решения этой проблемы «Группа 8» — неофициальный форум лидеров ведущих промышленно развитых стран (ПРС) — США, Россия, Великобритания, Франция, Япония, Германия, Италия и Канада вместе с Комиссией ЕС по энергетике провели в 2006 г. в Санкт-Петербурге энергетический диалог «Глобальная энергетическая безопасность». Участниками его стали представители 44 стран. В результате обсуждения на этом форуме были сделаны следующие выводы:

1. Энергобезопасность неразрывно связана с природоохранными проблемами. Сжигание ТЭР ведет к антропогенным изменениям климата, что представляет собой серьезную угрозу жизни и здоровью людей, устойчивости экосистем и мировой экономики.

2. Диверсификация путей транзита влечет дополнительный риск для окружающей среды уязвимых регионов, например, арктических.
3. В ближайшие 10 лет нельзя снизить потребление обычных ТЭР и перейти от углеводородной энергетики к устойчивым энергетическим системам будущего. Мир близок к пику добычи нефти, но уже есть технологии, позволяющие снизить зависимость от нефти. При этом следует учитывать, что развитие атомной энергетики — это неустойчивый путь развития. В перспективе основной энергоснабжения должны стать нетрадиционные и возобновляемые виды энергии.

В итоге был определен список проектов энергетической инфраструктуры, представляющий интерес как для производителей, так и для потребителей и создан Центр энерготехнологий Россия — ЕС. По мнению американской стороны, именно США должны играть ведущую роль в обеспечении безопасного энергетического будущего, для чего требуются тщательно скоординированные международные усилия, учитывающие всё более интегрированный характер энергетических рынков.

В целом же энергобезопасность можно рассматривать как глобальное партнерство в производстве, передаче и потреблении энергии как в настоящем, так и в будущем. Для этого в рамках Международного энергетического форума (неофициальной организации, объединяющей 50 стран и международных организаций) созданы различные структуры, координирующие НИОКР в энергетике — «Глобальное ядерное партнерство», «Международное партнерство в поддержке водородной энергетики» и т.п.

ПРС и страны с переходной экономикой являются основными потребителями энергии, на их долю приходится в настоящее время почти 85% мирового потребления. В будущем основной рост потребления энергии придется на страны с переходной экономикой и развивающиеся страны, где темпы прироста составят 2,6–3% (в ПРС — от 0 до 1,3%, в среднем по миру — 2–2,2%) [9]. Поэтому сейчас меняется традиционная картина поставок, строятся и проектируются их новые маршруты. Поставщики стремятся выходить непосредственно к потребителям, минуя посредников, а потребители в целях безопасности диверсифицируют маршруты импорта, прокладывая их через стабильные транзитные страны. При этом все большее число стран, особенно не обладающих коммерческими энергоресурсами, предлагают свои территории для новых маршрутов, конкурируя между собой. Разразилась настоящая «война трубопроводов».

Стремление к стабильности поставок на фоне постепенного истощения запасов в ряде традиционных нефте- и газодобывающих

районов приведет к существенным сдвигам в географии добычи углеводородов. Сейчас уже можно говорить, что в число основных производителей углеводородов войдут страны Каспийского бассейна, Центральной Азии, ряд африканских стран, число которых будет увеличиваться по мере развития геолого-разведывательных работ на континенте, страны Латинской Америки, у берегов которой в последние годы открыты крупные месторождения нефти и природного газа, а также месторождения в северных районах России. Рассмотрим перспективы каждой группы.

Запасы нефти в Каспийском регионе на настоящий момент оцениваются в 5 млрд. т, из которых на долю Казахстана приходится 70%, Азербайджана — 20%, России — 6%, Туркмении — 4%. Запасы природного газа оцениваются в 8 трлн. куб. м. при доле Туркмении в 36%, России — 31%, Казахстана — 24%, Азербайджана — 9%. В регионе находятся углеводородные месторождения-гиганты Азери-Чираг-Гюнешли и Шах-Дениз, принадлежащие Азербайджану, и Кашаган, расположенное в казахском секторе Каспийского моря. По своему потенциалу Каспий сравним с начальными запасами углеводородов Северного моря. В разработке месторождений Каспийского региона заинтересованы не только соседние страны, но и Европа, США, которые объявили этот регион зоной своего влияния. Еще в 1998 г. Министерство энергетики США заявило, что «главная задача США — обеспечить разработку Каспийского бассейна как можно быстрее с максимальным участием американских компаний для гарантированного управления ситуацией в Каспийском регионе. Формирование системы евроазиатских транспортных коридоров в обход Ирана, России и Китая явно отвечает геостратегическим интересам США» (Цит. по [3]).

Большую роль в разработке месторождений Каспия играют крупные западные нефтяные компании (ChevronTexaco, Exxon Mobil и др.), которым принадлежит около 70% нефтяных запасов региона. Специалисты отмечают, что одна нефтяная вышка на Каспии из-за особенностей строения земной коры обходится в 25 раз дороже, чем в Омане. Тем не менее, по себестоимости добычи нефти Каспий уступает лишь наиболее рентабельным месторождениям Персидского залива и находится примерно на одном уровне с Ливией, Мексикой, Нигерией и Венесуэлой. Поэтому Каспий будет более перспективен для мирового рынка, чем новые нефтяные районы России как по стоимости добычи, так и по географическому положению относительно стран-импортёров.

Слабым звеном в освоении Каспия стала проблема транспортировки нефти. Для этой цели был создан Каспийский трубопроводный консорциум (КТК) с участием западных компаний (50%), России (24%), Казахстана (19%) и Омана (7%). Россия заинтересована в про-

качке каспийской нефти по своей территории через трубопроводы Тенгиз — Новороссийск и Баку — Новороссийск, откуда нефть будет доставляться танкерами до Бургаса (Болгария) и далее по нефтепроводу до Александруполиса (Греция). Строительство этого нефтепровода должно завершиться в 2009–2010 гг.

Однако прикаспийские государства и страны-импортеры нефти стремятся создать маршруты, альтернативные российским, что соответствует энергетической стратегии этих стран. Кроме этого, по их оценкам, мощностей КТК (сейчас 30 млн. т в год, в будущем — до 67 млн. т) недостаточно для прокачки все возрастающих экспортных поставок из Казахстана и Азербайджана. В создании таких маршрутов заинтересованы как страны предполагаемого транзита (Грузия, Армения, Турция, Украина, Афганистан, Чехия), так и страны-импортеры (члены Евросоюза, Сингапур, США, Япония).

С вводом в строй в 2006 г. нефтепровода Баку — Тбилиси — Джейхан и газопровода Баку — Тбилиси — Эрзурум была нарушена монополия России на прокачку углеводородов из этого региона, а Турция и Грузия стали транзитными странами. Благодаря этим трубопроводам каспийские углеводороды получили прямой выход на мировой рынок, минуя перегруженный Босфор.

Россия продолжает настаивать, что трубопроводы через ее территорию более экономичны, поставки более стабильны, а альтернативные маршруты имеют, прежде всего, политический характер. Поставщики и потребители каспийского углеводородного сырья в целях своей энергетической безопасности продолжают проводить политику, направленную на создание новых маршрутов. Среди них отметим следующие:

1. Железнодорожный маршрут Баку — Тбилиси — Ахалкалаки (Грузия) — Карс (Турция) длиной 258 км.
2. Транскаспийский нефтепровод Казахстан — Туркмения — Азербайджан, который должен соединиться с нефтепроводом Баку — Джейхан.
3. Транскаспийский газопровод, который будет проходить параллельно транскаспийскому нефтепроводу (на первом этапе он пройдет через Грузию до Турции, а в более дальней перспективе — до Балкан).
4. Прикаспийский газопровод, который из Туркмении пойдет вдоль Каспийского побережья на север, где на территории России соединится с КТК. Его ввод намечен на 2010 г.
5. Газопровод NABUCCO длиной 3300 км от Каспия до Австрии через Турцию, Болгарию, Румынию и Венгрию. Строительство предполагается начать в 2009 г.

Однако еще на стадии обсуждения проекта NABUCCO у стран-участниц появилось много спорных моментов. Против этого проекта резко выступил Г.Шредер, который считает, что «NABUCCO неприемлем по политическим мотивам, так как основной газ пойдет из Ирана, с которым у ЕС сложились напряженные отношения. Зависимость Европы от России отличается большей безопасностью, чем зависимость от Ирана, Нигерии, Ливии и Алжира» [11].

Ценность рассмотренных выше проектов для ЕС и других потребителей каспийских углеводородов состоит в том, что они не будут контролироваться Россией. В таких условиях Россия пытается играть на опережение, предлагая свои новые транзитные коридоры. Во-первых, Газпром уже приобрел часть активов в европейской газотранспортной системе, которая частично будет входить в проект NABUCCO, и предлагает свой альтернативный маршрут — продлить газопровод «Голубой поток» (Россия — Турция) практически по тому же маршруту, что и NABUCCO. Кроме этого, Газпром совместно с итальянской ENI предлагает проект газопровода «Южный поток (South Stream)» для российского и среднеазиатского газа по маршруту Джубка (Россия) — Бургас (Болгария), а далее возможны два варианта. По первому варианту газ пойдет через Болгарию и Грецию с переходом по дну Адриатики на юг и север Италии, по второму варианту — через Болгарию, Румынию, Венгрию, Чехию на север Австрии и юг Германии. Эти маршруты могут быть взаимодополняемыми. Экспортировать газ по этому маршруту дешевле, чем экспортировать в эти страны сжиженный природный газ (СПГ). Данный газопровод может быть введен в строй не раньше 2013 г.

Иран, занимающий второе место в мире по запасам природного газа и нефти, хочет поставлять в Европу газ и нефть по своему маршруту. Иранский маршрут каспийской нефти — кратчайший и самый дешевый вариант для всех прикаспийских государств, включая Россию. Евросоюз хочет напрямую покупать газ у Ирана, поэтому возник проект газопровода Туркмения — Иран — Армения — Грузия — Украина — Европа. В этом случае Иран, помимо экономической выгоды, получил бы максимально возможные политические дивиденды. Однако этот маршрут не устраивает Россию и Турцию, которая стала крупной транзитной страной между Каспийским регионом и Европой. Под давлением этих стран проект был изменен, его конечной точкой стала Армения.

В случае осуществления указанных проектов изменится роль восточноевропейских стран на мировом энергетическом рынке. Если в социалистический период они были конечными потребителями углеводородов из СССР, то в новой ситуации они станут странами-транзитерами со всеми вытекающими из этого выгодами. Большинство

стран Восточной Европы хочет стать не только региональными транзитными центрами, но и сформировать свой обновленный ТЭК на каспийском сырье. Помимо этого они хотят создать мощную нефтеперерабатывающую и нефтехимическую промышленность, что отвечает интересам западноевропейских стран, стремящихся убрать со своей территории экологически грязные производства.

Страны Центральной Азии — еще один новый крупный поставщик различных видов энергии на мировой рынок. Эти страны обладают значительными запасами ТЭР. Так, Казахстан занимает 10 место в мире по запасам нефти, 8 место — по запасам угля. В число 20 ведущих стран по запасам природного газа входят Туркмения, Казахстан и Узбекистан (соответственно 11, 12 и 17 место). Уникальными запасами гидроэнергии обладает Таджикистан (8 место в мире). В целом на территории Центрально-Азиатского региона (ЦАР) сосредоточено 8% мировых запасов природного газа, 4% — угля, 3% — нефти, 20% — урана.

Большие запасы углеводородного сырья сделали данный регион очень притягательным для западных транснациональных компаний, в настоящее время имеющих запасы, несоответствующие объемам добычи и перерабатывающим мощностям принадлежащих им предприятий. Географическое положение ЦАР, с одной стороны, благоприятно, так как он расположен относительно близко к Китаю, Индии и др. крупным азиатским странам, а с другой стороны при отсутствии прямого выхода к Мировому океану делает его зависимым от стран-транзитеров.

Исторически центрально-азиатские страны имели очень тесные связи с Россией, сохранившиеся до сих пор, в частности, в области энергетики. Транспортная система бывшего СССР осуществляет и в настоящее время стратегический контроль над экспортом из бывших среднеазиатских республик. До недавнего времени транспорт энергии из ЦАР шел в основном через Россию, сейчас страны ЦАР пытаются диверсифицировать свой экспорт.

Благодаря своей богатой ресурсной базе эти страны попали в зону внимания США. Так, А.Козен, специалист по российской, евразийской и международной безопасности, считает, что «США необходимо проводить в Центральной Азии политику, которая позволит им продолжать увеличивать количество вариантов поставок энергоносителей, размещать их военные базы в непосредственной близости к районам, где существует реальная угроза их интересам» (Цит. по [1]). Отсутствие прямого выхода ЦАР к Мировому океану осложняет доступ США в этот регион и возможность активного участия в региональных делах. США и ЕС пытаются всеми средствами уменьшить влияние России в ЦАР. Планам США и ЕС пытаются противостоять Ки-

тай, также рассматривающий этот регион в качестве энергетической базы для своей растущей экономики. Китай скупает здесь прежде всего нефтяные активы, а также принимает участие в строительстве трубопроводов для связи его с центрально-азиатскими республиками.

Руководство Казахстана не относит США к числу эксклюзивных партнеров. Казахстан проводит политику, направленную на сохранение баланса интересов с потребителями из различных стран. Приоритетным в развитии энергетики остается сотрудничество с Россией. Совместно с ней разрабатывается ряд проектов в разных отраслях ТЭК. Среди них можно отметить проект переработки газа с Карачаганакского месторождения в Западном Казахстане на газоперерабатывающем заводе в Оренбурге в объеме 8–15 млрд. куб.м.

Размещение ТЭР в Центральной Азии отличается высокой территориальной концентрацией. На долю Казахстана приходится 85–90% нефти региона. Казахстан и Туркмения владеют 75% газовых ресурсов, $\frac{3}{4}$ гидроэнергетического потенциала сосредоточено в Таджикистане. Для развития этой энергетической базы необходимы крупные инвестиции, которые в основном идут от западных компаний (Chevron, ENI и др.), растут также инвестиции из России и Китая. Важным шагом на пути проникновения Китая в регион стал переход под контроль национальной китайской группы «China National Oil» государственной нефтяной компании Казахстана в 1997 г. Регион имеет все предпосылки для создания крупного взаимодополняющего энергетического комплекса межрегионального значения, но такая интеграция сегодня трудноосуществима из-за различного уровня экономического развития входящих в него стран.

Наиболее успешно развивается энергетика в Казахстане, растет его значение как мирового экспортера энергии. Если за последние 15 лет добыча нефти в мире возросла на треть, то в Казахстане она увеличилась в 2,5 раза благодаря разработке крупных и крупнейших нефтяных месторождений — Карачаганак, Тенгиз, Кашаган и др., общие доказанные запасы которых оцениваются в 3 млрд. т нефти и 2 трлн. куб. м газа, прогнозные запасы соответственно составляют 12 млрд. т и 3 трлн. куб. м. Это вполне реальные цифры, так как 62% территории Казахстана отнесено к разряду нефтегазоносных районов. Выявлены высокоперспективные объекты добычи на шельфе в северной части Каспийского моря, являющиеся продолжением нефтеносных площадей Мангышлака. Расположенные на полуострове производственные базы нефтяной промышленности и нефтепроводы позволяют вести освоение шельфа ускоренными темпами. Одним из потенциальных нефтяных районов рассматривается бассейн Аральского моря, где ожидаются крупные открытия. В этом случае роль Казах-

стана в мировой добыче углеводородов существенно возрастет. Предполагается, что до 2015 г. страна увеличит добычу нефти с 50 млн. до 120–130 млн. т/год.

В основе энергетической политики Казахстана лежит развитие транспортных коридоров, имеющих многовекторную направленность. В настоящее время существуют три основных маршрута: Казахстан — Россия, Казахстан — Западный Китай, Казахстан — Азербайджан. Усиление транспортных связей с Китаем будет способствовать созданию объединенной транспортной системы Россия — Казахстан — Китай.

Несмотря на большие запасы угля, эта отрасль имеет выраженный локальный характер, ибо из-за высокой стоимости перевозки экспорт угля невыгоден не только при поставках на мировой рынок, но и в Россию. По долгосрочным контрактам экспорт осуществляется в Россию на электростанции, изначально ориентированные на экибастузский уголь, а также в Киргизию, Украину и Румынию. По разовым контрактам отгрузки идут в Италию, Финляндию, Турцию, Венгрию, Польшу и Болгарию. Уголь имеет большое значение для электроэнергетики Казахстана, на нем вырабатывается почти 80% электроэнергии. Согласно «Концепции развития угольной отрасли до 2020 г.» его добыча возрастет с 95 млн. т до 145 млн. т. Благодаря такому приросту увеличится мощность ТЭС, работающих на угле, что позволит увеличить экспорт электроэнергии в сопредельные страны, включая Китай [4]. С применением новых чистых технологий и газификации угля его роль может возрасти не только в энергобалансе страны, но и в экспорте, где можно ожидать рост доли коксующихся углей.

Во времена СССР добыча урана в Казахстане была составной частью ядерного комплекса страны, состоявшего из предприятий России, Украины и Казахстана. В республике на полуострове Мангышлак до 1999 г. работал единственный в СССР промышленный реактор на быстрых нейтронах БН-350, который производил электроэнергию, в т.ч. и для опреснительной установки. Казахстан имеет свою программу по развитию атомной энергетики. В силу своего географического положения Казахстану выгоднее экспортировать электроэнергию, чем первичные энергоресурсы. Если прогнозы развития мировой ядерной энергетики начнут претворяться в жизнь, то в более полной мере будут востребованы и урановые ресурсы страны. К числу приоритетных проектов относятся: разработка месторождений урана в Кызылординской области и участие в создании под эгидой МАГАТЭ на территории России в Ангарске Международного центра по оказанию услуг в ядерной промышленности.

Узбекистан строит свою энергетику, опираясь на значительные углеводородные ресурсы. Его запасы газа составляют четверть от

итога по региону. Себестоимость добычи здесь, как и в целом по региону, дешевле на 35% добычи тюменского газа в России и на 10–15% дешевле добычи на газовых месторождениях Северного моря. Газовые месторождения Узбекистана имеют хорошо развитую транспортную инфраструктуру протяженностью более 13 тыс. км. По этой системе через Узбекистан в Россию идет туркменский газ. В рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) прогнозируется создание энергомоста Европа — Азия, где одним из связующих звеньев станет эта газопроводная система.

Большое значение в границах ЦАР имеет электроэнергетика Узбекистана, имеющая экспортное значение. Мощность узбекских электростанций составляет 12 млн. кВт (свыше 30% от итога по региону). Узбекская электроэнергетика отличается высокой степенью территориальной концентрации. Две ТЭС — Сырдарьинская (3 млн. кВт) и Ангренская (2,1 млн. кВт) — вырабатывают половину всей электроэнергии. В расчете на экспорт здесь строится крупнейшая в Центральной Азии Ташмарджанская ГРЭС. В экспорте электроэнергии из Узбекистана заинтересованы не только страны-соседи, но и страны Южной Азии, куда электроэнергию предполагается транспортировать через Афганистан в Иран, Индию и Пакистан [8].

Таджикистан обладает колоссальными запасами гидроэнергии, которые обеспечиваются 15 тыс. ледников. На его территории берут начало 25 тыс. рек и водотоков протяженностью более 90 тыс. км. Запасы пресных вод достигают 46 тыс. куб. км, из которых более трети находится в подземных резервуарах. Реки протекают в узких ущельях с большими перепадами высот, что создает благоприятные условия для строительства гидростанций, которые являются основой ТЭК Таджикистана. Их доля в выработке электроэнергии составляет 95%. Общая мощность ГЭС превышает 4 гВт. На р. Вахш работают такие ГЭС как Нурекская мощностью 3 гВт, Байпазинская (0,6 гВт) и каскад станций, расположенных ниже по течению общей мощностью 0,3 гВт. На р. Сыр-Дарья действует Кайракумская ГЭС (125 мВт), а на р. Варзоб каскад ГЭС (25 мВт). Работа ГЭС очень зависит от таяния ледников, в основном приходящегося на весну. Зимой же расход воды в реках минимален, что отражается на выработке электроэнергии. Таджикистан в зимний период имеет дефицит электроэнергии, который удовлетворяется за счет импорта из соседних стран. Страна планирует построить следующие станции: на р. Пяндж, притоке Аму-Дарьи, — 14 ГЭС, на р. Зеравшан — совместно с РАО ЕЭС — Сангтудинскую ГЭС (первый агрегат которой мощностью 670 мВт вошел в строй в январе 2008 г.), а также возобновить работы на Рогунской ГЭС. Помимо этого планируется построить целый ряд малых станций. В строитель-

стве новых ГЭС заинтересована компания «Русский алюминий», которая уже подписала соглашение о намерениях с Таджикистаном.

Сотрудничать с Таджикистаном предполагает Афганистан, который имеет совместный проект по сооружению Даштиджумской ГЭС на общей границе. Благодаря этим проектам появится возможность соединить энергосистему Таджикистана через Афганистан с Пакистаном и с Ираном через Узбекистан, а также с Китаем через южный Казахстан. Этим планам препятствуют на данном этапе технические ограничения Объединенной энергосистемы ЦАР. Для увеличения ее мощности имеется совместный проект с Россией, в рамках которого предполагается строительство ЛЭП-500 «Юг — Север».

Туркменистан увеличивает добычу газа в расчете на его экспорт по разным маршрутам. Он ведет переговоры о поставках с ЕС, Россией и рядом азиатских стран, причем он хочет продавать большую часть газа в третьи страны напрямую, без участия России. Для выполнения таких планов Туркменистан заключил соглашения с Казахстаном и Узбекистаном о модернизации своей энергетической инфраструктуры. Через эти страны Туркменистан намерен продавать Китаю ежегодно порядка 30 млрд. куб. м газа. Россия в расчете на туркменский газ предлагает увеличить пропускную способность Прикаспийского газопровода, а также газопровода Средняя Азия — Центр с 50 до 70 млрд. куб. м. Таким масштабным планам Туркменистана могут помешать не только недостаточное инвестирование, но и объем добычи, поскольку прогнозная добыча газа здесь меньше, чем его заявленные поставки.

Киргизия в отличие от своих соседей по региону, имеющих разнообразные энергоресурсы, как и Таджикистан обладает лишь гидроэнергией и полностью зависит от поставок нефти и газа, которые получает в основном из Казахстана. В международном разделении труда Киргизии отводится роль поставщика воды. Здесь имеется ряд водохранилищ, которые нужны для ирригации соседних стран. На основе собственных гидроресурсов Киргизия стала развивать гидроэлектростроительную. Ведётся строительство двух ГЭС — Камбаратинской-1 и Камбаратинской-2, планируется построить комплекс Токтогульских ГЭС. Для таких планов нужны огромные инвестиции, которые Киргизия может получить лишь в рамках региональной энергетической интеграции.

Планы Киргизии по развитию гидроэлектроэнергетики породили конфликт между ней и другими странами ЦАР, суть которого состоит в несовпадении взглядов на использование запасов воды. Использование рек в горной местности для выработки электроэнергии требует соблюдения определенного режима водопользования, а именно — накопление воды летом и сброс ее зимой, для сельского хозяйства

режим сброса должен быть прямо противоположным. В Киргизии формируется $\frac{3}{4}$ стока Сыр-Дарьи, которая является основным источником орошения для Ферганской и Зеравшанской долин Узбекистана. Это несовпадение породило конфликты между Киргизией и Узбекистаном, Киргизией и Казахстаном.

Энергоресурсы ЦАР востребованы не только странами Запада, но и соседями из Южной Азии, где преобладающими видами топлива являются нефть и природный газ, доля которых в потреблении превышает 50%. Эти страны заинтересованы не только в поставках углеводородов, но и в импорте электроэнергии из ЦАР. На данный момент ЦАР имеет связи в электроэнергетике с Афганистаном, куда поступает электроэнергия из Таджикистана, Узбекистана и Туркмении. Связи в электроэнергетике между центрально-азиатскими и южно-азиатскими странами будут расширяться, о чем было заявлено на конференции, прошедшей в 2007 г. в Бишкеке [8].

Для дальнейшего развития Центральной Азии как нового энергетического центра мирового значения требуются большие инвестиции, которые готовы предоставить как ПРС, так и крупные азиатские державы. На Втором форуме Азиатской межпарламентской Ассамблеи (АМА) обсуждались принципы и возможности укрепления единства и интеграции азиатских стран, которые обладают большими людскими и природными ресурсами, в т.ч. энергетическими. Для усиления интеграционных связей между азиатскими странами предполагается создание Азиатского валютного фонда. На Форуме в числе первоочередных проблем был обсужден проект создания единого энергетического рынка Азии, на котором все страны континента будут иметь равный доступ к энергоресурсам. Богатая энергетическая база Центральной Азии и стран Каспийского региона усилила их геополитическое положение. Они стали местом столкновения интересов мировых держав, политика которых направлена на обеспечение безопасности поставок ТЭР, для чего предполагается создание новых транспортных коридоров, проходящих через Центральную Азию и Южный Кавказ.

Россия, являющаяся «энергетической сверхдержавой», хочет сохранить и закрепить свои позиции в мире. Она предлагает создать международную систему взаимных обязательств в сфере энергетической безопасности. Ее вклад в энергетическую безопасность состоит не только в рациональной разработке энергетических ресурсов в пропорциях, необходимых мировому хозяйству, но и в получении недискриминационного выхода на мировой энергетический рынок. Исходя из этого, Россия увеличивает свой энергетический потенциал как за счет создания новых энергетических баз на севере Европейской части страны и в Восточной Сибири, так и путем диверсификации экспортных

маршрутов, создавая транспортные коридоры, обеспечивающие непосредственный доступ к мировому рынку (минуя транзитные страны): газопроводы Северный поток и Южный поток, нефтепровод Восточная Сибирь — Тихий океан и др. К этому следует добавить создание новых и модернизацию старых морских портов для торговли энергоресурсами.

Согласно прогнозу, экспорт углеводородов из России к 2020 г. должен составить 800-900 млн. т нефтяного эквивалента, в т.ч. в дальнее зарубежье — 80%, из которых треть пойдет в Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР). Для этого на территории страны и прилегающем шельфе необходимо ввести в эксплуатацию месторождения с суммарными запасами свыше 9 млрд. т нефти и около 16 трлн. куб. м природного газа. На это нацелены поисковые работы в Западной и Восточной Сибири, в Якутии, на шельфе Каспийского, Баренцева, Карского, Охотского морей.

По всей видимости, добыча нефти в России к 2020 г. стабилизируется на уровне 2005 г. [3; 9]. Увеличение экспорта углеводородов произойдет за счет газовых поставок. Основные районы добычи газа, расположенные на севере Западной Сибири, вошли в стадию «падающей» добычи. Предполагается, что компенсировать это падение будут, прежде всего, новые месторождения Ямала, где сосредоточено свыше 70% российских запасов газа и примерно 60% газового конденсата. На территории нашей страны в настоящее время насчитывается 22 уникальных газовых месторождения, 18 из которых находятся на Ямале. В стадии разработки находятся пока только восемь месторождений. Возможные объемы добычи к 2020–2030 гг. могут составить 250 млрд. куб. м природного газа, 30–35 млн. т газового конденсата, 7 млрд. куб. м попутного газа. Газ Ямала в значительной мере идет на экспорт в Западную Европу, где на этот период прогнозируется потребление российского газа на уровне 80–90 млрд. куб. м. К категории перспективных относятся Штокмановское месторождение на шельфе Баренцева моря, шельфовые месторождения арктических и дальневосточных морей, газоконденсатные месторождения Восточной Сибири.

В процессе освоения газовых месторождений предполагается создать два новых центра добычи углеводородного сырья: 1) Надым-Тазовский, расположенный на севере Западно-Сибирской низменности, и 2) в районе Байкальского нефтенакпления в Восточной Сибири, т.н. «газовую провинцию», находящуюся на территории Иркутской области и прилегающих к ней районов Красноярского края и Эвенкии. Основу этой «газовой провинции» составляет Ковыктинское газоконденсатное месторождение — одно из крупнейших в России. Первоначально предполагалось, что это месторождение, которое кроме газа

и газового конденсата содержит еще и гелий, будет находиться в резерве, но после принятия решения о строительстве газопровода Восточная Сибирь — Тихий океан (ВСТО) оно было включено в проект «Восточной газовой программы» и теперь будет осваиваться в соответствии с этой программой.

Эти два новых центра удобно расположены по отношению как к существующим экспортным коридорам, так и к строящимся. Надым-Тазовский регион с запасами газа более 20 трлн. куб. м находится недалеко от Ямбургского газоконденсатного месторождения, обладающего развитой инфраструктурой и магистральной трубой, подающей газ в Западную Европу. Байкальское нефтенакпление с Ковыктинским, Юрубчено-Тохомским и другими месторождениями, где сконцентрировано почти 50% запасов углеводородов Восточной Сибири, примыкает к строящемуся газопроводу Восточная Сибирь — Тихий океан.

Вопрос о том, какие месторождения будут разрабатываться в ближайшем будущем и на какие рынки будут направлены поставки добытого сырья, не имеет однозначного ответа. Углеводороды с шельфов северных морей предполагается экспортировать в Западную Европу, где рост спроса на них снижается в результате диверсификации источников снабжения и в связи с политикой энергосбережения, или в США (впрочем, объемы поставок на американский рынок ещё не определены). Добыча на этих месторождениях будет отличаться очень высокой себестоимостью, что значительно снижает её конкурентоспособность по сравнению с морской добычей в других регионах (Каспийский регион, шельфовые месторождения Африки и Латинской Америки), и может нанести непоправимой ущерб уязвимой северной природе. Месторождения Восточной Сибири обладают рядом преимуществ перед северными. Во-первых, они будут иметь гарантированный рынок сбыта в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Китае. Во-вторых, оба эти центра расположены на суше, где добыча дешевле морской. Как представляется, северные месторождения, уже хорошо изученные, надо по опыту США перевести в стратегический резерв страны и вводить в эксплуатацию только в случае острой необходимости или по мере истощения более экономически выгодных месторождений.

Прирост запасов углеводородного сырья может также осуществляться за счёт дальнейшего проведения геологоразведочных работ в районах уже действующих месторождений и вдоль трасс существующего или предполагаемого транзита. Добычу можно увеличивать, повысив коэффициент извлекаемости углеводородного сырья с нынешних 30–35% до среднемирового показателя в 50%. В этом случае возрастёт роль мелких нефтяных компаний, имеющих определенный

опыт, технологии и специальное оборудование. Добыча на месторождении будет вестись как бы в два этапа. На первом этапе рентабельная добыча в больших объемах крупными вертикально интегрированными компаниями (ЛУКОЙЛ, Роснефть и др.), на втором этапе после снижения объёмов добычи к работе приступают мелкие компании, специализирующиеся на остаточной добыче.

Именно на таком сценарии развития нефтяной и газовой промышленности строится большинство прогнозов по добыче углеводородов. В качестве примера возьмём прогноз добычи нефти в 2030 г. Согласно этому прогнозу, главным нефтедобывающим районом России остаётся Западная Сибирь, на долю которой приходится свыше 60% суммарной добычи, сосредоточенной преимущественно на крупных и крупнейших месторождениях Ханты-Мансийского автономного округа. Далее следуют: Волго-Урал (12%), Восточная Сибирь, шельф Сахалина и Тимано-Печора (по 8,5%). По состоянию на 2006 г. добыча нефти в России распределялась следующим образом: Западная Сибирь — 72%; Волго-Урал — 21%; Тимано-Печора — 5%; прочие, включая Сахалин и Северный Кавказ, — 2%.

Россия имеет возможности для того, чтобы стать крупным поставщиком энергетических и коксующихся углей на мировой рынок. Отечественные запасы угля определяются почти в 200 млрд. т, из которых 70% приходится на месторождения Сибири: Кузбасс, Канско-Ачинский, Тунгусский бассейн и др. Половина угольных запасов России относится к высшей категории качества. Мировой тенденцией стала переориентация угольной отрасли с внутреннего рынка на мировой с образованием экспортных «угольных мостов», главными из которых на настоящий момент являются: США — Западная Европа, ЮАР — Западная Европа, Россия — Япония, Канада — Япония, Колумбия — Западная Европа. Это стало возможным в связи с переходом на более дешёвые энергетические угли, добываемые открытым способом. Благодаря их широкому применению доля угля в топливно-энергетическом балансе (ТЭБ) многих стран стабилизировалась.

В настоящее время отечественная угольная промышленность находится в стадии реструктуризации, подобной той, что была проведена в промышленно развитых странах Запада в 1980-е годы. География угледобычи в России имеет следующий «рисунок»: Кузбасс — 40,3%; восточносибирские бассейны — 21,6%; дальневосточные бассейны — 8,6%; Печорский бассейн — 4,9%; Донбасс (российская часть) — 2,4%; прочие — 22,2%. На экспорт идет пятая часть добываемого в стране угля, причем масштабы вывоза растут с самого начала 2000-х годов за счет снижения объёмов внутреннего потребления. Российский уголь поступает в 43 страны мира, а территориальная структура его экспорта выглядит таким образом: Европейский Союз

— 55%, Азиатско-Тихоокеанский регион — 30%, СНГ — 11%, прочие — 4%. Основной объем экспорта осуществляется морскими углевозами через российские порты (54%) и через порты Украины и Балтии (22%). Остальные поставки идут железнодорожным транспортом. Одной из главных проблем российского угольного экспорта является удаленность районов добычи от экспортных терминалов. Стоимость экспортных поставок достаточно велика из-за дальности перевозок, которая в среднем в пределах России составляет более 4 тыс. км, в то числе для кузнецких углей — 4,5 тыс. км, для нерюнгринских углей — 2,5 тыс. км.

Помимо энергетических углей большое значение для мирового хозяйства имеют поставки коксующихся углей. Традиционными лидерами в этом виде экспорта являются Австралия, Канада и США. Доля России здесь незначительна из-за больших объемов внутреннего потребления коксующегося угля (на экспорт, главным образом, поступает коксующийся уголь из Южной Якутии). Мировой спрос на коксующийся уголь в 1990-е годы резко снизился, в этой связи, а также по причинам сугубо экологическим понизилась добыча коксующегося угля и закрылся ряд коксохимических производств в Европе и США. С начала 2000-х годов ситуация радикально изменилась, на смену спада пришёл подъём. Причиной тому послужил рост потребления коксующихся углей в Азиатско-Тихоокеанском регионе, где расширяются мощности металлургических предприятий и строятся новые коксовые батареи, а также благодаря восстановлению деловой активности в аналогичных отраслях на пространстве бывшего СССР.

Сложившееся положение на рынке коксующихся углей может способствовать укреплению роли России в этом сегменте мирового рынка, ибо Россия обладает не просто большими, а уникальными запасами, сосредоточенными в основном в Якутии и Туве, географически тяготеющим к Азиатско-Тихоокеанскому региону. Эти месторождения являются наиболее перспективными для экспорта, но их интенсивная разработка задерживается из-за отсутствия необходимой инфраструктуры и намечена на следующее десятилетие.

Свой вклад в обеспечение энергетической безопасной вносит атомный комплекс России, где наметились признаки грядущего подъёма. В стране создаётся Международный центр по оказанию услуг в области ядерной промышленности, где будет продаваться обогащенное ядерное топливо и куда оно же будет возвращаться по окончании срока работы. Сырьём для производства обогащенного ядерного топлива послужит казахстанский и российский уран. Запасы урана в России, составляющие примерно 172 тыс. тонн, сосредоточены в месторождениях Читинской области, Бурятии и Зауралья. Такое размещение запасов благоприятно для взаимодействия с азиатскими стра-

нами, активно развивающими собственную атомную энергетику. Для собственных нужд и в расчете на экспорт вводятся в строй два новых уранодобывающих рудника — Далур в Курганской области и Хиагда в Бурятии.

Россия стремится к «глобализации» собственного экспорта энергоносителей за счёт его географической диверсификации и снижению доли региональных поставок. Главные перспективные направления «нового» экспорта — Северная Америка, Восточная и Юго-Восточная Азия. Особые надежды возлагаются на «азиатское» направление, где огромная численность населения и высокие темпы экономического роста формируют устойчиво растущий энергетический рынок большой ёмкости. Что касается «американского» направления, то здесь пока больше вопросов, чем ответов.

С одной стороны, российская тяжелая нефть Тимано-Печоры подобна сортам нефти, используемым на ряде НПЗ в США, с другой стороны — трудности и дальность ее транспортировки по сравнению с тяжелой латиноамериканской или легкой, более качественной африканской нефтью. Первоначально США объявили о желании покупать в России 60 млн. тонн нефти в год, потом эта цифра снизилась до 30 млн. тонн. Что же будет на самом деле — пока неизвестно. Для поставок нефти в США потребуется, помимо существующего порта Варандей, строительство нефтепровода и терминала в Мурманске — незамерзающем порту, способном принимать супертанкеры.

В условиях растущих потребностей мирового хозяйства в топливно-энергетических ресурсах формируется новый энергетический центр мирового значения, объединяющий энергетический потенциал России, Центральной Азии и Каспийского региона. Дальнейшее развитие интеграционных процессов в этой сфере может привести к созданию единого энергетического пространства Евразии.

В последнее десятилетие Африка усилила свои позиции в мировой энергетике благодаря росту экспорта углеводородов. На ее территории сосредоточено 9% нефтяных ресурсов, 8% природного газа, 6% угля, 19% урана и 13% гидроресурсов мира [7]. Ряд африканских стран входит в «десятку» крупнейших обладателей энергоресурсов — ЮАР (7 место в мире по запасам угля), Нигерия и Алжир (соответственно 7 и 8 место по газу), Ливия и Нигерия (соответственно 8 и 9 место по нефти). При этом следует учитывать, что Африка является наименее геологически изученным континентом, на большей части которого вообще никогда не производились поисковые работы. Африка является чистым экспортером энергии и ее можно рассматривать как новую энергетическую базу мирового значения в силу нескольких причин. Во-первых, в отличие от Ближнего Востока здесь сохраняется относительная политическая стабильность. Во-вторых, в Африке, в

отличие от Азии и Латинской Америки, не было крупномасштабных крахов бурно развивающихся рынков и поэтому сюда переориентируются спекулятивные капиталы, идущие, как правило, в инфраструктурные отрасли. В-третьих, близость и дешевизна доставки нефти как в Европу нефтепроводами, так и в США морем через Атлантику. В-четвертых, высокое качество нефти, не уступающее ближневосточным маркам.

В настоящее время доля Африки в европейском импорте нефти составляет 21%, в американском — 15%. Предполагается, что уже в ближайшие годы на Африку придется 25% ввозимой в США нефти. Для обеспечения ее поставок США в минувшем году создали независимое военное командование «АФРИКОМ», охватывающее весь континент. Цель этой структуры — противостоять всевозможным кризисам и обеспечивать безопасность маршрутов нефти. К 2010 г. на Африку придется по-видимому треть мирового прироста добычи нефти. Активные геолого-разведывательные работы, ведущиеся сейчас в Анголе, по мнению экспертов, могут сделать ее страной, имеющей самые крупные запасы углеводородного сырья в Южном полушарии. В перспективе Ангола может стать одним из главных нефте- и газодобывающих районов мира.

Более всего в развитии африканской энергетики заинтересованы индустриально развитые страны Запада. На африканской земле работают все крупные отраслевые ТНК (BP, Total, Agir и др.). Политика ТНК сегодня сильно отличается от проводимой ранее, основной целью которой был исключительно вывоз сырья и переработка его в странах-импортерах. Сейчас же ТНК резко изменили курс: в основе его стало партнерство между ними и правительствами африканских стран. Новые взаимоотношения транснациональных корпораций и местных властей способствует реализации национальных интересов развивающихся стран Африки.

Необходимо отметить все возрастающую роль национальных нефтяных компаний из различных стран мира, которые всё активнее конкурируют с ТНК. Так, если в конце XX в. национальным компаниям принадлежало 95 лицензий на работу в Африке, то в 2005 г. — 216. Национальные нефтяные компании проводят все более агрессивную политику для обеспечения своих стран энергоносителями. Наиболее активны в этом отношении Statoil (Норвегия), CNPC (Китай), Petronas (Малайзия) и Petrobras (Бразилия). Особо отметим роль Китая: африканскую нефть Китай будет получать не по долгосрочным контрактам, а в обмен на прямые инвестиции. В счет этого китайские компании получили доли в разработке месторождений на шельфе Гвинейского залива в зоне совместной добычи Нигерии и Сан-Томе и Принсипи, а

также заключили контракты на строительство двух ТЭС в Нигерии в счет нефтяных поставок.

Добыча нефти на континенте выросла с начала 2000-х годов на 40% и более, в ближайшее десятилетие предполагается увеличить добычу еще в 1,5 раза. Рост добычи, как уже отмечалось, обеспечивается в основном иностранными инвестициями. С начала века в нефтедобывающую промышленность Африки были вложены рекордные по объемам инвестиции. Наиболее высока доля таких вложений в нефтедобычу Экваториальной Гвинеи, Анголы, Судана и Нигерии.

Практически вся добыча углеводородов сосредоточена в Северной Африке и странах, расположенных южнее Сахары. Однако по мере увеличения объемов поисковых работ все в большем количестве стран обнаруживаются нефтеносные участки. Прогнозы на нефть в Африке очень оптимистичны, особенно в шельфовой зоне, где разработка месторождений более выгодна, чем на самом материке, поскольку в этом случае не надо создавать сложной береговой инфраструктуры. Нефть с морских месторождений может отгружаться на экспорт прямо с плавучих платформ.

Помимо нефти все большее значение приобретает экспорт природного газа, которым Африка обеспечена почти на 100 лет. По запасам газа выделяются Нигерия, Алжир, Египет и Ливия. Африканские страны стали крупными поставщиками сжиженного природного газа (СПГ) на мировой рынок. В 2006 г. они экспортировали его в количестве 50 млн. т нефтяного эквивалента, что составило почти пятую часть мировой торговли этим энергоносителем. Промышленность по сжижению газа была создана здесь при прямом участии ведущих ТНК, имеющих технологии, мощности по производству СПГ во всех регионах мира и доступ к приемным терминалам на всех основных рынках сбыта.

Африка активно входит в число основных поставщиков углеводородов на мировой рынок. Для обеспечения экспортных поставок создаются международные маршруты нефти и газа, часто вызывающие разногласия между поставщиками и «транзитными» странами. Однако несмотря на разногласия все страны континента и сопредельные страны заинтересованы в подобных проектах. В перспективе возможно создание «Средиземноморского кольца» из газораспределительных систем Туниса, Алжира, Ливии, Египта и трансарабского газопровода, в котором очень заинтересованы государства Евросоюза.

В контексте современной энергетической политики Латинская Америка рассматривается как перспективный развивающийся источник энергоресурсов всех видов, имеющий региональное и даже мировое значение. По запасам природного газа она сравнима с Центральной Азией, по запасам нефти — с Ираком или Кувейтом. На долю

Латинской Америки приходится 4% мировых запасов газа, 9% — нефти и 2% — угля. Карибский нефтегазовый бассейн с запасами более 7 млрд. т нефти, две трети которых сконцентрированы на трех гигантских нефтяных месторождениях (Боливар-Кост, Лама и Ламар) относится к числу крупнейших в мире. Новые открытия, как например, крупного нефтяного месторождения Тупи и гигантского газового месторождения Юпитер в шельфовой зоне Бразилии, способны существенно повлиять на эти показатели. Кроме этого, запасы нефти могут быть увеличены после разведки малоисследованных шельфовых зон океанов и нефтеносного поля, прослеживающегося вдоль восточного прогиба Анд и являющегося продолжением богатых нефтеносных залежей Венесуэлы.

По запасам угля в Латинской Америке лидируют Бразилия и Колумбия (соответственно 1,2% и 0,7% мировых запасов). Ресурсы угля имеют здесь локальное значение во всех странах кроме Колумбии, которая стала крупным поставщиком на мировой рынок высококачественного каменного угля с содержанием серы менее 1%. Кроме того, в Латинской Америке имеются немалые запасы урана, тория и гидроэнергии.

Энергетическое хозяйство латиноамериканских государств развивается на основе региональной интеграции. Этому способствует наличие государственных энергетических компаний. Так, Мексика предложила в 2000 г. «План Пуэбла-Панама» по дальнейшей интеграции в сфере энергетики, согласно которому предполагается создание межгосударственной нефтяной компании (вероятное название — ПетроАмерика). Президент Венесуэлы У.Чавес придает первостепенное значение такому сотрудничеству. Среди общих проектов можно отметить создание региональной нефтяной компании Петросур, южноамериканского банка для финансирования преимущественно энергетических программ в целях обеспечения независимого и устойчивого экономического развития стран Латинской Америки. Одним из главных объектов финансирования должен стать трансконтинентальный газопровод протяженностью 10 тыс. км, который свяжет все страны материка. В 2007 г. была введена в строй первая очередь этого проекта — газопровод «Антонио Рикаурте» между Венесуэлой и Колумбией.

Для мирового рынка наиболее важным энергоресурсом является нефть, для вывоза которой на континенте создана современная инфраструктура, особенно в Венесуэле и Мексике, где сформировались крупные нефтегазовые комплексы, ориентированные на экспорт. Рост добычи нефти является важным пунктом в энергетических программах латиноамериканских стран. Он обусловлен следующими причинами. Во-первых, здесь можно увеличивать добычу на

основе новых месторождений с высоким дебитом скважин без применения дорогостоящих технологий. Во-вторых, параллельно росту экспорта происходит и рост потребления нефти в самом регионе, не в последнюю очередь в силу перемещения сюда энергоемких и экологически «грязных» производств из промышленно развитых стран Запада.

В разработке энергоресурсов Латинской Америки первенство принадлежит Соединённым Штатам Америки, что связано с географической близостью и с исторической традицией. В последнее время позиции США в этом регионе ослаблены из-за антиамериканской политики руководителей ряда латиноамериканских стран. Предложения США по созданию зоны свободной торговли, куда вошли бы все страны как Северной, так и Южной Америки, не получили здесь поддержки. Значительно слабее стали связи с Европой после изменения налоговой политики в отношении нефтяных ТНК. После финансового кризиса 1998 г., оказавшего в большой мере негативное влияние на экономику стран Латинской Америки, энергетическое сотрудничество с ними сократила и Япония. Вместе с тем, все большую роль начинают играть китайские компании, проводящие здесь геолого-разведочные работы и обустривающие новые месторождения в расчете на вывоз нефти в Китай. Эксклюзивные долгосрочные контракты заключены, в частности, на разработку нефтяных месторождений Венесуэлы и Перу. Об экспансии Китая в Латинской Америке можно судить и по такому факту — частично под его контролем оказался Панамский канал, исторически входящий в зону стратегических интересов США.

Активно внедряются в энергетическое хозяйство Латинской Америки российские компании. В сфере их интересов Венесуэла, Боливия, Бразилия, Аргентина, Перу и Мексика. Сотрудничество не ограничивается нефтяной отраслью. Так, Россия построила в Мексике ГЭС Эль-Кахон с самой высокой в мире плотинной высотой 180 м. Газпром готов принять участие в строительстве упомянутого трансконтинентального газопровода, а также присоединиться к проекту по созданию так называемой «газовой дуги» вдоль Мексики, Колумбии, Перу и Чили. Сотрудничество с Россией происходит как на двусторонней, так и на многосторонней основе — во взаимодействии с различными региональными организациями.

Расширяет свое сотрудничество со странами Латинской Америки в энергетической сфере Иран, заключивший двусторонние соглашения с большинством стран региона. В частности, совместно с Венесуэлой учрежден Банк экономического развития с активами в 2 млрд. долл.

Участие азиатских стран, а также России в разработке энергоресурсов Латинской Америки, процессы региональной интеграции, растущий антиамериканизм — всё это может заметно изменить маршруты вывоза углеводородов. Во-первых, увеличивается экспорт в страны Восточной и Южной Азии, которые остро нуждаются в поставках топливно-энергетических ресурсов. Во-вторых, набирает обороты торговля между странами Южного полушария на основе региональных соглашений. В-третьих, сказываются новые тенденции в политике руководства ряда латиноамериканских государств, которые угрожают резко сократить зависимость от экспорта в США. Пока это кажется маловероятным, поскольку поставки на крупнейший в мире американский рынок являются одной из главных доходных статей их бюджетов. Доля Латинской Америки, включая Мексику, в импорте нефти США составляет 33% (для сравнения: доля Ближнего Востока — 21%). На экспорт поступает 64% добычи нефти в Венесуэле, 60% — в Эквадоре, 55% — в Мексике, свыше 30% — в Колумбии, Перу и Аргентине. В-четвертых, заключено соглашение России с Венесуэлой о поставках венесуэльской нефти на Кубу по российско-кубинским контрактам и российской нефти в Западную Европу по венесуэльской-европейским контрактам (так называемый «нефтяной треугольник»), что неизбежно повлечёт за собой снижение интенсивности межрегиональных поставок за счёт увеличения роли внутрирегионального экспорта.

Рассмотренные региональные центры энергоснабжения могут внести значительный вклад в обеспечение безопасного энергетического будущего на ближайшие 20–30 лет при координации международных усилий и с учетом все более интегрированного характера мирового энергетического рынка. По прогнозам, нефть останется в этот период ведущим энергоресурсом, а такие страны, как Саудовская Аравия, Иран, Венесуэла и, возможно, Ирак сохранят своё место в списке её главных экспортёров.

Россия занимает особое положение в системе мирового энергетического хозяйства. Во-первых, она — в числе ведущих экспортёров; во-вторых, сама является страной, через территорию которой осуществляется транзит энергоресурсов; в-третьих, российский экспорт энергоносителей в значительной степени идёт транзитом через другие страны, отношения с которыми не урегулированы, что затрудняет выполнение экспортных контрактов. Кроме того, новые районы добычи углеводородов находятся в менее выгодных (по сравнению с другими странами-экспортёрами) условиях, как природных — климатических и горно-геологических, — так и технических — значительная удаленность от терминалов, изношенность трубопроводной системы и т.п. Поэтому рентабельность инвестиций в топ-

ливо-энергетический комплекс стран-членов ОПЕК, Азербайджана, латиноамериканских государств зачастую выше, чем в российский ТЭК.

Восстановление нефтяной промышленности Ирака, имеющего разветвленную сеть нефтепроводов, обеспечивающих отгрузки сырья в США, Западную Европу, Азиатско-Тихоокеанский регион и ЮАР также способно ухудшить положение российской нефти на мировом рынке. С другой стороны, роль России в качестве энергетической сверхдержавы может ещё более возрасти по мере истощения запасов более дешёвых энергоресурсов, поскольку «никакой вид энергии не обходится так дорого, как её недостаток» [5].

В настоящее время рост потребления энергии в мире отстаёт от роста ВВП, что свидетельствует о снижении энергоемкости экономического развития. Если до 1970-х годов каждый процент роста ВВП требовал примерно такого же прироста потребления и производства энергии, то в XXI веке на 1% роста ВВП приходится 0,5% роста энергопотребления. В будущем следует ожидать дальнейшего снижения этого показателя до 0,25–0,3%.

В заключение отметим, что стремление стран-производителей и стран-потребителей к диверсификации поставок, привело к образованию крупных региональных энергетических рынков — Северо-Американского, Южно-Американского, Евразийского, Ближневосточного, Азиатско-Тихоокеанского и Африканского, имеющих все возможности для сращивания и образования единого глобального энергетического пространства. По оценкам, для устойчивого развития мировой энергетики потребность в капитальных вложениях в период 2000–2030 гг. составит 16–20 трлн. долл, из которых 60% придётся на долю электроэнергетики, на добычу нефти и природного газа — по 19%, на угледобывающую промышленность — 2%. Остальные средства будут направлены на внедрение природоохранных технологий и новых источников энергии.

В число основных задач развития мирового топливно-энергетического комплекса входят: 1) более тщательная диагностика при проведении геологоразведочных работ и максимально точное определение запасов каждого месторождения, а также повышение коэффициента извлекаемости при эксплуатации нефтяных и газовых месторождений; 2) оптимизация путей транзита и распределительных сетей во всех отраслях энергетики; 3) снижение удельных энергозатрат при внедрении новых технологий как в самой энергетической отрасли, так и во всех секторах экономики.

Эти меры будут способствовать усилению сбалансированности в связке «производство — потребление» и повышению энергетической безопасности. В XXI столетии начинается новый этап реализации

знаний, накопленного опыта, современных технологий, иных отношений человека с природой, когда инженерные проекты, не обеспечивающие промышленную, социальную и экологическую надежность и безопасность, не будут иметь право на реализацию. В этих условиях создание новых энергетических баз будет зависеть как от производственно-технических решений, так и от готовности мирового сообщества осуществлять их финансирование.

ЛИТЕРАТУРА

1. АзияИнформ. 24 ноября 2006 г.
2. Арбатов А. Энергетическая безопасность — через взаимозависимость // Вестник Европы. — 2007. — № 19–20.
3. Нефть России. 2005. — № 4.
4. Регионы Казахстана 2002. Статистический сборник. — Алматы: Агентство Республики Казахстан по статистике. 2002. — 432 с.
5. Энергетика Казахстана и пути ее интеграции в мировую экономику. — Алматы, — 1996. — 532 с.
6. Assumption to the Annual Energy Outlook 2006. With Projections to 2030. Wash.: 2007. — 169 p.
7. BP Statistical Review of World Energy 2006.
8. Cooperation of Electricity Trade between CARs and South Asia. Bishkek: 2007. — 54 p.
9. International Energy Outlook 2007. — Wash.: 2007. — 230 p.
10. World Energy Outlook 2007. China and India insights. IEA: 2007.
11. *www. dw-world.de*

СДВИГИ В ГЕОГРАФИИ МИРОВОГО СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА¹

Л.А. Аксёнова

В конце XX — начале XXI вв. территориальные системы сельскохозяйственного производства складываются и функционируют под влиянием колоссальных структурных сдвигов в экономических и социальных условиях развития аграрного сектора, среди которых основными можно считать следующие явления и процессы: 1) научно-технический прогресс и «индустриализацию» сельскохозяйственного производства; 2) рост капиталоемкости, энергоемкости и наукоёмкости сельского хозяйства, а также его зависимости от других секторов экономики; 3) формирование агропромышленных комплексов — АПК; 4) ускоренное развитие географической концентрации и специализации производства по странам и регионам; 5) аграрная политика государства и транснациональных корпораций; 6) растущая роль международного разделения труда и мировой торговли всеми видами аграрной продукции; 7) усиление роли финансового фактора и «секьюризация» основных аграрных товарных рынков; 8) ужесточение требований к «экологичности» и безопасности продовольственных товаров в развитых странах; 9) изменения в структуре потребления и производства продуктов питания; 10) глобальный процесс урбанизации; 11) социально-экономические изменения в деревне.

Все эти процессы развиваются в условиях растущего доминирования мирового рынка с одновременным «рассасыванием» местных, локальных рынков и уменьшением значения пригородного хозяйства. Поэтому территориально-производственная структура аграрного сектора ныне особенно зависит от степени вовлечения сельского хозяйства страны и её регионов в международное географическое разделение труда. Вместе с тем не только сохраняется, но и усложняется зависимость сельского хозяйства от природных условий. Это связано, в частности, с усилением региональной специализации и концентрации производства, которые предполагают «отбор» зон и районов, имеющих лучшие не только экономические, но и природные условия для данного производства. То же самое можно сказать и о таких

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 07-06-00398).

факторах, как экономико-географическое положение и особенно обеспеченность производственной инфраструктурой.

Наблюдается снижение роли одних факторов размещения агропроизводства, на место которых выдвигаются другие, создавая предпосылки для изменений в социально-производственной структуре и территориальном «рисунке» отрасли. Одна из важнейших причин сдвигов в географии сельского хозяйства, связанных с научно-технической революцией (НТР), это изменение относительного значения двух факторов локализации отрасли — расстояния от рынка сбыта и агроклиматических условий.

Особенно это заметно на примере зон пригородного сельского хозяйства. В прошлом классическая концентрическая модель И. Г. Тюнена схематично, но весьма верно отражала закономерную смену агропроизводства по мере удаления от рыночного центра, а именно — замену его интенсивных форм менее интенсивными с переходом от производства скоропортящихся продуктов к производству продукции, которая лучше выдерживает перевозки на сравнительно большие расстояния. Одним из основных результатов действия близости рынка было образование зон пригородного сельского хозяйства, специализированного на производстве яиц, птицы, свежего молока, овощей, картофеля, фруктов, ягод. Однако современное пригородное хозяйство в промышленно развитых странах перестает подчиняться правилам модели Тюнена.

Связано это с тем, что НТР внесла колоссальные изменения в сферу транспорта. Огромную роль приобрели автоперевозки, появились мощные рефрижераторы, создана густая дорожная сеть. В перевозках ценных и скоропортящихся грузов стала принимать участие авиация. Совершенствование способов транспортировки, хранения, переработки и доставки продовольствия потребителю позволило шире использовать преимущества территориального разделения труда и существенным образом снизить роль фактора близости к рынку.

Важно отметить также и другое обстоятельство. Урбанизация привела к образованию мощных городских агломераций, сливающихся в еще более крупные системы — урбанизированные ареалы и мегаполисы. Возникновение огромных по численности населения и площади агломераций привело к определенному изменению характера их влияния на отраслевую структуру аграрного производства ближайшего «хinterланда». За его счет уже не удастся обеспечить снабжение населения данной системы продуктами пригородного хозяйства и постепенно «хinterландом» становится вся страна. Таким образом, «точечный» рынок заменяется рынком «площадным».

Превращение системы урбанизированных территорий в единый национальный городской рынок ведет к размытию зон пригородного

хозяйства. Его отрасли начинают сосредотачиваться в тех частях страны, которые обладают наилучшими предпосылками для их развития, причем, главное значение в этом процессе приобретают природные факторы.

Разумеется, процесс создания специализированных районов, где концентрируются типично «пригородные» отрасли происходит, так сказать, на «макроуровне». Это не исключает того, что вблизи агломераций продолжают функционировать сельскохозяйственные предприятия с традиционной пригородной направленностью. Это могут быть как фермы с неполной занятостью владельцев, снабжающие горожан в небольшом количестве свежими ягодами или овощами, так и мощные индустриальные «фабрики» молока или яиц, парниковые хозяйства и некоторые другие, которые можно встретить и в пределах самих урбанизированных зон.

Более того, поскольку производство конкретных видов продукции четко локализовано в определенных ареалах, то каждая агломерация или группа агломераций образует отдельную зону тяготения для различных районов пригородной специализации сельского хозяйства (рынки первого порядка). Например, в США овощи с Атлантического побережья имеют мало шансов проникнуть на рынок тихоокеанских городов.

Примером территорий со снижающейся сельскохозяйственной активностью могут служить пригородные зоны крупных городов Северо-Востока США, где в радиусе до 80 км от них наблюдается упадок молочного хозяйства, свиноводства, птицеводства и даже овощеводства в связи с переносом части этих производств в специализированные районы с наиболее благоприятными для этого условиями и с последующим завозом продукции в города. Особенно это касается производства свежего питьевого молока, которое в рефрижераторах перевозят теперь на расстояние до 1500 км, в то время как во флягах перевозки составляют не более 150 км.

В результате в метрополитенских районах США земли, находящиеся в залежи, превышают по площади земли, используемые для городских целей. Такая закономерность характерна в целом для Северной Америки. В Западной Европе это явление встречается реже, хотя, например, вокруг крупных городов ФРГ также встречаются земли, выведенные из агропроизводства и никак не эксплуатируемые. Снижение интенсивности использования пригородных земель отмечено также в районе Лондона.

В России пригородные хозяйства зачастую существовали в неблагоприятных агроклиматических условиях, что приводило к их низкой продуктивности. Потребности городского населения в мало транспортабельной продукции пытались обеспечить за счет расши-

рения зон пригородного хозяйства, а не путём создания специализированных районов в наиболее благоприятных для этого условиях. Поэтому падение интенсивности использования земель по мере удаления от города в России не связано с высокими транспортными издержками (как в модели Тюнена), а вызвано худшей трудо- и фондообеспеченностью периферийных районов. Сегодня в условиях переходной экономики вокруг крупных российских городов наблюдается рост площади заброшенных земель, выведенных из сельского хозяйства.

Вместе с тем пригородное хозяйство в промышленно развитых странах остается высоко эффективным. В условиях ограниченности земельного фонда и трудовых ресурсов здесь внедряют интенсивные технологии и добиваются высокой продуктивности отраслей. В пригородной зоне размещаются предприятия аграрно-промышленного комплекса (АПК), теплицы, питомники, опытные станции и т.п. Зачастую пригородное хозяйство становится пионером по внедрению новейших достижений науки и индустриализации всего агропроизводства, так как оно в большей степени, чем другие отрасли вынуждено конкурировать с промышленностью и другими отраслями экономики в использовании земли, рабочей силы и капитала. Дефицит трудовых ресурсов и их высокая стоимость заставляют пригородные хозяйства переключаться на те отрасли, которые легче поддаются механизации и оказываются поэтому менее трудоемкими. Таким образом, происходит ориентация прежде всего на развитие капиталоемких производств, в частности, промышленного птицеводства.

Если роль такого фактора, как расстояние от рынка сбыта снижается, то роль природных факторов (в первую очередь, климата, рельефа, состава почв, их реакции на удобрения и т.п.) возрастает в связи с тем, что сельское хозяйство развитых стран становится все более капиталоемким, и развитие его происходит в условиях острой конкуренции. Снижение производственных издержек становится вопросом выживания для фермера. Отсюда проистекает тенденция к перемещению отдельных отраслей в те районы, природные условия которых обеспечивают данной отрасли максимальные преимущества перед другими отраслями, давая высокую прибыль.

Анализируя вопрос мобильности отдельных сельскохозяйственных отраслей, мы встречаемся с двумя главными видами перемещений — с сокращением ареалов распространения и расширением этих ареалов. Существует еще один тип перемещений, связанный с формированием новых и исчезновением старых ареалов, но он встречается достаточно редко. Сокращение ареалов распространения, как правило, связано с тенденцией локализовать данное производство на лучших землях, где оно наиболее выгодно в сравнении с другими про-

изводствами. Расширение ареалов связано обычно с созданием каких-то новых условий размещения.

Первый тип мобильности характерен, например, для посевов кукурузы, пшеницы, для производства яиц и бройлеров. В США, например, за последние десятилетия доля «кукурузного пояса» в производстве этой культуры возросла с 79% до 87%, тогда как в штатах Юго-Востока ее посева быстро исчезают. Такую же тенденцию обнаруживают и посева пшеницы. Доля «пшеничного пояса» в ее производстве выросла с 56% до 63%. Продолжается концентрация садоводства и огородничества в штатах Юго-Запада и Юго-Востока США.

Примером высокого уровня региональной специализации является картофелеводство в США. До середины 1950-х годов картофель в США выращивался по всей стране, а главные сборы были на Востоке. За 30 последующих лет ядро переместилось на Северо-Запад. Ныне 60% всего урожая выращивают в штатах Айдахо, Вашингтон, Орегон и Колорадо благодаря лучшим агроклиматическим условиям, политике государства и стремительному внедрению интенсивных технологий переработки картофеля. Вместе с тем в конце XX в. началось формирование второго специализированного центра картофелеводства — в северо-центральных штатах, и сегодня Висконсин, Миннесота, Мичиган и Северная Дакота, дают 20% урожая картофеля, собираемого в стране. При этом имеет место выраженная производственная специализация на выращивании картофеля определенного назначения — либо семенного, либо продовольственного столового для потребления в свежем виде, либо для промышленной переработки.

Заметные изменения претерпело также бройлерное производство США. До войны разведение мясной птицы, как и выпуск яиц не были территориально локализованы. Птицеводство широко распространялось по всей стране, но наибольшая концентрация его наблюдалась в «кукурузном поясе», близ больших городов Северо-Востока. Однако уже в конце 1960-х годов, по мере развития современного крупномасштабного кормопроизводства, началась очевидная концентрация предприятий бройлерной промышленности на главных направлениях грузопотока зерна в стране: вблизи перевалочных баз, крупных зернохранилищ, речных и морских портов. Наконец, в 1970-х годах под влиянием топливно-энергетического кризиса обозначилось массовое строительство и перемещение бройлерных хозяйств в южные штаты с целью экономии энергии, необходимой для создания микроклимата и упрощения конструкций самих птичников. К концу XX в. бройлерное производство США оказалось на 80% сконцентрировано на Юге страны, где его размещение почти не связано ни с кормовой базой, ни с наличием близких потребителей, так как его продук-

ция расходится по всей стране. Таким образом, наибольшее значение для локализации этой отрасли имели теплый климат и дешевизна рабочей силы, вызванная крахом хлопкового хозяйства юга.

Наблюдается тенденция к сокращению ареалов по производству яиц. В США ныне можно выделить три основных района размещения этой отрасли: пригородные зоны (Калифорния и Северо-Восток), «курузный пояс» и Юго-Восток США. В первом случае фактором локализации является близость рынков сбыта, во втором, — близость кормовой базы, в третьем, — те же факторы, что и в размещении бройлерного производства: климатические преимущества и дешевизна рабочих рук.

Аналогичный пример размещения птицеводства представлен во французской Бретани, где стимулом для развития отрасли явились дешевизна и избыток рабочей силы (в отличие от других депрессивных районов Франции, в Бретани молодые люди, будучи католиками, не покидали родных сел) и мягкий морской климат. Импорт кормов (кукурузы, соевого шрота, тапиоки и др.), расширение мощностей по их приему и переработке были налажены в портах Бретани несколько позже.

Близость кормовой базы стала главным фактором расширения ареалов концентрации свиноводства и птицеводства в Западной Европе. Новые современные агрофабрики предпочитают создавать в портовых зонах, куда поступают импортные корма и здесь же в портах они перерабатываются в концентрированные комбикорма. То же самое можно сказать о птицеводстве Японии, основанном на импортных кормах. Японская яичная и бройлерная отрасли локализуются в регионах, примыкающих к побережью.

Особо следует остановиться на размещении предприятий перерабатывающей промышленности АПК, что может представлять определенный интерес для размещения подобных предприятий в России. В структуре перерабатывающей промышленности развитых стран выделяется два типа предприятий такого рода: 1) по первичной переработке и доработке агропродукции (сортировка фруктов, яиц, убой скота, сбор и первичная переработка молока и др.) и 2) по производству продуктов питания глубокой переработки, в том числе технологически сложных пищевых продуктов.

Первый тип предприятий тесно связан с сельским хозяйством, а в Западной Европе с кооперативами. Они размещены в сельскохозяйственных районах или на самих агрофабриках. Предприятия второго типа принадлежат, как правило, крупным ТНК, производящим широкий ассортимент пищевых продуктов, или мелким и средним фирмам, специализирующимся на выпуске одного или нескольких видов однородной продукции. Все они широко применяют частично

переработанное сырье, используют высококвалифицированную рабочую силу и высокопроизводительное автоматизированное оборудование. Поэтому в последние годы наблюдается удаление такого рода предприятий от районов производства сельскохозяйственного сырья и их приближение к местам потребления продовольствия и источникам рабочей силы высокой квалификации. Однако этого нельзя сказать о картофелеперерабатывающей промышленности США, которая базируется вблизи ферм, где картофель и хранится. Таким образом упрощается перевозка, снижаются расходы на транспортировку и хранение, потери картофеля, а отходы полностью утилизируются. Характерной особенностью производства мяса в США стало развитие в районах размещения откормочных хозяйств специализированных предприятий по промышленной переработке туш крупного рогатого скота с переходом на более глубокую сортировку и переработку мяса.

Концентрация производства и капитала в сельском хозяйстве — исторический процесс, долгое время развивавшийся в рамках национальной экономики, приобрёл «второе дыхание» в эпоху глобализации, когда особые конкурентные преимущества принадлежат крупным и крупнейшим производителям. Так, в США по сравнению с 1900 г. количество ферм сократилось на 63%, а средний размер фермерских хозяйств увеличился на 67% [3]. Крупные фермы составляют сегодня основу сельского хозяйства США. Сейчас их 157 тысяч, или чуть более 8% от общего числа фермерских хозяйств, при этом они производят продукции на 144 млрд. долл. в год, что составляет 73% общего объема, а их чистая прибыль достигает 34 млрд. долл., т.е. 78% чистой прибыли всех фермерских хозяйств. Они производят 54% зерна, 66% — молочных продуктов, 82% — хлопка, фруктов и орехов, 90% — овощей и бахчевых культур, 95% — мяса птицы. На крупных фермах занято 83% наемной рабочей силы. В то время как численно преобладающие мелкие фермы (50% общего числа хозяйств) производят только 1,5% продукции и занимают 14% земельных угодий [11].

Сегодня средний размер американской фермы составляет 200 га, а крупных растениеводческих хозяйств (в основном зерновых, свекловичных, хлопковых) — несколько тысяч гектаров. Это гигантские хозяйства-фабрики, где благодаря высокой механизации работает всего по 15–20 человек. Крупные индустриальные фермы, концентрируясь в районах соответствующей специализации, зачастую являются той пружиной, со спуском которой начинается трансформация структуры сельскохозяйственного района. Крупное производство в США особенно быстро набирало силу в районах «нового хозяйственного освоения» (например, в «новом» откормочном районе Великих равнин, в птицеводческом районе Юго-Востока, в ареалах искусственного орошения). При этом оно сумело приспособиться к специ-

фическим условиям «старых» районов. Примером тому могут служить парцеллярные «неоплантиции» в табачном поясе Юга. Табак относится к числу культур, посевные площади под которым строго ограничиваются государством. За каждой фермой табачного пояса закреплена определенная квота посевов. Поэтому для расширения производства крупные фермы прибегают к аренде земли, но арендуют не всю ферму соседа, а лишь площадь того участка, на котором разрешены посевы табака. Так возникает крупная табачная плантация, состоящая из центральной усадьбы (фермы владельца) и десятка отдельных мелких полей вокруг нее.

Усиливается специализации агропроизводства на всех уровнях, как в масштабах фермерских хозяйств, так и в аграрных районах, и в сельском хозяйстве отдельно взятых стран. При этом происходит не только территориальная концентрация определенных отраслей сельскохозяйственного производства, но и внутриотраслевая и постадийная специализация, особенно большое развитие получившая в США. Характерен пример формирования масштабного международного прокластера «кукурузный пояс» США. В рамках Североамериканской зоны свободной торговли НАФТА канадские свиноводы специализируются на выращивании и поставке молодняка в США для окончательного откорма на американской сое и кукурузе и его забое.

Региональная специализация учитывает лучшие агроклиматические условия для производства определенных продуктов. В США, например, исторически сложились пояса, названные по производимому продукту — «кукурузный», «пшеничный», «хлопковый», «молочный» и т.п. Как, правило, свыше 50% производства одного продукта сосредоточено в 3–4 штатах. К примеру, осенний картофель выращивают в основном в горных районах штатов Айдахо, Мэн и Вашингтон, где хорошая природная аэрация снижает угрозу грибковых заболеваний. В штатах Флорида и Калифорния выращивают ранний картофель, которым круглый год снабжают всю страну. Свыше половины яблок собирают три штата — Вашингтон, Нью-Йорк и Мичиган; 70% персиков и клубники, 90% слив, 97% абрикосов — штат Калифорния с его субтропическим климатом [4].

Сами американские фермы крайне специализированы. В 1900 г. фермер в среднем возделывал 5 культур, в 2000 г. — практически одну культуру. Особенно ярко выраженной специализацией отличаются животноводческие фермы, которые например в 2000 г. продали продукции почти на 94 млрд. долл., что составляет 96% всей животноводческой продукции страны. До 90% поголовья крупного рогатого скота сосредоточено на 5% специализированных фермах. Таким же образом откармливается около половины свиней, 62% крупного рогатого скота, 78% бройлеров [11].

Оптимальное размещение производства обеспечивает круглогодичное снабжение населения свежими овощами и фруктами: с января по май всю страну снабжает морковью штат Техас, а с июня по декабрь — штат Калифорния, снабжение огурцами осуществляется из Флориды, сладким перцем из Филадельфии и Нью-Мехико. Здесь же в районах производства размещены и перерабатывающие предприятия. Например, в Калифорнии, где выращивается 90% помидор, находятся все заводы по их переработке в соки, соусы, кетчупы, пюре, консервы, супы и т.п. В штате Айдахо сконцентрировано $\frac{3}{4}$ заводов по производству замороженного и сухого картофеля, чипсов, супов и т.п. Подобный оптимальный вариант размещения производящих и перерабатывающих предприятий дает экономию на транспортных издержках и энергозатратах, позволяет минимизировать потери при перевозке продуктов.

В США, Канаде, Франции, России и Австралии сформировались главные мировые житницы — специализированные районы пшеничного хозяйства. Одна из крупнейших современных житниц — Центральные районы США, смыкающиеся на севере со степными провинциями Канады. Это бескрайние просторы полей, распаханые еще в начале XX века в период «пшеничной лихорадки». Канадский город Виннипег, где ведётся международная торговля пшеницей, называют «пшеничной столицей» Канады и всего мира.

В то же время, если раньше выбор направления специализации определялся только оптимальными природными условиями, особенностями исторического развития и национальными традициями, то ныне, поскольку специализация связана с товарностью, она зависит в первую очередь от спроса на данную продукцию на рынке, а в некоторых случаях еще и от размеров государственных субсидий, а уж затем — от природных условий и всего комплекса исторических и экономических факторов, включая традиции питания, обеспеченность рабочей силой и транспортом, экономико-географическое положение и др.

В развивающемся мире специализация стран и регионов в еще большей степени определяется коммерческими соображениями. Потребность развитых стран в тропической и субтропической продукции закрепляет зависимость развивающихся государств от поставок этих товаров на мировой рынок и импорта продовольствия. Поэтому доминирующее влияние на географию сельского хозяйства развивающихся стран будут и впредь оказывать рынки промышленно развитых стран, отличающиеся высокой покупательной способностью.

Ярким примером углубления аграрной специализации являются районы и страны Евросоюза, где этому способствует, в частности, единая аграрная политика ЕС и целая система государственных мер

регулирования производства отдельных видов сельскохозяйственной продукции в определенных регионах. Например, фермеры получают кредиты и субсидии при выращивании в данной местности жестко фиксированного набора продуктов, или напротив, премии в случае отказа их производить. Усиление производственной специализации стран и районов в рамках Евросоюза происходит прежде всего в области зернового хозяйства, свиноводства, птицеводстве, и в меньшей степени — в сфере молочного и мясного животноводства. Так, уже к началу 1980-х годов более половины районов ЕС специализировалось на одном виде продукции, дававшем 30-50% их общего объема производства.

В отраслях животноводства тенденция к специализации сильнее, чем в растениеводстве, чему способствует внедрение в животноводство промышленных методов вплоть до создания специальных комплексов индустриального типа или методов постадийной специализации хозяйств: на воспроизводстве молодняка, на его выращивании или откорме и т.п. Специализация в земледелии так далеко не заходит. Монокультурные фермы в нем — все же редкость. К тому же узкая специализация ведет к снижению экономической устойчивости, делая хозяйства или даже целые районы уязвимыми для стихийных бедствий и вредителей.

В результате современная картина аграрной специализации ЕС выглядит следующим образом. В целом доминирует животноводство, хотя соотношение между животноводством и растениеводством в отдельных странах различно. Высокая доля животноводческой продукции характерна для Германии и Великобритании, а также для малых стран — Дании, Бельгии, Нидерландов, Ирландии. Во Франции и Италии преобладает производство зерна, винограда, овощей и фруктов. При этом в Германии, Бельгии, Нидерландах и Дании основу животноводческой специализации составляют свиноводство и молочное хозяйство, в Великобритании — разведение свиней и птицы, во Франции и Ирландии — откорм крупного рогатого скота и молочное хозяйство².

Примером влияния единой аграрной политики ЕС на формирование производственной специализации является зерновое и молоч-

² Так, основные поставщики молока в ЕС — Франция, Германия, Великобритания (2/3 производства ЕС), говядины — Франция, Германия, Великобритания (более 50%), свинины — Германия, Испания, Франция (более 50%), свежих фруктов — Италия и Испания (2/3), свежих овощей — Италия, Испания, Франция, Нидерланды (70%), вина — Франция (50%) и Италия (25%), пшеницы — Франция и Германия (более 50%), птицы — Франция, Италия, Испания (свыше 50%), ячменя — Германия, Франция, Испания (2/3) и кукурузы — Франция, Италия, Испания, Германия (около 90%) [10].

ное хозяйство. Так, введение единых цен на зерно привело к повышению рентабельности зернового хозяйства во Франции, где посевы зерновых были расширены, в то время как в целом по ЕС наблюдалось сокращение посевных площадей. Франция заметно увеличила площади, занятые под пшеницей, в ведущем «пшеничном» районе страны, который охватывает большую часть Северо-Французской низменности, Нижнюю Нормандию и прилегающие районы. Расширились посевы фуражных культур — ячменя и кукурузы. Появилась новая для Франции культура — рис, который возделывается на осушенных землях в дельте Роны. Вместе с тем, немецкие и итальянские фермеры были вынуждены сократить посевные площади и сборы зерна из-за требований ЕС, а также худших, чем во Франции агроклиматических условий.

Еще один пример. Установление единых цен на молоко ухудшило положение в молочном хозяйстве Германии, в силу чего крупные французские и голландские молочные концерны получили облегченный доступ на емкий рынок ФРГ, особенно в приграничных плотно заселенных районах Северного Рейна-Вестфалии и Баден-Вюртемберга, где поголовье молочных коров пришлось сократить.

Вступление в Евросоюз привело к усилению специализации сельского хозяйства Великобритании на наиболее интенсивных отраслях животноводства, не требующих больших площадей — свиноводстве и птицеводстве. Главным районом их концентрации стал Юго-Восток страны, так как именно здесь располагаются наиболее крупные фермы, способные инвестировать значительные капиталы в постройку ферм и закупку кормов. В свою очередь развитие животноводства потребовало расширения посевов ячменя почти во всех районах Великобритании.

Для сельского хозяйства Нидерландов и Дании характерна четкая специализация на производстве и экспорте мясомолочной продукции. Так, в Нидерландах доля экспорта мяса в общем объеме производства достигает половины. Дания входит в число крупнейших в мире экспортеров таких высококачественных продуктов, как бекон, сливочное масло и сыр. Для Нидерландов общий аграрный рынок расширил возможности сбыта мясомолочной продукции и овощей в Германии и Бельгии.

В целом укрепились позиции традиционно крестьянских регионов с преобладанием крупных высокотоварных специализированных хозяйств (как например, бывшая «крестьянская» Бавария или фермерство Северо-Запада Франции) с развитым территориально-производственным комплексом. Вместе с тем практически в каждой стране есть районы, где агропроизводство не обеспечивает необходимых доходов и сельские жители частично заняты несельскохозяй-

ственной деятельностью. Диспропорции между высокопроизводительными и отсталыми аграрными районами углубились. Наблюдается деградация целых сельскохозяйственных районов. Появились залежные, выведенные из аграрной деятельности и никак не используемые земли.

Пример специализации сельского хозяйства, опирающейся на природные условия, дает Бразилия. На основе ускоренного развития кукурузного и соевого секторов АПК за последние 15 лет страна сделала мощный рывок в производстве мяса и стала ведущим его экспортером на мировом рынке, а в 2005 г. также крупнейшим в мире экспортером мяса птицы (3 млн. т.), опередив США (2,7 млн. т.) [5]. Ожидается, что в ближайшие годы страна, в начале 1990-х экспортировавшая всего 2–3 млн. т. сои и соевого шрота в год, выйдет по вывозу этих продуктов на первое место (25–30 млн. т.) [7]. Одна из черт «бразильского чуда» — отказ от политики продовольственного самообеспечения (Бразилия продолжает оставаться крупнейшим в мире импортёром пшеницы) и более широкое участие в международном географическом разделении труда.

Одной из характерных особенностей современной географии сельского хозяйства является активно развивающийся процесс образования аграрных кластеров. На фоне прогрессирующей глобализации в мировом агробизнесе усиливается значение своеобразных сгустков региональной деловой активности, среди которых выделяются несколько традиционных и ряд новых агропродовольственных регионов мировой значимости, таких как «кукурузный пояс» США, молочное хозяйство Новой Зеландии, диверсифицированное сельское хозяйство Евросоюза, бразильские мясной и тростниковый, южно-российский зерно-масличный регионы и др.

Каждому из них присущи черты, характерные для кластеров — локализация цепочек добавления стоимости, формирование ядра кластера, особые отношения конкуренции и взаимодействия среди «игроков». Вместе с тем, при формировании аграрных кластеров имеется своя специфика: максимальный учет природно-географических факторов, специализация на наиболее конкурентоспособных отраслях, преимущественно экспортная направленность производства, развитие внутрирегиональной научно-технологической кооперации, активное привлечение ТНК, их «прорастание» из региона. Различия заключаются в основном в уровне и характере государственного регулирования. Ряд кластеров, ориентированных на нужды наиболее важных и конкурентоспособных отраслей и районов сельскохозяйственного производства, развивается при весомой поддержке государства (как например, региональные аграрные кластеры США, ЕС, Канады). В других регионах успешное развитие кластеров происходит в

основном за счет частных капиталов при достаточно скромной поддержке государства (бразильский мясной и сахаро-тростниковый кластеры, новозеландский молочный, южно-российский зерно-масличный аграрные кластеры).³

Земля — важнейший фактор аграрного производства. Однако сельскохозяйственных земель на нашей планете мало. По данным ФАО, 78% земной поверхности имеет серьезные природные ограничения для развития земледелия, 13% отличается низкой продуктивностью, 6% — средней и только 3% имеет высокую продуктивность. Из общей территории суши в 13,43 млрд. га, в сельскохозяйственном обороте сейчас находится около 5 млрд. га, в том числе пахотные земли и постоянные посадки (сады, виноградники и др.) занимают 1,5 млрд. га (при этом на долю развитых стран приходится всего 27%). Пастбищное скотоводство использует около 3,5 млрд. га [10]. XX век принес человечеству уничтожение более 1/4 обрабатываемых земель и 2/3 лесов. Уже к середине XX века все основные земельные ресурсы планеты были вовлечены в хозяйственный оборот. В дальнейшем прирост сельскохозяйственных земель замедлился и шел в основном за счет расширения орошаемых земель или вовлечения в оборот менее ценных земель — на склонах гор, в тропических лесах и т.п.

Площади, занимаемые различными видами агропроизводства, за последнее время мало изменились. Это говорит о том, что в мире практически достигнут предел освоения земель, пригодных для сельского хозяйства. Сегодня на Азию приходится 36% пахотных земель, на Европу — 21%, на Северную и Центральную Америку — 19%, на Южную Америку — 9%, на Африку — 7%, на Океанию — 4%⁴ [10]. В то же время в Азии проживает более половины населения мира, а в Европе, Северной и Центральной Америке — лишь около 15%, что говорит о неравномерном распределении пахотных земель по отношению к населению. Таким же образом производство основных видов аграрной продукции размещено крайне неравномерно. Так, например, всего пять стран обеспечивают 90% мирового производства сои, 86% — свинины, 76% — кукурузы, 70% — сливочного масла [10].

Резкие диспропорции в размещении основных производящих и потребляющих регионов определяют необходимость вовлечения составных частей АПК в систему международного бизнеса. Имеет место, во-первых, существенный рост международной торговли сельскохозяйственной продукцией, а, во-вторых, заметная концентрация

³ На юге России формируется новый конкурентоспособный «зерно-масличный» кластер мирового уровня и значения (на основе производства и торговли пшеницей, ячменем и подсолнечником).

⁴ Площадь пашни в России — около 105 млн. га, или 7% мировых, однако страна сосредотачивает 40% чернозема мира.

экспортной активности и специализация стран–поставщиков на узкой группе товаров. В целом за последние 15 лет рост мировой внешней торговли сельскохозяйственной продукцией опережал рост её производства, а по главным товарным группам усилились позиции наиболее эффективных регионов. Включение в глобальную продуктовую цепочку порождает мощные синергетические эффекты по линии регион-товарная группа. И, напротив, отсутствие быстрой и адекватной реакции на изменение ситуации на мировом рынке «отключает» от глобального рынка, обрекая целые регионы и отрасли на долгосрочную стагнацию.

Важной движущей силой эволюции глобального рынка аграрной продукции был рост числа его участников на 2,5–3 млрд. человек, связанный с присоединением к этому рынку Китая, Индии и ряда других стран. Объем внешней торговли агропродукцией в Китае за сравнительно непродолжительное время удвоился, в Индии — утроился. В обеих странах импорт рос быстрее, чем экспорт. С другой стороны, крупными экспортерами продукции сельского хозяйства стали Аргентина и Бразилия [1].

Россия буквально «ворвалась» в последние годы в группу ведущих поставщиков аграрной продукции, заняв ключевые позиции на зерновых рынках Причерноморья, стран Ближнего Востока и Южной Европы. Обозначилась экспортная специализация зерно-масличного кластера юга России на ординарной продовольственной пшенице, растительном масле и подсолнечном шроте⁵. Вместе с тем, растет импорт в страну соевого шрота.

Общей закономерностью, определяющей развитие аграрного рынка, является изменение структуры потребления продовольственных товаров. Небывалый подъём платежеспособного спроса на продовольствие населения развивающихся стран и его эволюция в направлении «западных» стандартов потребления повлекли за собой бурный рост мясного сектора АПК⁶. В последней четверти XX в. темпы роста потребления мяса в развивающихся странах оказались почти в три раза выше, чем в развитых странах. Такое явление получило название «животноводческой революции» по аналогии с «зеленой революцией» 1960-х годов. Сегодня ежегодное потребление

⁵ При этом только три агропромышленных предприятия, так называемая «большая южная тройка» (Югтранзитсервис, «Астон» и «Юг России»), обеспечивают 40% российского экспорта зерна и 70% масличных культур [4].

⁶ С 1970 по 2004 гг. производство мяса в мире более чем удвоилось, достигнув 258 млн. т. Особенно быстро развивается бройлерное птицеводство и производство свинины. Вначале рост шел в западных промышленных странах и Японии, но за последние 20 лет XX века быстро увеличивался в Китае, на Среднем Востоке и в Латинской Америке.

мяса на душу населения в развивающихся странах составляет 30 кг, в развитых странах — 80 кг. Прогнозируется, что к 2020 г. жители развивающихся стран будут потреблять 36 кг мяса на душу населения в год, т.е. вдвое больше, чем в 1980-е годы. В Китае этот показатель достигнет 73 кг, т.е. будет на 55% больше, чем в 1993 г. Потребление мяса возрастет даже в Африке: за период 2004–2020 гг. оно может удвоиться. Тем не менее в обозримой перспективе развитые страны по-прежнему останутся главными потребителями мяса с уровнем потребления почти 90 кг в год в среднем на душу населения к 2020 г. [2].

Интересно, что животноводство признано наименее эффективной отраслью сельского хозяйства, так как оно требует в 2–10 раз больше земли, чем производство равноценной по калорийности продукция растениеводства. Промышленное производство мяса весьма энергоемко и требует много пресной воды. Наконец, развитие животноводства требует соответствующего увеличения производства кормов. На корм скоту идет 45% мирового урожая зерна (в США даже 70%), 80% сои и 1/3 улова морской рыбы. Стремясь удовлетворить потребности населения в мясомолочных продуктах, западноевропейские страны увеличивают закупки кормов. В то же время большинство европейских стран импортируют белков в виде животных кормов больше, чем потребляют их жители в виде продуктов питания⁷.

С ростом животноводства расширяются посевы фуражных культур. В Европе и Японии наблюдается увеличение площадей под культурными лугами, улучшенными пастбищами и сеянными травами в севообороте пахотных угодий. Почти все пастбища здесь окультурены — интенсивно удобряются, орошаются, засеваются ценными кормовыми травами. В развивающихся странах улучшенные пастбища очень ограничены по площади и разбросаны среди огромных территорий. В Южной и Юго-Восточной Азии под пастбища выделяют самые непродуктивные земли, а в Западной и Юго-западной Азии границы пастбищ очень неопределенны. Кроме того, скот пасут в лесах, особенно в лесах муссонных тропиков.

Рост населения в сочетании с совершенствованием методов лова и растущим потреблением морских продуктов в богатых странах привел к стремительному увеличению лова океанической рыбы, который за весь XX век вырос с 3 до 95 млн. тонн в год. Между тем возмож-

⁷ Импорт кормов одной только Великобританией в энергетическом выражении превосходит все закупки продовольствия Индией и Китаем на мировом рынке. В Нидерландах потребление населением рыбных продуктов в 8 раз меньше того количества, которое идет на откорм скоту, а сухого молока скармливается скоту больше, чем его использует население.

ности океанов приближаются к исчерпанию. Ежегодный прирост мирового улова в ближайшее время может прекратиться. При этом в улове будет расти доля низкосортных пород, прежде считавшихся даже несъедобными. В ближайшие 50 лет вероятно полное исчезновение с рынка некоторых пород, снижение качества морских продуктов, рост цен, умножение конфликтов между странами из-за доступа к рыбным богатствам.

Растущий спрос на рыбную продукцию частично удовлетворяется за счёт аквакультуры, продукция которой к началу XXI в. достигает 30% мирового улова океанической рыбы [2]. Однако дальнейшее развитие рыбоводства наталкивается на ряд ограничений, в том числе и тех, которые тормозят наращивание производства мяса. Искусственное разведение рыбы вступает в конкуренцию с разведением скота и птицы за корма, в частности, за зерно, сою и рыбную муку, и к тому же требует много пресной воды.

В развитых странах отмечаются значительные социально-экономические перемены, связанные с изменением характера труда и образа жизни крестьянства. Сейчас почти нет классического крестьянского двора прежних времен — с коровами, овцами, птицей и т.п. Идет денатурализация потребления среди крестьян и полное отделение сельского хозяйства от домашнего. Ведение сельского хозяйства перестает быть образом жизни крестьянина, превращаясь в профессию или вид бизнеса. Процесс этот можно назвать «фермеризацией» сельскохозяйственных производителей. Помимо того, меняется соотношение между семейным и наемным трудом, а также постоянной и временной занятостью в пользу последних, происходят сдвиги в возрастной структуре фермерского населения в сторону его «постарения».

Растет потребность в квалифицированном труде, и образовательный уровень лиц, занятых в сельском хозяйстве, а также проживающих на селе, существенно повысился. Сегодня невозможно применять достижения биотехнологии, создавать банк данных или использовать систему глобального позиционирования без соответствующих знаний. В странах Запада действует целая система сельскохозяйственного образования, существует множество программ подготовки кадров для аграрного сектора. В некоторых странах в законодательном порядке установлено, что фермерами могут быть только лица со специальным высшим сельскохозяйственным образованием [1].

Сокращение числа занятых в сельском хозяйстве развитых стран сопровождалось появлением на селе в растущих масштабах явления «двойной занятости» (совместительства), а также несельскохозяйственной деятельности. Формы вытеснения рабочих рук из

отрасли самые различные: от окончательного разрыва с сельским хозяйством до разного рода совмещения сельского и городского труда — «двойная занятость» или «частичное фермерство». Наиболее распространено совместительство в Японии и Западной Европе. В Японии оно стало преобладающей формой сельскохозяйственной деятельности: до 85% мужчин и 78% женщин, числящихся крестьянами, в той или иной степени заняты приработком. В Западной Европе 40–60% фермеров получают более половины доходов от несельскохозяйственной деятельности. При этом совместительство характерно не только для владельцев мелких ферм, но и для хозяйств с наделом в 10–20 га. Особенно велика доля совместителей в Италии и Германии.

Широкое распространение получило такое сочетание сельского и городского труда, при котором фермер, имея постоянную работу в городе, ежедневно возвращается домой на ферму. Таким образом, деревня превращается в «спальню» для городских рабочих. Для США, напротив, характерно проживание в городе фермеров, даже полностью занятых в сельском хозяйстве. В 1980-х годах только 47% занятых в аграрном секторе, проживало на фермах, остальные жили в городе и ездили на работу в сельскую местность.

С изменением характера сельскохозяйственного труда меняется и социальный образ деревни развитых стран, особенно в Западной Европе с ее высокой степенью хозяйственного освоения и урбанизации территории. Фермеры в деревне образуют, как правило, меньшинство, а иногда даже малое меньшинство жителей. Деревенская жизнь все более урбанизируется, оживляется разнообразными отраслями третичной сферы, деятельностью предприятий АПК и т.п. Образ жизни горожан и владельцев «вторичных» жилищ становится все в большей степени однородным.

Дальнейшее развитие мирового сельского хозяйства наталкивается на ограниченность земельных и водных ресурсов, исчерпание возможностей традиционной агротехники возделывания сельскохозяйственных культур и селекции, а также на экологические ограничения. В этой связи большие надежды возлагаются на новые современные технологии. С середины 90-х годов XX в. передовые страны Запада вступили в новую технологическую стадию «информационно-биологического сельского хозяйства» (условное название «инбиагра»). Помимо освоения новейших информационно-биологических технологий, идет использование глобального позиционирования и космических технологий (спутниковый мониторинг и управление участками поля — «битами»), непрерывно обновляемой электронной базы данных, меченых атомов при орошении и подводке питательных веществ к растению, дающие эконо-

мию воды и химикатов (успешно применяемых, в частности, в Израиле) и т.д.

Отмечается массовый характер появления различных технологических и управленческих новинок, оперативно внедряемых в практику сельскохозяйственного производства. Мир находится на начальных этапах «инбиагры» и в дальнейшем ожидаются еще более крупные технологические сдвиги. Процесс будет идти по пути все большей интеграции «информационных» и «биологических» технологий. Масштабные изменения в географии агропроизводства можно ожидать в связи с широким использованием генетически модифицированных продуктов, семян и пород скота, созданием биоэнергетической индустрии и успехов в области нанотехнологий.

По состоянию на 2005 гг. трансгенные сорта растений использовались в 19 странах мира на площади 59 млн. га. В основном это четыре культуры: кукуруза (11% всего производства), соя (45%), хлопчатник (20%) и рапс (11%). Генномодифицированными культурами было засеяно 87% площадей под соей, 69% — под хлопчатником и 35% — под кукурузой. Основными потребителями трансгенных сортов являются США, Бразилия, Китай, некоторые развивающиеся страны (Индия, Колумбия, Гондурас), страны СНГ. За период 1996–2005 гг. размеры площади, на которой выращиваются трансгенные сорта растений, выросли в мире в 35 раз [6; 7]. Отношение к генномодифицированным продуктам в разных странах не однозначно. В краткосрочном периоде многие из этих продуктов безвредны, но неизвестны последствия их употребления в долгосрочной перспективе как для человека, так и для природы в целом.

Рост цен на минеральное топливо дал толчок поискам альтернативных источников энергии и привёл к формированию целой индустрии по производству топлива из сельскохозяйственных культур: биоэтанола и биодизельного топлива. Уже сегодня свыше половины бразильского сахарного тростника и 20% американской кукурузы (к 2010 г. ожидается 25%) идут на производство биоэтанола. В свою очередь, растущий спрос на эти товары затормозил рост производства бразильской говядины в связи с конвертацией пастбищ в дополнительные посевы тростника, вызвал сокращение посевов сои и рост цен на американские пшеницу и кукурузу. Не менее значимы последствия роста спроса на биодизельное топливо для мирового рынка растительных масел — от вырубки джунглей и закладки новых плантаций для производства пальмового масла до заметного увеличения посевов под масличные культуры в России и Украине.

Озабоченные проблемой дефицита нефти, США, страны Евросоюза, Бразилия, Китай, Индия и ЮАР, делают ставку на биоэтанол. Крупнейшими производителями биоэтанола являются США и Бразилия, каждая из этих стран даёт по 45% мировой продукции. При этом США планируют к 2025 г. производство биоэтанола увеличить в 10 раз, что повлечет рост сельскохозяйственных площадей под кукурузой [5].

В производстве биодизельного топлива лидирует Европа (до 95% мирового производства, на основе рапсового и подсолнечного масла), где доминирует Германия, которая обеспечивает половину выпуска. Остальное приходится на Францию и Италию. В Бразилии и США для получения биодизельного топлива используется соя. Его производство в США резко возросло — с 1,9 млн. л. в 1999 г. до 95 млн. л. в 2004 г. В ближайшие 15 лет крупнейшие производители биотоплива — Бразилия, США, ЕС и Китай — намерены удвоить производство. К 2030 г. биотопливо сможет заменить в США 25–50% топлива на основе нефти [5].

Дальнейший рост биоэнергетики будет зависеть от многих факторов, но в основном от цены на углеводородное сырьё и технического прогресса, который позволит использовать на эти цели многие продукты (по сути, любые, содержащие целлюлозу, или отработанные растительные масла), в том числе и неаграрного происхождения. Теоретически к 2050 г. человечество способно обеспечить необходимое количество биомассы для удовлетворения потребностей в транспортном топливе в глобальном масштабе.

Рассматривая перспективы мирового сельскохозяйственного производства, нельзя обойти вниманием оценку воздействия на сельское хозяйство глобального потепления климата. Модели и расчеты ученых, приводимые в Докладе ООН, показывают, что в Европе в целом значительно повысится угроза наводнений (жители Великобритании уже испытали это в 2007 г.). Изменение климата положительно скажется на урожаях в Северной Европе, однако почти столь же сильное негативное влияние будет оказано на сельское хозяйство Южной Европы, которую ожидают постоянные засухи [9]. Высокие температуры, засухи, наводнения и эрозия почвы нанесут значительный ущерб сельскому хозяйству многих азиатских стран. В Африке потепление климата может привести к снижению урожаев зерновых культур. Более «мозаичная» картина наблюдается в Северной Америке и Австралии, где в отдельных регионах с потеплением климата вырастет рентабельность сельскохозяйственного производства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева Н., Рылько Д. Инновационная экономика. М.: Наука, 2004. 293 с.
2. Вишневский А. Можно ли накормить человечество / Население и общество, № 77-78, 2002 / demoscope@demoscope.ru
3. Департамент сельского хозяйства США/ www.aphis.usda.gov/brs/
4. Проблема эффективности в XXI веке. Экономика США. Под ред. Марцинкевича В.И. М.: Наука, 2006. 389 с.
5. Суэтин А. 2006 г.: Мир сегодня и завтра / www.library.fa.ru.
6. Amber Waves. Sept. 2005. P.7.
7. Biosafety.ru/tmp/file/bulletin
8. www.crnano.v.rusonyx.ru
9. www.ecosystema.ru.
10. FAOSTAT Database.
11. Statistical Abstract of the U.S. Wash., 2000

ГЕОГРАФИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ТУРИЗМА

А.Ю. Александрова

Во второй половине XX столетия в развитых странах мира наступил туристский бум, ставший неотъемлемой частью современности. Сегодня сотни миллионов людей вовлечены в сферу туризма. Туристское движение приобрело подлинно массовый характер и поистине глобальный размах. Сформировались туристские ценности общезивилизационного порядка, под влиянием которых меняется стиль жизни людей. Сфера туризма превращается в средоточие числа социальных критериев и приоритетов качества жизни. Значимое место туризма в современном обществе нашло отражение во многих международных документах. Социальная и социально-экономическая сущность туризма закреплена, в частности, в «Кодексе туриста» и «Глобальном этическом кодексе туризма». В них особо отмечается гуманитарный аспект туристской деятельности и признается важная роль туризма как средства повышения качества жизни всех народов и важнейшего фактора укрепления мира и международного взаимопонимания.

Современный туризм есть продукт длительного процесса общественного разделения труда — отраслевого и территориального. Зачатки туристского рынка появляются уже в Древнем мире — Древней Греции и, особенно, в Древнем Риме, где услуги, предоставляемые путникам, превращаются в объект торга. Обособление размещения путешествующих лиц, организация их питания, а также развлечений в качестве самостоятельных видов труда явилось первым, но чрезвычайно важным этапом становления всей системы жизнеобеспечения в пути и местах временного пребывания путников. В процессе общественного разделения труда соответствующие трудовые функции распределялись между участниками общественного производства, закреплялись за определенными группами людей, перерастая в профессиональную деятельность. Однако это был лишь прообраз туризма в том смысле, какое вкладывается в это понятие сегодня. Его основные составляющие — размещение и питание, перевозки, развлечения — имели примитивные формы и, самое главное, оставались разрозненными элементами, не были связаны между собой и не могли образовать целостность.

Туризм в современном его понимании как индустрия складывается в середине XIX века, с началом организованных путешествий и созданием первой в истории туристской фирмы — бюро путешествий Томаса Кука в Англии. Ее появление имело решающее значение для окончательного выделения туризма в качестве самостоятельного межотраслевого комплекса. Она связала воедино разобщенных поставщиков туристских услуг (транспортные компании, средства размещения, предприятия питания и т.д.) и замкнула весь этот комплекс на потребителе. Проверенная временем, такая структура и сегодня остается основой мирового туристского бизнеса.

Для понимания современной географии международного туризма особенно важным является положение о международном разделении труда как высшей ступени в процессе общественного разделения труда, которое вышло за пределы национальных границ, приобрело глобальные масштабы и определило отраслевые и территориальные пропорции между странами. Международный туристский обмен представляет собой разновидность внешнеторговых связей. Интерес к международным путешествиям как особой форме внешнеторговой деятельности пробудился еще в XVIII в. Экономисты обратили внимание на то, что движение путешествующих лиц оказывает такое же влияние на платежный баланс стран, как и обмен товарами. Отмечались отрицательные последствия для платежного баланса чрезмерных затрат на зарубежные путешествия и положительный эффект валютных поступлений от приема иностранцев. Такой меркантилистский взгляд на путешествия, оправдывавший лишь экспортные сделки, страдал односторонностью. В расчет принимались только расходы и доходы в иностранных платежных средствах, прежде всего в золоте, а экономические выгоды от международных путешествий отождествлялись с положительным сальдо платежного баланса.

Представления о вкладе международного туристского обмена в экономику страны со временем менялись. Экономическая роль международного туризма, воздействие положительного сальдо баланса туристских услуг на величину и структуру национального дохода были всесторонне оценены в XX веке в период между мировыми войнами. Туризм стал рассматриваться как средство увеличения платежеспособности страны, как значимый элемент внутренней и внешней экономической политики. Международный туризм стал объектом международных экономических соглашений. Однако меркантилистский взгляд на туризм изжит не был. Активизировавшаяся политика развития туризма была направлена на увеличение валютных ресурсов страны путем преимущественного стимулирования приезда иностранных туристов и ограничения выезда собственных граждан.

Только в послевоенный период меркантилистский подход был окончательно преодолен в связи с пересмотром сущности туристского движения. В это время внутренний туризм вышел из «тени» международного и превратился в массовое явление. Становится очевидной взаимозависимость международного и внутреннего туристского движения. Внутренний туризм выступает своего рода катализатором международного туризма. По его масштабам, уровню и структуре судят о возможностях и перспективах развития международного обмена туристами. Внутренний и международный туризм утверждается как нечто целое, и с этих позиций оцениваются сегодня значение туризма, экономические выгоды от него. Он играет позитивную роль во всех странах, как с положительным, так и с отрицательным сальдо туристского баланса, способствуя углублению международного разделения труда.

Международное туристское разделение труда имеет ряд особенностей. Главная из них состоит в территориальном «разрыве» между страной постоянного жительства путешествующих лиц и страной временного их пребывания с туристскими целями. Этот «разрыв» проистекает из территориальной неподвижности большинства туристских благ — пейзажа, климата, лечебных источников, памятников культуры и истории и др., что обуславливает тяготение туристской инфраструктуры и потоков туристов к местам их концентрации. Туристы сами преодолевают значительные расстояния, отделяющие их от интересующих туристских объектов и соответствующих предприятий сферы обслуживания, в то время как обычно производитель продвигает свой товар к потребителю. Следовательно, туризм меняет направление движения в отношениях между производителем и потребителем, что требует уточнения содержания понятий экспорта и импорта в международном туризме.

Движение туристов, пересекающих государственную границу, сопровождается платежами в иностранной валюте, подобно тому, как это происходит при движении товаров. Иностранные туристы обеспечивают поступление валюты в бюджет принимающей страны и тем самым активизируют ее платежный баланс, что соответствует понятию экспорта. Под импортом в экономике международного туризма понимается выезд туристов, сопряженный с оттоком национальной денежной единицы из страны их постоянного проживания. Поскольку туристские услуги в отличие от товаров не принимают натурально-вещественной формы, их потребление происходит в принимающей стране, а на родину туристы увозят неосозаемые впечатления. Экспортно-импортные операции в международном туризме часто именуется «невидимой торговлей».

Другая особенность международного, точнее в целом географического туристского разделения труда, также обусловлена спецификой туристского продукта. Он имеет сервисную природу и, как любая услуга, характеризуется неразрывностью производства и потребления. В отличие от товара, производство и потребление которого разделены актами хранения и продажи, услуга вначале продается, а затем одновременно производится и потребляется. Оказать услугу размещения, транспортировки или развлечения можно только тогда, когда появляется клиент и начинается процесс ее потребления. Особый характер туристского продукта диктует необходимость пересмотра главного условия географического, в частности международного, разделения труда применительно к сфере туризма. Это разрыв не между местом производства и местом потребления, а между местом формирования туристских потребностей и местом их удовлетворения, где производятся и одновременно потребляются туристские продукты.

Характерной чертой международного разделения труда является неразрывная связь классической внешнеторговой деятельности и обмена туристами при всех различиях, существующих между ними. Эта взаимосвязь нашла концентрированное выражение в условии «турист за товар» или «товар за туриста», широко применявшемся в межвоенный период. Так поступала Германия, которая разрешала своим гражданам выезжать в Швейцарию под гарантию закупки немецких товаров. Польша, испытывавшая экспортные и валютные трудности, компенсировала отток валюты по линии выездного туризма в Австрию доходами от дополнительного экспорта польской свинины в эту страну [1.4].

В настоящее время в мире растет интерес к международному туризму как средству поддержания и развития традиционной внешней торговли. Международная туристская специализация приносит дополнительные выгоды странам, расширяя их экспортные и импортные возможности. Благодаря приему иностранных туристов они получают возможность в скрытой форме экспортировать продукцию, которая обладает невысокой конкурентоспособностью и имеет небольшие шансы быть реализованной обычным путем на внешнем рынке. Это относится прежде всего к продуктам питания, потребляемым туристами на месте, и некоторым промышленным товарам, вывозимым в виде сувениров или вещей для личного пользования. Ряд стран, например Испания, с успехом заменяет традиционный экспорт потребительских товаров подобного рода «туристским» экспортом.

Повсеместно происходит более тесное взаимное увязывание традиционной внешней торговли и международного туризма. Обмен

товарами прокладывает путь обмену туристами, а международное туристское движение служит упрочению классических торговых отношений между странами. Туристы, приобщаясь в стране временного пребывания, к местным привычкам и вкусам, влияют на структуру импорта их родной страны и порождают вторичный экспорт из принимающей страны. Типичной продукцией вторичного экспорта являются вина, водка, мелкие галантерейные изделия.

Еще одним подтверждением тесной связи традиционного товарного и туристского обменов служит тенденция к росту туристского импорта за счет туристского экспорта, которая проявилась после второй мировой войны. Такая политика требует всесторонней оценки производственных факторов, потребительского спроса, потребностей в инвестициях, учета существующих ограничений и взаимозависимостей. Ее могут проводить только развитые страны — крупные экспортеры, располагающие значительными валютными резервами. Их расчет прост: иностранные туристы приносят принимающей стране валюту, стимулируя увеличение закупок товаров в стране происхождения туристов; деньги, вывезенные туристами, возвращаются на родину посредством расширения экспортных заказов. Подобного эффекта от выездного туризма добиваются такие страны, как Германия и Великобритания, связывающие с ним расширение экспорта промышленной и сельскохозяйственной продукции. Активизация международного туристского движения и усиление его взаимодействия с традиционным товарным обменом — всё это предполагает дальнейшее углубление международного разделения труда.

К концу XX в. операции по экспорту и импорту туристских услуг заняли видное место во внешнеторговых сделках, что согласуется с одной из основополагающих тенденций мирового экономического развития — усилением роли сектора услуг в мировой экономике. Международный туризм входит в число крупнейших экспортных отраслей мирового хозяйства. По данным Всемирной торговой организации, в 2004 г. поступления от международного туризма (без учета международных транспортных перевозок) составили 625 млрд. долл., или 5,7% мирового экспорта товаров и услуг. В его продуктовой структуре туристские услуги занимают пятую позицию после экспорта топлива, продукции химической промышленности и автомобилестроения, а также продуктов питания (табл. 1).

В структуре экспорта коммерческих услуг статья «Поездки» выделяется особо. На долю международного туризма приходится около трети мировой торговли услугами, а вместе с транспортными перевозками — более половины.

Торговля туристскими услугами, так же как торговля товарами, и совокупный мировой ВВП имели положительную динамику во второй

Таблица 1

Структура мирового экспорта товаров и услуг в 2004 г.

Статьи экспорта	Объем экспорта, млрд. долл.	Доля в экспорте товаров и услуг, %	Доля в экспорте услуг, %
ВСЕГО	11 032	100,0	
Экспорт товаров:	8 907	80,7	
топливо	993	9,0	
химическая продукция	976	8,8	
автомобили	847	7,7	
продукты питания	627	5,7	
Экспорт коммерческих услуг:	2 125	19,3	100,0
поездки	625	5,7	29,4
транспортные перевозки	500	4,5	23,5
прочие коммерческие услуги	1 000	9,1	47,1

Составлено по: [1.17].

половине XX в. Несмотря на колебания в отдельные годы, в целом они показывали устойчивый рост, но с разными темпами. Рис. 1 отражает ускоренное развитие международного туризма в мире в послевоенный период, что свидетельствует об усилении его роли в стягивании национальных экономик в единую мирохозяйственную систему.

Международное туристское разделение труда реализуется не только с помощью обмена туристскими услугами, но и путем ввоза и вывоза капиталов. Вывоз капитала становится типичным явлением в экономике капитализма в конце XIX в. Туризм уже тогда рассматривался в качестве одной из сфер прибыльного вложения капитала за рубежом. В XX в. его привлекательность для иностранных инвесторов повышается. Особенно увеличились масштабы вывоза капитала по линии туризма во второй половине XX столетия в связи с долгосрочной тенденцией роста международных туристских поездок во всех регионах мира, расширением их географии и постепенным вхождением в мировое туристское пространство менее развитых стран. И в современный период имеются все необходимые предпосылки для международного движения капиталов по линии туризма, которые еще более усиливаются по мере углубления международного разделения труда и международной кооперации в этой отрасли мирового хозяйства.

Наиболее ранней формой помещения капитала за границей были займы. Так, в России инвестиционная деятельность иностранных компаний началась в XIX веке с участия в строительстве железных дорог, сыгравших решающую роль в развитии путешествий и туризма в стране. Основными кредиторами этого проекта выступали банкиры Парижа, Лондона и Амстердама. Они предоставили русскому прави-

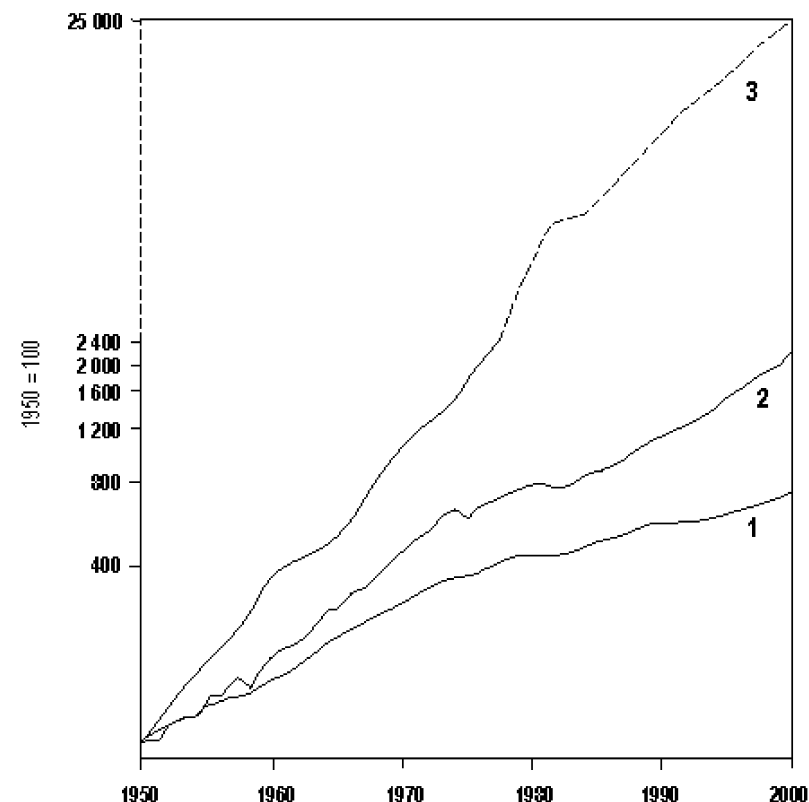

Рис. 1. Динамика совокупного мирового ВВП (1), экспорта товаров (2) и туристских услуг (3) во второй половине XX в.

Составлено по: [1.18 ; 1.14; 1.21; 1.22].

тельству огромные по тем временам целевые займы на сумму 1,5 млрд золотых рублей [1.8].

В 1950–1960-х гг. в условиях ускорения экономического развития в странах Запада обозначились новые явления в вывозе капитала. Кроме помещения предпринимательского капитала в иностранную экономику путем образования собственных фирм или направления средств в национальные акционерные общества принимающей страны, получают распространение такие формы капитальных вложений, как открытие совместных предприятий, строительство предприятий «под ключ», договор типа «продукт — в руки», предусматривающий подготовку иностранной фирмой местных специалистов для возводимого объекта, лицензионные соглашения, в том числе франчайзинг, и др. Специфичес-

кой формой инвестирования стал экспорт технологий — патентов, торговых марок, управленческого опыта и т.д., который приобрел черты продажи и ссуды одновременно. Эти инновации проникали и в туристскую индустрию, быстро укоренялись в ней. В результате в гостиничном хозяйстве, являющемся ядром индустрии туризма, сложились разные модели инвестиционной деятельности (табл. 2).

Таблица 2

Инвестиционные модели в гостиничном хозяйстве

Формы организации гостиничного бизнеса и модели инвестирования	Свойства модели для страны-импортера капитала	
	преимущества	недостатки
<i>Иностранная собственность</i> 100% собственный капитал заграничного филиала; вложения могут быть бессрочными или на определенный срок.	Отсутствие финансового риска.	Утечка большей части дохода из страны. Трудности проведения государственной политики в области туризма.
<i>Совместное предприятие (СП)</i> Иностранный партнер — совладелец СП, иностранный капитал частично задействован в предприятии; эта форма хозяйственного и правового сотрудничества с иностранным партнером может быть бессрочной или действовать ограниченный срок.	Доступ к дополнительному источнику капитала. Доступ к международным сбытовым сетям. Более низкая социальная и политическая цена прямых иностранных инвестиций. Сокращение утечки доходов из страны.	Требования к размеру первоначальных вложений. Наличие финансового риска. Не исключено подписание невыгодных контрактов вследствие недостаточной власти или политической воли.
<i>Франчайзинг</i> Продажа торговой марки местному средству размещения для ведения бизнеса с обязательством «уважать некоторые правила компании-поставщика».	Передача управленческого опыта и навыков в области маркетинга. Гарантия стандартов качества. Имидж торговой марки.	Риск, связанный с управлением местными средствами размещения.
<i>Контракт на управление</i> Передача средства размещения в оперативное управление специализированной иностранной компании-оператору без перехода права собственности на него.	Возможна передача знаний, опыта, навыков, технологий управления по договору о сотрудничестве.	Отсутствие контроля финансовой деятельности, процесса управления, планирования работы фирмы.
<i>Гостиничный консорциум</i> Объединение независимых в правовом и экономическом отношениях отелей для конкуренции с интегрированными и франшизными гостиничными цепями-корпорациями.	Совместные усилия в области маркетинга на национальном и международном уровнях.	Иногда отмечается незаинтересованность консорциума в присоединении малых отелей. Непризнанный бренд в начале деятельности.
<i>Средства размещения без участия иностранного капитала</i> с привлечением только внутренних инвестиций.	Уменьшение утечки доходов за границу. Независимость от корпоративной стратегии развития.	Отсутствие международной репутации. Повышенные затраты на маркетинг.

Источник: [1.19].

С вывозом капитала связано функционирование транснациональных корпораций (ТНК), немалое число которых, владея сотнями и тысячами производственных единиц, размещённых по всему миру, участвует в туристском бизнесе. Так, многопрофильная корпорация «Американ Экспресс» известна в первую очередь как финансовое учреждение, выпускающее и обслуживающее дорожные чеки и пластиковые карты. Вместе с тем она входит в число крупнейших в мире турагентств: «Американ Экспресс» принадлежит свыше 2 тыс. офисов, расположенных в 130 странах мира [2.7]. Один из лидеров гостиничного бизнеса французская группа «Аккор» сконцентрировала более 4 тыс. отелей с номерным фондом насчитывающим 475 тыс. единиц. Они расположены в 140 странах Европы, Америки, Азиатско-Тихоокеанского региона, Африки и Ближнего Востока [2.6].

Символом глобализации стала транснациональная сеть закусочных быстрого питания «Макдоналдс». Она охватывает 30 тыс. закусочных, размещённых в 119 странах мира, где ежедневно обслуживается около 50 млн. человек. В 2004 г. доходы корпорации составили 19,1 млрд. долл., а чистая прибыль — 2,75 млрд. долл. [2.8]. Авторитетный британский журнал «Экономист» использует «Биг-Мак индекс», построенный на соотношении цен на этот вид продукции в разных странах, для неофициального расчета валютных курсов по паритету покупательной способности.

В индустрии туризма выход компании за национальные границы во многом предопределен своеобразием туристского продукта. Он представляет собой набор услуг и некоторых товаров, которые являются комплементарными, т.е. взаимодополняемыми, и используются потребителем совместно. Часть их соотносится со страной происхождения туриста, другая — со страной и регионами, лежащими на пути его следования и пересекаемыми транзитом, третья — со страной назначения. На рис. 2 показаны расходы международного туриста в постатейном и пространственном разрезе. Основная их часть (47%) приходится на страну назначения.

Предприятия туристской индустрии в целях максимизации прибыли стремятся контролировать весь производственный цикл и вынуждены расширять спектр своей деятельности. Например, авиакомпании могут увеличить долю в туристских доходах путем интеграции производства с 30–35 % до 93% (11+35+47). На практике это означает вывоз капиталов за границу, паевые вложения в акции зарубежных фирм, заключение соглашений по управлению, особенно популярных в индустрии туризма в последнее время. Инициатива интернационализации производства в туристской индустрии исходит в значительной степени от стран-поставщиков туристов, которым она приносит основные выгоды. Большинство ТНК, действующ-

щих в сфере туризма, базируются в Западной Европе и Северной Америке.

Страна происхождения туриста		Международное связующее звено		Страна назначения	
Услуги турагентства	8%	Авиаперевозка	30%	Размещение	22%
Другие услуги (в том числе информационные)	3%	Покупка товаров (в том числе в магазинах беспошлинной торговли)	5%	Трансферы и путешествия по стране	13%
Налоги	2%			Покупки	12%
ВСЕГО (без налогов)	11%	ВСЕГО	35%	Налоги	5%
				ВСЕГО (без налогов)	47%

Рис. 2. Структура расходов международного туриста на ближнюю поездку

Источник: [1.13].

На мировом туристском рынке представлены все виды ТНК: мононациональные и многонациональные корпорации, а также международные корпоративные союзы. ТНК с мононациональным акционерным капиталом и характером контроля над деятельностью всей компании получили широкое распространение в туристской индустрии. Они осуществляют трансграничную деловую активность через сеть филиалов и дочерних компаний, самостоятельно производящих и сбывающих туристские продукты. В секторе размещения туристов к их числу относятся многие гостиничные сети, например, американская «Сендант», в активе которой на условиях франшизы находится самое большое в мире количество отелей (6330 отелей в 2005 г.) [2.2], британская сеть отелей «Интерконтиненталь», французская клубная система «Средиземноморский клуб», испанская гостиничная корпорация «Соль Мелия» и др. В секторе общественного питания — уже упоминавшаяся всемирно известная сеть закусочных «Макдоналдс». В секторе развлечений также доминируют американские корпорации, прежде всего, компания Уолта Диснея, создавшая международную сеть тематических парков и зон отдыха.

Вторую группу на мировом рынке туристических услуг образуют многонациональные ТНК, которые являются международными не только по сфере своей деятельности, но также и по форме собственности. Примером может служить американо-французская фирма «Карлсон Вагонли Тревел», насчитывающая свыше 3000 офисов в 145 странах и являющаяся одним из крупнейших в мире туристических агентств [2.1].

Третью группу образуют международные корпоративные союзы, которые чаще всего предстают в виде консорциумов. Один из самых известных международных корпоративных союзов в мировой туристской индустрии — это гостиничный консорциум «Бест Вестерн», существующий уже более 60 лет. Консорциум оказывает содействие входящим в него независимым отелям в разработке и реализации маркетинговой стратегии, продвижении их продуктов, подключении к глобальным и региональным системам резервирования, подготовке кадров и в других видах деятельности, которые требуют больших финансовых затрат и не всегда под силу каждому предприятию в отдельности.

За последние десятилетия в деятельности туристских ТНК произошли серьезные сдвиги. Исторически самой ранней формой интеграции в индустрии туризма было объединение предприятий, находящихся на одной ступени производственного процесса. Именно ей обязаны своим появлением первые международные гостиничные сети, такие как «Хилтон», «Марриот» и др. Современные туристские ТНК представляют собой крупные диверсифицированные комплексы с широким участием банковских учреждений (рис. 3). Под единым финансовым контролем они объединяют предприятия, расположенные в разных странах мира и относящиеся к разным отраслям экономики и секторам индустрии туризма. Переход к сложной «конгломеративной» структуре усиливает экономические позиции туристских ТНК, придавая им большую устойчивость и обеспечивая преимущества в конкурентной борьбе.

Современный этап развития туристских ТНК характеризуется обострением конкуренции между ними и вместе с тем возникновением взаимоотношений сотрудничества в рамках стратегических альянсов. Эти новые организационные формы нацелены на согласование и координацию усилий в решении самых разных задач, встающих перед туристскими компаниями, — в проведении маркетинговых исследований, разработке, производстве и сбыте туристских продуктов, а также профессиональной подготовке кадров. В отличие от традиционных межфирменных договоров стратегические альянсы призваны обеспечить долгосрочные конкурентные преимущества для компаний-участниц альянса в рамках глобальной стратегии их деятельности. Стратегические альянсы существуют в разных секторах туристской индустрии, например глобальные альянсы авиаперевозчиков — «Стар», «Уануорлд», «СкайТим». Реже встречаются «межсекторальные» альянсы.

Современное международное географическое разделение труда в области туризма реализуется через глобальный рынок туристских услуг. Он имеет неоднородную пространственную структуру и

ния в Альпах приобрели невиданный размах, и вслед за английским появляются австрийский, немецкий, швейцарский альпийские клубы. В 60–80-х гг. XIX в. горные клубы были открыты и в других странах Европы (в России — в 1878 г.), а также в Америке и Азии [1.10; 1.12].

Географическая среда распространения новшеств в сфере туризма выходила за пределы Европы. Она охватывала часть Северной Америки, а также Африки и Азии — колониальные владения Великобритании. На осваиваемых территориях строились европейские кварталы для размещения колониальной администрации и гостиницы для коммерсантов, открывались филиалы конторы Т. Кука. Появлялись очаги цивилизации, которые могли обеспечить путешественнику безопасное и комфортное пребывание.

Однако со временем Великобритания начала утрачивать доминирующие позиции как в мировом хозяйстве, так и на рынке международного туризма. Ослабление ее экономического могущества сопровождалось возвышением США. Первая мировая война положила конец европоцентризму, гегемония в мировой экономической системе перешла к Соединенным Штатам Америки. После второй мировой войны их отрыв от остальных стран мира увеличился еще больше. В 50–60-е гг. XX столетия США как лидер и один из главных двигателей развития мировой экономики, страна с высоким уровнем благосостояния населения становятся «Центром» мирового туризма. В 1950 г. США занимали первое место в мире по числу международных туристских прибытий [2.4]. Эта страна задала вектор развития всей индустрии туризма на последующие десятилетия, предвосхитив наступление информационной эры в туризме. Начатые здесь работы по созданию компьютерных систем резервирования (КСР) увенчались успехом.

Ещё в конце 1940-х годов были предприняты первые попытки автоматизировать процедуру резервирования посадочных мест на американских авиалиниях. Однако прошло более десяти лет с момента появления технического изобретения, прежде чем оно превратилось в подлинную инновацию, которая путем массового тиражирования образует элемент экономической системы — новое производство или новый вид бизнеса. Такой инновацией стала КСР «Сейбр» (SABRE, Semi-Automated Business Research Environment). Вслед за ней в США появились и другие компьютерные системы резервирования, которые еще задолго до создания Интернета образовали сетевые информационные структуры.

Подавляющее превосходство США над конкурентами было недолгим. Оправившись после второй мировой войны, страны Западной Европы и Япония демонстрировали более высокие темпы роста международного туризма. В середине 60-х годов Япония, которая

сняла все ограничения на путешествия своих граждан за границу, находилась на пике выездного туризма: количество отбытий с туристскими целями увеличивалось в среднем на 30% в год [1.1]. Япония оказала решающее влияние на формирование рынка туризма в Азиатско-Тихоокеанском регионе, выступив в качестве своеобразного «локомотива» международных туристских обменов.

Активизировался международный туризм и в Европе, особенно в Италии, Франции, Испании, Австрии, Германии. Эти страны прилагали немалые усилия для привлечения иностранных туристов, главным образом, из долларовой зоны. Так, Франция первой среди европейских стран провозгласила политику «открытых дверей», упразднив въездные визы первоначально для туристов из США, а затем и из ряда других стран. В 1955 г. французское правительство ввело «туристский», более выгодный, курс обмена иностранной валюты на местные франки (370 франков вместо обычных 350 за один американский доллар). При проезде по железной дороге иностранным туристам предоставлялась скидка размером до 35%. Благодаря принятым мерам, въездной туристский поток во Францию в 1950-е гг. возрастал на 10–20% в год [1.5]. Те же годы в Великобритании были отмечены кардинальными изменениями в организации авиационных перевозок туристов — появились чартерные рейсы. Это позволило снизить цены на транспортную составляющую туров, сделать их доступными для широких слоёв общества и открыть Южную Европу для массового туризма, что сыграло значимую роль в развитии международного туризма в Старом Свете в послевоенный период.

В результате европейские страны оттеснили Соединённые Штаты Америки с первого места, которое те занимали по числу международных туристских прибытий в 1950 г., на пятое в 1970 г. [2.4]. К началу 70-х годов на смену американоцентризму в мировой индустрии туризма пришла новая, трёхполюсная, конфигурация сил, которая сохраняется и поныне. Сложились сразу три центра экономического и одновременно туристского притяжения — США, Западная Европа и Япония. В начале XXI века «Центр» глобального туристского пространства образуют ведущие страны мира: США, Франция, Германия, Великобритания, Италия, Япония и др. Они выделяются не только по экономическому и научно-техническому, но также и по туристскому потенциалу. В них зарождаются и сюда же направляются главные мировые туристские потоки. Их отличает диверсифицированный рынок туристских продуктов, на котором представлены практически все известные виды путешествий, а также высокая интенсивность туристских обменов. Эти страны, с одной стороны, ведут между собой борьбу за мировое лидерство в сфере международного туризма, а с другой — объединяют и координируют усилия в целях контроля над рын-

ками сбыта. Сложившиеся в них системы туризма отличаются разнообразием функций и особой внутренней устойчивостью. Для стран «Центра» характерен очень высокий уровень концентрации капитала и та ведущая роль, которую местные корпорации играют в мировом туристском и гостиничном бизнесе. Здесь генерируются главные инновации в сфере туризма, которые затем в ходе географической диффузии получают распространение в мире.

«Полупериферия» мирового туристского пространства объединяет «новые» туристские страны с активно формирующейся при поддержке государства полифункциональной системой международного туризма, преимущественно внутрирегиональной направленностью туристских потоков и растущим межрегиональным туристским обменом. Они ускоренно проходят стадию формирования современного рынка туризма, которая характеризуется высокой интенсивностью внешних туристских обменов. Активно включившись в процессы глобализации, эти страны вступили в открытую борьбу за рынки сбыта с признанными лидерами международного туризма, демонстрируя свою конкурентоспособность. Их доля на мировом рынке путешествий возрастает. Однако развитие международного туризма, в целом имеющее поступательную направленность, отличается неравномерностью и нестабильностью.

К началу XXI века костяк «Полупериферии» составляют новые индустриальные страны Азии «первой и второй волны» (Сингапур, Таиланд, Малайзия и др.), преодолевшие отсталость и совершившие исторический прорыв к достижениям современной цивилизации. Некоторые из них (в частности, Сингапур) вплотную приблизились по основным показателям международного туризма к странам «Центра». Их стремительное вхождение в мировой рынок путешествий явилось следствием глубоких преобразований в обществе и экономике, реализации инновационной модели развития, перестройки форм участия в международном разделении труда, в том числе туристском, главным образом, на основе внутренних факторов. В результате «Центр» мирового хозяйства и одновременно глобального туризма все больше смещается в направлении Азиатско-Тихоокеанского региона. Особняком стоит группа бывших социалистических стран Центральной и Восточной Европы. Их переход к рыночной экономике и включение в мировое капиталистическое хозяйство сопровождается активизацией международных туристских обменов.

«Периферия» мирового туристского пространства имеет неоднородную структуру. В ней явно выделяются «продвинутой Периферии» и «глубокая Периферия». Костяк «продвинутой Периферии» составляют латиноамериканские страны, прежде всего, малые ост-

ровные государства Карибского бассейна. Они имеют отсталую структуру экономики, в которой международный туризм, наряду с сельским хозяйством, часто выступает основной отраслью хозяйства и главной отраслью специализации в международном географическом разделении труда. Современная туристская инфраструктура своим стремительным развитием здесь обязана притоку капитала из США. Для привлечения иностранных инвестиций во многих странах этой группы были специально созданы оффшорные зоны. Островные государства Карибского бассейна имеют узкую специализацию на приморском оздоровительном туризме и приеме туристских потоков из стран Северной Америки.

«Глубокую Периферию» образуют экономически отсталые страны Африки и Южной Азии, где рынок туризма находится на начальной стадии формирования. Развитие туризма здесь носит анклавный, очаговый характер. Большая часть территории этих стран исключена из сферы туризма. Внутренний туризм практически отсутствует, а международный туризм, как въездной, так и выездной, носит элитарный характер.

Пространственная структура мировой индустрии туризма характеризуется относительной стабильностью. На протяжении последних двух десятилетий выделенные группы стран не изменились. В процессе развития международного туризма увеличивается отрыв США от остальных стран «Центра» мирового туристского пространства, сокращается разрыв между странами «Центра» и «Полупериферии» и увеличивается между «Полупериферией» и «Периферией» [1.2].

Наряду с государствами, традиционными участниками международных отношений и связей по линии туризма, на мировую туристскую арену вышли другие субъекты, дополняющие, а в отдельных областях и замещающие государства, — туристские ТНК, о которых речь шла выше, и специализированные международные организации. Последние выступают активными проводниками процессов глобализации в туризме, вырабатывая общие «правила игры» на глобальном рынке. В мире насчитывается несколько сот международных организаций, прямо или косвенно связанных с туризмом. Они характеризуются большим разнообразием, отличаясь друг от друга статусом, формами, целями, кругом решаемых задач. Это — ассоциации, союзы, федерации, комитеты, бюро, комиссии, советы, академии, общества, лиги, клубы, центры и т.д. Все они являются частью общей системы международных организаций, ядром которой выступает Организация Объединенных Наций. В рамках ООН были разработаны и приняты основополагающие международные конвенции по вопросам правового регулирования международного туризма.

Благодаря многомерным связям туристское сообщество из «рыхлой совокупности» сосуществующих государств, ТНК, международных организаций превращается в целостную сложную глобальную систему — мировой туристский рынок. Эти связи принимают разные формы и выступают в виде потоков туристов, информации, факторов производства туристских продуктов (капитала, рабочей силы), трансфера технологий туристского обслуживания и валютно-финансовых отношений.

Ключевую роль в развитии мирового туризма играет туристский обмен между странами. Он носит преимущественно внутрирегиональный характер, который наиболее ярко выражен в Западной Европе. В нем активно участвуют: Германия — с крупнейшим рынком выездного туризма в мире, Франция — мировой лидер по числу международных туристских прибытий, Испания и Италия — одни из самых посещаемых стран мира, Великобритания, генерирующая наиболее широкие туристские потоки в Европе, а также Австрия и государства Бенилюкс (табл. 3). Перечисленные страны входят в «Центр» мирового туристского пространства.

Таблица 3
Крупнейшие мировые туристские потоки: Европа, 2002 г.

№ п/п	Направление потока из — в	Количество прибытий, млн. ед.	№ п/п	Направление потока из — в	Количество прибытий, млн. ед.
1	Великобритания / Ирландия — Франция	15,0	6	Германия — Австрия	10,3
2	Великобритания — Испания	14,6	7	Германия — Испания	10,1
3	Германия — Франция	14,3	8	Бельгия / Люксембург — Франция	8,5
4	Нидерланды — Франция	12,6	9	Франция — Испания	8,0
5	Германия — Италия	11,8	10	Италия — Франция	7,9

Составлено по: [1.24].

В Западном полушарии наиболее емкий рынок въездного и выездного туризма сложился в США. Все основные туристские потоки на Американском континенте берут начало или, наоборот, заканчиваются в этой стране (табл. 4). Широкий туристский обмен налажен с Канадой, которая так же как США относится к «Центру» мирового туризма.

Таблица 4
Крупнейшие мировые туристские потоки: Америка, 2002 г.

№ п/п	Направление потока из — в	Количество прибытий, млн. ед.	№ п/п	Направление потока из — в	Количество прибытий, млн. ед.
1	США — Мексика	18,5	6	Япония — США	3,6
2	США — Канада	16,2	7	США — Великобритания	3,2
3	Канада — США	13,0	8	США — Франция	2,2
4	Мексика — США	11,4	9	США — Италия	1,7
5	Великобритания — США	3,8	10	США — Германия	1,6

Составлено по: [2.3].

Движения туристических потоков между США, странами Западной Европы и Японией не столь велики, как в пределах одного региона. Но они растут более высокими темпами, которые, по оценкам Всемирной туристской организации, в 1995–2020 гг. составят в среднем 5,4% в год (по сравнению с 3,8% в год для внутрирегионального туризма). В результате соотношение внутри- и межрегиональных туристских поездок в мире может измениться с 82:18 в 1995 г. до 76:24 в 2020 г. [1.20.]. Наиболее обширные межрегиональные туристские потоки связывают Западную Европу и Северную Америку: Великобритания — США, США — Великобритания, США — Франция, США — Италия, США — Германия. Япония также вовлечена в межрегиональный туристский обмен со странами «Центра». Туристский поток из Японии в США является одним из крупнейших в мире, а Евросоюз планирует всемерно способствовать расширению въездного туризма из Страны восходящего солнца. Укрепление взаимосвязей в сфере туризма стран Северной Америки, Западной Европы и Японии ведёт к консолидации «Центра» глобального туристского пространства.

Большая связность мирового туристского пространства достигается также благодаря обмену туристами между «Центром», с одной стороны, и «Полупериферией» и «Периферией» — с другой. Этот обмен, как уже отмечалось, выступает специфической формой внешней торговли услугами в сфере туризма. Она подчинена общим условиям торговли в мировом хозяйстве, в частности, установлению «ножниц цен» при экспортно-импортных операциях в пользу развитых стран. На мировом рынке путешествий, где потребитель продвигается к поставщику туристских услуг, заниженный уровень цен в развивающихся странах служит привлечению иностранных туристов и задает на-

правленность туристскому движению из стран «Центра», где уровень жизни населения сравнительно высок, в бедные страны «Полупериферии» и «Периферии». При этом обслуживание иностранных туристов в государствах «Полупериферии» и «Периферии» часто организуют туристские компании «Центра», которые и получают основные доходы от этого бизнеса, а затем вывозят их на родину.

В специальной литературе описываемое явление получило название «международного туристского обмена многоступенчатого каскада». Оно основано на том, что туристы из стран с высоким уровнем жизни (группа 1) выезжают в страны, где уровень жизни и стоимость проживания ниже (группа 2). В свою очередь жители стран, включенных в группу 2, путешествуют в страны группы 3 с относительно еще более низкой стоимостью проживания (рис. 4). Многоступенчатый туристский обмен имеет место при том условии, что существует выбор среди стран, одинаково привлекательных с рекреационной, культурно-познавательной или любой другой туристской точки зрения, но различающихся уровнем цен на туристские услуги.

Кроме ценового фактора, государства «Полупериферии» и «Периферии» привлекают туристов из «Центра» комфортными природно-климатическими условиями: обилием солнечных дней, теплым морем, продолжительным купальным сезоном. Отдых по формуле «три S» («sea-sand-sun», т.е. «море-пляж-солнце») остается целью более половины всех туристских поездок в мире и определяет их географию [1.23]. Показательны в этом отношении устойчивые потоки туристов из США и Канады на приморские курорты стран и территорий Карибского бассейна, относящихся к «Полупериферии» мирового туристского пространства.

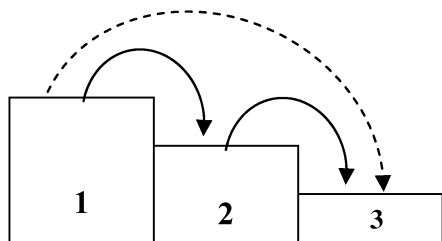

Рис. 4. Схема многоступенчатого туристского обмена

Источник: [1.4].

Расширяется туристский обмен между странами «Центра», в прошлом — метрополиями, и их бывшими колониями при явном доминировании первых. Традиционные связи в области экономики и культуры, а также отсутствие языкового барьера — всё это служит важной предпосылкой развития отношений в сфере туризма между

Великобританией, Францией, Испанией и их бывшими и нынешними «заморскими» владениями.

Характерная черта современной территориальной структуры туризма — нарастание туристских потоков в страны «Центра» из других регионов. Процессы демократизации внесли существенные изменения в географию туристского спроса в странах Центральной и Восточной Европы, способствовали увеличению туристского обмена между ними и соседними странами Западной Европы. Повысилась туристская активность населения Польши, Венгрии, а также Чешской Республики, которая в отдельные годы опережала по объему выездного туризма Францию, Италию, Испанию, Нидерланды и другие европейские страны.

Перспективный туристский рынок для стран «Центра» находится в Восточной и Юго-Восточной Азии, где отмечается бурный рост въездного и выездного туризма. В настоящее время туристский поток из Азиатско-Тихоокеанского региона в Европу, прежде всего в Западную Европу, относится к самым крупным межрегиональным туристским потокам в мире (около 15 млн. прибытий в 2002 г.) [1.24]. Он уступает лишь трансатлантическому туристскому обмену между Западной Европой и Северной Америкой. Всемирная туристская организация прогнозирует дальнейший рост международного туризма в этом регионе, особенно в Китае.

Ещё одна форма экономических отношений на мировом туристском рынке возникла в связи с вывозом капитала и его вложением в индустрию туризма за рубежом. Отметим, что в индустрии туризма капитал всегда движется вслед за клиентом. В конце XIX — начале XX вв. экспорт капитала шел из развитых стран, метрополий, генерирующих потоки туристов, в отсталые, преимущественно в той или иной степени зависимые от них государства, относящиеся к туристской «Периферии». В то же время капитал нередко переливался между развитыми странами с разными темпами формирования национальных рынков туризма, например из Великобритании во Францию или из Франции в Германию [1.8].

Коренные изменения в географии экспорта капитала в индустрии туризма произошли после второй мировой войны. Подъем туризма в развитых странах привел к увеличению их потребностей в иностранном капитале. Между ними началось перекрестное движение инвестиций в туризм, которое продолжается по настоящее время. Эта миграция капитала идет на разных уровнях: как по межгосударственным каналам, так и по внутрикорпоративным каналам туристских ТНК. По данным ЮНКТАД, в 2002 г. прямые иностранные инвестиции (ПИИ) в мировую индустрию гостеприимства и общественного питания оценивались в 80 млрд. долл., или 2% всех ПИИ в сферу услуг (для срав-

нения: такая же доля ПИИ приходилась на сектор строительства). При этом развитые страны экспортировали 90% и импортировали 71% ПИИ (рис. 5) [1.25].

На рубеже XX–XXI вв. ускорилось движение капитала в гостиничном и ресторанном хозяйстве развивающихся стран и стран с переходной экономикой. Рост инвестиционной активности в них был обусловлен рядом различных факторов. В Африке решающую роль сыграли либерализация режима прямого иностранного инвестирования,

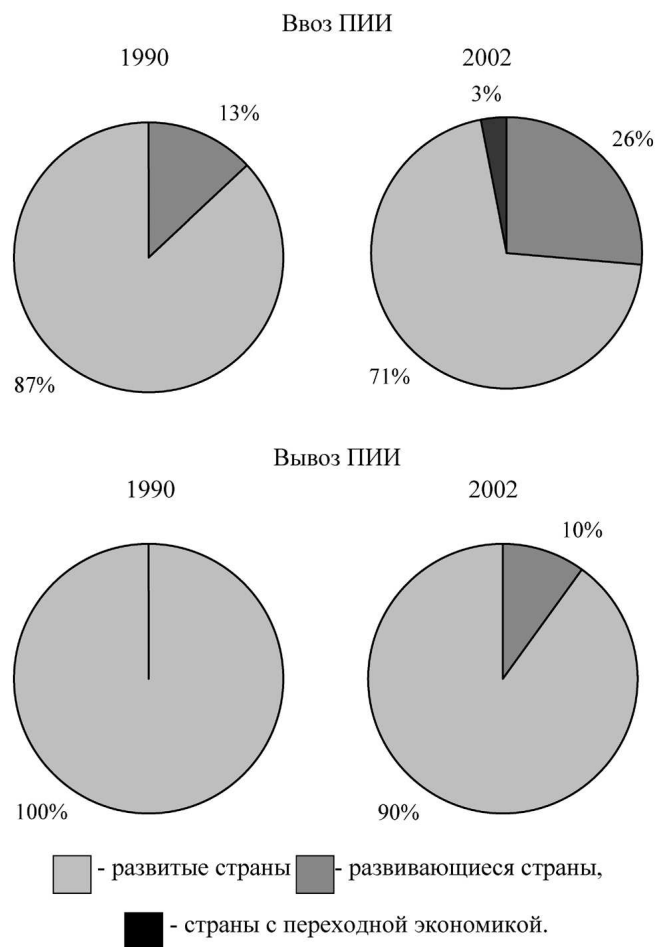

Рис. 5. Пространственная структура ПИИ в мировое гостинично-ресторанное хозяйство

Составлено по: [1.25].

реализация программ приватизации с участием иностранного капитала, а также заключение некоторыми африканскими странами соглашений о свободной торговле. В Азиатско-Тихоокеанском регионе среди факторов инвестиционной активности — подъем в ключевых отраслях экономики и индустрии туризма, улучшение инвестиционного климата, а также углубление интеграционных процессов в Юго-восточной Азии (в странах АСЕАН), которое способствует расширению перекрестной инвестиционной деятельности внутри региона. Инвестиционная привлекательность стран Центральной и Восточной Европы (Чехии, Венгрии, Польши, Словакии, Эстонии, Латвии, Литвы) объясняется уникальным сочетанием относительно низкого уровня заработной платы и ставки налога на прибыль корпораций, доступа к субсидиям Евросоюза, а также наличием квалифицированной рабочей силы и возможностью свободного выхода на рынок остальных стран ЕС [1.25].

Следует отметить, что значительная часть зарубежных инвестиций в туристскую индустрию, идущих из развивающихся стран и стран с переходной экономикой, остается в на мировой «Полупериферии» и «Периферии». Так, Россия вложила крупные капиталы в гостиничное хозяйство Украины (в Крыму и в районе Одессы), Черногории, Чешской Республики [1.9].

Говоря об изменениях в географии экспорта капитала в индустрию туризма и гостеприимства, нельзя не отметить еще один интересный факт. В настоящее время происходит перекрестное движение инвестиций не только внутри отдельных групп стран — между развитыми странами, развивающимися странами или между странами с переходной экономикой, — но также между этими группами стран. Причем потоки капиталов имеют восходящий характер — из «Полупериферии» и «Периферии» в «Центр». Этот вектор зарубежных инвестиций приносит менее развитым государствам высокие доходы, а также укрепляет их взаимосвязь с развитыми странами. Так, например, по-настоящему крупные российские инвестиции идут в гостиничное хозяйство Испании. Другой пример — влияния капиталов в американскую экономику из стран Азии через «китайские кварталы», представляющие собой сплав китайской, вьетнамской, камбоджийской и тайской культур, а также центры коммерции и туризма. В последнее время китайские кварталы возрождаются или создаются заново во многих странах мира, в частности в Германии, Нидерландах, Великобритании, Канаде.

Ведущее положение в экспорте капитала, направляемого в индустрию туризма, занимают крупные корпорации, обладающие финансовыми и иными преимуществами для осуществления инвестиций за рубежом. Особое место среди них занимают ТНК, ведущие бизнес в

гостиничном и ресторанном хозяйстве, на транспорте или в сфере развлечений. В последнее время возможность вывоза капитала получили мелкие и средние фирмы, превалирующие в секторе туризма.

Заметно изменилась роль государства в экспорте капитала.росло его значение как гаранта частных инвестиций. Влияние государства на международные инвестиции, в том числе и в индустрию туризма, проявляется также в создании наднациональных кредитно-финансовых учреждений, с помощью которых государственные денежные средства инвестируются в разных странах. К их числу относятся Фонды структурной перестройки «ЛИДЕР», «РЕШАР», «РЕЗИДЕР» и др., по линии которых предоставляется финансовая помощь для целей развития туризма в отсталых районах Евросоюза.

Третья форма экономических отношений на мировом туристском рынке сложилась по поводу внешней миграции рабочей силы. Туристская индустрия отличается высокой трудоемкостью. На каждую единицу капитальных вложений в ней создается больше рабочих мест, чем во многих других секторах экономики. По данным Всемирного совета по путешествиям и туризму, в 2004 г. в мировой индустрии туризма было занято 70 млн. человек, а с учетом косвенной занятости — 201 млн., или каждый 13 работник в мире. Ожидается, что к 2013 г. эта цифра возрастет до 250 млн. [2.5].

Развитие индустрии туризма сопровождается международными миграциями рабочей силы, которые объясняются неравномерностью развития национальных рынков туризма и упрощением иммиграционного законодательства в ряде стран. Так, в Западной Европе вплоть до 1970-х годов, в долгий послевоенный период экономического роста и расширения туристского движения отмечалась нехватка трудовых ресурсов. Доступ иностранцев на рынки рабочей силы этих стран был облегчен. Египтяне, греки, армяне, итальянцы, иммигрируя, трудоустраивались в секторе туристских услуг и способствовали его подъему в таких государствах, как Франция и Великобритания. Позднее, с ухудшением экономической конъюнктуры и ростом безработицы Западная Европа перешла к политике ограничения импорта рабочей силы. Тем не менее в Швейцарии свыше половины занятых в гостиничном и ресторанном хозяйстве составляют иммигранты, в Германии — более трети. На приморских курортах Испании находят работу нелегальные мигранты. В США рост миграционных потоков продолжается по настоящее время. На долю трудящихся-иммигрантов приходится более 5% экономически активного населения страны [1.7]. Многие из этих лиц находят работу в индустрии туризма.

По профессионально-квалификационному составу поток мигрантов в мировой индустрии туризма состоит из двух групп: малоквалифицированной рабочей силы и квалифицированных специалистов.

Основная масса трудящихся-мигрантов в индустрии туризма — это работники, занятые низкооплачиваемым, неквалифицированным и непрестижным трудом. Некоторые особенности характера и организации труда на туристских предприятиях объясняют повышенный спрос отрасли на иностранную рабочую силу низкой квалификации. Одна из главных особенностей состоит в том, что механизация и автоматизация слабо затронули сектор туристских услуг. 80% занятых в индустрии туризма составляет неквалифицированная рабочая сила. Другие особенности трудовых отношений — невысокая заработная плата, сравнительно длинная рабочая неделя со специальным графиком и режимом работы, слабое участие профсоюзов в жизни трудовых коллективов — также мешают укреплению престижа туристских профессий среди местного населения и диктуют необходимость привлечения иностранной рабочей силы. В гостиничном и ресторанном хозяйстве стран Евросоюза 80% занятых отрабатывают от двух до пяти выходных дней в месяц, 41% выходит на работу в ночное время шесть и более раз в месяц. При этом уровень заработной платы на предприятиях индустрии туризма на 20% ниже, чем в среднем по странам ЕС. Все это обуславливает высокую текучесть кадров в отрасли. По данным Международной организации труда, в США свыше половины занятых в индустрии туризма увольняются в течение первого года работы, в Великобритании — более 40%. Текучесть кадров на предприятиях общественного питания быстрого обслуживания в Европе и США составляет в среднем 300% в год [1.16].

Высокий спрос на иностранную рабочую силу связан также с сезонным характером работы. Его пик приходится на подъем деловой активности в период наплыва туристов. В это время число занятых в индустрии туризма возрастает в Австрии почти на треть, в Испании и Италии — на половину, в Дании — в два раза. Иммиграция является важным источником, восполняющим нехватку кадров в индустрии туризма развитых стран. В Западной Европе образовавшиеся на нем вакантные ниши заполняются трудовыми мигрантами из развивающихся и восточноевропейских стран, в США — из соседней Мексики и стран Карибского бассейна. Например, в Германии закусовые сети «Макдоналдс» предоставляют работу иммигрантам из стран Центральной и Восточной Европы, у которых возникают проблемы с трудоустройством из-за языкового барьера и отсутствия опыта работы. Многие из них вынуждены перебиваться случайными заработками, заниматься низкооплачиваемым трудом. Они часто ущемляются в правах, находятся на нелегальном положении [1.16].

Что касается миграции квалифицированных кадров, их потоки в индустрии туризма пока незначительны. Однако с развитием туристского рынка меняется характер труда. Он усложняется, углубляется

его специализация. Выполнение должностных обязанностей требует профессиональных знаний и навыков. В индустрии туризма открываются возможности карьерного роста. В перспективе это будет способствовать изменению ситуации на рынке труда мировой индустрии туризма.

Целостное представление о географии международного туризма в мире складывается благодаря сопряженному анализу структурно-функционального и генетического аспектов состояния и развития мирового рынка путешествий. Структурно-функциональный подход был реализован выше, теперь обратимся к генетическому подходу. Одним из важнейших свойств системных объектов, в частности туристского рынка, является их способность к развитию. В нем прослеживаются циклично-волновые колебания, которые рассматриваются как нарушение и восстановление рыночного равновесия. Исследование колебательных процессов в международном туризме опирается на четыре исходных положения общей теории экономического цикла.

Во-первых, цикл с самого начала трактовался как постоянно повторяющиеся колебания деловой активности. При таком подходе первичным объектом изучения является всё колебание в целом, а не отдельные его фазы, в частности кризисы перепроизводства, которые следует понимать как результат предшествующего и как условие последующего состояния экономики. По образному выражению основоположника инновационной теории циклических колебаний американского ученого Й. Шумпетера «волна сменяет кризис в роли главного героя пьесы» [1.11].

Во-вторых, экономическая динамика полициклическа. Общее колебательное движение деловой активности представляет собой синтез ряда волн с разными периодом, амплитудой и механизмом колебаний. Сравнительно хорошо изучены малый цикл Китчина продолжительностью 3–4 года, среднесрочный 7–11 лет цикл Жугляра, цикл Кузнеца (15–25 лет) и длинный Кондратьевский цикл примерно с полувековой ритмикой. Эти циклы, переплетаясь, оказывают влияние друг на друга.

В-третьих, циклическое колебание происходит относительно положения равновесия. Динамическое равновесие — это то нормальное и желательное состояние экономики, которое она всегда стремится достичь. Отклонения от равновесной траектории вниз на фазе кризиса и вверх в период подъема — таково обобщенное представление цикла в научной литературе.

В-четвертых, циклические колебания происходят независимо от долговременного экономического роста. С помощью методов математического моделирования в общей динамике экономической системы удалось выделить основной тренд и вполне самостоятельные

колебания вокруг него. Причем механизмы колебаний были логически независимы не только от факторов экономического роста, но и от самой предпосылки его существования.

Циклические колебания на мировом туристском рынке прослеживаются на протяжении послевоенного периода. В качестве наиболее обобщенного показателя развития мирового туризма выбран индекс числа международных туристских прибытий. Он дает достаточно полную и надежную картину состояния мирового туристского рынка и происходящих на нем пульсирующих изменений. К тому же число международных туристских прибытий является единственным показателем статистики международного туризма, по которому может быть построен необходимой длины статистический ряд для описания циклической динамики. Результаты математической обработки статистической информации содержат неопровержимые доказательства того, что развитие мирового туристского рынка подчиняется законам циклической динамики (рис. 6).

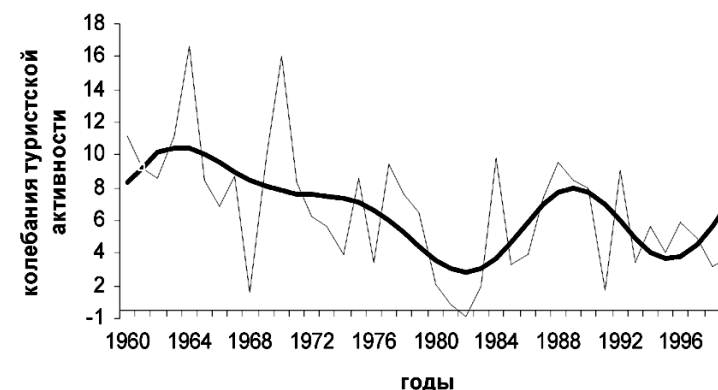

Рис. 6. Конъюнктурные циклы в международном туризме, 1960–2000 гг.:

..... — динамика цепных темпов прироста международных туристских прибытий;
 — сглаженный динамический ряд при помощи ряда Фурье.

На мировом туристском рынке конъюнктурные колебания носят закономерный характер. Эти изменения происходят стихийно, но их регулярность сразу обращает на себя внимание. Мировой туризм развивается не плавно, а рывками и толчками. В его движении сравнительно четко выражены последовательно повторяющиеся фазы кризиса, депрессии, оживления и подъема. Мировой туризм постоянно находится в режиме колебательного движения весьма сложной структуры. С помощью метода спектрального анализа динамический ряд индексов международных туристских прибытий был пропущен словно через призму: выделен спектр циклично-волновых колебаний

и определена значимость каждого циклического компонента. Циклический процесс в международном туризме был разложен на отдельные вполне самостоятельные виды колебаний с периодами 2–5, 6–11 и 13–20 лет. В реальной действительности они тесно взаимодействуют между собой, переплетаясь и накладываясь один на другой.

Циклы туристской конъюнктуры связаны с длинными волнами Кондратьева. Анализ их взаимодействия проливает свет на особенности развития мирового туризма на том или ином отрезке времени. Естественно, кризисы в туризме тем глубже, а подъемы значительнее, чем синхроннее две волны достигают соответственно своих низших и высших точек. Наиболее существенный подъем в международном туризме в начале 1960-х годов приходился на повышательную фазу суммарного колебания, а самый глубокий кризис за всю послевоенную историю международного туризма в начале 1980-х годов — на понижательную фазу. В целом, приходящиеся на понижательную фазу цикла Кондратьева туристские циклы характеризуются большей длительностью и глубиной депрессии, а также слабыми подъемами. На повышательной фазе складывается диаметрально противоположная картина (рис. 7).

Циклические колебания международного туризма имеют закономерную пространственно-временную организацию, в которой можно выделить центры локализации импульса и периферию колебательных процессов, а также определенную периодичность в возникновении импульсов. Центры локализации импульса совпадают с «Ядрами» глобального туристского пространства (образующими его «Центр»), где концентрируются основные туристские потоки и генери-

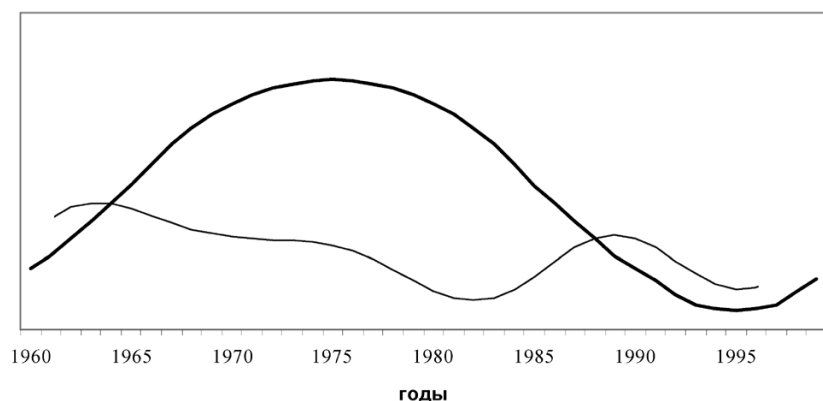

Рис. 7. Взаимодействие длинных волн Кондратьева и циклов туристской конъюнктуры:

— — IV длинная волна; ---- — циклы туристской конъюнктуры.

руются инновации. Зарождающиеся в «Ядрах» циклические колебания затем распространяются на «Полупериферию» и «Периферию». На рис. 8 показаны региональные тренды развития мирового туризма за послевоенный период.

При сравнении этих графиков обнаруживается совпадение долгосрочных колебаний динамики роста международных туристских прибытий. Обращает на себя внимание общая тенденция к ее замедлению. Она имеет место не только в «Ядрах» глобального туристского пространства, но также в регионах «Полупериферии» и «Периферии». Подобная синхронность не может быть объяснена только действием внутренних факторов развития отдельных стран, их групп или регионов. По всей видимости, она обусловлена длительно и объективно действующими процессами, не ограниченными национальными рамками. Ее можно представить как закономерное проявление в динамике международного туризма нисходящей фазы IV цикла Кондратьева.

Вместе с тем замедление динамики роста международного туризма в разных регионах происходило далеко не одинаково. С наибольшей силой оно выражено на «Полупериферии» и «Периферии», где среднегодовые темпы прироста международных туристских прибытий в 1980-х годах по сравнению с предшествующим десятилетием сократились примерно вдвое. Несмотря на существенное падение темпы прироста прибытий в этих регионах остаются выше, чем в «Ядрах» глобального туристского пространства. Регионы «Полупериферии», где

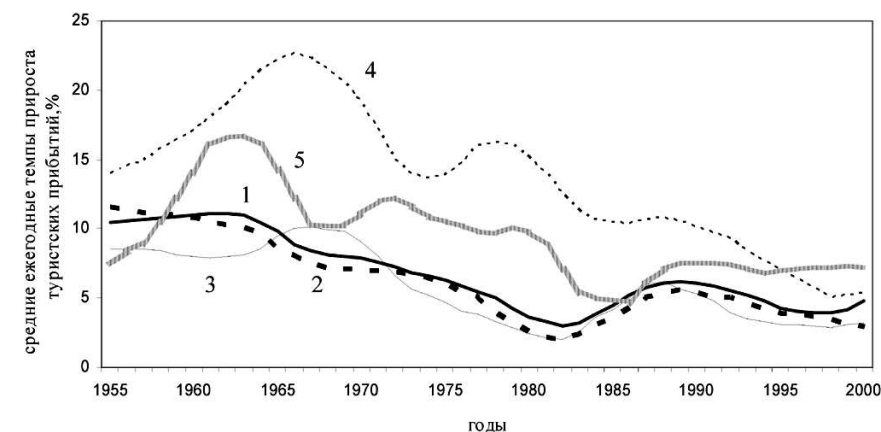

Рис. 8. Циклично-волновые колебания в международном туризме в целом по миру и отдельным регионам, 1955–2000 гг. :

1 — мир в целом, 2 — Европа, 3 — Америка, 4 — Азиатско-Тихоокеанский регион, 5 — Африка, Ближний Восток, Южная Азия.

Источник: [1.26].

значительны не только темпы прироста, но и абсолютные величины туристских прибытий, выполняют важную стабилизирующую роль в циклическом движении мирового туризма. Модель циклического развития мирового туризма придает целостный характер новой концепции пространственной поляризации мирового рынка туризма, отражающей современные представления о его территориальной структуре.

ЛИТЕРАТУРА

- 1.1. *Александрова А.Ю.* Международный туризм. М.: Аспект Пресс, 2004.
- 1.2. *Александрова А.Ю.* Структура туристского рынка. М.: Пресс-Соло, 2002.
- 1.3. *Александрова А.Ю.* Формирование новой географии туризма в России XXI века. Мировоззренческая концепция развития туризма (концепция пространственной поляризации мирового рынка туризма) // География туризма. М.: КНОРУС, 2008.
- 1.4. *Гезгала Я.* Туризм в народном хозяйстве. М.: Прогресс, 1974.
- 1.5. *Зачиняев П.Н., Фалькович Н.С.* География международного туризма. М.: Мысль, 1972.
- 1.6. *Крючков А.А.* История международного и отечественного туризма. М.: Луч, 1999.
- 1.7. *Мироненко Н.С.* Введение в географию мирового хозяйства: Международное разделение труда. М.: Аспект Пресс, 2006.
- 1.8. *Семенов К.А.* Международные экономические отношения. М.: Гардарики, 2000.
- 1.9. *Темный Ю.В., Темная Л.Р.* Экономика туризма. М.: Советский спорт, 2003.
- 1.10. *Усыскин Г.С.* Очерки истории российского туризма. СПб: Издательский торговый дом «Герда» дом, 2000.
- 1.11. *Шумпетер Й.* Теория экономического развития (Исследование предпринимательской прибыли, капитала, кредита, процента и цикла конъюнктуры). М., 1991.
- 1.12. Энциклопедия туриста/ Гл ред. Е.И. Тамм. М.: Большая Российская энциклопедия, 1993.
- 1.13. *Bull A.* The Economics of Travel and Tourism. Melbourne: Pitman, 1991.
- 1.14. Compendium of Tourism Statistics 1988–1992. Madrid: WTO, 1994.
- 1.15. EIU Travel & Tourism Analyst. 1994. № 3.
- 1.16. Human resources development, employment and globalization in the hotel, catering and tourism sector: Report / International Labors Office. Geneva: ILO, 2001.
- 1.17. International Trade Statistics 2005 / World Trade Organization. Geneva: World Trade Organization, 2005.

- 1.18. *Irwin D.A.* Long-run trends in world trade and income // World Trade Review. 2002. Vol. 1. № 1.
- 1.19. *Pantig E.B., Smith S.L.J.* Tourism statistics and international trade statistics: challenges and research needs. Central paper: Session 2 // The Tourism Satellite Account (TSA): Understanding Tourism and Designing Strategies/ WTO conference. Argentina/Brazil/Paraguay, Iguazu Falls, 3–6 October 2005.
- 1.20. Tourism 2020 Vision. Vol. 4. Europe. Madrid: WTO, 2000.
- 1.21. Tourism Economic Report / World Tourism Organization. Madrid: WTO, 1998.
- 1.22. Tourism Highlights 2005 ed./ World Tourism Organization. Madrid: WTO, 2005.
- 1.23. Tourism Highlights 2007 ed./ World Tourism Organization. Madrid: WTO, 2007.
- 1.24. Tourism Market Trends. Europe / World Tourism Organization. Madrid: WTO, 2003.
- 1.25. World Investment Report 2004: The Shift Towards Services. Overview/UNCTAD. N.Y.-Geneva: United Nations, 2004.
- 1.26. Yearbook of Tourism Statistics/ World Tourism Organization. Madrid: WTO, 1996. Vol. 1, 49 ed.

РЕСУРСЫ ИНТЕРНЕТА

- 2.1. Американско-французская фирма «Карлсон Вагонли Тревел». [Официальный сайт] <http://www.carlsonwagonlit.com/>
- 2.2. Американская корпорация «Сендант». [Официальный сайт] <http://www.cendant.com/>
- 2.3. Ассоциации туристской индустрии Америки. [Официальный сайт] <http://tinet.ita.doc.gov/>
- 2.4. Всемирная туристская организация. [Официальный сайт] <http://world-tourism.org/facts/menu.htm/>
- 2.5. Всемирный совет по путешествиям и туризму. [Официальный сайт] <http://www.wttc.org/>
- 2.6. Гостиничная корпорация «Аккор». [Официальный сайт] <http://www.accor.com/>
- 2.7. Корпорация «Америкен Экспресс». [Официальный сайт] https://home.americanexpress.com/home/mt_personal.shtml?/
- 2.8. Сеть закусочных «Макдоналдс». [Официальный сайт] <http://www.mcdonalds.com/corp.html/>

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ И ВРЕМЕННАЯ НЕРАВНОМЕРНОСТЬ В РАЗВИТИИ МОБИЛЬНОЙ СВЯЗИ КАК ОДНО ИЗ ПРОТИВОРЕЧИЙ ПРОЦЕССА ГЛОБАЛИЗАЦИИ

С.А. Тархов

Глобализация — общемировая универсализация и консолидация форм и видов деятельности людей, проживающих в разных государствах, сильно различающихся и обладающих уникальными местными особенностями.

А.А.Галкин определяет ее как «современный этап интернационализации международных отношений, экономических, политических и социально-культурных процессов, отличающихся особой интенсивностью. Основными ее проявлениями являются консолидация единого мирового рынка, активное развитие межгосударственных финансовых, торговых и производственных связей, расширение денежных, товарных и людских потоков, ускоренная адаптация социальных структур к динамичным экономическим процессам, культурная универсализация, становление всеобщего информационного пространства на базе новейших технологий» [1].

Появление и распространение современных видов телекоммуникаций (мобильная связь, Интернет) ускорили процессы мировой глобализации, поскольку такие удобные средства связи упростили контакты между людьми разных стран во всех областях человеческой деятельности (социальной, культурной, экономической, политической). Нами рассмотрены особенности распространения мобильной телефонной связи в странах мира и выявлены различия между отдельными макрорегионами и странами, которые, несмотря на быструю экспансию этого вида связи, не уменьшаются, а сохраняются.

Рост сети мобильной связи в 2002–2006 гг. шел такими быстрыми темпами, пожалуй, как ни в одной другой отрасли телекоммуникаций, транспорта или промышленности. В 2004 г. в мире насчитывалось 1 752 184 тыс. подписчиков мобильной связи, в 2005 г. — 2 168 433,6 тыс., в конце 2006 г. — 2 661 075,2 тыс. (в середине 2007 г. эта цифра преодолела рубеж в 3 млрд.). Соответствующие показатели в Китае — 269 000 тыс., 334 824 тыс., 461 058 тыс. (в конце

2007 г. — 547 286 тыс.); в США — 158 722 тыс., 219 400 тыс. и 233 000 тыс. В других странах в конце 2006 г. подписчиков мобильной связи было: в Индии — 166 050 тыс., России — 146 900 тыс. (в конце 2007 г. — 172 870 тыс.), Японии — 101 698 тыс., Бразилии — 99 919 тыс., Германии — 84 300 тыс., Италии — 71 500 тыс., Великобритании — 69 657 тыс., Индонезии — 63 803 тыс., Мексике — 57 016 тыс., Франции — 51 662 тыс., Украине — 49 076 тыс., Испании — 36 152 тыс., Турции — 43 609 тыс.

В 2003 г. в целом в мире было продано 520 млн. сотовых телефонов, в 2004 г. — 713 млн., в 2005 г. — 816,6 млн., в 2006 г. — 1 017,4 млн., в 2007 г. — 1 144,1 млн. В 2007 г. компания «Nokia» продала 38,2% всех мобильных телефонов мира (437,1 млн.), «Samsung» — 14,1% (161,1 млн.), «Motorola» — 13,9% (159,0 млн.), «Sony Ericsson» — 9,0% (103,4 млн.) и «LG Mobile» — 7,0% (80,5 млн.). В 2006 г. в Китае было произведено 450 млн. мобильных телефонов, из которых 350 млн. экспортировано (в 2007 г. произведено ок. 500 млн.).

Основными факторами, влияющими на скорость расширения сети мобильной связи в мире, являются географические (положение относительно мировых городов и финансовых центров, плотность населения, уровень урбанизации) и экономические (душевой ВВП, средний уровень доходов населения, уровень экономической активности населения). Потребность в сотовых телефонах значительно выше у людей, занятых бизнесом, коммерцией, образованием, а также у других активных коммуникативных групп населения.

Для распространения мобильной связи и расширения сети сотовых телефонов характерна большая пространственная неравномерность. В европейских странах, США, Канаде, Японии, Сингапуре, Австралии и ряде других постиндустриальных и промышленно развитых стран к 2007 г. завершилось насыщение рынка мобильной связи и наступила фаза перенасыщения (она характеризуется уровнем в 1500–1800 сотовых телефонов на 1 тыс. жителей). В средне- и слабо развитых странах Африки, Азии, Латинской Америки и Океании, напротив, процесс расширения мобильной связи только разворачивается, сеть сотовых телефонов ежегодно увеличивается в несколько раз.

Наступил этап, когда число новых сотовых телефонов в странах Европы, Северной Америки и Японии увеличивается все медленнее, а их число в других странах продолжает стремительно расти. В результате доля мобильной связи стран Восточной и Юго-Восточной Азии, Латинской Америки в мире начинает увеличиваться, а стран Европы и Северной Америки сокращаться. В 2004 г. на сеть мобильных телефонов Восточной и Юго-Восточной Азии приходилось 35% мировой се-

ти, Западной Европы — 18%, Северной Америки — 12%, Японии — 5%, остальных стран — 30%.

Уровень обеспеченности населения сотовыми телефонами измеряется их числом на 1 тыс. жителей («уровень проникновения мобильной связи»). Территориальные различия по этому показателю очень велики (2005 г.): от 1769 до 6 (разрыв составляет почти 300 раз). Средний уровень проникновения мобильной связи в мире составлял 336, в Европейском Союзе — 688. Эти величины взяты в качестве основных количественных признаков для деления стран на типы обеспеченности населения мобильной связью (некоторые названия типов мы заимствовали в [2]).

Все страны по степени развитости мобильной связи можно разделить на передовые (более 700 телефонов на 1 тыс. жителей), полупериферийные (от 330 до 700), периферийные (от 100 до 330) и отсталые периферийные (менее 100 сотовых телефонов на 1 тыс. жителей). Сведения об обеспеченности населения сотовыми телефонами на 2005 г. представлены в табл. 1, где также дается типология стран мира по уровню проникновения мобильной связи.

Передовые страны. Самый высокий уровень обеспеченности сотовыми телефонами (более 1000 телефонов на 1 тыс. жителей) в 2005г. имели страны Персидского залива (ОАЭ — 1769, Бахрейн, Кувейт, Катар), многие европейские страны (Италия, Литва, Чехия, Португалия, Ирландия, Норвегия, Исландия, Испания, Великобритания, Дания, Финляндия), Израиль, Гонконг, Макао.

От 800 до 1000 телефонов на 1 тыс. жителей имеют многие европейские страны (Австрия, Нидерланды, Германия, Греция, Швеция, Венгрия, Швейцария, Бельгия, Словакия, Россия), страны Восточной и Юго-Восточной Азии (Сингапур, Тайвань, Малайзия), Австралия и Новая Зеландия. Менее 800 телефонов на 1 тыс. жителей имеют Франция, Южная Корея, ЮАР, Польша, Япония, США.

К **полупериферийным странам** (от 330 до 700 телефонов на 1 тыс. жителей) относятся Хорватия, Чили, Турция, Тунис, Аргентина, Канада, Саудовская Аравия. Многие среднеразвитые страны Латинской Америки, Азии, а также Украина имеют от 330 до 570 телефонов на 1 тыс. жителей.

К **периферийным странам** относятся Казахстан, Китай (мировой лидер по абсолютному числу сотовых телефонов (393 млн. в конце 2005 г.; 547 млн. в конце 2007 г.), имеющий не очень высокий уровень обеспеченности мобильной связью — 301 телефон на 1000 жителей, т.е. ниже среднемирового уровня), Палестина, Намибия.

Таблица 1
Типы стран по степени обеспеченности населения мобильной связью (число подключенных терминалов сотовой связи на 1 тыс. жителей в 2005 г.)

Тип и уровень обеспеченности (число стран в типе)	Количественные градации	Страны
1.Передовые с очень высоким уровнем (17)	Более 1000	ОАЭ (1769), Израиль (1268), Гонконг (1260), Италия (1243), Литва (1210), Макао (1187), Чехия (1150), Бахрейн (1089), Португалия (1083), Ирландия (1049), Норвегия (1035), Исландия (1024), Испания (1024), Кувейт (1019), Великобритания (1017), Дания (1007), Финляндия (1002)
2.Передовые с высоким уровнем (17)	800-1000	Австрия (997), Сингапур (991), Тайвань (968), Нидерланды (965), Германия (961), Греция (941), Швеция (937), Венгрия (931), Кипр (922), Австралия (917), Швейцария (914), Бельгия (913), Новая Зеландия (875), Россия (866), Словакия (836), Катар (831), Малайзия (816)
3.Передовые со средним уровнем (6)	700-800	Франция (792), Южная Корея (792), ЮАР (766), Польша (755), Япония (743), США (735)
4.Полупериферийные с высоким уровнем (5)	570-700	Европейский Союз (688), Хорватия (664), Чили (661), Турция (626), Маврикий (579)
5.Полупериферийные со средним уровнем (13)	330-570	Тунис (564), Аргентина (559), Суринам (532), Канада (506), Саудовская Аравия (503), Эквадор (467), Бразилия (463), Мексика (447), Алжир (420), Таиланд (418), Марокко (379), Гайана (367), Украина (363), мир (336)
6.Периферийные со средним уровнем (6)	200-330	Казахстан (326), Китай (301), Палестина (291), Боливия (273), Намибия (244), Перу (200)
7.Периферийные с низким уровнем (9)	100-200	Индонезия (194), Экваториальная Гвинея (181), Шри-Ланка (168), Нигерия (164), Конго (161), Сенегал (155), Камерун (138), Кения (136), Гана (135),
8.Отсталые периферийные с очень низким уровнем (10)	30-100	Пакистан (79), Мали (71), Бангладеш (62), Индия (57), Уганда (56), Зимбабве (55), Танзания (53), Судан (45), Таджикистан (37), Руанда (34)
9.Наиболее отсталые периферийные (7)	Менее 30	Мадагаскар (28), Узбекистан (27), Нигер (26), Чад (21), Бутан (17), Непал (9), Эфиопия (6)

Источник: [3]. Рассчитано автором по 90 странам, для которых имелась сопоставимая информация.

Большинство экономически наименее развитых стран Азии и Африки относятся к отсталым периферийным в плане развития мобильной связи. Они имеют крайне низкий уровень проникновения мобильной связи: от 80 (Пакистан, Мали) до 6. Мобильная связь совсем не развита на Мадагаскаре (28 телефонов на 1 тыс. жителей), в Узбекистане (27), Нигере (26), Чаде (21), Бутане (17), Непале (9), Эфиопии (6).

Таким образом, к странам с передовой мобильной связью относятся нефтедобывающие страны Персидского залива, Европы, США, постиндустриальные центры Азии и Австралии; к полупериферийным — экономически среднеразвитые страны Юго-Восточной Европы, Ближнего Востока, Латинской Америки и Азии, Канада; к периферийным — относительно быстро развивающихся страны Азии (в т.ч. Китай) и Африки; к отсталым — большинство стран Африки и экономически самые слаборазвитые страны Азии, Океании и Латинской Америки.

Таблица 2

Крупнейшие операторы сотовой связи мира, зоны их влияния и число подписчиков (на конец 2007 г.)

Оператор (штаб-квартира: страна)	Страны, обслуживаемые оператором	Число подписчиков (млн. чел.)
1. <u>China Mobile</u> (Китай)	КНР (включая Гонконг), Пакистан	349,6
2. <u>Vodafone</u> (Великобритания)	Большая часть Европы, Австралия, США, Новая Зеландия, ЮАР, Египет, Индия, Турция	206
3. <u>SingTel</u> (Сингапур)	Сингапур, Австралия, Индия, Индонезия, Таиланд, Филиппины, Бангладеш, Пакистан	157,9
4. <u>China Unicom</u> (КНР)	КНР (включая Макао)	157,5
5. <u>Telefonica / Movistar / O₂</u> (Испания)	Испания, большая часть Латинской Америки (Бразилия, Аргентина, Мексика и другие), Великобритания, Германия, Чехия, Марокко, Ирландия, Словакия, Босния и Герцеговина	154,8
6. <u>America Movil</u> (Мексика)	США, Аргентина, Чили, Колумбия, Парагвай, Уругвай, Мексика, Пуэрто-Рико, Эквадор, Перу, Бразилия, Доминиканская Республика, Гватемала, Гондурас, Никарагуа, Сальвадор	143,4
7. <u>Telenor</u> (Норвегия)	Скандинавия, Сербия, Восточная Европа, Бангладеш, Пакистан и другие страны Азии	115,0
8. <u>T-Mobile</u> (Германия)	Германия, США, Великобритания, Польша, Нидерланды, Австрия, Чехия, Венгрия, Словакия, Хорватия, Македония, Черногория, Босния и Герцеговина, Пуэрто-Рико	113,7

9. <u>Orange / France Telecom</u> (Франция)	Франция, Великобритания, Швейцария, Польша, Испания, Израиль, Румыния, Молдова, Словакия, Нидерланды, Босния и Герцеговина, несколько стран Африки и Антильских островов	106,8
10. <u>TeliaSonera</u> (Швеция)	Скандинавия, страны Балтии, Россия, Турция, Испания	100,2
11. <u>МТС</u> (Россия)	Россия, Украина, Беларусь, Узбекистан, Туркменистан	81,97
12. <u>AT&T Mobility</u> (США)	США, Пуэрто-Рико, Американские Виргинские острова	67,4
13. <u>Orascom Telecom</u> (Египет)	Алжир, Бангладеш, Египет, Греция, Италия, Пакистан, Тунис, Зимбабве	65,0
14. <u>Verizon Wireless</u> (США)	США	63,7
15. <u>Telecom Italia / TIM</u> (Италия)	Италия, Бразилия	61,1
16. <u>Sprint Nextel</u> (США)	США, Пуэрто-Рико	54,0
17. <u>ВымпелКом</u> (Россия)	Россия, Казахстан, Украина, Узбекистан, Таджикистан, Грузия, Армения	53,3
18. <u>Bharti Airtel</u> (Индия)	Индия, Сейшельские острова, Джерси	53,12
19. <u>NTT DoCoMo</u> (Япония)	Япония	52,94
20. <u>Telkomsel</u> (Индонезия)	Индонезия	42,81

Источник: [5]. Таблица учитывает 20 крупнейших операторов, по которым имела сопоставимая информация.

Большинство крупнейших операторов мобильной связи (табл. 2) представляют собой транснациональные корпорации, имеющие штаб-квартиры в какой-либо одной европейской стране, но сфера их влияния охватывает многие макрорегионы и страны мира. Таким образом, даже на рынке сотовой телефонной связи налицо процесс пространственной консолидации национальных систем телекоммуникаций, т.е. одно из проявлений глобализации. Постепенно многие небольшие национальные операторы сотовой связи поглощаются разрастающимися более крупными мегарегиональными операторами. Такое поглощение и является одной из форм процесса интернационализации и глобализации.

В мире происходит быстрая экспансия сотовой связи, которая идет пространственно крайне неравномерно: уровень ее обеспеченности быстро увеличивается в технологически передовых странах, нефтедобывающих странах; медленнее — в прилегающих к ним менее развитых странах; очень медленно — на полупериферии и пери-

фери. Наряду с передовыми странами с быстро расширяющейся системой телекоммуникаций существуют отсталые и самые отсталые страны, где уровень обеспеченности сотовой связью низок даже по среднемировым меркам. Межстрановой разрыв между полюсами роста и отсталой периферией в мире составляет 300 раз. Сокращение такого большого разрыва — одна из задач, которую должна решать мобильная связь. Однако сокращение как межрегиональных, так и внутрирегиональных разрывов, как показывает практика, невозможно из-за непреодолимых объективных и субъективных условий и факторов, которые определяют социальную и экономическую судьбу разных стран. Таким образом, телекоммуникации, являясь проводником глобализации, в то же время по характеру своего пространственного распространения не могут нивелировать сложившиеся межстрановые различия и отставание большинства стран от передовых стран. Глобализация в разных странах протекает с разной скоростью, и всегда будут страны-лидеры, страны-середняки и отсталые страны; разрыв в интенсивности этого процесса непреодолим.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Галкин А.А.* Глобализация// Большая Российская Энциклопедия. — 2007. — Т. 7. — с. 245–247
2. *Кашутин П.С.* Глобализация сотовой связи и особенности ее развития в макрорегионах мира: Автореферат диссертации на соискание степени кандидата географических наук. — М.: ИГ РАН, 2006.
3. <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/rankorder/2151rank.html>
4. <http://www.idc.com/getdoc.jsp?jsessionId=LTQOIV4H4ODDCCQ-JAFICFFAKBEAUMIWD?containerId=prUS21053908>
5. http://en.wikipedia.org/wiki/List_of_mobile_network_operators

IV. РОССИЯ И ЗАРУБЕЖНЫЕ СТРАНЫ

Сельское хозяйство России на фоне Европы: изменения 1990–2006 гг.

Т.Г. Нефедова

Россия вынуждена импортировать около трети продовольствия, что, по оценкам экспертов, на 10–15% превышает порог продовольственной безопасности страны. В то же время сельскохозяйственное производство остается важным фактором ее регионального развития, что не характерно для постаграрных и постиндустриальных стран. Почти на всей территории южнее Московской области доля агропроизводства в валовом региональном продукте (ВРП) превышает 10%. Доля занятых в сельском хозяйстве в несколько раз выше показателей многих стран ЕС. И даже инвестиции в сельское хозяйство в ряде регионов достигают 10% и более от их общего объема [8]. Это означает, что состояние агропромышленного комплекса в значительной степени влияет на развитие экономики страны и ее регионов и определяет качество жизни людей.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО РОССИИ И СТРАН ЕС

В связи с сильным расширением ЕС при сравнении этой группы стран с Россией целесообразно выделить новые члены ЕС (страны Восточной Европы и Балтии) и старые члены, входившие в сообщество до распада СССР и реформ в России. Сравнение этих трех групп стран показывает, что продовольственный кризис в России к 1990 г. был обусловлен не столько недостаточным объемом собственно сельскохозяйственного производства, сколько вызван его нерациональной организацией и огромными потерями продовольствия на последующих этапах перераспределения продукции. Например, зерна на душу населения производилось больше, чем в странах ЕС, однако завышенное поголовье низкопродуктивного скота и его нерациональ-

ный кормовой рацион обуславливали дефицит зерна и мяса (табл. 1). Поголовье птицы на душу населения также сильно превышало показатели стран ЕС. Площадь пашни была в два раза больше, чем в старых странах ЕС притом, что населения уже в 1990 г. было в 2,5 раза меньше. Урожайности культур и продуктивность скота отставали очень сильно.

В результате экономического кризиса и реформ многие показатели российского сельского хозяйства изменились, причем не все в худшую сторону. Например, современная Россия производит примерно столько же зерна на душу населения, сколько и старые члены ЕС. Производство овощей Россия заметно увеличила (правда за счет мелких хозяйств населения), приближаясь к душевым показателям европейских стран. Выросли за счет модернизации производства и выбраковки непродуктивного скота надои молока на одну корову, хо-

Таблица 1
Производство сельскохозяйственной продукции и поголовье скота и птицы в России и странах ЕС в 1990 и 2005 гг.

	Россия		Старые члены ЕС		Новые члены ЕС	
	1990	2005	1990	2005	1990	2005
Производство на душу населения, кг в год						
Зерно	789	546	538	532	809	838
Картофель	208	262	124	113	445	180
Овощи	77	113	142	149	132	122
Мясо	68	34	96	92	91	68
Молоко	377	218	338	311	357	281
Поголовье скота и птицы на 1000 жителей, голов						
Крупный рогатый скот	385	151	249	199	270	132
Свины	259	95	320	318	556	351
Птица	4462	2470	2592	2673	3393	3385
Продуктивность коров, тонн/год от одной коровы						
Надой молока	2.7	3.2	4.5	6.3	3.4	4.8

Рассчитано по [9]

тя разрыв со странами ЕС все равно усилился, а общее производство молока и мяса уменьшились.

Особенно наглядно сравнение производительности труда в сельском хозяйстве этих групп стран (табл. 2). В России в сельскохозяйственных организациях в среднем занято около 10% (в некоторых районах до 20–30%) от общего числа занятых в народном хозяйстве, в то время как в старых членах ЕС — в среднем 2,7%. Кроме того, там,

где есть деревня, в России всегда есть личное подсобное хозяйство: хотя бы огороды с курами, скотиной. Плюс дачи, которыми владеют почти $\frac{2}{3}$ горожан. В результате в России завышено (по сравнению с объемами продукции) число занятых в сельском хозяйстве, производительность труда в нем отличается от стран ЕС в несколько раз, а при производстве мяса — почти на порядок (табл. 2). Новые члены ЕС, несмотря на усиленную модернизацию, также пока отстают от стран Запада по производительности труда, главным образом за счет южной группы восточно-европейских стран, перешедших на мелкое по-

Таблица 2

Производство на одного занятого в сельском хозяйстве в России и странах ЕС в 2005 г., тонн

	Россия	Старые члены ЕС	Новые члены ЕС
Зерна	11.3	39.6	13.0
Картофеля	5.4	8.5	2.8
Овощей	2.3	11.1	1.9
Мяса	0.7	6.8	1.0
Молока	4.5	23.2	4.4

Рассчитано по [9]

лунатуральное хозяйство [5], хотя продуктивность скота и земли у них выше, чем в России.

Столь сильные различия в результатах сельскохозяйственной деятельности в России и странах ЕС созданы, конечно, не современной ситуацией. Они обусловлены различиями хозяйственного механизма и организации деятельности, формированием на востоке Европы устойчивой психологии наемных сельскохозяйственных работников и т.п. Кроме того, современная сельская Россия во многом напоминает Европу середины и даже начала XX века с ее продовольственной зависимостью, депрессивными сельскими территориями и т.п. [2]. Во второй половине XX века российское сельское хозяйство по продуктивности и производительности труда постоянно отставало от бывших социалистических стран Центральной и Восточной Европы примерно на 20–30 лет, от стран Западной Европы — на 40–60 лет.

Реформы 1990-х годов стали тяжелым испытанием для сельского хозяйства России. Оно оказалось одной из самых пострадавших отраслей. Это и напряжение от изменившейся и непредсказуемой среды, лишение привычных дотаций, госпоставок и госзакупок, утрата старых ролей и ценностей, чувство тревоги, неполноценности, трудностей психологической адаптации и населения, и руководителей сельскохозяйственных предприятий. К новым коммерческим отношениям значительная их часть оказалась совершенно не готова. Недаром

сельское население в целом, а колхозное лобби в особенности, остаются одной из самых консервативных частей нашего общества.

Сейчас сельское хозяйство России выходит из кризиса, более половины сельскохозяйственных предприятий добились рентабельности, появились частные товарные хозяйства. Однако при сравнении России с другими странами говорить о стране в целом ввиду ее огромных размеров и колоссальных внутренних различий неправомерно. Современное сельское хозяйство России крайне дифференцировано. Это — не только обычно показываемая на картах разная специализация хозяйства. Крупные агрохолдинги, концентрирующие тысячи занятых и управляемые высококвалифицированными менеджерами, соседствуют с мелкими семейными хозяйствами. В одних районах агропредприятия вписались в рынок, наращивают производство и их результаты вполне сопоставимы со странами ЕС, в других они на грани коллапса. При общем институциональном климате и универсальных макроэкономических проблемах современной России эти различия связаны с разным сочетанием на ее территории ключевых факторов любого производства: труда, земли (природных ресурсов и условий) и капитала.

ПРИРОДНЫЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА РОССИИ

Сложности природных условий часто упоминаются как одна из основных причин отставания сельского хозяйства России от западных стран. Агроклиматические ресурсы сельского хозяйства оцениваются с помощью показателей соотношения тепла (сумма температур выше 10°C) и увлажнения (соотношение осадков и испарения). Наиболее благоприятны для земледелия суммы температур, превышающие 2200 градусов, то есть зона, расположенная южнее Москвы, Казани, Челябинска, Тюмени. Сумма температур выше 2800 градусов с характерна лишь для равнинного Северного Кавказа и Южного Поволжья, однако большая часть этой зоны характеризуется засушливостью, делающей невозможной земледелие без орошения.

Расчеты по дробным внутрирегиональным единицам показали, что районы с оптимальным соотношением тепла и влаги занимают всего 14% территории России, хотя проживает там 58% сельского населения. Это означает, что 86% территории имеют те или иные природные ограничения функционирования сельского хозяйства. Правда есть черноземные почвы, до 40% мировых запасов которых расположены в России. Но находятся они тоже в южных районах. Значительная часть сельского хозяйства страны действительно расположена в зонах со сложными природными условиями: 26% валовой сельскохозяй-

зяйственной продукции производится в Нечерноземье и 25% — на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке. Новые богатые ресурсами территории Россия осваивала, в отличие от многих других северных стран, заселяя их, воздвигая города, вокруг которых непременно возникало и «свое» сельское хозяйство.

Однако дело не только и не столько в сложных природных условиях агропроизводства в России. Если сравнить не страны в целом, а отдельные регионы России со странами, имеющими сходные природные условия (рис. 1), то различия в продуктивности скота, урожайности культур будут не менее впечатляющими.

В староосвоенных районах России природные различия не велики, а результаты сельскохозяйственной деятельности внутри регионов различаются на порядок. Гораздо важнее в России оказалось положение по отношению к крупным городам и связанное с ним наличие демографического потенциала, не только с утилитарно-экономической точки зрения, как трудового ресурса, но и для формирования необходимой для любой деятельности социальной среды.

Многие проблемы агропроизводства и до 1990 г., и сейчас связаны с недоучетом региональных аспектов депопуляции и социальной деградации сельской местности. За XX в. Россия потеряла более половины сельских жителей, а в отдельных районах осталось 15–20% сельского населения 1926 г. [4]. Наметившийся было прирост сельского населения в начале 1990-х гг. за счет внешних миграций, в 2000-х гг. сменился прежним оттоком. Сельское население стремилось и стремится в южные районы, а в Нечерноземье — в города и поближе к ним в пригороды. В Нечерноземье плотность сельского населения падает от 10–30 чел/кв.км в пригородах до 2–5 чел/кв.км на периферии регионов. При гораздо более редкой, чем в Европе сети городов, особенно больших (более 100 тыс. жителей), между ними сформировалась инфраструктурная и демографическая «пустыня». Таким образом, само разреженное социально-экономическое пространство России усиливало разрушение сложившейся системы сельского расселения и сельскохозяйственной деятельности.

Депопуляция, как правило, характеризуется «отрицательным социальным отбором», при котором из села уезжают наиболее молодые и активные люди. При потере более половины населения (в некоторых периферийных районах — более $\frac{2}{3}$) и плотности населения менее 5 человек на кв.км происходит, как правило, заметная деградация трудового потенциала и социальной среды сельского сообщества: преобладают люди старшего возраста, особенно сильно распространен алкоголизм. В таких районах крупнотоварное сельское хозяйство оказывается нежизнеспособным. Но и надежды на мелкое частное товарное хозяйство в таких районах не оправдались, оно развивается

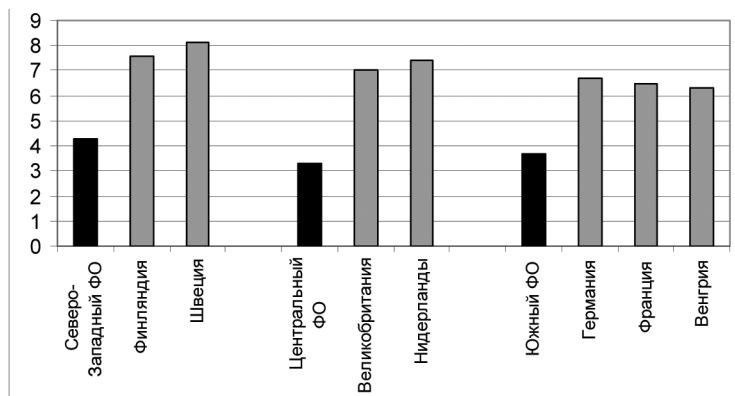

Рис. 1. Надой молока от одной коровы в некоторых районах России и странах ЕС в 2005 г., тонн в год

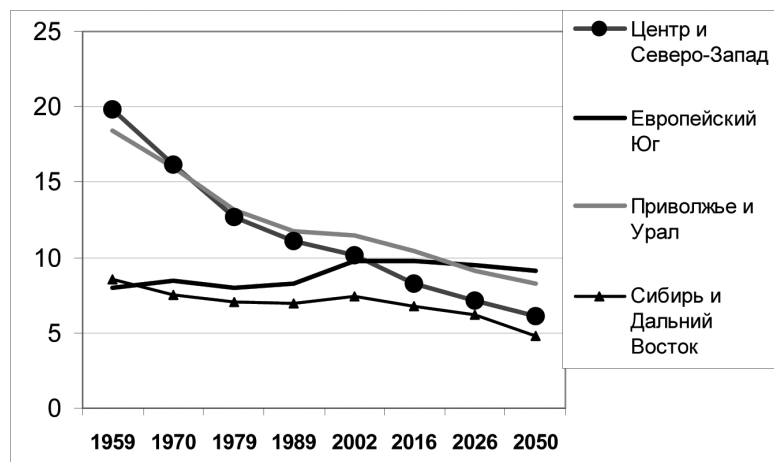

Рис. 2. Динамика сельского населения в 1959-2050 гг., млн. человек по группам федеральных округов (Демографический ежегодник, 1995, Предположительная численность, 2005), расчеты автора

лишь в районах, где не было сильной депопуляции. Поэтому на периферии Нечерноземья единичные мелкие очаги роста связаны, как правило, с мигрантами [4; 10]. По прогнозам демографов и службы статистики сельское население будет и дальше сокращаться (Рис. 2) [1; 7]. Возможно к 2050 году оно составит 22% всего населения против 27% в настоящее время.

Таким образом, при повышенной занятости в сельском хозяйстве во многих, особенно в периферийных районах России, наблюдается явный дефицит трудовых ресурсов, причем не количественный, а

качественный (порой при избытке незанятого сельского населения). Именно с этим качественным дефицитом зачастую связана низкая производительность труда уже в новых рыночных условиях.

Влияние больших городов и демографического потенциала на сельское хозяйство вполне сопоставимо с влиянием природных условий. Например, по объемам агропроизводства первые места в России занимают крупные южные регионы (Краснодарский, Ставропольский края, Ростовская область), Татарстан, Башкортостан и... небольшая по площади Московская область. В числе лучших регионов и другие крупногородские: Ленинградская, Свердловская области.

Большие города в процессе урбанизации не только концентрировали трудовые ресурсы, опустошая сельскую местность, но и создавали вокруг себя зоны с более плотным сельским населением, лучшей инфраструктурной обустроенностью и инвестиционной насыщенностью, и, в результате, с более продуктивным и успешным сельским хозяйством [6]. Пригородные административные районы больших городов занимают в регионах от 2 до 5% территории, но в Нечерноземье вблизи городов производится от четверти до половины сельскохозяйственной продукции регионов.

Изменения в географии сельского хозяйства России

При разном сочетании природных и социально-экономических факторов одни и те же действия властей в 1990-х гг. привели к огромным различиям в состоянии сельского хозяйства внутри страны и даже внутри отдельных регионов. Уменьшение мощной государственной поддержки сельского хозяйства, либерализация цен, разрушение сложившейся системы госпоставок и госзаказа на продукцию — все это привело к резкому углублению кризиса сельского хозяйства, который в ряде районов, особенно в Нечерноземье, стал заметен в 1970-х гг. К концу 1990-х гг. объем всей агропродукции сократился на 40%, а в коллективном секторе — на 60%. Особенно сильное сокращение производства наблюдалось в районах с неблагоприятными природными или социально-демографическими предпосылками.

Реформы сельского хозяйства 1990-х годов включали: 1) реформы агропредприятий; 2) земельные реформы; 3) создание условий для развития фермерских хозяйств и хозяйств населения; 4) развитие крупных агропромышленных корпораций. Лишь к концу 1990-х гг. часть предприятий адаптировалась к новым условиям, и агропроизводство стало расти. По сравнению с самыми худшими 1996 и 1998 годами производство к 2007 г. увеличилось на 33%. Принятая Программа развития сельского хозяйства на 2008–2012 гг. предполагает рост производства еще на 24%. Однако речь идет об идущем с разной

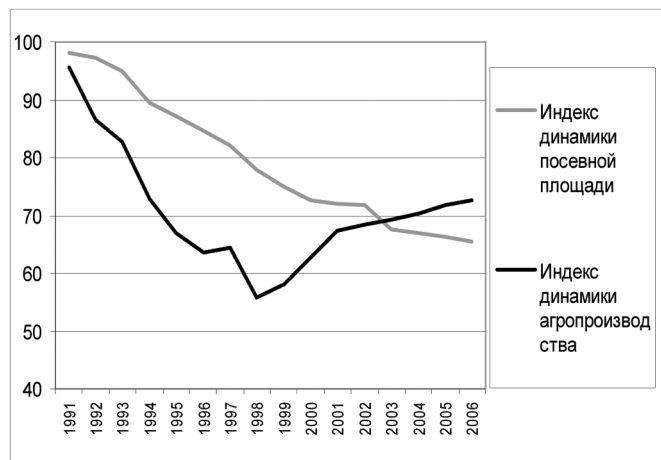

Рис. 3. Динамика сельскохозяйственного производства и посевной площади в % к 1990 г.

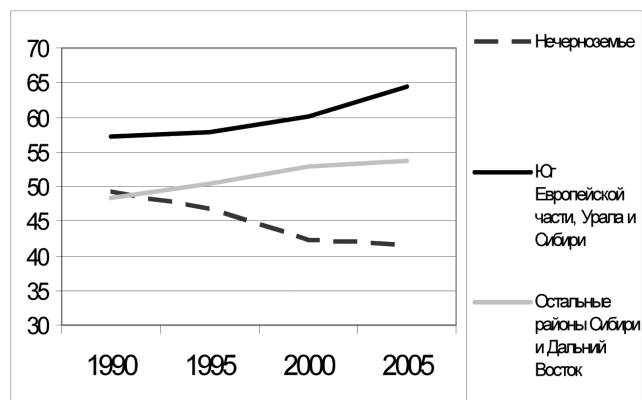

Рис. 4. Изменение доли зерновых культур в посевной площади с 1990 по 2005 гг. в разных районах России, в %

скоростью в разных подотраслях восстановлении потерянного. При этом происходят серьезные подвижки и в отраслевой структуре сельского хозяйства, и в его географии.

Несмотря на рост производства, посевная площадь в России сокращалась (рис. 3). Это говорит об избирательности процессов восстановления сельского хозяйства. Восстанавливаются и модернизируются отдельные предприятия на Юге и в пригородах, которые и дают существенный прирост продукции. Во многих регионах, особенно

на их периферии, не используется от 30% до 80% пахотных земель, которые по существу зарастают сорными травами и лесом.

Быстрее вышло из кризиса растениеводство: уровень производства 1990 года был достигнут уже в 2004 году. Доля зерновых культур в посевной заметно увеличилась в южных районах. Сильно расширились и площади под подсолнечником. Россия после многих лет импорта зерна даже стала его экспортировать. Но одновременно роль зерновых культур уменьшается в Нечерноземье (рис. 4). В 2000-х гг. стал очевиден переход в растениеводстве от самообеспечения регионов к усилению территориального разделения труда. И в советское время в северных районах была крайне низкая урожайность и высокая себестоимость зерна. Сейчас зерновое хозяйство практически уходит из многих периферийных районов Нечерноземья.

Производство льна сокращалось весь XX век, несмотря на многочисленные программы его поддержки. При почти полной деградации этой отрасли в традиционных льносеющих районах Европейской России при выходе из кризиса произошло частичное «перемещение» льноводства на восток. После 2000 г. треть российского производства льна концентрируется в Алтайском крае и Новосибирской области. В Европейской России остались лишь небольшие очаги выращивания льна в Вологодской, Тверской областях, в Удмуртии.

Несмотря на то, что подавляющая часть производства картофеля перешла в хозяйства населения, его производство не упало, в большинстве регионов, несмотря на рост его потребления, картофеля теоретически хватало. Однако практически недоступность крупногородской торговли для мелких хозяйств заставляла города завозить импортный картофель, а собственный шел на самообеспечение населения и корм скоту. Резко увеличилось самообеспечение населения овощами и произошло расширение зоны их производства к северу.

Животноводство пережило особенно глубокий кризис. Его доля уменьшилась с 63% в 1990 г. до 45% в 2006 г. Можно сказать, что во многих районах специализация сельского хозяйства поменялась с животноводческой на растениеводческую или растениеводческо-животноводческую. От поголовья крупного рогатого скота (КРС) 1990 года к 2007 году в России осталось менее 40%. Пострадали все регионы России, но особенно сильно ее Европейская часть за исключением национальных республик (не только из-за национальных особенностей, но и потому, что лучше сохранили трудовой потенциал в деревне).

Изменилась структура собственности. Хранителем поголовья стали хозяйства населения, да и то лишь в южных районах, где лучше сохранился трудовой потенциал в сельской местности. Общее поголовье КРС, особенно на предприятиях, продолжало снижаться и в

2000-х годах. Общероссийское сокращение поголовья имело далеко идущие последствия. Одним из них стало появление излишков зерна, которого прежде не хватало. Россия стала вывозить зерно, потому что пока не может создать условия для конвертации его в производство собственного мяса.

Тем не менее, модернизация отдельных предприятий, выбраковка непродуктивных и больных животных привели к тому, что надои молока в год в среднем по России выросли и даже превысили уровень докризисного 1990 года. Однако региональные и внутрирегиональные контрасты увеличились. Выжили и увеличили надои южные и пригородные предприятия, в то время как глубинка, особенно нечерноземная, продолжает оставаться в глубоком кризисе и вырезать оставшееся поголовье. Постепенно восстанавливается поголовье свиней и

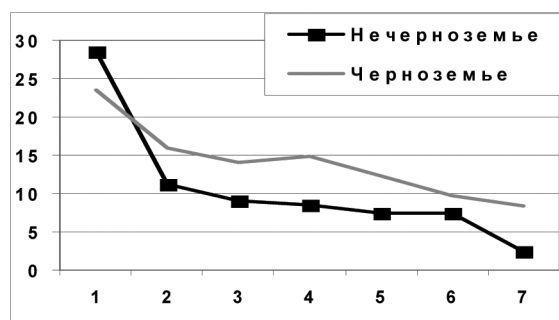

Рис. 5. Изменение плотности сельского населения в пределах регионов Европейской России по мере удаления от центров, чел./кв.км:

1 — пригороды, 2 районы-соседи второго порядка (полупригороды), 3-4 районы-соседи третьего и четвертого порядка (полупериферия), 5, 6 и 7 — периферия

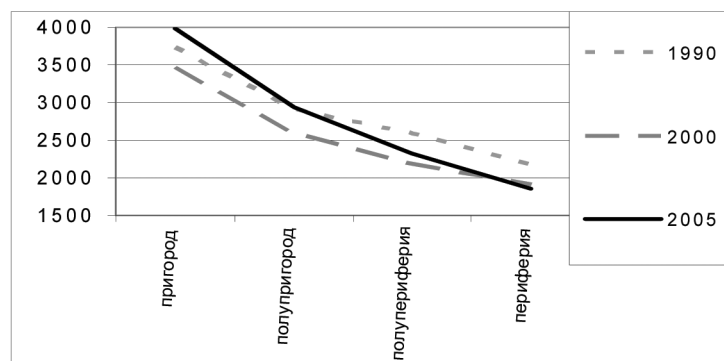

Рис. 6. Надои молока на одну корову кг в год в пригородах и на периферии регионов Нечерноземья в 1990, 2000 и 2005 гг.

овец, однако значительная его часть тоже перешла в мелкие хозяйства. Лучше справилось с кризисом птицеводство, несмотря на засилье «ножек Буша», его доля в отечественной мясной продукции увеличилась, а, следовательно, усилилась роль пригородов, где чаще расположены птицефабрики.

Современное состояние и продуктивность животноводства заметно коррелируют с динамикой и плотностью сельского населения (рис. 5 и 6), которые во многом зависят от расстояния до больших городов, особенно в Нечерноземье и на востоке страны. Последние 17 лет показали, что эндогенные факторы организации внегородского пространства России очень устойчивы и играют более важную роль, чем политические (капитализм или социализм), экономические (рынок или плановое хозяйство) и институциональные изменения.

УСИЛЕНИЕ МНОГООКЛАДНОСТИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ЭКОНОМИКИ РОССИИ

За 15 лет российское сельское хозяйство все-таки стало другим. Бывшие колхозы и совхозы переименовались в сельскохозяйственные кооперативы, акционерные общества и т.п., их работники и жители сел имеют права на имущественные и земельные доли, однако принципы их функционирования как коллективных предприятий изменились не сильно. Зато появились фермеры. Их число особенно быстро росло в первой половине 1990-х, а потом немного сократилось. Но в целом оно продолжает держаться на уровне около 260 тысяч хозяйств. Это всего 2% сельского населения (с учетом семей — 5–7%) и их доля в производстве невелика, за исключением зерна и подсолнечника (Табл. 3). Но главное — в результате кризиса крупных

Таблица 3

Структура производства по категориям хозяйств в 1990, 2000 и 2006 гг., в %

Доля хозяйств разных категорий	Коллективные предприятия			Хозяйства населения			Фермеры	
	1990	2000	2006	1990	2000	2006	2000	2006
В валовой продукции сельского хозяйства	75.0	43.4	40.9	25.0	53.6	52.7	3.0	6.4
В производстве:								
Зерна	99.7	90.7	78.5	0.3	0.9	1.5	8.4	20
Картофеля	34	6.5	7.0	66	92.4	90.1	1.1	2.9
Овощей	70	19.9	14.6	30	77.9	78.3	2.2	7.1
Молока	76	47.3	45.0	24	50.9	51.5	1.8	4.5
Мяса	75	40.3	48.7	25	57.9	48.7	1.8	2.6

Источник: [8]

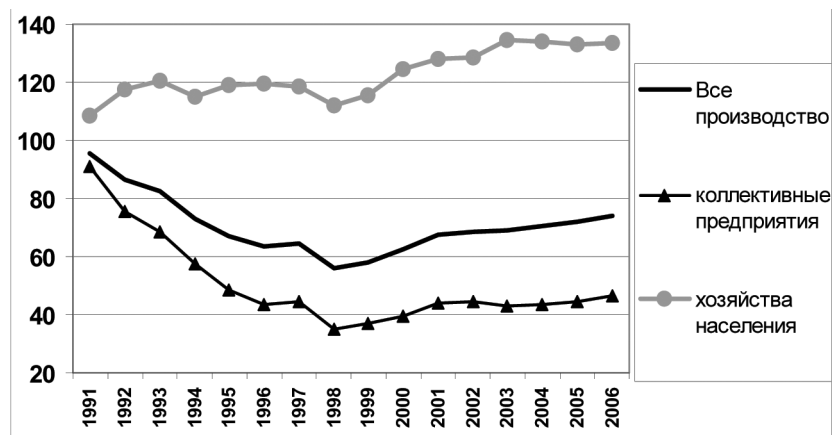

Рис. 7. Динамика производства крупного и среднего коллективных предприятий и хозяйств населения в % к 1990 г.

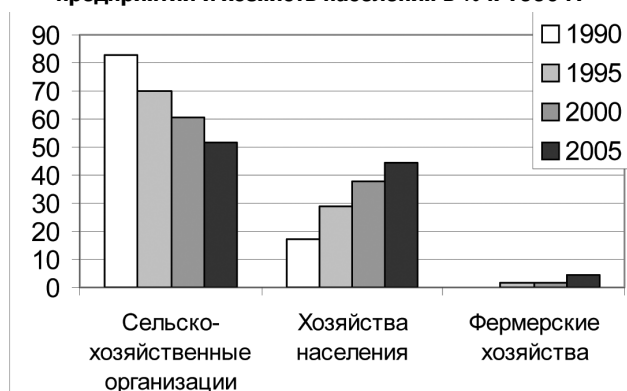

Рис. 8. Доля поголовья КРС на крупных предприятиях, в хозяйствах населения и фермеров в 1990-2005 гг.

и средних предприятий более половины продовольствия современной России, согласно статистике, производят мелкие индивидуальные хозяйства населения, включая сады и огороды горожан. В 1990-х годах произошел откат к самообеспечению населения и мелкому товарному производству (рис. 6 и 7). Доля хозяйств населения особенно велика там, где в кризисе крупные предприятия. На периферии нечерноземных регионов она достигает 80–90% общего производства.

С выходом части крупных и средних коллективных предприятий из кризиса доля мелких частных хозяйств населения должна уменьшиться. Но агропредприятия потеряли монопольные функции в деревне. Недаром, с 1997 года, когда производство в крупных предприятиях начало расти, возросло оно и в хозяйствах населения (рис. 7).

Это означает, что частный сектор имеет и внутренние резервы. Сформировались целые районы товарного частного хозяйства. Это картофелеводческие и овощеводческие хозяйства в Нечерноземной зоне, особенно там, где больше плотность населения и легче выход на городской рынок (на периферии регионов роль хозяйств населения в питании выше, но они, как правило, нетоварны и помогают выживанию населения при его безденежье). На юге на колхозном зерне, получаемом в виде натуроплаты или платы за земельные пай, укрепилось частное животноводство (рис. 8).

При сохранении общего экономического рельефа сельского пространства кризис и процессы частичного восстановления агропроизводства поменяли специализацию сельского хозяйства и потребовали нового районирования. Карты сельского хозяйства в большинстве атласов устарели. Изменилась сама организация производства (уже нельзя иметь в виду только крупные и средние предприятия, как это делалось при составлении карт районирования в советское время). Во многих районах уменьшилась роль животноводства и увеличилась роль растениеводства. Произошло расширение специализации предприятий и фермеров на наиболее прибыльных зерновых культурах (границы их ареалов на юге Европейской России, на Южном Урале и на юге Сибири заметно продвинулись на север, а в Нечерноземье, наоборот, сдвинулись к югу). Расширились площади под подсолнечником. А производство картофеля и овощей сильно рассредоточилось, перейдя в хозяйства населения и «размазав» прежние районы специализации. На картах атласов в староосвоенных областях Нечерноземья обычно показаны и огромные территории льноводческих районов, в то время как лен в большинстве нечерноземных областей давно уже стал палеокультурой.

В третьем томе Национального атласа России [3] приводится новое районирование сельского хозяйства, которое проводилось автором на основе современной статистики по внутрирегиональным административным районам с учетом характера землепользования. Оно основывается на двух группах факторов: 1 — специализации и состоянии крупных и средних сельскохозяйственных предприятий (объемы реализации разного вида товарной продукции, индексы локализации посевов разных культур и поголовья КРС, свиней, овец и птицы) и 2 — многоукладности (соотношение объемов производства крупных предприятий, фермеров и хозяйств населения).

Таким образом, основу понимания современного сельского хозяйства уже не могут составлять только его технико-экономические показатели. Сельское хозяйство, особенно в кризисное время, тесно связано с образом жизни местного населения и с особенностями его индивидуального хозяйства, функционирующего в тесном симбиозе с

коллективными предприятиями и сопоставимого с ними по объемам производства.

ПОЛЯРИЗАЦИЯ РОССИЙСКОГО СЕЛЬСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Природные, демографические и экономические факторы развития сельского хозяйства всегда переплетены, формируя единое социально-экономическое пространство. Их распределение — не феномен последнего десятилетия: оно осталось тем же, что и в советское время, что говорит о существовании устойчивых пространственных закономерностей организации сельской местности и хозяйства, прежде всего по осям «Север-Юг», «Запад-Восток» и «Пригород-Периферия». Изменился характер приспособления сельского хозяйства к природным и социально-экономическим факторам. В России можно отметить: 1) усиление территориального разделения труда между Севером и Югом и сдвиг сельского хозяйства в районы с более благоприятными агроклиматическими условиями; 2) изменение специализации сельского хозяйства; 3) усиление роли пригородов в развитии сельского хозяйства отдельных регионов, особенно в Нечерноземье. Наблюдается также усиление влияния этнических различий на организацию и результаты сельскохозяйственной деятельности даже в коллективном секторе, не говоря об индивидуальном хозяйстве.

Главное — это усиление концентрации и поляризации сельского хозяйства, повышение роли лидеров (предприятий и целых районов) и усугубление положения отстающих. Формируется опорный каркас коллективного сельского хозяйства, состоящий из наиболее перспективных комплексных районов, и ареалов узкоспециализированного хозяйства. Последние дополняются специализированными районами частного хозяйства.

Экономическая поляризация всегда сопровождается поляризацией социальной. Можно выделить относительно устойчивые сельские районы в пригородах, на Юге и в некоторых республиках, лучше сохранивших демографический потенциал, и районы наиболее тяжелой депрессии («черные дыры»), где социально-демографическая деградация сочетается с экономическим коллапсом сельского хозяйства. Это, во-первых, северо-восток Европейской России и многие районы Сибири. Их кризис связан с продвинутым в неблагоприятные природные условия сельским хозяйством, прежде всего растениеводством, которое начало сокращаться еще до 1990 г. и буквально «рухнуло» в 1990-х при прекращении огромных дотаций. Тяжелый кризис на северо-западе страны — также не феномен последних лет и связан с длительной депопуляцией сельского населения, которое «высосали» большие города, прежде всего Москва и С.-Петербург.

Южнее также много проблемных районов, которые появились в 1990-х гг., но часть из них имеют шанс выйти из кризиса.

Можно выделить 4 основных типа сельских территорий, на которых сельское хозяйство имеет разные модели и перспективы развития.

Тип 1 — регионы с преимущественно аграрной специализацией сельской местности, благоприятными природными и социальными условиями ее развития. Они тянутся от Белгородской области и Краснодарского края до Алтайского края, занимая 18% территории России. Плотность населения в них, также как и интенсивность сельского хозяйства, различаются, но они в большей степени сохранили или приобрели человеческий потенциал и в последние годы все активнее привлекают инвестиции в сельское хозяйство. Они сосредоточивают 64% сельского населения и столько же валовой агропродукции. Это основная сельскохозяйственная зона страны. Ее доля в сельском хозяйстве и сельском населении РФ за период 1990–2007 гг. увеличилась и продолжает возрастать. Основной потенциал развития связан как с крупными и средними сельскохозяйственными организациями, так и с хозяйствами фермеров и населения. Социально-экономические проблемы порождаются неурегулированностью земельных отношений, ростом безработицы в монофункциональных сельских поселениях, недостаточным соблюдением экологических норм землепользования, местами — межэтническими конфликтами.

Тип 2 — регионы с полифункциональной сельской экономикой, сельским хозяйством пригородного типа и благоприятными социальными условиями развития сельской местности. Они характеризуются высокой плотностью сельского населения, развитой инфраструктурой и сферой обслуживания, высокой плотностью дачного использования территории и активным жилищным строительством при высокопродуктивном сельскохозяйственном производстве преимущественно в крупных сельскохозяйственных организациях и агропромышленных комплексах. Только в Московской и Ленинградской областях на 0,8% территории РФ производится около 5% ее сельскохозяйственной продукции. Потенциал развития их сельской местности связан с высокой миграционной привлекательностью для населения, его возможностью пользования городской инфраструктурой и рабочими местами, близостью городских рынков сбыта продукции и активным участием городских пищевых предприятий в развитии пригородного сельского хозяйства. Основные проблемы: конфликты землепользования, сокращение природных и аграрных ландшафтов, искусственное банкротство даже успешных предприятий с целью захвата земли, высокие цены на землю и жилье. Кроме столичных регионов, к этому типу можно отнести также районы вокруг крупных городов и в преде-

лах городских агломераций в других регионах. Поэтому вклад этого типа в валовое сельскохозяйственное производство гораздо выше.

Тип 3 — регионы с неблагоприятными социальными условиями развития сельской местности и обширными зонами социально-экономической депрессии. Главный признак данного типа — обезлюдение и социальная деградация сельской местности, значительные контрасты между более благополучными пригородными районами и остальной сельской территорией, особенно, наиболее депрессивными периферийными районами. При 19% территории РФ роль регионов этого типа в сельском расселении и сельском хозяйстве гораздо скромнее (около 25%, а за вычетом пригородов — менее 17%) и имеет тенденцию к дальнейшему уменьшению. Регионы с наиболее неблагоприятными социальными условиями развития сельской местности (большая часть Нечерноземной зоны) характеризуются малочисленностью, длительной депопуляцией и продолжающимся оттоком населения, и кризисом сельскохозяйственных организаций. Хозяйства населения и отход на заработки в города становятся основой выживания сельских жителей за пределами пригородов. Основные социально-экономические проблемы: старение населения и отток молодежи, сильная алкоголизация населения и ухудшение социальной среды, неразвитость социальной инфраструктуры, финансовая несостоятельность сельскохозяйственных организаций, низкая производительность труда и высокая себестоимость продукции, забрасывание сельскохозяйственных земель и деревень. Регионы вдоль южной границы Нечерноземной зоны характеризуются меньшим упадком сельского хозяйства и его более высокой ролью в экономике. Здесь местами возможно восстановление роли сельскохозяйственных организаций и частных хозяйств. Однако проблемы качественного дефицита кадров, поляризации сельскохозяйственных организаций, недостаточного развития социальной инфраструктуры также остры. На востоке страны в ряде регионов (Урал, часть регионов юга Сибири и юга Дальнего Востока) социальные ограничения сочетаются с природными.

Тип 4 — Регионы со слабой очаговой освоенностью сельской местности и неблагоприятными природно-климатическими условиями ее развития. К данному типу относятся в основном северные и восточные регионы, занимающие 62% территории страны, на которых проживает 6% сельского населения. Роль этих регионов в сельском хозяйстве мала, однако в них создается пятая часть валового национального продукта РФ, главным образом в добывающих отраслях, которые и определяют развитие сельской местности на фоне традиционного хозяйства малочисленных народов Севера.

Главная проблема депрессивных сельских районов заключается в том, что здесь теряются не только освоенные сельским хозяйством территории, здесь деградирует социум, который экономическими мерами восстановить трудно. Надежды на то, что в таких районах вместо крупных предприятий появится много фермеров и других товарных частных хозяйств, не оправдались. Им тоже нужна определенная социальная среда и работники. С уходом предприятий свертывается и мелкое хозяйство, которое всегда существовало в тесном симбиозе с колхозами. На российской сельской периферии, причем как внешней, так и внутренней (на окраинах регионов), происходит отмирание землеёмкого индустриального сельского хозяйства с зарастанием полей и пастбищ лесом и в результате — с огромными потерями освоенного пространства. Очаги возрождения некоторых таких районов (на базе рекреации, сервиса, нового агробизнеса и др.) единичны и лимитированы социально-демографической деградацией сельских сообществ.

В целом, экономическое состояние агросектора в новых условиях постепенно приходит в соответствие с природными предпосылками и социально-демографическими ресурсами.

Таким образом, в разных масштабах можно увидеть разные модели развития сельского хозяйства и сельской местности. На федеральном уровне для продовольственного обеспечения страны важны южные и крупногородские районы, где должны создаваться условия для всех типов рыночных товарных производителей от крупных до мелких. На региональном и межрегиональном уровне наибольшее сельскохозяйственное значение имеют пригороды больших городов, где успешные сельскохозяйственные предприятия уже сейчас нуждаются в защите от агрессивных финансовых и строительных структур и выводе части своих нетрудоемких подразделений в соседние районы. На всей остальной территории за редким исключением, формирование крупнотоварного сельскохозяйственного производства проблематично. Преимущественно убыточные предприятия нуждаются в дотационной поддержке не столько как крупнотоварные производители, сколько как сырьевые базы небольших локальных пищевых заводов в малых городах и как социальные институты для сохранения населения, которое свое личное хозяйство всегда вело с помощью колхоза. А личные хозяйства — это еще и стимулирование дачного заселения глубинки, которое служит мощным фактором сохранения деревень. Ведь с уходом местной жизни дачники не только лишаются поддерживаемой инфраструктуры и снабжения продуктами, начинается разграбление домов, активнее наступает дикая природа, вытесняя и пришлое население. Но даже там, где не осталось предприятий, в местах культурного и природного наследия надо доплачивать мест-

ным жителям только за то, что они там живут, косят траву, держат мелкий скот и сохраняют природно-антропогенный ландшафт от его поглощения лесом.

СПЕЦИФИКА УПРАВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННЫМ СЕЛЬСКИМ ХОЗЯЙСТВОМ РОССИИ

Выборочный выход из кризиса и поляризация агропредприятий, увеличение товарности части хозяйств населения — это результат их адаптации к новым условиям. Те, кто не смог адаптироваться, до сих пор пребывают в глубокой депрессии, вырезая оставшийся скот и забрасывая поля. Но и правительство все эти годы предпринимало меры для спасения российского сельского хозяйства.

Оценить реальную степень государственной поддержки сельского хозяйства довольно сложно. В мировой практике используется показатель выравнивания внутренних цен на продукцию сельского хозяйства и мировых цен: если внутренняя цена на продукцию выше мировых, государства поддерживают своих производителей, если ниже — наоборот, так или иначе, изымают средства. По этому показателю поддержка сельского хозяйства в России в 5–6 раз меньше, чем в странах Европы и в США.

Однако вариантов поддержки множество. Например, в России сохранена льготная система налогообложения, сельхозпроизводители почти не платят за землю — а ведь в Европе плата за пользование землей составляет около 20% себестоимости продукции. Все это представляет хотя и косвенную, но мощную дотационную поддержку наших производителей. В начале 1990-х гг. неоднократно списывались долги предприятий, что, впрочем, провоцировало их накопление. Создан механизм лизинга сельскохозяйственной техники, проводились зерновые интервенции для регулирования цен, вводились импортные квоты на мясо и т.д. Однако эти действия были хаотичны и похожи на затыкание дыр тонущего корабля.

В последние годы у нас появились крупные программы. В 2003 г. была принята Федеральная целевая программа «Социальное развитие села до 2010 года», включающая две задачи: развитие собственно социальной сферы и улучшение инженерной инфраструктуры сельских муниципальных образований. Последнее выполняется, хотя и медленно (водопроводом обеспечено около 40% сельских домохозяйств, сетевым газом — всего треть). Социальные задачи — привлечение и закрепление в сельской местности молодых семей, повышение престижности постоянного проживания там — решить куда сложнее. Здесь не все зависит от экономических рычагов. В программе абсолютно не учитывались объективные демографические процессы, например, связанные с демографическим переходом. Не учитывался

и тот факт, что урбанизация в России не завершена, и отток сельского населения в города будет некоторое время еще продолжаться. Но главное, в программе игнорировались огромные географические различия страны, поэтому во многих отношениях она производила впечатление благих пожеланий, далеких от реальной жизни, особенно в депрессивных районах.

В 2008 г. началась разработка новой концепции устойчивого развития сельских территорий России. На этот раз в группу экспертов были приглашены географы, и стратегия, кроме общих моментов, как было прежде, учитывает типы регионов, их ресурсы, ограничения и коридоры возможного развития. Правда неясно, что от этого сохранится после коррекции текста в Правительстве и Думе.

Новым этапом в государственной политике стал национальный проект «Развитие агропромышленного комплекса». Предприятия получают кредиты на обновление техники, поголовья скота, модернизацию производства. Это очень важно, если учесть, что к 2005 г. на 10000 га пашни в России приходилось всего 48 тракторов (в 1990 г. было 105), в то время как в странах ЕС — от 500 до 1000 [9], правда, техника там иная, часто малогабаритная. Однако кредиты дают лишь тем, кто имеет реальные шансы восстановить производство, а таких предприятий в депрессивных районах единицы. Поэтому проект имеет точечный эффект. Увеличена также привлекательность кредитных ресурсов для населения и фермеров. Но и это востребовано лишь там, где сохранился трудовой потенциал, и развиваются товарные частные хозяйства, в основном на юге России.

Наконец, принятая в 2007 году Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2008–2012 годы выделила на поддержку и развитие сельского хозяйства более 1 трлн. рублей из бюджетов разных уровней. Половина средств направляется на достижение финансовой устойчивости сельского хозяйства, т.е. на продолжение субсидирования процентной ставки по кредитам. От 10% до 24% — на ввод жилья и инженерное обустройство села. Остальное — на создание общих условий развития сельского хозяйства, приоритетное развитие животноводства, особенно племенного, развитие отдельных отраслей растениеводства. В то же время главные социальные риски развития сельского хозяйства в районах глубокой депопуляции в Нечерноземье и современного оттока населения в Сибири, как и прежде, игнорируются. Более того, в противовес реальным тенденциям территориального разделения труда в сельском хозяйстве, Программа намечает расширение растениеводства на Севере, возобновление трудоемкого производства льна в местах, где почти не осталось сельского населения и т.п.

В то же время, насущные проблемы, на которые жалуются все сельские хозяйства, даже не затронуты. Советская система госзакупок и потребкооперации давно разрушена, но за 17 лет так и не создана инфраструктура сбыта сельхозпродукции. Сеть доступных производителям оптовых и розничных рынков, аукционов скота и зерна, хорошо поставленная информация о ценах и потребителях продукции — насущная потребность крупных предприятий, фермеров и хозяйств населения. Производителям не по силам быстро растущие цены на топливо и удобрения. Приобретение горюче-смазочных материалов составляет в России более трети стоимости всех промышленных товаров и услуг в сельском хозяйстве. В 2005 г. в России в среднем вносилось всего 15 кг/га минеральных удобрений в пересчете на действующее вещество (в 1990 г. — было 80 кг), в то время как в ЕС — около 200 кг/га [9].

Сельское хозяйство спасают не столько осмысленные действия правительства, сколько другие отрасли. Ведь даже современное российское сельское хозяйство при разумном ведении — отрасль выгодная (за исключением, пожалуй, производства говядины, которое убыточно почти всюду).

Важным фактором выживания сельского хозяйства стало активное формирование агропромышленных холдингов, включающих производство сельскохозяйственной продукции, ее переработку, продажу, снабжение агропредприятий топливом, оборудованием, удобрениями. В 1990-х годах в сельское хозяйство устремились предприятия пищевой промышленности разного размера от крупных компаний до отдельных небольших заводов. Постоянный спрос населения, быстрая отдача вложений обусловили активный рост пищевой индустрии, которая очень скоро стала нуждаться в стабильных сырьевых рынках. Некоторые российские торговые компании, начав с импорта продовольствия, после 1998 года стали активно вкладывать в пищевые, а затем и в сельскохозяйственные предприятия. Наиболее прибыльными агропромышленные холдинги оказываются либо в районах с благоприятными природными условиями, либо в крупных городах и недалеко от них, где есть емкий рынок. В депрессивные районы агрохолдинги обычно не идут. Исключение составляют окраины крупных мегаполисов, куда выборочно из-за дешевизны земли переводятся филиалы некоторых пригородных предприятий. Обычно агрохолдинги сочетают несколько направлений деятельности: зерновой, сахарный бизнес, производство молочных продуктов и соков, животноводство разной специализации с производством кормов. Они либо приобретают пищевые и сельскохозяйственные предприятия и ставят своих менеджеров, либо заключают договора на поставку своего оборудования при расплате за него молоком, мясом, зерном.

Помимо межрегиональных агрохолдингов создаются вертикальные структуры и на региональном уровне. В этих вертикальных цепочках опорой составляют крупные и средние агропредприятия. С фермерами и тем более с населением агропромышленные структуры работают гораздо реже: слишком сложно контролировать качество и сам поток их разнородной продукции.

1990-е годы характеризовались также проникновением иностранных производителей в сельское хозяйство России. Обычно они проходят несколько этапов. Сначала в крупных городах создаются распределительные торговые сети готовой импортной продукции. Потом строятся заводы по производству молочной, кондитерской и прочей продукции на импортном сырье. И, наконец, иностранные компании подключаются к производству сырья в России. Давая предприятиям более высокие закупочные цены, участвуя в модернизации производства и менеджменте, они способствуют созданию ареалов сельского хозяйства, вполне сравнимого и по организации производства, и по продуктивности с западными странами (например, с надоями молока 5–7 тонн от одной коровы). Ярким примером служит сеть молокоперерабатывающих предприятий с иностранными инвестициями в Московской области: Данон, Эрманн, Кампина, продукция которых расходуется практически по всей стране. Однако и мощные агрохолдинги, и иностранные производители опираются на наиболее крепкие хозяйства, тем самым усиливая поляризацию агропредприятий.

ПРОГНОЗ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА РОССИИ

Из сказанного выше вовсе не следует, что будущее лишь за крупными агрохолдингами и иностранными инвестициями. Порой вполне жизнеспособны и более скромные локальные вертикальные объединения, и отдельные предприятия. В районах с благоприятными природными и трудовыми ресурсами много успешных фермеров, некоторые из них расширили свое хозяйство почти до уровня колхоза. Сформировались не только отдельные товарные семейные хозяйства, но и целые районы мелких частных производителей. Все это указывает скорее на спонтанные рыночные механизмы восстановления сельского хозяйства и сохранение в будущем его многоукладности.

Тем не менее, речь не идет о полном восстановлении поголовья скота и посевных площадей 1990 г. Это обусловлено двумя факторами: 1 — население России будет продолжать сокращаться (рис. 9), поэтому даже при улучшении пищевого рациона потребуется меньше продовольствия, 2 — производительность труда в сельском хозяйст-

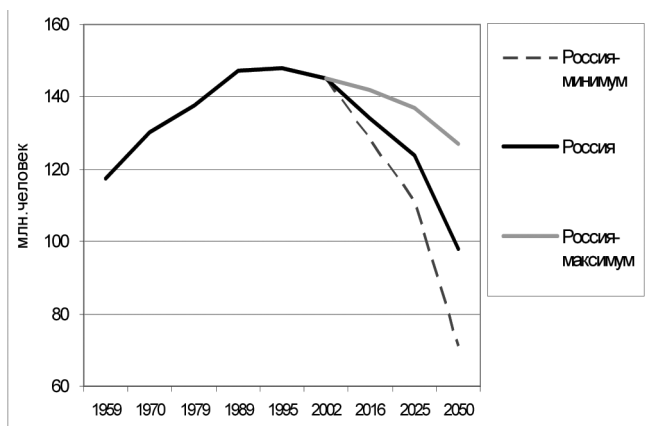

Рис. 9. Динамика численности населения 1959-2050 гг., млн. человек [1]

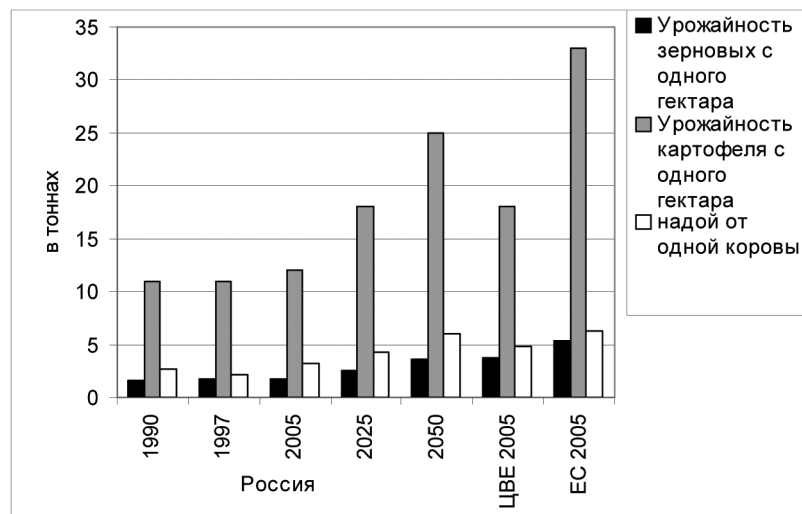

Рис. 10. Урожайности культур и продуктивность скота в России, странах Восточной Европы и в старых членах ЕС в 1990-2050 гг. (расчеты автора)

ве и продуктивность земли и скота при сохранении рыночных механизмов и современных тенденций будут и дальше расти (рис. 10).

Более того, учитывая пример стран Восточной и Западной Европы, можно составить вероятный прогноз необходимого сельскохозяйственного производства ключевых продуктов в России для ее продовольственного обеспечения (что весьма условно при международном разделении труда) и ее потребности в обрабатываемых землях и количестве скота. Например, в северной группе новых членов ЕС

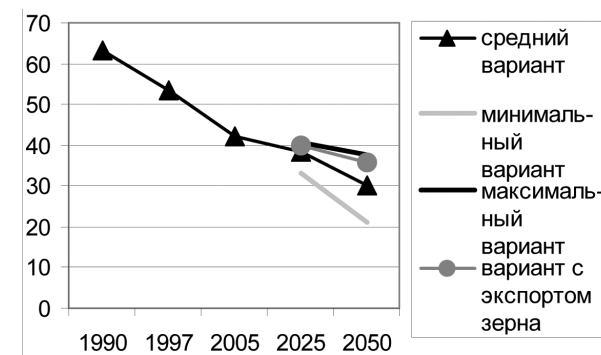

Рис. 11. Возможная посевная площадь зерновых культур при разных вариантах изменения численности населения России к 2025 и 2050 гг., млн. га

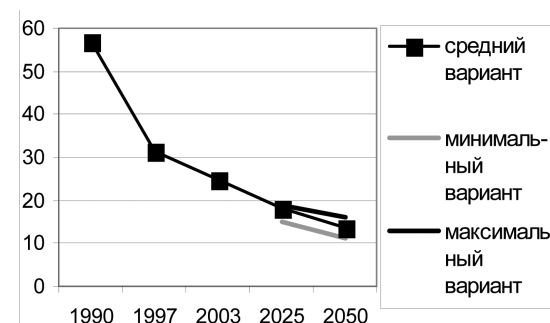

Рис. 12. Возможное поголовье крупного рогатого скота при разных вариантах численности населения России к 2025 и 2050 гг., млн. голов

(восточные земли Германии, Чехия, Словакия, Венгрия) в 1990-х гг. было сокращено число занятых в сельском хозяйстве в 3–4 раза, увеличилась производительность труда. То же самое происходило и в Западной Европе в 1950-е годы, когда там стремительно пустело село. Учитывая характерные для XX века лаги продуктивности на западе и востоке Европы, можно предположить, что к 2020 г. Россия в среднем достигнет по продуктивности скота и урожайности культур уровня стран Восточной Европы, а к 2040–2050 г. — вероятно, и современного уровня стран Западной Европы (а во многих районах это произойдет намного раньше). В таком случае, опираясь на прогнозы численности населения и зная потребление в этих странах на одного жителя, можно предположить потребности России в зерне, мясе, молоке и возможные параметры ее будущего сельского хозяйства. На основе прогнозов уменьшения населения [1], можно представить и разные варианты развития сельского хозяйства России для обеспечения этого населения продовольствием (рис. 10 и 11).

При поляризации пространства и модернизации производства посевная площадь и поголовье скота будут продолжать сокращаться, хотя и меньшими темпами. Но это не кажется катастрофичным. Очевидно, что дело не в распахаемых площадях и не в количестве занятых в сельском хозяйстве, а в продуктивности земли, скота и в производительности труда. При поляризации предприятий и фермерских хозяйств в России происходит отбор реальных производителей. Выживут лидеры и «середняки». В ареалах роста производства будет увеличиваться производительность труда и продуктивность, тем самым компенсируя выбытие трудовых ресурсов и посевных площадей на большой территории периферии. Это позволит не только повысить обеспеченность населения продовольствием, но и уйти от монофункциональности деревни в заселенных районах, развивать агросервисную и сервисную экономику. Важно, чтобы государственная политика в области сельского хозяйства учитывала эти объективные процессы развития страны и ее дифференциацию, причем не только природную, но и социальную, а также разные типы развития сельской местности России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вишневский А.Г., Андреев Е.М., Трейвиш А.И. Перспективы развития России: роль демографического фактора. М.: Институт экономики переходного периода, 2003.
2. Мартон Э. Центральная Европа, М.: Учпедгиз, 1938.
3. Национальный атлас России, М.: ПКО «Картография», 2008.
4. Нефедова Т.Г. Прошлые, настоящее и будущее староосвоенных районов Российского Севера // Вопросы государственного и муниципального управления, М.: ГУ-ВШЭ, 2008, № 1.
5. Нефедова Т.Г. Частный сельскохозяйственный сектор в странах пост-социализма: Центральная и Восточная Европа-Россия-Китай // Экологическое планирование и управление, 2007, № 1(2).
6. Нефедова Т.Г. Сельская Россия на перепутье. Географические очерки. — М.: Новое издательство, 2003.
7. Предположительная численность населения РФ до 2025 года, М, Федеральная служба гос.статистики, 2005
8. Регионы России. Социально-экономические показатели. Статистический сборник. М.: Федеральная служба гос.статистики, 2007
9. Россия и страны-члены Европейского Союза. М.: Федеральная служба гос.статистики, 2007
10. Российский северный вектор /под ред. Н.Е.Покровского, М.: Сообщество профессиональных социологов, 2007.

СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ В ГЛОБАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ*

Н.Н. Клюев

Жизнь народа каждой страны многомерна, она не описывается даже тысячей параметров, и все важны. Между тем сопоставимая информация о состоянии общества в странах мира до сих пор весьма ограничена. Важным источником социальной статистики, позволяющим вести корректные международные сопоставления, стал ежегодный Доклад о развитии человека. На основе статистической информации, содержащейся в новом Докладе [1], попытаемся представить «социальный портрет» России в глобальном интерьере, выявить современное её место на мировой карте социального благополучия.

Признанным информативным показателем социального развития страны выступает индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП) — показатель, интегрально характеризующий уровень материального благосостояния (душевой валовой внутренний продукт — ВВП), демографическую ситуацию (ожидаемая продолжительность предстоящей жизни при рождении) и уровень образования (рассчитывается на основе показателя уровня грамотности населения и показателя количества обучающихся в учебных заведениях).

В 2005 г. наивысший ИРЧП зафиксирован в Исландии и Норвегии. Россия стоит на 67-ом месте в мире (табл.1). «Составляющие» российского ИРЧП далеко не равнозначны. На мировом фоне средне-статистический российский человек отличается высокой образованностью, средним уровнем материального достатка и крайне невысокой продолжительностью жизни.

По уровню образования Россия занимает достойное 28-е место, между Белоруссией и Германией (рис.1). Душевой ВВП, рассчитанный по паритету покупательной способности (ППС), в России немного превышает среднемировой — 58-е место, рядом с ЮАР, Малайзией, Мексикой и Ливией (рис.2).

В большинстве стран наивысшее значение ВВП в период 1975–2005 гг. приходится, естественно, на последний, 2005 г. Но в не-

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 08-06-00348).

Таблица 1

Индекс развития человеческого потенциала и его элементы в некоторых странах мира, 2005 г.

Место	Страна	ИРЧП	Место	Страна	Индекс уровня образова- ния	Место	Страна	Душевой ВВП по ППС, долл.	Место	Страна	Ожидаемая продолжи- тельность жизни, лет
1	Исландия	968	1	Австралия	993	1	Люксембург	60228	1	Япония	82,3
2	Норвегия	968	2	Ирландия	993	2	США	41890	2	Гонконг	81,9
3	Австралия	962	3	Финляндия	993	3	Норвегия	41420	3	Исландия	81,5
4	Канада	961	4	Дания	993	4	Ирландия	38505	4	Швейцария	81,3
5	Ирландия	959	5	Нов. Зеландия	993	5	Исландия	36510	5	Австралия	80,9
...	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
65	Маврикий	804	26	Барбадос	956	56	ЮАР	11110	117	Киргизия	65,6
66	Босния и Герцеговина	803	27	Белоруссия	956	57	Малайзия	10882	118	Гайана	65,2
67	РОССИЯ	802	28	РОССИЯ	956	58	РОССИЯ	10945	119	РОССИЯ	65
68	Албания	801	29	Германия	953	59	Мексика	10751	120	Сан-Томе и Принсипи	64,9
69	Македония	801	30	Куба	952	60	Ливия	10335	121	Боливия	64,7
...	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
173	Мали	380	174	Гвинея	347	174	Нигер	781	...	Сьерра- Леоне	41,8
174	Нигер	374	175	Чад	296	175	Танзания	744	174	Ангола	41,7
...	Гвинея- Бисау	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
175	Буркина- Фасо	374	176	Мали	282	176	Конго, ДР	714	175	Свазиленд	40,9
176	Сьерра- Леоне	370	177	Нигер	267	177	Бурунди	699	176	Зимбабве	40,9
177	...	336	178	Буркина- Фасо	255	178	Малави	667	177	Замбия	40,5

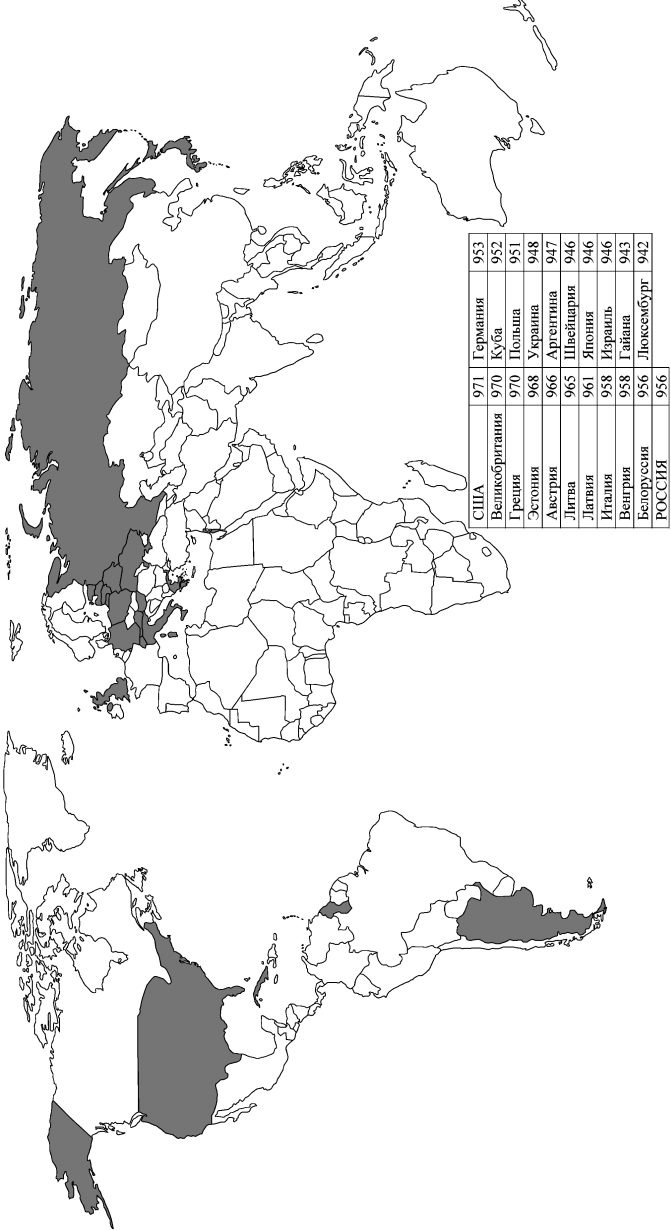

Рис. 1. Двадцать стран-аналогов России по индексу уровня образования, 2005 г.

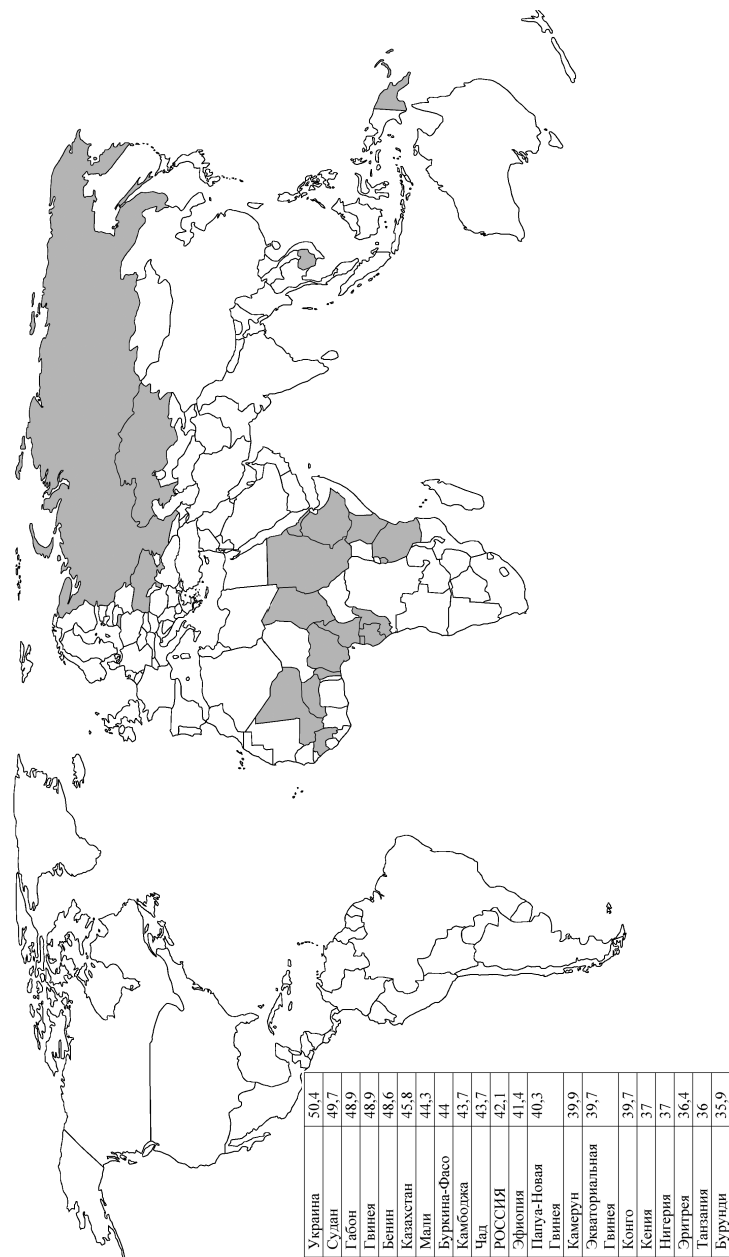

Рис. 3. Двадцать стран-аналогов России по вероятности дожития мужчин до 65 лет, %, 2005 г.

сти при неясном векторе общественного развития и отсутствием чёткой (или хотя бы нечёткой) доктрины социальных перемен.

За 1970–2005 гг. ожидаемая продолжительность жизни в мире выросла на 8,3 года (лидер — Вьетнам — плюс 23,4 года). Конечно, Вьетнам стартовал в 1970 г. с весьма низкого уровня в 50,3 года, но и бывшая на тот период на самом высоком месте в мире Швеция (74,7 лет) прибавила за четверть века заметно — до 80,1 года. По темпам роста продолжительности жизни за указанный период Россия на 168-м (!) месте в мире (табл. 2). Лишь в пяти странах неблагоприятная динамика хуже — в Лесото, Ботсване, Свазиленде, Замбии и Зимбабве. Замечу, что в указанных странах — у наших африканских соседей в этом списке — не только высокий уровень нищеты (в Лесото, например, 36,4% населения живёт менее, чем на 1 доллар в день, в Зимбабве — 56,1%), но и высокий уровень распространения ВИЧ (Лесото — 23,2%, Ботсвана — 24,1%, Свазиленд — 33,4%). У российской динамики смертности — «африканское лицо», хотя ни столь вопиющей нищеты, ни эпидемии ВИЧ у нас не наблюдается.

По уровню младенческой смертности Россия занимает 60-е место — не самое плохое для наших медико-демографических показателей (ситуация с заболеваемостью туберкулёзом, например, значительно хуже — 111-е место), но и здесь динамика негативная. В 1970 г. Россия отставала по младенческой смертности (29 на 1000 живорождённых) от лидера — Швеции (11), но находилась на уровне Италии (30) и опережала Португалию (53), Корею (43), Кубу (34). К 2005 г. в названных странах младенческая смертность сократилась до 4–6, а в России — лишь до 14 (рис.4). В современном мире это уровень Шри-Ланки, Вьетнама, Колумбии.

Россия не лучшим образом выглядит в мире и по такому мало престижному показателю, как распространение курения. По доле курящих мужчин (60%) наша страна уступает в мире лишь Монголии (68%), Китаю (67%), Казахстану (65%) и Армении (62%) (среди 95 стран, по которым имеются данные). Распространение курения среди российских женщин составляет 16%, до мировых лидеров (здесь: аутсайдеров) далеко: Нидерланды, Германия, Венгрия (по 28%), Чили — 37%. Однако в Китае курит лишь 4% женщин, в Казахстане — 9%, в Армении — 2%. В итоге, по удельному весу курящих среди всего населения Россия сохраняет непочётное «лидерство» наряду с Монголией и Албанией. Высокая распространённость курения закладывает основы будущей деградации человеческого капитала.

Вследствие прежде всего сокращения ожидаемой продолжительности жизни российский индекс развития человеческого потенциала за 1990–2005 гг. уменьшился, в то время как у подавляющего большинства стран он возрос. Из рис.5 видны страны, с которыми по

Таблица 2

Изменения ИРЧП и ожидаемой продолжительности жизни в некоторых странах мира

Место	Страна	Изменение ИРЧП за 1990-2005 гг.	Место	Страна	Изменение ожидаемой продолжительности жизни за 1970-2005 гг., лет
1	Китай	0,143	1	Вьетнам	23,4
2	Экваториальная Гвинея	0,137	2	Оман	22,9
3	Египет	0,133	3	Бутан	22,9
4	Бангладеш	0,125	4	Йемен	21,7
5	Лаос	0,123	5	Ливия	20,6
...	...	...	...	...	...
124	Конго	-0,011	164	Намибия	-2,3
125	Конго, Дем. Респ.	-0,012	165	Украина	-2,4
126	РОССИЯ	-0,013	166	Кот-д'Ивуар	-2,4
127	ЦАР	-0,014	167	Белоруссия	-2,8
128	Кот-д'Ивуар	-0,018	168	ЮАР	-2,9
...	...	...	169	РОССИЯ	-4
134	Замбия	-0,043	170	Лесото	-7,2
135	Лесото	-0,056	171	Ботсвана	-7,9
136	ЮАР	-0,057	172	Свазиленд	-8,7
137	Свазиленд	-0,086	173	Замбия	-9,6
138	Зимбабве	-0,141	174	Зимбабве	-14,7

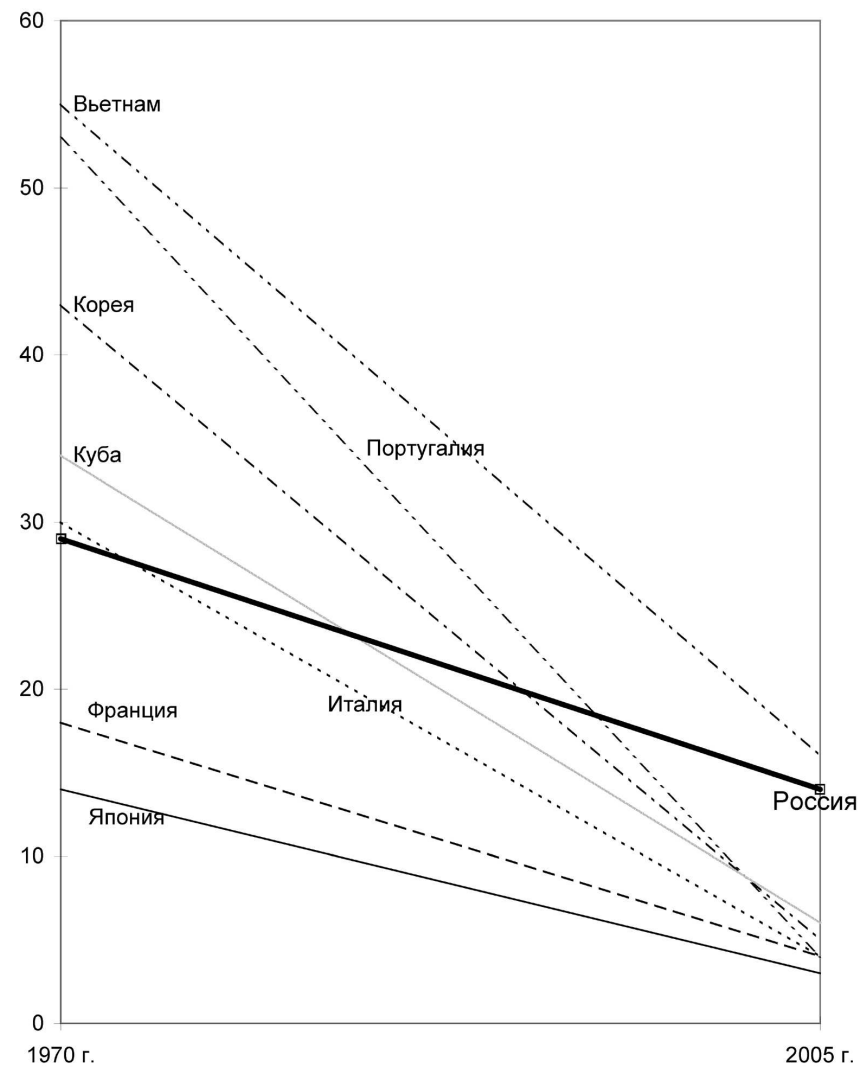

Рис. 4. Младенческая смертность в некоторых странах мира в 1970 г. и 2005 г. (на 1000)

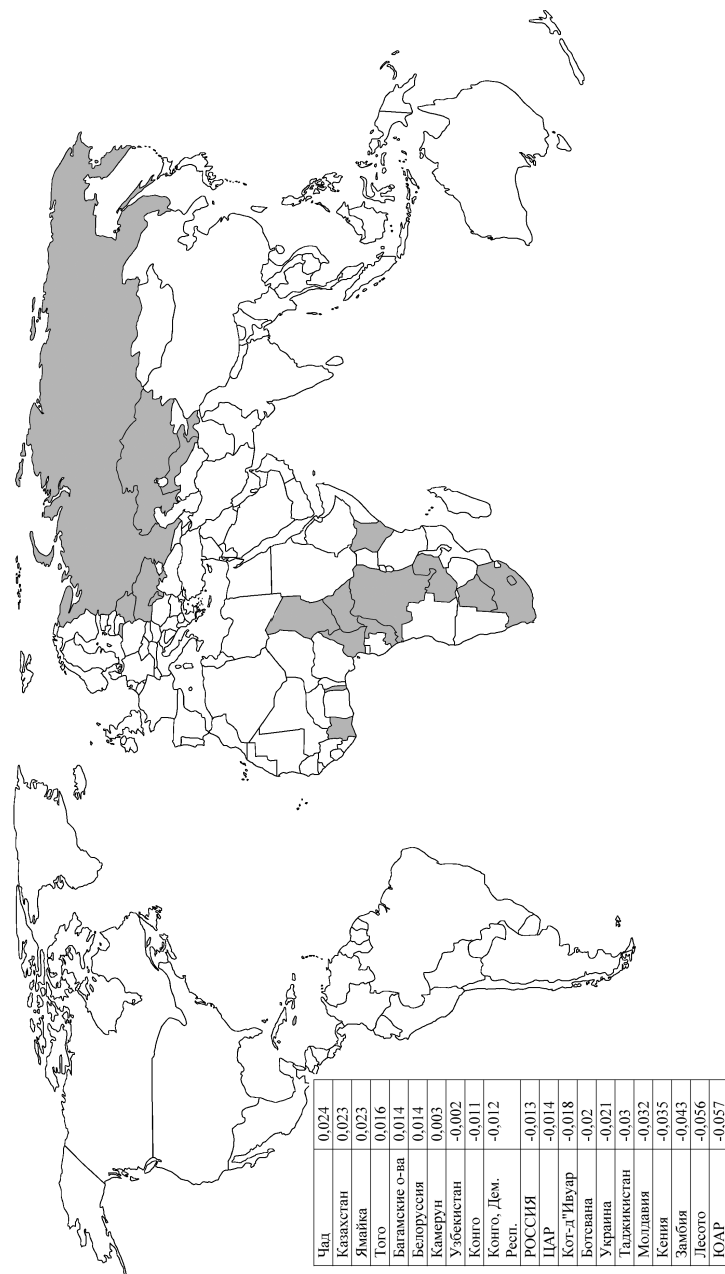

Рис. 5. Двадцать стран-аналогов России по изменению ИРЧП за 1990–2005 гг.

динамике ИРЧП Россию можно объединить в одну группу. Это Конго, Центрально-Африканская республика, Кот д'Ивуар и т.п. Получается, что по темпам социального развития (вернее, «неразвития» и даже деградации) на рубеже веков Россия попадает в мировое захолустье.

Степень социального неблагополучия в России отражает наше «лидерство» по числу преднамеренных убийств на 100 тыс. чел. Из 125 стран, по которым есть данные, мы на 118-ом месте в мире. По уровню убийств наша страна аналогична Эквадору, Никарагуа, Гватемале. В большинстве европейских стран совершается 1–3 убийства на 100 тыс. жителей в год, в США вдвое больше — 5,6. Жители России истребляют друг друга намного активнее — 19,9 убийства (2005 г.).

В России чрезвычайно высок на мировом фоне уровень преступности. Этот уровень можно отследить по количеству заключённых, содержащихся в тюрьмах, на 100 тыс. чел. По этому параметру в 2007 г. Россию (611 заключённых) опережали лишь Руанда (691) и США (738). Конечно, ввиду различий в юридических системах разных стран подобные данные не в полной мере сопоставимы. Однако, по-видимому, в общих чертах «население тюрем» (так не совсем удачно переведён на русский язык этот показатель в Докладе [1]) отражает криминальную обстановку. В мире есть 169 стран, где она лучше, чем в России.

Рис.6 показывает соотношение элементов ИРЧП по некоторым странам мира, сильно различающимся по конфигурации человеческого потенциала. Эти конфигурации выявляют синдромы социально (не)благополучия стран на мировом фоне. Можно видеть, что кубинский потенциал, который можно выразить формулой «Образование (уровень образования) > Жизнь (ожидаемая продолжительность жизни) > Доходы (душевой ВВП)», имеет изъян по показателю душевых доходов. Куба характеризуется сопоставимыми с США уровнями образования и продолжительности жизни, но существенно уступает им по душевому ВВП. Ещё более заметна аналогичная диспропорция в Таджикистане.

Конфигурация ИРЧП Ботсваны (Доходы > Образование > Жизнь) перекошена в сторону низкой продолжительности жизни, а Нигера (Жизнь > Доходы > Образование) — невысокого образовательного уровня. Жителей России (Образование > Доходы > Жизнь), как уже отмечалось, можно охарактеризовать так: высокообразованные, среднеобеспеченные, мало живущие.

Наиболее сбалансированным является японский ИРЧП. Обнаружилась ожидаемая закономерность — чем выше ИРЧП, тем более сбалансированы его элементы: коэффициент корреляции между ИРЧП и коэффициентом вариации элементов ИРЧП каждой страны равен минус 0,65 (рис.7). Получается, что в целом благополучные

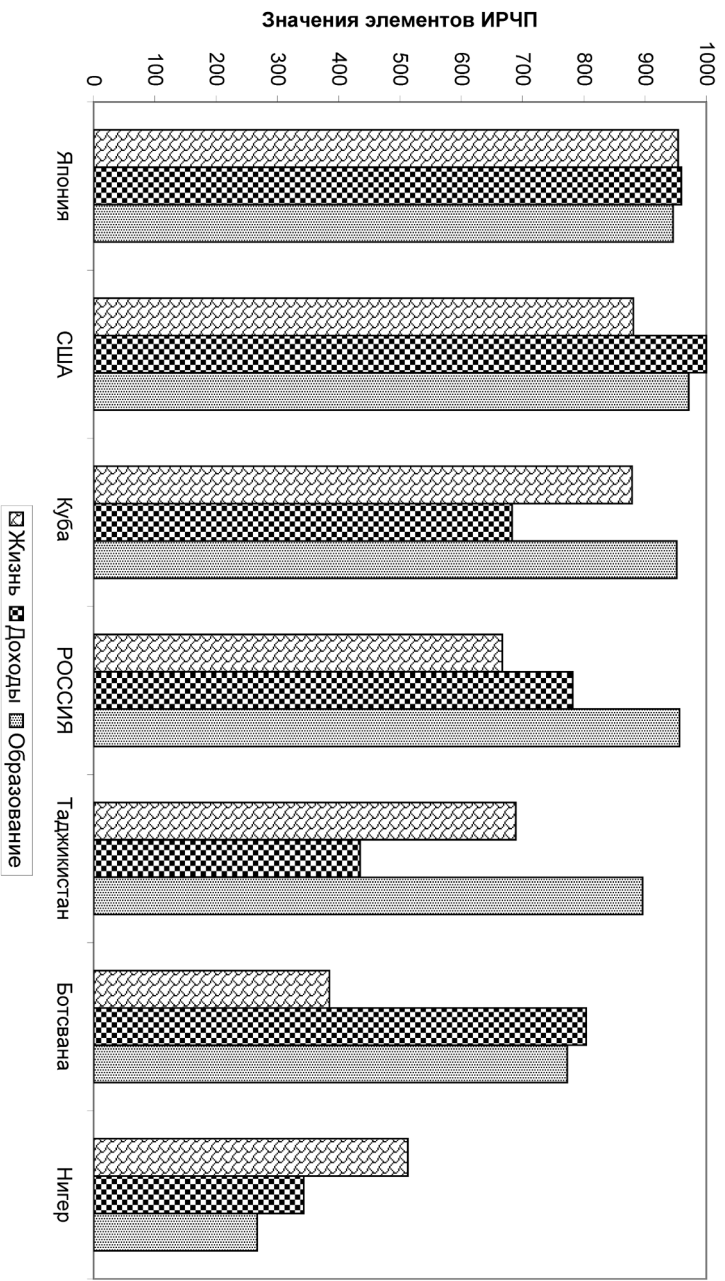

Рис. 6. Элементы ИРЧП по некоторым странам мира

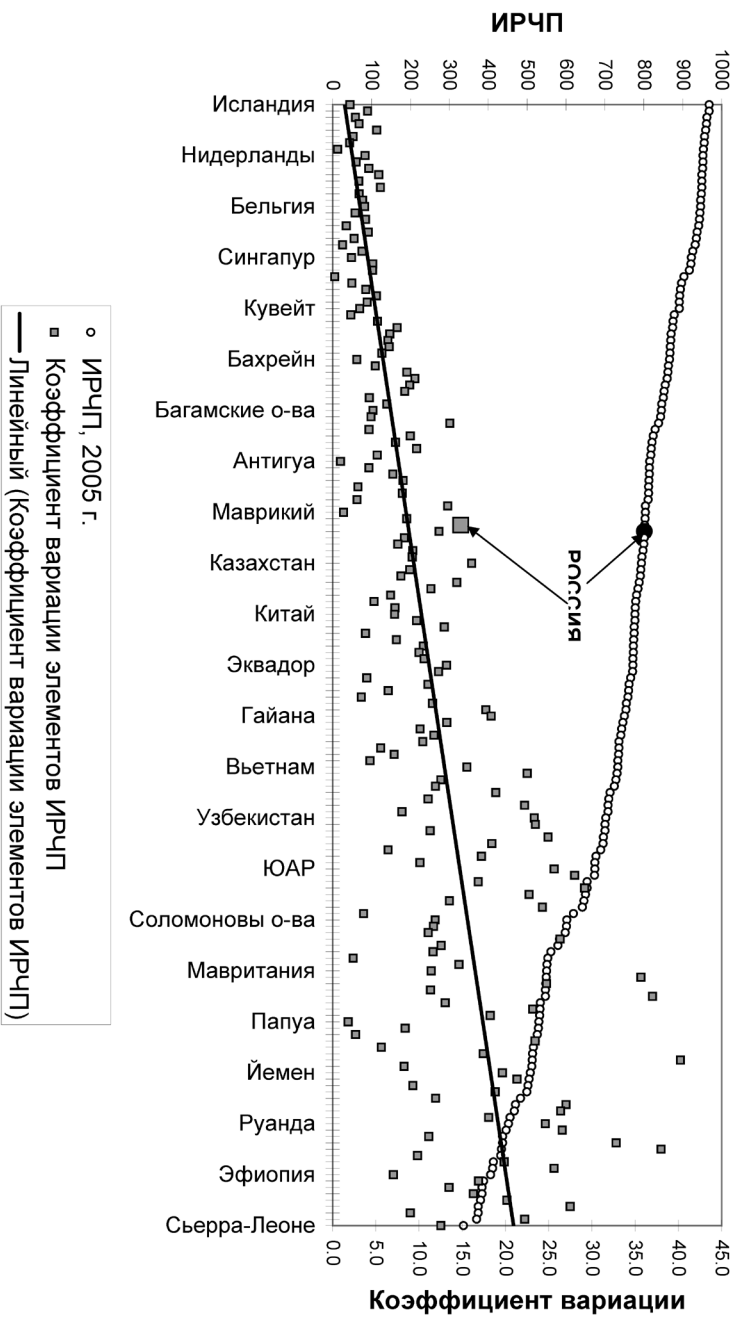

Рис. 7. ИРЧП и коэффициенты вариации его элементов по странам мира

страны, как и благополучные семьи, счастливы одинаково, а каждая неблагополучная страна несчастлива по-своему.

Краткое межстрановое сопоставление на основе информации, содержащейся в Докладе, показывает, что в России весьма неблагоприятное состояние социальной сферы, а по некоторым параметрам (продолжительность жизни, преступность, убийства) — крайне неблагоприятное. Рис.8 позволяет диагностировать в нашей стране грубо капиталистический тип общества. Относительные экономические успехи страны сопровождаются деградацией социальных характеристик, а вернее — в основе этих успехов лежит деградация человеческого капитала.

В частности, примером может служить «псевдо-интенсификация» отечественного аграрного сектора. Прирост производства в пореформенном сельском хозяйстве достигается не за счет повышения технического уровня (применения производительных машин, удобрений, новых технологий и т.п.), а за счёт усиления эксплуатации земельных ресурсов, а также ужесточения эксплуатации труда, прежде всего труда доиндустриальной эпохи — мускульной силы человека в личных подсобных хозяйствах населения, ставших ныне основными кормильцами страны [2].

В условиях систематического уклонения российского государства от выполнения социальных функций наше бедное население выживает за счёт чрезмерной эксплуатации биологических ресурсов [5] — почвенного плодородия, браконьерства, незаконных рубок леса, самозаготовок дров, самозахвата земель и т.п. В результате происходит подрыв экологического потенциала страны. Кстати, на другом социальном полюсе — богатое меньшинство нашего общества выживает (хотя, по-видимому, здесь правильнее сказать — «процветает») за счёт эксплуатации ресурсов литосферы, тоже чрезмерной эксплуатации.

Процессы деградации человеческого и экологического потенциалов в нашей стране находятся в противофазе с современными мировыми тенденциями. В формирующемся постиндустриальном, информационном обществе «социальные, культурные, экологические продукты заменяют материальные блага в качестве сердцевины производства» [3]. Если в сфере недвижимости, как образно говорят специалисты, на эффективность проекта влияют три фактора: место, место и ... место, то в индустрии информационных технологий фактора тоже три — это кадры, кадры и ещё раз кадры. Трудовые ресурсы, отвечающие вызовам современности, могут формироваться лишь в высококачественной социальной среде.

Анализ места России на мировой карте социального благополучия требует, конечно, более детальных и обширных исследований.

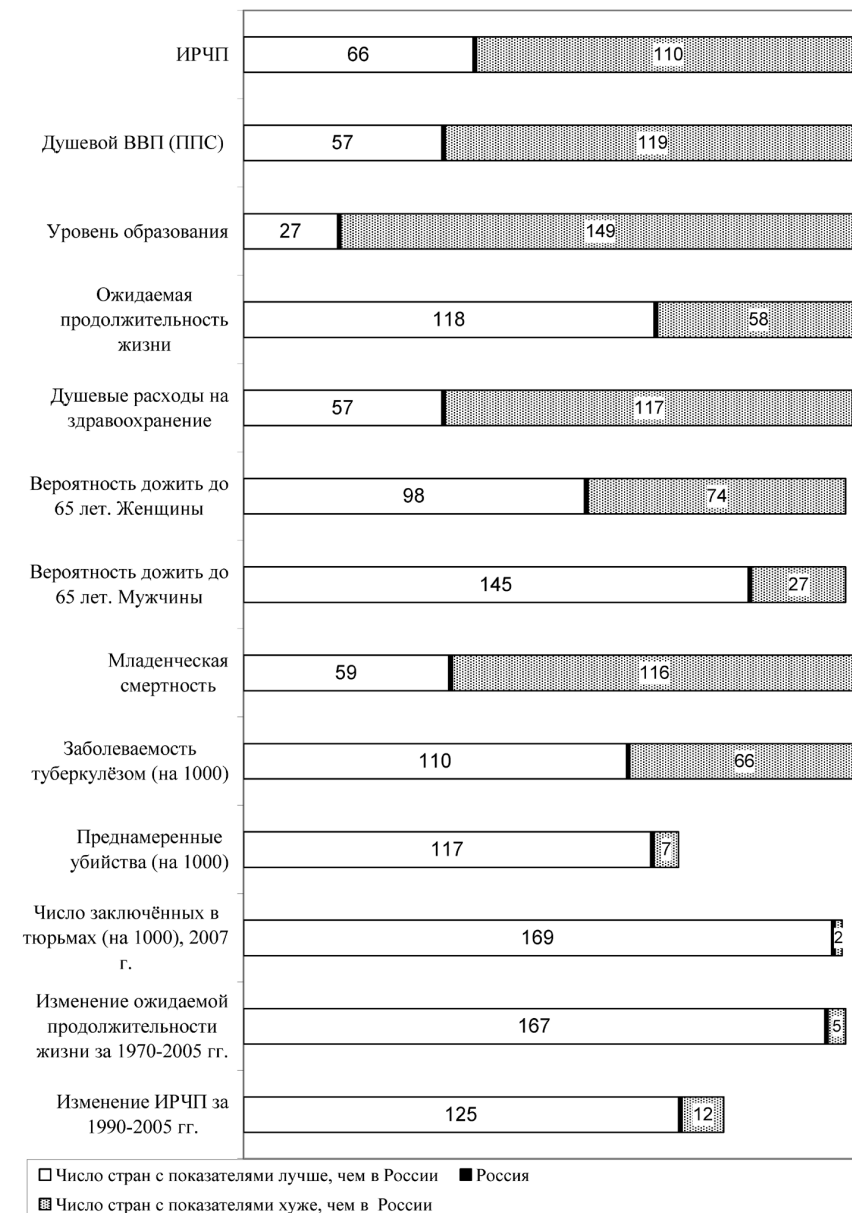

Рис. 8. Место России среди стран мира по ряду социальных показателей, 2005 г.

Доклад даёт чрезвычайно ценную и актуальную информацию для проведения типологии стран мира по уровню и характеру социального и экономического развития. Но даже проведённый экспресс-анализ позволил получить важные результаты:

1. Выявить синдром социального неблагополучия в России — её европейский облик по уровню образования; место «середняка» (пусть и не процветающего) по материальному благосостоянию; латиноамериканское «лицо» по убийствам и африканское — по продолжительности жизни и нисходящей ветви развития человеческого потенциала.
2. Показать, какой социальной ценой оплачены маловразумительные иррациональные реформы 1990-х годов, что помогает определить приоритеты социально-экономической политики.

Больная нация с ухудшающимися социальными характеристиками и деградирующей средой обитания не может претендовать на место в авангарде мировой экономики в современной модели развития, в центре которой — непосредственно человек. Стратегические интересы России требуют отказаться от фетишизации экономического роста (пример которой — идея удвоения ВВП, едва ли не единственное достижение экономической мысли в пореформенный период) и сконцентрироваться на социальных и экологических факторах развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Доклад о развитии человека 2007/2008. Борьба с изменениями климата: человеческая солидарность в разделённом мире / Пер. с англ. — М.: Весь мир, 2007. — 400 с.
2. Ключев Н.Н. Эколого-хозяйственная трансформация постсоветской России и ее регионов // Известия РАН. Сер. геогр., №1, 2004, с.37-45.
3. Мироненко Н.С. Особенности пространственной структуры современного мирового хозяйства // Институциональная модернизация российской экономики: теоретический аспект. — Ростов-на-Дону, РГУ, 2004, с.53-68.
4. Российский статистический ежегодник. Стат. сб. /Госкомстат России. — М., 1995. — 976 с.
5. Тишков А.А. Биосферные функции природных экосистем России. — М.: Наука, 2005. — 309 с.

СТРАТЕГИЯ И ПРАКТИКА РАЙОННОЙ ПЛАНИРОВКИ: ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ*

Е.Н. Перцик

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Ни одна область знания не может эффективно развиваться, не имея четко очерченного предмета исследования и собственной научной концепции, то есть системы научных положений, обладающих определенным методологическим единством. Важная особенность районной планировки — необходимость сочетания научного и инженерного подходов, что определяется, с одной стороны, сложностью проблем, требующих для своего решения научных методов, а с другой — высокой степенью конструктивности исследований и разработок в этой области.

Как известно, дать удовлетворительное определение какой-либо области знаний, даже более сформировавшейся, чем районная планировка, очень сложно. Это хорошо известно на опыте многочисленных дискуссий об определении, предмете и методе экономической науки. П. Хаггет не без иронии отмечает, что экономисты, отчаявшись найти удовлетворительное определение, что такое экономика, пришли к выводу, что экономика — это то, чем занимаются экономисты [5].

Наиболее существенны различия между тремя подходами к трактовке целей и задач районной планировки. Первый из этих подходов относит к задачам районной планировки весь комплекс вопросов регионального планирования в пределах данной территории, включая разработку прогнозов и планов развития производительных сил, наиболее целесообразного использования природных ресурсов, а также решение собственно планировочных задач рациональной организации территории. Другой подход, напротив, резко ограничивает задачи районной планировки, формулируя их преимущественно в узком «расселенческом» аспекте.

Большинство специалистов придерживается третьего подхода, разделяемого автором, согласно которому районная планировка не

* Грант Президента России НШ-3592.2008.5.

решает всех вопросов регионального прогнозирования и планирования, а имеет собственную планировочную задачу, взаимоувязанную с более широкой задачей комплексного развития района, которая не может быть вместе с тем сведена лишь к проектированию сети населенных мест. Нужно отметить, что как чрезмерно широкое, так и слишком узкое толкование функций районной планировки не позволяет правильно определить круг специфических задач районной планировки и очертить ее собственное поле деятельности.

Районная планировка — теория и практика наиболее рациональной организации на территории данного района производственных предприятий, коммуникаций и мест расселения с комплексным учетом его географических, экономических, архитектурно-строительных и инженерно-технических факторов и условий. Районная планировка конкретизирует на территории прогнозы, программы и планы развития района, при этом она существенно их дополняет, развивает и обогащает. Районная планировка, являясь связующим звеном между территориальным прогнозированием и планированием, с одной стороны, и строительным проектированием — с другой, позволяет обеспечить: 1) эффективное размещение промышленности в пределах планируемого района на основе комплексного использования природных, трудовых и материально-технических ресурсов и условий, комбинирования и кооперирования промышленных предприятий, объединения инженерных сооружений, строительных баз и научно-технического обслуживания; 2) рациональную организацию сельскохозяйственного производства с учетом его всесторонне обоснованной специализации; 3) рациональное расселение на оптимальных по санитарно-гигиеническим и градостроительным условиям территориях при удобной связи с местами приложения труда; 4) взаимоувязанное решение всех систем инженерного оборудования района (транспорт, энергоснабжение, водоснабжение и отвод сточных вод и др.); 5) целесообразную организацию зон отдыха; 6) эффективное использование, охрану и обогащение природной среды; 7) функциональное зонирование территории.

Районная планировка — важная составная часть долгосрочной программы развития района, формирования в его пределах наиболее рационально сконструированного территориального комплекса, подлежащая целеустремленному претворению в жизнь. Представляя особые возможности для государственного регулирования и поиска приоритетов развития района на уровне страны, региона и муниципального образования, районная планировка создает вместе с тем важную информационную базу для всех инвесторов и отдельных хозяйствующих субъектов, определяющих перспективы своего развития в данном районе.

Развитие районной планировки отвечает одной из наиболее важных тенденций современной научной революции — быстро развивающемуся процессу дифференциации в науке и одновременно ее интеграции и формированию новых научных направлений. Этот процесс «разветвления» науки и возникновения новых наук чрезвычайно плодотворен, в зонах контактов возникают наиболее перспективные точки роста новых наук. Развиваясь на основе потребностей практики, районная планировка «вбирает в себя» идеи, методы, кадры (последнее очень характерно в период становления новых наук) из различных областей знания.

Круг вопросов, рассматриваемых в районной планировке, решается специалистами примерно 20 специальностей, непосредственно работающими над проектом. Косвенное участие в составлении районной планировки принимают и многие другие специалисты, разработки которых привлекаются для обоснования проекта. В районных планировках крупных промышленных районов используются проектировки и исследования до 70–100 проектных и научно-исследовательских институтов.

Участие многочисленных наук и дисциплин, представители которых так или иначе вносят свой вклад в районную планировку, неравноценно. Происходит состязание методов и традиционных подходов различных наук, нередко временный захват некоторыми из них чужих участков, что искажает направленность районной планировки и существенно сдерживает ее развитие¹.

Междисциплинарные связи районной планировки с крупными системами наук и некоторыми отдельными науками и дисциплинами достаточно обширны и разветвлены. Весьма сложно представить исчерпывающую систему таких связей как ввиду множества связей и контактов районной планировки, так и особенно ввиду возникновения перекрещивающихся связей и развития комплексных наук, формирующихся в стыковых областях между системами наук.

Районная планировка взаимосвязана с географическими науками (в том числе с экономической географией, физической географией, картографией, геоэкологией); экономическими науками (отраслевыми экономическими науками, экономикой размещения производительных сил, наукой о регионах (региональной наукой)); градостроительными науками (архитектурной градостроительной наукой); инженерными, градостроительными дисциплинами, медицинскими науками (особенно, гигиенической наукой); демографической наукой, об-

¹ Так, например, для многих проектов районной планировки характерно увлечение вопросами развития отдельных отраслей промышленности в ущерб решению основных комплексных планировочных задач.

ществоведческими науками и дисциплинами (философией, прогностикой, науковедением, кибернетикой, общей теорией систем и др.).

Здесь названы лишь некоторые междисциплинарные связи и взаимодействия, необходимые для районной планировки. Однако и в таком неполном виде они достаточно наглядно иллюстрируют многочисленность точек соприкосновения районной планировки с другими науками и важность широкого и осознанного учета междисциплинарных связей.

Важно подчеркнуть значение основных творческих решений районной планировки, носящих синтетический характер и представляющих существо проекта.

Решение отраслевых и специальных проблем районной планировки ввиду их большого разнообразия возможно лишь на основе усилий многих наук и дисциплин, в которых формируются соответствующие знания, опыт, традиции и кадры. Вместе с тем данные этих наук и дисциплин чаще всего невозможно получить и ввести в районную планировку в готовом виде, они должны быть отобраны и переработаны применительно к ее задачам. Во многих случаях на основе работ по районной планировке возникает необходимость сформулировать на языке соответствующей дисциплины задание для дополнительных специальных исследований и проектировок, а затем оценить и ввести в районную планировку их результаты.

По всем этим причинам в структуре районной планировки получают развитие специальные разделы (ветви), в которых по мере формирования научных основ районной планировки, несомненно, будут все более дифференцироваться, кристаллизоваться собственные подходы и методы, отличающиеся от подходов и методов «материнских» наук и дисциплин. Так, например, инженерные аспекты районной планировки (районная планировка транспортных систем, систем водоснабжения и канализирования, систем инженерной подготовки территории, медико-географические и санитарно-гигиенические аспекты районной планировки и т.д.) отличаются существенным своеобразием и требуют специально подготовленных кадров. Для разработки в районной планировке проблем оценки, использования и преобразования природных условий и ресурсов также необходимы специально подготовленные физико-географы, экологи, геологи, специалисты по районным системам озеленения и др.

Как следует из предшествующего изложения, районная планировка опирается на значительное развитие частных и специальных дисциплин, взаимодействие которых на уровне проектирования территориальных комплексов (систем) не дает, однако, необходимых результатов без создания более общей, более синтетической теории.

Преодоление междисциплинарных перегородок, разработка синтетических подходов — неперенное условие формирования научных основ районной планировки. Необходимо осознать, что простое суммирование специальных методов и разработок не дает и не может дать необходимых комплексных результатов. Опасность развития узкоспециальных дисциплин, не синтезируемых целостной теорией, общеизвестна, тем не менее, она постоянно возникает вновь в каждой новой области знаний, еще не сформировавшей свою целостную систему взглядов и подходов. Быстрое продвижение в узкоспециальных направлениях исследований в этих случаях сопровождается непониманием смежных проблем и общей задачи. Создающееся положение Н. Винер (1964) персонифицировал в следующем портрете узкого специалиста: «Он набит жаргоном своей специальной дисциплины и знает всю литературу по ней и все ее подразделы. Но всякий вопрос, сколько-нибудь выходящий за эти узкие пределы, такой ученый чаще всего будет рассматривать как нечто, относящееся к коллеге, который работает через три комнаты дальше по коридору».

Примерно ту же мысль в еще более острой форме выразил Т. Хейердал (1958): «Специалисты ограничивают себя, чтобы зарываться все глубже и глубже, пока уже не видят друг друга из своих ям. А результаты аккуратно складывают наверху. Нужен еще один специалист, именно тот, которого до сих пор не хватает. Он не должен следовать за другими в яму, а оставаться наверху и сводить воедино различные результаты».

ИСТОРИЧЕСКИЙ РАКУРС

Становление «районной планировки» как области знания совершилось на основе объединения усилий ряда наук и дисциплин, внесших свой вклад в формирование ее научных основ и методов проектирования. В результате большой творческой работы и длительных дискуссий достигнуто было общее понимание целей и методов районной планировки, характерное для современного уровня этих работ.

Интенсивное развитие районной планировки было вызвано рядом факторов, особенно четко проявившихся во второй половине XX века и потребовавших новых решений. К этим факторам относились: радикальное изменение масштабов и характера размещения производства, формирование крупнейших промышленных комплексов, предъявивших качественно новые планировочные требования; развитие новых форм расселения на обширных, интенсивно урбанизирующихся территориях; значительное усложнение всех систем коммуникаций (транспорта, энергии, воды, сточных вод и т.п.); усиливающееся напряжение в использовании основных, незаменимых при-

родных ресурсов (территории, воды, воздуха, почв и пр.); общее обострение противоречий между развитием хозяйства и природной средой. Эти и другие факторы потребовали разработки специальной планировочной стратегии организации пространства, учитывающей широкий комплекс социальных, экономико-географических, физико-географических, архитектурно-строительных, технологических факторов и условий. Стало очевидным, что взаимозависимость всех факторов и процессов, воздействующих на планировку района, столь велика, что их изолированное рассмотрение не дает нужных результатов. Проблемы, исследуемые и разрабатываемые в районной планировке, в данном аспекте не изучались и не изучаются никакой другой наукой. Они не могут быть «растворены» в более общей проблематике, связанной с территориальной организацией производительных сил. Они не поддаются решению традиционными приемами архитектурно-планировочной практики.

В течение последних десятилетий работы по районной планировке охватили крупнейшие регионы мира, включая территорию СССР. Отметим, что весьма велик был вклад экономической географии в развитие районной планировки. Он включал развитие фундаментальных географических концепции и идеи, оказавших решающее влияние на формирование методологических основ районной планировки; широкое использование в практике районной планировки результатов экономико-географических исследований районов, городов и их систем; подготовку многих специалистов, непосредственно принимавших участие в работах по районной планировке и в своей практической деятельности показывавших и доказывавших значение и эффективность применения экономико-географических знаний, подходов и методов в этих работах.

Огромное значение имело широкое использование в работах по районной планировке фундаментальных экономико-географических концепций, нашедших отражение в современной организации и методах этих работ. При широком использовании экономико-географических подходов были выполнены такие крупнейшие проекты, как генеральные схемы расселения на территории СССР и Российской Федерации, генеральная схема районной планировки зоны влияния БАМ, крупные проекты районной планировки по районам Сибири, Европейской части России, Украины и многие другие. Не вызывает сомнения, что интенсивное развитие районной планировки оказалось бы невозможным без широкого участия экономико-географов и применения экономико-географических знаний.

Крупные исследования и разработки в области районной планировки были выполнены экономистами, архитекторами, инженерами,

экологами, избравшими эту область в качестве важной сферы своей профессиональной деятельности.

В начале XXI в. человечество вновь — не в первый раз — стоит перед необходимостью глубоко переосмыслить и по-новому решать проблемы территориальной организации производительных сил, а в более широком плане — проблемы пространственной организации общества. На современном этапе развития общества, когда человеческая цивилизация вступает в эпоху новых вызовов и поиска ответов на них, одна из наиболее сложных и важных задач — это исследование путей наиболее рациональной организации пространства жизни людей — городов, городских и сельских поселений, промышленных, природоохранных и других зон во всем их бесконечном многообразии и неповторимых сочетаниях. При решении этой задачи потребуются в каждом конкретном случае учесть и разработать множество вопросов социально-экономического, демографического, экологического и культурно-этического характера.

Сложные демографические процессы, проблемы миграции, феномен урбанизации, научно-техническая и информационная революции, беспрецедентное увеличение масштабов и изменение территориальных форм организации производства, стремительное развитие транспорта и средств связи, энергетические и экологические проблемы, нарастающей сложности проблемы урбанизации — эти и другие факторы и проблемы требуют адекватных методов и решений.

В условиях развития процессов глобализации, решающей роли инновационной деятельности, развертывания информационной революции и связанных с ней технологий, новых форм производства ключевую роль приобретает развитие и применение методов научного прогнозирования, кибернетики, системно-структурного анализа, методов математического моделирования, социологических и других современных методов и подходов, использование теоретических и практических результатов исследований в области районирования, регионоведения, федерализма, демографии, науки об управлении и многих других научных достижений. Особенно актуальным становится эффективное сочетание традиционных, новейших подходов и методов исследований и проектирования.

В последнее время произошли коренные изменения в экономической системе, связанные с развитием в стране рыночных отношений, демократизацией процессов проектирования и принятия проектных решений, реформами в земельной политике и др. Принят ряд важных законодательных актов, научных и нормативных документов, имеющих существенное значение. Разработана Генеральная схема расселения на территории Российской Федерации, Градостроительный кодекс Российской Федерации (в редакциях 1998 и 2004 гг.), Гра-

достроительная доктрина Российской Федерации, концепция стратегии развития регионов Российской Федерации, выполнен ряд важных новых проектов районной планировки и региональных исследований. Накоплен значительный опыт районной планировки за рубежом, в частности, при разработке концепций пространственного развития Большой Европы, проектов крупнейших столичных агломераций и др.

В современных условиях роль и значение районной планировки отнюдь не уменьшается, а напротив, существенно увеличивается: районная планировка призвана показать возможные варианты развития регионов и их частей на основе имеющихся ресурсов и социально-экономического потенциала.

Ситуация в России в последние десятилетия характеризуется радикальными переменами, влияющими на изменение содержания и методов разработки районной планировки. К ним относятся: изменение геополитической ситуации, связанной прежде всего с распадом Союза ССР; внезапный переход от сложившихся внешних границ к новым внешним границам, которые столетиями рассматривались как внутренние; появление новых приграничных районов, которые никогда таковыми не являлись; вынужденные миграции; этнические конфликты; потеря ряда важнейших портов; нарушение целостности трансконтинентальных и региональных коммуникационных структур; потеря важных рекреационных районов; отпадение ряда важных ресурсных баз; разрыв связей, формировавшихся в рамках единого народнохозяйственного комплекса Союза ССР и, отчасти, зоны СЭВ. Этими обстоятельствами и недостаточно продуманными реформами в значительной мере были вызваны: напряженное состояние экономики; спад в отраслях промышленности и кризис в других отраслях хозяйства; демографический и экологический кризисы; стагнация или обвальное разрушение ряда секторов социальной инфраструктуры; непредсказуемость многих экономических, политических и социальных процессов. Развитие рыночных отношений сопровождалось рядом радикальных перемен, среди которых: изменение социально-экономических систем; децентрализация субъектов хозяйственной деятельности; распад вертикальных и развитие горизонтальных экономических связей; возрастание роли региональных и местных структур. К сожалению, остро ощущается нестабильность законодательной и нормативной базы, недостаточная реализуемость многих федеральных, региональных и отраслевых программ; разрушение системы государственного регулирования экономики и централизованного планирования при полном отсутствии новых действенных механизмов, способных оказывать эффективное направляющее воздействие на хозяйственную жизнь.

Лишь в самое последнее десятилетие страна, преодолев деформации и потери 1990-х годов, приобрела позитивную динамику развития и вновь приобретает достойные великой державы геополитическую и экономическую позиции в современном мире.

К ВОПРОСАМ ТЕРМИНОЛОГИИ

Для районной планировки большое значение имеют определения таких понятий как «район», «регион», «пространственное развитие», которые до сих пор, к сожалению, не имеют однозначной интерпретации. Районирование является доминирующей темой отечественной экономической и социальной географии в течение, по крайней мере, последних 200 лет ее развития. В классических работах К.И. Арсеньева, П.П. Семенова Тянь-Шанского, Д.И. Менделеева, В.П. Семенова Тянь-Шанского понятие «район» широко использовалось и анализировалось. Понятие «район» широко применялось в работах по плану ГОЭЛРО, по экономическому районированию страны, ее национальному размежеванию и административно-территориальному устройству, оно использовалось при наименовании как крупных экономических районов, так и низших таксономических единиц в системе административного деления страны.

Понятие «регион» широко применялось в зарубежных работах. Особенно большое распространение в англоязычной литературе оно получило со времени работ американского географа Р. Хартшорна, сформулировавшего парадигму регионализма в географии и тем более после работ У. Айзарда (*Изард*, 1954), разработавшего концепцию и создавшего ассоциацию региональной науки.

По А. Айсерману (1993) «регионализм представляет собой знаменательный феномен в социологии науки. Он выступает в качестве междисциплинарного конгломерата, внесшего вклад в развитие нескольких дисциплин и стимулирующего циркуляцию идей, невзирая на межпредметные барьеры и национальные границы... Регионализм нацелен на заимствование, «перспективное опыление», адаптацию и анализ».

Но, по-видимому, столь же красочное определение можно отнести и к понятию «район».

Высказывались соображения, что понятие «регион» носит более строгий, жесткий характер, характеризует более масштабные объекты, чем понятие «район», менее эластично (нельзя сказать «региональная поликлиника», «региональная овощная база»), впрочем, при ближайшем рассмотрении, понятие «район» также весьма эластично и может применяться к явлениям очень большого масштаба («азиатско-тихоокеанский район», «район сосредоточения военных баз» и т.п.).

То же можно сказать и о степени жесткости этих понятий (район или регион являются более жесткой целостностью — не совсем ясно).

Известное определение Э.Б. Алаева, о том, что регион — «это территория (геотерритория) по совокупности насыщающих ее элементов отличающаяся от других территорий и обладающая единством, взаимосвязанностью составляющих элементов, целостностью, причем эта целостность — объективное условие и закономерный результат развития данной территории» [1] вполне может быть отнесено и к понятию «район».

По-видимому, употребление терминов «район» и «регион» не имеет четких границ и может быть идентифицировано по принятому в данное время и в данных целях применению. В сложившейся юридической и научной трактовке термин «регион» обычно применяется для объектов большего масштаба (субъекты Федерации, обширные регионы страны), а термин «район» для обозначения менее крупных объектов (район города, район группы городов), однако эта трактовка не является ни обязательной, ни исключающей другие толкования этих терминов.

Столь же неоднозначными являются трактовки понятий «пространство» и «территория».

«Территория», в самом общем ее определении, — часть земной поверхности, обладающая определенными природными и антропогенными свойствами. «Пространство» (не вдаваясь в его философские определения) — в интересующем нас ключе в отличие от территории не двумерно, а трехмерно, что впрочем не очень существенно при планировочных разработках².

Как отмечают Ю.Н. Гладкий, А.И. Чистобаев (2000), на практике территория часто отождествляется с пространством «и в этом большой беды нет». Вообще, остроумно замечают указанные авторы, все эти нюансы имеют скорее «академический интерес», поскольку в переводе на большинство языков мира упомянутые понятия сливаются воедино, как бы демонстрируя тот факт, что это лишь наша — искусственная «русская головная боль» [2].

Значительные разночтения имеют место при использовании терминов «региональное планирование» и «территориальное планирование». Здесь, как и при сопоставлении терминов «регион» и «район», скорее всего, следует иметь в виду различия в масштабах объекта и лишь затем в содержательном плане.

² Заметим, что термин «пространство» для обозначения экономико-географических районов России был применен основоположником отечественной экономической географии К.И. Арсеньевым при построении им первой сетки районирования страны (Арсеньев, 1818, 1848).

Градостроительным кодексом РФ (в редакции 2004 г.) введено понятие «территориальное планирование», которое предполагает, в частности, помимо вопросов, традиционно рассматриваемых районной планировкой, также освещение ряда дополнительных вопросов, связанных с развитием рыночных отношений (более детальный анализ вопросов инвестиций, источников финансирования, государственно-частного партнерства и др.).

Согласно Градостроительному кодексу (2004), «территориальное планирование — планирование развития территорий, в том числе для установления функциональных зон, зон планируемого размещения объектов капитального строительства для государственных и муниципальных нужд, зон с особыми условиями использования территорий» (ст. 1 Кодекса). Представляется, что это определение существенно сужает задачи территориального планирования, которые охватывают значительно более широкий круг вопросов, непосредственно связанных с планированием, прогнозированием и проектированием на конкретной территории (чем установление тех или иных зон).

Региональное планирование имеет дело с более крупными объектами — регионами страны и охватывает еще более широкий круг вопросов, включая выбор социальных и экономических приоритетов их развития, бюджетные взаимоотношения, демографические и другие проблемы в контексте рационального, гармоничного и взаимосвязанного развития страны и ее наиболее крупных частей [3].

Совершенно очевидно, что существуют большие различия между понятием «планирование», имеющим необычайно широкую сферу применения, и понятием «территориальное планирование», если понимать под последним область, охватываемую градостроительным планированием и районной планировкой.

П. Холл [6] дает следующее развернутое суждение по этому вопросу: «...Слово «планирование» используется сегодня для обозначения многих различных видов деятельности человека, фактически для всех... Планирование — это создание (формулирование) четкой последовательности действий, ведущих к достижению поставленной цели или целей. Оно может быть представлено в виде текстовых материалов с приложением соответствующих статистических и математических данных, количественных показателей и диаграмм, иллюстрирующих взаимосвязь между различными разделами плана. План может также включать чертежи объектов. Планирование представляет собой непрерывный процесс, последовательность в котором: «цели — непрерывная информация — выявление и имитация альтернативных вариантов — оценка — выбор — непрерывный мониторинг».

П. Холл отмечает исключительное разнообразие интересов, которые должны быть учтены и интегрированы при градостроительном

проектировании: «Объем необходимой информации и специальных экспертиз» здесь «намного больше, чем в большинстве других видов планирования. Он охватывает почти весь опыт человечества. Идеальный градостроитель или региональный планировщик должен быть хорошим экономистом, социологом, географом и социальным психологом, а также обладать необходимыми знаниями, скажем, в гражданском строительстве и кибернетике. Чтобы оценить качество полученной информации он должен быть слегка скептическим статистиком. Он должен быть высококомпетентным аналитиком, чтобы использовать компьютерную систему, имеющуюся в его распоряжении. Все это почти невозможно совместить в одном человеке и представляет сложную задачу для тех, кто готовит планировщиков. Затрагивается слишком много интересов, вовлекаются специалисты разного профиля, среди которых не всегда есть согласие. Единственным человеком, который может оказаться компетентным, принять решение, является тот, чье образование и образ мысли способны охватить весь этот комплекс вопросов. Это, конечно, градостроитель и региональный планировщик».

Под региональным планированием в условиях плановой экономики понималось директивное планирование в региональном разрезе, осуществлявшееся в системе централизованного планирования соответствующими организациями (Госплан СССР, Госпланы союзных республик, плановые комиссии областных, городских, районных административных органов). В рамках регионального планирования осуществлялись крупные народнохозяйственные проекты на уровне союзных республик и экономических районов. Планы и проекты, а также условия их финансирования носили строго адресный характер, разрабатывались на определенные сроки (годовые, пятилетние, перспективные) и после их утверждения соответствующими законодательными органами приобретали силу закона.

Под районной планировкой понимался комплекс проектных материалов (чертежей в разном топогеодезическом масштабе, текстовых материалов), определявших организацию территории и размещение всех объектов строительства на длительную перспективу (5–10–20 лет). Эти материалы рассматривались и утверждались на разных уровнях управления, как правило, областными органами при участии Госпланов СССР и союзных республик, а для некоторых районов — правительствами СССР и союзных республик. В связи с длительностью проектного срока и в значительной степени из-за доминирования отраслевого, ведомственного планирования материалы районных планировок носили в основном рекомендательный характер. Но в некоторых решениях таких, как выбор площадок для городов и заводов, определение трасс коммуникаций, проектирование сис-

тем инженерной инфраструктуры и др., в значительной мере имеет обязательный характер и служит основой для последующего более детального проектирования. Примерно такой же правовой статус имели генеральная и региональные схемы расселения, носившие концептуальный, ориентирующий характер, подлежавшие рассмотрению и утверждению на правительственном уровне и выполнявшие по своему замыслу роль исходной базы для последующей разработки районных планировок, локальных схем расселения и генеральных планов городов.

Хотя правовые основы планирования и проектирования в нашей стране радикально изменились, различие между понятиями «региональное планирование» и «районная планировка» сохраняются.

Отметим, что в английском языке термин «regional planning» не позволяет четко различать понятия «региональное планирование» и «районная планировка». В связи с этим для обозначения понятия «районная планировка» в англоязычной литературе и практике часто применяется со многими оговорками термин «физическое планирование», по своему смысловому содержанию и форме, по-видимому, мало приемлемый для российской научной и проектной практики.

Получившие в последнее время распространение термины «пространственное развитие», «пространственная организация», «стратегическое планирование», «генеральный план развития региона» и другие имеют ряд достоинств, но четко не разделяют легко различимые в русском языке понятия «планирование» и «планировка».

Полагаем, что поиск терминов, отражающих важную и многоаспектную область исследований, проектирования и деятельности, традиционно обозначаемую в нашей стране термином «районная планировка», не завершен и должен быть продолжен [4].

АКТУАЛЬНЫЕ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Не обсуждая здесь подробнее теоретические и терминологические вопросы районной планировки, остановимся на крупных научно-практических задачах районной планировки и градостроительства в контексте решения территориально-градостроительных проблем регионов России.

Важными направлениями фундаментальных и прикладных исследований в области районной планировки и градостроительства на среднесрочную и долгосрочную перспективу должны стать аналитические и прогнозные разработки, нацеленные на выявление пространственных особенностей и стратегических аспектов развития системы расселения России как основы территориально-градостроительной политики. При этом должны быть дифференцированно раз-

работаны проблемы следующих регионов страны, существенно различающихся по своим условиям, предпосылкам и особенностям проектирования: центральные регионы Европейской части Российской Федерации; Сибирь и Дальний Восток (с учетом задач дальнейшего освоения их важнейших для страны природных ресурсов и предотвращения крайне неблагоприятных процессов обезлюдения этих районов, наблюдающихся в последние годы); регионы Юга России (с учетом их природных преимуществ, рекреационного и сельскохозяйственного значения, а также этноконфессиональных особенностей); регионы Европейского Севера, Севера Сибири и Дальнего Востока (с их задачами очагового освоения уникальных природных ресурсов, а также сохранения культурных и хозяйственных особенностей малочисленных северных народностей).

Проблемы пространственной организации этих групп регионов (макрорегионов) страны различаются столь существенно, что требуют специального анализа и научного сопровождения, проектирования с учетом специфических и нередко контрастных природных, экологических, этноконфессиональных и социально-экономических факторов. Выделим типы регионов и объектов проектирования, для которых необходимо выявить и разработать общие проблемы и стратегические задачи научно-проектных разработок:

- 1) столичные регионы (Московский и С.-Петербургский);
- 2) регионы других крупнейших агломераций с миллионным населением в каждом: Екатеринбургский, Нижегородский, Самарский, Волгоградский, Саратовский, Казанский, Ростовский (на-Дону), Уфимский, Пермский, Челябинский, Новосибирский, Омский, Красноярский, Иркутско-Ангарский, Хабаровский, Владивостокско-Находкинский, всего 15–16 центральных городов и более 50 городов-спутников;
- 3) регионы крупных городских агломераций, выполняющих, как и указанные выше агломерации, роль «локомотивов» для тяготеющих к ним территорий (около 50 агломераций, в том числе 50 городов-центров агломераций и около 150 городов-спутников);
- 4) средние и малые города — организационные и административные центры тяготеющих к ним обширных территорий, а также центры добывающей промышленности и первичной переработки природных ресурсов (угольной, нефтяной, газовой, черной и цветной металлургии, химической промышленности и др.); наукограды; города при АЭС и ГЭС; военные и военно-морские базы;
- 5) портовые агломерации, роль которых существенно возрастает по мере дальнейшего развития экспортной составляющей экономики (особенно в местах выхода к морским и океаническим побережьям транспортных коридоров, включая нефтепроводы,

газопроводы, железнодорожные магистрали международного значения); важность и сложность планировочных проблем в этих агломерациях особенно велики в связи с сокращением протяженности незамерзающих или относительно незамерзающих побережий, которыми располагает Россия, а также в связи с жесткой конкуренцией за пригодные участки этих побережий между портовыми сооружениями (включая нефтяные терминалы), предприятиями перерабатывающей промышленности, военными базами, жилыми и курортными зонами;

- 6) зоны аэропортов, особенно хабов (узлов международного авиасообщения), и связанные с ними жилые и обслуживающие зоны с необходимыми санитарными разрывами; задачи проектирования этих зон существенно осложняются в связи с ростом масштабов авиатранспорта, а также необходимостью перебазирования десятков аэропортов, размещенных ранее вблизи разросшихся городов (актуальность и масштабность проблемы стала особенно очевидной в связи с недавней авиакатастрофой в Иркутске); масштаб проблемы также очевиден с учетом развития международных авиатрасс Европа–Азия, Северная Америка — Южная Азия через Сибирь;
- 7) многочисленные новые городские образования, которые должны быть созданы вдоль транспортных коридоров, в особенности на востоке страны (важен выбор места, сочетание с имеющимися местными системами расселения, учет имеющегося опыта);
- 8) курортные и туристические зоны, проектирование которых становится крупной и важной задачей с учетом необходимости предоставления условий для лечения, отдыха и спорта гражданам страны, а также иностранным туристам, что позволит сократить отток средств, вывозимых российскими гражданами за границу, а также привлечь иностранные инвестиции. Значение этих регионов и зон для Российской Федерации особенно возрастает в связи с потерей Россией районов, интенсивно использовавшихся для рекреационных целей во времена Союза ССР на Украине, в Прибалтике, в Закавказье, в странах СЭВ и, вместе с тем, наличием в стране огромных, практически неиспользуемых или слабо используемых разнообразных рекреационных ресурсов.

Анализируя методы научно-проектных прогнозных разработок, необходимо подчеркнуть, что наряду с использованием зарубежного опыта, в том числе обобщающих разработок ООН, ЕС (например, рекомендации Совета Европы, так называемый Ганноверский документ, Концепция «города-предпринимателя», разработанная Европейским Союзом городов и др.), важно в полной мере использовать богатейший опыт проектирования и прогнозирования, который накоплен в

нашей стране, разумеется с учетом новых социальных и экономических условий.

Особое внимание следует обратить на факторы, не поддающиеся в настоящее время однозначному прогнозу (например, вероятность потепления климата и его последствия), во всех случаях, когда это возможно, вариантно учитывать соответствующие факторы неопределенности (например, избегать размещения новой жилой застройки фронтально, вдоль морского побережья, предпочитая размещение ее в глубине дельт рек).

Перечисленные территории и объекты научно-проектных разработок определяют широкое поле для исследований и проектирования, которые требуют: развития в стране районных планировок и территориального планирования на высоком научном уровне с соответствующим финансовым и техническим обеспечением, подготовкой и переподготовкой научных и проектных кадров в высших учебных заведениях; глубокого анализа и обобщения имеющегося опыта; разработки современных теоретических и методических подходов, отвечающих последним достижениям отечественной и мировой науки.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алаев Э.Б.* Социально-экономическая география. Понятийно-терминологический словарь. М., 1983.
2. *Гладкий Ю.Н., Чистобаев А.И.* Регионоведение. М., 2000.
3. *Гранберг А.Г.* Основы региональной политики. М., 2000.
4. *Перцик Е.Н.* Районная планировка (территориальная планировка). М., 2006.
5. *Хаггет П.* География: синтез современных знаний. Пер. с англ. М., 1979.
6. *Холл П.* Городское и региональное планирование. Пер. с англ. М., 1993.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ТОРГОВЫХ ОТНОШЕНИЙ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

А.И. Салицкий

Возобновление модернизации в России немислимо без реконструкции промышленности, транспорта и сельского хозяйства. Такая реконструкция в международной части должна учесть существующие и перспективные потребности, а также инвестиционный и финансовый потенциал стран-партнеров.

Формируя растущую часть мировых грузопотоков, Китай все-р-ез заинтересован в их диверсификации и усилении Евро-Азиатского направления. Россия, в свою очередь, объективно заинтересована в углублении сотрудничества с Восточной Азией. Сочетание взаимных интересов, не исключающее и некоторых противоречий, позволяет строить долгосрочные планы и программы кооперации. Такая работа немислима без тщательного мониторинга хозяйственной ситуации в Китае, его внешнеэкономической политики, отношений с партнерами по ШОС. Не менее важен анализ крупных сдвигов в мировой экономике и политике, связанных с новой ролью Китая.

Исследование конкретных вопросов взаимодействия с КНР в области международных перевозок, топливно-энергетического и аграрно-продовольственного комплекса особенно актуально. В нынешней ситуации сотрудничество двух стран в данных сферах во многом является определяющим для всего комплекса двусторонних и многосторонних отношений, имеет ясные геоэкономические и геополитические последствия.

В начале 2008 г. среди актуальных тем дискуссий экономистов оказались возможности сохранения высоких темпов экономического роста в Китае, изменение его роли в международной валютно-финансовой системе. По-прежнему злободневны вопросы динамики товарных потоков, связывающих эту страну с мировой экономикой.

ПЕРСПЕКТИВЫ СОХРАНЕНИЯ ВЫСОКИХ ТЕМПОВ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА В КНР

Исключительно динамичный и продолжительный подъем китайского хозяйства в силу его масштабов (в реальном выражении на эту страну приходится около 25% мирового промышленного производства, по некоторым расчетам, по объему ВВП Китай в 2007 г. догнал США) создал беспрецедентную ситуацию в глобальной экономике. Нынешняя «мастерская мира» оказывает значительное, в ряде случаев решающее, воздействие на состояние отдельных товарных рынков, а также международные транспортные и финансовые потоки.

Анализ длительных тенденций развития Китая, его международной конкурентоспособности, инвестиционного потенциала, состояния финансовой системы и платежного баланса, а также стратегических установок, принятых в 2007 г., позволяют, сделать следующий вывод. Говоря в целом, можно с уверенностью предполагать сохранение высоких темпов экономического роста в краткосрочной перспективе (2008–2009 гг.) и повышенных (около 7–8%) — вплоть до 2015 г.

Таблица 1

Темпы прироста ВВП и внешней торговли КНР, %

Темпы/Годы	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007
ВВП	8.5	7.8	7.1	8.4	7.3	9.1	10.0	10.1	10.4	11.1	11.9
Оборот внешней торговли	12.2	-0.4	11.3	31.5	7.5	21.8	37.1	35.7	23.2	23.6	23.5

Источник: Главное таможенное управление КНР (<http://www.customs.gov.cn>), Государственное статистическое управление КНР (<http://www.stats.gov.cn>)

Менее определенными в связи с возможным снижением темпов роста и даже спадом в экономике развитых стран выглядят возможности поддержания высокой динамики внешнеэкономических связей, достигнутых Китаем в середине нынешнего десятилетия. Как видно из приведенных выше данных (табл. 1), в последнее десятилетие экономика Китая не очень чувствительна к спадам и кризисам в мировой торговле. В 1997–1998 и 2001 годах сокращение темпов роста торговли этой страны, вызванное внешними причинами, не оказывало слишком сильного воздействия на экономический рост. И хотя с тех пор зависимость КНР от международных рынков несколько повысилась (в меньшей мере, чем показывают данные о темпах прироста ВВП и внешней торговли, поскольку первые очищены от инфляции),

решающими в хозяйственной динамике остаются внутренние факторы.

К ним, в первую очередь, следует отнести очень высокий уровень инвестиций. Норма накопления в Китае существенно выше, чем в других странах Азии. Высокий инвестиционный «тонус» китайской экономики опирался в этом десятилетии на столь же высокую норму сбережений, как правило, превосходящую на 2–3% норму накопления. Рост реального сектора облегчался относительно невысокой процентной ставкой по кредитам (6–7% годовых). Фондовый рынок играет вспомогательную роль в инвестиционном процессе, его колебания практически не отражаются на реальной экономике. Ежегодный прирост инвестиций в КНР в последние два года превышал 20%, примерно на этом же уровне, как ожидается, этот показатель сохранится и в 2008 г.

В 2006–2007 гг. в экономике КНР появились некоторые симптомы «перегрева», в частности, в 2007 г. отмечено существенное повышение инфляции. Индекс потребительских цен в годовом исчислении составил 4,8% против 1,5% в 2006 г., 1,8% в 2005 г. и 3,9% в 2004 г.¹ В основном рост цен обусловлен удорожанием сельскохозяйственной продукции на внутреннем рынке. В связи с усилением инфляции на декабрьском совещании Госсовета и ЦК КПК по хозяйственным вопросам (2007 г.) провозглашен переход к жесткой кредитно-денежной политике. Ранее проводилась «умеренно жесткая», или «сбалансированная», политика, включавшая небольшое повышение ставки процента по кредитам и увеличение резервов коммерческих банков. Прирост M_2 и M_0 в 2007 г. составил, соответственно, 18,5 и 13,0%². Вследствие ужесточения монетарной политики в 2008 г. ожидается снижение темпов роста ВВП до 10,2%, индекс потребительских цен планируется удерживать в пределах 5%.

Активная и квалифицированная государственная экономическая политика является важнейшим фактором динамичного и стабильного роста. В отчетном докладе ЦК семнадцатому съезду КПК (октябрь 2007 г.) подтверждена стратегическая установка на сочетание социализма и реформ или, иначе говоря, государственного регулирования и рынка, социальной справедливости и экономической эффективности. Нынешний генеральный секретарь в ряде формулировок дал понять, что ведущим элементом в системе «социализм-рынок» является первый. Это принципиально важное уточнение.

Приоритет государственного регулирования рынка отчетливо просматривается в пунктах доклада Ху Цзиньтао, касающихся хозяй-

¹ В США потребительские цены (с учетом энергии и продовольствия) выросли в 2004 г. на 2,6%, в 2005 г. — на 2,9%, в 2006 г. — на 3,5%.

² В 2006 г. — 17,1 и 14,0% соответственно.

ственного положения страны. Упомяну несколько совершенно ясных установок: «совершенствование планирования и промышленной политики», «усиление финансового контроля», «оптимизация структуры рынка капиталов», «более строгий допуск на рынок инвестиций» и т.д.

В то же время достижения страны в области создания рыночной среды и инфраструктуры оценены на съезде по достоинству, не подвергается сомнению и ценность западного экономического опыта. Кроме всего прочего, в период между двумя последними съездами (2002–2007 гг.) были успешно завершены реформа государственных предприятий и санация банковской системы, начатые предыдущим составом руководства.

Подчеркнем, что государственное регулирование рынков в Китае выступает в нынешней ситуации гарантией низкой уязвимости экономики от возможных потрясений на глобальных финансовых рынках. Национальная валюта (жэньминьби, или юань) остается неконвертируемой по большинству счетов движения капитала. Специализированная банковская система ограничивает образование «экономики мыльного пузыря». Ограничиваются государством и спекулятивные тенденции в секторе недвижимости, а также нелегальный приток денег в китайскую финансовую систему³.

Макроэкономическая задача на грядущее пятилетие сформулирована в докладе Ху Цзиньтао предельно четко: повышать долю потребления населения в ВВП⁴. Решение этой задачи потребует и существенных сдвигов в психологии населения, и куда более энергичной социальной политики в нынешней и двенадцатой пятилетке.

В 2006 г. рост реальных доходов крестьян и горожан составил, соответственно, 7,4% и 10,4%. В 2007 г. (отчасти из-за роста цен на сельскохозяйственную продукцию) весьма существенно возросли

³ О масштабах этого явления некоторое представление дает статья «чистые ошибки и пропуски» платежного баланса. В первом полугодии 2006 г. нелегальный ввоз в КНР так называемой твердой валюты составил 0,4 млрд. долл., в первом полугодии 2007 г. — 13 млрд. долл.

⁴ В докладе эта мысль сформулирована следующим образом: «Нужно продолжать идти по пути индустриализации нового типа и с китайской спецификой, твердо держаться курса на расширение внутреннего и прежде всего потребительского спроса, стимулировать переход в способе роста экономики от развития преимущественно за счет капиталовложений и экспорта к скоординированному развитию за счет потребления, капиталовложений и экспорта, от стимулирования преимущественно за счет второго сектора экономики (промышленности — А.С.) к скоординированному стимулированию за счет первого, второго и третьего секторов (сельского хозяйства, промышленности и сферы услуг — А.С.), от развития в основном за счет увеличения затрат материальных ресурсов к развитию в основном за счет научно-технического прогресса, повышения человеческого потенциала и управленческих инноваций» (china.org.cn).

доходы сельского населения. В реальном выражении прирост составил 14,8%. Доходы горожан увеличились на 13,2%.

Важно отметить, что расширение внутреннего спроса в качестве главной цели в какой-то мере противопоставлено в докладе Ху Цзиньтао практиковавшейся ранее опоре на рост внутренних капиталовложений, экспорта и привлечение иностранных инвестиций. Это вполне назревший переход, если вспомнить экономическую историю Японии, причем в КНР принимаются и практические меры к некоторому ограничению внешнеэкономической экспансии (в том числе вводятся экспортные пошлины на отдельные товарные позиции, слишком чувствительные для зарубежных производителей). Мартовская (2007 г.) сессия ВСНП уравнила налоги на иностранных и местных производителей. Ранее зарубежные инвесторы пользовались льготами. Конечно, в Китае не отказываются от внешнеэкономической экспансии и привлечения иностранного капитала. Однако теперь, во-первых, в экспортной политике акцент делается на качественные характеристики (в том числе продвижение на мировой рынок собственных торговых марок и транснациональных компаний, а также экспорт услуг⁵), а во-вторых, в докладе Ху Цзиньтао выдвинута задача постепенного достижения сбалансированности внешних платежей. Подчеркнуто также ответственное отношение страны к внешнеэкономическим обязательствам, причем отмечается, что возросшая роль Китая в мировой экономике требует стимулирования «открытости для самих себя и открытости для внешнего мира».

Внешнеэкономическую мощь современного Китая также предполагается постепенно трансформировать в инновационное, экологически опрятное хозяйство. На этом пути достигнуты обнадеживающие, но пока не удовлетворяющие руководство страны результаты, в частности, в 2006 г. впервые за несколько лет несколько понизилась (на 1,3%) удельная энергоемкость производства. В 2007 г. она снизилась еще на 2,8%, что уже ближе к плановым показателям⁶. Колоссальными темпами растут закупки энергосберегающих и других передовых технологий, а также инвестиции в науку. В 2006–2007 гг. введены новые ограничения на экспорт энергоемких товаров и сырья.

⁵ В первом полугодии 2007 г. экспорт услуг из КНР составил 56 млрд. долл., импорт — 59 млрд. долл. Дефицит по этому разделу платежного баланса сокращается — в первом полугодии 2006 г. он превышал 7 млрд. долл. Наибольший дефицит зарегистрирован по статьям «транспорт» и «страхование» — 4,8 и 4,3 млрд. долл. соответственно (данные Государственного управления по валютному контролю, safe.gov.cn).

⁶ За одиннадцатую пятилетку (2006–2010 гг.) указанный показатель намечено сократить на 20%.

Высокие темпы экономического роста КНР в последние годы главным образом опирались на развитие промышленности, в том числе ускоренный прогресс тяжелой индустрии (эта тенденция сохранилась и в 2007 г.). Продолжение индустриализации — вплоть до 2020 г. — заложено и в стратегические установки. Важно, опять-таки, заметить, что в гигантском китайском хозяйстве целенаправленное формирование комплексной промышленной системы опирается в основном на внутренние факторы. Комплексное развитие удастся совмещать с реализацией сравнительных преимуществ страны на мировом рынке, причем отнюдь не только в трудоемких отраслях.

Понятно, что будущие темпы промышленного роста в КНР окажут очень значительное воздействие на мировые товарные и сырьевые рынки.

В связи с этим прогнозирование темпов индустриального роста в Китае приобретает особое значение. В некоторых странах Азии (особенно в Японии и ряде НИС первой волны) после завершения фазы бурной индустриализации начинался процесс сервисизации экономики (увеличение доли сферы услуг в ВВП), по схожему сценарию может пойти и экономическое развитие Китая. В этой стране почти половина ВВП приходится на промышленность (включая строительство) и менее 40% — на сферу услуг. Подобный переход, как правило, ведет к постепенному, растянутому на несколько лет, снижению темпов ежегодного прироста ВВП — на 2–4%. Куда более глубоким при неблагоприятных внешних обстоятельствах может оказаться падение темпов роста экспорта.

Вместе с тем вопрос о темпах промышленного развития Китая лишь отчасти связан с будущей ситуацией в мировой экономике. Дальнейшее усиление КНР как ведущей промышленной державы мира может, конечно, вызвать усиление протекционизма в других странах, спады и кризисы. Это, в свою очередь, ускорит сервисизацию китайского хозяйства, возможно, затормозит, но вряд ли серьезно подорвет экономическую динамику в Китае. Она, повторим, главным образом опирается на внутренние факторы.

Пока, впрочем, опережающий рост промышленности в КНР сохраняется. В 2007 г. (первые три квартала) прирост промышленного производства составил 13,5% против 11,0% в сфере услуг. По итогам года эти показатели составили, соответственно, 13,4 и 11,4%.

На XVII съезде КПК несколько повышена планка долгосрочной экономической цели — учетверения ВВП (за 2001–2020 гг.): этот ориентир утвержден съездом уже в качестве среднестатистического показателя. Несмотря на достаточно амбициозную цель, китайская экономика ее, по-видимому, достигнет, даже сбавив в будущем темпы промышленного роста и активизировав программы энергосбережения и ох-

раны природы, вывода из эксплуатации устаревших мощностей, а также опережающего развития сферы услуг. Парадоксально, но при этом может произойти ослабление зависимости от внешних рынков. Дело в том, что около 40–50% мирового промышленного производства интернационализировано, то есть связано с кооперацией между странами и внешней торговлей. В то же время в сфере услуг степень интернационализации значительно ниже — около 10–15%.

Определенное позитивное воздействие на темпы промышленного роста в Китае может оказать возобновившаяся модернизация в странах ШОС, восстановление и развитие в них транспортной инфраструктуры и энергетики. Масштабное экономическое сотрудничество России, Китая и стран Центральной Азии имеет в этом смысле прочную долгосрочную основу.

СТРУКТУРА И ГЕОГРАФИЯ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ КНР

Динамика внешней торговли Китая за последние несколько лет (Табл. 2), как представляется, подтверждает тезис о растущей комплексности или системности экономики этой страны. Значительное и устойчивое превосходство темпов роста экспорта по сравнению с аналогичным показателем для импорта (в котором, заметим, росла доля быстро дорожавших энергоносителей) в 2005–2007 гг. свидетельствует о трех важных обстоятельствах.

Во-первых, хозяйство Китая обладает очень высокой конкурентоспособностью. Она базируется не только на ценовых, но и системных факторах, поскольку, как известно, с июля 2005 г. курс жэньминьби по отношению к доллару повышался. Принимались в КНР в этот период и разнообразные меры ограничения экспорта.

Во-вторых, можно предположить, что китайские экспортеры промышленной продукции (в том числе и предприятия с участием иностранного капитала) в растущей мере используют местные компоненты и технологии. Это косвенно подтверждается данными о некотором снижении в китайском экспорте в 2005–2007 гг. доли предприятий, занимающихся операциями на давальческой основе («цзягун маои»⁷), т.е. изготовлением экспортных товаров из импортного сырья, полуфабрикатов, узлов и деталей.

В-третьих, дальнейшая интеграция внутреннего рынка (в том числе в результате ввода в строй крупнейших в мире инфраструктурных объектов), а также окончательная либерализация доступа на него зарубежных производителей товаров и услуг (в рамках обязательств,

⁷ Буквально «торговля добавленной обработкой». В 2007 г. прирост экспорта в этом сегменте составил 21% против 30% в сегменте вывоза товаров, полностью произведенных в Китае.

принятых при вступлении в ВТО в 2001 г.) не ведут к ослаблению позиций местных производителей.

Таблица 2

Динамика внешней торговли Китая в 2000-2007 гг., млрд. долл., %

Годы	Товарооборот	Экспорт	Импорт	Изменение по сравнению с предыдущим годом, %		
				Товарооборот	Экспорт	Импорт
2000	474.30	249.20	225.09	31.5	27.8	35.8
2001	509.77	266.15	243.61	7.5	6.8	8.2
2002	620.79	325.57	295.22	21.8	22.3	21.2
2003	851.21	438.37	412.84	37.1	34.6	39.8
2004	1154.79	593.30	561.49	35.7	35.3	36.0
2005	1421.90	761.95	659.95	23.2	28.4	17.6
2006	1760.68	969.07	791.61	23.6	27.2	19.9
2007	2173.80	1218.00	955.80	23.5	25.7	20.8

Источник: Главное таможенное управление КНР (<http://www.customs.gov.cn>), Государственное статистическое управление КНР (<http://www.stats.gov.cn>)

Среднемесячный объем экспорта КНР в первом квартале 2007 г. составлял 84 млрд. долл. В четвертом квартале года этот индикатор вырос до 114 млрд. долл.⁸ Помесячная динамика импорта была выше во второй половине 2007 г. С 69 млрд. долл. в месяц в первом квартале усредненный показатель вырос почти до 88 млрд. долл. в четвертом квартале⁹. Активное сальдо торговли увеличилось с 16 млрд. долл. в январе почти до 27 млрд. долл. в декабре 2007 г.¹⁰ За год активное сальдо по внешнеторговым операциям составило более 260 млрд. долл.¹¹

Ведущей тенденцией структурных изменений в китайском экспорте является повышение качества и технического уровня вывозимой продукции. Обращает на себя внимание существенное ускорение экспорта из Китая на мировой рынок продукции высоких и новейших технологий. Если еще в 2002 г. импорт по этой агрегированной статье превосходил экспорт, то в 2007 г. картина стала противоположной. Актив же в торговле изделиями машиностроительной и электронной промышленности в 2007 г. превысит 200 млрд. долл. (табл. 3). Налицо превращение КНР в одну из ведущих научно-технических

⁸ В США аналогичный показатель равнялся 102 млрд. долл.

⁹ В США - 171 млрд. долл.

¹⁰ В США - 69 млрд. долл.

¹¹ В 2007 г. торговый дефицит США составил 816 млрд. долл., против 838 млрд. в 2006 г. и 787 млрд. в 2005 г.

держав, крупного экспортера технологий. О колоссальном внедренческом потенциале этой страны говорит простой факт: в 2007 г. КНР приобрела зарубежных патентов и лицензий почти на 8 млрд. долл.¹²

Таблица 3

Некоторые показатели внешней торговли КНР, 2002 и 2007 гг.

Показатели/Годы	2002	2007*
Стоимость экспорта (млрд. долл.)	325.6	1 218.0
В том числе:	157.1	684.7
- продукция машиностроительной и электронной промышленности		
- продукция высоких и новейших технологий	67.9	339.5
Стоимость импорта (млрд. долл.)	295.2	955.8
В том числе:	155.6	488.0
- продукция машиностроительной и электронной промышленности		
- продукция высоких и новейших технологий	82.8	281.8

* Данные (кроме итога) за одиннадцать месяцев.

Источник: Министерство коммерции КНР (<http://www.mofcom.gov.cn>)

Таблица 4

Товарная структура экспорта КНР, %

Товарные группы/Годы	1985	1995	1998	2001	2002	2003	2007
Продукция первичной степени переработки	50.6	14.4	11.2	9.8	8.7	8.1	5.0
- продовольствие	13.9	6.7	5.8	4.7	4.5	3.9	2.7
- непродовольственное сырье	9.7	2.9	1.9	1.6	1.3	1.2	0.5
- минеральное топливо и технические масла	26.1	3.6	2.8	3.2	2.6	2.7	1.6
Готовая промышленная продукция	49.4	85.6	88.8	90.2	91.3	91.9	95.0
- химические продукты	5.0	6.1	5.6	5.0	4.7	4.6	4.9
- изделия, классифицируемые по сырью	16.4	21.7	17.6	16.6	16.3	16.4	12.0
- машины, оборудование и транспортные средства	2.8	21.1	27.3	35.4	39.0	41.5	47.3
- прочие товары	25.2	36.7	38.2	33.2	31.3	29.4	30.8

Источник: Министерство коммерции КНР (<http://www.mofcom.gov.cn>)

¹² В первом полугодии 2006 г. этот показатель составил 3 млрд. долл.

Таблица 5.

Товарная структура импорта КНР, %

Товарные группы/Годы	1985	1995	1998	2001	2002	2003	2007
Продукция первичной степени переработки	12.5	18.5	16.4	19.0	16.7	18.0	25.2
- продовольствие	4.5	6.9	3.9	2.8	2.5	2.3	3.3
- непродовольственное сырье	7.6	7.7	7.7	9.1	7.7	8.4	11.0
- минеральное топливо и технические масла	0.4	3.9	4.8	7.5	6.5	7.3	10.9
Готовая промышленная продукция	87.5	81.5	83.6	81.0	83.3	82.0	74.8
- химические продукты	10.6	13.1	14.4	13.2	13.2	12.1	11.3
- текстиль, классифицируемые по сырью	28.2	21.8	22.2	17.3	16.5	16.0	12.3
- машины, оборудование и транспортные средства	38.4	39.8	40.5	43.7	46.4	46.1	43.3
- прочие товары	10.3	6.8	6.5	6.8	7.2	7.8	11.1

Источник: Министерство коммерции КНР (<http://www.mofcom.gov.cn>)

Развернутых комментариев требуют данные о товарной структуре китайского экспорта. Представленные в крупной разбивке за длительный период (табл. 4) такие данные свидетельствуют, на наш взгляд, о принципиальной возможности относительно быстрого оживления сырьевой и топливной специализации экспорта. Нелишне вспомнить при этом, что в 1985–1995 гг. Китай еще только начинал масштабное сотрудничество с иностранным предпринимательским капиталом и вплоть до 1993 г. оставался нетто-экспортером нефти. В последние пять лет (2003–2007 гг.), когда экспорт КНР вырос в два с половиной раза, заметным сдвигом в его структуре было дальнейшее снижение доли сырьевой продукции (при сохранении роста вывоза в абсолютном выражении, в том числе продовольствия).

При сравнении долгосрочных трендов в структуре экспорта и импорта КНР (табл. 4–5) возникает закономерное предположение о возможном переходе этой страны в будущем в число нетто-импортеров продовольствия (в 2007 г. внешняя торговля по этой товарной группе оказалась сбалансированной, ранее наблюдался актив у КНР).

Заметным явлением последних лет стал рост импорта в Китай некоторых потребительских товаров, особенно «престижных» марок, связанный со спросом состоятельной прослойки населения. В то же время сокращается ввоз алюминия, стали и проката.

С ростом благосостояния населения быстро растут расходы китайских туристов за рубежом. В 2007 г. они составили 30 млрд. долл.

и приблизились к доходам КНР от иностранного туризма (37 млрд. долл.)¹³.

Отметим также несколько неожиданное появление КНР в качестве крупного экспортера на ряде товарных рынков, где эта страна традиционно была импортером. Это, в частности, черные металлы. За одиннадцать месяцев 2007 г. вывоз стали и проката из КНР составил 57,9 млн. т — на 54,5% больше, чем за аналогичный период 2006 г. Среди других крупных статей, экспорт которых в 2007 г. был особенно динамичным, упомянем кукурузу (прирост физического объема вывоза 85,3%), контейнеры (43,7%), автомобили (68,5%), суда (свыше 50%). В импорте особенно быстро нарастал физический объем ввоза растительного масла (прирост — 28,9%), меди (38,7%), автомобилей (37,5%).

Порты КНР обрабатывают свыше 1,5 млрд. т внешнеторговых грузов в год. Во внешних грузопотоках в 2007 г. (одиннадцать месяцев) наибольший вес в физическом выражении занимал импорт железной руды (почти 350 млн. т), нефти (150 млн. т) и нефтепродуктов (31 млн. т), а также ввоз соевых бобов (28 млн. т). В экспорте наиболее «весомыми» позициями были каменный уголь (47 млн. т) и нефтепродукты (14 млн. т). Среди других крупных по физическому объему статей — пластмассы и сырье для их производства, удобрения, древесины (более 40 млн. куб. м).

Топливо-энергетический комплекс Китая опирался в 2000–2007 гг. главным образом на быстро растущую угледобычу; импорт энергоресурсов, прежде всего нефти, увеличивался темпами менее высокими, чем ВВП. Основными поставщиками нефти в КНР в 2007 г. были Саудовская Аравия, Ангола, Иран и Россия. В среднесрочной и долгосрочной перспективе ожидается существенное расширение поставок углеводородного топлива из-за рубежа, ускоренная газификация страны, к 2020 г. намечено построить 30 АЭС. Масштабное производство этанола считается в КНР не соответствующим условиям страны¹⁴.

В географическом распределении китайского экспорта при грубой разбивке в последние годы заметна тенденция к увеличению доли европейских, африканских и латиноамериканских рынков (табл. 6). Импорт КНР в куда большей степени, чем экспорт ориентирован на Азию, некоторое усиление позиций на китайском рынке Австралии, африканских и латиноамериканских государств в 2003–2007 гг. (Табл.

¹³ В первом полугодии 2006 г. эти показатели составили 11 и 15 млрд. долл. соответственно.

¹⁴ По расчетам китайских экономистов, на производство эквивалента одной тонны бензина нужно пять тонн зерна.

7) связано главным образом с наращиванием поставок в Китай сырья и топлива.

Таблица 6

География экспорта КНР, %

Регионы/Годы	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2007
Азия	59.6	53.1	52.6	52.8	52.7	52.3	50.8	46.4
Африка	1.8	2.2	2.1	2.0	2.3	2.1	2.3	3.1
Европа	15.9	18.2	18.2	18.3	18.5	18.2	20.1	23.6
Латинская Америка	2.5	2.9	2.7	2.9	3.1	2.9	2.7	4.2
Северная Америка	18.9	21.8	22.8	22.4	21.9	22.8	22.4	20.9
Австралия и Океания	1.3	1.4	1.6	1.6	1.5	1.6	1.7	1.7

Источник: Министерство коммерции КНР (<http://www.mofcom.gov.cn>)

Таблица 7

География импорта КНР, %

Регионы/Годы	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2007
Азия	62.1	62.1	61.3	62.8	60.5	64.5	66.1	64.9
Африка	1.7	1.1	1.4	3.7	2.0	1.8	2.0	3.7
Европа	18.1	18.8	19.7	18.0	19.8	18.1	16.9	14.5
Латинская Америка	2.6	2.1	1.8	2.5	2.8	2.8	3.6	5.4
Северная Америка	12.9	13.7	13.2	11.6	12.3	10.5	9.3	8.5
Австралия и Океания	2.6	2.2	2.5	2.6	2.6	2.3	2.1	3.0

Источник: Министерство коммерции КНР (<http://www.mofcom.gov.cn>)

Во внешней торговле КНР в 2007 г. отмечался рост доли стран ЕС (на 0,5%, повышение до 16,4% совокупного товарооборота) и АСЕАН (на 0,2% — до 9,3%¹⁵). Сократилась доля США (на 1,0%, снижение до 14,0%), Японии (на 0,9% — до 10,9%), а также Гонконга (на 0,3% — до 9,1%), Тайваня (на 0,5% — до 7,4%) и Республики Корея (на 0,3% — до 7,4%). Повысилась доля России (на 0,3% — до 2,2%), Австралии (на 0,1% — до 2,0%), а также Индии (на 0,3% — до 1,7%).

В 2007 г. наблюдалось существенное увеличение внешней торговли Китая с Ираном, Афганистаном, Бирмой, Бутаном, Вьетнамом, Кипром и Кувейтом. Аналогичная тенденция распространилась на китайскую торговлю с Ливаном, Непалом, Турцией, ОАЭ, Сирией и Израилем, а также странами ШОС (за исключением Узбекистана) и Туркменистаном. Китайский импорт из Казахстана вырос на 77% (до 5,7 млрд. долл.) — в значительной мере благодаря прокачке нефти по но-

¹⁵ В торговле с АСЕАН у КНР сохраняется значительный дефицит (около 15 млрд. долл.), хотя экспорт рос в 2007 г. более высокими темпами, чем импорт.

вому трубопроводу Атасу — Алашанькоу¹⁶. Общий объем торговли КНР с центральноазиатскими странами составил в январе-ноябре 2007 г. 17,5 млрд. долл., в том числе 12,4 млрд. долл. — с Казахстаном, 3,4 млрд. долл. — с Кыргызстаном.

Среди африканских и латиноамериканских стран значительно расширили торговлю с КНР Алжир, Египет, Судан, ЮАР, Аргентина, Боливия, Колумбия и Чили. В Европе наблюдался быстрый рост товарооборота КНР с Албанией, Беларусью, Венгрией, Грецией и Польшей, а также Грузией и Арменией.

Российско-китайская торговля в 2007–2008 гг.

В 2007 г. отмечалось значительное ускорение темпов роста российско-китайской торговли — главной формы экономических связей между двумя странами. Прирост товарооборота составил 44,3% к предыдущему году, а объем двусторонней торговли — 48,165 млрд. долл. Это самый высокий показатель за последние годы, которые в целом и без того характеризовались повышенной динамикой. Достаточно заметить, что годовые темпы прироста товарооборота превышали 30% в 2000–2001 и 2003–2005 гг. В результате объем российско-китайской торговли увеличился в 2000–2007 гг. в шесть раз¹⁷.

Таблица 8

Торговля КНР с РФ

Показатели/Годы	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007
Экспорт КНР, млрд. долл.	2.2	2.7	3.5	6.0	9.1	13.2	15.4	28.7
Импорт КНР, млрд. долл.	5.8	8.0	8.4	9.7	12.1	15.9	17.9	19.4
Товарооборот, млрд. долл.	8.0	10.7	11.9	15.7	21.2	29.1	33.3	48.1
Прирост оборота, %	40.0	33.0	11.8	32.1	34.7	37.1	17.1	44.3

Источник: Министерство коммерции КНР (<http://www.mofcom.gov.cn>)

Среди основных торговых партнеров Китая Россия уступила по динамике роста товарооборота лишь Индии. В то же время еще более высокими темпами росла торговля Китая со странами СНГ, лишь у трех стран (Азербайджан, Беларусь, Узбекистан) темпы прироста двустороннего товарооборота с КНР оказались в 2007 г. ниже, чем у России.

¹⁶ Введен в эксплуатацию в 2006 г. После прокладки второй части нефтепровода с казахского побережья Каспийского моря до Атасу пропускная способность магистрали составит 20 млн. т.

¹⁷ В целом объем внешней торговли России за 2000–2007 гг. увеличился в 4,5 раза. Аналогичный показатель КНР вырос в 4,6 раза.

На фоне укрепления позиций России и Китая в международной торговле несколько повысилась и доля каждой страны на рынке партнера. Однако последний показатель остается относительно скромным: на торговлю с Россией приходится немногим более 2% совокупного внешнего товарооборота Китая, аналогичный показатель для России составляет около 9%. Заметим, впрочем, что приведенные цифры, взятые из официальных статистических данных¹⁸, не полностью отражают экономическое значение партнеров друг для друга. Они не учитывают неорганизованной («челночной») торговли, поставок китайских товаров в Россию через третьи страны, контрабанды, а также российских продаж Китаю, осуществляемых в рамках военнотехнического сотрудничества. С учетом этих дополнительных компонентов общую цифру фактической торговли между двумя странами можно существенно увеличить (примерно на 15–20 млрд. долл.¹⁹). При таком подсчете Китай окажется ведущим торговым партнером РФ.

В 2007 г. при относительно скромном приросте российского экспорта (12,1%) стоимость вывоза достигла 19,677 млрд. долл. Исключительно высокими темпами (годовой прирост — 79,9%) увеличивался импорт России из Китая, составивший по итогам года 28,488 млрд. долл. Впервые за долгие годы у РФ образовался крупный дефицит в торговле с КНР. Поквартальная динамика российско-китайской торговли была отмечена особенно бурным ростом китайского экспорта в третьем квартале. При сравнении со вторым кварталом года китайский вывоз вырос тогда более чем в полтора раза. В дальнейшем наметилась тенденция к снижению поквартальных объемов экспорта в Россию.

В 2007 г. в структуре российско-китайской торговли не произошло значительных изменений. На первом месте в российском экспорте оставались поставки энергоресурсов. На минеральное топливо, нефть и нефтепродукты, пришлось 47,5% всего российского вывоза²⁰.

Поставки сырой нефти в физическом объеме за 2007 г. сократились по сравнению с предыдущим годом на 9,0% (до 14,5 млн. т), их стоимость уменьшились на 3,8% (до 7,2 млрд. долл.). Средняя цена за тонну сырой нефти при поставке из России в Китай в декабре 2007 г. составила 662,0 долл. (рост на 11,6% относительно ноября 2007 г.

¹⁸ Здесь и далее мы опираемся на данные китайской статистики.

¹⁹ Объем приграничной торговли только с провинцией Хэйлунцзян оценивался в 2007 г. в 5,4 млрд. долл.

²⁰ Исторический максимум в доле поставок по этой товарной группе в экспорте в Китай (56,1%) был достигнут в июле 2006 г.

или 57,5% относительно декабря 2006 г.). При этом средняя цена китайского импорта нефти в целом в декабре 2007 г. составила 643,1 долл. (увеличение на 10,2% относительно ноября 2007 г. или 58,5% относительно декабря 2006 г.).

В китайском импорте нефти доля России в 2007 г. составила 8,9%, снизившись по сравнению с предыдущим годом. В итоге в качестве поставщика этого товара на рынок КНР Россия заняла четвертое место — после Саудовской Аравии (16,1%), Анголы (15,3%) и Ирана (12,6%), опережая Оман (8,4%), Судан (6,3%) и Казахстан (3,7%)²¹. Наиболее высокими темпами в 2007 г. росли физические объемы поставок нефти в КНР из Судана, Казахстана и ЮАР. Совокупный объем импорта нефти в КНР в 2007 г. составил 163,1 млн. т. Морским транспортом было ввезено 148,0 млн. т, в том числе из России — 5,3 млн. т. По железным дорогам Китай ввез 9,8 млн. т (9,2 млн. т — из России), по трубопроводу (из Казахстана) — 5,2 млн. т.

Поставки горюче-смазочных масел из России в 2007 г. сократились в физическом выражении на 9,5% (до 4,4 млн. т, составив 18,4% всего китайского импорта по этой товарной группе). По стоимости российский экспорт в КНР составил 1,7 млрд. долл. (19,0% всего китайского импорта данных товаров). Существенно увеличились поставки дизельного топлива — до 340 тыс. т (247 млн. долл.). Кроме того, Россия поставила в КНР 274 тыс. т угля на общую сумму 21,7 млн. долл. При этом на 85% вырос экспорт коксующегося угля (до 60,3 тыс. т) и на 77% сократился вывоз битуминозного и прочего угля (до 207,8 тыс. т). Значительно уменьшились российские поставки электроэнергии (на 74,8%, до 120,5 млн. квт/час), их стоимость составила 2,7 млн. долл.

Второй по значению в российском экспорте в КНР была в 2007 г. товарная группа «древесина и изделия из нее». В стоимостном выражении поставки увеличились на 38,0% (до 3,0 млрд. долл.). Физический объем экспорта вырос на 17,3% (до 27,0 млн. куб. м). Это составляет 61,6% всего импорта древесины в Китай. На долю российского круглого леса (объем поставок — 25,4 млн. куб. м, стоимость — 2,7 млрд. долл.) пришлось в 2007 г. 68,5% всего китайского импорта этого товара. Средняя цена 1 куб. м круглого леса из России в декабре 2007 г. составила 121,0 долл. (рост на 5,1% относительно ноября 2007 г.) против 157,2 долл. в среднем по китайскому импорту этого товара.

Третье место в российском экспорте в Китай занимают поставки химической продукции, стоимость которых достигла в 2007 г. 1,341 млрд. долл., превысив на 22,6% показатель предыдущего года. Физи-

²¹ От 1 до 3% китайского импорта нефти приходится (по убывающей) на Конго, Венесуэлу, ОАЭ, Кувейт, Гвинею-Бисау, Йемен, Ливию, ЮАР, Бразилию и Индонезию.

ческий объем вывоза составляет около 600 тыс. т. «Рыба, моллюски, ракообразные» — четвертая по стоимости товарная группа российского вывоза в КНР (1,338 млрд. долл.). В физическом выражении экспорт превысил 740 тыс. т, обеспечивая более 41% всего китайского импорта по этой товарной группе (1,82 млн. т).

На удобрения в 2007 г. пришлось около 1,1 млрд. долл. российского экспорта в Китай — это пятая по стоимости товарная группа. При этом физический объем вывоза сократился на 7,8% — до 4,7 млн. т. Основу поставок составляет хлорид калия (свыше 900 млн. долл., более 3,8 млн. т). По этой товарной позиции Россия удовлетворяет 41% всех импортных потребностей КНР.

Шестое место в российском экспорте в КНР занимают цветные металлы. Стоимость их вывоза в 2007 г. достигла 966 млн. долл. (увеличение на 45,7% к 2006 г.). Физический объем поставок при этом снизился на 2,7% — до 72,7 тысяч т. В 2007 г. заметно выросли физические объемы руд, поставляемых из России в КНР и занимающих седьмое место в стоимостной структуре экспорта (786 млн. долл.). Их вывоз превысил 5,5 млн. т, увеличившись на 62,7% по сравнению с 2006 г. Основным объемом поставок «по весу» составляет железная руда.

Бумажной массы и целлюлозы (восьмая по стоимости позиция российского экспорта) в Китай было вывезено более 1 млн. т (рост на 4,8%), что составило около 12% всего китайского импорта по этим товарам. Стоимость поставок — 683 млн. долл. На черные металлы и изделия из них (девятая по стоимости позиция) пришлось 365 млн. долл. российского экспорта в КНР. В физическом выражении вывоз снизился почти на 50% — до 377 тыс. т.

Всего лишь 1,3% стоимости российского экспорта в КНР представляли в 2007 г. поставки машин и оборудования (суммарная стоимость вывоза — 256,0 млн. долл.). Это, впрочем, на 17,9% больше, чем в 2006 г., когда доля машиностроительной продукции была еще меньше — 1,2%.

Таким образом (табл. 9), общий физический объем российского экспорта в Китай составляет около 60 млн. т, причем почти 95% от этого количества грузов приходится на пять товарных позиций: нефть, нефтепродукты, круглый лес, хлористый калий и железную руду. Свыше двух третей экспортных перевозок — нефть и круглый лес. Перевозки грузов из России в Китай имели в 2007 г. слабую тенденцию к увеличению: рост поставок древесины и руды (в общей сложности примерно на 6 млн. т) отчасти компенсировался снижением физических объемов вывоза нефти и нефтепродуктов. Железнодорожным транспортом в КНР было вывезено примерно 47 млн. т экспортных грузов.

Таблица 9

Основные товары российского экспорта в КНР в 2007 г.

Товарные группы\ единицы измерения	Млн. долл.	Тыс. т
Нефть	7 220	14 526
Нефтепродукты	2 217	5 049
Древесина и изделия из нее	2 984	27 030
Химические товары	1 341	600
Рыба, моллюски, ракообразные	1 338	740
Удобрения	1 134	4 702
Цветные металлы	966	73
Руды, шлаки, зола	786	5 540
Бумажная масса и целлюлоза	683	1 026
Черные металлы	356	347
Машины и оборудование	256	...
Экспорт России в КНР, всего	19 677	60 000*

* Оценка.

Источник: Министерство коммерции КНР (<http://www.mofcom.gov.cn>)

Тенденция к увеличению российского вывоза в натуральном выражении, с другой стороны, заметна на более длительном отрезке времени. Структурные сдвиги в экспорте России в КНР (табл. 10) в новом веке дают в целом неблагоприятную картину. Явно просматривается убывающая конкурентоспособность на китайском рынке продукции российского машиностроения и черной металлургии. С учетом роста стоимостного объема российского экспорта в 2000–2007 гг. в 3,4 раза несколько лучше выглядят перспективы сбыта в КНР ряда химических товаров, удобрений и цветных металлов. Однако пока не видно альтернативы сравнительно долгой топливно-сырьевой привязке к китайской экономике как, впрочем, и мировому рынку в целом.

В отличие от российского экспорта в КНР импорт из этой страны широко диверсифицирован, причем степень диверсификации постоянно растет (табл. 11). Китайский экспорт также многократно уступает российскому вывозу по физическому объему: достаточно заметить, что экспортные перевозки из РФ по железной дороге в последние годы формируют порядка 90–95% всех грузовых поставок в российско-китайской торговле, осуществляемой этим видом транспорта. Поставки в Россию из Китая «весили» в 2007 г. свыше 5 млн. т, примерно 4 млн. т грузов было перевезено железной дорогой.

В числе сравнительно «тяжелых» грузов, прибывающих в Россию из КНР, следует отметить черные металлы (700 тыс. т в 2007 г.), нефтепродукты (600 тыс. т — главным образом нефтяной кокс). Существенную часть поставок формируют овощи, фрукты и продукты их переработки (более 1,2 млн. т), а также керамические изделия (около 200 тыс. т).

Таблица 10

Доля основных товарных групп в экспорте России в КНР (%)

Товары\Годы	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007
Экспорт — всего	100.0	100.0	100.0	100.0	100.0	100.0	100.0	100.0
Минеральное топливо, нефть, нефтепродукты	13.5	10.2	15.3	21.5	34.5	41.3	53.9	47.5
Древесина и изделия из нее	6.8	7.5	12.6	10.8	11.8	11.3	12.3	15.2
Химические товары	11.2	8.9	8.4	8.2	9.1	6.8	6.2	6.8
Рыба, моллюски, ракообразные	6.0	6.1	7.4	6.8	6.4	6.9	6.9	6.8
Удобрения	9.1	7.4	10.3	6.9	8.0	8.2	5.9	5.8
Цветные металлы	16.0	5.5	4.4	6.5	5.2	3.8	3.8	4.9
Руды, шлаки, зола	0.2	0.3	0.5	0.4	2.1	3.4	2.1	4.0
Бумажная масса, целлюлоза	6.1	4.4	4.3	3.8	3.6	2.9	3.0	3.5
Черные металлы	15.3	15.1	12.0	18.5	11.7	10.9	2.6	1.8
Машины и оборудование	4.5	28.7	20.1	12.9	4.8	2.1	1.2	1.3
Бумага, картон	1.9	1.4	1.3	1.1	0.9	0.7	0.6	0.4
Прочие товары	9.4	4.2	3.9	3.0	1.9	1.7	1.5	1.7

Источник: Министерство коммерции КНР (<http://www.mofcom.gov.cn>).

Обращает на себя внимание значительное увеличение в российском импорте из Китая в 2006–2007 гг. доли машин и оборудования. Это явление, сопровождаемое некоторым ускорением хозяйственного роста и инвестиционного процесса в России, свидетельствует о значительном потенциале технологического сотрудничества с КНР. Его будущие масштабы в значительной мере определит спрос на китайскую продукцию со стороны инвесторов, работающих в России. Такой спрос быстро расширяется в последние годы, в том числе и в результате усиливающегося притока прямых инвестиций из КНР.

Заметна некоторая активизация российских компаний в продвижении на китайский рынок высокотехнологичной продукции. Добиться этого без серьезной государственной поддержки будет, конечно, непросто²². Сказывается и постоянно высокий рост издержек у российских машиностроителей и недостаток инвестиционно-коопераци-

²² На прошедшем в начале 2008 г. в Пекине двустороннем форуме по торгово-экономическим вопросам были подписаны 156 соглашений, предусматривающих заимствование Китаем новых и высоких технологий в России. Из них 63 проекта в области экономии энергетических ресурсов, 53 в сфере медицины и биоинженерии, 17 проектов касались производства новых материалов, 23 — очистки сточных вод, охраны окружающей среды и сельского хозяйства.

Таблица 11

Доля основных товарных групп в импорте России из КНР (%)

Товары\Годы	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007
Импорт — всего	100.0	100.0	100.0	100.0	100.0	100.0	100.0	100.0
Машины и оборудование	8.2	11.0	15.8	17.6	17.2	20.1	29.0	30.6
Одежда из трикотажа	11.0	6.6	7.9	8.3	8.6	7.9	11.3	23.1
Одежда текстильная	16.0	16.6	12.7	13.1	11.3	12.0	9.4	6.4
Обувь	15.4	14.1	13.7	9.0	8.8	8.6	8.6	6.4
Химические товары	4.8	4.9	4.9	4.9	5.4	5.8	7.2	6.2
Изделия из металлов	0.5	0.5	0.7	0.7	1.2	1.5	2.6	3.3
Черные металлы	-	-	-	-	-	-	1.6	2.7
Изделия из кожи	20.3	18.8	14.4	15.8	12.3	8.9	5.3	2.4
Готовые изделия из текстиля	1.9	2.9	1.7	3.2	3.2	4.2	2.8	2.0
Мебель, матрасы	0.5	0.5	1.0	1.2	1.2	1.4	2.0	1.7
Игрушки, спортивный инвентарь	1.4	1.8	2.4	1.8	1.7	1.7	1.9	1.5
Продукты из овощей и фруктов	0.6	1.5	1.6	1.4	1.1	1.1	1.5	1.3
Керамические изделия	1.0	1.1	1.2	1.0	1.3	1.2	1.4	0.9
Мясные продукты	0.6	1.1	1.1	0.8	0.7	0.7	0.8	0.9
Минеральное топливо	2.2	1.9	1.2	1.0	0.8	0.9	0.9	0.7
Фрукты	1.0	0.9	1.2	0.9	0.7	0.7	0.7	0.6
Пушнина	1.8	2.4	2.3	5.8	13.1	12.6	1.6	0.5
Овощи, горох, фасоль	0.7	0.7	1.0	1.0	0.8	0.7	0.7	0.5
Трикотажное полотно	0.6	1.1	1.0	0.9	0.7	0.4	0.3	0.2
Зерновые	2.6	0.7	1.5	1.2	0.4	0.3	0.3	0.03
Мясо	0.2	1.6	3.7	1.9	1.3	0.6	0.1	0.03
Прочие товары	8.7	9.3	9.0	8.5	5.7	8.7	10.0	8.5

Источник: Министерство коммерции КНР (<http://www.mofcom.gov.cn>).

онных связей с китайскими компаниями — как на российской, так и китайской территории. Именно в такой кооперации с КНР, в том числе в инновационно-внедренческой сфере видят пути сохранения и повышения конкурентоспособности многие корпорации развитых стран.

Важно, что обе стороны готовы решать эту проблему. В совместной декларации 2007 г. содержится следующее положение: «Сохраняется необходимость продолжать согласованные и целенаправленные

шаги по повышению качества и уровня торгово-экономического сотрудничества, поскольку далеко не в полной мере раскрыт значительный потенциал взаимодействия в ряде важнейших направлений, прежде всего в торговле машинами и оборудованием, налаживании производственной кооперации в высокотехнологичных отраслях». Для решения этой задачи в 2007 г. была, в частности, учреждена совместная торговая палата по содействию торговле машинотехнической и инновационной продукцией с участием более 200 крупных предприятий с обеих сторон. Представляется, впрочем, что на этом направлении не будут лишними и дополнительные усилия: низкая конкурентоспособность российского машиностроения (и обрабатывающей промышленности в целом) имеет слишком глубокие корни.

Российско-китайскую торговлю образуют следующие грузопотоки.

Примерно 55–60% всех грузов (по физическому объему) между Китаем и Россией проходит в последние годы через железнодорожный переход Забайкальск — Маньчжоули (Маньчжурия), расположенный в автономном районе Внутренняя Монголия. В минувшем году стоимость грузов достигла почти 8,4 млрд. долл., увеличившись на 27,1% против уровня предыдущего года, и составив 17,5% от общей стоимости торговли между Китаем и Россией в 2007 г. Китайский экспорт в Россию через этот переход составил 990 млн. долл., импорт из России — 7,44 млрд. долл.

Быстро расширялся грузопоток на переходе Гродеково — Суйфэнхэ (провинция Хэйлунцзян). В 2007 г. он достиг 9,3 млн. т (против 7 млн. т в 2005 г.), превысив 15% от всего объема грузов российско-китайской торговли. Третий железнодорожный переход Хунчунь (провинция Цилинь) — Махалино, открытый в 2000 г., обрабатывает около 1 млн. т грузов.

На остальные погранпереходы (помимо упомянутых выше, их на российско-китайской границе 19: 7 — в Приморье, 2 — в Хабаровском крае, 3 — в ЕАО, 3 — в Амурской области, 4 — в Забайкалье) приходилось около 7–10% физического объема российско-китайской торговли. Остальные грузы российско-китайской торговли (примерно 17–20% физического объема) следовали через морские порты КНР. Среди них важную роль играют Далянь (провинция Ляонин), Циндао (провинция Шаньдун), Ляньюньган (провинция Цзянсу), Шанхай, а также Нинбо (провинция Чжэцзян) и Гуанчжоу (провинция Гуандун).

В 2007 г. значительно увеличилась стоимость грузов, проходивших в Россию из КНР через Казахстан. На контрольно-пропускном пункте Алашанькоу Синьцзян-Уйгурского автономного района их было зарегистрировано на 392 млн. долл. (увеличение на 89,4% к 2006 г.). Кроме того, небольшая часть торговли проходит транзитом через Монголию: Наушки и железнодорожный переход Эрлянь — Дзамын-Уд (Замын-Ууда).

Остаются скромными по объему поставки транзитных грузов из КНР в Европу, перевозимых по российской территории. В 2006 г. перевозки составили 254 тыс. т. На фоне опережающих темпов роста внешней торговли Китая с европейскими странами можно говорить о значительных резервах на этом направлении²³. Возможно и существенное расширение транзита китайских грузов в страны АТР через дальневосточные железные дороги и порты.

Однако в целом перспективы роста и даже сохранения достигнутых объемов железнодорожных перевозок из Китая и особенно в Китай выглядят в настоящее время неблагоприятно. С введением в строй первой очереди нефтепровода ВСТО и ответвления на Китай от Сковородино сократятся поставки нефти по железной дороге. Негативное воздействие на объем перевозок может оказать также планируемое в России доведение экспортной пошлины на круглый лес до 50 евро за 1 куб. м в 2009 г. (с 1 апреля 2007 г. пошлина составляет 15 евро). Таким образом, может существенно сократиться вывоз в КНР двух самых «тяжелых» товарных позиций российского экспорта²⁴.

В числе альтернативных массовых грузов, помимо руды, следует назвать уголь, зерно, питьевую воду, а также продукты переработки древесины. Кроме того, не следует исключать расширения импорта из КНР крупнотоннажных грузов: черных металлов, стройматериалов и т.п. Снижение объема перевозок грузов в перспективе может быть компенсировано и ростом пассажирооборота.

Учитывая наличие в восточных районах России развитой речной системы, следует признать крайне незначительной роль водного транспорта в двусторонней торговле. Добавим, что одним из направлений освоения лесных массивов Дальнего Востока может стать использование мобильных (плавучих) энерготехнологических модулей²⁵ с последующим экспортом продукции в КНР.

²³ В настоящее время форсируется строительство Трансазиатской железной дороги по маршруту Кунымин (пров. Юньнань) — Лаос — Мьянма — Таиланд — Вьетнам — Кампучия — Малайзия — Сингапур. Рассматриваются проекты соединения этих стран через железнодорожную сеть Китая с Монголией и районами Дальнего Востока России и формирования тем самым трансазиатского транспортного коридора с перспективой выхода на железнодорожные сети Центральной Азии.

²⁴ Реальна и перспектива переноса на российскую территорию деревообрабатывающих производств из Китая.

²⁵ Использование плавучих лесоперерабатывающих комплексов известно из опыта Бразилии и стран Юго-Восточной Азии. Они включают энергоустановку, работающую на некондиционной древесине, цех лесопиления и измельчения древесины, блок сушильных камер, установку электротермолиза измельченной древесины и склад готовой продукции — пиломатериалов и древесного угля. Подробнее см.: Мелехов В.И., Митрофанов А.А., Рымашевский В.Л. Ресурсы и потенциал лесного комплекса России // Вестник национального комитета «Интеллектуальные ресурсы России». 2006. № 4. С. 142–143.

Первый квартал 2008 г. был отмечен рядом важных событий в хозяйстве и внешнеэкономических связях КНР. Резко повысилась инфляция: прирост потребительских цен за квартал составил 8% (к первому кварталу 2007 г.)²⁶. Соответственно, появились дополнительные аргументы в пользу «охлаждения» перегретой экономики, что проявилось в денежно-кредитной, хозяйственно-административной и валютной политике. Прирост ВВП в январе-марте 2008 г. сократился до 10,6%²⁷, при сохранении опережающих темпов роста промышленного производства. В то же время снижение темпов прироста в сфере услуг (среди трех основных подразделений экономики) было наименьшим (0,4%).

В первом квартале 2008 г. резко ускорилось повышение курса жэньминьби к доллару США. За три месяца оно составило свыше 4%. Это способствовало замедлению темпов роста экспорта, которые составили 21,4%. Куда более высокими темпами рос импорт Китая (28,6%) — в том числе по причине существенного удорожания ряда сырьевых товаров на мировом рынке. В результате в первом квартале сократился в абсолютном выражении актив торгового баланса страны — до 41,4 млрд. долл. Это на 5 млрд. долл. меньше, чем в первом квартале 2007 г.

Общие тенденции сказались и на торговле с Россией, которая, впрочем, продолжала расти опережающими темпами. По предварительным данным, в январе-марте 2008 г. российско-китайский товарооборот превысил 12 млрд. долл., увеличившись на 40,4% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года²⁸. Российский экспорт вырос при этом на 29,6% и достиг 5,9 млрд. долл. Импорт в РФ из КНР возрос на 51,6% (до 6,6 млрд. долл.). В результате двусторонняя торговля в первом квартале нынешнего года выглядела гораздо более сбалансированной, чем в 2007 г. в целом.

В начале 2008 г. сокращались в физическом выражении поставки в КНР российской нефти и нефтепродуктов²⁹, черных металлов, круг-

²⁶ На первой сессии ВСНП одиннадцатого созыва (март 2008 г.) правительство Вэнь Цзябао подтвердило намерение удерживать годовой рост цен в пределах 4,8%. В мае 2008 г. он составил 7,7%.

²⁷ В феврале 2008 г. национальная статистика КНР уточнила темпы роста за 2007 г. в сторону их повышения на 0,5% (до 11,9%). Это, помимо прочего, означает усиление тенденции к снижению энергоемкости ВВП, наблюдаемой с 2006 г. В одиннадцатой пятилетке (2006–2010 гг.) намечено снизить этот показатель на 20%, но пока снижение отстает от плановых заданий.

²⁸ В первом квартале 2007 г. торговля с КНР была сведена с активом у России.

²⁹ В целом же КНР наращивала импорт сырой нефти: в физическом выражении он вырос на 9,5%. Ввоз нефтепродуктов вырос на 17,7% (по отношению к 2007 г.).

лого леса, машин и оборудования, а также удобрений. Увеличивался физический объем вывоза из РФ цветных металлов, руд и рыбы, а также пиломатериалов. Резко возросли поставки серы. В импорте из Китая продолжал нарастать удельный вес машин и оборудования, черных металлов и химических продуктов.

Главным вопросом российско-китайской торговли на среднесрочную перспективу можно считать проблему трубопроводных поставок нефти и природного газа. Китайские эксперты не устают подчеркивать заинтересованность в определенности по этому вопросу. Китайский ТЭК при этом по-прежнему ориентируется главным образом на самообеспечение. В марте 2008 г. в КНР было объявлено о дополнительных ассигнованиях на консолидацию и развитие угледобывающей отрасли. Предполагается, что 13 крупных угледобывающих баз обеспечат основной объем производства твердого топлива, которое, как ожидается, достигнет 3 млрд. т в 2010 г. (более 2,5 млрд. т в 2007 г.). Тем не менее спрос на углеводороды в Китае будет расти, и этот рынок сбыта представляется одним из самых перспективных. Согласованность действий российских компаний и правительства, а также своевременное обсуждение с китайской стороной возникающих проблем — лучшая гарантия успеха трудных переговоров, которые нет необходимости форсировать. Заметим, что в ходе начавшейся реорганизации аппарата Госсовета КНР намечено усиление координации работы по обеспечению энергетической безопасности страны. Значительный объем полномочий будет сосредоточен в Государственной энергетической комиссии и Государственном энергетическом управлении, подведомственном Государственному комитету КНР по делам развития и реформ.

Осенью 2007 г. «Атомстройэкспорт» получил контракт на строительство второй очереди (3-го и 4-го энергоблоков) Тяньваньской АЭС. Было также подписано соглашение о строительстве газоцентрифужного завода (завода по обогащению урана) российскими специалистами в Китае.

Заметным явлением в территориальной структуре внешней торговли Китая в 2007 г. стал очень динамичный рост экспорта из регионов, непосредственно граничащих с Россией, Казахстаном, Кыргызстаном и Таджикистаном. Так, при среднем по стране приросте экспорта на 26,1% (первые одиннадцать месяцев года) увеличение вывоза из провинции Хэйлунцзян составило 46,3%, в абсолютном измерении этот показатель превысил 11,5 млрд. долл. Еще выше был прирост экспорта Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР) — 61,7% (объем достиг 10,2 млрд. долл.). Автономный район Внутренняя Монголия (АРВМ) увеличил вывоз на 36,1% — до 2,7 млрд. долл.,

провинция Цзилинь — на 27,6% (до 3,3 млрд. долл.)³⁰. Очень высокими темпами растут поставки из КНР машин и оборудования, стали и проката, а также стройматериалов.

КИТАЙСКИЕ ИНВЕСТИЦИИ В ЕВРАЗИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИХ УВЕЛИЧЕНИЯ

КНР, как известно, является одним из крупнейших получателей прямых иностранных инвестиций (ПИИ). Их кумулятивный объем на конец 2006 г. составил свыше 540 млрд. долл., а приток в 2007 г. — около 75 млрд. долл. Эта страна обладает и богатым опытом инвестирования в других государствах. Он накоплен за десятилетия тесного сотрудничества с Гонконгом, а также в ходе реализации программ технико-экономического содействия развивающимся странам (начатым еще в 50-е годы XX в.) и подрядного строительства за рубежом.

Стремительное нарастание валютных резервов КНР (их годовой прирост в 2007 г. превысил 400 млрд. долл. против 250 млрд. долл. годом ранее) обостряет необходимость масштабного вывоза капитала, поиска новых сфер его приложения. Накопленные валютные резервы, как уже отмечалось, превысили 1,5 трлн. долл. в конце 2007 г.

Начатая в первые годы нового столетия программа активизации зарубежных капиталовложений ориентировалась главным образом на прямые инвестиции. По состоянию на конец 2006 г. накопленные прямые инвестиции КНР в 172 странах и территориях превысили 90 млрд. долл.³¹ Около 5 тыс. китайских компаний открыли к этому времени за рубежом свыше 10 тыс. предприятий. В основном они работают в сфере горнодобывающей промышленности, деловых услуг, финансов, оптовой и розничной торговли. В 2007 г. объем реализованных прямых зарубежных инвестиций составил почти 20 млрд. долл. (в 8 раз больше, чем в 2002 г.), а число предприятий с участием китайского капитала увеличилось до 12 тыс.

В последнее время КНР активно приобретает ценные бумаги. Чистые портфельные инвестиции за рубеж составили в 2005 г. 5 млрд. долл. В 2006 г. годовой прирост возрос до 68 млрд. долл. Накоплен-

³⁰ Для сравнения приведем округленные данные по экспорту этих регионов в 2000 г. (млрд. долл.): пров. Хэйлунцзян — 2,4 млрд. долл., СУАР — 1,2, АРВМ — 1,1, пров. Цзилинь — 1,5 млрд. долл. В то же время на указанные четыре региона в 2007 г. пришлось чуть более 2% экспорта Китая и менее 2% накопленных иностранных инвестиций. Доля регионов в населении и ВВП КНР существенно выше — около 8%.

³¹ На конец 2002 г. накопленные инвестиции Китая в 7 тыс. зарубежных предприятий составили 10 млрд. долл.

ное положительное сальдо по портфельным инвестициям на конец 2006 г. превысило 100 млрд. долл.

В первом полугодии 2007 г. по неполным данным прибавилось еще 5 млрд. долл. Новые крупные приобретения произошли и ожидаются в 2008 г.: как уже упоминалось, эта работа теперь координируется специальной государственной корпорацией. По-видимому, представленные выше показатели не в полной мере отражают реально контролируемые Китаем активы. Немалая их часть приобретается через гонконгские компании. Внешний долг Китая в конце 2007 г. примерно равнялся задолженности зарубежных заемщиков перед этой страной.

Зарубежная инвестиционная политика КНР характеризуется рядом особенностей, если сравнивать ее с практикой ТНК. Во-первых, для крупных инвесторов из КНР, которые часто представлены государственными компаниями, важны не только (не столько) показатели финансовой эффективности. Не меньшее значение имеют системные интересы китайского хозяйства, долгосрочные цели обеспечения его необходимыми ресурсами, в том числе углеводородным и прочим сырьем, включая железную руду, зерно, уголь и т.д. Во-вторых, немалую роль играют и внешнеполитические мотивы, среди которых можно указать на приоритетность тесных и дружественных отношений с соседними государствами, в том числе членами ШОС. В-третьих, инвесторы из КНР больше тяготеют к реальной экономике и новому строительству.

Существенное значение имеют и интересы сбалансированного регионального развития. Западные районы КНР, отставшие в сравнении с приморскими восточными провинциями, пользуются в последние годы преференциальным подходом, здесь осуществляются крупные инвестиционные проекты. В 2007 г. прирост капиталовложений в данном регионе составил почти 30%. В абсолютном выражении эти капиталовложения превысили 2,8 трлн. юаней (около 400 млрд. долл. в пересчете по валютному курсу). В реальном выражении это примерно в пять раз больше, чем все инвестиции в экономику России. Соответственно, растут и потенциал регионального сотрудничества, и потребности в развитии инфраструктуры.

Инвестиционное сотрудничество Китая со странами ШОС, Туркменистаном и Азербайджаном, на наш взгляд, находится еще на ранней стадии (накопленный объем инвестиций КНР в странах ШОС оценивается примерно в 8 млрд. долл. — около 4% от общего показателя). Его неразвитость объясняется разными причинами: опозданием Китая к «разделу пирога», практическим отсутствием в этих странах китайской диаспоры, недостаточными знаниями друг о друге, политическими предрассудками, слабым развитием транспортной инфраструктуры, тяжелым экономическим положением отдельных стран и т.п.

Однако, с другой стороны, «разогретый» строительно-инвестиционный и машиностроительный комплекс Китая представляет собой реальную силу, сопоставимую с масштабом инфраструктурных и модернизационных задач, стоящих перед евразийскими странами. Проблема экономического сотрудничества в двусторонних или многосторонних рамках (ШОС) во многом сводится к поиску взаимовыгодных форм, в полной мере учитывающих новую ситуацию в мировом хозяйстве. Здесь, как представляется, могут быть обнаружены нестандартные решения, позволяющие более полно использовать нынешний потенциал Китая и его потребности (например, создание единой энергосистемы стран ШОС, центральноазиатского рынка углеводородов, превентивные коллективные валютно-стабилизационные меры и т.п.).

Приток ПИИ из КНР в экономику РФ в последние три года ежегодно удваивается. Осенью 2006 г. было подписано межправительственное соглашение о поощрении и взаимной защите капиталовложений. К концу 2006 г. было заключено 27 инвестиционных соглашений на сумму свыше 3,3 млрд. долл. Крупнейшими инвестиционными проектами с участием китайского капитала в России являются многофункциональный комплекс «Балтийская жемчужина» в Санкт-Петербурге, два целлюлозно-бумажных комбината: в Читинской области и Хабаровском крае. Важной площадкой инвестиционного сотрудничества станет Владивосток, в котором намечено проведение саммита АТЭС в 2012 г. Начато совместное освоение Кызыл-Таштыгского месторождения полиметаллических руд (Тува). В 2007 г. китайская сторона выразила готовность инвестировать в переработку рыбы и морепродуктов на территории Дальнего Востока. В апреле 2007 г. «Роснефть» и «Синопек» заключили акционерное и операционное соглашение по разведке и освоению Венинского блока месторождений на шельфе острова Сахалин. Ресурсы нефти Венинского блока оцениваются в 169,4 млн. т, природного газа — в 258,1 млрд. куб. м.

В ходе визита в Россию премьер-министра Госсовета КНР Вэнь Цзябао состоялись учредительное собрание российско-китайской палаты по торговле машинотехнической и инновационной продукцией, второй российско-китайский экономический форум на высшем уровне (6 ноября 2007 г.), в работе которого участвовали более тысячи крупнейших бизнесменов России и Китая. На форуме подписаны соглашения на общую сумму 1,3 млрд. долл. До этого, 20 сентября, в Сочи состоялся четвертый российско-китайский инвестиционный форум, в рамках которого были заключены контракты на сумму свыше 1,1 млрд. долл.³²

³² Во время первого российско-китайского инвестиционного форума в Хабаровске летом 2004 г. было одобрено 12 инвестиционных проектов на сумму 690 млн. долл.

Главы правительств России и Китая будут лично отвечать за подготовку плана действий на 2009–2012 гг. по реализации договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между двумя странами, подписанного в июле 2001 г. Об этом заявил премьер-министр РФ В.Зубков, открывая двенадцатую регулярную встречу глав правительств России и Китая. По итогам двенадцатой регулярной встречи глав правительств КНР и РФ в ноябре 2007 г. сформулирована готовность Китая расширить импорт российской машиностроительной продукции, углубить сотрудничество между приграничными районами в области переработки древесины, а также усилить инфраструктурный и инвестиционный компонент кооперации.

КИТАЙ И СТРАНЫ ШОС

КНР проводит последовательную стратегию расширения и углубления кооперации в рамках ШОС³³. Заметно желание усилить в деятельности организации финансово-экономический, научно-технический и культурно-гуманитарный компоненты. Инвестиционные ресурсы этой страны, ее внутренний рынок и транзитные возможности открывают перед другими членами организации новые возможности.

На шестом заседании Совета глав правительств стран ШОС в Ташкенте (ноябрь 2007 г., проводится ежегодно) премьер КНР предложил ускорить работу по разработке соглашения о создании благоприятных условий для международных автомобильных перевозок, а также многостороннего соглашения о защите инвестиций и взаимном инвестировании. Сотрудничество в области сельского хозяйства и новых технологий, по мнению Вэнь Цзябао, также должно быть интенсифицировано. Китай выразил готовность к финансовой поддержке многосторонних и двусторонних проектов на транспорте, в энергетике и коммуникациях с привлечением к сотрудничеству Афганистана и Туркменистана. Туризм и образование — еще одна перспективная сфера кооперации.

Очевидны выгоды частичной переброски поставок энергоносителей из стран ШОС на Восток: давление на продавцов со стороны консолидирующихся европейских потребителей и транзитных стран,

³³ В августе 2007 г. прошел Бишкекский саммит, на котором был подписан договор о долгосрочном добрососедстве, дружбе и сотрудничестве. В ШОС создана зрелая организационная структура, которая будет дополнена Фондом развития. Быстро расширяются внешние контакты: государствами-наблюдателями при ШОС стали Монголия, Пакистан, Иран и Индия, создана контактная группа ШОС — Афганистан, установлены официальные связи с ОДКБ, ООН, АСЕАН, СНГ, ЕврАзЭС и другими международными и региональными организациями.

Таблица 12

Прогноз потребления энергоресурсов, млн. т у.т.

Страны\Годы	2010	2020	2030
Европа	2635	2665	2700
США и Канада	3340	3600	3780
Япония	650	660	660
Республика Корея	229	275	295
КНР	2764	4467	6260
Индия	641	1564	2722
Турция	160	279	420

Источник: Акимов А.В. Глобальные продовольственная, энергетическая и демографическая проблемы и их влияние на долгосрочную стратегию России. Автореферат дисс. доктора экономических наук. М.: Институт востоковедения РАН, 2005. С. 20.

а также программы сокращения потребления обычных видов топлива в ЕС создают очень жесткий рынок. В Восточной Азии ситуация более благоприятна, в том числе по причине устойчиво растущего спроса на углеводороды в Китае.

В 2007 г. производство энергоресурсов в КНР составило 2 210 млн. т у.т., потребление — 2 460 млн. т у.т. Даже при ускорении сервисизации, снижении темпов экономического и индустриального роста, резком замедлении роста промышленного экспорта хозяйство Китая сохранит устойчивый спрос на энергоносители (табл. 12). Отчасти это связано со структурными особенностями современной китайской экономики и общества. Продолжение искусственно затянутой урбанизации (переезд из деревни в город, по расчетам китайских экономистов, увеличивает личное энергопотребление более чем в два раза), быстрая автомобилизация, экологические проблемы и т.д. с неизбежностью означают сохранение за Китаем роли одного из наиболее устойчивых потребителей энергоресурсов и перспективных рынков сбыта углеводородного топлива. Импорт нефти, согласно прогнозам, достигнет 200 млн. т в 2010 г. и 250–300 млн. т в 2015 г.³⁴

В то же время спрос на импортные энергоресурсы в КНР не является безграничным. Даже при нынешней, «утяжеленной», структуре производства и потребления в Китае на единицу ВВП (при пересчете

³⁴ Жуков С.В. Китай: экономический рост и динамика спроса на нефть/ Мировая энергетика в условиях глобализации: вызовы для России. М.: ИМЭМО РАН. 2007. С. 19-20

по ППС) тратят меньше энергоресурсов, чем в среднем по миру³⁵. Успехи в экономии топлива весьма вероятны, как и быстрый рост собственной газодобычи.

Инвестиционный потенциал Китая включает относительно дешевые строительно-инженерные услуги практически во всех видах транспорта, энергетики и коммуникаций. Быстро прогрессирует энергетическое и транспортное машиностроение страны³⁶. Железнодорожный транспорт, на который приходится значительная часть торговли внутри ШОС, занимает в целом скромное место в перевозках внешнеторговых грузов КНР. На него приходится около 3% товарооборота по массовым грузам и менее 0,5% по контейнерным перевозкам. Последние могут быть многократно увеличены. Известно, что немалая часть китайских товаров попадает на российский рынок через европейские страны³⁷.

В начале января 2008 г. представители России, Китая, Монголии, Белоруссии, Польши и Германии подписали в Пекине базовый договор о регулярных транспортных перевозках грузов по железным дорогам этих стран. Этот маршрут перспективен для логистических компаний Евразии. Доставка грузов из КНР в Европу или обратно морским путем занимает минимум месяц, а по Транссибирской магистрали — две недели. Ниже и страховые расходы.

³⁵ В 2005 г. на Китай пришлось 12,5% глобального энергопотребления и более 16% мирового ВВП. Энергоемкость выпуска реального продукта в Китае такая же, как в Сингапуре, ниже, чем в Южной Корее, в полтора раза ниже, чем в США. Выброс двуокиси углерода на душу населения в КНР в 3,5 раза ниже, чем в Сингапуре (Key Indicators of Developing Asian and Pacific Countries. Hong Kong: ADB. 2007. P. 125, 205).

³⁶ Стоимость строительства 1 км скоростной (шестиполосной) автотрассы в КНР составляет около 4 млн. долл., фактические сроки строительства дороги протяженностью 500 км — 2–3 года. В 2005 г. в совокупном объеме инвестиций в дорожное строительство (около 70 млрд. долл.) на центральный бюджет пришлось 15%, на бюджеты местных правительств — 25%. Еще 10% капиталовложений образуют поступления из специального фонда, формируемого за счет налога на приобретение автомобилей. Примерно 40% обеспечили кредиты банков развития, остальное — частные инвестиции и выпуск ценных бумаг. Стоимость проезда по платным автомагистралям в КНР составляет около 7,5 центов за 1 км для грузовиков и 9,5 центов для легковых автомобилей. Основная часть сборов (почти 60%) после погашения кредитов и расчетов с центральным бюджетом остается у местных правительств, несущих в дальнейшем эксплуатационные расходы.

³⁷ Их таможенная стоимость оценивается в 15 млрд. долл. «Немаловажное значение для дальнейшего поступательного развития российско-китайской торговли имеет расширение и совершенствование транспортной сети. В настоящее время ее узость является сдерживающим фактором», — считает торгпред РФ в КНР С.Цыплаков (ИТАР-ТАСС. 25.12.2007).

С этим транспортным коридором может быть состыкована Прикаспийская железная дорога, которая будет проложена из Ирана через территорию Туркмении и Казахстана в Россию и свяжет иранские порты на берегу Персидского залива с российской железнодорожной сетью и портами на берегу Балтийского, Баренцева и Белого морей.

Железная дорога Ляньюньган (пров. Цзянсу) — Роттердам, проходящая через СУАР и Казахстан, представляется КНР не менее важной. Эта магистраль способствует дальнейшей интеграции внутреннего рынка страны. В Сианьской декларации (ноябрь 2007 г.), принятой Евразийским экономическим форумом (будет проводиться в Сиане раз в два года), развитие экономики и туризма вдоль этой трассы рассматривается как вторая по актуальности задача после региональной энергетической безопасности. При этом в Китае считают Транссиб и эту трассу взаимодополняющими.

На территории стран ШОС формируется новый «Шелковый путь», уже включающий протяженный нефтепровод, автодорожную и железнодорожные магистрали. В 2006–2007 гг. введены в эксплуатацию Цинхай-Тибетская железная дорога, государственная автотрасса Ляньюньган — Хоргос, автомагистраль, соединяющая Китай и Таджикистан, началась прокладка автодороги Китай — Кыргызстан — Узбекистан, подписаны контракты о строительстве или реконструкции автострад Таджикистан — Кыргызстан и Таджикистан — Узбекистан, обсуждалась возможность прокладки железной дороги, пересекающей территорию Казахстана с запада на восток, а также железной дороги Китай — Кыргызстан — Узбекистан. Дальнейшее развитие «Шелкового пути», по мнению китайских ученых, может означать и «возвращение в Евразию речной экономики», а стало быть, и мощный импульс внутриконтинентальному водному транспорту. Здесь очевидна потенциальная роль России.

Среди конкретных проектов, интересующих КНР, железнодорожная ветка Дуннин (пров. Хэйлунцзян) — Уссурийск, строительство моста через Амур (Хэйхэ — Благовещенск)³⁸, перехода Логухэ (запад пров. Хэйлунцзян) — Покровка (Читинская обл.). Крупные планы железнодорожного строительства после приобретения южно-якутских месторождений каменного угля имеет компания «Мечел».

В январе-ноябре 2007 г. продолжалась работа в рамках ШОС по проектам в сфере транспорта. В их число входили синхронное осуществление строительства автомобильной дороги «Волгоград — Астрахань — Атырау — Бейнеу — Кунград» и «Актау — Бейнеу — Кунград» в составе международного транспортного коридора (МТК) E-40 с со-

³⁸ В время пребывания в Благовещенске в сентябре 2005 г. Г.Греф скептически оценил этот проект.

оружением моста через реку Кигач, а также развитие транспортного маршрута «Ош — Сарыташ — Иркештам — Кашгар» и «Братство — Душанбе — Джиргата — Карамык — Иркештам — Кашгар» со строительством в Кашгаре перегрузочного терминала для организации мультимодальных перевозок.

Наиболее актуальная для России проблема — координация действий в ходе реализации региональных программ развития, прежде всего программы развития Дальнего Востока и Забайкалья, и планов КНР в деле реконструкции промышленной базы северо-востока страны³⁹. Здесь, по-видимому, не обойтись без взаимодействия с планирующими органами Китая, как впрочем, и при многостороннем сотрудничестве в рамках ШОС.

При расширении связей с КНР и государствами ШОС важно помнить, что среди стратегических целей, которые ставили перед собой китайские реформаторы на первоначальном этапе рыночных преобразований и открытой политики, было «использование внешнеэкономических связей для интеграции внутреннего рынка»⁴⁰. Со временем выяснилось, что неизбежные на первом этапе издержки очагового развития хозяйства преодолемы. Представляется, что схожая задача объективно стоит и перед Россией, в том числе при выстраивании связей с КНР в инвестиционной и инфраструктурной сфере. Ее решение, естественно, требует ускорения перехода от инерционного к модернизационному сценарию развития. Важно, в частности, использовать сотрудничество с КНР для упрочения связей центра России с Дальним Востоком, возможно, для первоочередного решения в этом регионе острых социальных проблем.

Можно с уверенностью предполагать сохранение высоких темпов экономического роста в Китае в краткосрочной перспективе (2008–2009 гг.) и повышенных (около 7–8%) — вплоть до 2015 г. Это

³⁹ В частности, к 2010 г. пров. Хэйлунцзян (помимо традиционной специализации в нефтедобыче и нефтехимии) станет самой крупной в КНР базой производства энергетического оборудования и крупнейшим производителем железнодорожных вагонов, которые частично будут экспортироваться. Производимое тяжелое оборудование позволит сократить импортные закупки. Предполагается нарастить мощности таких новых отраслей, как электроника, информатика, биотехнология, фармацевтика и промышленность новых материалов. Предстоит дополнительно ввести мощности по переработке сельскохозяйственной продукции, расширить сферу услуг, включая туризм.

⁴⁰ Постановление ЦК КПК относительно реформы хозяйственной системы. Пекин. 1984. С. 37. Заметим, что пока в России поступают противоположным образом. В январе 2007 г. железнодорожные тарифы на внутрироссийские перевозки были повышены (на 10,9%), а на экспортно-импортные (через погранпереходы) — не менялись.

обстоятельство в целом благоприятно для России. Интенсификация финансового и валютного сотрудничества с Китаем и другими странами ШОС (например, стабилизационные соглашения, регулярные встречи министров финансов или глав центральных банков, создание региональной валюты) в обстановке серьезных сбоев в международной системе может обеспечить крупные стратегические выигрыши для евразийских государств. Мощный инвестиционный комплекс КНР представляется естественным партнером России в начинающейся модернизации.

Железнодорожные перевозки внешнеторговых грузов КНР по российской территории могут быть многократно увеличены, в том числе за счет транзита в Европу и АТР через дальневосточные порты. Для России актуальна координация планов и действий с КНР в ходе реализации программ развития транспортной инфраструктуры. Однако такая координация будет успешной лишь при ее встраивании в пакет инициатив и согласований, в полной мере учитывающий новую роль Китая в мировой экономике и политике, а также потребности (нынешние и будущие) в импорте древесины, железной руды, угля, продовольствия. В региональном плане особое значение для России имеет провинция Хэйлунцзян и ее центр Харбин, реально претендующий на роль «столицы Северо-Восточной Азии». По-прежнему актуальна и частичная переброска поставок углеводородов на Восток, в том числе по причине устойчиво растущего спроса на них в Китае. Эта страна, помимо прочего, может предоставить российским компаниям менее жесткие условия работы на внутреннем рынке.

Индия: экономический подъём, изменение структуры хозяйства и региональные проблемы развития

Г.В. Сдасюк

Индия, как и другой гигант современного мира — Китай, играет все более важную роль в глобальных процессах. Для России особый интерес представляет изучение опыта развития Индии, которую справедливо называют «крупнейшей демократией мира». Начиная с 1950 г. Индия осуществляет систему планирования в рыночных условиях. Одновременно с Россией — с 1991 г. Индия проводит реформы, направленные на расширение свободы рынка и предпринимательства, однако подходы к их решению различны, что приводит к разным результатам.

Индия XXI века — быстро развивающаяся страна с многоотраслевым и многоукладным хозяйством. По объёму ВВП (4164 млрд. долл. в 2006 г.) Индия занимает четвёртое место в мире после США, Китая и Японии. Среднегодовые темпы роста ВВП в период с 1993/94 по 2005/06 гг. превышают 6% (до 1992 г. они были ниже 3,5%), в 2006/07 реальный рост ВВП — 9,4% (2-е место в мире после Китая).

Высокие темпы экономического роста сочетаются с глубокими изменениями структуры ВВП: на сферу услуг (включая информационные технологии, финансовые услуги, торговлю, транспорт, связь и телекоммуникации, индустрию рекреации) приходится 55,1%; промышленность — 26,4%; сельское, лесное хозяйство и рыболовство — 18,5% (2006/07 г.). Индия вошла в первую десятку наиболее промышленно развитых стран мира. В ее экспорте преобладает продукция обрабатывающей промышленности. Страна добилась больших успехов в сфере высоких технологий, располагает полным циклом производств в атомной промышленности, осуществляет космические исследования, активно используя космическую информацию для оценки и мониторинга состояния природно-экологического потенциала и других целей. Индия избавилась от продовольственной зависимости и приступила к экспорту зерна.

Эти успехи достигаются в сложнейших условиях довольно ограниченных природных ресурсов и продолжения громадного роста чис-

ленности населения (с 361 млн. человек в 1951 г. до 1 027 млн. в 2001 г.). Темпы демографического роста постепенно замедляются: их среднегодовые показатели, максимальные в 1971–81 гг. — 2,22%, снижаются в последующие два десятилетия (соответственно до 2,14% и 1,93%). Но абсолютные размеры прироста численности населения продолжают увеличиваться: на 163,1 млн. человек в 1981–91 гг., на 180,6 млн. человек в 1991–2001 гг. (прирост, превышающий численность всего населения России).

В Индии чрезвычайно важную роль играет государство, которое проводит политику планирования и регулирования развития страны в рыночных условиях. Государство активно использует креативные ресурсы (научные, образовательные, творческие) при определении наиболее рациональных вариантов управляемого (планируемого) развития в условиях рынка и глобализации. Для индийской государственной политики характерен высокий уровень научного обоснования, адекватная реакция на меняющиеся внутренние и внешние условия, широкое демократическое обсуждение перед принятием решений по стратегическим проблемам развития.

За сравнительно короткий исторический период со времени достижения независимости (1947 г.) Индия прошла несколько этапов капиталистической эволюции, которые различаются моделями соотношения рыночных механизмов и роли государства, характером взаимоотношений с зарубежной экономикой. Эти этапы характеризуются глубокими изменениями отраслевой структуры хозяйства, постепенным изменением его территориальной структуры (которой свойственна большая инерционность), изменением положения в системе мирового хозяйства.

Накануне обретения независимости Индия имела структуру хозяйства, типичную для колониальных стран. Однако в отличие от большинства других колоний здесь существовал ряд отдельных, сравнительно развитых отраслей фабричной промышленности. Индия была одним из ведущих в мире производителей хлопчатобумажных тканей, на неё приходилось свыше половины мирового производства джутовых изделий. В стране была развита переработка сельскохозяйственного сырья (сахарная, чайная, табачная и др. отрасли пищевой промышленности, кожевенно-дубильное производство), горнодобывающая промышленность (добыча угля, марганцевых и железных руд, слюды). Особенностью Индии было наличие крупного национального капитала. Иностранному, в основном британскому, капиталу принадлежало около 40% общих инвестиций в промышленность (особенно в джутовую и горнодобывающую), значительная часть чайных плантаций; он доминировал во внешней торговле.

Определяющим в колониальный период являлось то, что в течение длительного времени отраслевая и территориальная структура хозяйства Индии (как и других колоний) складывалась не столько на основе внутренних законов развития, сколько в процессе неравноправного международного разделения труда, определявшегося интересами метрополии. Колониальная модель развития в период отсутствия собственной государственности привела к формированию особой социально-экономической структуры, для которой был характерен дуализм: сочетание докапиталистических и раннекапиталистических форм хозяйства с высшими формами капиталистического развития — при крайней слабости территориально-экономических связей между ними. Свободный импорт зарубежных товаров препятствовал развитию индийской промышленности, что вело к растущему аграрному перенаселению. Следствием колониального этапа развития была социально-экономическая отсталость и нищета большинства населения. Территориальная структура представляла мозаичное переплетение экономически относительно развитых территорий, тяготевших к главным морским портам и вовлеченных в мировой рынок, и обширных полуизолированных пространств низшего уровня экономического развития, где преобладали отсталые уклады хозяйства [1].

После завоевания независимости и прихода к власти национальной буржуазии потребности преодоления отсталости привели к усилению роли государства. Аграрные реформы способствовали переходу крупных землевладельцев от взимания полуфеодальной ренты к ведению собственного хозяйства. В стране возникла особая модель развития, отличная от западной — модель построения «общества социалистического образца». Ее называют «курсом Неру».

Это модель импортозамещающей структурной модернизации с опорой на государственный капитализм. Стремление к достижению экономической самостоятельности определило упор на индустриализацию — создание крупных новостроек тяжелой промышленности в государственном секторе для восполнения недостающих звеньев народнохозяйственного комплекса. В качестве первоочередной задачи государство взяло на себя создание наиболее капиталоемких и наименее рентабельных предприятий с длительным сроком окупаемости капиталовложений, а также модернизацию застойных очагов в традиционных отраслях крупной промышленности.

Политика индустриализации имела ярко выраженную региональную ориентацию — крупные государственные новостройки возводились преимущественно в отсталых районах. В глубинных, наиболее отсталых районах, богатых природными ресурсами, были возведены крупные промышленные предприятия государственного сектора: металлургические комбинаты (Бхилаи, Роуркела), заводы тяжело-

го машиностроения (Хардвар, Ришикеш и др.), нефтеперерабатывающие комбинаты (Барауни, Бонгаигаон). Ускоренно осваиваются железорудные месторождения (Байладила, Хоспет-Беллари и др.), угольные месторождения Центральной Индии.

Почти во всех основных речных бассейнах возводятся мощные комплексные гидроузлы: Бхакра-Нангал, Чамбал, Хиракуд и др. Эти новостройки становятся центрами притяжения многих частных предприятий, стимулируют развитие сельского хозяйства прилегающих территорий, проявляя кумулятивный эффект.

Однако по мере ввода в строй и функционирования крупных новостроек проявляются и негативные стороны, требующие изменения подходов к их сооружению и изменению характера регионального планирования. Так, мощные комплексные гидроузлы и крупные создаваемые водохранилища потребовали переселения жителей с затопляемых площадей, которым далеко не всегда были предоставлены удовлетворяющие их места жительства. Осложняются природно-экологические условия функционирования гидроузлов, сопровождающиеся заилением водохранилищ, подтоплением прилегающих территорий, подъемом уровня грунтовых вод, засолением почвенных горизонтов, что стало следствием нерационального использования мощного созданного ирригационного потенциала и др.

Построенные предприятия тяжелой индустрии, восполняя недостающие звенья отраслевой и макрорегиональной структуры хозяйства, функционально оказывались слабо связанными с территориями их размещения, которые оставались в состоянии прежней социально-экономической отсталости. Иногда не без основания стали говорить о появлении «внутреннего колониализма». Чтобы изменить ситуацию, создание новых крупных проектов стало рассматриваться как появление «полюсов» роста, центров роста с комплексом связанных производств и развитием соответствующей транспортно-энергетической и социально-экономической инфраструктуры.

С 1951/52 финансового года стратегия развития Индии определяется пятилетними планами, которые представляют комплексные программы структурных сдвигов в экономике, формируют структуру государственных капиталовложений и плановых ассигнований. С середины 1950-х гг. значительные объёмы государственных капиталовложений направлялись на развитие базовых отраслей тяжёлой промышленности (металлургии, машиностроения, химических производств, электроэнергетики и др.), а также хозяйственной инфраструктуры.

Развитие государственного сектора экономики сочетается с системой государственного регулирования сферы частного предпринимательства (с помощью систем налогообложения, лицензий, тамо-

женных пошлин, контроля над ценами и распределением важнейших товаров и др.). Это регулирование направляется в большой мере на привлечение иностранного и крупного национального капитала в технически сложные, капиталоемкие отрасли хозяйства.

С 1950/51 по 1991/92 гг. доля государственного сектора в воспроизводимом национальном богатстве страны поднялась с 15 до 38%. Государственный сектор занял практически монопольное положение в сфере производственной и финансовой инфраструктуры (железнодорожном и воздушном транспорте, электроэнергетике, кредитно-финансовой сфере), в оборонной промышленности. Он занял сильные позиции во многих отраслях тяжелой промышленности. В 1986/87 г. на него приходилось 100% добычи нефти, выплавки меди и свинца, 98% добычи угля, 87% производства цинка, 75% выплавки стали, 46% производства азотных удобрений, 38% выплавки алюминия, 34% производства фосфорных удобрений и т.д.

Ведущие позиции в частной промышленности занимают монопрофильные монополистические группы. Крупнейшие среди них — монополистические группы Таты (ей принадлежит 98 компаний и другие структурные подразделения общей рыночной стоимостью активов 79,5 млрд. долл., 2007 г.) и Бирлы. После значительного ослабления государственных ограничений на вывоз капитала объёмы индийских инвестиций за рубежом выросли к 2006/07 г. более чем в 10 раз. Индийские фирмы приобрели 480 иностранных компаний на общую сумму свыше 43 млрд. долл. Крупные корпорации всё активнее инвестируют средства в экономику других стран. Основная часть индийских инвестиций направляется в США, Великобританию, Францию, Германию, Бельгию, Россию, Бразилию. При этом предпочтение отдаётся нефтегазовому сектору, добыче полезных ископаемых, металлургии, химической и фармацевтической промышленности, телекоммуникациям.

Избыток и дешевизна рабочей силы определяют многие особенности развития Индии. Так, в связи с этим повышенное значение имеет мелкая промышленность, развитие которой активно поддерживается государством. Она широко распространена территориально и включает разнообразнейшие производства. За мелкой промышленностью резервируется развитие трех основных групп производств: продукция традиционных отраслей легкой и пищевой промышленности, бытовых товаров, художественных и ювелирных изделий; изготовление средств и орудий труда для мелких индивидуальных хозяйств — сельскохозяйственного инвентаря для ручной работы и животной тяги, маслодельного и рисоочистительного оборудования, простейших насосов, дизельных моторов, трансформаторов и т.п.; производство деталей, узлов и компонентов для крупной промыш-

ленности: станкостроения, автомобильной, электротехнической и радиопромышленности, сельскохозяйственного машиностроения. В последние годы все более активно развиваются высокотехнологичные производства, предприятия информационных услуг. Однако одновременно государство поддерживает традиционные кустарные производства — важный резервуар занятости населения.

Законом 2006 г. в Индии выделяются три категории предприятий в зависимости от размера инвестиций в машины и оборудование: 1) мельчайшие (Micro Enterprises) с размером инвестиций в обрабатывающей промышленности до 2,5 млн. рупий и до 1 млн. в обслуживающих предприятиях; 2) мелкие (Small Enterprises) соответственно 2,5–50 и 1–20; 3) средние (Medium Enterprises) — 50–100 и 29–50. Число зарезервированных за мелкой промышленностью производств меняется: оно составляло 46 в 1967 г., увеличилось до 847 в 1987 г., уменьшилось до 239 в 2007 г. В мельчайшей и мелкой промышленности занято 29,5 млн. человек, на нее приходится около 39% продукции обрабатывающей промышленности и 34% ее экспорта (2004/05 г.)

В Индии государственный сектор сыграл решающую роль в развитии производственной и финансовой инфраструктуры, создании наиболее капиталоемких и наукоемких отраслей промышленности, уменьшении территориальных диспропорций. Он стал базой государственного регулирования хозяйства и вместе с последним образовал систему государственного капитализма, которая обеспечила модернизацию и ускорение развития частного сектора и экономики в целом.

Роль государства в период реформ относительно уменьшается, но при этом сохраняется его активное участие в модернизации хозяйства страны, его приспособлении к новой модели развития в условиях глобализации. Расширение частного сектора происходит в основном не путем приватизации государственных предприятий, а путем роста новых мощностей в частном секторе. При некотором ослаблении роли планирования происходит его совершенствование в условиях активизации рыночных сил. Плановая комиссия Индии представляет организацию, состоящую из экспертов высокого уровня, связанную с многочисленными научными учреждениями страны и опирающуюся на соответствующие системы планирования и планы штатов. В 2008 г. Индия приступила к реализации XI пятилетнего плана. Публикация Плановой комиссии «Индия. Видение 2020», посвященная проблемам долгосрочного планирования, содержит варианты развития: 1) при максимальном использовании всех ресурсов и 2) при обычном для страны их использовании [6].

При принятии важнейших государственных решений по социально-экономическому развитию страны и проведению реформ созда-

ются специальные комиссии и комитеты, состоящие из известных ученых и экспертов, которые представляют развернутые доклады для рассмотрения правительством. Такая система подготовки обеспечивает обоснованность принимаемых решений.

За несколько десятилетий (1950–80-е гг.) Индия достигла экономической самостоятельности. Создание основ индустриального развития страны способствовало интеграции хозяйства, ускорению темпов роста экономики. Изменилась отраслевая структура хозяйства. Доля обрабатывающей промышленности, электроэнергетики, строительства в ВВП поднялась с 15% в 1950/51 г. до 30% в 1995/96 г. В стоимости индийского товарного экспорта доля продукции первичного сектора экономики (сельского хозяйства, горнодобывающей промышленности и др.) снизилась с 52% в 1960/61 г. до 24% в 1990/91 г., доля продукции обрабатывающей промышленности возросла с 45% до 73%. В последней группе доля продукции машиностроения и химической промышленности увеличилась с 4% до 18%.

В 1980-х гг. главным фактором, сдерживающим экономический рост, стал низкий платёжеспособный спрос населения. Это обусловило необходимость перехода к экспортоориентированной модели развития — росту экспорта товаров и услуг. В июне 1991 г. началось проведение реформы, направленной на либерализацию экономики в сторону большей свободы рынка и частного предпринимательства, большей открытости, интернационализации хозяйства. Но Индия не пошла на тотальный демонтаж государственного сектора и регулирования. Число отраслей, целиком закреплённых за государственным сектором, было сокращено с 18 до 6 (железнодорожный транспорт, оборонная промышленность, добыча сырья для атомной промышленности, атомная энергетика, угольная и нефтедобывающая промышленность), сокращена сфера регулирования государством цен и кредитных ставок, ослаблены ограничения крупного предпринимательства, направленные на защиту предприятий малого и среднего бизнеса, сняты многие ограничения на импорт товаров и услуг. Подход к приватизации характеризовался большой постепенностью и осторожностью. Приватизация крупных государственных предприятий проводилась открыто, после всестороннего обсуждения в парламенте. Прибыльные предприятия не приватизировались, осуществлялись меры по повышению их эффективности и адаптации к рынку. Приватизация не привела к демонтажу базовых структур государственного сектора экономики, включая планирование, при этом усилился индикативный характер государственных планов в отношении предприятий частного сектора. Осуществление реформы позволило укрепить экономический потенциал страны. Среднегодовые темпы роста ВВП в период с 1993/94 по 2005/06 составили более 6% (до 1992 г. они не

превышали 3,5%), в 2006/07 реальный рост ВВП равнялся 9,4% (2-е место в мире после Китая). Ускорению темпов экономического роста способствует наметившийся в начале XXI в. рост народного потребления, включая товары длительного пользования (автомобили, холодильники, кондиционеры и др.)

В «Подходах к XI пятилетнему плану» Индии излагается государственная концепция развития страны в начале второго десятилетия нынешнего столетия, ориентирующаяся на «более быстрый и всесторонний рост» [7]. Концепция включает оценку достижений и новых проблем, план их преодоления и направлений дальнейшего социально-экономического развития. Исходная позиция — усиление экономики страны как базы для дальнейшего развития. После замедления среднегодовых темпов экономического роста до 5,5% в 9-ой пятилетке (1997/98–2001/02 гг.) они ускорились до 7% в 10-ой пятилетке (2002/03–2006/07 гг.) и ожидаются на уровне 8-9% в 11-ой пятилетке (2007/08–2011/12 гг.). При прогнозируемых среднегодовых темпах роста населения в 1,5% реальный душевой доход в течение 10 лет должен удвоиться.

В то же время сохраняется хронический дефицит государственного бюджета (34,4 млрд. долл. или 3,7% ВВП, 2006/07 г.), совокупные размеры государственного долга (федерального, штатов и союзных территорий) достигают 52,8% ВВП (2006 г.), общий объём внешнего долга — 142,7 млрд. долл. (2006 г.). При очевидном прогрессе во многих социально-экономических сферах Индия продолжает сталкиваться с проблемами недостаточного развития транспортной инфраструктуры, обилия посреднических структур, бюрократизацией государственного аппарата, значительными масштабы коррупции. Во многих сельских районах процветает ростовщичество.

Прямые иностранные инвестиции в экономику Индии составляют 16,4 млрд. долл. (2006/07 г.) и объём их растёт (на 19% по сравнению с 2005/06 г.) Иностранные капиталовложения направляются преимущественно в те сектора хозяйства, первоочередное развитие которых соответствует национальным интересам: наукоемкие производства, создание объектов инфраструктуры (включая телекоммуникации), морские порты, дороги, сооружение электростанций, в сферу услуг. Иностранные капиталы не разрешается вкладывать в сельскохозяйственное производство, недвижимость, печатные СМИ, оборону и стратегические отрасли промышленности. Объём иностранных портфельных инвестиций (вложений в ценные бумаги индийских компаний) составил около 9 млрд. долл. (2006 г.).

Промышленность — ведущий, динамично развивающийся сектор индийской экономики. Темпы роста промышленного производства поднялись с 9,6% в 2005/06 г. до 12,3% в 2006/07 г. Промышленные

изделия составляют свыше половины стоимости индийского экспорта. На долю отраслей обрабатывающей промышленности приходится 79,3% стоимости промышленной продукции; горнодобывающей — 10,5%; электроэнергетики — 10,2% (2005/06 г.). Важнейшие отрасли обрабатывающей промышленности: машиностроение и металлообработка, нефтехимия, химия, фармацевтическое производство, чёрная и цветная металлургия, нефтепереработка, текстильная и пищевая промышленность. Ускоренными темпами развиваются наукоемкие производства и современные технологии. Промышленность аккумулирует около 4/5 прямых иностранных инвестиций в экономику страны.

В структуре энергопотребления на уголь (каменный, бурый и лигниты) приходится 54%, нефть и нефтепродукты — 32%, природный газ — 8%, гидроэнергию — 5%, атомную энергию — 1% (2004 г.). Одна из наиболее сложных проблем развития Индии — дефицит нефтяных ресурсов. Потребности страны в сырой нефти оцениваются в 150 млн. т, собственная же ее добыча — около 34 млн. т (2006/07 г.). На импорт нефти — 112,6 млн. т (в основном из стран Персидского залива) приходится свыше 1/4 всей стоимости индийского импорта.

В Ассаме в долине Брахмапутры с конца XIX в. действует на местном месторождении первый в Индии нефтеперерабатывающий завод. Более полувека Ассам (где в 1950-х гг. были открыты новые нефтяные месторождения) оставался единственным поставщиком отечественной нефти. Ныне на этот район приходится менее 1/3 добычи. В конце 1950-х гг. были открыты нефтяные месторождения в Гуджарате, в 1970-х гг. — в шельфовой зоне Аравийского моря и Камбейского залива. Свыше 2/3 нефти добывается в шельфовой зоне Аравийского моря близ Мумбаи, в Камбейском заливе у берегов штата Гуджарат. Занимается этим Комиссия по нефти и природному газу («ОНГО») и её дочерние структуры. Мощности 19 государственных и частных НПЗ, рассчитанные на переработку 160 млн. т сырой нефти в год, загружены примерно на 80%. Большинство их размещается близ морских портов, а также в основных центрах потребления нефтепродуктов внутри страны.

Для обеспечения поставок нефти и сдерживания растущих цен на импортируемую нефть правительство предоставило государственным организациям (ОНГО, Индиан Ойл компании, Гэс оторити оф Индия) право покупать акции нефтяных компаний за рубежом. Дочерняя компания Комиссии по нефти и газу «ОВЛ» участвует в освоении нефтяных месторождений в Африке, на Среднем Востоке, в Австралии и России. «ОВЛ» инвестировала 1,7 млрд. долларов в проект «Сахалин-1». Добыча природного газа ведётся с 1970-х гг., но развивается медленно, увеличившись с 29,48 млрд. куб.м в 2000/01 до 31,6

млрд. в 2006/07 г. Поставки газа удовлетворяют только половину потребностей.

Реализация экспортоориентированной модели развития опирается на подъем и диверсификацию промышленного производства страны, что отражает резкое изменение структуры индийского экспорта. Доля вывоза готовых изделий увеличивается с 45,3% в 1960/61 г. до 73,7% в 2004/05 г. Наиболее характерно появление среди основных статей индийского экспорта готовых изделий продукции машиностроения и химической промышленности, доля которых увеличилась за этот период с 1,8% до 32,1%. В наиболее развитой традиционной отрасли индийской промышленности — текстильной сокращается вывоз тканей и пряжи (с 31,1% до 4,3%), но возрастает доля экспорта готовой одежды (с 0,1% до 7,7%), представляющей более завершенную стадию переработки. На первое место в индийском экспорте выдвинулся вывоз ювелирных изделий из драгоценных и полудрагоценных камней (их доля возросла с 0,1% до 17,0%). Индии в основном приходится импортировать сырье для этого производства, но высококорентабельным его делают сочетание трудоемкости с традиционным мастерством индийских работников.

В целом доля Индии в мировом экспорте хотя и поднимается, но все же остается низкой: она увеличилась с 0,6% в 1970 г. до 0,9% в 2003 г. Индия не занимает в этом отношении ведущего места среди развивающихся стран, на которые в сумме приходится 41% мирового экспорта [2]. Однако в этой области появляются новые, чрезвычайно перспективные направления развития Индии.

Это прежде всего ускоренное развитие производства и экспорт продукции наукоемких отраслей, в первую очередь, электронной промышленности. Ее продукция выросла с 8,6 млрд. рупий в 1981 г. до 524,5 млрд. в 1999/2000 г. Производство компьютеров увеличилось с 0,1 млрд. рупий в 1976 г. до 27,4 млрд. в 1996/97 г. Особо важное место заняло программное обеспечение, продукция которого выросла с 11,6 млрд. рупий в 1990 г. до 243,5 млрд. в 1999/2000 г.

Сфера услуг — крупнейший и наиболее быстро развивающийся сектор индийской экономики. Его доля в структуре ВВП поднялась с 15% в 1950/51 г. до 55,1% в 2006/07 г. Важнейшие сектора сферы услуг — информационные технологии, финансовые услуги, торговля, транспорт, связь и телекоммуникации, а также индустрия туризма. В Индии особенно быстро (с ежегодным приростом, превышающим 30%) развиваются информационные технологии, что активно поддерживается государством. По этим показателям Индия опережает другие страны Азиатско-Тихоокеанского региона. Данный сектор включает разработку и продажу программных продуктов, предоставление услуг, связанных с внедрением и поддержкой информационных тех-

нологий, производство и продажу компьютерного оборудования, комплектующих и периферийных устройств и др. В этом секторе занято 1,6 млн. чел. (2006/07 г.). Производство программного обеспечения — главный сегмент индийских информационных технологий, ориентированных в основном на экспорт.

Начиная с 1990-х гг. торговля услугами (экспорт программного обеспечения, услуг в сфере бизнеса) существенно опережает торговлю товарами. Доля услуг в общей внешней торговле возросла с 23,5% в 2003/04 г. до 34,5% в 2005/06 г. На Индию приходится 65% мирового рынка зарубежных услуг в сфере информационных технологий и 46% зарубежных услуг в сфере бизнеса. Основные импортеры индийской продукции — США, поглощающие 67% стоимости индийского экспорта, и страны ЕС, на которые приходится около 25%. Индийские программисты востребованы на мировом рынке программного обеспечения. Их услугами пользуются 185 из 500 крупнейших корпораций мира. Они работают в США, Германии, Японии, Австралии и в других странах. По оценкам, почти треть нововведений в сфере электронной торговли в Силиконовой долине США инициированы индийскими специалистами. Ведущая индийская компания в области информационных технологий — «Tata Consultancy Services Limited» — одна из крупнейших в мире и ведущая в странах Азии. Она, как и ряд других индийских компаний, расширяет сеть своих филиалов и офисов за рубежом.

В Индии расширяется высокотехнологичная инфраструктура, необходимая для функционирования фирм информационных технологий. Мировую известность приобрел город Бангалор, столица южного штата Карнатака, — крупнейший индийский центр высоких технологий, которые быстро развиваются также в Мумбаи и Пуне, Хайдарабаде, Чиннаи. Функционирует около 30 научно-технологических парков, содействующих расширению экспорта информационных услуг. Они включают «программные парки» — специализированные центры оффшорного программирования, которые выполняют заказы зарубежных фирм по разработке программного обеспечения.

Индийский сектор услуг включает разнообразнейшие сферы — от новейших производств высоких технологий до поддержки традиционных видов занятий и деятельности. Так, из 400 млн. жителей, ежегодно участвующих во внутреннем индийском туризме, основную часть составляют многочисленные паломники, совершающие поездки к святым местам. Известнейший центр паломничества — Варанаси (Бенарес) на берегах священного Ганга притягивает почти четверть всех паломников. В горные районы направляются зажиточные отдыхающие в летние сезоны жары и муссонных дождей. Увеличивается посещение национальных парков — центров экологического туризма.

В зарубежные развлекательные поездки отправляются около 6 млн. человек (2004 г.). Постепенно развивается иностранный туризм, охватывающий около 3,5 млн. человек (в основном из США и Великобритании) и приносящий доход около 6 млрд. долларов. Благодаря великому историко-культурному наследию Индия обладает большими возможностями для развития высокодоходной индустрии рекреации в международных масштабах.

Индия — один из крупнейших мировых производителей сельскохозяйственной продукции. При обострении в XXI веке глобальной продовольственной ситуации роль индийского сельскохозяйственного производства возрастает не только внутри страны, но и в международных масштабах. В сложнейшем аграрном секторе Индии (не только по экономическим, но и по социально-экологическим параметрам) происходят динамичные изменения по структуре, объемам и географии производства.

Страна, вынужденная заниматься массированным импортом зерна в 1950-х гг., добилась продовольственного самообеспечения и перешла к экспорту некоторых видов зерновых и других продовольственных культур. Наряду с традиционными экспортными сельскохозяйственными товарами (чай, специи, табак и др.) Индия постепенно увеличивает вывоз продовольственного зерна, доля которого в мировом экспорте возросла с 0,1% в 1970 г. до 2,4% в 2003 г.

В ходе индустриализации и диверсификации производств доля аграрного сектора в структуре индийского ВВП снизилась с 61% в 1950/51 до 18,5% в 2006/07 г. Однако сельское хозяйство остаётся главной сферой занятости населения. Доля занятых в сельском хозяйстве в общей численности работающих снижается медленно (с 72% в 1950/51 г. до 60% в 2006/07 г.), но их абсолютная численность остается громадной. В сельской местности сохраняется избыток трудовых ресурсов, широко распространена безработица. Основная масса индийских бедняков — это безземельные и малоземельные крестьяне и сельскохозяйственные рабочие.

Безземелье и малоземелье — главная проблема в сельской местности. Маргинальные хозяйства (с наделами до 1 га), составляя 62% общей численности хозяйств, обрабатывают лишь 17% земель; мелкие 19% хозяйств (с наделами 1–2 га) обрабатывают 19% земель; на средние 18% хозяйств (с наделами по 2–10 га) приходится 49% земель; на крупные 1% хозяйств с наделами свыше 10 га — 15% земель. Крупные и средние хозяйства, составляя 19% всех хозяйств, производят около 60% товарной сельскохозяйственной продукции.

Уже в середине 1960-х гг. возможности экстенсивного расширения сельскохозяйственного производства в стране были исчерпаны. Зарегистрированная площадь всех используемых земель — 306,1

млн. га (1999/2000 г.), в т. ч. чистая посевная площадь — 46,1% (141,2 млн. га); леса — 22,5%; непригодные для обработки земли — 13,8%; выгонно-пастбищные угодья — 3,6%; фруктовые и другие древесные посадки — 1,3%; пригодные для обработки пустоши — 4,5%; залежи — 3,4%; земли под паром — 4,8%. В целом, структура землепользования характеризуется высокой степенью распаханности — свыше 50% (в среднем в мире она составляет около 12%), чрезвычайно низкой долей выгонно-пастбищных угодий, недостаточной залесенностью, с чем связано широкое распространение эрозии и других процессов природно-антропогенной деградации.

Площади под посевами сельскохозяйственных культур стабильны (141–142 млн. га). Благодаря агроклиматическим условиям возможно круглогодичное земледелие, однако из-за недостаточного увлажнения в сухой сезон повторно засеивается лишь около 1/3 площадей (45–50 млн. га) — в результате общая уборочная площадь составляет порядка 190 млн. га. В Индии два сельскохозяйственных сезона — основной летний дождливый «хариф» (конец мая/начало июня — сентябрь/октябрь), когда выращивают большую часть урожая, и сухой зимний «раби» (октябрь/ноябрь — март/апрель).

Индия — страна древней ирригации. По площади орошаемых земель (54,7 млн. га в 2000/01 г.) она занимает 1-е место в мире. Свыше 60% земель (33,3 млн. га) орошается из колодцев, работающих на электропомпах, около 30% (15,8 млн. га) — из государственных ирригационных каналов, остальное — из небольших искусственных водоемов («танков»), использующих поверхностный сток. Наиболее интенсивно (60–70% посевных площадей) орошаются Индо-Гангская равнина, дельты рек восточного побережья (Годавари, Кришна, Кавери). Эти же территории являются крупнейшими производителями сельскохозяйственной продукции. Около 2/3 увеличения сбора зерновых культур обеспечил рост орошаемых площадей, что сочетается с интенсификацией производства. Многократно увеличилось применение минеральных удобрений: с 0,5 кг на 1 га посевных площадей в 1950/51 г. до 104,5 кг в 2005/06 г.

Важнейшую роль в аграрном подъеме играет государство, которое обеспечивает систематическое кредитование развития сельского хозяйства, проводит регионально дифференцированную политику поддержки производства. Сельскохозяйственное производство расширяется благодаря внедрению достижений интенсивной агротехники, значительным государственным капиталовложениям, оптимизации использования природных сельскохозяйственных ресурсов. Крестьянам предоставляются кредиты на доступных условиях. Значительная часть расходов бюджета направляется на продо-

вольственные и другие субсидии, а также на общественные работы в сельской местности для увеличения занятости.

Индия — страна широчайшего развития кооперативного движения, что стало возможным также благодаря всестороннему участию государства. Кооперации, имеющие полугосударственный характер, обеспечивают, в первую очередь, сбыт и переработку сельскохозяйственной продукции, устраняя таким образом посредническую деятельность (которая оказывает в России давящее воздействие на крестьян-производителей и определяет непомерное возрастание цен для потребителей). В Индии кооперацией охвачены практически все деревни и более 70% сельских семей. Через кооперацию направляется около 43% сельскохозяйственного кредита, осуществляется часть закупок и переработки сельскохозяйственной продукции.

Ведущая отрасль сельского хозяйства — растениеводство, которое даёт около 73% стоимости аграрной продукции. В 2006/07 г. в стране было произведено 209 млн. т основных продовольственных культур. Главная сельскохозяйственная и основная продовольственная культура — рис. Его сборы в период независимости возросли более, чем в 4,5 раза: с 20,6 млн. т в 1950/51 г. до 91 млн. т в 2005/06 г. (это 47 % валового сбора зерновых). По производству риса Индия уступает только Китаю. В мировом экспорте риса доля Индии поднялась с 0,6% в 1970 г. до 12,5% в 2003 г. Рис выращивают в основном в мелких крестьянских хозяйствах, преимущественно в летний дождливый сезон (2/3 его посевов не орошается). Основные районы рисосеяния — северо-восток (долины Ганга и Брахмапутры), прибрежные районы востока и юга страны (дают до 70% сборов). Рис «басмати» — один из наиболее широко известных элитных сортов.

Вторая по значимости продовольственная культура — пшеница. Ее сборы возросли более, чем в 10 раз: с 6,5 млн. т в 1950/51 г. до 70 млн. т в 2005/06 г. По объемам её производства Индия также занимает 2-е место в мире после Китая. Сборы пшеницы резко возросли после внедрения новых высокоурожайных сортов. Они продолжают увеличиваться, в том числе благодаря расширению посевов в традиционных районах рисосеяния в долине Ганга. Пшеницу выращивают главным образом на северо-западе страны, на поливных землях. Ведущие производители — крупные хозяйства в штатах Уттар-Прадеш (около 1/3 общего сбора), Пенджаб и Харьяна.

Значительную часть урожая кукурузы (сбор около 15 млн. т в 2005/06 г. в сравнении с 4 млн. т в 1960/61 г.) собирают в южных штатах Андхра-Прадеш и Карнатака. Ключевое значение в рационе питания большинства бедного населения занимают просяные культуры — джовар (8 млн. т, около 4% сбора зерновых), баджра (7,7 млн. т, 2005/06 г.), раги и др., которые возделывают во внутренних засушли-

вых районах центральной и западной части страны. Бобовые — важный источник протеина при вегетарианском питании, особенно для бедноты. По валовому сбору бобовых (10–13 млн. т в год) Индия занимает одно из ведущих мест в мире, однако для обеспечения нужд многочисленного населения страны этого недостаточно. Урожайность бобовых культур остается низкой, посевные площади не расширяются. Основные районы выращивания бобовых — север и северо-запад страны.

Масличные культуры (сбор 28 млн. т, 2005/06 г.) возделывают практически повсеместно. Распространены посевы арахиса (2-е место в мире после Китая), основную часть урожая которого собирают в южных штатах и в западном штате Гуджарат. Но его доля в посевах масличных сокращается (44,0% в 1950/51 г.; 24,2% в 2004/05 г.). На первое место выдвинулись посевы рапса и горчицы (15,4% в 1950/51 г.; 28,4% в 2004/05 г.). Сеют также кунжут (680 тыс. т семян, 2-е место в мире после Китая), клещевину, лён (на семя), подсолнечник, сою и др. Осуществляется государственная программа поддержки производителей этих культур для увеличения сборов и преодоления дефицита в производстве растительных масел.

Индия дает 43% мирового производства очищенных орехов кешью и является их крупнейшим в мире экспортером, но собственные сборы неочищенных орехов удовлетворяют перерабатывающую промышленность лишь наполовину, остальное импортируется.

Ведущие технические культуры — сахарный тростник, хлопчатник и джут. По сбору сахарного тростника (278 млн. т зелёной массы, 2005/06 г.) Индия занимает 2-е место в мире после Бразилии. Почти все посевы этой культуры орошаются. Основные районы возделывания — долина Ганга (около половины сборов приходится на штат Уттар-Прадеш), штаты Махараштра и Тамилнад.

Площади под хлопчатником в Индии — самые большие в мире, но его урожайность составляет лишь примерно 63% среднемировой. Хлопчатник (сборы — 3,3 млн. т хлопка-волокна, 3-е место в мире) культивируют преимущественно на западе. Штаты Гуджарат и Махараштра дают свыше половины общих сборов. Но в них выращивают в основном засухоустойчивые сорта, которые дают хлопок невысокого качества. На северо-западе страны в Пенджабе и Харьяне хлопчатник выращивают на орошаемых землях, собирая около 1/3 общего урожая.

Обогнав Бангладеш, Индия стала крупнейшим в мире производителем джута — 40% мирового сбора (сбор сырого джута 1,9 млн. т, производство джутового волокна 200 тыс. т, 2005/06 г.) Ведущий район производства джута — штат Западная Бенгалия (около 4/5 сбора) и соседние штаты Бихар, Ассам, Орисса. Для производства волокна

выращиваются также места, конопля (для изготовления пеньки), лен, агава, из листьев которой изготавливают грубое, плотное волокно, сизаль (для изготовления канатов, веревки, рыболовных сетей).

Основные плантационные культуры — чай, кофе и каучук. Большая часть крупных хозяйств сосредоточены вдоль южных побережий Индии: Коромандельского на юго-востоке и Малабарского на юго-западе. Индия — крупнейший в мире производитель чайного листа (сбор 931 тыс. т, 2005/06 г., свыше 1/4 мирового сбора) и потребитель чая. Из-за роста внутреннего потребления и усиления конкуренции других производителей доля Индии в мировом экспорте чая снижается: с 33,4% в 1970 г. до 11% в 2003 г. Осуществление программы обновления (реплантации) посадок чайного куста привело к некоторому спаду производства в конце 1990-х гг. Однако ныне сборы чая начали возрастать. Чайные плантации сосредоточены на северо-востоке (штаты Ассам, Западная Бенгалия, Трипура, Аруначал-Прадеш, Нагaland) и на юге (Тамилнад, Керала и Карнатака). Большая часть сбора кофе (0,3 млн. т зелёных зёрен в 2006/07 г. — около 4% мирового сбора) приходится на южные штаты, свыше 70% его экспортируется.

По производству натурального каучука, увеличивавшегося с 20 тыс. т в 1950/51 г. до 831 тыс. т в 2006/07 г., Индия занимает 3-е место в мире, по потреблению (841 тыс. т) — 4-е место. Доля мелких владений (0,5–20 га) в сборе каучука поднялась с 59% в 1960/61 г. до 88% в 2005/06 г. Остальное приходится на крупные плантации. Производство каучука сосредоточено в южных штатах — Керале и Тамилнад (95% сбора).

Специи — составная часть повседневного питания индийцев и традиционный экспортный товар. Их посевные площади увеличились с 1,2 млн. га в 1950/51 г. до 5,2 млн. га в 2003/04 г. Наибольшие площади занимает перец «чили», 97% сбора которого потребляется внутри страны. Основные районы возделывания — южные штаты.

Увеличиваются сборы табака (261 тыс. т в 1950/51 г.; 492 тыс. т в 2002/03 г.) Среднедушевое потребление табака в Индии — менее 1 кг в год (в других странах — 2–4 кг). Государство поддерживает экспорт табака, составляющий 3,1% мирового.

По валовому сбору овощей Индия уступает только Китаю (113,5 млн. т овощей, 2005/06 г.) — свыше 14% мирового сбора, но на нее приходится лишь около 1% мирового экспорта. Индия дает 10% мирового производства фруктов (54,4 млн. т, 2005/06 г., 2-е место после Бразилии). Индия — крупнейший в мире производитель бананов (ежегодно 16–17 млн. т, около 1/4 мирового сбора), манго (10–11 млн. т, около 2/5 мирового сбора), а также многих других тропических и субтропических фруктов.

По поголовью крупного рогатого скота (около 200 млн. в конце 1990-х гг.) Индия уступает только Бразилии и занимает 1-е место по числу буйволов (90 млн. голов — свыше 1/2 мирового). Однако мясное скотоводство не развито (большая часть населения — вегетарианцы, убой коров запрещен). Крупный рогатый скот широко используется как тягловая сила.

Животноводство, на которое приходится около 23% стоимости сельскохозяйственной продукции (в пустынных районах до 70%, в полупустынных — до 40%) в целом развито недостаточно. Однако оно играет важную роль в пополнении доходов сельской бедноты — безземельных сельскохозяйственных рабочих, владельцев маргинальных и мелких участков земли. Государство осуществляет программу предоставления семьям бедноты животных. Однако острая нехватка выгонно-пастбищных угодий определяет трудности в развитии животноводства.

В этой ситуации особенно ярко проявился чрезвычайный успех в подъёме молочного производства, заслуживающий изучения. С 1970 г. Национальный совет развития молочного производства Индии принял крупнейшую в мире программу развития кооперативного молочного производства — «Операцию поток». Основные цели программы включают: 1) объединение 10 млн. крестьян в 30 тыс. сельских кооперативов; 2) соединение этих производственных центров со 150 городами (с численностью населения более 100 тыс. человек); 3) создание Национальной молочной сети, охватывающей все районы Индии и соединяющей все основные центры производства и потребления молока; 4) содействие молочным кооперативным в деле развития перерабатывающих производств и создания национального молочного стада в 10 млн. буйволов и коров улучшенных пород.

Если с 1950/51 г. по 1969/70 г. производство молока в Индии увеличилось только с 17 до 21 млн. т, то с 1969/70 г. по 2006/07 г. оно возросло с 21 до 101 млн. т. Индия вышла на первое место в мире, обогнав США по производству молока, и добилась самообеспечения по молоку и молочным продуктам, избавившись от прежней зависимости от иностранных ТНК в этой сфере.

Для дальнейшего увеличения сельскохозяйственного производства в Индии предпринимаются меры прежде всего для удвоения темпов роста орошаемых площадей и рационализации водопользования, а также восстановления эродированных земель. Ставится задача диверсификации производства путем расширения возделывания наиболее высокодоходных культур (фруктов, овощей, цветов, специй, лекарственных растений и др.), пользующихся возрастающим спросом на мировом рынке.

Происходящий с 1990-х гг. экономический подъем сопровождается поляризацией в уровнях социально-экономического и регионального развития. Как подчеркивается в концепции XI-й пятилетки, всестороннее развитие страны и решение стоящих задач может стать успешным, если произойдет «Соединение разделений: включение исключенных» («Bridging Divides: Including the Excludes»). Среди опасных линий «разломов» — усиление разрывов в уровнях социально-экономического разрыва между городом и деревней, между штатами и в пределах самих штатов, между округами. Это определяется как одна из главных современных проблем развития Индии — «вызов», на который необходим своевременный ответ государства.

«Сбалансированное региональное развитие представляет важную задачу нашего планирования, и в прошлом для ее решения использовались разные инструменты, включая налоговые льготы, промышленную политику и специальные программы развития. Но некоторые из инструментов, использовавшихся ранее, — такие как политика лицензирования — не применяются в современной экономической обстановке, поскольку капиталовложения не могут направляться в определенные территории. В конкурентном мире капиталовложения должны иметь возможность направляться в места с привлекательным инвестиционным климатом и лучшими инфраструктурными условиями. При этом повышается эффективность, но усиливаются региональные разрывы. Экономический рост среди штатов различается, и развитие более бедных штатов с менее развитой инфраструктурой вызывает беспокойство» [9].

С 1980-х гг., со времени начала постепенной либерализации экономической политики, в Индии усиливаются тенденции ускорения роста и увеличения благосостояния в наиболее развитых южных и западных штатах (Махараштра, Карнатака, Тамилнад, Керала, Андхра-Прадеш, Гуджарат, Пенджаб, Харьяна) и одновременно замедляется рост и ухудшается социально-экономическая ситуация в менее развитых центральных и восточных штатах (Уттар-Прадеш, Мадхья-Прадеш, Бихар, Орисса, Западная Бенгалия, Ассам, а также Раджастан). Первую группу именуют «передовые штаты» (Forward States), вторую — «отсталые штаты» (Backward States). Доля «отсталых штатов» в общей численности беднейшего населения страны возросла с 61,99% в 1983/84 г. до 69,66% в 1999/2000 г., а «передовых штатов» снизилась с 35,57% до 27,77%. Происходящая социально-экономическая территориальная поляризация противоречит задачам региональной интеграции страны и создаёт питательную основу для сепаратизма. Выступая на 4-ой Международной конференции по проблемам федерализма (Нью-Дели, ноябрь 2007 г.), премьер-министр Индии М.Сингх сказал: «Межрегиональное неравенство — главный вы-

зов для больших федераций. Сокращение такого неравенства обязательно для успеха федеральной структуры. Это — важный вызов для Индии»

Диспропорции развития усиливаются и в пределах самих штатов. Так, контрастны различия между крупнейшим в стране, стремительно развивающимся районом Мумбаи (Бомбей) — Пуна в Западной Махараштре и Маратхвадой — восточной частью штата. В штате Андхра-Прадеш велики различия в уровнях развития между прибрежной, наиболее развитой, частью и внутренними районами — Теленгапой и Райялсимой. Западная часть Уттар-Прадеша по уровню развития близка к развитой Харьяно-Пенджабской зоне, а менее развитый Восточный Уттар-Прадеш, соседствующий с отсталым Бихаром, во многом напоминает состояние последнего.

Индия уже имеет опыт того, как региональные диспропорции развития приводят к необходимости существенной территориально-административной реорганизации. Под давлением региональных движений в 2000 г. в стране пришлось создать три новых штата: в горной северо-западной части Уттар-Прадеша выделился штат Уттаранчал; от южной части Бихара отделился штат Джаркханд; в восточной части Мадхья Прадеша был образован штат Чхаттисгарх. Борьба за образование этих новых штатов длилась десятилетиями. Их территории выделялись в составе «старых» штатов особым национально-конфессиональным составом населения, богатством природно-экологических ресурсов и в то же время менее благоприятными условиями социально-экономического развития.

Многие отсталые округа оказываются во все более тяжелом состоянии. В основном это округа, расположенные в зонах неорошаемого земледелия, подверженных природной деградации, имеющих низкий уровень сельскохозяйственного производства, слабо обеспеченных инфраструктурой. В особенно тяжелом состоянии находятся районы, заселенные малыми народами и племенами, жизнь которых тесно связана с лесными промыслами. Их права на лесопользование обычно законодательно не оформлены. Этим пользуются предприниматели, вторгающиеся в эти территории и эксплуатирующие лесные ресурсы, дефицит которых возрастает. Ухудшение условий жизни вызывает протест местного населения, перерастающий в сопротивление.

«Отсталые округа ... представляют бедственную картину дисбалансированности и пренебрежения внутри штатов. Центр и штаты должны совместно решать эту проблему как приоритетную. Мы не можем оставлять обширные части страны заключенными в тюрьму недовольства, несправедливости и отчаяния, которые порождают только экстремизм» [9]. Более четверти округов страны (в основном в отста-

лых штатах и районах) объявлены Министерством внутренних дел «пораженными наксализмом». Наксализм это экстремистское левое движение, представители которого вступают в вооруженную экономическую и политическую борьбу. Как подчеркивают индийские эксперты, «наксализм — это не просто проблема закона и порядка; в основном это проблема развития ... Эффективная земельная реформа могла бы стать самым сильным орудием борьбы с наксализмом» [7].

Сбалансированное региональное развитие внутри штатов должно обеспечиваться самими штатами. Но даже «передовые» штаты (например, Махараштра), располагающие достаточными ресурсами, не решают эти проблемы. Признавая опасность усиления региональных диспропорций и трудность ее решения, правительство принимает новую программу «Фонд грантов для отсталых районов», которая будет осуществляться в XI-й пятилетке.

Истощение невозобновимых природных ресурсов, деградация природно-экологического потенциала, изменение климата — важнейшие проблемы современности, проявляющиеся на глобальном, региональном и локальном уровнях. В Индии с ее довольно ограниченными природными ресурсами и быстро усиливающимся антропогенным давлением проблемы эти обостряются и накладывают отпечаток на отношения между регионами. Премьер-министр Индии М. Сингх подчеркнул, что отношения между индийскими штатами все более осложняются борьбой за раздел вод общих речных бассейнов и других природных ресурсов.

Государство ответило на этот «вызов» принятием «Национальной политики в области окружающей среды» (National Environment Policy — NEP). Эта программа — пример демократически принятого государственного документа, проект которого обсуждался правительственными и научными учреждениями, ассоциациями производителей и неправительственными организациями, многочисленными специалистами. Проект был размещен на сайте Министерства окружающей среды и лесов Индии для комментариев и предложений. Одновременно проводились консультации с федеральными министерствами и правительствами всех 25 штатов и 7 союзных территорий, которым, в свою очередь, рекомендовалось проводить общественные слушания по этому вопросу. Поступавшие предложения изучались, многие из них были включены в окончательную редакцию НЕП, которая была опубликована в октябре 2006 г.

НЕП интегрирует основные принципы, результаты и рекомендации ранее принятых государственных программ. В их числе: Национальная лесная политика, 1988 г.; Национальная стратегия охраны природы и Заявление о политике по окружающей среде и развитию, 1992 г.; Заявление о политике сокращения загрязнения, 1992 г.; Наци-

ональная сельскохозяйственная политика, 2000 г.; Национальная демографическая политика, 2000 г.; Национальная водная политика, 2002 г.

НЕП — часть общей концепции перехода к устойчивому развитию, которая является «ведущей идеей индийской философии развития». Устойчивость развития достигается за счёт взаимосвязанного производственно-экономического и социально-демографического развития на основе рационального использования природно-экологического потенциала страны и ее районов. В проводимой индийским государством политике все большее место уделяется природно-экологическим условиям. Так, приоритетное направление аграрной политики Индии XXI в. — это разработка и реализация регионально дифференцированных стратегий перехода к устойчивому развитию сельского хозяйства и сельских территорий, основанных на учете природно-экологических и социально-экономических условий районов [2]. В конце 1990-х гг. было определено: «Поставленные ... задачи будут реализовываться посредством регионально дифференцированной стратегии, основанной на учете макрорегиональных агрономических, климатических и экологических благоприятных условий» [10]. В Индии общепризнано, что переход к устойчивому развитию представляет интегральный социо-эколого-экономический процесс, базирующийся на региональной основе. «Доминирующая тема НЕП состоит в том, что наиболее надежной базой охраны природы является уверенность людей, зависящих от использования определенных видов ресурсов, что их благополучие улучшится при охране этих ресурсов, а не при их разрушении» [8].

* * *

Государственная политика Индии уникальна в силу многообразия используемых мер и средств, а сама модель развития страны, включая проводимую здесь региональную политику, представляет значительный интерес для России. Государственная политика «крупнейшей демократии мира» базируется на научно обоснованных региональных программах и планах, что обеспечивает динамизм её социально-экономического развития и единство огромной многонациональной страны. В условиях глобализации и осуществления ориентированной на экспорт модели развития Индия проводит гибкую макро-региональную политику, особое место в которой занимает «восточный» вектор. Причина тому — бурный экономический рост азиатских стран.

Пока региональное сотрудничество в Азии развито значительно слабее, чем в Европе и Америке. Так, доля внутреннего экспорта в странах АСЕАН составляла только 22% общего экспорта этого регио-

на, тогда как в Европейском Союзе она достигала 67%, в Североамериканской зоне свободной торговли — 55%. В Экономическом обзоре правительства Индии подчеркивается важность регионального сотрудничества азиатских стран: «Азия остается одним из наименее интегрированных регионов, которому не хватает организации, охватывающей весь регион. Развитие более тесных связей между азиатскими странами путем внедрения соответствующих институциональных механизмов может привести к значительному повышению национальной, региональной и глобальной производительности и масштабов производства» [5].

Индия активно участвует в этом процессе. Так, доля азиатских стран в индийском экспорте выросла с 19,9% в 1990/91 г. до 42,6% в 2003/04 г., превзойдя долю Европейского Союза и США. Между Индией и странами АСЕАН подписаны Основы соглашения о всеобщем экономическом сотрудничестве. Действует ряд двусторонних соглашений об экономическом сотрудничестве между Индией и другими азиатскими странами.

Более активное участие России в расширении регионального сотрудничества в Азии могло бы создать новые точки роста отечественной экономики. Особо важное значение при этом имеют традиционные связи с Индией, которые были ослаблены в минувшее десятилетие. Одним из важных новых направлений российско-индийского сотрудничества может стать взаимодействие в сфере высоких технологий, столь успешно развивающихся в Индии в последние годы, а также обмен опытом проведения экономических преобразований и соблюдения баланса между действием рыночных сил и ролью государства в экономической жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Индия сегодня. Справочно-аналитическое издание. М. 2005. 592 с.
2. *Маляров О.В.* Внешняя торговля Индии. ИВ РАН. М., 2006. 55 с.
3. *Сдасюк Г.В.* Индия. География хозяйства (Развитие территориальной структуры хозяйства в ходе преодоления колониального характера экономики). М., «Мысль». 1975. 367 с.
4. *Сдасюк Г.В.* Индия: переход к САРД в условиях планируемой рыночной экономики и усложняющейся эколого-демографической ситуации // Устойчивое развитие сельского хозяйства и сельских территорий. Зарубежный опыт и проблемы России. ИГ РАН. М. 2005. С. 206–227.
5. Economic Survey 2005–2006. Government of India. New Delhi. 2006
6. India. Vision 2020. Report of the Committee on India Vision 2020. Planning Commission, Government of India. New Delhi. 2004.

7. *Kurian N.J.* Widening Economic & Social Disparities: Implications for India. Review Article. 03.09.2007. 377 p.
8. National Environment Policy 2006. Government of India, Ministry of Environment & Forests. 2006. 52 p.
9. Towards Faster and More Inclusive Growth. An Approach to the 11th Five Year Plan. PC. Govt. of India. June 14, 2006. 80 p.
10. <http://www.thaindian.com/newsportal/india>. November 14th, 2007.

Истоки европейской интеграции: Ганза

С.В. Одессер

Экономическая интеграция, которая определяет лицо современного мирового хозяйства, имеет длительную, многовековую историю. Ранние европейские интеграции носили преимущественно зональный характер. Они объединяли страны, прилегающие к морскому побережью. Морские пути использовались в качестве главного естественного средства связи. Контакты такого типа существовали между странами и городами-государствами Средиземноморского бассейна. Существовали также линейные формы интеграции, простиравшиеся вдоль крупных европейских рек — Рейна, Дуная. Такие города юга Германии, как Нюрнберг и Аугсбург, стали крупными экономическими центрами именно потому, что были связаны как с большой торговой дорогой по Рейну и Северному морю, так и с дорогой по Дунаю.

В литературе традиционно большое внимание уделялось индустриальным революциям, но сравнительно мало изучались революции в развитии торговли, которые сыграли, пожалуй, не меньшую роль в экономическом развитии европейских государств. Примером торговой революции в средневековой Европе является создание и функционирование Ганзы — наиболее крупного межнационального торгового объединения — международного союза торговых городов. Это был *ранний исторический опыт европейской экономической интеграции*. Основу Ганзы составляли германские города, поэтому ее иногда называют первым немецким экономическим «чудом» (если считать вторым «чудом» экономический взлет Германии после второй мировой войны) [3;5].

Как возникла Ганза

Во времена раннего Средневековья, до образования Ганзы, купцы торговали преимущественно поодиночке: сами сопровождали свои караваны до ближайшего рынка или торгового центра, сами брали на себя риск, связанный с путешествием по опасным дорогам. К этим сложностям добавлялись большие расходы на оплату таможенных пошлин и налогов. Для улучшения условий торговли купцы, испытывавшие сходные трудности, объединялись. Купец, принятый в со-

юз, за определенную плату получал право заниматься торговлей не только в своей стране, но и на иностранной территории. Начиная с XI века в Европе существовало несколько ганзейских союзов. Наиболее старый из них — Валенсийская Ганза. Известен также Ганзейский союз семнадцати городов Фландрии (часть современных Бельгии и Голландии), Лотарингии и Севера Франции, который ещё в 1230 г. принял попытку регулирования торговли. Однако эта Ганза просуществовала сравнительно недолго и в XIV в. пришла в упадок. В 1160 г. возник союз купцов, связанных с торговым центром на острове Готланд в Балтийском море. В рамках этого объединения наметилось разделение труда: одни были заняты непосредственно продажей товара, другие — охраной транспорта, третьи оставались в своих конторах и занимались приобретением новых товаров, организацией поездок, бухгалтерией, хранением товаров. В купеческую практику вошли переписка и безналичный расчет.

Опыт согласованной торговли оказался удачным, и имел много последователей. Так родилась идея Ганзы — сначала как объединения купцов, а затем, после торгового договора между Любеком и Гамбургом в 1241 г. — союза городов. Со временем в Ганзу вошли торговые города побережья Северного и Балтийского морей, а также внутренних районов Европы. Расцвет Ганзы начался с завоеванием ею господства на Балтийском море.

Название союза произошло от старого верхненемецкого слова *Hansa*, которое первоначально означало военную группировку, позднее — купеческую гильдию, затем союз купцов. Впервые союз торговых (преимущественно немецких) городов назвал «ганзой» английский король Генрих III в 1267 г. Но только в 1282 г. (по другой версии — в 1358 г.) это название стали использовать сами немецкие купцы [14;15].

Ганза объединила страны, районы, города, прилегающие к Северному и Балтийскому морям, в *единое экономическое пространство, принесла с собой право, порядок и мирную торговлю*. Во времена расцвета Ганзы, еще задолго до начала эры свободной торговли, среди ганзейских городов процветала беспошлинная, а также основанная на льготных таможенных тарифах торговля. У Ганзы не было конституции и исполнительных органов. Она не выпускала собственные деньги. Не считая Ганзетага (Съезда Ганзы), она не располагала и организационными учреждениями. Ганза вела войны, не имея при этом ни собственного флота, ни армии. Она функционировала на европейской арене фактически как крупная держава и просуществовала почти 500 лет, оказав выдающееся влияние на развитие торговли и хозяйственной жизни в Европе и во всем мире.

Деятельность Ганзы охватывала разветвленную сеть городов-торговых центров. Важнейшим из них был Любек, который стал форпостом Ганзейского союза в западной части Прибалтики. Членами Ганзы были Рига, Тарту, Вильнюс, Гамбург, Бремен, Кельн, Дортмунд. Закрытые ганзейские поселения возникли в Новгороде и Брюгге, Лондоне и Бергене. В разное время членами торгового союза были 160-170 городов. В течение всего лишь столетия сложилась огромная конфедерация свободных морских городов от Атлантики до Финского залива. Ганзейский союз имел иерархическое строение. Он включал несколько меньших по своему масштабу союзов. Самым важным из них был Вендско-саксонский «квартет», объединивший Гамбург, Бремен, Любек, Висмар и Росток. Следующей по значению была Вестфальская группа городов. Во главе ее стоял Кельн. Существовала также Ливонская группа городов. Сначала во главе ее стоял Висбю — торговый центр на острове Готланд в Балтийском море. Позже группу возглавил Ревель (ныне Таллин). Эти три главные группы городов составляли как бы треугольник, который был сердцевинной всей Ганзы. Каждый из входивших в Ганзейский союз городов имел зависимые города или пригороды [2].

Специфика Ганзы состояла прежде всего в единстве, сплоченности входивших в неё городов в борьбе за свои интересы и торговые привилегии, в то время как, например, итальянские торговые города-государства — Венеция, Флоренция, Генуя, Милан — самым жестоким образом конкурировали и даже воевали друг с другом. Возможно, объединению ганзейских городов способствовала их относительная малочисленность и слабость. Любек — наиболее могущественный город Ганзы — имел в начале XIV в. всего 20 тыс. жителей. Для сравнения, численность населения итальянских городов-государств в то время измерялась сотнями тысяч.

Ганзейская торговля стимулировала развитие производства, выполняла функции посредника, связывая друг с другом европейские районы и центры различной специализации. Так, Фландрия в то время была известна выпуском сукна, прирейнские центры специализировались на производстве изделий из железа, Россия поставляла меха, мед, воск, восточные районы Германии производили товарный хлеб, на юге Скандинавии находились важные районы рыболовства.

В процессе колонизации восточных районов центр тяжести Ганзы все больше перемещался в сторону Прибалтики, и Ганзейский союз все более специализировался на морской торговле. Созданный купцами Ганзы новый тип грузового судна — когге — был хорошо оснащен для плавания в открытых морях и имел большую емкость и грузоподъемность (60-80 т), что было важно для перевозки массовых грузов. Ганзейские купцы в год перевозили порядка 220 тыс. т грузов,

располагая при этом более чем тысячей судов. По сравнению с традиционной южной торговлей объем торгового оборота Ганзы был колоссален (через Альпы в год перевозилось всего лишь около 1200 т грузов) [15].

ЧЕМ ТОРГОВАЛА ГАНЗА

В доганзейский период торговля ориентировалась преимущественно на состоятельных покупателей, составлявших небольшую часть населения. Ввозились ценные товары, имевшие малые габариты и небольшой вес, но приносявшие большую прибыль. Более дешевую, более емкую продукцию перевозить на далекие расстояния было невыгодно вследствие дороговизны транспорта, высоких накладных расходов и большого коммерческого риска. Особенно большим спросом в Европе пользовались пряности (специи) и меха.

Ганза развивала в XIV–XV вв. главным образом массовую торговлю объемной и более дешевой продукцией: продовольствием — хлебом, рыбой, солью, салом, а также древесиной, металлической рудой. Дальность перевозок не превышала, как правило, нескольких сотен километров. Для сравнения: купцы, привозившие перец с Молуккских островов, совершали почти половину кругосветного путешествия. Перевозка массовых грузов, занимавших большие объемы в корабельных трюмах, создавала благоприятные предпосылки для дальнейшего развития судоходства. Уже в ганзейские времена сырье направлялось в основном с Востока на Запад, а готовые товары в противоположном направлении. В рамках ганзейской торговли через города Пруссии перевозили железную и свинцовую руду из Венгрии, медь из Кракова по реке Висле. Из Пруссии в сферу западной торговли попадали зерно и древесина.

В Средние века прусское судостроение, наряду с любекским, считалось наиболее крупным на пространстве между Лиссабоном и Нарвой. Через прусский город Данциг, ныне польский город Гданьск, на европейский рынок поступал также янтарь. В Любеке из янтаря производили четки для христиан и мусульман. Вендские города, а также города Померании, Мекленбурга, Бранденбурга являлись поставщиками зерна, а также муки, крупы и солода. В случае неурожая ганзейские суда везли зерно не только на европейский Север, но даже на Восток, в Новгород. В староганзейские времена Краков называли медным домом Ганзы, Ревель — восковым и льняным домом, Ригу — пеньковым и масляным домом, Росток — солодовым домом, Данциг — зерновым домом Ганзы. Любек назывался закупочным домом Ганзы, потому что он участвовал во всех видах торговли. Люнебург называли соляным домом. Название лишь частично отражало хозяйст-

венную и торговую специализацию того или иного города, особенно крупного. Так, Кельн был, разумеется, не только винным домом Ганзы, Гамбург — не только пивным, Магдебург — не только пекарным, а Брауншвейг — не только ткацким домом Ганзы.

Рыбная торговля. Рыба в то время была важнейшим продуктом питания горожан. Она становилась основной едой во время христианских постов. Поэтому рыба (в основном сельдь) являлась важнейшим товаром Ганзы. Балтийский порт Штеттин (ныне Щецин в Польше) благодаря своей специализации на рыбной торговле получил название «рыбный дом Ганзы». Рыбий, тюлений жир и другие продукты морского зверобойного промысла поставляли на рынок главным образом норвежские моряки через порт Берген [8]. Рыболовство способствовало развитию и процветанию судоходства, поскольку каждый год в сезон рыбной ловли, который продолжался с июля до ноября, тысячи купцов и ремесленников курсировали между центрами рыболовства и рыбороторговли. Перевес в рыбной торговле Ганза потеряла только тогда, когда голландские купцы начали ловить рыбу в открытом море — в южной части Северного моря.

Торговля сукном. Особенно популярно на европейских рынках было сукно из Фландрии, а позже — английское сукно. Ганзейские купцы (как правило, немцы) покупали сукно преимущественно в Брюгге — важнейшем в то время центре европейской торговли, а также в Женеве, Уперне и других городах. Тонкое черное сукно выделялось в Кельне. Из него шили одежду для священников. Низкокачественное, дешевое сукно производилось в польских городах, однако немецкие купцы покупали его неохотно, так как оно «портило», снижало цены. Интересно, что законодателем моды на одежду в то время была Фландрия, что помогало ей конкурировать в торговле сукном. Ганзейские купцы покупали одежду для себя «только в Брюгге». Огромный зал торговли сукном в этом городе поражал современников своими размерами — он имел длину 132 м! В суконном деле трудилось 60% горожан. Выделка дорогих, нарядных тканей была налажена в Женеве. Уже в ганзейские времена там было развито персональное обслуживание клиентов и самым тщательным образом учитывались различия во вкусах потребителей.

Торговля вином. Виноградарство была развито даже в тех районах, где ныне об этом уже и не помнят. Монахи умело и тщательно ухаживали за виноградниками. Поэтому виноград плодоносил и в Мекленбурге, и в Пруссии, и в Дании, и даже в Норвегии. В те времена уровень потребления вина в Европе было гораздо выше, чем в наши дни. В винных погребах пили вино со специями и глинтвейн. В вин-

ных ресторанах при ратушах, которые находились под контролем городских властей, подавали благородные вина. Высоко ценилось рейнское вино, центром торговли которым был «винный дом Ганзы» Кельн. Во многих европейских городах продавались иностранные вина: французские, испанские, итальянские. Часто вино использовали как снотворный напиток. Крепкое вино — Brantwein (Aqua vitae — «живая вода») использовалось в основном в медицинских целях, и его можно было найти только в аптеках.

Торговля пивом. Вплоть до XIII века в Северной Германии, а также в Англии пили преимущественно пиво типа «грутбир». Оно не могло долго храниться, и его трудно было экспортировать. Со временем оно было заменено хмельным пивом, так как хмель обладал консервирующим действием. Пиво «Грутбир» вымерло в Германии, но его до сих пор пьют в Швеции и Норвегии. Родиной нижнегерманского хмельного пива — первого экспортного пива — был небольшой город Айнбек в Нижней Саксонии. Документы о начале его экспорта относятся к 1351 г. В Мюнхене из айнбекского пива получилось известное баварское крепкое сладкое пиво «бокбир» (Оамбок — по-баварски — Айнбек). Так что «бокбир» не является таким уж «древнебаварским». Маленький Айнбек вынужден был уступить свое лидерство в производстве и экспорте пива более крупным и богатым городам — Гамбургу, Висмару и Бремену. Для собственного потребления пиво варилось в каждом городе, почти в каждом доме. Пивным домом Ганзы считался в течение нескольких столетий Гамбург. Во второй половине XIV века в Гамбурге работало несколько сот пивоваренных предприятий. Большая их часть снабжала пивом Амстердам. Висмар заметно уступал Гамбургу по количеству произведенного пива, но не по качеству.

Торговля специями приносила баснословные прибыли — их покупали, несмотря на чрезвычайно высокие цены. Во времена Ганзы все привезенные с Востока специи назывались перцем. «Pfeffersack» («мешок с перцем») называли купцов, обогатившихся на заморской торговле пряностями. В более позднее время специи получили название «колониальные товары». Однако прежнее собирательное значение слова «перец» сохранилось до наших дней в названиях рождественских сладостей со специями: «Pfefferkuchen» — печеные изделия, «Pfeffernusser» — жареные орешки [13].

Торговля солью. Соль считалась еще в древности божественным даром. Соли придавалась сверхъестественная сила благодаря ее давно известным лечебным свойствам. Еще у древних римлян была поговорка «нет ничего целебнее соли и солнца». Во времена Ганзы

соль находила широкое применение прежде всего как пищевой продукт, средство консервирования, а также в кожевенном деле. Ганза снабжала солью огромные территории на Западе и на Востоке, в частности, Россию. Основным центром добычи и торговли солью в Северной Германии был Люнебург, который благодаря этому стал одним из самых богатых немецких городов. Подводы с солью по «старому соляному пути» от солеварен Люнебурга, через Лауэнбург и Мельн, попадали в Любек, соляные склады которого сохранились до сегодняшнего дня. Отсюда соль доставлялась в балтийские порты — к местам засолки сельди. Большое количество соли ганзейские купцы везли с западного побережья Франции и из Лиссабона. Соль была обратным, так называемым балластным грузом, чем обеспечивала рентабельность перевозок [11; 13].

Торговля мехами. Меховые изделия высоко ценились в Европе. Наряду с их значением как удобной и теплой верхней одежды, меха были признаком принадлежности к высшему слою общества. Главным поставщиком мехов на европейский рынок был Новгород, хинтерланд которого охватывал весь Север России вплоть до Сибири. В то время европейский рынок мехов полностью зависел от стран и районов, богатых пушными ресурсами. В наше время разведение на звероводческих фермах ценных пушных зверей для получения шкур в большой степени ликвидировало эту зависимость.

ГАНЗА И ПРИБАЛТИКА

Ганза, ганзейские конторы распространились по всей Европе, прежде всего в ее северной части. Однако ядром её стала Прибалтика и само Балтийское море. Между тем, далеко не сразу этот район повернулся лицом к Европе, стал европейским. Главную роль в этом «повороте» сыграла именно Ганза, а в рамках Ганзы — немецкие купцы. В доганзейскую эпоху огромная территория Прибалтики была редко заселена и слабо освоена экономически. Как на скандинавском, так и на славянском побережье экономическая жизнь носила в основном крестьянский характер. В районах славянского заселения земледелие находилось на ранней стадии развития. Уровень экономического развития западно-славянских племен, балтийских пруссов и куршей, а также финнов был ниже, чем уровень развития северо-германских народов и германских племен, граничивших с ними на западе. Соседние немцы оказали большое влияние на экономическое развитие славян.

В этих условиях в Прибалтике и на Северо-Востоке Европы сколько-нибудь значительная и регулярная торговля почти отсутствовала. Вели торговлю пришедшие из Швеции норманны. Имеется мно-

го свидетельств, выявляющих зачастую насильственный характер торговли викингов. Морская торговля сопровождалась грабежом. Воротами на Запад служил Хайтхабу (ныне немецкий город Шлезвиг). Воротами на Восток, а также на русский Юг и в Переднюю Азию являлся Новгород.

Немцы поначалу не имели выхода к Балтийскому морю. Однако постепенно они внедрились в балтийскую торговлю и изменили ее характер. Немецкие купцы существенно усилили направление торговли с Востока на Запад — «широтное направление», сделали его преобладающим. По аналогии с метеорологическими процессами, его можно назвать западно-восточным «торговым переносом». Сукно из Фландрии и изделия ремесленников из Северо-Западной Европы переправлялись сухопутным путем в Шлезвиг. Там, благодаря посредничеству немецких купцов, они обменивались на популярную в то время новгородскую пушнину.

Своим появлением на Балтике немецкие купцы дали первый импульс к новой экономической ориентации Прибалтийского (Остзейского) пространства, которое до того времени представляло собой в значительной степени замкнутый мир, ориентированный преимущественно на Восток. Именно ганзейские купцы повернули развитие Прибалтийского региона лицом к Европе, сделали его частью Европы. Ганза внесла выдающийся вклад в хозяйственное и торговое освоение этого района, повысив уровень его экономического развития. Произошла консолидация Средней и Северной Европы вокруг Прибалтики и побережья Северного моря, формирование здесь единого экономического пространства. Немецкие купцы, раньше освоившие городские формы жизни и методы торговли, привнесли в Прибалтику свои правовые нормы и представления, необходимые для развития мирной торговли. Конечно, пионерами освоения этого региона были викинги. Однако путь викингов — это часто путь войны и авантюры, тогда как ганзейские купцы привнесли порядок, право и мир. Не насилие, а право, которое часто трудно было отстаивать, — таковы были оружие и защита ганзейских купцов [9]. Вступление прибалтийских республик, ранее входивших в СССР, в Европейский Союз многими рассматривается как продолжение старых связей, старых традиций Ганзы.

Россия и Ганза

Когда в русской литературе пишут об экономическом расцвете Новгорода в XIII–XV вв., часто в качестве важной причины называют его принадлежность к Ганзе. На самом деле, в отличие от Любека, Гамбурга, Кельна, Новгород, как и Лондон и Берген, никогда не был

членом Ганзы. Но здесь были созданы купеческие конторы — опорные пункты Ганзы за пределами Германии. Из всех городов, находящихся ныне на территории России, единственным членом Ганзы был Калининград (до 1946 года — Кенигсберг). Однако в те времена он относился к Немецкому ордену, а позже стал столицей Восточной Пруссии.

Конторы представляли собой внешние посты Ганзы как экономической и политической общности и управлялись из германских центров. Отношения контор с принявшей их страной устанавливались договорами, которые заключали сами конторы или Ганза в целом. Ганзейские конторы на территории Руси, как и в других странах, жили по тем же законам, что и ганзейские города — члены Ганзы. Но если в этих городах купечество было тесно связано с местным населением, с городскими структурами, то жизнь в конторах была обособленной. Здесь можно вполне говорить о монастырских порядках или казарменном положении. Конторы Ганзы были мужскими сообществами, не допускавшими на свою территорию женщин. Безбрачие вообще и безусловный запрет вступать в брак с местными женщинами были нормой жизни. Замкнутость, а также различия в языке, религии и традициях между ганзеатами и принявшими их народами усиливали обособленность контор. В России такая обособленность была особенно сильна.

Несмотря на риск и опасности, ганзейская торговля в Новгороде процветала, так как была чрезвычайно выгодна. Можно даже считать, что значение Новгорода для Ганзы было решающим. Ведь поначалу прибалтийские территории экономически были развиты слабо, а Новгородская республика представляла собой экономически мощное государственное образование. Новгороду удалось спастись от монгольского нашествия и остаться независимым. До XVIII в. он назывался Великим Новгородом (с 1999 г. его стали называть так снова). На рубеже XIII и XIV веков Новгород с его населением около 50 тыс. человек считался одним из самых крупных городов Европы. По величине и экономической мощи он существенно превосходил северогерманские города. С конца 80-х годов XII в. Новгород стал торговать с Любеком. С 1187 года, в соответствии с грамотой императора Фридриха Барбароссы, эта торговля велась беспошлинно и стала настолько успешной, что к концу XIII в. немцы-ганзейцы вытеснили из торговли с Новгородом конкурентов: датчан и немцев с острова Готланд. На правом берегу реки Волхов, на так называемой Торговой стороне, любекские купцы построили свой двор — Петерсхоф — и возвели церковь Святого Петра [13; 14].

Петерсхоф был отделен от города защитной стеной, которая в экстренных случаях обеспечивала защиту. Такие случаи имелись: од-

но нападение на ганзейский двор произошло в 1331 г. после убийства немцами одного из новгородцев во время драки. Через несколько лет, когда до Новгорода дошла свирепствовавшая во всей Европе чума, в ее распространении обвинили «немецкие» деньги. Снова гнев народа обратился против купцов, вынужденных бежать из Петерсхофа. В 1385 году произошел пожар, сгорела вся торговая сторона Новгорода. Немецкие купцы пострадали не только от пожара, но и от грабежей и разбоя [4].

Центром Петерсхофа была немецкая церковь, которая играла также роль ратуши, товарного склада, торгового центра, архива и сокровищницы. В особых залах купцы раскладывали образцы своих товаров, для осмотра которых на двор приходили русские покупатели. Вокруг церкви были расположены склады и жилые помещения. При дворе существовали богадельни, бани и др. Во главе купечества Петерсхофа стояли старейшины. Немцы в Новгороде не проживали постоянно. Одна группа купцов приезжала на лето, а другая зимовала в городе. Ранней весной купцы плыли по Неве (Петербурга тогда не существовало), далее по Ладожскому озеру, затем вверх по реке Волхов. Тем же путем они возвращались назад до наступления зимы. «Летняя» и «зимняя» группы купцов регулярно сменяли друг друга. До устья Волхова товары перевозились ганзейскими судами когге. Далее они перегружались на более легкие суда, которыми управляли «Vorschkerlen» (нижненемецкое Vorsch означает пороги, стремнины, которых было много на реке Волхов, Kerlen — парни) [13]. Контакты с местным русским населением были ограничены прежде всего из-за незнания языка. Для связей с новгородскими учреждениями и купцами использовался переводчик. Русским не доверяли, поэтому для заключения торговых сделок привлекались «нейтральные» свидетели [9].

В доганзейское время в Новгороде преобладала внутренняя торговля ремесленными изделиями. Сами ремесленники были одновременно и торговцами. Позже торговцы выделились в особый класс. Купля-продажа происходила на городском рынке, который назывался «торгом». Цены на хлеб и другие продукты, поступавшие из деревни в город, зависели главным образом от урожая. В голодные годы цены на хлеб поднимались так высоко, что многие жители уходили в другие земли и города — Киев, Смоленск. Преимущественной формой торговли был обмен одних товаров на другие. XII–XV вв. были для Новгорода безмонетным периодом. В обращении находились крупные серебряные слитки весом около 200 г — гривны серебра. Правда, во времена Рюрика были в ходу металлические монеты. Однако со времени нападения на русские земли монголов и изоляции Новгорода монеты почти исчезли из употребления. Роль более мелких денег вы-

полняли различные товары, от беличьих шкурок до украшений. Только к началу XV века в Новгороде, как и в Пскове было разрешено использование немецких серебряных монет. В тот период в обоих городах стали чеканиться также собственные монеты.

Новгородских купцов, торговавших с другими странами, а также с другими княжествами Руси, называли «гостями», а также «заморскими» купцами. Иностранные купцы назывались «чужеземцами», «немцами». Новгородские купеческие корпорации (товарищества) были сходны с западноевропейскими гильдиями. Многие русские купцы, как и ганзейские, пользовались кредитами, но кредитные отношения между обеими группами купцов отсутствовали. Пользоваться кредитами и создавать смешанные компании с русскими ганзейским купцам было запрещено. Отношения между кредиторами и купцами регулировались законами русских купеческих товариществ. Для торговых поездок купцы объединялись в вооруженные караваны, но даже они часто становились жертвами нападений, и торговые суда тонули вместе с грузами. Пострадавшему купцу предоставлялась рассрочка для возвращения ссуды. Но если купец пропивал или проигрывал чужой товар или чужие деньги, то он попадал во власть кредитора. В договоры русских купцов с ганзейскими включались статьи, защищающие права купцов. Устанавливался штраф за убийство новгородского купца, за его незаконный арест [4].

Значительная часть торговли Новгорода и всей Руси с Западом велась через Ригу и Ревель. Эти города, лежавшие на торговых путях в Россию, возникли вблизи зимних стоянок готландских, а также русских купцов. Рига и Ревель, а также Дерпт (ныне Тарту) извлекали большую выгоду от перегрузки направляемых в Россию транзитных товаров. Все три города были членами Ганзы. В Риге и Ревеле русские торговцы имели право находиться лишь временно. В Дерпте же, на левом берегу реки Эмба, существовал специальный русский квартал. В Ревеле товары перегружались с более крупных когге на более мелкие суда, которые затем доставляли грузы к устью реки Нарвы. Из Риги грузы на баржах и ладьях перевозились вверх по реке Двине (Даугаве). Для транспортировки грузов до Дерпта использовались как сухопутные дороги, так и водные пути. Затем товары погружались на ладьи и переправлялись к озеру Пайпус (известному нам как Чудское озеро). В конечном счете товары попадали в Новгород и Псков (немцы называли его Плескау), в Полоцк и Смоленск. Смоленск и Полоцк были на переднем плане торговых интересов Риги. Первый торговый договор со Смоленском был заключен в 1229 г. Его подписали купцы из Висбю, Любека, Дортмунда, Гронингена, Бремена, Риги и других городов. В Полоцке существовал немецкий торговый филиал, однако, в отличие от Новгорода немецкие купцы жили там рассредоточено, по

всему городу. В Пскове до 1530 г. не было ганзейского торгового двора, так как торговлю с Псковом — посредническую между русскими и немцами — пытался сосредоточить в своих руках Дерпт. По-видимому, Дерпт в прежние времена превосходил другие города по объему торговли с русскими [9].

Новгород торговал прежде всего пушниной, которая поступала в город в виде дани от подвластных ему северных племен, а также, по-видимому, в виде крестьянского оброка. Поставщиками мехов являлись обширные лесные районы между Ливонией на Западе и Московским княжеством на Востоке, а также огромные территории, прилегавшие к Белому морю и Северному Ледовитому океану, включая и Зауралье. Ганзе удалось завоевать монопольное положение в торговле мехами [9; 13].

Важным продуктом новгородского экспорта был также воск, спрос на который в христианских странах был очень велик. В ганзейские времена воск в больших количествах использовался при изготовлении свечей. Потребителями воска были также многочисленные княжеские и городские канцелярии. Из воска изготавливались модели для литья в ювелирном деле. Корпорация купцов-вощников «Иванское сто» существовала в Новгороде, очевидно, уже в XII веке [4].

Путь Ганзы в Новгород был проложен также ганзейской монополией на торговлю солью. Соль экспортировалась в Новгород, в Россию через порты Любек и Данциг. В благоприятные годы в Ревель и Ригу приходило до 50 судов, нагруженных солью. Еще большее количество судов приходило в Данциг. Интенсивное развитие соляной торговли началось в первой половине XIII века. В 1235–1240 гг. Святополк — поморский князь — предоставил Любеку привилегии в торговле солью на его земле. Из всех импортных продуктов соль была предметом наиболее массового потребления. Соль, а также пряности пользовались популярностью на русском рынке из-за однообразия здешней пищи. Между тем, Север Руси был беден солью. Любек получал соль из Люнебурга — традиционного района ее добычи. Позже, когда люнебургской соли оказалось недостаточно, ганзейские корабли стали ее ввозить также с французского западного побережья [11]. Направляясь в обратный путь, немецкие купцы грузили на свои суда, наряду с мехами, продукты русского лесного хозяйства — древесину, а также смолу, деготь, золу, которые были незаменимы в производстве и крашении сукна и в судостроении [13].

Новгород импортировал из Прибалтики янтарь и изделия из него (кресты, бусы, перстни). Но чаще ганзейские купцы привозили янтарь в необработанном виде. Его обрабатывали местные новгородские ремесленники. Из-за конфликтных отношений с Немецким орде-

ном в XIII веке ввоз янтаря из Прибалтики резко уменьшился, что неблагоприятно отразилось на развитии ювелирного дела [9; 13].

Закат ганзейской торговли с Новгородом начался задолго до упадка самой Ганзы. Новгородская республика, покоренная Иваном III — великим московским князем, в 1478 г. прекратила свое существование, а новгородские земли были присоединены к Москве. Большая часть населения Новгорода была принудительно выселена. Были насильственно угнаны в Москву также и немецкие купцы, многие из которых при этом погибли. Двор Святого Петра в Новгороде просуществовал до 1494 г. В XVI в. Ганза лишилась своих привилегий в торговле с Россией, что ухудшило ее положение на европейском рынке, а Новгород перестал играть столь важную прежде экономическую роль. Русские цари изменили направление российской торговли, для которой был проложен новый маршрут — через Москву [4].

Купцы Ганзы

Главной движущей силой в развитии торговли, в развитии Ганзы являлись сами купцы. Согласно этическим представлениям первого тысячелетия, деятельность купцов, покупавших товары по более низким ценам и продававших их по более высоким, считалась сомнительной, нечестной. Купцы вызывали недоверие у крестьян, аристократы относились к ним с высокомерием. Церковь считала промысел торговца негодным богоу. В обществе раннего средневековья купец оставался «парией». Здесь в какой-то мере просматривается аналогия с Россией: в советское время частная торговля была «проклятой» профессией. Противозаконной была «спекуляция» как разновидность торговли, которая несколько смягчала перманентное состояние дефицита в стране. Христиане средневековья, как и коммунисты, не принимали во внимание труд торговцев. А ведь и купцы, и «спекулянты» затрачивали большие усилия, чтобы доставить «нужный товар» из одного места в другое, рискуя при этом свободой и даже жизнью.

Основополагающим изменением в общественном положении купцов примерно с начала второго тысячелетия явилось признание их как сословия и предоставление им иммунитета — особого правового статуса, защиты в их отношениях с князьями и аристократами. С XII в. борьба купцов с аристократами сменилась сотрудничеством с ними, особенно активным при основании городов. Например, рейнские и вестфальские купцы оказали большую помощь герцогу Генриху Льву при основании Любека. А любекские купцы получили равные с другими сословиями права. Ганза всегда уделяла большое внимание правовому обеспечению купцов. Сначала это касалось их личной безопасности, затем привилегий, дававшим преимущества перед други-

ми, неганзейскими купцами. Позже было разработано специальное ганзейское торговое (купеческое) право. Оно впервые было записано в Любеке в 1225 г. и со временем принято почти во всех городах Прибалтики.

Углубившееся разделение труда между купцами, моряками и судовладельцами привело к возникновению правовых проблем и, соответственно, к разработке правовых норм для совместных морских поездок — на случай бедствия на море, пиратства, необходимости возмещения ущерба. Основные принципы морского права впервые были разработаны в Гамбурге. Их использовали при создании морского и судоходного законодательства, принятого в 1299 г. также в Любеке и распространенного на всю Ганзу. В итоге ни одно другое сословие Средневековья не имело столь подробного правового законодательства и хорошо разработанных правовых отношений, как купечество. Со временем купец из второстепенного члена общества превратился в одну из центральных фигур, в носителя новых общественных отношений, которые были призваны со временем взорвать феодализм.

В раннем Средневековье купцы большую часть своей жизни проводили в пути, по крайней мере, в летнее время. Плавать по морям в те времена было опасно, а сухопутные дороги были к тому же и труднопроходимы. На дорогах Средневековья взимались бесчисленные дорожные и таможенные пошлины, а купцы были бессильны что-либо изменить. При этом с римского времени землевладельцы совершенно не заботились о состоянии дорог. Тем более никто не пытался расширить дорожную сеть [7].

Свои ценные грузы купцы перевозили на простых, как правило, четырехколесных повозках. Если из-за непогоды дороги становились непроходимыми, то рядом с основным прокладывался новый путь. Таким образом, ширина трассы увеличивалась и доходила до 1 км. Это вызывало со стороны владельцев земель протест и соответствующие санкции. В таких трудных условиях имело смысл перевозить только очень ценные и прибыльные товары.

В раннеганзейское время из-за трудностей перемещения по сухопутным дорогам купцы предпочитали водные пути. Чем вязнуть на повозках на болотистых дорогах, проще было перетаскивать легкие лодки через сухопутные отрезки пути — водоразделы, тем более что количество товаров и их вес были сравнительно невелики. На море в то время использовались узкие, плоскодонные лодки викингов. Их грузоподъемность составляла в среднем 60 т. Кто видел такие суда, может оценить мужество плававших на них купцов и моряков, их готовность к риску. Естественно, купцы предпочитали не отдаляться от берега. Они каждый вечер становились на якорь и ночевали на суше, где можно было также переждать штормовую погоду и туман. Купцы

путешествовали по морю только с весны до осени. Но даже это было опасно, особенно в случае выхода в открытое море. Одномачтовое широкое грузовое судно когге купцы Ганзы сконструировали примерно в XIII в. Отличаясь устойчивостью и маневренностью, оно было удобно для перевозки более массовых грузов. В XIV в. появился новый двухмачтовый «пузатый» корабль холк, имевший большую по сравнению с когге площадь парусов и грузоподъемность [7; 15].

Во времена раннего Средневековья люди, занимавшиеся заграничной торговлей, лишь условно могли называться купцами. Это были прежде всего воины-викинги, завоеватели, грабители, отважные мореплаватели. По свидетельству историков и археологов, часть монет викингов имела мирное, торговое происхождение. В то же время, согласно исландским сагам, довольно часто торговые путешествия викингов завершались тем, что они нападали на местное население и силой брали то, что им не удалось получить путем обмена. В раннем средневековье торговля и грабеж шли рядом, рука об руку. Со временем, однако, воины-викинги полностью «переквалифицировались» в торговцев.

Даже те купцы, которые не были сами грабителями, иногда вынуждены были прибегать к насилию при встречах с пиратами и разбойниками. Купцы имели право носить меч, могла наниматься и охрана. Однако перед князьями — владельцами земель они были беззащитны. Те налагали порой на купцов чрезмерные пошлины или просто-напросто отнимали их товары.

Раннеганзейские купцы были кочующими, путешествующими торговцами, они долго находились в пути и не могли выполнять другие функции, требовавшие их присутствия дома. Необходимость взаимной защиты, но также и потребность в общении привели к формированию клятвенных купеческих союзов (сообществ), которые часто включали не только самих купцов, но и моряков, водивших торговые суда. Это единение купцов и моряков было отражено, например, в городской печати Любека, а также в городских печатях других приморских ганзейских городов — Штральзунда, Киля, Висмара. Из таких клятвенных сообществ возникли затем купеческие компании, или общества, объединенные географическим направлением торговых поездок. В Любеке таких обществ было 10, в Кельне — 6, в Гамбурге — только 3. В Любекскую компанию купцов, ездивших, например, в Берген, входило до 200 человек [7].

По своему богатству ганзейские купцы существенно уступали наиболее крупным ранним капиталистам Южной Германии. Так, в начале XVI в. состояние Фуггера или Вельзера более чем в 10 раз превосходило состояние богатейшего любекского купца. Вместе с тем,

ганзейские купцы были в десятки и даже сотни раз богаче, чем местные ремесленники.

Приблизительно с середины XIII в. ганзейские дальние купцы, в недавнем прошлом кочевавшие по всему свету, перешли к преимущественно оседлому образу жизни. Это стало революционным явлением в торговом мире Северной Европы. Вместо купцов товар сопровождали в дороге и непосредственно занимались его продажей специальные поверенные — приказчики. Сами купцы принимали заказы, занимались бухгалтерией, следили за состоянием рынков, колебаниями цен и проч. У них освободилось время для ведения дел одновременно на разных рынках Европы. Они повсюду приобрели надежных деловых партнеров и своих представителей. Кочующие купцы превратились в оседлых оптовых торговцев, которые из своего бюро направляли и контролировали потоки товаров и людей. Это способствовало усилению всей Ганзы.

Возрастал образовательный и профессиональный уровень купцов. Письменный язык все больше внедрялся в торговое делопроизводство. Налаживалась деловая переписка. Появились долговые книги (в Гамбурге — в 1270 г., в Любеке — в 1277 г.), важные для надежности торговых сделок. То, что заносилось в долговую книгу, в спорном случае имело силу доказательства. Произошел переход от простого устного заключения сделок к письменным, официально заверенным торговым и кредитным договорам. Это изменение также сыграло важнейшую роль в развитии торговли.

Представители нового, «оседлого» слоя купцов стали мыслить в иных масштабах. Именно они превратили Ганзу во второй половине XIII столетия из союза купцов в союз городов. Они уверенно завоевывали для себя привилегии на чужих рынках. С помощью торговых бойкотов они добивались покорности, например, Норвегии и Фландрии.

И еще два обстоятельства бытового плана внесли вклад в процветание торговли: в конце XIII в. стали широко использоваться оконное стекло и очки, которые улучшили условия работы купцов. Особая полезность очков обусловлена слишком тусклым светом свечей, при которых купцам приходилось работать в бюро. Вставив оконные стекла, купцы стали меньше мерзнуть в своих помещениях в зимнее время [7].

В 1262 г. в Любеке была открыта уже вторая латинская школа, а в 1300 году в каждом из четырех приходов города существовала начальная школа. Образование стало компетенцией городской власти и общественности. Решение о финансировании образования было принято городскими властями вопреки ожесточенному сопротивлению со стороны духовенства, которое до того времени являлось монополистом в этой сфере. Примерно в то же время или немного поз-

же были открыты школы также и в других немецких торговых городах. Юноша 12–13 лет, которого брали учеником в купеческую контору, как правило, уже умел читать и писать. Последующее обучение включало: бухгалтерский учет, счетоводство, товароведение, тренировку памяти. Последняя была особенно важна, с учетом все еще большой роли устного слова. Немецкие и другие ганзейские города имеют старинные традиции не только университетского, но прежде всего школьного и торгового обучения. Уже в средневековые успешно решались вопросы светского образования, отделенного от религиозного.

Двойная система бухгалтерского учета и вексельные операции получили распространение в Ганзе лишь в XVI в. Несмотря на интенсивные торговые контакты с итальянскими коллегами и в Брюгге, и в Венеции, ганзейские купцы слишком поздно переняли технические нововведения, рано вошедшие в практику итальянских торговых домов. В ганзейских городах практически отсутствовали учебники по практике торговли, которыми широко пользовались итальянские купцы. Кроме того, ганзейские купцы не распознали выгод заокеанской торговли и мало участвовали в ней (за исключением купцов Гамбурга и Бремена). Они не заинтересовались также созданием крупнейших обществ, подобных английской и голландской Ост-Индским компаниям. Ближе к закату Ганзы ее торговые компании сосредоточили свои усилия не на расширении рынков, а на защите собственных рынков сбыта от чужих купцов и на сохранении своих привилегий. В ряде ганзейских городов существовали законы, ограничившие приток «чужих» купцов, запрещавшие гостевую торговлю (приехавшие купцы могли торговать только через местных, ганзейских купцов как посредников). Такие законы приносили сиюминутную выгоду местным купцам, но препятствовали успешному развитию городов. Гамбург, в отличие от Любека и других городов, предоставил экономическую свободу иммигрантам и впоследствии очень выиграл от этого [7; 13].

ЗАКАТ ГАНЗЫ

Закат Ганзы начался в XVI веке. В крепнувших государствах Североморского и Балтийского побережья растущее значение для торговли приобретали сухопутные дороги, к которым Ганза имела весьма косвенное отношение. И на море ганзейские суда все более вытеснялись голландскими, а затем английскими кораблями. В XVI в. флот Нидерландов, а позже и английский флот превзошли флот Ганзы. Многие города вынуждены были выйти из Ганзейского союза по воле князей, которым принадлежали городские земли. Уже в XVII веке закат Ганзы ускорила Тридцатилетняя война (1618–1648 гг.), вызвавшая разрушение и экономический упадок многих немецких городов.

На первом этапе развития Ганзы Голландия была отнюдь не самым важным районом сбыта ганзейской продукции. Объем ее вывоза был также невелик — масло, сыр, соль в сравнительно небольших количествах. Однако благодаря росту производства сукна, развитию рыболовства, но особенно благодаря передовому судоходству Голландия постепенно превратилась в опасного конкурента Ганзы. В начале Ганза оказывала сопротивление Голландии, так как та продолжала зависеть от ввозимого ганзейскими купцами хлеба. Вывоз из Брюгге сукна, выделка которого стала основой расцвета голландских городов, также поначалу осуществлялся через Ганзу. Со временем, однако, голландцы наладили перевозку сукна, а также шерсти из Англии на собственных судах и перестали нуждаться в услугах Ганзы.

Расцвет рыболовства, особенно ловли сельди, вызвал мощный экономический подъем Амстердама. Говорили, что город построен на селедочных головах. Постепенно голландцы перешли от скромного прибрежного рыболовства к ловле рыбы в открытом море. Это не только увеличило лов, но способствовало быстрому развитию морского судоходства. Объем прибрежного улова сельди в Балтийском море стал падать. Голландские города наладили экспортную торговлю. Ганза попыталась помешать связям голландцев с портами Прибалтики, но те ответили на это сближением с Данией. Тем самым голландцы стали не только экономическими конкурентами Ганзы, но и ее политическими противниками. В 1394 г. представители голландских городов в последний раз появились на заседании Ганзы. Таким образом, внутриганзейское соперничество переросло в открытую вражду.

Обособление Голландии, которая находилась в самом центре ганзейского экономического пространства, стало одной из главных причин последующего упадка Ганзы. Экономический взлет Голландии ослабил положение Брюгге и всей Фландрии, экономическое процветание которых столь содействовало расцвету Ганзы. Противоречия между различными группами городов внутри Ганзы усилились.

Хотя ганзейская торговля была по преимуществу морской торговлей, опиравшейся на порты Балтийского и Северного морей, она в то же время охватывала обширные территории немецкого хинтерланда, реки которого были благоприятны для судоходства. На юге граница этого района проходила от Фландрии через Кельн, Мюльхаузен (Тюрингия), до Бреслау (ныне — Вроцлав) и Кракова, далее до Пруссии и, соответственно, включала восточное побережье Балтики. Торговый оборот Ганзы с Югом всегда был существенно меньше, чем оборот Восток-Запад. Росту торговли в южном направлении препятствовали неблагоприятные транспортные условия. Ценные товары с Востока, а также из районов Средиземноморья доходили до Ганзы че-

рез Брюгге. Это было гораздо удобнее, чем перевозки по труднодоступным горным дорогам Южной Германии [13; 14].

Незначительный объем перевозок в направлении Север-Юг объясняет слабую осведомленность о деятельности Ганзы в Южной Германии. Ганза почти не упоминается в хрониках южногерманских городов. Исключение составлял растущий торговый центр Нюрнберг, которому удалось занять монопольное положение в торговле с Северной Германией. Поэтому слово «нюрнбергер» часто служило собирательным названием для всех жителей Южной Германии.

Тридцатилетняя война вызвала разрушение и упадок многих немецких городов. Она расколола Европу на католиков и протестантов, что плохо совмещалось с солидарностью ганзейских городов. Война ухудшила положение Ганзы в Прибалтике. Передняя Померания и бухта Штеттина, Висмар и епископство Бремена (не сам город) перешли в руки победившей в войне Швеции. Немецкое побережье от Данцига до Мемеля (ныне это литовский город Клайпеда) оказалось непосредственно или косвенно под польским контролем. Почти все гордые города периода ганзейского расцвета попали в зависимость к владельцам городских земель. Немногое осталось от их недавней независимости. Только ганзейские города, вошедшие в Рейх, сохранили свою самостоятельность. Таковы Любек, Дортмунд, Бремен и Гамбург. Однако этим городам не удалось оживить Ганзу. Ганза медленно угасала. Сплоченность ганзейских городов ослабевала. На передний план вышло усилившееся противостояние их торговых интересов. Однако решающие причины упадка Ганзы лежали не в самих городах, многие из которых все-таки продолжали держаться Ганзы, а в изменении политического положения в Германии и во всей Европе. В XV–XVI веках ускорился процесс формирования национальных государств. Усилившиеся политические и экономические ограничения вступили в противоречие с ганзейской идеологией свободной торговли [14].

Опустошение Германии и потеря немецкого хинтерланда в результате Тридцатилетней войны ослабили Ганзу и ее торговлю. Так, число судов, которые приходили в Берген, упало с 233 в 1588–1589 гг. до 25 в 1639–1640 гг. Постепенное перемещение центра торговли из Балтики в сторону Северного моря и Атлантического океана в связи с открытием Америки часто считается важной причиной упадка Ганзы. Это верно, но лишь отчасти. Упадок Ганзы начался раньше, чем новые торговые пути приобрели большое значение. Америка поначалу не производила почти никаких важных для Европы экспортных товаров. Более того, великие географические открытия оживили торговлю Ганзы с Испанией и Португалией. Древесина, но прежде всего зерно стали поступать в порты Пиренейского полуострова. Благодаря этому значительно усилилось экономическое положение немецких купцов в

испанской и португальской торговле. Однако за ними больше не стояла прежняя политическая сила. В 1669 г. в Любек съехались представители Гамбурга, Бремена, Кельна, Брауншвейга и Данцига. В числе прочего, они обсуждали положение Брауншвейга, которому угрожала потеря независимости. Переговоры ни к чему не привели. Заседание 1669 г. стало последним. Ганза как политическое объединение прекратила свое существование. Попытка Гамбурга наладить связь с городами Рейха практически потерпела крах [13; 15].

По следам Ганзы

Долго продержался как носитель ганзейских традиций лишь заключенный в 1630 г. союз трех городов — Гамбурга, Любека и Бремена. Длительная связь этих городов сформировалась из оборонительного союза. Важными целями объединения Гамбурга, Любека и Бремена являлись представительство интересов немецких купцов за границей и развитие немецкого морского судоходства. Эти города совместно заключали торговые договоры с другими странами, имели общие дипломатические представительства. Они выполняли задачи общегерманского значения. В Германском Бундестаге эти города представлял один посланник. Как «свободные и ганзейские города» Гамбург, Любек и Бремен были приняты сначала в Северо-Германский Союз, а затем в Германский Рейх, основанный Бисмарком. В современной конституции ФРГ Гамбург и Бремен также записаны как «свободные и ганзейские» города-государства (земли). Любек в 1937 г. потерял свою самостоятельность.

Три города — Любек, Гамбург и Бремен — стали также правовыми преемниками Ганзы и ее общей собственности, в первую очередь, собственности ее контор. Эти города сообща управляли Штальхофом в Лондоне и Домом Остерлингов в Антверпене. Штальхоф (Stalhof) был закрыт в 1598 г., а в 1606 г. был передан Ганзе. В 1666 г. во время лондонского пожара он сгорел. Новое здание, в результате длительного процесса, попало в полную собственность союза трех городов и оставалось в их владении вплоть до 1853 г., когда оно было продано Лондону. Вскоре его снесли, и на его месте построили станцию метро Cannon Street Station.

Дом Остерлингов (Osterlingehaus) в Антверпене оставался во владении союза трех городов под надзором Любека вплоть до второй половины XIX века. Когда Наполеон аннексировал Нидерланды, Дом Остерлингов стал государственным имением Франции. После падения Наполеона он был возвращен его владельцам — союзу трех городов. В 1862 г. его купило Бельгийское государство. В 1893 г. в результате пожара Дом сгорел. Ганзейский дом на площади Остерлингов

(Osterlingeplatz) в Брюгге, после переезда конторы Ганзы в Антверпен, сдавался в аренду, а потом был продан. Этого дома уже давно не существует, но он продолжает жить до сегодняшнего дня в названии площади, на которой когда-то стоял. Исчез также Двор Святого Петра (Petershof) в Новгороде. По свидетельству путешественников, он развалился уже в 1570 г. В запустении была вся гордая торговая республика. Ничего больше не осталось от бывшего величия «Варяжского города». Ничто в настоящее время больше не напоминает в Новгороде о присутствии здесь ганзейских купцов, лишь некоторые детали и произведения прикладного искусства, например, «корсунские» двери в Соборе Святой Софии, выполненные магдебургскими мастерами. Между тем, когда-то о тесных связях с Ганзой говорили даже топографические названия: Варяжская улица, немецкая божница и другие.

Живые следы ганзейской жизни сохранились в норвежском Бергене. «Северная контора» Бергена — преемница ганзейской конторы — просуществовала до XX века. В 1934 г. в Бергене еще жили некоторые служащие этой конторы, а их фамилии и имена отражали их немецкое происхождение. До 1880 г. в районе Deutsche Brücke (Немецкого моста) находились 15 немецких купеческих дворов, включавших жилые дома, склады и другие сооружения. Некоторые из них, сохранившиеся до 30-х годов XX в., были установлены в Ганзейском музее Бергена. Выше Немецкого моста стоит сохранившаяся с ганзейских времен в неизменном виде церковь Святой Марии (Marienkirche der Deutschen). В Висбю также сохранилась ганзейская Церковь Святой Марии. По всему побережью Прибалтики практически в каждом городе можно встретить церкви или произведения искусства, выполненные немецкими мастерами еще в ганзейские времена [8; 12; 13].

БИСМАРК И ГАНЗА

В конце своей жизни великий германский политик и государственный деятель Отто фон Бисмарк жил в Заксенвальде, по соседству с тремя ганзейскими городами — Гамбургом, Любеком, Бременом — носителями традиций и духа Ганзы. Пламя Ганзы, по выражению старого Бисмарка, «долго тлело под пеплом», но с объединением Германии в единый Рейх это пламя вновь озарило отечество. Бисмарк понимал выдающуюся роль Ганзы в германской и европейской истории. Длительное время эта роль недооценивалась вследствие политической разобщенности немецких государств и их сепаратистских устремлений. Несмотря на свою монархо-династическую позицию, Бисмарк всегда подчеркивал общегерманское значение трех свободных ганзейских городов. В своем стремлении превратить Германию в крупную морскую державу («вывести к морю германский флаг») он

считал заслугой Ганзы ее морской дух и дух единения и называл их немецким духом и немецким мышлением. Проявлением ганзейского духа в XIX в. явился подъем немецкой морской торговли и судоходства. И неслучайно, что в цветах флага Рейха Бисмарк объединил черный цвет прусского флага с красным цветом флагов ганзейских городов. Традиционными цветами Ганзы являлись белый и красный. Такое сочетание цветов можно увидеть еще сегодня на городских гербах многих ганзейских городов [10].

В XX в. Ганза, которая до этого времени казалась почти забытой, испытывает нечто подобное возрождению. В 1980 г. в голландском городе Зволле была основана «Новая Ганза» — торгово-экономическое культурное трансграничное сообщество городов. Ныне оно считается самым крупным в мире добровольным сообществом такого рода. Членом «Новой Ганзы» может стать любой город, который когда-то сам принадлежал к исторической Ганзе или в котором находились ганзейские конторы и филиалы. Это должно быть доказано архивными или другими документами. Основной целью всех городов, относящихся к «Новой Ганзе», является взаимное усиление экономических и торговых контактов, а также развитие туризма и интенсивного информационного и культурного обмена. В настоящее время членами «Новой Ганзы» являются города, находящиеся в 15 государствах Европы, в том числе в России, Белоруссии и в странах Прибалтики [6; 10].

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксенова Л.А., Галкина Т. А., Горкина Т. И., Одессер С.В. и др. Постиндустриальное развитие капиталистических стран: географический прогноз. М.: Наука, 1993. 192 с.
2. Норман Д. История Европы. М.: Транзиткнига, 2004. 944 стр.
3. Одессер С.В. Мировая торговля и эволюция интеграционных процессов. В сб. Проблемы расселения: история и современность. Сборник статей в честь Георгия Михайловича Лаппо. Серия: «Россия 90-х: проблемы регионального развития», Вып. 3. М. 1997.
4. Подвигина Н.Л. Очерки социально-экономической и политической истории Новгорода Великого в XII–XIII вв. М.: Высшая школа, 1976.
5. Синцеров Л.М. Эпоха ранней глобализации в истории мирового хозяйства. В сб. «Вестник исторической географии». Вып. 3. М.: Институт географии, 2005. С. 58–79.
6. Фишман В. Пути торговли неразрушимы // Русская Германия, №22/623, 02.06–08.06.2008. С. 26–27.
7. Aron Gurjewitsch. Der Kaufmann / Der Mensch des Mittelalter. Essen: Magnus Verlag, 2004.
8. Bergen. Guide 2005. Das zu den Fjorden Norwegens. Bergen. 2006.
9. Deutsche Geschichte im Osten Europas. Berlin: Siedler Verlag, 1994.

10. Hansestädte. Eine weibröte Verbindung. Alsterrundschau, 2008, Januar.
11. *Hoffmann H.-Ch.* Die Luneburger Heide... Keln. DuMont Buchverlag, 1996.
12. *Jungens A.* Schleswig-Holstein. Nordsee, Ostsee und die Inseln. Munchen, ADAC Verlag, 2003.
13. *Pagel K.* Die Hanse. Braunschweig, Georg Westermann Verlag. 1965.
14. *Ziegler U.* Die Zanse. Aufstieg, Blutezeit und Niedergang der ersten europäischen Wirtschaftsgemeinschaft. Bern, Munchen, Wien, Scherz Verlag, 1966.
15. *Zimmerling D.* Die Hanse. Handelsmacht im Zeichen der Kogge. Dusseldorf und Wien: Gondrom Verlag. 1993.

Италия ПОСТИНДУСТРИАЛЬНАЯ

Т.А. Галкина

С самого начала существования объединенной Италии страна привлекает к себе внимание исследователей неоднородностью и разноуровневостью развития отдельных частей своей территории. Это вызывало как затруднения, так и разнообразие подходов при районировании страны. Такого рода проблема важна не только для Италии, но для многих стран мира, особенно для таких обширных и разнообразных по природным, экономическим, культурным и прочим особенностям, как например, Россия. В последние годы районирование нашей страны не раз претерпевало изменения, объединения, укрупнения или разъединения, дробления отдельных субъектов Российской Федерации. Поэтому для нас небесполезно изучение опыта Италии — страны с несравнимо меньшей, однако весьма неоднородной территорией.

Региональные проблемы в современной Италии тесно связаны со структурными и территориальными трансформациями в ее экономике, с переходом страны из категории индустриально-аграрных стран в постиндустриальные, с усилением и диверсификацией третичного сектора — «терциаризацией» страны. В статье рассматривается взаимосвязь этих региональных и структурных сдвигов.

Длительная история хозяйственной жизни на территории современной Италии позволяет проследить многочисленные и разнообразные территориальные и структурные изменения в экономике. Чрезвычайно протяжённое во времени и притом непрерывное развитие хозяйственной деятельности на Апеннинском полуострове и прилегающих к нему Паданской равнине, предгорьях и склонах Альп, а также на больших и малых островах, входящих в состав территории современной Италии, позволяет заметить не только отдельные изменения в размещении тех или иных видов человеческой деятельности, но явления определённой цикличности в развитии отдельных отраслей экономики. Появление новых видов хозяйственной деятельности в ходе исторического развития на территории не столько обширной, сколько разнообразной в природном отношении, их технологические модификации и территориальные сдвиги делают эту страну чрезвычайно интересной для географов.

Сдвиги в экономической структуре

В период объединения Италия представляла собой аграрную страну с небольшими очагами промышленности, близкой по масштабам к ремесленному производству. Крупная промышленность в Италии возникла поздно. Однако в период между 1870 г. и 1914 г. на Севере был основан ряд крупных промышленных фирм, в том числе заводы резиновых изделий «Пирелли», химические заводы «Монтекати-ни» и автомобильные заводы «Фиат». Крупные, но одиночные очаги промышленности появились и в Центральной Италии (металлургические заводы «Терни» в Умбрии). В годы своей исторической молодости единое государство Италия, существующее с 1861 г., не отличалось ни экономической, ни политической, ни культурной, ни природной однородностью. Сразу же после объединения страны возникла пресловутая «проблема Юга».

После Второй мировой войны государство стимулировало развитие экспортных отраслей промышленности. Это особенно касалось металлургии, машиностроения и химической промышленности. Новое оборудование и повышение эффективности производства содействовали заметному росту производства стали, которое за период 1951–1980 гг. увеличилось более чем в 8 раз. Значительные успехи были достигнуты в машиностроении, электротехнической и автомобильной промышленности. Модернизация химической промышленности повлияла на расширение ассортимента ее продукции — от нефтепродуктов до красителей, синтетических волокон и пластмасс.

Проблема Юга

Дуализм (противоречие между Севером и Югом) территориальной, экономической, политической и социальной структуры накладывает глубокий отпечаток на любые процессы, происходящие в Италии. В течение многих столетий выгодное географическое положение Севера Италии на путях из Западной Европы на Восток, благоприятный климат, плодородные почвы, густое население и другие факторы способствовали его более быстрому экономическому и культурному развитию по сравнению с центральными и особенно южными районами страны. С начала 50-х гг. XX в. итальянское государство прилагало огромные усилия для подъема Юга: был принят специальный закон, обязывавший всех инвесторов направлять не менее 40% своих вложений в южные области. Стратегии развития Юга разрабатывались государственным кредитно-финансовым учреждением «Касса Юга» и Ассоциацией развития Юга. В 1950-х годах эти организации сосредоточили свое внимание на создании разнообразной инфраструктуры

— дорог, электрификации территории, развитию сельскохозяйственного кредита. Как строительство сети современных автомагистралей, так и государственные капиталовложения на Юге повысили здесь уровень занятости, в основном в сфере услуг. Эта программа сопровождалась массовым оттоком населения из сельских местностей, что отчасти напоминало характерную прежде для Италии эмиграцию, однако на этот раз значительная часть населения оседала в быстро развивавшихся промышленных центрах Севера. Как только темпы роста итальянской экономики в 1960-х годах замедлились, стратегия планирования на Юге была переориентирована на поощрение развития тяжелой промышленности. Предлагалось создать «полюса тяготения промышленности» («полюса развития») вокруг Неаполя, Таранто и Бриндизи, но эта стратегия оказалась неэффективной. Несмотря на принятие следующих одна за другой инвестиционных программ, южная часть Апеннинского п-ова, Сицилия и Сардиния давали в конце 1970-х годов только 23% ВВП Италии, при том, что южные области составляли 40,8% территории страны и сосредоточивали 34,9% ее населения [6]. За счет государства или при его активном участии на Юге было построено несколько крупнейших в стране предприятий, в основном тяжелой промышленности (нефтехимические заводы «Монтэ-дисон» в Бриндизи, большой автомобильный завод близ Неаполя и др.), коренным образом модернизированы дороги и другая инфраструктура. Однако новые заводы чаще всего оставались «соборами в пустыне», т.е. были связаны главным образом не с местной экономикой, а со своими северными смежниками и не смогли придать развитию хозяйства Юга импульс, достаточный для преодоления его отставания. Тем не менее, облик многих южных районов, в основном вблизи Неаполя и других крупных городов, где уже сложились предпосылки для экономического подъема, сильно изменился. Но одновременно выросли и контрасты внутри самого Юга [1]. Неконтролируемый рост государственных расходов и ограничения, введенные с 1989 г. программой экономической конвергенции ЕС, потребовали радикального пересмотра программ государственного финансирования Юга. В конечном итоге будущее южных районов Италии так и не определено и во многом зависит от политической конъюнктуры.

Изменение экономической структуры по областям Италии

За полтора столетия существования в качестве единого целого менялась экономическая структура страны. Италия прошла большой путь от практически полностью сельскохозяйственной в середине XIX в. через ярко выраженную индустриально-аграрную стадию в середи-

не XX в. до состояния современной постиндустриальности. Однако, несмотря на все усилия государственных и частных структур по выравниванию потенциала отдельных районов, контрасты между частями страны, хотя и смягчились, но остаются отчетливо выраженными. Север, Центр и Юг Италии проходят свой путь развития до современного уровня каждый в своем темпе. Преобладание третичного сектора как показатель «постиндустриальности» имеет свои особенности на Севере и на Юге. Если на Севере преобладание занятости в третичном секторе объясняется значительной долей информационных отраслей (это скорее уже четвертичный сектор), то на Юге — это сектор услуг в более традиционном понимании, связанный в значительной мере с усиленной ролью рекреационной деятельности, обслуживания туристов.

Еще в 60–70-е годы XX века Италия была типичной индустриально-аграрной страной. В формировании национального дохода доля промышленности составляла 42%, сельского хозяйства 10,2%, сферы обслуживания 38,42%, в том числе доля торговли 12%, транспорта и связи 6,5%, гостиничного дела 2% (1970 г.). Стоимость промышленной продукции почти в четыре раза превышала стоимость сельскохозяйственной продукции (1970 г.). В промышленность ежегодно вкладывалось в 2,5 раза больше капиталов, чем в сельское хозяйство. Продукция обрабатывающей промышленности составляла основу экспорта (около 95% в 1970 г.) [6].

За последние 40 лет структура экономики Италии резко изменилась. Из индустриально-аграрной страны середины XX века Италия превратилась в типичную постиндустриальную страну. Если в 1971 г. в экономической структуре страны важнейшим сектором была промышленность (44,3% занятых), на сельское хозяйство приходилось 17,2% занятых, на третичный сектор — 38,5% занятых, то в 2006 г. уже бросается в глаза резкое преобладание третичного сектора (65,6%) в то время как на промышленность остается только 30,1% [6; 11]. Продолжается процесс терциаризации экономики, т.е. интенсивный перелив материальных, трудовых, финансовых ресурсов в пользу третичного сектора. В результате этого процесса меняется экономическая структура всех областей Италии, модернизируется экономическое лицо каждой из них, однако процесс этот идет в разных регионах Италии с разной скоростью.

В 1971 г. уже были в Италии области, в хозяйстве которых преобладал третичный сектор: Трентино-Альто-Адижде, Фриули-Венеция-Джулия (крайне незначительное преобладание), Лигурия, Лацио, Сицилия и Сардиния. При этом в каждой из этих областей были свои причины для такой структуры. В областях Трентино-Альто-Адижде, Сицилия, Сардиния и Фриули-Венеция-Джулия занятые в третичном

секторе были сосредоточены в основном в торговле и услугах, а в последней, а также в Лигурии, кроме указанных отраслей, также — в транспорте (благодаря наличию здесь крупных портовых комплексов в Триесте, Генуе, Савоне). В столичной области Лацио занятость традиционно распределялась почти поровну в основном между административным сектором, торговлей и услугами. Однако только в двух областях занятость в третичном секторе превышала 50% и суммарную долю занятых в сельском хозяйстве и в промышленности: Лацио — 57,6%, Лигурия — 54,1% [6].

В те годы ставка делалась главным образом на развитие крупной промышленности с преобладанием крупных, в т.ч. международных, компаний. Всячески поощрялось и считалось технически передовым развитие крупнейших предприятий — так называемый «фордизм». В 1971 г. наиболее индустриально развитыми были две области, которые на всем протяжении истории объединенной Италии сохраняют ведущее положение в экономике, да и во всех областях жизни страны — Ломбардия и Пьемонт (свыше половины занятых было сосредоточено в промышленности). Типичными индустриально-аграрными областями были Валле-д'Аоста, Венето, Эмилия-Романья, Тоскана и Умбрия. Чем дальше к югу, тем отчетливее была выражена сельскохозяйственная составляющая в экономике. В областях Марке, Абруццо, Сицилия более четверти экономически активного населения было сосредоточено в сельском хозяйстве. Близка к этому показателю была Кампания (около 24%). Преимущественно аграрными были экономически отсталые Молизе, Апулия, Базиликата, в Калабрии около трети экономически активного населения было занято в сельском хозяйстве.

В этот период отчетливо видны различия между Севером и Югом. Все области, где доля занятых в сельском хозяйстве превышала общенациональные 17,2%, расположены в Южной Италии, из областей Севера только в Эмилии-Романье, которая является житницей страны, был превышен этот общенациональный показатель. Характерно, что такая ситуация сохранялась, несмотря на все принятые правительственные меры, несмотря на то, что Программа развития Юга была частично выполнена, был построен целый ряд крупных металлургических, нефтеперерабатывающих и нефтехимических предприятий.

Спустя почти сорок лет территориально-экономическая структура Италии изменилась весьма заметно, но причиной этого стало не дальнейшее строительство крупных заводов, а напротив, активное развитие малого бизнеса и совершенно новая организация экономического пространства (создание индустриальных округов, или кластеров), развитие диффузной экономики, компьютеризация и информатизация экономики, т.е. совершенно новые принципы ее развития.

ТЕРЦИАРИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ

Главное отличие по сравнению с 1971 г. состоит в том, что во всех без исключения областях страны теперь преобладает занятость в третичном секторе. Италия перешла в разряд постиндустриальных стран (4,3% экономически активного населения занято в сельском хозяйстве, 30,1% — в промышленности и 65,6% — в третичном секторе). Причем в нескольких областях показатель занятости в третичном секторе превышает общеитальянский: Валле-д’Аоста — 69,6%, Трентино-Альто-Адидже — 68,1%, Лигурия — 76,6, Тоскана — 66,8%, Лацио — 78,3%, Кампания — 70,8%, Калабрия — 68,9 %, Сицилия - 72,8%, Сардиния— 71,9% (табл. 1). Все это области с интенсивным развитием туризма, некоторые из них — с активной портовой деятельностью (крупнейший пассажирский порт Неаполь в Кампании, один из крупнейших в Европе и крупнейший в Средиземноморье [13] контейнерный порт в Джоя-Тауро в Калабрии и др.), и только в столичном Лацио к неперемennomу туризму добавляется существенная занятость в административном секторе. Однако по-прежнему, так же как и в 1971 г., лидерство в развитии третичного сектора сохраняется за областями Лацио и Лигурия.

В течение последних десятилетий наблюдалось активное перетекание рабочей силы из сельского хозяйства и промышленности в третичный сектор. Особенно резко сократилась доля занятости в сельском хозяйстве в ранее аграрных областях Юга, а также в бывших индустриально-аграрных областях с высокоразвитым сельским хозяйством — Эмилии-Романье, Марке, Тоскане и Умбрии. Самая высокая доля занятости в сельском хозяйстве по-прежнему сохраняется в наиболее отсталых областях Юга — Базиликате и Калабрии. Казалось бы, такая же ситуация и в более развитой Апулии, но это связано с ее особой ролью в производстве экспортной сельскохозяйственной продукции — высокосортного оливкового масла, вина и пр. Показатель занятости в сельском хозяйстве выше общеитальянского в исключительно горных областях Севера (Валле-д’Аоста и Трентино-Альто-Адидже), а в остальном — по-прежнему только для областей Юга (исключение составляет область Абруццо).

Среди экономико-географов встречается мнение, что индустриализация в Италии переместилась на Юг, что не вся страна может считаться постиндустриальной. Так ли это? Ни в одной области Юга не наблюдается преобладания занятости в промышленности, везде лидирует третичный сектор. Единственная область, где несколько повысилась доля занятых в промышленности — это Молизе (с 27,3% в 1971 г. до 30,3% в 2006 г.). Среди областей Юга особенно резко сни-

Таблица 1

Экономическая структура областей Италии,
1971 г. и 2006 г., %

Области	1971 Сельское хозяйство	1971 Пром-сть	1971 Третичный сектор	1971 Всего	2006 Сельское хоз-во	2006 Пром-сть	2006 Третичн. сектор	2006 Всего
Пьемонт	12,2	55,7	32,1	100,0	3,7	35,9	60,4	100,0
Валле д’Аоста	13,5	44,6	41,9	100,0	5,4	25,0	69,6	100,0
Ломбардия	5,5	59,8	34,7	100,0	1,6	37,0	61,3	100,0
Трентино-Альто-Адидже	17,2	36,5	46,3	100,0	5,8	26,1	68,1	100,0
Венето	14,0	48,7	37,3	100,0	3,4	38,8	57,5	100,0
Фриули-Венеция-Джулия	9,6	44,8	45,9	100,0	2,9	33,7	63,4	100,0
Лигурия	7,5	38,4	54,1	100,0	2,2	21,2	76,6	100,0
Эмилия-Романья	20,0	42,5	37,4	100,0	4,3	35,2	60,5	100,0
Тоскана	11,5	48,4	40,1	100,0	3,9	29,3	66,8	100,0
Умбрия	20,6	42,9	36,5	100,0	3,7	32,1	64,2	100,0
Марке	25,3	40,8	33,9	100,0	2,6	39,2	58,1	100,0
Лацио	10,0	32,4	57,6	100,0	2,4	19,3	78,3	100,0
Абруццо	27,6	37,0	35,4	100,0	3,6	29,9	66,5	100,0
Молизе	46,6	27,3	26,1	100,0	6,4	30,3	63,3	100,0
Кампания	23,9	38,1	38,0	100,0	4,8	24,4	70,8	100,0
Апулия	36,9	32,0	31,1	100,0	9,2	26,3	64,6	100,0
Базиликата	39,6	34,2	26,3	100,0	9,1	28,5	62,4	100,0
Калабрия	32,6	36,3	31,1	100,0	11,7	19,3	68,9	100,0
Сицилия	28,7	33,6	37,7	100,0	8,8	18,4	72,8	100,0
Сардиния	21,5	35,0	43,5	100,0	6,2	21,9	71,9	100,0
Италия	17,2	44,3	38,4	100,0	4,3	30,1	65,6	100,0

Рассчитано автором по [6; 11].

зилась занятость в промышленности в Кампании, Сицилии и Сардинии (табл. 1). Здесь были закрыты крупные промышленные предприятия, например, один из крупнейших металлургических комбинатов полного цикла в Баньоли, пригороде Неаполя. На примере ранее индустриальных районов этих областей можно видеть не просто изменения в хозяйственном развитии территории, а прохождение определенной территорией полного цикла своего развития с возвращением к исходному состоянию, но на новом уровне развития (античный «прототуризм» — сельское хозяйство — тяжелая промышленность — снова туризм). Такова история развития пригородов Неаполя — от древнеримского курорта, к сельскохозяйственной территории, далее — к развитию на этой территории крупной промышленности и, наконец, снова к использованию местности в рекреационных целях. Кроме восстановления рекреационных структур на месте гигантского металлургического комбината ILVA-Finsider в Баньоли создается Технопарк (Citta della Scienza), первый в Италии такого уровня [14].

В некоторых районах закрытые промышленные предприятия или бывшие места добычи полезных ископаемых имеют большое историческое и познавательное значение и поэтому подвергаются музеефикации. В Италии можно наблюдать яркие примеры перепрофилирования промышленных предприятий на использование их территории, а во многих случаях и зданий в рекреационных целях. Один из наиболее ранних примеров — закрытие первого автомобильного завода компании ФИАТ в пригороде Турина Линготто. Сейчас эта территория — в черте города и используется как место проведения выставок, конференций и т.п., а часть корпусов представляет собой музей автомобильной промышленности. То же происходит с бумажными фабриками в Амальфи, работавшими с XVI в. Часть из них еще продолжает выпускать особо ценные и редкие сорта бумаги, а другие стали зоной «индустриальной археологии», как называют это явление в Италии. Примечательна в этом отношении судьба промышленного города Ивреа в Пьемонте. В годы активного развития промышленности это был известный центр производства пишущих машинок «Оливетти». Развитие новой современной техники, широкая компьютеризация всей жизни заставила компанию «Оливетти» резко перестроиться. Частично она перешла на создание компьютерных программ (т.е. в поле третьего сектора), частично перенесла свое производство в Германию. В корпусах заводов «Оливетти» с 2001 г. расположился Музей современной архитектуры под открытым небом — культурное наследие компании Оливетти (производственные, административные и другие здания, построенные известными европейскими архитекторами). Основным же источником доходов жителей г. Ивреа стало обслуживание туристов, проведение праздников и фестивалей, в том

числе и на основе возрождения исторических традиций. Одно из самых значительных явлений такого рода — закрытие и демонтаж старейшего и одного из крупнейших предприятий Италии — металлургического комбината полного цикла в Корнильяно, в пригороде Генуи или уже упоминавшееся закрытие металлургического комбината в Баньоли.

Такие изменения касаются не только обрабатывающей промышленности, но и добывающей. Это одна из старейших отраслей промышленности в стране. Цветные металлы здесь добываются перманентно с бронзового века. Естественно, что в результате такой длительной эксплуатации недр, они истощаются. Уже не добывается в стране олово, с 1970-х годов прекращена добыча железа, по экологическим причинам прекращена добыча ртути (киновари). И даже горнодобывающая подотрасль нового времени — добыча бокситов в Апулии также прекращена в связи с истощением месторождения.

Район Сульчис-Иглезиенте на Сардинии, включающий долину Кампидано и морское побережье от мыса Пекора на севере до залива Гонесса на юго-западе, был главным горнодобывающим районом Италии, где месторождения свинца, цинка, серебра в Иглезиенте и низкосортного каменного угля в Сульчисе разрабатывались с глубокой древности. Добыча цветных металлов велась здесь еще древним племенем нурагов, римлянами и представителями пунических цивилизаций. Наивысшее развитие Сардинских копей совпадает с эпохой создания Сардинского Савойского королевства, закончились же разработки полезных ископаемых в этих местах в 90-е годы XX в. Местная добывающая промышленность стимулировала строительство автомобильных и железных дорог, плотин, способствовавших развитию всего района. В связи с этим возникло много горняцких поселков, карьеров, литейных предприятий, обогатительных фабрик. В 1936–38 гг. вырос город Карбония, один из немногих новых городов Италии. Увеличилось население района. Район Сульчис-Иглезиенте представляет собой редкий феномен неизменной в течение тысячелетий экономической деятельности, что и послужило стимулом к созданию здесь природного, экологического и исторического (индустриально-археологического) парка с целью сохранения всех важнейших элементов — культурных, экологических и индустриально-археологических (проект EMSA — «Сардинской историко-промышленной организации» и сардинских областных властей). Проект EMSA предполагает создание подобного парка с целью реабилитации территории и экономического и социального развития района заброшенных Сардинских копей. В 1998 г. создаваемый парк был официально взят под эгиду ЮНЕСКО как один из важнейших в мире историко-природно-индустриальных парков такого рода. В создании парка приняли также уча-

стие университеты городов Кальяри и Сассари. Официально он был учрежден в 2001 г. [12].

Резко снизилась занятость в промышленности в самых индустриально развитых областях «промышленного треугольника» — в Пьемонте, Ломбардии и Лигурии. Границы самого «треугольника» давно уже размыты и включают широкую урбанизированную полосу от Милана до Бергамо, включая фактически половину Паданской равнины. Наибольшая доля занятых в промышленности в 2006 г. (свыше 1/3 экономически активного населения) наблюдается в областях Пьемонт, Ломбардия, Венето, Фриули-Венеция-Джулия, Эмилия-Романья, Марке. Таким образом можно видеть, что индустриализация переместилась не на Юг, а на восток Паданской равнины, т.е. на северо-восток Италии, в районы когда-то, в 1970-е годы, считавшиеся депрессивными. Однако здесь индустриализация носила совершенно особый характер («диффузная индустриализация»), основывалась на предприятиях малого бизнеса, организованных в кластеры (или «промышленные округа»), при этом велика была роль третичного сектора. В связи с этим возникает тема так называемой «Третьей Италии».

Региональные различия в Италии — стране, которая не отличается ни компактностью территории, ни природным, социальным или экономическим единообразием, более существенны, чем в других крупных странах Западной Европы. Территория Италии самой своей конфигурацией предопределяет особую важность региональных проблем в этой стране. Исторически сложилось традиционное деление Италии на Северную (области Ломбардия, Пьемонт, Валле-д'Аоста, Лигурия, Трентино-Альто-Адидже, Фриули-Венеция-Джулия, Венето и Эмилия-Романья), Центральную (области Тоскана, Лацио, Умбрия и Марке) и Южную (Абруцци, Молизе, Кампания, Калабрия, Апулия, Базиликата и островные области Сицилия и Сардиния). Нередко выделяется в отдельный регион Островная Италия. Во многих отношениях такое экономико-географическое районирование страны правомерно и в наше время, оно встречается во многих работах и статистических справочниках, однако его нельзя считать однозначным и тем более — вечным.

Разнородность отдельных областей Италии, их неравномерное экономическое и социальное развитие, неустойчивое динамическое равновесие между ними вызвало изменчивость и множественность подходов к экономико-географическому районированию страны и ее административно-территориальному делению на крупные регионы. При этом неизменным оставался традиционный контраст между развитым Севером и отсталым или недостаточно развитым Югом.

Различия в уровне экономического развития отмечаются не только между Севером и Югом. Значительны и внутренние различия,

наблюдаемые в их пределах. Так, западная и восточная части Северной Италии различаются по характеру экономики, а в прежние годы — и по уровню ее развития, поэтому нередко их выделяют в отдельные районы: индустриальный (старопромышленный) Северо-Запад и индустриально-аграрный Северо-Восток, а в рамках последнего — депрессивные районы (Комакьо), районы диффузной индустриализации (Венето, Романья). Иногда в пределах Южной Италии выделяли как отдельный район и островные области Сицилию и Сардинию. В Южной Италии наблюдались региональные контрасты между ядрами индустриализации по Программе развития Юга и слабо развитыми районами (Базиликата, Калабрия).

Северо-Запад неизменно остается индустриальным ядром страны и самой развитой ее частью. «Каркас» этого района — «промышленный треугольник» Милан — Турин — Генуя с крупными частными и государственными промышленными предприятиями разнообразной промышленности, мощным и современным «третичным сектором». Начиная с эпохи ранней индустриализации, Северо-Запад играл роль гегемона, а в некоторых отношениях даже колонизатора по отношению к полуостровной и островной Италии. Значительная его часть входит в так называемое главное ядро наиболее развитых регионов Западной Европы, полумесяцем протянувшееся от Юго-Восточной Англии до Ломбардии. В наше время понятие «промышленный треугольник» не то чтобы устарело, но оно уже не выражает так отчетливо, как в прежние годы, сложившуюся территориально-экономическую структуру. «Треугольник» уже не выделяется так резко на фоне окружающих менее развитых и менее урбанизированных районов. Характерной особенностью его развития за последние десятилетия можно считать индустриализацию и урбанизацию обширных сельскохозяйственных территорий, прежде разделявших промышленные центры Миланской и соседней с ней провинций, что привело к созданию почти сплошной урбанизированной зоны в центральной части Ломбардии.

Северо-Восток, с которым по характеру хозяйства сходна северная часть Адриатического побережья, особенно север области Марке, неоднороден по уровню хозяйственного развития. Для этого региона всегда была характерна, за отдельными исключениями, мелкая и средняя промышленность. Однако в 1960–1970-е годы в нем было построено множество крупных предприятий нефтепереработки и нефтехимии, энергетики, алюминиевой промышленности, использовавших в основном привозное топливо и сырье.

Центр (области Тоскана, Умбрия, Марке и Лацио) характеризуется в целом более гористым рельефом, чем Северо-Восток, что долгое время сдерживало развитие крупного производства. Этот район ра-

нее традиционно специализировался, главным образом, на отраслях легкой промышленности — текстильной, обувной, мебельной, а также пищевой; в них резко преобладали малые и средние предприятия. Главный город Центральной Италии Рим стал столицей страны в силу исторических традиций, подобно Афинам, и в отличие от Парижа и Лондона, никогда не был значительным промышленным узлом. После объединения Италии Рим быстро рос благодаря своим административным и международным функциям, а также как главный в стране центр туризма, привлекающий многочисленных путешественников своими богатейшими музеями, античными руинами и памятниками эпохи Возрождения. Рим в административных границах — самая крупная коммуна страны, насчитывающая 2,7 млн. жителей [11].

Примерно со второй половины 70-х гг. и на Северо-Востоке, и в Центре развернулись процессы так называемой диффузной индустриализации. Основой для них послужила густая сеть малых и средних городов, давние традиции ремесленного труда и предпринимательства у многочисленных владельцев традиционных малых и средних предприятий, в том числе семейных, их гибкость и узкая специализация, обеспечивающие высокое качество продукции и устойчивость производства даже при падении спроса. На новом этапе развития мирового хозяйства эти преимущества повысили конкурентоспособность старых отраслей и стимулировали возникновение новых. Они появились благодаря субподрядам крупных машиностроительных и иных компаний «промышленного треугольника», стремившихся вывести часть производства из крупных городских агломераций с их сложными социальными, транспортными и экологическими проблемами, усилить его гибкость, чаще обновлять номенклатуру товаров. Именно Северо-Восток и Центр в последние десятилетия за счет малых и средних предприятий отличались самыми высокими темпами роста промышленности и хозяйства в целом. Во многих городах быстро увеличивалось и население.

Диффузная индустриализация — промышленные округа (кластеры) — Третья Италия

Своеобразие развития северо-восточных областей Италии стало особенно заметным в 1970-е, когда и появилось понятие «Третья Италия». Самое характерное территориально-экономическое явление этого периода — образование «промышленных округов», или «кластеров», представляющих собой результат отраслевой и территориальной концентрации малых и средних предприятий, которые производят и продают совместными усилиями ряд связанных или

взаимодополняемых товаров, т.е. кластер состоит из предприятий, специализированных в определенном секторе производства и локализованных географически [3]. Официальное определение «промышленного округа», данное Итальянским институтом статистики в 1996 г., гласит: «индустриальный округ — это социоэкономическая единица на локальной территориальной основе, где взаимодействует некоторое число средних и мелких предприятий, кооперирующихся друг с другом для участия в одном и том же производственном процессе» (цит. по [5]). Такая организация производства невозможна без широкой компьютеризации и развитого сектора промышленных услуг. Таким образом, формирование «Третьей Италии» тоже служит подтверждением терциаризации экономики страны.

В конце 1970-х годов, когда сформировалась концепция «Третьей Италии», бедный Юг (Вторая Италия) развивался крайне медленно, традиционно богатый Северо-Запад (Первая Италия) находился в глубоком кризисе, в то время как Северо-Восток и Центр Италии показывали высокие темпы роста. В секторах экономики, где преобладали небольшие фирмы, в определенных районах образовывались их кластеры, которые быстро росли, развивали ниши, экспортные каналы сбыта и требовали все больше рабочей силы. По душевому потреблению к 1981 году Третья Италия обогнала богатый индустриальный Север, тем самым изменив направление миграций населения Италии [3].

Термин «Третья Италия» ассоциируется прежде всего с современным развитием ряда областей Северо-Восточной Италии (Венето и Фриули-Венеции-Джулии), Эмилии-Романьи и областей Центральной Италии (Тосканы и Марке). Экономическое развитие «Третьей Италии» базируется главным образом на «промышленных округах» (industrial districts в англоязычной литературе), контрастируя по типу развития как с Севером Италии, так и с отсталым Югом. Проблемами Третьей Италии занимались итальянские экономисты Arnaldo Bagnasco, Carlo Trigilia и др., повлиявшие на становление таких важных понятий, как «промышленные округа» и «гибкая специализация», которые сейчас широко используются в научной литературе [16].

В своей работе Баньяско показывает, что центральные и северо-восточные области Италии развивались по пути, отличному и от северо-западной «фордистской» модели, и от поддерживаемого государством Юга [8]. Целый ряд предпосылок позволил сложиться здесь коммунитарному типу рыночного поведения вместо индивидуалистического [9; 10]. Наиболее важные из этих предпосылок таковы: существование прежних форм малого предпринимательства в сельском хозяйстве, особая связь между городскими и сельскими

районами, роль большой семьи и гомогенная политическая субкультура.

В отечественной литературе, еще задолго до появления термина «Третья Италия», своеобразие развития Северо-Восточной Италии и особенно области Эмилия-Романья отмечал Г.Д.Кулагин [4], который предложил оригинальное экономико-географическое районирование страны: 1) индустриальный Северо-Запад (Ломбардия, Пьемонт, Вале-д'Аоста, Лигурия), 2) аграрно-индустриальный Северо-Восток (Венето, Трентино-Альто-Адидже и Фриули-Венеция-Джулия), 3) аграрно-индустриальный район Эмилии-Романьи, отличающийся от предыдущего структурой промышленности, 4) Центральный аграрно-индустриальный район (Тоскана, Умбрия, Марке), 5) Аграрный Юг (Лацио, Абруццо и Молизе, Кампания, Апулия, Базиликата, Калабрия, острова Сицилия и Сардиния). В этой работе Г.Д.Кулагин отмечал преобладание в Эмилии-Романье и на Северо-Востоке мелких предприятий при большом отраслевом разнообразии.

К концу 1970-х годов Италия перешла от вертикально интегрированной структуры, в которой преобладали несколько крупных фирм, к деинтегрированной структуре производства. Рост производства без вертикальной интеграции возможен при двух условиях: 1) производственный процесс должен включать в себя стадии, которые могут быть разделены с технологической точки зрения; 2) спрос диверсифицирован и со временем меняется. Эти условия соблюдаются во многих производствах потребительских товаров (текстиль, одежда, обувь, мебель, керамика, некоторые продовольственные товары и т.п.). Техническая возможность разделения стадий производства увеличивается вслед за изменениями в энергетике, внедрением новых информационных систем, улучшением сети коммуникаций и транспорта, появлением новой оргтехники. Все это отражает процесс терциаризации экономики.

Северо-Восток — Центр Италии представляет собой типичный район диффузной индустриализации, основанной на автохтонных предприятиях, преимущественно мелких (менее 100 занятых), широко распространенных по территории, тесно связанных с сельской средой, со средними и малыми городами. Введение электронных технологий удачно сочетается здесь с опытом ремесленного производства, связанным с местной культурной традицией и подвижностью рабочей силы.

Индустриализация, основанная на малых предприятиях по модели Северо-Востока — Центра, требует развитой снабженческой сети и деятельности по оказанию услуг промышленности. При индустриализации по типу Северо-Востока — Центра заметна сильная тенденция к концентрации сферы услуг в крупных городах ареала индустри-

ализации. Происходит парадоксальное явление: децентрализованное развитие промышленности в сельской местности сочетается с концентрацией и городским характером третичной сферы [2]. При местном характере производства сбыт связан с мировым рынком — результат глобализации спроса. Это значит, что небольшая, часто семейная компания не так подвержена риску в случае ослабления местной экономики.

Примером промышленного округа (кластера) может служить деятельность известной компании «Бенеттон», производящей модную одежду. Ее главное и крупное предприятие находится в г. Тревизо, область Венето. Однако с ним связаны многочисленные малые предприятия, получающие заказы от фирмы «Бенеттон». Эти так называемые «промышленные связи» фирмы «Бенеттон» с более мелкими компаниями генерируют дополнительные рабочие места, вызывая «эффект мультипликации» и способствуя общему экономическому успеху компании. Типично для современной Италии и сочетание основной деятельности с её дополнительными видами. Так, в структуре «Бенеттона», имеется также тепличное хозяйство. «Бенеттон» привлекает к участию в своей работе специалистов-дизайнеров из разных стран мира, оплачивает научные исследования и разработки. К работам над проектами «Бенеттон» привлекаются также архитекторы, музыканты, веб-дизайнеры, фотографы.

Характерная черта итальянского промышленного округа — это государственная поддержка в сфере предоставления услуг по развитию бизнеса, услуг весьма разнообразных и связанных с конкретными производственными традициями каждой области (в англоязычной литературе — *real services*). В Италии насчитывается более 130 таких сервисных центров в 56 из 200 промышленных округов [15]. Такие центры предлагают широкий спектр услуг, в том числе: кредитные гарантии, страхование экспорта, организация ярмарок, доступ к информации о развитии рынков, рейтинг клиента, консультантов, тренинг, удаление отходов, борьба с загрязнением, сертификация качества и принятие решения о выдаче товарных знаков, продвижение продукции, поддержка инновационной деятельности, оптовые закупки материалов и тестирование продукта.

Итальянский опыт был бы весьма полезен для России, и первые шаги по применению итальянской модели развития промышленных округов уже сделаны. В ноябре 2003 г. Россия и Италия подписали Меморандум о создании промышленных округов на территории РФ с учетом итальянского опыта. В России практически созданы прообразы промышленных округов в Свердловской, Пермской и Московской областях, отвечающие необходимым критериям. Свою заинтересованность в развитии сотрудничества с итальянскими регионами по

данной тематике проявили Вологодская, Брянская, Пензенская, Тульская, Воронежская, Ростовская, Белгородская области, Республика Мордовия, Удмуртская республика.

По результатам проведенного Федеральным агентством по управлению особыми экономическими зонами в конце 2005 г. конкурса в число первых «особых экономических зон» (аналогов «промышленных округов») была включена Липецкая обл., что означает переход первого промышленного округа по производству бытовой электротехники в разряд особой экономической зоны (ОЭЗ). Вторая ОЭЗ будет располагаться в Татарстане и в ее создании самое активное участие примут итальянские компании в области производства полипропилена и изделий из него. Возможность создания ОЭЗ придаст дополнительный импульс развитию российско-итальянского сотрудничества по созданию итальянской модели промышленных округов на территории России и развитию сотрудничества в инвестиционной сфере в целом. Университет г. Тренто, обладающий большим опытом в области разработки схем организации, управления и информационного сопровождения технопарков, и компания «Вальмонт Энтерпрайзис» изучают также возможность создания в окрестностях г. Троицка Московской области научно-производственного комплекса — технопарка («промышленного округа») с участием итальянских компаний [5].

* * *

Италия в целом и каждая из ее областей вошли в категорию стран и территорий постиндустриального развития. Одной из главных характеристик «постиндустриальности» служит резкое преобладание в структуре экономики третичного сектора, прежде всего его «верхних этажей»: информатики, инновационной, организационной деятельности. Новая экономическая реальность выявляет новые территориальные характеристики и вызывает к жизни новое районирование Италии — появление нового понятия — «Третья Италия». Феномен Третьей Италии тесно связан с нетрадиционными путями индустриализации («диффузная индустриализация») и с терциаризацией экономики, т.е. с возрастанием роли в структуре экономики третичного сектора, особенно с развитием высших уровней сферы услуг. Опыт Италии может быть полезен и для России, особенно с точки зрения создания «промышленных округов» и кластерной организации малого бизнеса. Первые подобные опыты в нашей стране уже реализуются.

ЛИТЕРАТУРА

1. Галкина Т.А. Региональные проблемы в современной Италии // Регионы и регионализм в странах Запада и России. М.: Институт всеобщей истории, 2001. С. 50–62.
2. Галкина Т.А. Роль мелких предприятий в территориально-экономической структуре (на примере Италии) // Постиндустриальное развитие капиталистических стран. М.: Наука, 1993. С. 128–138
3. Зарубежный опыт работы технопарков. «Научные» технопарки <http://www.raexpert.ru/researches/technopark/part2/>
4. Кулагин Г.Д. География промышленности Италии. М.: Географгиз, 1954. 365 с.
5. Порфирьева О.Б. Промышленные округа в Италии // География, № 20, 2005. С. 3–11.
6. Annuario statistico italiano. 1974. Roma, 1974. P. 3, 11.
7. Bagnasco A. Economia e societa della piccola impresa // Italia: centri e periferie. Milano, F.Angeli, 1989. P. 84–98
8. Bagnasco A. Tre Italie. Bologna, Il Mulino, 1977.
9. Bagnasco A., Trigilia C. (eds.). Societa' e politica nelle aree di piccola impresa. Il caso di Bassano.Venezia, Arsenale editrice, 1984
10. Bagnasco A., Trigilia C. (eds.). Societa' e politica nelle aree di piccola impresa. Il caso della Valdelsa. Milano, Angeli, 1985.
11. Calendario Atlante De Agostini, 2008. Novara, Istituto Geografico De Agostini, 2008
12. Sulcis Iglesiente — UNESCO World Heritage Centre.htm.
13. Van Marle, Gavin. Europe Terminals stretched to limit. Lloyds List Daily Commercial News, 2008-01-31. Pp. 8–9.

Влияние внешнеторговых связей Китая и США на отраслевую структуру американской промышленности

Н.К. Куричев

США и Китай — две крупнейшие экономики мира. Торговые и, шире, внешнеэкономические отношения между ними становятся ключевым элементом мировой торговли и мировой экономической системы. Торговая связь между двумя странами сформировалась сравнительно недавно, поэтому она является важнейшим элементом динамики мировой торговли и изменения ее структуры. Торговые отношения США и Китая оказывают также значительное влияние на отраслевую и территориальную структуру промышленности и экономики в целом каждой из стран-партнеров. В обеих странах торговая политика по отношению к важнейшему партнеру превратилась в предмет острых дебатов. Эта проблематика непосредственно связана с будущим мировой торговой системы в целом и с перспективной системой взаимоотношений в рамках ВТО.

Динамика торговли США и Китая

Таблица 1 отражает динамику торговли США и Китая. В 1995 — 2007 гг. объем торгового оборота между США и Китаем рос в среднем на 18% в год и увеличился в 7 раз, достигнув уровня 386 млрд. долл. (321 — импорт в США, 65 — экспорт из США, сальдо — 256 млрд.) [17]. Это означает, что данная связь глобального масштаба фактически сформировалась за последние 15 лет [15]. Торговля с Китаем растет значительно более быстрыми темпами, чем торговля со странами — важнейшими партнерами США. Так, американский экспорт в Китай в 2006 году вырос на 32,0%, а в 2007 году на 18,1%.

Китай стал третьим торговым партнером США после Канады и Евросоюза, рассматриваемого как целое. Если же рассматривать отдельные страны, то Китай опережает всех членов ЕС по отдельности и уступает только Канаде. В свою очередь, США — крупнейший торговый партнер Китая. В настоящее время в рамках «Большой четверки» мировой экономики (США, ЕС, Япония, Китай) связь Китай — США ус-

Таблица 1

Торговля США с Китаем

	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007
Экспорт из США, млрд. долл.	14.3	13.1	16.3	19.2	22.1	28.4	34.7	41.8	55.2	65.1
Темпы прироста, %	10.9	-8.0	24.4	18.3	15.1	28.5	22.2	20.6	32.0	18,1
Импорт в США, млрд. долл.	71.2	81.8	100.0	102.3	125.2	152.4	196.7	243.5	287.8	321.4
Темпы прироста, %	13.8	14.9	22.3	2.2	22.4	21.7	29.1	23.8	18.2	15,3
Товарооборот, млрд. долл.	85.5	94.9	116.3	121.5	147.3	180.8	231.4	285.3	343.0	386.5

Источники: [17].

тупает только связи США — Евросоюз, а также связи США — Канада (табл. 2; рис. 1).

Таблица 2

Торговля США с основными торговыми партнерами

	Миллиардов долларов в год				Доля в торговых потоках, %			
	1995	2000	2006	2007	1995	2000	2006	2007
Европейский Союз								
Экспорт	124	168	214	247	21,2	21,5	20,6	21,2
Импорт	132	227	330	355	17,7	18,6	17,8	18,2
Сумма	256	395	544	602	19,3	19,8	18,8	19,3
Баланс	-8	-59	-116	-107	5,0	13,5	14,2	13,5
Канада								
Экспорт	127	179	231	249	21,7	22,9	22,3	21,4
Импорт	144	231	302	313	19,4	19,0	16,3	16,0
Сумма	272	410	533	562	20,5	20,5	18,4	18,0
Баланс	-17	-22	-72	-64	10,7	5,0	8,8	8,1

Китай								
Экспорт	12	16	55	65	2,1	2,0	5,3	5,6
Импорт	46	100	288	321	6,2	8,2	15,5	16,4
Сумма	57	116	343	386	4,3	5,8	11,9	12,4
Баланс	-34	-84	-233	-256	21,4	19,3	28,5	32,4
Япония								
Экспорт	64	65	60	63	10,9	8,3	5,8	5,4
Импорт	123	146	148	145	16,5	12,0	8,0	7,4
Сумма	188	211	208	208	14,1	10,6	7,2	6,7
Баланс	-59	-82	-89	-83	37,1	18,8	10,9	10,5
Мексика								
Экспорт	46	111	134	137	7,9	14,2	12,9	11,8
Импорт	62	136	198	211	8,3	11,2	10,7	10,8
Сумма	108	247	332	347	8,1	12,4	11,5	11,1
Баланс	-16	-25	-64	-74	10,1	5,7	7,8	9,4
Мир в целом								
Экспорт	585	782	1037	1163	100,0	100,0	100,0	100,0
Импорт	744	1218	1854	1953	100,0	100,0	100,0	100,0
Сумма	1329	2000	2891	3116	100,0	100,0	100,0	100,0
Баланс	-159	-436	-817	-790	100,0	100,0	100,0	100,0

Источник: расчеты автора по данным [17].

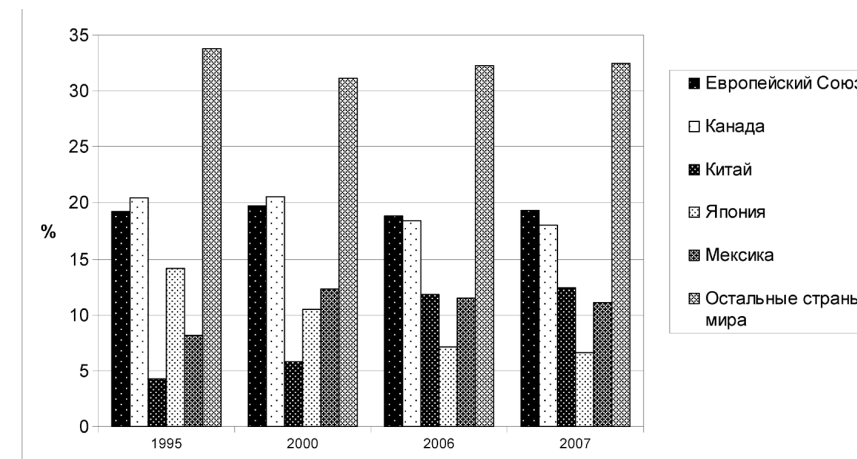

Рис. 1. Доля основных торговых партнеров во внешней торговле США [17].

Рост доли Китая в американской торговле с 4,3% до 12,4% в 1995–2007 гг. (+7,9 процентных пункта) произошел почти исключительно за счет доли Японии, которая за тот же период снизилась с 14,1% до 6,4% (–7,7 процентных пункта), а во второй половине указанного периода — отчасти за счет Мексики, доля которой в 2000–2007 гг. снизилась с 12,4 до 11,1%. Доли остальных крупных торговых партнеров оставались практически неизменными, как и доля ведущей пятерки в торговле США в целом [7]. Китай в гораздо большей степени является конкурентом для Тайваня, Таиланда, Мексики [3], чем для США.

АСИММЕТРИЯ ДВУСТОРОННЕЙ ТОРГОВЛИ

Торговля США и Китая резко асимметрична. Экспорт США в Китай в 4,9 раза меньше, чем импорт из этой страны. Дисбаланс двусторонней торговли для обоих партнеров превратился в серьезную макроэкономическую проблему. Отрицательное сальдо торговли с Китаем вносит важный вклад в общий дефицит торгового баланса США, дефицит текущего платежного баланса, формирование потоков капитала [2; 8]. Дешевый импорт из Китая был в последние годы важным фактором сдерживания инфляции в США и поддержания текущего высокого уровня потребления за счет постоянного снижения цен на продукцию обрабатывающей промышленности, особенно на потребительские товары. Китай выступал дефлятором мирового значения. Китайский экспорт, представляющий собой материализованный труд дешевой рабочей силы, создает значительное давление на рынки

труда в США. Как прямо, путем конкуренции с продукцией американской промышленности и некоторых секторов сферы услуг, так и косвенно, через угрозу переноса производства в Китай [16].

Для Китая профицит торговли с США вызывает приток валюты в национальную экономику, что ведет к ее перегреву, появлению спекулятивных «мыльных пузырей», формированию явно избыточных валютных долларовых резервов. Китай — второй в мире покупатель облигаций Федерального Казначейства США и этим помогает покрывать дефицит бюджета США.

Роль торговли во внешнеэкономических отношениях Китая и США значительно выше, чем в отношениях США с развитыми странами за счет сравнительно низкого уровня развития неторговых связей [2;8]. Дефицит торгового баланса США с Китаем компенсируется дисбалансом потоков капитала. Прямые американские инвестиции в Китае очень значительны, но в то же время китайские в США сравнительно невелики. На основании асимметрии связи можно говорить о формировании единой комплиментарной системы «глобальная сборочная фабрика (Китай)» — «глобальный супермаркет (США)».

Следует иметь в виду, что «качество» импорта сильно различается в зависимости от отрасли. Большие объемы экспорта продукции электронной промышленности основаны на сборочных производствах, при которых в Китае остается незначительная часть добавленной стоимости, а ее большая часть приходится на поставщиков ключевых компонентов (Японию, Тайвань, иногда США). В то же время в легкой промышленности, электротехнической промышленности и других отраслях доля добавленной стоимости, остающейся в Китае, существенно выше.

СТРУКТУРНАЯ ПЕРЕСТРОЙКА КИТАЙСКОГО ЭКСПОРТА

Двусторонняя торговля не только быстро увеличивается количественно, но и меняется качественно (табл. 3). В экспорте Китая растет доля сложных и высокотехнологичных товаров. На компьютеры и электронику в 2005 году пришлось 32,1% американского импорта из Китая (23,8% в 2000 году) [9;17]. Доля машин и оборудования возросла с 4,5% до 5,9% (до 18 млрд. долл.), доля изделий из кожи за тот же период упала с 11,6% до 6,6%.

Китай начал выступать как поставщик комплектующих для американского машиностроения (рис. 2). Продвижение Китая на машиностроительный рынок США началось с его периферийных частей и пока сравнительно слабо затронуло его ядро — поставки специального оборудования для конкретных отраслей промышленности. Присутствие Китая значительно в сегментах, смежных с электротехникой и

Таблица 3
Крупнейшие статьи импорта США из Китая в 2006 г.

Товар	Объем импорта, млрд. долл.	Доля товарной группы в импорте, %	Прирост к 2005 г., %
Электроника	64,9	18,9	22,2
Электротехническая продукция	62,3	18,2	18,1
Игрушки, игры	20,9	6,1	9,1
Одежда	19,9	5,8	18,2
Мебель	19,4	5,7	13,5
Обувь	13,9	4,1	9,2
Черные металлы	10,5	3,1	42,2
Пластмассы и смолы	7,5	2,2	12,4
Кожа, товары для путешествий	6,8	2,0	9,2
Транспортные средства (кроме ж.д.)	5,1	1,5	22,0
Итого	231,2	67,4	
Импорт всего	343	100	20,2

Источники: [9; 17].

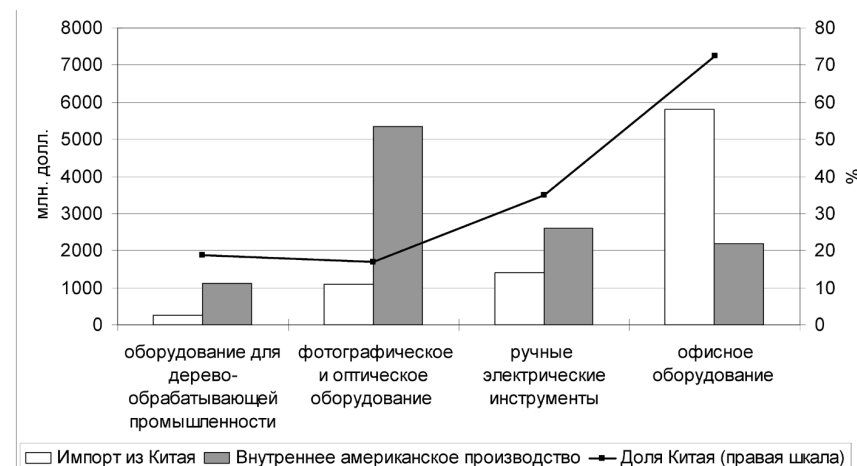

Рис. 2. Соотношение импорта и внутреннего американского производства на некоторых машиностроительных рынках [13; 17].

электроникой: офисное оборудование (5,7 млрд. долл. импорта), сравнительно простые инструменты личного пользования (1,4 млрд. долл.), оборудование для низкотехнологичных отраслей (287 млн. долл. приходится на сельскохозяйственное оборудование, 335 млн. долл. — на строительное), оборудование общего назначения (1,4

млрд. долл. — системы охлаждения, нагрева и кондиционирования, по 200–300 млн. долл. — компрессоры, системы трансмиссии, двигатели) [5]. В среднем импорт промышленного оборудования из Китая составляет 9% от продаж продукции американских производителей, но в отдельных отраслях он существенно выше.

По многим потребительским товарам Китай является крупнейшим поставщиком в США, а США — ключевым рынком сбыта целых отраслей китайской промышленности. На потребительские товары приходится 80% импорта из Китая, на промышленное оборудование и сырье — около 20% (в целом в импорте США по 50%). На Китай приходится 25,8% импорта потребительских товаров и только 5,4% в поставках товаров для промышленности (сырья, комплектующих, оборудования) [9]. Потребительский рынок играет роль основного канала распространения китайских товаров, но его потенциал близок к исчерпанию, поэтому промышленная интеграция, а также развитие неторговых форм внешнеэкономических отношений — основной ресурс роста двусторонних связей в будущем. Процесс интеграции промышленности США и Китая через формирование единых производственных цепочек находится на сравнительно ранней стадии. Показателем этого является сравнительно низкая доля внутрикорпоративной торговли в импорте из Китая, которая выросла с 10,5 % в 1992 году до 27,1 % в 2004 году (в среднем в американском импорте около 50%) [15]. Эта доля очень быстро растет, хотя в этом показателе не учитываются поставки предприятий, построенных американскими инвесторами, если только они не принадлежат непосредственно компании — импортеру, поэтому реальная роль американских компаний в импорте гораздо выше. Китайский экспорт в значительной степени основан на иностранных инвестициях (до 2/3 экспорта приходится на фирмы с участием иностранного капитала), при этом на 4 азиатские страны (Япония, Южная Корея, Тайвань и Гонконг) приходится 70% прямых иностранных инвестиций в Китай, а доля США оценивается в 20% [7; 8].

СТОИМОСТЬ РАБОЧЕЙ СИЛЫ КАК ФАКТОР РОСТА ДВУСТОРОННЕЙ ТОРГОВЛИ

Важнейшей причиной роста обрабатывающей промышленности КНР и перевода в Китай многих промышленных предприятий из развитых стран является наличие там многочисленной дешевой рабочей силы. По данным за 2005 год, средняя зарплата в обрабатывающей промышленности Китая составила 18364 юаня, или 2500 долларов в год (0,87 доллара в час), а в США — 15 долларов в час [4; 15]. Однако в основных экспортных отраслях (электронике, электротехнике) уровень заработной платы на 25–40% выше, чем в среднем по стране, и

растет опережающими темпами (10–15% в год в постоянных долларовых ценах, с учетом инфляции).

В настоящее время некорректно говорить об участии Китая как единого целого во внешней торговле и мировой экономике, так как значительная часть страны слабо с ней связана, а разница в уровнях ВРП на душу населения между провинциями достигает 10 раз. На 10 приморских провинций приходится 70% китайского экспорта, 50% — на Шанхай, Гуандун и Цзянсу, а 58% — на 10 городов. В провинции Гуандун средняя годовая оплата труда работника обрабатывающей промышленности в 2005 году составила 30 тысяч юаней, или 4100 долларов, а в Шанхае — до 5000 долларов [4; 15].

Учитывая территориальные и отраслевые различия в уровне оплаты труда, реальная заработная плата контингента китайских рабочих, создающих основную часть экспортных товаров, выше средней по стране в 2–4 раза и составляет не 2500, а 5000–10000 долларов. Стоимость остальных факторов производства — капитала, сырья и земли — сопоставима с мировым уровнем или выше из-за инфраструктурных ограничений, перегрева рынка, физического дефицита земли, электроэнергии, некоторых видов сырья.

Дешевая рабочая сила — ресурс, с помощью которого Китай сокращает разрыв с развитыми странами. При конкуренции она компенсирует отставание во многих других отношениях (квалификация рабочих, уровень технического оснащения и организации труда, научные исследования). Однако без качественного развития экономики и промышленности потенциал роста на основе этого ресурса был бы быстро исчерпан. Реальные производственные издержки в Китае достаточно высоки, и конкурентоспособность Китая в долгосрочной перспективе поддерживается не столько дешевой рабочей силой, сколько стремительной структурной перестройкой экономики и большими государственными и частными инвестициями в основные фонды.

ЭФФЕКТ ЗАМЕЩЕНИЯ

Сопоставление динамики импорта товаров из Китая и третьих стран, внутреннего американского производства и экспорта для конкретных отраслей промышленности за 2000–2006 годы характеризует динамику американского отраслевого рынка, масштаб присутствия китайских, американских и иных производителей. Такая методология позволяет зафиксировать факт сокращения продаж американских производителей в отдельных отраслях и одновременного сопоставимого по масштабам роста продаж китайских производителей при постоянной величине импорта из третьих стран. Далее данный про-

цесс будет обозначаться как эффект замещения. На основании торговой статистики и данных по промышленному производству США можно утверждать, что происходит замещение американской промышленной продукции аналогичной китайской, то есть перемещение промышленного производства из США в Китай. Однако анализ взаимосвязи между темпами роста промышленности США и темпами роста импорта товаров из Китая показывает наличие значительной положительной обратной связи, то есть периоды наиболее интенсивного роста импорта из Китая и промышленного производства США совпадают. Следовательно, импорт способствует росту американской промышленности в целом за счет оптимизации ее отраслевой структуры.

Такой подход обладает рядом ограничений. Во-первых, отрасль представляет собой сугубо статистическое понятие, в то время как реальные экономические процессы происходят на конкретных рынках. Во-вторых, такая методология позволяет только зафиксировать факт временного совпадения 1) изменения объемов продаж американской промышленности и 2) изменения объема импорта товаров из Китая, но ничего не говорит о движущих силах процесса. Предположение о вытеснении американских производителей с рынка китайскими конкурентами и гипотеза сознательного переноса производства в Китай американскими компаниями — две альтернативные интерпретации этого процесса. Возможно, связь является не причинно-следственной, а корреляционной.

В-третьих, промышленность США зависит не только от влияния Китая, но и от многих других факторов, возможно, более существенных, и выделить в ее динамике ту составляющую, которая может расцениваться как результат воздействия «китайского фактора», достаточно проблематично. Динамика промышленности США определяется, прежде всего, сменой фаз экономических циклов в США и сменой характера роста от цикла к циклу. Период анализа включает в себя окончание периода роста 1997–2000 годов на волне бума информационных технологий, рецессию 2001–2002 годов, связанную с кризисом индустрии высоких технологий, рост 2003–2007 годов, связанный с бумом финансового сектора, строительства, потребительского рынка, но с низким уровнем инвестиций, и период финансового кризиса 2007–2008 гг. [2; 13; 14].

Под американскими производителями понимаются производители, которые находятся в США и фиксируются статистикой как внутреннее, в их продажи не включены продажи их дочерних компаний в Китае и третьих странах, осуществляемые в США. Аналогично под китайскими производителями понимаются все фирмы, чьи производственные мощности находятся в КНР, вне зависимости от их собственника и управляющего. Очевидно, что достаточно значительная часть

импорта из Китая приходится на компании, принадлежащие американским инвесторам, однако статистика не позволяет точно установить их долю.

ТИПОЛОГИЯ ОТРАСЛЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ США ПО ХАРАКТЕРУ ЭФФЕКТА ЗАМЕЩЕНИЯ

Отрасли промышленности США можно разделить по характеру эффекта замещения на пять основных типов.

Тип 1. Отрасли абсолютного эффекта замещения (электроника, электротехника, производство одежды, производство кожаных изделий). Объем продаж этих отраслей в США за 2000–2005 гг. снизился при одновременном и сопоставимом по масштабу росте импорта из Китая. Это позволяет сделать вывод о замещении продукции данной отрасли и компенсации спада в промышленности США китайскими импортными товарами. Данные отрасли требуют большого количества рабочей силы низкой квалификации, поэтому эффект замещения в них оказался наиболее выраженным.

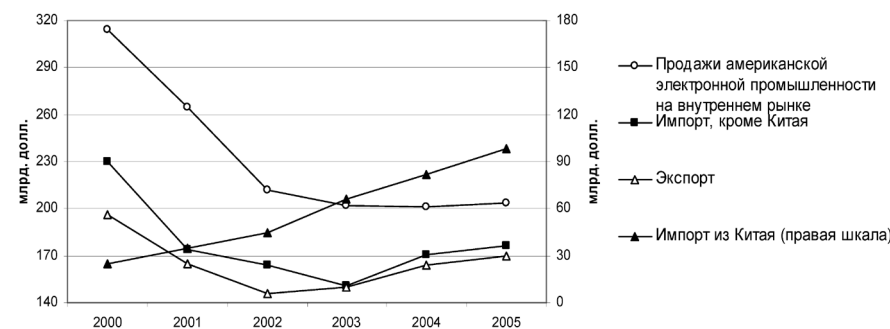

Рис. 3. Динамика американского рынка электроники [11; 12; 13; 17].

Наиболее ярким примером эффекта замещения является электронная промышленность (рис. 3). За 2000–2005 год импорт из Китая увеличился с 25,5 до 98 млрд. долл., то есть прирост составил около половины снижения производства в США (147 млрд. долл.).

За 2000–2005 гг. производство электротехнических изделий в США снизилось с 118 до 82 млрд. долл., в то время как импорт из Китая вырос с 9 до 22 млрд. долл., компенсировав почти 40% спада, а импорт из других стран вырос с 32 до 43 млрд. долл., компенсировав еще 25% спада.

Самым ярким примером фактического свертывания в США целой отрасли и замещения ее китайской продукцией является произ-

водство изделий из кожи. За 5 лет оно снизилось с 9,6 до 3,1 млрд. долл. — более чем втрое, а импорт из Китая вырос с 12,5 до 20,3 млрд. — то есть не только компенсировал спад, но и увеличил рынок (рис. 4). При этом импорт из других стран колебался в пределах 9,8–10,3 млрд. долл.

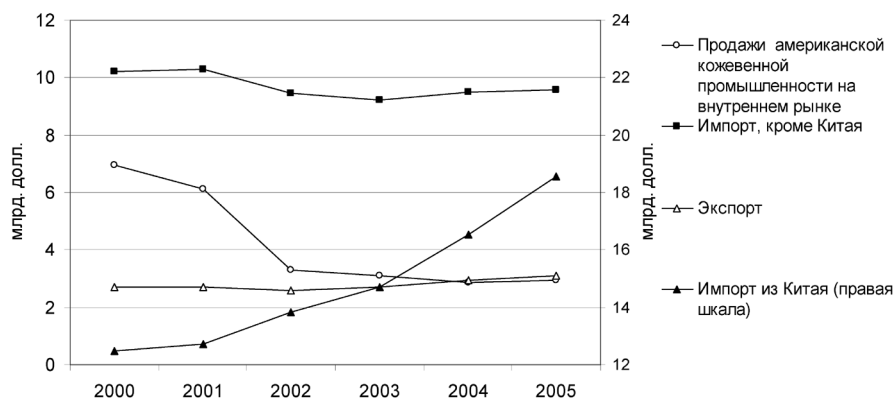

Рис. 4. Динамика американского рынка изделий из кожи [11; 12; 13; 17].

Тип 2. Отрасли относительного эффекта замещения (производство пластмасс и синтетических смол, мебельная промышленность (рис. 5), текстильная промышленность, металлообработка). Доля китайских производителей на рынке значительно увеличилась, а доля американских упала, однако абсолютные объемы продаж американских производителей выросли или не изменились, поэтому этот тип можно квалифицировать как относительное замещение.

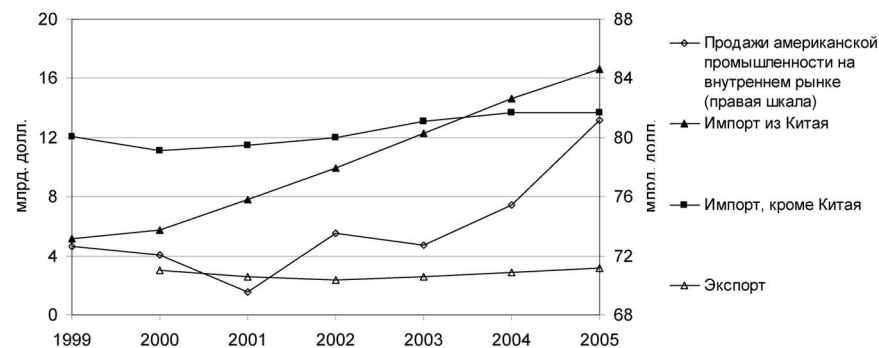

Рис. 5. Динамика американского рынка мебели, млрд. долл. [11; 12; 13; 17].

Тип 3. Сырьевые отрасли (нефтехимическая и газохимическая промышленность, металлургия (рис. 6)). В этих отраслях доля Китая в продажах настолько мала, что говорить о его прямом влиянии невозможно. Однако косвенно быстрый рост этих отраслей в 2000-2005 гг. обусловлен ростом мировых цен на соответствующую продукцию под воздействием Китая на мировые сырьевые рынки. Эти отрасли в Китае, несмотря на быстрый рост, не в состоянии полностью удовлетворить внутренний спрос и поэтому не могут осуществлять зарубежную экспансию.

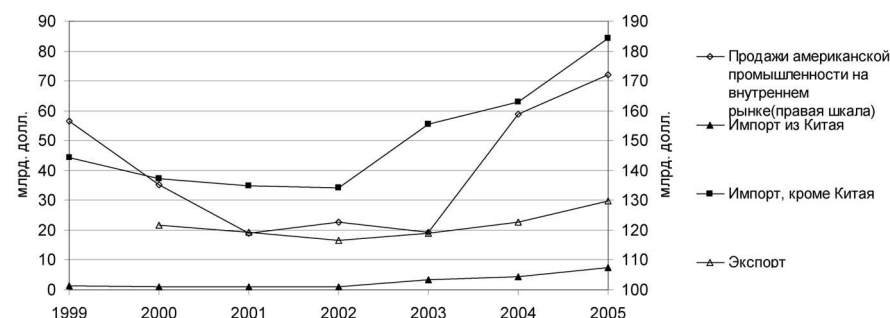

Рис. 6. Динамика американского рынка металлургической продукции, млрд. долл. [11; 12; 13; 17].

Тип 4. Отрасли международной специализации США (фармацевтика, тонкая химия (рис. 7), транспортное машиностроение, общее машиностроение). Доля Китая на соответствующих рынках мала, но устойчиво растет. Это практически не сказывается на динамике соответствующих отраслей американской промышленности, которые растут достаточно высокими темпами. В этих отраслях США занимают лидирующие позиции в мире и имеют максимальные конкурентные преимущества. Прямая конкуренция китайских производителей с американскими пока невозможна из-за недостаточного уровня развития китайской промышленности и очень высоких входных барьеров в этих отраслях.

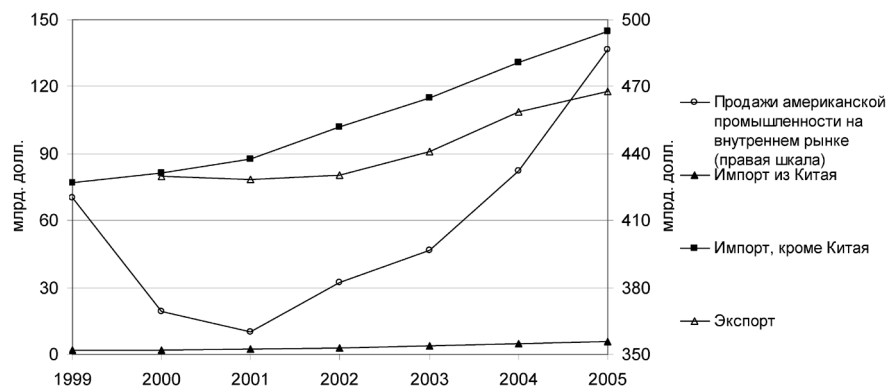

Рис. 7. Динамика американского рынка химикатов и фармацевтики, млрд. долл. [11, 12, 13, 17].

Тип 5. Отрасли потребительского спроса (пищевая (рис.8), деревообрабатывающая, целлюлозно-бумажная, полиграфическая промышленность, производство напитков). Доля Китая на этих рынках и темпы ее роста сравнительно невелики. Эти отрасли в наибольшей степени ориентированы на стандарты и вкусы потребителя. Кроме того, Китай испытывает нехватку сырья для некоторых из этих отраслей, а его внутренний рынок слабо насыщен. По многим позициям внутренний спрос сильно превышает производственные возможности соответствующих отраслей китайской промышленности, поэтому экспорт этой продукции ограничен.

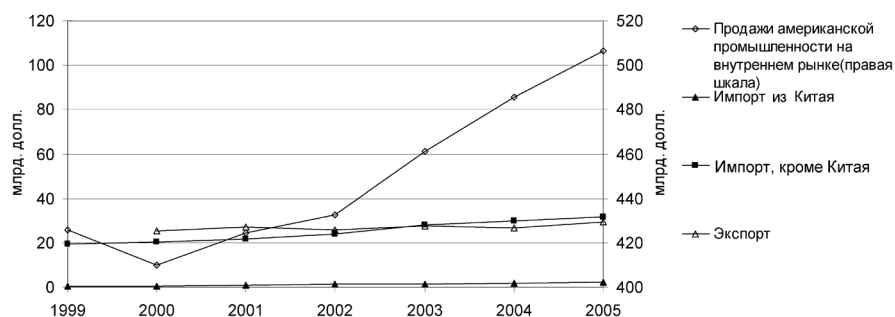

Рис. 8. Динамика американского рынка продукции пищевой промышленности, млрд. долл. [11; 12; 13; 17].

Дальнейший рост доли китайских производителей в среднесрочной перспективе замедлится из-за насыщения рынков и освоения большинства доступных ниш. Для продвижения в более сложные ниши необходимо создание брендов, полных производственных цепочек с высокими требованиями к качеству, научно-технической школы и большие расходы на НИОКР. Перспективы роста импорта из Китая в США связаны с продолжением экспансии китайских производителей на рынках отраслей типов 1 и 2, а в среднесрочной перспективе — с сотрудничеством в рамках типа 4. Отрасли типов 3 и 5 давлению импорта из Китая в среднесрочной перспективе будут подвергаться слабо и только в отдельных сегментах.

ИНДЕКСЫ ЭФФЕКТА ЗАМЕЩЕНИЯ

Для количественного анализа эффекта замещения по отраслям промышленности США введены два индекса — индекс абсолютного эффекта замещения и индекс относительного эффекта замещения.

Индекс абсолютного эффекта замещения рассчитан по формуле

$$I_a = \pm 100 \cdot \sqrt{|\Delta V_a \cdot \Delta Y_a|} \quad (1),$$

где ΔV_a — отношение изменения объема продаж американских производителей за 2000–2005 год к продажам в 2000 году, рассчитанное по формуле $\Delta V_a = (V_{2005} - V_{2000}) / V_{2000}$ (V_{2005} — объем продаж американских производителей на внутреннем рынке в 2005 году, V_{2000} — в 2000 году),

ΔY_a — отношение изменения объема импорта из Китая за 2000–2005 год к объему импорта в 2000 году, рассчитанное по формуле $\Delta Y_a = (Y_{2005} - Y_{2000}) / Y_{2000}$ (Y_{2005} — объем импорта в 2005 году, Y_{2000} — в 2000 году).

Индекс относительного эффекта замещения рассчитан по формуле

$$I_r = \pm 100 \cdot \sqrt{|\Delta V_r \cdot \Delta Y_r|} \quad (2),$$

где ΔV_r — отношение изменения доли американских производителей на рынке США за 2000–2005 год к доле в продажах в 2000 году, рассчитанное по формуле $\Delta V_r = (W_{2005} - W_{2000}) / W_{2000}$ (W_{2005} — доля американских производителей в продажах в 2005 году, W_{2000} — в 2000 году),

ΔY_r — отношение изменения доли импорта из Китая на рынке США за 2000–2005 год к доле в продажах в 2000 году, рассчитанное по формуле $\Delta Y_r = (X_{2005} - X_{2000}) / X_{2000}$ (X_{2005} — доля импорта из Китая в продажах в 2005 году, X_{2000} — в 2000 году).

Коэффициент 100 введен в формулы для облегчения восприятия.

Знак в формулах (1) и (2) определяется знаком произведений $\Delta V_a \cdot \Delta Y_a$ и $\Delta V_r \cdot \Delta Y_r$ соответственно. Теоретически одновременный рост и одновременное сокращение (например, за счет роста доли производителей из третьих стран или при общем сжатии рынка) объемов или долей как американских, так и китайских производителей приводит к положительному знаку. Аналогично, знак не позволяет различить рост продаж китайских производителей на фоне падения продаж американских и обратную ситуацию — рост продаж американских производителей на фоне падения продаж китайских (в обоих случаях знак отрицательный). Однако фактически за указанный период одновременного сокращения объемов (долей) китайских и американских производителей или сокращения объемов (долей) китайских производителей зафиксировано не было. Поэтому отрицательное значение произведения и соответственно индекса позволяет корректно утверждать, что происходит эффект замещения. Положительное значение говорит о том, что происходит рост объемов (долей) американских производителей. Близкое к нулю значение индекса говорит о том, что рыночная ситуация в этом аспекте не меняется.

Теоретическое минимальное значение индекса относительного эффекта замещения (при снижении доли американских производителей с 100% до 0% и одновременном росте доли китайских производителей с 0% до 100%) составляют –100. Теоретическое минимальное значение индекса абсолютного эффекта замещения (при полной ликвидации отрасли в США и импорте из Китая всего объема продукции) может быть менее –100, если объем импорта из Китая в конце периода превышает объем рынка в начальный момент.

Значения индексов подтверждают приведенную типологию отраслей промышленности США по характеру эффекта замещения (Табл.4). Для отраслей абсолютного эффекта замещения характерны значительные отрицательные значения как абсолютного, так и относительного индексов (от –48,8 до –9,0 и от –70,1 до –15,5 соответственно). Для отраслей относительного эффекта замещения характерны умеренно отрицательные значения относительного индекса (от –10,2 до –3,9) при положительных значениях индекса абсолютного замещения (от +4,2 до +12,4). Для сырьевых отраслей и отраслей специализации промышленности США характерны положительные значения индекса абсолютного эффекта замещения (от +1,5 до +7,6) и умеренно отрицательные значения индекса относительного эффекта замещения (от –10,3 до +0,3), хотя сущность происходящих в этих двух группах отраслей процессов принципиально различается. Для

Таблица 4
Индексы эффекта замещения по отраслям промышленности США

Тип	Отрасль	Индекс абсолютного эффекта замещения I_a	Индекс относительного эффекта замещения I_r
Тип 1. Отрасли абсолютного эффекта замещения	Производство изделий из кожи	-48,8	-70,1
	Производство одежды и аксессуаров	-30,4	-34,3
	Электроника	-17,1	-27,0
	Электротехника	-9,0	-15,5
Тип 2. Отрасли относительного эффекта замещения	Металлообработка	4,2	-3,8
	Производство пластмасс и синтетических смол	5,7	-4,0
	Мебельная промышленность	12,4	-10,2
Тип 3. Сырьевые отрасли	Металлургия	7,6	-3,9
	Первичная переработка полезных ископаемых	6,3	-3,0
	Нефте-, газо- и углехимия	1,5	0,3
Тип 4. Отрасли международной специализации США	Транспортное машиностроение	2,0	-2,6
	Общее машиностроение	3,7	-10,3
	Производство химикатов	5,0	-2,5
Тип 5. Отрасли потребительского спроса	Полиграфическая промышленность	-2,7	-1,7
	Целлюлозно-бумажная промышленность	-1,1	-1,8
	Пищевая промышленность	2,5	-0,6
	Производство напитков и табачной продукции	0,3	0,0
	Деревообрабатывающая промышленность	6,0	-3,2
Промышленность США в целом		6,7	-0,3

Источники: Рассчитано автором по данным [11; 12; 13; 17].

отраслей потребительского спроса характерны близкие к нулю значения обоих индексов (от -2,7 до +6,0). Значение индекса абсолютного эффекта замещения всегда больше, чем значение относительного эффекта замещения. Индекс абсолютного эффекта замещения со-

ставляет в среднем по промышленности США +6,0, отражая сочетание быстрого роста импорта и умеренного роста внутреннего производства. Индекс относительного эффекта замещения в среднем составляет — 0,3, что означает, что быстрый рост доли китайских производителей происходит с низкой базы и ведет к сравнительно малому сокращению доли рынка американских производителей, а также осуществляется частично за счет производителей из третьих стран. В самом ярком случае (производство изделий из кожи) значения индексов составляют –48,8 и –70,1 соответственно, что говорит об очень глубоком эффекте замещения.

ФАКТОРЫ ПРОЯВЛЕНИЯ ЭФФЕКТА ЗАМЕЩЕНИЯ

Факторы проявления эффекта замещения — частный случай факторов подвижности или стабильности территориальной структуры промышленности [1]. Из-за специфики данного конкретного случая максимальному эффекту замещения подверглись не только структурно кризисные, но и самые динамичные отрасли, так как инерция предыдущего развития воздействовала на них слабее.

Важнейшим фактором, определяющим степень подвижности отрасли, является соотношение основных факторов производства, в первую очередь труда и капитала. Капиталоемкие отрасли с большим объемом основных фондов и сложной сетью производственных связей (тяжелое машиностроение) слабо подвержены территориальным сдвигам, так как барьер затрат на перемещение очень высок. В то же время отрасли с низкой капиталоемкостью (простая электроника, легкая промышленность) сравнительно легко перемещаются. Чем выше доля принципиально нетранспортабельных зданий и сооружений в стоимости основных фондов, тем менее подвижна отрасль. В Китае перемещаются отрасли с относительно небольшим объемом инвестиций и короткими сроками окупаемости, а в США остаются отрасли с высокими начальными инвестициями и длительными периодами окупаемости (сложное машиностроение). Величина входного барьера действует как фактор стабильности. Эффект замещения был ярче выражен в отраслях, которые сильнее зависят от колебаний инвестиционного спроса в США и теснее привязаны к общеэкономической динамике, а слабее — в отраслях, ориентированных на удовлетворение повседневного потребительского спроса (пищевая промышленность).

Так как конкурентные преимущества Китая максимальны в отраслях промышленности, требующих большого количества низкоквалифицированного труда, то в наибольшей степени подвержены перемещению трудоемкие отрасли. Поскольку механизмом продвижения китайских товаров в США является потребительский рынок, то произ-

водство товаров широкого потребления подверглось переносу в большей степени, чем производство товаров для промышленности. Китай уступает в неценовых формах конкуренции (качество и надежность продукции, послепродажное обслуживание, оперативность поставок, соблюдение технологических и экологических стандартов и норм безопасности, наличие традиционных связей поставщика с потребителем). Поэтому продвижение Китая легче всего осуществляется на рынках, где преобладает ценовая конкуренция, и затруднено на рынках, где преобладают неценовые формы (например, продукция машиностроения) [6].

Эффекту замещения не подвергаются отрасли, которые в Китае не развиты в силу технологической отсталости, или не в состоянии удовлетворить собственные потребности китайской экономики (лесообрабатывающая, целлюлозно-бумажная, отчасти пищевая промышленность, металлургия). Напротив, спрос Китая стимулировал их развитие в США через рост цен на мировом рынке.

Важное ограничение китайской экспансии — локальный характер современного гибкого производства, ориентированного на выпуск продукции малыми сериями и быструю смену моделей (постфордизм). Оперативность и гарантия качества оказываются важнее цены и стимулируют размещение производства компонентов вблизи района сборки и в стране с аналогичными техническими стандартами [6]. Происходит постепенное разделение промышленного производства на два типа: глобализованное и локализованное. Этим двум типам присущи принципиально разные пути оптимизации: для первого типа оптимизация происходит в глобальном масштабе в соответствии с минимальными издержками и экономией на масштабе при низких транспортных расходах. Для второго типа оптимизация ограничена требованиями оперативности, размерами целевого локального рынка и транспортабельностью продукции.

СМЕНА МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ КИТАЯ

Внеэкономические, в частности внешнеторговые, отношения с США являлись для Китая на протяжении последнего десятилетия одним из важнейших факторов промышленного и технологического развития в рамках экспортоориентированной индустриализации. Однако к 2007–2008 годам эта модель в значительной степени исчерпала свой потенциал и столкнулась с ограничениями роста, которые частично были внешними, а частично были вызваны самим характером роста в рамках данной модели.

Так, емкость мирового рынка экспортируемых Китаем товаров велика, но ограничена. Индекс цен на основные китайские экспорт-

ные товары постоянно падал в течение 10 лет, что вынуждало китайских производителей для поддержания объема продаж увеличивать производство, что вызывало следующий виток падения цен. Формировалась положительная обратная связь. Аналогичный эффект имело постоянное вовлечение в промышленное производство в Китае новых контингентов дешевой рабочей силы [4]. Китай постоянно расширял набор экспортных рынков в структурном и территориальном отношении, китайские производители постоянно смещаются в более высокие сегменты рынков по качеству и цене, а наиболее примитивные производства выносятся либо в глубинные районы страны, либо в третьи страны.

В то же время материалоемкий характер индустриализации Китая, рост базовых отраслей промышленности и массовое инфраструктурное строительство вызвали рост спроса и соответственно цен на большинство сырьевых товаров сначала на китайском, а затем и на мировых рынках. В настоящее время этот эффект стал сопоставим с дефляционным значением Китая. Китай сформировал «ножницы цен» для своих же производителей, которые сталкиваются с ростом цен на сырье на фоне снижения цен на готовую продукцию и роста курса юаня к доллару, что дополнительно снижает их конкурентоспособность. Происходит перелом тенденции от снижения к повышению стоимости промышленных товаров [3].

Следовательно, назрела необходимость смены модели экономического роста. Экспортоориентированная индустриализация «любой ценой» с очень низким уровнем заработной платы, тяжелыми условиями работы, отсутствием социального, медицинского и пенсионного страхования, очень высокой нормой накопления, уровнем инвестиций и темпами роста ВВП останется в прошлом. Ее сменяет более сбалансированная модель, ориентированная на внутренний потребительский рынок, смещение акцента на потребление, а не накопление, улучшение условий труда. Эта смена должна также сгладить колоссальные диспропорции в уровне и темпах экономического развития между различными регионами Китая и смягчить социальные противоречия, возникшие из-за крайне неравномерного распределения доходов.

Как показывает пример Японии 1980-х годов, такой переход достаточно сложен. «Декаплинг» (отвязка темпов роста развивающихся экономик стран Азии от темпов роста экономики США и развитых стран) предполагает смену основных рынков и факторов роста. В рамках экспортоориентированной индустриализации промышленные предприятия в Китае возникали для удовлетворения внешнего спроса, поэтому сама структура промышленности Китая в значительной степени определялась извне.

СОПРЯЖЕННОЕ РАЗВИТИЕ США и Китая

Индустриальное развитие Китая является важной предпосылкой постиндустриального развития США. Это важнейший долгосрочный эффект китайского влияния, который безусловно является для США положительным. Соединенные Штаты получают возможность сокращать долю промышленности в ВВП (до 11% в 2006 году по сравнению с 42% в Китае) за счет сравнительно низкоэффективных отраслей и концентрировать ресурсы на развитии наиболее конкурентоспособных секторов сферы услуг. В США остаются сферы производственного комплекса, где создается максимум добавленной стоимости — реклама, НИОКР, управление, послепродажное обслуживание. Происходит качественная перестройка экономики и обрабатывающей промышленности США, причем влияние Китая является не причиной, а вспомогательным условием, хотя и достаточно важным, этого процесса. В то же время индустриальное развитие Китая опирается на американский рынок, технологии и инвестиции, то есть зависит от постиндустриального развития США. Сопряженное взаимодополняющее развитие двух экономик происходит в разных направлениях.

За счет использования ресурсов Китая растет степень специализации американской промышленности, ее степень самодостаточности и замкнутости снижается, системные границы распространяются за национальные рамки. Наименее эффективные производства выносятся за пределы США, а высвободившиеся финансовые и кадровые ресурсы перенаправляются в отрасли промышленности и сектора сферы услуг, где конкурентные преимущества США максимальны (автомобилестроение, авиастроение, точное приборостроение, производство средств связи, фармацевтика) (табл. 5). Так, доля отраслей абсолютного эффекта замещения значительно сократилась как в экспорте, так и в производстве (особенно сильно снизилась доля электроники), в то время как доля отраслей международной специализации выросла (кроме транспортного машиностроения). Этот эффект был отчасти искажен резким ростом доли сырьевых отраслей, который определялся не их развитием, а резким ростом цен на их продукцию в этот период. Доля отраслей потребительского спроса осталась почти постоянной. Легкая промышленность США проиграла не международную, а межотраслевую конкуренцию — не Китаю, а собственному финансовому сектору [9; 14]. По классической модели сравнительных преимуществ, перенос производства осуществляется из-за сравнительных, а не из-за абсолютных преимуществ Китая в конкретных отраслях промышленности. Этот процесс в значительной степени инициирован американскими экономическими субъектами и управляется ими, в первую очередь транснациональными корпорациями и особенно розничными сетями.

Структура промышленности США в 2000–2005 годах

602

География мирового развития

Тип	Отрасль	Доля в продажах на американском рынке, %		Доля в промышленном производстве, %	
		2000 год	2005 год	2000 год	2005 год
Тип 1. Отрасли абсолютного эффекта замещения	Производство изделий из кожи	0,2	0,1	0,2	0,2
	Производство одежды и аксессуаров	1,4	0,7	1,2	0,6
	Электроника	12,1	7,9	13,0	9,4
	Электротехника	3,0	2,4	3,0	2,5
Тип 1, всего		16,8	11,1	17,4	11,1
Тип 2. Отрасли относительного эффекта замещения	Металлообработка	3,7	4,3	3,6	4,0
	Производство пластмасс и синтетических смол	4,2	4,2	3,8	3,8
	Мебельная промышленность	1,8	1,8	1,5	1,5
Тип 2, всего		9,7	10,3	8,8	10,3
Тип 3. Сырьевые отрасли	Металлургия	6,4	6,1	5,6	5,4
	Первичная переработка полезных ископаемых	2,3	2,4	2,0	2,1
	Нефте-, газо- и угольная	5,6	10,1	4,8	8,6
Тип 3, всего		14,3	18,6	12,4	18,6

Выпуск I

603

Тип 4. Отрасли международной специализации США	Транспортное машиностроение	15,2	14,5	15,3	14,7
	Общее машиностроение	6,9	6,4	7,5	7,0
	Производство химикатов	10,7	12,8	10,8	12,5
Тип 4, всего		32,8	33,7	33,6	33,7
Тип 5. Отрасли потребительского спроса	Полиграфическая промышленность	2,5	2,1	2,1	1,8
	Целлюлозно-бумажная промышленность	3,9	3,4	3,5	3,1
	Пищевая промышленность	10,3	11,3	8,9	9,8
	Производство напитков и табачной продукции	2,7	2,6	2,2	2,2
	Деревобрабатывающая промышленность	2,2	2,4	1,9	2,0
		21,6	21,8	18,5	21,8
Тип 5, всего		2,7	3,0	7,4	6,7
Прочие отрасли					
Промышленность США в целом		100	100	100	100

Источники: [11; 12; 13].

Тренд снижения занятости в американской промышленности является безальтернативным на пути перехода на постиндустриальный тип развития [2; 14]. В США рабочая сила — слишком ограниченный и ценный ресурс, чтобы его использовать в низкотехнологичных отраслях. Эффект перетекания ресурсов между секторами экономики приводит к проявлению эффекта «созидательного разрушения», когда кризис неэффективных отраслей экономики стимулирует подъем более эффективных отраслей и способствует развитию американской экономики и промышленности.

Эффект замещения зависит главным образом от внутренних американских факторов. Внешние факторы многократно преобразуются национальной экономикой, усиливают и ускоряют естественные процессы ее перестройки. Поэтому корректно говорить не о влиянии Китая на развитие промышленности США, а о сопряженном с Китаем развитии американской промышленности, и не о причинно-следственных связях, а о взаимных корреляционных связях. При этом «китайский фактор» часто выступает как квинтэссенция внутренних американских процессов, вынесенный вовне инструмент перестройки структуры промышленности и экономики.

Влияние финансового кризиса и перспективы

Смена модели экономического развития, декларированная китайским руководством, если она произойдет, приведет к существенному сокращению темпов роста экспорта и изменению его структуры в направлении сокращения доли низкотехнологичных отраслей. В будущем рост торговли США с Китаем продолжится, хотя с конца 2007 года наметилась тенденция к его замедлению из-за начала финансового кризиса, а затем и вероятной рецессии в США. Кризис, по всей видимости, приведет к торможению потребления в США и соответственно сузит потенциал роста американского рынка для китайских производителей. Это может способствовать смягчению сложившего дисбаланса в торговле с США за счет опережающего роста внутреннего рынка Китая и соответственно американского экспорта в Китай.

Кризис будет стимулировать качественное развитие двусторонних внешнеэкономических отношений за счет взаимных инвестиций, развития корпоративных и финансовых связей, формирования единых производственных цепочек. С учетом ожидаемого замедления темпов роста торговли товарами развитие неторговых отношений — главный ресурс роста внешнеэкономических связей Китая с США в будущем. Китай уже стал источником не только товаров, но и капитала, и в будущем отношения с США приобретут более сложный и комплексный характер. Конвергенция моделей экономического развития

Китая и США будет способствовать выравниванию дисбалансов в мировой экономике, которые не могут далее сохраняться в условиях финансового и экономического кризиса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горкин А.П. Движущие и инерционные силы в размещении обрабатывающей промышленности США // Вопросы географии. 1987. Сб. 130. С. 91–110.
2. Котляров Н.Н. Экономические отношения КНР с США. М.: 2003.
3. Ahearne A., Fernald J., Loungani P., Schindler J. Flying Geese or Sitting Ducks: China's Impact on the Trading Fortunes of other Asian Economies. Washington, 2006.
4. Banister J. Manufacturing Employment and Compensation in China. Beijing, 2005.
5. Cooney S. China's Impact on the U.S. Automotive Industry. Congressional Research Service. Washington, 2006.
6. Cooney S. U.S. Furniture Manufacturing: Overview and Prospects. Congressional research service. Washington, 2006.
7. Lum T., Nanto D. China's Trade with the United States and the World. Congressional Research Service. Washington, 2007.
8. Morrison W, Labonte M., Makinen G. China-U.S. Trade Issues. Washington, 2007.
9. National retail federation. Trade partnership worldwide. Impact of imports from China on U.S. employment. Washington, 2005.
10. U.S. Census Bureau, US Bureau of Economic Analysis, US Department of commerce. U.S. International trade in goods and services. Annual revision for 2006. Washington, 2007.
11. U.S. Census Bureau. 1997 Census of Manufactures. Washington, 1999.
12. U.S. Census Bureau. 2002 Census of Manufactures. Washington, 2004.
13. U.S. Census Bureau. Annual Survey of Manufactures. Statistics for Industry Groups and Industries: 1994, 1995, 1996, 1998, 1999, 2000, 2001, 2003, 2004, 2005. Washington
14. U.S. Census Bureau. Benchmark Report For Manufacturers' Shipments, Inventories, and Orders: January 1992 Through December 2005. Washington, 2006.
15. U.S. Department of Commerce. U.S. Goods Trade: Imports & Exports by Related Parties: 2006. Washington, 2007.
16. William W. Manufacturing Productivity and the Shifting US, China, and Global Job Scenes—1990 to 2005. Clemson, 2005.
17. www.census.gov/foreign-trade/statistics/index.html. U.S. Census Bureau. Foreign Trade Statistics.
18. www.stats.gov.cn/english/ — National Bureau of Statistics of China.

География мирового развития. Выпуск 1: Сборник научных трудов /
Под ред. Л.М.Синцера. — М.: Институт географии РАН, 2009. —
606 с.